Леонид Сергеевич Васильев
История Востока. Том 1

История Востока – 1

Л.С. Васильев
История Востока

Предисловие

Двухтомник, предлагаемый вниманию читателя, – это дополненный и переработанный курс лекций, читавшийся на протяжении многих лет студентам-востоковедам МГИМО и ИСАА при МГУ. В том, что при издании учебника курс лекций подлежит серьезной переработке, нет ничего удивительного. Так всегда было и всегда будет. Важнее обратить внимание на то, что этот курс существенно дополнен, в результате чего вместо лекций по древнему и средневековому Востоку – историческому периоду, в пределах которого (более древности, нежели средневековья) автор мог бы ощущать себя достаточно компетентным специалистом, – появился учебник по истории Востока с ее начала и до сегодняшнего дня. Все произошло далеко не случайно. Во-первых, на рубеже 80–90-х годов XX в. в нашей стране, переживавшей бурные дни революционных перемен, стал остро ощущаться дефицит учебников по истории. Разумеется, учебников в принципе хватало, их было даже в избытке. Но беда в том, что все они безнадежно устарели, ибо были написаны под жестким воздействием марксистской идеологической схемы, хорошо известной каждому из пособий по истмату. Возникла объективная потребность в новом поколении учебников, которые были бы свободны от предвзятых суждений и соответствовали бы как современному уровню развития мировой исторической науки, так и уже давно достигнутому в мире высокому стандарту историософского осмысления истории. Во-вторых, разрабатывавшаяся автором данного учебника еще в 60–80-х

годах весьма спорная, с точки зрения марксистских ортодоксов того времени, схема истории Востока, которая для противостояния привычным истматовским стандартам должна была опираться на самого Маркса (имеется в виду концепция так называемого «азиатского» способа производства), еще в то время настоятельно требовала внимания не только к древности и средневековью, но и ко всей истории Востока, столь отличного по многим параметрам от Запада. Наконец, в-третьих (соединив «во-первых» и «во-вторых»), стало очевидным, что сегодняшний читатель нуждается именно в цельной историософской концепции исторического процесса, которая годилась бы как для понимания глубокой древности, так и для оценки событий на современном Востоке, и что для обоснования такого рода концепции необходимо дополнить материалы древности и средневековья рассмотрением исторического процесса и многочисленных проблем более позднего времени.

Двухтомник предлагает прежде всего авторскую концепцию, т. е. одну из возможных трактовок истории Востока, места Востока, можно сказать и шире, всего неевропейского мира, во всемирной истории. Авторское начало в нем, как увидят читатели, весьма заметно, что, впрочем, никак не исключает того факта, что многие элементы концепции были взяты у различных специалистов и мыслителей-теоретиков. Главной целью было собрать все работающие элементы разных теорий в некую единую внутренне непротиворечивую систему, вычленить в заново созданной системе ее системообразующий стержень и на конкретном материале всей истории Востока, включая и Африку, проверить работоспособность концепции. Собственно, именно это, прежде всего и побудило автора вторгнуться в сферу знаний, где он не может считать себя специалистом. Естественно, что это повлекло за собой необходимость в достаточной степени овладеть теми знаниями (речь о колониальном и постколониальном Востоке), о которых, было упомянуто.

Несколько слов об источниках, откуда черпались материалы, фактические данные. Они в общем-то хорошо известны и общедоступны. Это, прежде всего, сводные труды, начиная с капитальной многотомной Всемирной истории и кончая обычными вузовскими учебниками разных поколений. Использовались также наиболее важные монографические исследования, различные энциклопедии, а также многочисленные хрестоматии, учебные пособия, журнальные статьи, обзоры в справочно-библиографических изданиях и т. п. Работ подобного рода великое множество, так что главным было не потонуть в содержащемся в них материале и отобрать из него наиболее достоверные и репрезентативные факты, описания и суждения. Разумеется, даже при самом тщательном отборе, включая проверку отобранного, в корпус двухтомника могли вкрасться неточности и ошибки – автор заранее просит за них прощения у читателя, ибо хорошо понимает, что несет ответственность и за чужие ошибки, если они воспроизведены в его работе.

Чтобы свести количество ошибок к минимуму, были проведены обсуждения тех частей книги, которые выходили ранее отдельными малотиражными изданиями в качестве учебных пособий для студентов МГИМО («Курс лекций по древнему Востоку: Средний и Дальний Восток», 1984; «Курс лекций по древнему Востоку: Ближний Восток», 1985; «Курс лекций по средневековому Востоку»,1988). Кроме того, отдельные части

настоящего издания и все оно целиком рецензировались многими специалистами, которым автор глубоко благодарен за их замечания. Здесь уместно сказать, что в некоторых отзывах подвергались критике и определенные элементы авторской концепции, что следует считать вполне естественным: слишком много сложных проблем поднято и очень многие из них решаются иначе, подчас совсем не так, как это было принято и считалось нормальным до недавнего времени. Разумеется, авторская концепция, о которой уже упоминалось, остается именно авторской и ни в коей мере не претендует на непогрешимость, что обычно считалось обязательным еще совсем недавно, особенно если речь шла об учебниках по истории. Иными словами, читателю предлагается история Востока в том разрезе, в каком она видится автору учебника, – другие, вполне возможно, увидят ее иначе и будут иметь естественное право опубликовать свой вариант той же истории. Это и должно быть нормой, к которой мы пока еще не привыкли (думается, находимся на пути к ней).

В заключение автор хотел бы выразить признательность директору ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова (в прошлом заведующему кафедрой истории Востока МГИМО) А. В. Меликсетову, по чьей инициативе он несколько лет тому назад взялся за работу над общим курсом по истории Востока.

Вводная часть
Сущность проблематики

Глава 1
Феномен Востока: история изучения и современные проблемы

Интерес к Востоку в наши дни огромен и, видимо, будет возрастать. Интерес этот всесторонен и всеобъемлющ: история и культура, общество и государство, человек и религия (боги и люди), наконец, древние первоосновы великих цивилизаций Востока – все это ныне в центре внимания как самих жителей стран Востока, стремящихся к самопознанию и самоидентификации, к открытию фундаментальных основ собственного бытия, так и тем более представителей иной, западной, европейской традиции, чьи генеральные параметры столь отличны от восточных. Такого рода всеобщий интерес далеко не случаен: конец XX в. с его нависшими над планетой мрачно-апокалиптическими тучами побуждает многих всерьез заинтересоваться как экзистенциальными проблемами (что пробуждает активное внимание к мистике, а здесь бесспорный приоритет за древними культурами и религиями Востока), так и поисками корней, первоистоков. Кроме того, многое в современном мире вплотную связано с Востоком – достаточно напомнить о феномене развивающихся стран с их острейшими экономическими, демографическими и социокультурными проблемами, пути решения которых пока далеко еще не найдены. Как и когда эти проблемы будут решены, каковы пути, ведущие к их решению, – все это волнует и не может не волновать мир, подавляющее большинство населения которого, все возрастающее как абсолютно, так и относительно, живет именно в развивающихся странах, в первую очередь в странах Востока.

Что такое Восток?

Что же это такое – Восток? Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Речь идет не о географическом понятии – скорее об историко-культурном, социополитическом, цивилизационном… Речь идет о гигантской всечеловеческой цельности, пусть в чем-то весьма неоднородной и противоречивой, но все же почти монолитно цельной в своей глубинной основе – той самой основе, которая, собственно, и породила в свое время дихотомию Восток – Запад. Но как возникла эта дихотомия и что в конечном счете ее породило?

Как известно, история начинается именно на Востоке. В плодородные долины и предгорья Ближнего Востока уходят своими корнями древнейшие очаги мировой цивилизации. Именно здесь возникали и приобретали устойчивые формы древнейшие социальные и политические институты, совокупность которых определила очертания наиболее ранних модификаций человеческого общества, а затем и государства. Недаром древние римляне, цивилизация которых во многом была дочерней по отношению к ближневосточной, с уважением говорили: «Ex Oriente lux» («Свет с Востока»).

Ближневосточно-средиземноморские земли, узким перешейком соединяющие Африку с Евразией, на протяжении многих сотен тысячелетий были тем естественным мостом-перекрестком, по которому перемещались, встречаясь и смешиваясь друг с другом, древнейшие популяции гоминид (предлюдей), архантропы и палеоантропы. Смешение таких популяций и связанная с этим метисация резко ускорили процесс трансформации гоминид, сыграв существенную роль в подготовке тех благоприятных мутаций, которые привели в конечном счете к возникновению именно в этом районе мира человека современного типа – Homo sapiens. И хотя специалисты расходятся во мнениях по вопросу о том, была ли ближневосточная зона сапиентации единственной, есть веские основания полагать, что именно здесь около сорока тысячелетий назад появились первые сапиентные люди, миграция которых в различные районы ойкумены с вытеснением из них обитавших там досапиентных гоминид и с метисацией с этими последними послужила основой для появления в различных районах земного шара многочисленных расовых типов.

Первые сапиентные неоантропы были в основном охотниками и собирателями и перемещались вслед за служившими им пищей животными, зоны обитания которых изменялись в зависимости от колебаний в климате, от вызывавшихся геологическими катаклизмами ледниковых периодов. Наиболее благоприятной для существования зоной при этом по-прежнему оставалась ближневосточно-средиземноморская; именно здесь 10–12 тысячелетий назад начался переход от палеолита (древнекаменного века) к неолиту. Суть перехода сводилась к постепенному оседанию коллективов бродячих охотников и собирателей в обильных растительностью и дичью лесостепных районах ближневосточных предгорий (Палестина, Анатолия, Загрос и др.). Осевшие здесь группы вначале лишь охотились за обитавшими в горах мелкими животными и собирали дикорастущие растения, особенно злаки. Позже они нашли способ приручить животных и одомашнить некоторые растения, что положило начало скотоводству и земледелию.

Совершенный на рубеже палеолита и неолита переход от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) к производящему, т. е. к регулярному производству пищи, получил в науке наименование неолитической революции (иногда ее именуют также аграрной революцией – термин менее удачный из-за невозможности избежать лишних совпадений и ассоциаций). Этот переход действительно сыграл поистине революционную роль в истории человечества, так что в смысле открывшихся перед людьми новых возможностей и перспектив он может быть поставлен в один ряд с промышленным переворотом раннего европейского капитализма и современной НТР. Суть его в том, что оседлый быт с гарантированной пищей способствовал резкому ускорению дальнейшего развития производства и культуры, что, в свою очередь, привело к расцвету жилищного и хозяйственного строительства, производству разнообразного и высококачественного каменного инвентаря (неолитические орудия), керамических сосудов для хранения и приготовления пищи, а также к изобретению прядения и ткачества с последующим изготовлением различных одежд. Однако для истории наибольшее значение имеют те следствия, причиной которых была революция в производстве. Среди них следует обратить внимание на два главных и наиболее важных.

Во-первых, новые условия оседлой и обеспеченной пищей жизни земледельцев сыграли важную роль в кардинальном изменении всего образа жизни человека, приобретшего благоприятные возможности для гарантированного стабильного существования. Увеличение рождаемости (рост фертильности женщин) и выживаемости детей в новых условиях привело к резкому росту темпов прироста населения, за счет чего заметно усилился процесс миграции и распространения вширь достижений земледельческого неолита: спорадически расселявшееся за пределы родного поселка избыточное население быстро осваивало новые пригодные для земледелия территории – сначала в районе плодородных речных долин Ближнего Востока, затем в других землях, включая Северную Африку, европейское Средиземноморье, Иран и Среднюю Азию, Индию и Китай. При этом новые дочерние поселения, как правило, сохраняли выработанный уже ранними земледельцами генеральный стереотип существования, включая социально-семейную и общинно-родовую организацию, мифологию, ритуалы, производственные навыки и технологию и т. п. Разумеется, со временем и в зависимости от обстоятельств на новых местах обитания все это подвергалось определенной трансформации и обогащалось новыми элементами культуры.

Во-вторых, производственный потенциал земледельческого неолита оказался столь значительным, что уже на ранних этапах существования земледельческих общин – особенно тех из них, которые располагались в наиболее плодородных районах речных долин, в оптимальных экологических условиях ближневосточной зоны, – появилась объективная возможность создания избыточного продукта, за счет которого можно было содержать освобожденных от производства пищи людей, исполнявших различные административные функции. Иными словами, именно на основе появившихся в результате неолитической революции производственных возможностей и возникли в конечном счете древнейшие очаги урбанистической цивилизации со свойственными им надобщинными социальными структурами и ранними формами

политической администрации.

Итак, история человека, его производящего хозяйства, культуры, равно как и история в полном смысле этого слова, т. е. история человеческой цивилизации, – все это восходит к неолитической революции, имевшей место в ближневосточной зоне около 10 тысячелетий назад, не говоря уже о том, что в той же зоне сложился и сам сапиентный человек. Вот уж поистине Ex Oriente lux! К этому стоит добавить, что на базе производственных возможностей земледельческого неолита возникли первые известные науке протогосударственные структуры, подавляющее большинство которых существовало опять-таки на Востоке, причем не только Ближнем.

Важно заметить, что до эпохи античности такого же типа протогосударства были и на территории Европы, в частности в Греции, начиная с микенского периода ее истории. Едва ли есть основания для сомнений в ближневосточных истоках раннеевропейской земледельческой культуры, равно как и параметров ее предантичной государственности. Для доантичной Греции, предстающей перед миром наиболее ярко со страниц гомеровского эпоса, характерны были примерно те же отношения, что существовали и в иных ранних протогосударствах, в частности восточных: господствовали общинные связи, существовали мелкие правители-вожди (базилевсы и др.), тогда как частнособственнические отношения были еще неразвитыми. Иное дело – времена античности. Собственно, именно с возникновения во второй трети I тысячелетия до н. э. античной Греции и берет начало дихотомия Восток – Запад, ибо именно с этого времени греки стали ощущать и фиксировать весьма заметные отличия своего образа жизни от образа жизни соседних с ними цивилизованных народов Востока, не говоря уже о нецивилизованных «варварах». К чему же сводились эти отличия?

Европа и Восток: две структуры, два пути развития

Сложившись на местной «гомеровской» основе, но заимствовав кое-что и извне (в частности, ориентируясь на финикийский эталон), античное общество сформировалось прежде всего на базе развитых торговых связей и средиземноморского мореплавания. То и другое, вкупе с благоприятными географическими условиями, сыграло, видимо, свою роль в архаической революции, приведшей к преобразованию доантичной (в принципе близкой к типичной древневосточной) структуры в кардинально отличную от нее античную. Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую смело можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам. Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слаборазвитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н. э.) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в

мире. Господство частной собственности вызвало к жизни свойственные ей и обслуживавшие ее нужды политические, правовые и иные институты – систему демократического самоуправления с правом и обязанностью каждого полноправного гражданина, члена полиса, принимать участие в общественных делах (римский термин res publica как раз и означает «общественное дело»), в управлении полисом; систему частноправовых гарантий с защитой интересов каждого гражданина, с признанием его личного достоинства, прав и свобод, а также систему социокультурных принципов, способствовавших расцвету личности, развитию творческих потенций индивида, не говоря уже о его энергии, инициативе, предприимчивости и т. п. Словом, в античном мире были заложены основы так называемого гражданского общества, послужившего идейно-институциональным фундаментом быстрого развития античной рыночно-частнособственнической структуры. Всем этим античное общество стало принципиально отличаться от всех других, прежде всего восточных, включая и финикийское, где ничего похожего, во всяком случае в сколько-нибудь заметном объеме, никогда не было.

Итак, начиная с античной Греции, в цивилизованном мире возникли две разные социальные структуры – европейская и неевропейская, причем вторая (по времени появления – первая) была представлена многими вариантами, различавшимися в разных районах мира, но принципиально сходными, однотипными в главном: ей не были знакомы ни господствующая роль частной собственности, ни античное «гражданское общество». Но так ли уж это важно? Не следует ли считать античную Грецию лишь несколько отличной от других модификаций единого общего пути, как на том подчас настаивают специалисты?

Здесь важно заметить, что речь идет не только о разных типах социальной структуры. Гораздо важнее с точки зрения исторического процесса много более важным результатом происшедшей в древнегреческом обществе революции-мутации было то, что античная структура пошла иным путем развития, чем все остальные. Путем более быстрым, динамичным и результативным. Именно на основе греческой античности были достигнуты в Древнем Риме впечатляющие успехи в области экономики, политической администрации, культуры. И когда наступила эпоха длительного кризиса, связанного с падением Рима и варварскими завоеваниями, что затем привело, как известно, к появлению средневекового феодализма, отнюдь не все эти достижения остались втуне. Как раз напротив: пройдя через полосу кризиса, на что ушло несколько долгих веков, средневековая Европа начала быстро и энергично возрождать античные нормы, принципы и институты (вспомним торговые республики типа Венеции или Генуи, города в средневековой Европе со всеми их привилегиями и нормами самоуправления в период господства феодальных порядков), чем была заложена социально-экономическая основа эпохи Возрождения, которая, в свою очередь, означала создание условий для быстрого и энергичного восстановления некоторых античных порядков, элементов античной структуры. И именно последовавшее вскоре за этим, после Великих географических открытий, первоначальное накопление капитала создало материальную базу для вызревания в Европе капитализма. Капитализм в этом смысле – детище европейского города и эпохи Возрождения, прямой наследник античности (а не феодализма, как то подчас по инерции кое-кто себе представляет).

Итак, европейский путь развития – это чередование структурных модификаций (античная, феодальная, капиталистическая), при которых частнособственническая активность, хотя временами, в первые века феодализма, и отступавшая, в конечном счете была ведущей и структурообразующей. Именно господство частной собственности, огражденное системой соответствующих политических, правовых и социокультурных институтов, породило капитализм и тем заложило основу бурного экономического развития не только Европы, но и всего остального мира. Без господства частнособственнических отношений капитализм не мог возникнуть – и в этом принципиальное отличие исторического пути всех неевропейских обществ от европейского, по крайней мере до эпохи колониализма, когда неевропейские страны одна за другой были втянуты капиталистической Европой в единое мировое рыночное хозяйство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так каким же в свете сказанного следует считать путь развития неевропейских стран? И что же следует в этой связи считать Востоком?

Если одна структура ведет к капиталистическому развитию в силу заложенных в ней потенций эволюции, а другая, отличная от нее, в силу тех же обстоятельств (иные потенции) к капитализму привести не может, то это и создает не просто несходство структур и путей развития, а как раз ту самую дихотомию, о которой уже упоминалось. Иными словами, противостояние Восток – Запад при этом возрастает до уровня Символа. И с этой точки зрения Восток уже не просто географический Восток, как его воспринимали античные греки и римляне, но в некотором смысле иной мир, основанный на иных порядках, что, впрочем, тоже было хорошо известно уже древним грекам – достаточно вспомнить их отношение к персам в период длительных греко-персидских войн, подробно описанных, в частности, Геродотом.

Таким образом, с античности уже была известна разница между европейским античным обществом и неевропейским миром, олицетворенным в то время хорошо известным грекам Востоком, будь то Египет, Вавилон или Персия. Заслуживает внимания, что эту разницу, впоследствии заложившую основы востоковедения, ощущали и анализировали именно европейцы, античные греки и их наследники, порвавшие с традиционной восточного типа структурой и обитавшие в рамках новой, принципиально иной структуры, но не жители стран Востока, культура которых в те времена, да и позже, не была заметно ниже европейской, нередко бывала равна ей, а порой кое в чем и превосходила ее. И хотя эта формула не абсолютна (известно, что питавшая пристрастие к историописанию китайская традиция стремилась дать характеристику далеких народов, даже европейских, но она при этом обычно не выходила за рамки скупого описания), факт остается фактом: анализ разницы между европейским и неевропейским обществами первыми дали и впоследствии стремились углубить именно европейцы, что и легло со временем, как упоминалось, в фундамент современного востоковедения.

История изучения Востока

Возникший в годы греко-персидских войн активный интерес к восточным обществам отнюдь не был первоначальным импульсом такого

рода. Напротив, греки с глубокой древности контактировали с Египтом и другими ближневосточными государствами и немало от них заимствовали и в сфере экономики (транзитная торговля и мореплавание), и в области политики (реформы Солона), и в сфере мудрости, знаний, философии и т. п. Уже в «Политике» Аристотеля среди прочих форм государственной власти была особо вычленена тирания, определенная как «деспотическая монархия». И хотя это был в основном абстрактный анализ форм власти, а тирания как таковая была хорошо известна и самим грекам, идея о деспотии отчетливо ассоциировалась прежде всего с Востоком, в частности с персидской династией Ахеменидов. Изданные в XIII в. в средневековой Европе сочинения Аристотеля способствовали распространению понятия «деспотия» в политической мысли того времени, причем характерно, что, хотя в самой Европе эпохи феодализма хватало примеров деспотического правления, там это воспринималось в качестве некоего отклонения от нормы – отклонения, заслуживающего осуждения. Иное дело – Восток. Уже в XIV в. в европейской мысли была сформулирована концепция «азиатского деспотизма», которая тесно связывалась с отсутствием частной собственности и правовых гарантий личности, а по меньшей мере с XVI в. символом такого рода структуры стала считаться Османская империя с характерными для нее абсолютной властью султана и произволом администрации.

Начиная с XVII в. в раннекапиталистической Европе резко возрос интерес к странам Востока. В многочисленных книгах, принадлежавших перу миссионеров, путешественников, торговцев, а затем и специалистов-востоковедов, все чаще обращалось внимание на специфику социальной, экономической и политической структуры этих чуждых привычному европейскому стандарту стран. Если не говорить о различиях религиозно-культурного порядка, которые бросались в глаза каждому при самом беглом взгляде на мусульманский, индо-буддийский или китайско-конфуцианский Восток, то в книгах, о которых идет речь, делался акцент прежде всего на силу и эффективность центральной власти, абсолютное преобладание государственной собственности при второстепенной роли частной, на раболепие низших перед высшими, а также на общую застойность и косность, близкий к неподвижности ритм жизни, столь разительно несхожий с динамизмом раннекапиталистической Европы. Среди этих работ были и весьма серьезные, как, например, исследование о государстве Великих Моголов, написанное Ф. Бернье, на протяжении многих лет бывшим придворным врачом падишаха Аурангзеба. Написанная на основе личных впечатлений, эта книга давала достаточно хорошее представление о характере индийского общества, причем автор обратил особое внимание на преобладание государственной и отсутствие частной собственности в Индии времен Великих Моголов.

По мере накопления материала картина восточных обществ становилась более сложной: наряду с застойностью вырисовывалась стабильность, с косностью – строгий моральный стандарт, с произволом – ограничивавшие его социальные, прежде всего общинные институты. Анализ всех этих сведений привел к тому, что уже в XVIII в. мнения о Востоке стали весьма разноречивы: одни подвергали восточные порядки резкой критике (Ш. Л. Монтескье, Д. Дефо), тогда как другие склонны были их воспевать (Вольтер, Ф. Кенэ). Эти противоречия заслуживают внимания, но они не меняют того общего и главного, что лежало в основе

восприятия восточных обществ в Европе практически всеми: структурно это был иной мир, другой путь развития, причем именно эту разницу и следовало изучить, понять и объяснить.

Собственно, в этом и заключался конечный смысл той гигантской работы, которая была вслед за тем проделана несколькими поколениями европейских востоковедов, терпеливо вскрывавших один за другим пласты истории и культуры обществ Востока, включая давно исчезнувшие и забытые. Этой работе помогли археологи, обнаружившие не только развалины древних поселений, но также и целые архивы древних надписей. Несколько поколений ученых лингвистов расшифровывали эти надписи, время от времени, подобно великому египтологу Ж. Ф. Шампольону, открывая для науки письмена того или иного из древних народов. Немалое значение имели и полевые обследования антропологов, чье близкое знакомство с многими отсталыми племенами Африки, Америки, Австралии, Океании и некоторых других районов мира, прежде всего отдаленных и изолированных, позволяло сопоставить полученные ими данные с материалами о древних культурах, об исчезнувших народах.

Несколько позже свой весомый вклад в анализ накопленных знаний о Востоке стали вносить политэкономы и философы. Знаменитый А. Смит, объяснивший разницу между рентой собственника и налогом государства, обратил внимание на отсутствие на Востоке различий между этими политэкономическими категориями и пришел к выводу, что там суверен относится к земле одновременно как собственник и как субъект власти. Свой вклад в анализ восточных обществ внесли на рубеже XVIII–XIX вв. философские труды Гегеля, лучше других вскрывшего основы восточного деспотизма, полнее и глубже своих предшественников проанализировавшего структуру азиатских обществ, обратившего внимание на механизм власти и феномен всеобщего бесправия, на высшие регулирующе-контролирующие функции государства и всей системы администрации в разных районах Азии, вплоть до Китая.

Складывавшееся параллельно с философским осмыслением проблемы европейское востоковедение, а также иные науки, стремившиеся осмыслить накопленные им данные, – философия, политэкономия, социология, антропология, культурология, историософия и др. – на протяжении XIX и тем более XX вв. достигли немалого. Были не только хорошо изучены современные народы Востока, включая их религию, культуру, историю, экономические связи, социальную структуру, формы администрации, налогообложения, организации военного дела и т. д., но и многое сделано для изучения давно исчезнувших восточных народов и государств. Все эти материалы были собраны воедино, подвергнуты сравнительному анализу, причем достигнутые результаты были сопоставлены с материалами полевых обследований антропологов. Полученные сведения специалисты в свою очередь сравнивали с аналогичными сведениями из истории европейских стран и народов. Словом, сделано было немало. Вопрос теперь сводился к тому, чтобы умело и наиболее близко к реалиям интерпретировать весь гигантский материал и создать своего рода генеральную сводку, которая сумела бы непротиворечиво охватить и объяснить все, историю всех народов мира, с древности до сегодняшнего дня.

Факт и его интерпретация – основы, на которых стоит наука, причем одно зависит от другого: накопление определенного количества фактов неудержимо и властно требует их интерпретации; интерпретация

позволяет лучше усваивать новые факты, вписывающиеся в созданную схему. Здесь есть своя логика и своя динамика: факты постоянно прибавляются; возрастающая сумма все более разнообразных, порой противоречащих друг другу фактов рано или поздно неизбежно приходит в противоречие с ранее сложившейся схемой и требует ее трансформации, иногда принятия иной схемы, в рамках которой можно дать новую непротиворечивую интерпретацию увеличившейся суммы разнообразных данных. По-новому трактуются свежие и старые факты, учитываются разночтения и отклонения, с тем чтобы все это на некоторое время стало основой для дальнейшего накопления и осмысления последующих данных... Приведенный элементарный эвристический алгоритм едва ли нуждается в развернутой аргументации: описание его говорит само за себя. В общую схему вписывается и история, в том числе история Востока.

В мировой науке создано несколько концепций, авторы которых ставят своей целью дать сводно-обобщающий анализ всемирной истории, включая историю Востока. Одна из наиболее ярких срединих – это концепция локальных цивилизаций английского историка А. Тойнби, смысл которой в том, что едва ли не каждая из вычлененных автором (в разных вариантах) двух-трех десятков цивилизаций, древних и современных, не только уникальна и неповторима, но и ценна сама по себе. Развиваясь по принципиально общим для всех законам, она возникает, развивается, приходит в упадок и в конце концов погибает. Несовершенство этой концепции не столько в том, что цивилизации вычленяются Тойнби чаще всего по религиозному признаку, и даже не в том, что они все в конечном счете признаются равными друг другу в своей уникальной для человечества в целом самоценности. Здесь можно спорить, и аргументы Тойнби отвергнуть не так-то просто. Главная слабость этой концепции в том, что в ней смазана динамика всемирно-исторического процесса.

В этом смысле предпочтительнее концепция немецкого социолога М. Вебера. Всю свою незаурядную энергию глубокого исследователя и умного аналитика Вебер направил на то, чтобы, тщательно изучив одну за другой восточные культуры – исламскую, иудейскую, индийскую, китайскую, – вскрыть те причины, которые препятствовали Востоку развиваться столь динамично, как-то было в Европе. Как известно, едва ли не важнейшую причину того, что в Европе сложился капитализм, Вебер видел в духе протестантизма, в протестантской этике, описанию которой он посвятил одну из главных своих работ. Но именно в этом уязвимость его концепции. Дело не в том, что протестантская этика не сыграла своей важной, в некотором смысле решающей роли в процессе генезиса европейского капитализма, на чем настаивает Вебер. Имеется в виду нечто иное: европейский путь развития, как о том уже шла речь, по меньшей мере с античности имел потенции для капиталистического типа хозяйства, основанного на господстве, а затем и на гипертрофии частной собственности; протестантская же этика могла лишь помочь реализовать упомянутые потенции. Но все это было в Европе. Вне Европы не было ни потенций, ни протестантской этики. И в этом смысле проделанный Вебером анализ восточных структур сохраняет свое значение и в наши дни: в соответствующих книгах достаточно убедительно показано принципиальное отличие всех восточных структур от европейской.

Есть и иные концепции, авторы которых – о марксистах пока речи нет

– стремятся дать сводно-обобщающий анализ всемирно-исторического процесса. Но эти концепции не только менее известны и оригинальны, чем сделанное Тойнби или Вебером, но обычно также и менее озабочены тем, чтобы дать цельное изложение самого процесса. В ряде случаев его замещает многотомное описание всемирной истории, как это видно, например, в известной серии «Кембриджской истории». Между тем реалии XX в. и особенно политические события второй половины этого века настоятельно требуют именно обобщающей концепции всемирной истории. Требование, о котором идет речь, объективно связано с феноменом развивающихся стран, большая часть которых – освободившиеся от колониальной зависимости и добившиеся самостоятельности страны Востока. Что представляют собой эти страны и каковы перспективы их развития – этим вопросом сегодня в мире озабочены многие.

Феномен развивающихся стран и традиционный Восток

Изучению развивающегося мира посвящено множество специальных работ и немало сводно-обобщающих трудов, авторы которых стремились понять и объяснить этот феномен. Можно заметить и определенную тенденцию в интерпретации связанных с ним проблем, эта тенденция долгие годы была почти одинакова как для марксистской, так и немарксистской историографии. Суть ее в том, что если на раннем этапе изучения проблем, в середине нашего века, многое казалось достаточно простым и легко прогнозируемым[1], то позже наступило время пересмотра первоначальных позиций. Стало ясно, что проблемы много сложнее, нежели то казалось раньше, и что не все страны развивающегося мира вдут в том направлении, как то вначале считалось чуть ли не само собой разумеющимся. Еще позже, особенно наглядно после иранской революции 1978–1979 гг., специалистам стало очевидно, что и проделанный уже пересмотр прежних позиций недостаточен. Мало сказать, что многие страны развивающегося мира не догоняют передовые, если даже не отстают от них еще больше. Мало зафиксировать, что развитие ряда стран современного Востока идет весьма своеобразно, во всяком случае никак не классическим путем к капитализму[2]. Нужно теперь говорить и о том, что по меньшей мере часть развивающегося мира просто не хочет, а то и не может идти в том направлении, какое ранее считалось едва ли не обязательным для всех. Но почему же так? И как все это понимать?! Причин здесь много, еще больше сложных проблем – достаточно напомнить хотя бы о нарушившемся в развивающихся странах демографическом балансе, результатом чего является все убыстряющийся рост нищеты, необеспеченности, детской смертности и, как следствие всего этого, отсталости. И хотя эта отсталость оттеняется некоторыми внешне бросающимися в глаза экономическими успехами, олицетворенными

1 Прогнозы обычно сводились к тому, что с помощью извне развивающиеся страны сравнительно быстро преодолеют отставание и станут практически равными развитым государствам, разве что сохранив при этом некоторую национальную специфику

2 Проблема поисков альтернативного развития, и в частности экспериментов в марксистско-социалистическом духе, заслуживает особого разговора

этажами высотных зданий в столицах и обилием автомобилей и радиоэлектроники в быту зажиточных слоев населения, нельзя забывать, что подчас все это практически не заработано, а взято в долг, т. е. построено за счет займов, а то и чужими руками. И если некоторые из стран, богатых ресурсами, нефтью, оказались в выгодном положении и сумели стать не должниками, а кредиторами, значит ли это, что для них проблемы развития решены, даже если построена (опять-таки чужими руками, хотя и за свои деньги) современная промышленная база?

Перечень подобных вопросов легко продолжить, причем все они свидетельствуют о существовании острых, болезненных и пока еще нерешенных проблемах. Но в чем же в конечном счете корень всех этих проблем? Почему в богатых арабских странах не все бедуины торопятся переселяться в небоскребы, предпочитая им своих верблюдов в бескрайних песках Аравийской пустыни? Почему в Иране цвет грамотной молодежи, студенты, так охотно помогли своим муллам установить в стране режим средневековой теократии? Почему во многих африканских и азиатских странах столь непропорционально большую для «нормального» капиталистического развития долю экономики берет под свой контроль государство, централизованный бюрократический аппарат, со всеми вытекающими из этого негативными для развития страны последствиями (коррупция, незаинтересованность в рентабельности и модернизации предприятий, экономическая неэффективность и т. п.)?

Почему, почему, почему?.. Нет никаких сомнений в том, что ответ в первую очередь следует искать в самой традиционной структуре неевропейских обществ – той самой, которая со времен античности стала резко, принципиально отличаться от европейской, где все было поставлено на службу частной собственности и собственникам и где за долгие века развития были созданы почти идеальные условия для динамичной эволюции с ее все ускорявшимися темпами. Конечно, неевропейский мир, будучи взломан европейским колониальным капиталом уже в XVI в., на протяжении ряда последних веков вынужден был приспосабливаться к изменившимся условиям, следствием чего была некоторая трансформация его традиционной структуры. Иными словами, в неевропейских обществах возникали и понемногу утверждались те условия, которые в капиталистической Европе столь способствовали прогрессу. Тем самым колониальные страны как бы приближались к европейским стандартам, причем в силу необходимости проделывали это весьма быстрыми темпами – обстоятельство, способствовавшее созданию упоминавшейся уже иллюзии, что еще совсем немного – и неевропейский мир догонит капиталистический Запад. Однако во второй половине нашего века события, как о том шла речь, стали развиваться иначе. Что же случилось?

Случилось то, что европейские специалисты недооценили потенциал традиционной неевропейской структуры. Иллюзия ускорявшегося сближения, темпы которого достигли кульминации на рубеже XIX–XX вв., особенно в годы так называемого пробуждения Азии, скрыла реальную силу этого потенциала, который в то время был подорван общей для всего неевропейского мира кризисной ситуацией и не мог оправиться от энергичного давления вестернизации в экономике, культуре и иных сферах жизни. Это ослабление – более кажущееся, чем действительное, скорее внешнее, нежели глубинно-внутреннее, – рождало иллюзию быстрого и неизбежного крушения традиционных структур. Однако

традиции оказались достаточно сильны, а более близкое знакомство с европейской культурой и свойственными ей материальными ценностями и ставкой на материальный успех в качестве ее генеральной установки тоже сыграло свою негативную роль в деле ослабления темпов вестернизации и способствовало усилению внимания к собственным фундаментальным религиозно-культурным ценностям и традициям, лежавшим в основе великих цивилизаций Востока. Этот феномен с особой силой проявил себя тогда, когда неевропейские страны обрели независимость и вплотную встали перед нелегкой проблемой выбора пути.

Вопрос о выборе пути всегда нелегок. Конечно, хотелось бы жить так, как живут на Западе, и иметь все то, что имеют развитые страны. Но по силам ли это развивающимся странам? И как, какими силами и средствами, какой ценой добиться этого?

Словом, развивающийся мир оказался перед нелегкой дилеммой: идти далее тем же путем и практически с теми же результатами, что и прежде, или резко изменить многие установки?

Разные страны Востока решали эту дилемму различно. Каждая делала свой выбор, выбирала собственный путь. Но кое-что при этом зависело и от объективных обстоятельств. И здесь важно ввести в анализ еще один важный фактор – момент культурной традиции, той великой цивилизации, в рамках которой исторически существовало данное общество.

Такого рода цивилизаций немного. Из числа активно функционирующих в наши дни и во многом определявших культурные традиции на протяжении многих веков, а то и тысячелетий необходимо назвать арабо-исламскую, индо-буддийскую, китайско-конфуцианскую. Можно упомянуть также латиноамериканскую и, с некоторыми оговорками относительно отсутствия внутренней цельности и единого для всех религиозного начала, африканскую. Конечно, в рамках каждой из этих цивилизаций есть немало внутренних различий, особенно в уровне развития, образе жизни, но при всем том каждая из перечисленных цивилизаций за долгие века и тысячелетия своего существования создала немало общего и цельного, свойственного только тем народам, культурам и традициям, которые формировались и существовали под воздействием этих цивилизаций и определявших их параметры религиозных доктрин.

Современная практика показывает, что наиболее удачно адаптировались в современном мире страны дальневосточной конфуцианской цивилизации во главе с Японией, которая продемонстрировала необычайные для остального неевропейского мира потенции – не столько глубинно-внутренние, сколько из сферы умения заимствовать, отбирать заимствованное и оптимально его использовать. Под влиянием Японии немалых успехов достигли и некоторые другие страны этого региона, включая и Китай, демонстрирующий в наши дни завидные успехи в развитии, особенно после радикальных реформ внутренней структуры. Совсем иначе обстоят дела, скажем, в странах Африки. Немалые проблемы возникли перед странами исламского мира, индо-буддийской цивилизации, а также перед народами Латинской Америки. Есть в этих проблемах много общего, характерного для всего современного развивающегося неевропейского мира, но немало и различий, восходящих к цивилизационным основам каждого из регионов.

Все это не ускользнуло от внимания специалистов, особенно после

иранской революции, когда стали много писать о феномене фундаментализма и самоидентификации, т. е. о стремлении развивающихся стран ориентироваться более на собственные цивилизационные и религиозно-культурные истоки, нежели на вестернизованные обезличенные эталоны развития. Появились новые концепции, авторы которых стремились объяснить современные процессы и ближайшие перспективы развивающегося мира с новых теоретических позиций, например с позиций теории синтеза, суть которой сводится к своего рода конвергенции, т. е. сочетанию определенных признаков и элементов европейской и неевропейской структур в рамках некоего генерального синтеза. Появилась также концепция, согласно которой выдвижение на передний план закономерностей социально-экономического процесса применительно к развивающемуся миру вообще едва ли оправданно и что следует отдать приоритет анализу прежде всего цивилизационного начала.

Несложно заметить, что все эти поиски и позиции исходят из признания того, что роль традиционных элементов в развивающемся мире следует решительно переоценить, что цивилизационная основа неевропейских стран отнюдь не поколеблена, даже окрепла и что наиболее вероятной перспективой является развитие этих стран с ориентацией на собственные фундаментальные ценности, на вековые традиции с учетом религиозно-культурных принципов и норм, соответствующих им социально-семейных отношений и всего образа жизни. Но все сказанное означает, что для более адекватного понимания протекающих в современном развивающемся мире жизненно важных процессов необходимо хорошее знание традиционных структур, в рамках которых эти процессы идут. Иными словами, нужно хорошее знание истории неевропейского мира.

Неевропейский мир и традиционный Восток – понятия не идентичные. Под словом «Восток» имеются в виду прежде всего страны Азии и Африки. И хотя при этом остаются в стороне вся Латинская Америка и некоторые другие районы мира, история Востока все же остается не только главным, но и типовым, эталонным образцом для понимания традиционной основы всего развивающегося мира. Другими словами, традиционный Восток – в определенном смысле ключ к пониманию проблем всего неевропейского мира. В этом актуальность его изучения, причем такого изучения, которое не сводится к вписыванию истории Востока в европоцентристские схемы, что не раз случалось в прошлом и что оправдывалось необходимостью соблюсти единство всемирно-исторического процесса. История Востока должна быть понята и описана такой, какой она была; она должна подвести к тому, что собой представляет Восток в наши дни.

Глава 2
Марксизм и отечественная историография о Востоке

Составить адекватное и тем более научно выверенное представление о Востоке, как древнем, так и современном, непросто по многим причинам. Но стократ сложнее добиться этого в условиях, когда не предвзятый взгляд исследователя ограничен идеологическими шорами,

принудительно навязываемыми каждому. Именно в таком положении долгие десятилетия находилась отечественная историография, которая вынуждена была смотреть на мир глазами не столько даже явно устаревшего учения прошлого века, марксизма, сколько претендовавшей на истину и утверждавшей свои претензии грубой физической силой псевдонаучной дисциплины, созданной вульгаризаторами марксизма в нашем веке и получившей наименование исторического материализма (истмат). Хорошо известно, что истмат в нашей стране были обязаны изучать и сдавать все учащиеся, начиная со школьников-старшеклассников. Вульгаризмами истмата десятилетиями была пропитана вся наша наука, причем не только гуманитарная, общественная, что следовало бы считать в сложившейся в стране обстановке идеологического диктата само собой разумеющимся, но и весьма от нее далекая, например биология, а то и физика. И коль скоро дело долгими десятилетиями обстояло именно так, то неудивительно, что в умы наших современников засели и стойко там укрепились различные расхожие стереотипы истмата, будь то примитивное представление о том, что в древности повсюду были рабы и на труде рабов держался тогда мир, или еще более страшная мысль, что только насилием можно добиться царства свободы. Впрочем, истинным виновником этих и многих иных ложных стереотипов, на которых воспитаны поколения людей, был все же не истмат. Начать следует с Маркса и марксизма.

Маркс, марксизм и Восток

Учение Маркса в нашей стране известно хорошо, что избавляет в рамках предлагаемой работы от повторения его положений. Стоит остановиться лишь на самых основных его позициях, сыгравших решающую роль в судьбах, в частности, нашей многострадальной страны. Занимаясь политэкономическим анализом современного ему западноевропейского общества, Маркс в середине прошлого века пришел к выводу, что капитализм как социально-экономический строй запутался в противоречиях и должен погибнуть. А так как сам себя он уничтожать, естественно, не захочет, то это должен сделать его могильщик, пролетариат, который с помощью силы («насилие – повивальная бабка истории») обязан в огне революции ликвидировать класс капиталистов и тем самым освободить человечество, открыв перед ним двери свободы, прежде всего экономической, т. е. свободы от эксплуатации со стороны частного собственника, капиталиста, и светлого будущего. Светлое будущее в учении Маркса было названо социализмом, а суть его была определена опять-таки через посредство социально-экономических, политэкономических категорий. Это должно быть общество без классов и без эксплуатации человека человеком, общество без рынка и частных собственников.

Рынок, собственники, эксплуатация, капитализм – все эти понятия были жестко взаимосвязаны в политэкономической системе марксизма и осуждены им. Взамен предлагалось общество без этих социальных и экономических явлений. Какое общество, что такое социализм – на эти вопросы Маркс четкого ответа не дал, полагая, что будущее покажет. Главное – начать. Справедливости ради важно заметить, что марксизм строил все свои схемы и выводы на основе анализа западноевропейского

капитализма и что Маркс и Энгельс к концу жизни видели, что история Западной Европы в XIX в. явно шла не в том направлении, как то предсказывалось марксизмом. Не удивительно, что последователи Маркса и Энгельса, их ближайшие ученики и преемники, начиная с Э. Бернштейна и К. Каутского, выбрали иной путь, путь социал-демократический, который в XX в. сыграл свою позитивную роль в реформировании капитализма образца IX в.

Иначе сложилась судьба Восточной Европы. Несколько отставая в развитии и жадно внимая передовым учениям Запада, Восточная Европа и прежде всего Россия легко заимствовали в конце прошлого века марксизм. Марксизм в России, которая исстари была более восточной, нежели европейской страной, нашел себе новую родину по ряду причин. Страна была в состоянии острого внутреннего кризиса, и все искали выхода из него. В поисках выхода лучшие умы привычно тянулись к Западу. Наиболее радикальной и детально разработанной доктриной революционного спасения был марксизм.

Конечно, марксизм не был рассчитан на отсталую страну, где капитализм как следует еще не сложился. Но зато можно было рассчитывать на помощь Европы. Важно начать, а там видно будет. Ведь не русскую революцию делать надо – марксизм учит делать мировую революцию. С этими исходными идеями и взялись за дело русские марксисты, становившиеся все более радикальными по мере углубления кризиса в стране на рубеже XIX–XX вв. Ленин и большевики успешно реализовали свои установки в октябре 1917 г., после чего под лозунгами марксистского социализма, диктатуры пролетариата, экспроприации экспроприаторов и вселенского насилия, классовой борьбы, во имя торжества грядущего класса (напомню, что пролетариат в марксистском смысле этого слова в России 1917 г. исчислялся лишь несколькими процентами) было начато кровавое побоище в нищей и отсталой стране.

Что было дальше, хорошо известно. Мировой революции не получилось. Сталин взялся осуществлять социализм в одной отдельно взятой стране. Что такое социализм, никто толком не знал: кроме красивых слов о свободе и светлом будущем, об отсутствии классов и частных собственников-эксплуататоров и о грядущем отмирании государства, которое будет заменено некими самоуправляющимися ассоциациями свободных производителей, в теории об этом ничего не говорилось. Ясно было одно: классы следует уничтожить, собственность ликвидировать, а вместе с ней и рынок. Со свободой в переходный период диктатуры и насилия следовало, естественно, повременить – нужно было сначала уничтожить всех несогласных. Об отмирании государства и его органов принуждения и насилия тоже говорить не приходилось: кто же будет уничтожать врагов и заставлять остальных работать?! Что же касается самоуправляющихся ассоциаций производителей, то от них остались рабочие отряды в городе и деревне с фиктивным самоуправлением и под реальным руководством партийно-государственного аппарата власти. Так завершилось революционное преобразование общества по-марксистски.

Некоторые, особенно из числа правоверных марксистов, подчас видят в сталинизме упрощение и искажение истинного, будто бы гуманного марксизма. Что ж, благими намерениями, как говорится, вымощена дорога в ад. Можно попытаться свалить вину за неудачу в строительстве светлого социалистического будущего на тех, кто плохо строил. Но так ли

это на самом деле? Разве не по заветам революционеров Маркса и Ленина строил свою империю Сталин? И разве только его крутой нрав и жестокость виновны в том, что вместо светлого будущего был построен ГУЛАГ? Ведь история не только стран Восточной Европы, которые были силой сориентированы на советский путь развития, но и тех стран, где советских войск не было, таких, как Китай, Вьетнам или Куба, подтвердила то обстоятельство, что общество, построенное в духе теории марксизма, обречено стать ГУЛАГом. Так в чем же просчет теоретиков?

Когда Маркс, занимаясь политэкономическим анализом западноевропейского капитализма, вплотную столкнулся с проблемой истоков и предшествовавших капитализму исторических типов общества, он не мог не обратить внимания на Восток. С Востоком Маркс был знаком в основном из вторых-третьих рук: он изучал труды таких авторов, как Бернье, был знаком с философской оценкой Востока Гегелем. Соответственно Восток вставал перед его глазами как нечто совсем не похожее на Европу, даже как бы противостоящее ей. Разница между тем и другим бросалась в глаза, и вопрос был лишь в том, как ее интерпретировать. «В общих чертах, – писал Маркс в предисловии к „К критике политической экономии“, – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»[3]. Перед нами ряд способов производства, где «азиатский» занимает нижнюю ступень. При этом существенно оговориться, что имеется в виду не древневосточное общество, но именно Восток как нечто цельное, включая и современные Марксу государства, будь то Индия, Китай или Османская империя, не говоря уже о других, более мелких. Что же такое, по Марксу, «азиатский» способ производства и вообще «азиатский» Восток?

Сразу скажем, что к Азии в собственном смысле слова это определение не имеет отношения. Речь не о географии, а о социально-экономическом строе, а если глубже, то о природе типичной восточной общины, которая справедливо рассматривалась как определяющая структуру в целом, макроструктуру государства. Другими словами, основа восточной структуры – полное поглощение личности коллективом и соответственно отсутствие личности как самоценной индивидуальной целостности со всеми ее внутренними потенциями и особенностями. Но коль скоро так, то не может быть и речи о собственности европейского типа на Востоке, где отдельный человек «никогда не становится собственником, а является только владельцем», потому что он – «раб того, в ком олицетворено единое начало общины»[4]. Отсюда и вывод: отсутствие частной собственности – «ключ к восточному небу»[5]. И соответственно, как на то обратил внимание еще Гегель, наиболее существенной характеристикой восточного общества может считаться «поголовное рабство» там[6].

Итак, Маркс вполне адекватно оценил особенности классической

---

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.7.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.482.

5 Там же. Т.28. С.215, 221

6 Там же. Т.46.Ч.1. С.485

восточной структуры. Показательно, что он, столь неравнодушный к классовому анализу, ни разу не употреблял понятие «класс» применительно к Востоку, включая и современный ему Восток. Там, где нет частной собственности, нет и не может быть места классам и классовым антагонизмам – так можно понять это умолчание. И это при всем том, что о частном владении и о социальных антагонизмах, скажем, в Индии, Маркс писал немало и охотно. Но если не класс, не частные собственники, то кто?

«Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[7]. В этой пространной цитате мысль выражена наиболее четко: вставший над восточными общинами правитель и обслуживающий его аппарат власти, т. е. государство, – это не только символ коллектива, но и реальная власть. Власть, основанная на верховной собственности государя и государства.

Заключая эту мысль, стоит еще раз сконцентрировать внимание читателя на том, что, по идее Маркса, в условиях отсутствия частной собственности на передний план выходит государство как верховный собственник и высший суверен, т. е. как высшая абсолютная власть над подданными. Государство в этом случае становится деспотией, правитель – восточным деспотом, а подданные оказываются в состоянии поголовного рабства (все рабы, каждый – раб перед лицом вышестоящего). Такое государство не выражает интересы господствующего класса собственников, ибо нет ни собственников, ни классов. Оно стоит над обществом, подавляя его собой.

Я напомнил об идеях Маркса по поводу «азиатского» общества и соответствующего способа производства не только потому, что сам на протяжении ряда десятилетий стремился именно эту идею противопоставить вульгарной схеме истматовских формаций (противопоставить Маркса истмату было единственной возможностью избежать повторения вульгаризованной истматовской схемы). Гораздо существеннее отметить, что сам Маркс хорошо понимал, что такое традиционный Восток, и, более того, хорошо видел, что альтернативой частному собственнику в истории человеческих обществ всегда было жестокое деспотическое государство. Почему же он не принял этот вывод во внимание, когда конструировал общество светлого будущего? Справедливости ради надо напомнить, что теория предполагала отмирание государства. Но ведь социальная революция шла под знаком диктатуры пролетариата – а что это, если не государство, да еще какое?

---

7 Там же. Т.25.Ч.2. С.354

Может быть, Маркс рассчитывал на разум передовых пролетариев, которые, использовав рычаг диктатуры, сразу же ее демонтируют, потому что осознают, какой роковой силой в их руках оказывается это самое государство? Увы, об этом он, даже если и думал так, нигде не написал. Да и не учел он того, что столь желанная им революция и соответственно диктатура будут реализованы там, где капитализма еще почти не было и где хотя бы только поэтому враждебных передовому пролетариату классов окажется столько, что для уничтожения их необходимо будет сохранить диктатуру надолго. На такое долгое время, что она успеет институционализироваться и стать основой структуры задолго до того, как кто-либо станет всерьез говорить об отмирании государства, армии и прочих орудий принуждения и насилия. Словом, ситуация достаточно ясна.

Реалии марксистского социализма и истмат о Востоке

Маркс умер в конце XIX в. Революцию по-марксистски делали в начале XX в. О чем же думали те, кто ее совершал, насколько они следовали рецептам Маркса? Следует сразу же отметить, что революционные постулаты марксизма лежали в основе большевизма, при всем том что и Ленин, и его учитель и предшественник по революционной борьбе в России Плеханов хорошо знали идеи об «азиатском» способе производства. Знали и даже примеривали их к полуазиатской России. Правда, Плеханов делал из этого сравнения логичный вывод, что Россия, будучи азиатской державой, принципиально отлична от антично-капиталистического Запада и что для революции по-марксистски она еще не готова. Ленин же, как известно, считал, что эта неподготовленность не имеет значения, что отсталость России будет ликвидирована при помощи передового Запада, а потому важно начать, а там видно будет… Ленинизм победил, и последствия этого в наши дни хорошо видны всем. Однако так было не всегда.

На протяжении долгих десятилетий идеология, ревностно отстаивавшая абсолютную истинность марксизма и ленинизма, ставила своей целью убедить всех в том, что марксизм и революция большевиков привели к успеху. Соответственно искажались факты и извращалась вся историческая картина. Злодеяния ГУЛАГа выдавались за благодеяния, неудачи рисовались как успехи, а внутренние структурные пороки нового строя не только всерьез не анализировались, но, напротив, всячески скрывались от глаз. Даже заговорить на эту тему считалось делом антинародным и подсудным, а уж исследовать и тем более опубликовать исследование означало злостно оклеветать строй и сулило автору долгие годы заключения, если даже не физическое уничтожение.

Неудивительно поэтому, что на смену объективному анализу в сфере общественных наук пришли сознательное искажение, иллюзорные построения, утопические идеи. Выдавать желаемое за действительное, иллюзии за реальность стало в нашей стране в некотором смысле профессией, особенно выгодной для тех, кто этой профессии не стыдился, а, напротив, активно и умело в ней преуспевал. Собственно, именно на этой основе и расцветал исторический материализм (истмат), главной конечной целью которого было убедить всех, что мы победоносно и успешно идем к светлому будущему.

Историческая схема истмата примитивна. Опираясь на Маркса, эта схема сформулировала пятичленную лестницу формаций (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм), которая была провозглашена обязательной для всего мира и для всех стран мира, если только эти страны просуществовали достаточно долго. В указанной схеме, как легко заметить, не было места Востоку, более того, она сознательно и принципиально отвергала идеи Маркса об «азиатском» способе производства. Факт исключительный, если иметь в виду, что каждое слово великого основателя ценилось на вес золота и цитировалось при всяком удобном случае. Те же, кто в свое время, в 30-х годах, пытался было упоминать об «азиатском» способе производства и применять соответствующие идеи Маркса для характеристики того, что происходило в странах Востока в XX в., плохо кончали. Этим было дано всем достаточно четко понять, что Сталин таких поисков не одобряет.

Почему Сталин не одобрял их, ясно как божий день. Ведь сама жизнь заставляла понять даже самых рьяных начетчиков: мало ли что думал Маркс относительно Востока, лучше об этом не вспоминать, ибо то, что описывал Маркс, слишком уж похоже на то, что происходит в стране победившего социализма… В обществе сталинского социализма не было частной собственности и рынка, как не было их на традиционном Востоке, во всяком случае в схеме Маркса (на деле, как о том будет идти речь далее, и частная собственность, и рынок на Востоке были, но они не были похожи ни на европейскую частную собственность, ни на европейский рынок). В советском обществе не было классов, как не было их в «азиатских» обществах по Марксу. Место частного собственника и господствующего класса в обществе победившего марксистско-сталинского социализма заняло всесильное государство с невиданным аппаратом насилия, что было характерно как раз для восточных деспотий. Словом, бросающихся в глаза аналогий было вполне достаточно, чтобы идеи Маркса об «азиатском» способе производства были как бы вычеркнуты из идеологических норм марксизма. Естественно, что перед истматом встала задача компенсировать эту ликвидацию и объяснить феномен Востока иначе, не по Марксу. С этой задачей истмат справился с завидной легкостью.

Восток в его схеме – это интегральная часть мира. Конечно, Востоку свойственна специфика – но у кого ее нет?! И разве специфика мешает тому, что вся история человечества развивается согласно неким генеральным закономерностям, открытым именно марксизмом? Если весь мир долгие тысячелетия шел от первобытности к рабовладению, потом – к феодализму, затем – к капитализму и теперь – к социализму, то как же можно оставить Восток в стороне? Правда, кое-какие из стран Востока подчас отставали в своем развитии. Но это не беда. Опыт России показал, что через пропущенные этапы в развитии можно перескочить. А раз так, то и современные отсталые государства могут это проделать, было бы желание…

И действительно, практика исторического процесса XX в. свидетельствует о том, что некоторые из стран Востока, преимущественно наиболее отсталые и бедные, пытались было с помощью СССР преодолеть отставание и выйти на современные рубежи, опираясь на рецепты марксистского социализма. К чему это вело, сегодня уже хорошо известно. Но сам факт интересен: страны развитые, ради которых, собственно, и создавалась теория марксистского социализма, не

принимали ее, зато слаборазвитые были готовы на это. Причем тем охотнее, чем более отсталой была их внутренняя структура, чем меньше преуспел европейский капитализм в ее трансформации в XIX–XX вв. Почему же?

И здесь мы снова возвращаемся к тому, почему истмат столь энергично отторгал идеи Маркса об «азиатском» способе производства: структурно страны Востока, о которых идет речь, наиболее близки к воспетому Марксом светлому социалистическому будущему. В них почти нет места частной собственности и свободному рынку, нет антагонистических классов, зато есть всесильное государство (эквивалент диктатуры пролетариата), готовое методами бесцеремонного насилия направить развитие страны по пути, который сочтут за благо для нее власть имущие. То есть на первом плане – власть и рождаемое ею насилие, вполне родственные и структурно близкие власти и насилию в стране победившего социализма. Страны победившего социализма в этом смысле – лишь модификация традиционно-восточной структуры. Конечно, модернизация и технический прогресс, индустриализация и урбанизация сильно изменили облик этих стран, в первую очередь России. Возникла иллюзия, что, сохранив свою внутреннюю структуру, основанную на насилии и всесилии государства, можно чуть ли не опередить капитализм. Но иллюзия эта рухнула под ударами жестокого кризиса, обнажившего все пороки бесчеловечной системы. И снова встал вопрос о классической дихотомии Восток – Запад. Оказалось, что марксистский социализм по советской модели – это именно модификация Востока, а не преодоленный Запад.

Сегодня этот факт до предела обнажил пустоту истмата, лживость его псевдонаучных схем. Однако то, что сегодня видно всем, давно было уже достаточно хорошо знакомо многим, особенно в нашей стране, которую это касалось едва ли не более, чем всех других. Неудивительно, что после Сталина стали все чаще появляться вначале робкие, но со временем все более настойчивые поиски альтернатив истматовской схеме. Многие из них отталкивались от идей Маркса об «азиатском» способе производства.

Отечественная историография Востока: поиски альтернатив

Русские востоковеды, хотя они и представляли собой до 1917 г. внушительный и уважаемый в мировом сообществе отряд специалистов, историей Востока и проблемами исторического процесса на Востоке интересовались сравнительно мало. После 1917 г. изучение Востока вначале вообще не привлекало внимания в немалой степени из-за того, что специалисты понемногу исчезали – старые умирали или эмигрировали, некоторые просто отстранялись от профессиональной деятельности, не умея вписаться в новую эпоху и удовлетворять требованиям революционеров, а новых практически не готовили. Позже, в конце 20-х и 30-х годах, появились специалисты нового поколения, причем основная их часть занималась современным Востоком, а точнее – проблемами революционного движения на Востоке, что строго соответствовало запросам того времени. В годы великих чисток значительная часть их – прежде всего те, кто интересовался проблемами «азиатского» способа производства, хотя далеко не только они, – была

уничтожена режимом, а оставшиеся надолго замолчали. Возрождаться отечественное востоковедение стало понемногу лишь в послевоенные годы, во многих своих сферах практически заново, на голом месте, не имея ни устоявшихся научных школ, ни живых уважаемых учителей.

Неудивительно, что условия существования определили и характер послевоенного востоковедения: в большинстве своем оно было представлено людьми, привыкшими и умевшими хранить язык за зубами и не высказывать идей, которые хоть в чем-то расходились с официально признанной идеологией, в том числе и с теоретическими построениями истмата. Практически это значило, что послевоенное советское востоковедение в том, что касалось осмысления исторического процесса и особенностей внутренней структуры стран Востока, следовало, за редчайшими исключениями, букве истматовских схем, санкционированных правившим в стране режимом. Уклониться от такого рода схем означало поставить себя как бы вне закона, вне общества. Поэтому те, чья совесть не позволяла мириться с вульгарными схемами, уходили в такие сферы науки, где со схемами не приходилось иметь дела, во всяком случае на каждом шагу. И все же положение постепенно менялось. После войны в науку пришло новое поколение ученых, свободное от мертвящего страха, который навечно вжился в тех, кто пережил великие чистки. Усилиями этого нового поколения стало заново развиваться отечественное востоковедение, хотя справедливости ради необходимо признать, что позже в его состав влились и те, кто вышел из-за колючей проволоки, особенно после смерти Сталина и XX съезда КПСС.

Новый серьезный этап принципиального осмысления проблем Востока наступил примерно в 60-е годы и в значительной своей части вновь был связан с выдвижением на передний план идей Маркса об «азиатском» обществе. Толчком для этого послужили как объективная потребность объяснить феномен развивающегося мира, уже заявивший о себе и не вписывавшийся в привычные стереотипы («в отставании Востока виновен колониализм»), особенно после деколонизации Востока, так и начатая французскими востоковедами-марксистами (М. Годеле, Ж. Сюре-Каналь, Ж. Шено и др.) дискуссия по проблемам «азиатского» способа производства. Идеологическая оттепель позволила отечественным востоковедам включиться в дискуссии и высказать ряд неординарных точек зрения, достаточно далеких от санкционированных режимом истматовских идей. Однако большого развития дискуссия не получила, ибо была вскоре прервана под давлением власти. Наступило время реванша, отмеченное появлением ряда работ, авторы которых ревностно стремились отстоять истматовские схемы, причем делалось это уже не столь вульгарно, как прежде, что придавало отвергнутым жизнью схемам иллюзию некоей научности (наиболее наглядно это видно на примере монографии В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история», М., 1975).

Впрочем, положительным результатом дискуссии было отвоеванное в теоретических боях право открыто выступать против пусть и господствующей, но уже не единственно возможной в отечественной историографии схемы всемирно-исторического процесса. Результатом этого были оживление теоретических исследований, повышенное внимание к соответствующим исследованиям за рубежом, начиная с таких маститых авторов, как Тойнби и Вебер. Постепенно специалистам

становилось все более ясно, что не следует стремиться к единству мнений – а ведь такого рода стремление, заложенное марксизмом и истматом, было, что называется, в крови у каждого из наших исследователей-обществоведов на протяжении долгих десятилетий – и что, напротив, конечная ценность совокупной работы исследователей именно в том, чтобы каждый разрабатывал и отстаивал собственные позиции: пусть время и последующие поколения решат, кто из них оказался ближе к истине.

Следует оговориться, что вплоть до последних лет само собой как бы предполагалось, что любые научные поиски подобного рода должны вестись в рамках марксизма и на основе марксистской методологии. И если у кого и были сомнения по этому поводу, то они обычно на передний план не выдвигались. Только в самое последнее время, когда стали активно рушиться многие устоявшиеся стереотипы мышления, ситуация в этом плане решительно изменилась. Те, кто хотел высказывать альтернативные марксизму идеи и создавать на их основе собственные концепции, получили для этого широкие возможности. В частности, это нашло свое отражение в том, что некоторые исследователи открыто подвергли сомнению святая святых истмата – схему формаций и сам принцип формационного объяснения истории. В качестве альтернативы было выдвинуто цивилизационное, в духе Вебера и Тойнби, ее объяснение или сочетание формационного и цивилизационного принципов при анализе исторического процесса. Существенно заметить, что среди специалистов, которые оказались наиболее активно вовлечены в теоретические дискуссии, востоковеды преобладают почти абсолютно. Это, впрочем, и неудивительно: именно с проблемами Востока, прошлого и настоящего, марксизм и истмат никогда не справлялись. Для решения этих проблем настоятельно требуются новые теоретические основы.

Как же обстоит дело с упомянутыми проблемами, как пытались решать их в отечественном востоковедении до недавнего времени и какие новые решения предлагаются в наши дни энергичной ломки устаревших стереотипов?

Концептуальное решение проблем Востока в современном отечественном востоковедении

Хотя за последние годы специалистами и сделан осознанный акцент на цивилизационные, религиозно-культурные факторы эволюции общества, важно отметить, что в историографии это отразилось пока еще весьма слабо. На первом месте в анализе факторов и причин продолжает оставаться именно социально-экономический анализ. Тут уж ничего не поделаешь: так воспитаны, на том стоим… Многие вполне искренне полагают, что это и есть – в строгом соответствии с духом и буквой марксизма – стержень, пружина развития. В какой-то степени так оно и есть на самом деле. Вопрос лишь в том, в какой степени. А применительно к изучаемому нами Востоку вопрос можно сформулировать примерно так: экономика или власть, собственность или государство? Что первично, что вторично, какая здесь взаимосвязь?

Собственно, найти правильный ответ на эти вопросы и есть то, что приблизит нас к истине. Но как обстоит дело с поисками ответа? И как результаты поиска проявили себя на сегодняшний день? Для полного

ответа на эти вопросы нужно самостоятельное, специальное и солидное исследование. В рамках же краткого обзора можно сказать лишь об основных позициях и тенденциях. Для того чтобы результат был максимально адекватен реалиям, разделим генеральную тему на *три* части, отграниченные одна от другой хронологическими рамками.

1. Что касается доколониальных обществ, то применительно к ним вопрос стоит ныне примерно так: как следует оценивать исторический процесс на Востоке, начиная с неолитической революции и урбанистической цивилизации (древнейшие первичные протогосударства) и кончая предкапиталистическими раннеколониальными временами (XVI–XVIII вв.)? Господствующий в отечественной историографии идеологический стереотип десятилетиями исходил из того, что примерно до нашей эры все государственные структуры были рабовладельческими, а после того – феодальными (имея в виду не реальности феодализма как системы отношений, но абстракцию марксистско-истматовской формации). Было немало споров по вопросу о том, в чем суть несходства между рабовладельческой и феодальной формациями на Востоке и где должна быть грань между ними. Однако безрезультатность дискуссий на эти темы не подорвала господствующий стереотип: рабовладение и феодализм как формации на Востоке должны были быть, ибо марксистско-истматовская схема в этом смысле первична, а исторический материал вторичен (об изменении схемы не могло быть речи; материал так или иначе должен был быть втиснутым в схему, пусть даже с необходимыми оговорками).

За последние годы ситуация изменилась. Жесткость стереотипа стала очевидной даже для сторонников пятичленной истматовской схемы. Схему теперь стараются сделать более гибкой, дабы объяснение было бы хоть сколько-нибудь удовлетворительным перед лицом все увеличивающейся массы противоречащих ей фактов. Смягчается категоричность обобщающих определений. Признается большая роль общины и свободных земледельцев в древних (рабовладельческих) обществах Востока, фиксируется подчас даже преобладающая роль нерабского труда в них. Подчеркивается, что феодализм на Востоке в средние века был иным, нежели в Европе, в частности, без помещиков с их барским хозяйством, даже кое-где без влиятельной наследственной аристократии, титулованной знати. Делаются еще некоторые уступки, смысл которых нередко сводится к тому, что ведущую роль государства в системе производства на Востоке вполне можно было бы воспринимать как своеобразную модификацию феодализма («восточный феодализм», «государственный феодализм»).

Следует заметить, что смягчение жесткой схемы, признание реалий, наличие многочисленных оговорок – все это в известной мере следствие дискуссий, свидетельство стремления преодолеть жесткость схемы вчерашнего дня, учесть ее критику, но при всем том обязательно сохранить единство всемирно-исторического процесса. Единство в том элементарном его смысле, что все известные истории общества в принципе должны были пройти в древности через один и тот же этап развития (рабовладельческая формация)[8], а в средние века – через другой

---

8 Стоит заметить, что высококвалифицированные и признанные мировой наукой отечественные специалисты по Древнему Востоку во главе с И. М. Дьяконовым пошли на то, чтобы заменить одиозный термин «рабовладельческая» более нейтральным «древняя», что справедливее, на мой взгляд, даже по отношению к античности, не

(феодальная формация). Слабость этого нового и в принципе позитивного подхода, однако, не только в том, что он по-прежнему смазывает, затушевывает кардинальную разницу между европейской и неевропейскими структурами в древности и в средневековье; гораздо существеннее то, что в нем все еще выходит на передний план хотя и смягченная, но априорная презумпция: в древних обществах основное усилие следует уделять поиску рабов, рабовладельцев и их взаимоотношений, а в средневековых, напротив, стараться не замечать тех же рабов и рабовладельцев, но зато суметь объяснить все реальные отношения (как правило, такие же, что и в древности) с иных, теперь уже «феодальных» позиций.

Как уже упоминалось, факт и его интерпретация тесно связаны между собой, но эта связь достаточно гибка в том смысле, что старая схема, восходящая к интерпретации фактов с позиций вчерашнего дня, долго продолжает господствовать в науке и тогда, когда новые факты настоятельно требуют иной интерпретации и новой схемы. Только что упоминавшаяся ситуация убедительно подтверждает закономерность подобного рода связи и к тому же еще раз напоминает, что в разных науках такого рода закономерность реализуется различно: в физике и технике – едва ли не автоматически и довольно быстро; в биологии подчас с драматическими коллизиями, но в конце концов тоже решительно и бесповоротно, а в общественных науках, и в частности в истории, пожалуй, всего труднее, что вполне понятно и объяснимо: интерпретация исторических фактов напрямую связана со столь деликатной сферой, как политика сегодняшнего дня. Но зато коль скоро этого требует именно политика, как о том уже шла речь в связи с феноменом развивающегося мира, то это означает, что перемены назрели и в нашей сфере науки. И это сегодня понимают практически все. Но достаточно ли простого понимания необходимости перемен?

Жизнь свидетельствует, что этого мало. И далеко не случайно, что после дискуссии 60–70-х годов в отечественном обществоведении с особой силой проявила себя тенденция к пересмотру устоявшихся схем и стереотипов. Появилось по меньшей мере несколько новых концепций. Авторы одних предлагают видеть в истории докапиталистических обществ единый социально-экономический этап развития, именуя его то феодальным (Ю. М. Кобищанов), то рентным (В. П. Илюшечкин), то неартикулированным, т. е. нечетко выраженным с точки зрения способа производства (М. А. Чешков). И хотя все эти концептуальные подходы сущностно различны, по-разному разработаны, в них есть и нечто общее. Положительным в них является, безусловно, то, что все они подчеркивают сущностную одинаковость древних и средневековых неевропейских обществ, но недостатком следует считать то, что, стремясь к сохранению иллюзии всемирно-исторической одинаковости пути развития, авторы упомянутых концептуальных схем склонны, хотя и в разной степени, стереть не только явственно выраженную в истории Европы разницу между ее древностью (античность) и средневековьем (феодализм), но и, что гораздо важнее, принципиальную разницу между Европой и неевропейским миром.

С этих позиций более предпочтительными выглядят те

говоря уже о Востоке

концептуальные схемы, которые созданы историками, признающими в той или иной мере теорию «азиатского» способа производства. Среди специалистов, близких к этой проблематике, есть представители разных специальностей – политэкономы, философы, этнографы, востоковеды и др. Очень различно интерпретируют они и идеи Маркса о восточном обществе, и конкретные материалы, имеющие отношение к проблеме социально-экономического развития неевропейских докапиталистических обществ. Весьма характерно, что специализация того или иного автора отнюдь не ограничивает сферу его интересов и реализацию его идей, хотя соответствующий подход все же ощущается у историков, политэкономов, этнографов и т. п.

Особо следует упомянуть о тех из них, кто достаточно долго и всерьез разрабатывал и стремился применить на практике в более или менее широких масштабах теорию «азиатского» способа производства. Ю. И. Семенов, в частности, в ряде своих статей отстаивал идею неразвитости традиционных восточных и современных африканских обществ, видя именно в этом соответствие их эталону «азиатского» способа производства. Г. А. Меликишвили, не делая слишком ощутимого акцента на термине («азиатский» способ производства), особо подчеркивал важность роли государства на традиционном Востоке и незначительную роль рабовладения на Древнем Востоке. Серьезный вклад в разработку политэкономического аспекта «азиатского» способа производства внес Р. М. Нуреев. Стоит добавить к этому, что негласно аналогичные идеи высказывали ранее и те, кто, наподобие маститых специалистов в области древней истории А. И. Тюменева и Н. М. Никольского, писал свои работы тогда, когда вслух говорить на тему об «азиатском» способе производства было невозможно. А когда это стало возможным, об «азиатском» способе производства стали писать маститые ученые вроде экономиста Е. С. Варги или историка В. В. Струве, до того бывшего кем-то вроде апостола теории господства рабовладельческой формации на Древнем Востоке.

Резюмируя, можно заметить, что к идее «азиатского» способа производства в той или иной мере, по-разному ее интерпретируя, склонялось в разное время довольно значительное число серьезных специалистов. И если количество здесь долгое время не переходило в качество, а сами защитники идей об «азиатском» способе производства не получали признания, то причины этого следует искать, как упоминалось, не в научной весомости разработок, а в политическо-идеологическом неприятии идеи о всевластии государства.

В наше время, когда старые стереотипы решительно отброшены, а пересмотр извращенной истории стал насущной задачей дня, прикрываться щитом идеи Маркса об «азиатском» способе производства уже нет необходимости. Те, кто считает, что с позиций способов производства, формаций и вообще безусловной первичности политэкономического анализа исторический процесс, особенно на традиционном Востоке, не объяснишь, склоняется в сторону упоминавшегося уже цивилизационного подхода, т. е. к выдвижению на передний план историко-культурных процессов или к многофакторному анализу, в процессе которого цивилизационным особенностям будет уделяться главное внимание. Какой вид примут соответствующие исследования, особенно имея в виду богатый опыт Тойнби, пока не очень ясно. Будущее покажет. Но вполне очевидно одно: время абсолютно обязательного господства формационного политэкономического анализа в

марксистско-истматовской интерпретации ушло в прошлое. Остались проблемы, которые будущим поколениям отечественных историков доколониального традиционного Востока придется решать заново – и, слава Богу, уже без оглядки на идеологические догмы.

2. Вторая группа проблем касается колониального Востока, стран Востока в период колониализма, т. е. примерно XIX и первой половины XX в. Здесь тоже немалый простор для споров. Еще недавно считалось, что эти проблемы основательно изучены, ибо их затрагивали в своих работах Маркс и Ленин. Сегодня стало очевидным, что именно поэтому все проблемы, связанные с колониальным Востоком, надлежит пересматривать, решать заново.

Перечислим хотя бы некоторые из проблем, которые заслуживают внимания. Можно ли считать колониальные общества Востока феодальными или полуфеодальными, как это до последнего времени у нас было принято? И если да, то в чем их «феодальность», чем она отличается от западноевропейского феодализма, который считается классическим? И везде ли была эта «феодальность», какую роль нечто похожее на нее сыграло, скажем, в судьбах Турции и какую – в Японии? Далее. Правильно ли мы оцениваем феномен колониализма? О страданиях миллионов тружеников Востока от колониального гнета в нашей историографии написано очень много, при этом щедро использовалась черная краска. Но мало сказано о той исторической роли, которую сыграл колониализм в трансформации внутренней структуры традиционного Востока. А ведь с точки зрения проблем всемирно-исторического процесса, столь дорогого теоретикам марксизма и истмата, именно это следовало бы рассмотреть и оценить в первую очередь.

Наивен в свете современных событий европоцентризм, используемый при попытках периодизации истории стран Востока в XIX–XX вв. Конечно, это в каком-то смысле новая для Востока история. Но сам термин «новая» и его интерпретация в отечественной историографии неубедительны потому, что искусственно привязывают Восток и все серьезные происходившие в странах традиционного Востока процессы внутренней трансформации к произвольно выбранным датам европейской истории, например к датам, связанным с революциями в Англии или Франции. Для Востока важны и первостепенны критерии, сыгравшие решающую роль в процессе упомянутой трансформации. Поэтому гораздо уместнее говорить не о «новой истории» Востока и даже не об «истории Востока в новое время» (в обоих случаях имеются в виду европейская «новая история», «новое время» для капиталистической Европы), но именно о колониализме как эпохе, спровоцировавшей внутреннюю трансформацию. И, конечно, при этом следовало бы выдвинуть на передний план те самые историко-культурные, религиозно-цивилизационные факторы, которые сыграли едва ли не решающую роль в том, какую форму приняла трансформация той или иной страны Востока, того или иного цивилизационного региона. И еще одно: колониализм важен как провоцирующий критерий, не более того. Нельзя забывать, что в тот момент, когда бацилла колониального капитализма начала действовать в разных восточных регионах, Восток был во многих отношениях не менее процветающим, чем Европа, а где-то и в чем-то даже и более. Существуют серьезные специальные исследования (в отечественной историографии они представлены трудами А. М. Петрова), которые показывают, что даже в XVII–XVIII вв. колониальная торговля Европы с Востоком строилась

таким образом, что за высокоценные и желанные европейцами пряности и иные раритеты Европа была вынуждена платить золотом и серебром (благо был приток американского золота и серебра с XVI столетия), а не своими товарами, которых у европейцев в то время для развитой торговли просто не было и в которых, к слову, богатый Восток в то время просто не нуждался.

Все стало решительно меняться только с XIX в., когда начался век машинной индустрии, фабричного производства, конкурировать с которым восточное хозяйство, в частности ремесло, не могло. И если иметь в виду не раннюю колониальную торговлю, не первые захваченные на Востоке торговые форпосты, а колониализм в полном смысле этого слова – тот колониализм, который стал коренным образом деформировать структуру зависимых неевропейских регионов, – то его следует датировать примерно именно рубежом XVIII–XIX вв. Именно к XIX в. относится и вызревание на Востоке комплекса социально-цивилизационной неполноценности, под знаком которого протекали основные реформы, усиливались различного рода вестернизаторские влияния, закладывались основы частнокапиталистического национального хозяйства и, как итог всего этого, обретали силу революционные национально-освободительные идеи, опиравшиеся прежде всего на заимствованные из Европы доктрины, от христианства до социализма, и проявившие себя в полную силу уже в начале XX в., в эпоху «пробуждения Азии».

3. Третьей и последней группой проблем, связанных с концептуальными построениями в современном востоковедении, следует считать те, с которыми наука стала иметь дело после второй мировой войны и особенно в связи с деколонизацией Востока и формированием феномена развивающегося мира. Здесь востоковедение вплотную смыкается с различными сложными проблемами политологии, мировой экономики и многими другими, от демографии до футурологии. Как о том уже шла речь в несколько другом аспекте, феномен развивающегося мира не просто сложен и противоречив – он к тому же весьма неоднозначен и непостоянен в процессе эволюции. Непостоянен не в смысле естественного развития заложенных в структуру элементов, а в смысле непредсказуемости неожиданных поворотов этого самого развития.

Феномен развивающегося мира, представленный как традиционным Востоком, так и недавно вышедшей на историческую арену континентальной Африкой и прошедшей длительный процесс латинизации, который можно поставить рядом с процессом колонизации Востока, Америкой южнее США, в определенном смысле демонстрирует единство всего неевропейского мира, противостоящего развитым странам (теперь уже далеко не только Европе, хотя и прежде всего странам европейской культуры, если не считать особняком стоящую в этом плане Японию). Единство развивающегося мира не столько в его одинаковости в смысле истоков, сколько в сходстве стоящих перед ним проблем, начиная от развития и кончая политической независимостью и идейно-культурной самоидентификацией. Но, имея это в виду, следует все же заметить, что в конечном счете истоком всех современных проблем следует считать не что иное, как недавнее и более отдаленное прошлое, причем более свое прошлое, чем привнесенное колонизаторами, т. е. в конечном счете те потенции неевропейских структур, о которых уже не раз упоминалось.

Не рассматривая в деталях все существующие и связанные с

развивающимся миром современные концепции в отечественной науке, важно напомнить о главных из них. Дело даже не в том, как объяснить причины отсталости Востока, как оценивать его современную структуру – делать ли акцент на многоукладности экономики, на силе общинных связей и корпоративных традиций, на мощи государства при слабости частнособственнической активности, на нищете быстро увеличивающегося населения и т. п. Важнее определить, в чем же ключ к решению всех этих и многих других проблем.

Если считать, что современный развивающийся мир, и в частности современный Восток, идет в основном по капиталистическому пути и отличие его от европейского капитализма более в количестве, нежели в качестве, скорее в темпах, нежели в принципе, – а такая точка зрения имеет немалое число сторонников, – то ключ еще в недавнем прошлом поневоле приходилось искать в хорошо разработанных марксизмом обстоятельствах становления европейского капитализма, что обычно и делалось, вплоть до деталей и частностей. Однако оперирование таким ключом смещало многие реальные плоскости. Например, сила восточного государства привычно приравнивалась к феномену бонапартизма, вызванного, как известно из работ Маркса, временным балансом классовых сил, оставляющих простор ставшему над ними государству. Но так ли это было на Востоке? Ведь там государство, даже согласно уже воспроизводившемуся анализу Маркса, было иным и играло иную социальную роль.

Если ставить вопрос о синтезе традиционного и современного в развивающемся мире, и в частности на Востоке, то опять-таки важно найти ключевой элемент: в традиционном он или в современном? Иными словами, что остается ведущим: идет ли Восток к капитализму или он «переваривает» капитализм, оставаясь при этом прежде всего Востоком, причем не только с точки зрения экзотики, но и в плане структурном, сущностном? Здесь могут быть разные ответы: одни делают акцент именно на синтезе, как то наиболее полно отражено в монографии коллектива авторов во главе с Н. А. Симонией «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (М., 1984), а другие предпочитают обратить внимание на структуру традиционного Востока и на его великие цивилизации, отнюдь еще не утратившие своего влияния и даже наоборот, убедительно продемонстрировавшие в недавние годы на примере Ирана, да и не только его, свою силу.

Если принять во внимание, что конец XX в., как об этом уже говорилось, резко изменил господствующие тенденции в развивающемся мире, практически покончил с существовавшим там прежде комплексом неполноценности и сильно ограничил западное влияние на соответствующие страны, которое сводится ныне прежде всего к революции в сфере материального потребления, в некоторой степени к восприятию массовой культуры, но практически почти не затрагивает фундаментальные стороны жизни, мировоззрения и традиций, основанных на религии, то станет очевидным, что многие из проблем современного Востока тесно связаны именно с фундаментальной традицией, мировоззрением, влиянием религии и культуры, с мощным воздействием цивилизаций, в русле которых веками и тысячелетиями рождались, вызревали и существовали страны и народы Востока.

Фиксируя упомянутые сложности, некоторые специалисты (наиболее обстоятельно сформулировал эти позиции В. Л. Шейнис) поставили

вопрос о невсеохватывающем характере формационного подхода. Если европейский капитализм есть прежде всего продукт развития европейского общества, европейской цивилизации, то приходится ли удивляться тому, что цивилизации Востока (и Латинской Америки) не вполне соответствуют ему, что существует диссонанс, даже драматический разрыв между теми формами социальной организации и ориентации общества, которые породили европейский капитализм и соответствуют его потребностям развития, и теми, что сложились в рамках иных цивилизаций и иной структуры и потому никак к капитализму не могут толком приспособиться. А коль скоро так, то существует не вполне еще ясная альтернатива: либо развивающиеся страны все же сумеют трансформировать свою внутреннюю структуру настолько, что она, включая и все цивилизационные ценности, будет соответствовать капитализму и приведет к успешному развитию (пример Японии свидетельствует о том, что это бывает), либо этого не произойдет. А может быть, у одних это получится, а у других нет, причем здесь тоже может сыграть немалую роль именно цивилизационное воздействие: культура труда в странах Дальнего Востока и в молодых государствах Африки, например, далеко не одинакова, что в немалой степени связано с традициями прошлого. То же можно сказать и о многих иных цивилизационных и мировоззренческих аспектах, о формах социальной интеграции и корпоративных связей, о религиозных традициях и т. п.

Реальна ли такого рода перспектива? Очень. Мало того, год от года она становится все очевиднее: одни развивающиеся страны быстро идут вперед, другие едва плетутся, третьи вовсе почти стоят на месте. Одни богатеют за счет своего труда, другие – за счет ресурсов (нефти); одни активно приспосабливаются к капиталистическому хозяйству (это касается прежде всего стран конфуцианской цивилизации дальневосточной культуры), другие, даже разбогатев, не очень-то тяготеют к нему.

Завершая краткий обзор основных концептуальных решений в связи с проблемами Востока, включая и современный, автор хотел бы обратить внимание на то, что выбор правильных решений и вообще правильная интерпретация фактов зависят от того, насколько полно воспринимаются и адекватно оцениваются сами факты. Собственно, именно эту цель – изложить основные факты из истории Востока и предложить адекватную их интерпретацию – преследует данная книга.

Часть первая
Древний Восток

Глава 3
Ранние формы социальной организации и процесс генезиса предгосударственных институтов

История начинается на Востоке… Этот хорошо известный и ныне никем в принципе не оспариваемый тезис убедительно подкрепляется данными современной археологии, материалами палеографии и иными первоисточниками. Но как конкретно шел исторический процесс? Как

именно начиналась эта история? Речь ведь не только о развитии материальной культуры – об этом вполне достаточное представление дают археологические находки, по которым можно проследить все этапы становления образа жизни древнего человека, от первых ранненеолитических поселений до ранних государств Египта или Двуречья. Для теоретического анализа – а именно он в данном случае стоит на первом месте – много существеннее выяснить этапы развития структуры в целом, т. е. попытаться найти и проследить процесс развития основных социальных, социокультурных, социально-экономических и административно-политических институтов. Причем речь идет о самых общих принципах возникновения и становления этих институтов. Иными словами, перед нами стоит задача сконструировать нечто вроде идеальной совокупной модели, генерального эталона, ориентируясь на который можно было бы представить, хотя и с определенными вариантами, возможный ход формирования предгосударственных институтов, а затем и государства.

Для решения этой задачи современная наука немало сделала. Следуя по пути тщательного изучения многочисленных отсталых и примитивных обществ, этнографы и антропологи – а это очень большой отряд специалистов, активно действующих в сфере культурной, социальной, экономической, политической, даже философской антропологии – не только собрали гигантское количество материалов полевых обследований, но и детальнейшим образом изучили и сопоставили друг с другом эти материалы. На основе этих сопоставлений были сделаны серьезные выводы, способствовавшие выявлению некоторых общих закономерностей формирования и развития примитивных социальных структур, возникновения в недрах этих структур институтов, способствующих их эволюции. Многое из сделанного, особенно в XX в., значительно изменило существовавшие прежде представления. Это коснулось, в частности, проблемы матриархата – ныне считается общепризнанным, что такого этапа в развитии общества никогда не было, что следует говорить лишь об обществах, где господствуют принципы матрилинейности и матрилокальности, причем эти общества ничуть не древнее и не примитивнее патриархальных, просто они иные, функционируют, с социально-семейной точки зрения, в несколько иной форме. Это затронуло также и некоторые формы описанных в свое время Л. Г. Морганом, а за ним и Ф. Энгельсом брачных связей и систем родства. Современная наука отвергла и универсальность так называемого института «военной демократии», значение которого в XIX в. было преувеличено тем же Морганом. Были поставлены под сомнение и некоторые другие устоявшиеся понятия, как, например, племя, о чем пойдет речь ниже. Были выдвинуты и разработаны многие новые термины, объясняющие заново вскрытые и изученные явления и процессы, о чем тоже будет сказано далее. Словом, едва ли не самым важным итогом развития антропологии XX в. следует считать опровержение многих из тех положений, которые были сформулированы в прошлом, включая и считавшиеся у нас долгое время классическими и потому абсолютно истинными постулаты марксизма, не говоря уже о вульгарных построениях истматовской теории формаций.

Генезис социальных связей: реципрокный обмен

Человеческое общество, выделяясь из породившей его живой природы, уже на заре истории противопоставило природным инстинктам культуру, т. е. такую систему норм, символов и связей, которая стала заметно отличать людей от животных. Именно культура уже в ее самой ранней форме легла в основу общества, практически создала общество как совокупность людей, связанных общими потребностями и целями и взаимодействующих ради их удовлетворения, как в конечном счете упорядочение, т. е. организацию, основанную на общепринятой и обязательной системе норм. Но с чего началась сама культура, т. е. нормативная система, отличная от биологической системы запретов?

Как утверждает известный французский антрополог К. Леви-Строс, первоосновой социокультурного начала была сексуальная реформа, запрет инцеста, что породило систему упорядоченных коммуникаций, основанную на принципе эквивалентного взаимообмена. Обмен женщинами, дочерьми и сестрами, ограничивший беспорядочное половое общение в рамках первобытного стада и породивший ранние формы жестко фиксированных брачных связей, способствовал установлению нормативного родства, в связи с чем были определены старшинство поколений, брачные классы и в конечном счете основанные на этом родовые и родоплеменные общности. Фундаментальный принцип эквивалентного обмена-дара стал затем основой основ существования всех ранних обществ. Обмен словами и знаками-символами способствовал становлению определенных норм общения, обмен пищей и предметами обихода вел к укреплению социальных связей, к созданию более или менее устойчивой структуры, без чего складывавшееся человеческое общество просто не сумело бы выжить.

Процесс генезиса социальных связей, протекавший, видимо, параллельно с процессом сапиентации и распространения сапиентного человека на ойкумене, привел к становлению таких ранних форм социальной структуры, реальное существование которых можно про следить и в XX в. Тот же Леви-Строс, тогда еще начинающий антрополог, провел в свое время несколько недель с группой индейцев намбиквара в районе Амазонки. Общность намбиквара, как она была затем им описана, состояла из неустойчивых локальных групп, состав которых обновлялся практически ежегодно. Во главе группы из нескольких парных семей с детьми и ряда неженатых стоял признанный ею глава, в функции которого входило вести, объединять, организовывать и за все отвечать – будь то выбор стоянки, сезонная работа или конфликт, не говоря уже о военном столкновении с враждебными группами. Лидер обязан был все знать и уметь лучше других – потому он и избирался лидером. Но главная его функция сводилась к тому, чтобы щедрой рукой раздавать другим все то, что ему удавалось сделать, добыть, приобрести. В обмен за эти щедрые раздачи он по закону эквивалента приобретал высокий престиж, способствовавший его авторитету в группе (слово лидера – закон для остальных). Кроме престижа на долю главы группы выпадала одна, но весьма существенная привилегия: право на несколько жен, в отличие от остальных мужчин группы. Реализация этого права порой создавала половой дисбаланс, но группа мирилась с этим во имя общих интересов: хороший лидер стоил немалого, а если он оказывался плох, группа быстро распадалась.

Итак, фундаментальный принцип эквивалентного обмена в описанной

структуре не только активно действует, но и способствует процветанию, даже существованию группы, являясь условием sine qua non. Дело в том, что полученные в обмен на щедрую отдачу незаурядной личности престиж и привилегии энергично включают амбиции способных, являются мощным стимулом для тех, кто хочет включиться (а хотят не все; Леви-Строс отмечал, что не всякий, на которого падал выбор, соглашался стать лидером) в соревнование за престиж, отдавая ради этого группе все свои силы и способности. Соответственно престиж и авторитет едва ли не с первых шагов общества становятся своего рода вершиной социальных ценностей. Но почему все именно так, а не иначе? И насколько подобного рода структура может считаться типичной, а не случайной?

Причины закономерности ее вскрывают исследования экономантропологов. Первобытный коллектив охотников и собирателей обычно невелик – в среднем 20–30, иногда 50 человек. Каждая группа имеет свою территорию обитания в пределах района, занятого данной этнической общностью, и находится на полном самообеспечении, хотя при этом она может быть связана взаимообменом с соседями. Фундаментальный принцип существования локальной группы – ее эгалитарность. Система добычи, распределения и потребления пищи здесь основана на строгой уравнительности, но с учетом ролевых функций: между мужчинами и женщинами, старшими и младшими, взрослыми, стариками и детьми всегда существовало определенное и строго фиксированное неравенство в потреблении, генетически восходящее к аналогичному неравенству и в рамках стаи животных. Социальные права и обязанности членов группы (опять-таки с учетом ролевых функций) одинаковы. Все имеют голос. Каждый волен принять самостоятельное решение вплоть до разрыва с группой.

Есть соблазн видеть в этой эгалитарности и свободе принятия решения нечто вроде первобытной демократии. Стоит заметить, что современная антропология этим термином, по крайней мере в XX в., обычно уже не пользуется. И не случайно: гораздо больше оснований говорить о жестком конформизме группы, о строгой необходимости для каждого полностью соответствовать сложившимся экспектациям под угрозой изгнания из общества (уже не только из данной группы), чем о свободе мнений и поведения. Словом, эгалитаризм – это далеко не демократия. В экономическом же аспекте суть его сводится к тому, что каждый член группы, вне зависимости от его личного вклада, имел право на долю коллективного продукта уже в силу своего членства в ней.

Таким образом, потребление в группе коллективное. Без этого уравнительного потребления группа не смогла бы выжить и обеспечить нормальное воспроизводство, не говоря уже о расширенном. Но если потребление было коллективным, то добыча пищи чаще всего была индивидуальной (если не говорить, скажем, о коллективной охоте на крупное животное, что бывало далеко не у всех и не всегда), и в ходе ее один приносил больше, другой меньше. Если учесть, что добыть пищу старались все – попытки отлынивания случались редко и вызывали столь явно выраженную реакцию в виде презрения и насмешек, что в обществе, где престиж ценился очень высоко, это было по сути невыносимым наказанием, – то все сводилось к тому, сколько сил, способностей и удачи у каждого, кто сколько может добыть. Те, кто приносил больше других, как раз и приобретали престиж и авторитет; именно из их числа

выбирали лидеров.

Экономический аспект генерального принципа системы эквивалентного обмена, основанной на уравнительности, антропологи обозначили термином «реципрокность» (от лат. reciproco – двигать туда-сюда, возвращать обратно). Первоначальная суть реципрокного взаимообмена сводилась к тому, что каждый вносил в общий котел, сколько мог, и черпал из него, сколько ему полагалось, тогда как разница между отданным и полученным измерялась в терминах социальных ценностей и выражалась в форме престижа и связанных с ним привилегий.

Будучи едва ли не первым универсальным механизмом функционирования человеческого общества на ранних этапах его существования, реципрокный обмен сыграл решающую роль в последующем развитии общества, в конечном счете в разложении той эгалитарной структуры, которая вызвала его к жизни и существовала на его основе. Включение престижных амбиций способных и удачливых индивидов, вызванное к жизни активным функционированием реципрокности, вело, с одной стороны, к выходу на передний план принципа меритократии, т. е. выдвижения способных и честолюбивых, претендующих на престиж и авторитет, которые со временем все более явственно выделялись над средним уровнем и соответственно обретали привилегии, а с другой – к увеличению общей массы потребляемой пищи, к созданию за счет усилий амбициозных и удачливых охотников своего рода избыточного продукта.

Проблема избыточного продукта сложна. Речь не об абсолютном избытке, во всяком случае не о нем в первую очередь. Имеются в виду излишки по сравнению с нормой (жизнеобеспечивающим продуктом, по определению Ю. И. Семенова). В группах, живших в сравнительно богатых дичью районах, удачливые охотники чаще, чем где-либо еще, приносили богатую добычу, причем со временем выработалась норма, согласно которой принесший добычу имел право сам распорядиться ею. Конечно, при этом соблюдались веками сложившиеся нормы потребления в группе, но право распределения означало, что пища приносится как индивидуальный дар. Здесь лишь легкое смещение акцента, однако в условиях сравнительного избытка оно вело к появлению привилегий. Стало считаться само собой разумеющимся, что обладающий престижем удачливый охотник заслуживает определенных социальных привилегий. Материальный достаток, таким образом, обменивался на престиж, престиж сопровождался некоторыми привилегиями, и все это опиралось на признанный и почитаемый принцип меритократии. Оставался лишь шаг до социального неравенства. И вскоре этот шаг был сделан, правда, уже в новых условиях, когда на смену обществу собирателей пришли коллективы производителей пищи, земледельцев и скотоводов.

Ранние формы неравенства и система редистрибуции

Неолитическая революция и переход к регулярному производству пищи способствовали заметному росту избыточного продукта, что дало резкий толчок изменению форм социальных отношений, менявшихся параллельно с появлением нового образа жизни в виде оседло-земледельческих поселений и общинной организации. Непрочные

у собирателей парные семейные ячейки при переходе к оседлости и систематическому производству пищи трансформировались в более крепкие и достаточно многочисленные семьи, даже семейно-клановые группы, заменившие собой локальные группы бродячих охотников. Группа близких родственников – потомков одной семейной пары, чаще всего по одной определенной линии, мужской или женской, – вместе с их брачными партнерами и детьми обычно представляла собой низовую семейно-клановую ячейку, построенную по нормам строгой экзогамии и имевшую тенденцию к разрастанию в систему родственных кланов.

Именно такие семейно-клановые группы стали первичной ячейкой оседло-земледельческого (а позже и кочевого) общества, что, в частности, хорошо прослеживается антропологами на материалах полевых обследований многих народов Африки. Главой группы обычно являлся отец-патриарх, имевший одну или несколько жен и проживавший со своими детьми, нередко тоже уже женатыми, а также братьями с их женами и иными родственниками и домочадцами в рамках единого общего домохозяйства, своего рода замкнутого компаунда. На территории компаунда каждая женщина с ее детьми имела, как правило, свою хижину (строение с кухней); хижины были и для мужчин, иногда отдельное жилище предоставлялось главе группы. Тут же располагались хозяйственные постройки, амбары, хлевы и т. п. Среднее число взрослых в компаунде, по некоторым подсчетам, составляло семнадцать – двадцать человек. Внутренние связи в семейной группе были неизмеримо жестче тех, что связывали между собой членов кочующей локальной группы охотников и собирателей. Соединенные не по собственной воле, а по случайности рождения строгими нормами брачно-родственных уз, члены семейной группы уже не являлись собранием равных, различавшихся лишь по полу и возрасту. Пол, возраст, принадлежность к определенному поколению и брачному классу, наконец, место в группе, связанное с нормами брачно-родственных уз и случайностью рождения, – все это стало играть важную роль и фиксировать определенный статус каждого. Следствием было возникновение неравенства, выражавшегося обычно в системе социальных и возрастных рангов.

Итак, неравенство в его простейшей модификации – ранговое; суть его в том, что в рамках данной общности четко фиксировалось ограниченное количество позиций высокого статуса, значительно большее – среднего и практически неограниченное – низшего. Низшие ранги имели члены семейно-клановой группы: люди женатые, но не имевшие собственного самостоятельного хозяйства; прошедшие через обряд инициации юноши и девушки, считавшиеся взрослыми; дети и подростки. На самом низу – прибившиеся к коллективу чужаки-аутсайдеры. Глава семейной группы в качестве социального лица имел на этом фоне более высокий ранг, соответствовавший его реальному статусу лидера группы и распределителя хозяйства. Его вполне можно сопоставить с лидером локальной группы охотников, хотя разница между тем и другим достаточно велика.

Прежде всего своим положением отец-патриарх обязан не случайности выбора и тем более не собственным заслугам, а случайности рождения или обстоятельств, превративших его в старшего среди группы более младших родственников его поколения и следующих поколений. Соответственно и его позиция в группе прочна и неколебима; это своего рода пожизненный статус, независимый от воли, настроений или

пожеланий членов группы. Неравенство между ним и остальными членами его группы очевидно, хотя и еще весьма условно. Что же касается функций, то они частично те же, что и у лидера локальной группы: определение характера деятельности для всех, забота о благосостоянии коллектива, принятие решения в конфликтных ситуациях и т. п. Однако есть и немало новых функций, требующих определенных способностей и действий, причем иного, нежели раньше, характера. Во-первых, к числу основных достоинств патриарха относятся не столько качества умелого и ловкого добытчика, сколько опыт знающего администратора и организатора, умеющего предвидеть ход событий и планировать дела, принимать нужные меры, связанные с решением комплекса хозяйственных забот земледельцев. Во-вторых, иной характер принимает борьба за достижение и постоянную реабилитацию престижа, который в социальной системе ценностей землевладельцев-общинников стойко продолжает занимать центральное место и играть едва ли не решающую роль в важнейших делах.

В рамках группы авторитет главы незыблем в силу того, что члены семьи отчетливо ощущают свое зависимое и подчиненное положение. Но зато на передний план выходит задача завоевать авторитет вне группы, в рамках общинной деревни. И вот здесь-то в наибольшей степени проявляется имущественное и социальное неравенство, которое уже существует в ранних земледельческих (равно как и скотоводческих) общинах. Речь идет о господствующей системе распределения продукта, причем не только избыточного.

Глава семейной группы еще не собственник, не хозяин всего ее имущества, которое по-прежнему считается общим, коллективным. Но благодаря своему положению старшего и ответственного руководителя хозяйства и жизни группы он приобретает права распорядителя. Именно от его авторитарного решения (а в рамках семьи демократии еще меньше, чем в эгалитарных структурах) зависит, кому и сколько выделить для потребления и что оставить в качестве запаса, для накопления и т. п. Он же определяет, как распорядиться излишками, использование которых тесно связано с взаимоотношениями в общине в целом. Дело в том, что семейная ячейка, будучи частью общины, занимает в ней определенное место, а место это, в свою очередь, зависит от ряда факторов, объективных и субъективных.

Проблема ресурсов в общине на раннем этапе ее существования обычно не стоит – земли хватает всем, как и прочих угодий. Правда, кое-что зависит от распределения участков, но это распределение производится с учетом социальной справедливости, нередко по жребию. Другое дело – факторы субъективные, столь ощутимо проявлявшие себя в локальной группе и, пожалуй, еще более заметные в общине, хотя и в несколько ином плане. Одни группы многочисленнее и работоспособнее других; некоторые патриархи умнее и опытнее остальных. Все это сказывается на результатах: одни группы оказываются крупнее, зажиточнее, другие – слабее. Менее удачливые расплачиваются тем, что их группы становятся еще малочисленнее, так как на их долю не достается либо достается меньше женщин – следовательно, меньше и детей. Словом, неизбежно возникает неравенство между группами и домохозяйствами. Оно не в том, что одни сыты, другие голодны, ибо в общине надежно функционирует все тот же механизм реципрокного обмена, который играет роль страховки. Но как теперь функционирует

этот традиционный механизм? Как реализуется материальное неравенство?

В общине всегда есть несколько высших престижных должностей (старейшина, члены совета), обладание которыми не только повышает ранг и статус, но также и резко увеличивает авторитет, порой предоставляет некоторые привилегии. Чтобы занять позиции высокого ранга и статуса, домогающиеся их претенденты, в основном из числа глав семейных групп, должны либо продемонстрировать высокие личные достоинства и способности, либо приобрести немалый престиж примерно тем же способом, как это делалось в локальной группе, т. е. посредством щедрых раздач излишков пищи. Но если в локальной группе претендент отдавал добытое им самим, то теперь глава группы мог раздать то, что было добыто трудом всей его группы, имуществом которой он имел право распорядиться. Иными словами, господствует все тот же фундаментальный принцип эквивалента, но древняя практика реципрокного обмена в этом пункте оттесняется специфической системой перераспределения, детально охарактеризованной К. Поланьи и получившей наименование редистрибуции.

Согласно формулировке американского антрополога М. Фрида, путь от эгалитарного общества к ранговому и есть движение от реципрокности к редистрибуции. Редистрибуция как важнейший полит-экономический принцип возникает с того момента, когда средства коллектива и тем более его избыточный продукт оказываются в распоряжении главы группы. Посредством щедрых демонстративных раздач глава процветающей группы повышает свой престиж и занимает более высокое положение в общине, как это изучено антропологами, исследовавшими, в частности, папуасские общины.

Система престижных раздач у папуасов вела к тому, что заколовший сразу всех своих 30–40 свиней глава процветающей группы щедро угощал мясом в дни какого-либо торжества всю деревню. Закон эквивалента требовал от всех угощавшихся вернуть принятый дар. Но поскольку сделать это в материальной форме могли далеко не все [9], разница возвращалась претенденту на престиж и высокий статус (современные антропологи называют таких претендентов бигменами) в форме обязательств и отношений зависимости. Слабые становились в положение клиентов по отношению к бигменам. Голоса клиентов, помимо прочего, обеспечивали успех на выборах общинной верхушки.

Дарение возвышает, принятие дара принижает – этот вывод был детально обоснован французским антропологом М. Моссом и имеет весьма широкое распространение, касается едва ли не всех сфер человеческих взаимоотношений. Генетически принцип такого рода дарообмена восходит все к тому же фундаментальному принципу эквивалента, о котором уже не раз упоминалось. Практическое применение его известно и в древней, и в новой истории. Применительно же к первобытности он наиболее заметно проявлял себя в форме института потлача, изученного на примере американских индейцев. Суть потлача сводилась к тому, что соперничавшие главы коллективов стремились раздать, потребить, а то и просто уничтожить – но обязательно в присутствии соперника, при его участии – как можно

9 Специальное исследование показало, что это практически могли сделать лишь четверть принявших дар – а уклониться от дара невозможно

больше продуктов и добра. Преуспевший в этом считался победителем, и его престиж резко возрастал.

Администрация в земледельческой общине

Папуасский бигмен – это кандидат в общинные лидеры, причем есть основания считать, что институционализация руководства общиной шла именно в ходе отбора и спорадических перевыборов претендентов из числа подобных кандидатов. Некоторые публикации, в частности Н.А. Бутинова, свидетельствуют о том, что у папуасов наряду с общинами, уже имевшими признанных выборных старейшин, были и такие, где лидера как такового еще не было, т. е. община существовала без старейшины.

Главы общин и общинных советов в более крупных общинах, равно как и члены этих советов, обычно избирались при соблюдении более или менее демократической процедуры: личные достоинства, социальный ранг, достигнутый щедрыми реципрокными раздачами престиж, количество поддерживавших кандидата клиентов – все играло свою роль. Но мало добиться должности – нужно было постоянно подтверждать свое право занимать ее, т. е. реабилитировать свой престиж и авторитет. И это условие диктовалось обстоятельствами: не имея никаких средств принуждения, общинный старейшина мог действовать в критической обстановке или при решении конфликтных ситуаций, опираясь только на свой престиж, а престиж добывался прежде всего традиционным способом реципрокных раздач. Неудивительно поэтому, что по меньшей мере на начальных этапах должность главы общины была связана более с расходами, нежели с доходами (к слову, так было и при отправлении должностей в ранних античных полисах): старейшина общины, обладая правом распоряжаться ее достоянием и избыточным продуктом, обычно хранившимся в общественных амбарах и складах, должен был регулярно устраивать щедрые угощения, открывая при этом не столько общественные, сколько свои амбары. Скуповатый старейшина не мог рассчитывать удержаться у власти, а иногда вместе с нею терял и жизнь.

Функции общинного лидера, тем более главы крупной, разросшейся общины, подчас разделенной на кварталы или состоявшей из нескольких соседних деревень, достаточно сложны и многообразны. В некотором смысле это уже функции политического администратора. К их числу относились регулярное перераспределение участков пахотной земли между численно менявшимися группами и небольшими семьями (коль скоро возникали такие), обеспечение справедливого пользования общинными ресурсами и угодьями, организация общественных работ, взаимоотношения с соседями, включая межобщинный обмен и ритуальные акции, и т. п. На лидера возлагалась и важная функция верховного редистрибутора, т. е. распорядителя как коллективного достояния общины, о чем уже было упомянуто (раздел земель и угодий), так и ее избыточного продукта, хранившегося в общественных амбарах. Но каким образом собирался этот продукт?

За всю свою непростую и, главное, необходимую для нормального существования общины работу старейшина обычно получал от глав семейных групп, которым он формально вручал их участки и права на определенные угодья, подарки – вначале спорадические и даже необязательные, но со временем становившиеся нормой и

регулировавшиеся обычаем. Эти подарки, равно как и участие всех в строительстве большого дома для главы общины и его жен, всей его большой семьи (дом старейшины, как правило, выделялся размерами), являли собой тот эквивалент, который старейшина получал от коллектива за свой общественно полезный труд. Вначале эти подарки в форме пищи, зерна хранились в амбарах и не вели к заметному обогащению лидера, больше раздававшего, чем получавшего. Но со временем их накапливалось все больше, а глава общины все более определенно превращался в глазах коллектива уже не просто в распорядителя, но в «хозяина земли», раздававшего ее как бы от своего имени и за то имевшего право на налог, которым он был волен распоряжаться по своему усмотрению. Это означало, что объективная потребность разраставшегося и усложнявшегося коллектива в управлении и централизованном регулировании в форме редистрибуции избыточного продукта вела к появлению должностных лиц, обладавших престижем, авторитетом, привилегиями и облеченных властью, т. е. очень заметно отличавшихся по своему реальному статусу от рядовых производителей.

Итак, вставший над общиной старейшина приобретает над нею определенную власть. Существует множество определений понятия «власть». Классическая формула М. Вебера сводится, например, к тому, что власть – это возможность осуществлять свою волю вопреки сопротивлению тех, кого это затрагивает, либо при согласии их. В триаде престиж – авторитет – власть вершиной и конечной целью амбициозного честолюбца является достижение реальной власти, т. е. возможности в конечном счете не только руководить, но порой и навязывать свою волю управляемому коллективу, что означало достижение высшей точки на общепризнанной шкале социальных ценностей. Хотя власть старейшины была так называемой властью положения, опиралась только на престиж и авторитет, да еще к тому же довольно дорого стоила ее обладателю, к ней стремились многие. И не приходится удивляться: шкала социальных ценностей говорила сама за себя – все, кто был готов к этому, обычно включались в негласное соревнование за достижение ее вершины.

Но что дальше? Как существует община в окружающем ее мире? Каков характер связи ее с соседями, тем более с этнически родственными ей общинами? Что такое племя?

Социологи и антропологи подвергли обстоятельному анализу феномен механической солидарности разраставшихся на основе сегментации семейно-клановых групп многочисленных родственных кланов в зоне обитания данной этнической общности. Базирующаяся на общности происхождения, культуры, языка, спаянная ритуальными нормами (обряды инициации, мужские дома, празднества) и легендарно-мифологической традицией, такого рода общность, обычно всегда именовавшаяся племенем, подчас исчисляется сотнями тысяч. Именно в ее недрах фиксируется солидарность, которая реализуется автоматически, но подчиняется законам энтропии: сила ее убывает с увеличением дистанции, как социально родственной, так и территориальной (феномен убывающей этнической солидарности). Консолидирующий импульс здесь возникает лишь в экстраординарной ситуации, чего оказывается достаточно для сохранения общности, которая в ординарном, обычном состоянии вновь автоматически распадается на аморфную сумму общин – каждая во главе со своим лидером, как это наглядно видно на примере общностей тив и нуэр в

северной Нигерии.

М. Фрид резонно предложил отказаться от наименования таких аморфных общностей племенем и закрепить название «племя» за теми, чья структура близка к протогосударственной. Согласно его концепции, конституирующий протогосударственную структуру импульс становится устойчивым, если угроза общности извне оказывается постоянной, – именно в этом случае возникает племя как структура во главе со своим вождем. Но для того чтобы такого рода процесс кристаллизации общности произошел, чтобы аморфная общность превратилась в племя, требовалось существование рядом с ней сильного соседа, в котором все эти процессы уже прошли. Иными словами, племя как политическая структура вторично. Но что же тогда первично? Как возникали первые, наиболее ранние надобщинные структуры?

Снова вернемся к общине. Функционируя в пределах данной этнической общности и имея тесные обменные, ритуальные, брачно-семейные и иные связи с соседними общинами своей общности, каждая община, тем не менее, образовывала замкнутую социальную ячейку. Община могла быть связана обменом и с соседями чуждой ей этнической общности, но и при этом, естественно, ни о какой интеграции не было речи. Когда же и при каких обстоятельствах появился интеграционный импульс достаточной силы, чтобы возникла надобщинная политическая структура?

Генезис надобщинных политических структур

Полевые обследования антропологов позволяют реконструировать процесс генезиса первичных надобщинных структур на примере замкнутых анклавов, будь то Тробриандские острова или Полинезия, а также некоторых африканских общностей. Механизм здесь примерно одинаков: в ходе соперничества лидеров соседних общин наиболее удачливый берет верх и подчиняет себе остальных, превращая их в повинующихся ему руководителей управлявшихся ими прежде коллективов, которые выступают теперь по отношению к возникающему протогосударству в целом в качестве его региональных подразделений. Но одно дело – процесс в замкнутом анклаве, другое – в реальности древнейшего исторического прошлого. Иными словами, если в стерильной обстановке процесс мог и подождать, пока общность окончательно созреет для интеграции, при условии, что ничто извне этому не мешает и никак в это не вмешивается, то в древневосточной реальности, где складывались первые известные науке протогосударства, такого рода условий не было. Значит, нужно реконструировать обстоятельства, которые могли способствовать процессу. Именно этим и занимались многие исследователи на протяжении долгих десятилетий, еще со времен Г. Мэна и Л.Г. Моргана, предложивших в прошлом веке свои варианты.

Современная наука исходит из того, что возникновению первичных надобщинных структур способствовал комплекс необходимых условий. Так, исходным фактором первостепенной важности была оптимальная экологическая среда. Такого рода экологический оптимум лучше всего проявил себя в долинах великих рек, расположенных в теплом и мягком климате, с плодородными почвами и регулярными либо спорадически

удобряющими их разливами. Второй необходимый фактор – достигнутый обществом определенный уровень производства, включая рациональное использование ресурсов, регулярный обмен с соседями, кооперацию и координацию труда и, как следствие всего этого, устойчивый и имеющий тенденцию к возрастанию избыточный продукт. Фактор третий – необходимый демографический оптимум, т. е. определенная плотность населения, даже давление населения в условиях хорошо заселенного окружающего пространства. Когда это давление достигает определенной критической точки, создается импульс, некое силовое поле, резко убыстряющее процесс социально-политической интеграции. Именно центр зоны расселения, где плотность наибольшая, становится ареной ожесточенного соперничества соседних лидеров.

В свое время были выдвинуты теории, авторы которых, например, Ф. Оппенгеймер, придавали решающее значение в процессе генезиса государств войнам. Но подобные теории не могли объяснить, откуда и за счет чего возникали те мощные организационные структуры, без которых нет больших армий и войн. Неудивительно, что в последние годы возобладала точка зрения, согласно которой войны и завоевания – не причина, а следствие возникновения надобщинных протогосударственных образований. Это относится и к упоминавшемуся уже феномену военной демократии: если вообще можно говорить о нем, то лишь применительно к более позднему этапу развития, да и то с оговорками. Значит ли это, что войны не играли вообще никакой роли в процессе генезиса протогосударств?

Это не так. Небольшие отряды воинов могли принимать участие в упомянутом процессе. Но они были лишь вспомогательным его моментом. Основа же сводилась к соперничеству лидеров более или менее мирными средствами. Истоки такого соперничества, восходившие в конечном счете к жажде престижа, авторитета, были своего рода психологическо-поведенческим стереотипом, опиравшимся на престижную экономику с ее реципрокными раздачами и централизованной редистрибуцией. Отдавая, лидер получал; получая, стремился ко все большему, для чего нужно было опять-таки суметь много отдать. Но где это взять?

Специалисты, например, М. Харрис, отмечали, что такое, казалось бы, нерациональное потребление добра, как поедание либо уничтожение его в моменты раздач типа потлача, способствовало увеличению производства и стимулировало рост производительности труда. Выражаясь иначе, лидер общины постоянно стремился к максимализации экономической функции своего коллектива. Вот эта-то генеральная задача максимализации экономической функции, ставшая перед амбициозным лидером, и играла роль в мобилизации всех возможностей. Мобилизовав их в благоприятных обстоятельствах уже возникшего силового поля, объективно содействовавшего интеграции, лидер мог не просто унизить соперника при очередной щедрой раздаче, но и раздавить его настолько, чтобы он вынужден был признать свою зависимость. Вот в ходе этого соперничества на его заключительном этапе и могла быть использована та небольшая военная сила лидера, которую он мог реализовать для закрепления своей новой позиции.

Слабые соперники подчинялись сильному, богатому и щедрому, в результате чего создавалась благоприятная обстановка для возникновения надобщинной политической структуры, протогосударства.

Первичное протогосударство, или простое протогосударство, вождество (англ. чифдом), – это обычно группа общинных поселений, административно подчиненных центральному поселку городского типа, где находится резиденция вождя и его окружения. В функцию вождя входит создание эффективной системы администрации с целью добиться оптимальной организации производства и максимума избыточного продукта. Наряду с этим на передний план среди ведущих функций вождя выходит военная – та самая, о которой уже было упомянуто.

Дело в том, что с момента возникновения первых первичных протогосударств (а их обычно возникало сразу несколько в том регионе, где для этого были условия и уже наглядно действовала сила примера) появляется и ожесточенное соперничество между ними. В этих условиях именно войны оказываются главным средством решения споров и реализации преимущества. Военная функция надолго становится одной из важнейших, что, собственно, и породило представление о всеобщем характере так называемой военной демократии как формы организации воинственной общности, существующей за счет грабежа других. Эта организация, хорошо известная в разных районах мира (достаточно напомнить о викингах и варягах), была, однако, не столько правилом, сколько исключением (к слову, проблема демократии в ней тоже нуждается в специальном анализе): ведь для того, чтобы кого-то ограбить, с кого-то брать дань, нужно, чтобы этот «кто-то» уже существовал как более или менее развитая структура, способная производить достаточное количество избыточного продукта и дорогостоящих изделий, которые и были предметом грабежа и дани. Поэтому речь идет не о вольном воинстве типа викингов, а о военной функции протогосударства, стремящегося с помощью войны присоединить к себе более слабого соседа и создать укрупненную систему протогосударства.

Укрупненная система мелких первичных протогосударств – это сложное или составное протогосударство, имеющее иерархическую внутреннюю структуру и знакомое с определенным количеством оторванных от сельскохозяйственного производства групп администраторов, воинов, жрецов и обслуживающего верхи персонала (слуги, рабы, ремесленники). Что касается администраторов и воинов, то о них уже шла речь. Администраторы – это общинная выборная верхушка; воины – это группа профессионалов-дружинников, всегда готовая повести за собой всех остальных, способных носить оружие. Слуги и рабы принадлежат к числу неравноправных чужаков, чаще всего захваченных в ходе войн. Из их же числа, а также из числа собственных мастеров, если они имелись в коллективе, формируются профессионалы-ремесленники, прежде всего металлурги-кузнецы, продукт труда которых становится особенно важным с момента, когда неолитические коллективы вступают в век бронзы. Но едва ли не наиболее важной прослойкой в формирующемся протогосударстве всегда были жрецы. Во всяком случае глава протогосударства часто одновременно был высшим жрецом-первосвященником. Почему?

Власть в протогосударстве, как и в общине, была выборной, ибо иных форм ее замещения общество еще не знало. Но достигший высшей власти вождь, сполна вкусивший сладость этой власти, пользующийся всеми благами авторитета и привилегий, никогда не спешит с ней расстаться. Напротив, он старается ее укрепить, добиться ее легитимизации, в чем заинтересован и коллектив: авторитарная власть вождя ведет к

укреплению интегрирующих импульсов, призванных противостоять принципу убывающей солидарности, к ослаблению тенденции к региональной автономии, обузданию честолюбия местных лидеров и в конечном счете к соединению воедино всех включенных в рамки протогосударства. На практике сказанное означает, что добившийся власти лидер стремится закрепить эту власть за собой пожизненно, а коллектив этому способствует. Но как это оформить?

Вот здесь-то и приходит на помощь институт сакрализации власти. Вождь должен выступать как носитель божественной благодати, как могущественный посредник между миром живых и сверхъестественными силами, включая и всех умерших вождей. На службу возникающей в связи с этим более сложной религиозно-мифологической системе привлекаются все существовавшие до того колдуны и иные служители культа. Это не означает, что все религиозные системы возникали лишь с целью укрепить власть вождя. Но нет сомнений в том, что формирование ранней религиозной системы было связано именно с сакрализацией личности и должности вождя.

Сакрализация должности вождя была важным моментом институционализации и деперсонализации его власти, постепенного превращения его из личности в символ. Престиж, авторитет и власть правителя стали восприниматься в коллективе как имманентная функция власть имущего и даже более того, как своего рода сакральное свойство вождя. Отсюда был только шаг до того, чтобы возникло представление о высшем покровительстве сверхъестественных сил, о божественной благодати, которая тем сильнее и больше, чем выше стоит человек на социальной лестнице (полинезийская мана). В результате обладание сакральной благодатью постепенно превращалось в свойство причастных к власти и их близких родственников.

Эта кардинальная трансформация в системе взглядов, своего рода мировоззренческая революция, сыграла огромную роль в дальнейшем развитии ранних обществ и государств. Как упоминалось, сакрализация вождя была важным условием институционализации его власти, легитимизации его божественного права на власть. Власть становилась пожизненным правом, а выборы нового вождя – более редким явлением. И хотя принцип меритократии как первое и главное условие выбора, основной критерий отбора кандидатов еще не утратил своей силы, он должен был в новых условиях несколько измениться. Во-первых, потому, что сложность и многофункциональность административного бремени была теперь по плечу отнюдь не каждому, что к ней следовало готовиться загодя, едва ли не сызмальства. Уже одно это обычно ограничивало круг претендентов близкими к власти людьми, прежде всего родственниками и помощниками вождя. Во-вторых, среди этих людей обладающими наибольшей сакральной благодатью стали считаться прежде всего близкие родственники вождя. Вопрос теперь был в том, кто именно из этих близких родственников имел наибольший шанс.

Вначале это не было определено, и история многих протогосударств полна описаний ожесточенного соперничества и борьбы за власть между ближайшими родственниками покойного – его братьями, кузенами, сыновьями, племянниками, что, естественно, сильно ослабляло структуру. Поэтому объективные потребности стабилизации власти требовали упорядочения порядка наследования. Именно эта объективная потребность и вызвала к жизни принцип конического клана с

неравенством линий.

До того все линии разраставшегося клана, возникавшего на базе той или иной семейно-родовой группы, считались равноправными, причем именно это равноправие и лежало в основе упоминавшегося принципа механической солидарности аморфных общин даже крупной этнической общности, состоявшей из множества ветвей одних и тех же, первоначально немногих родственных кланов. Сущность нововведения сводилась к тому, что в многочисленном клане правителя стала четко выделяться одна главная линия, шедшая от отца к одному из его сыновей, обычно старшему, тогда как все остальные начали восприниматься как боковые (коллатеральные). Главным критерием социального старшинства в иерархически организованном коническом клане, структура которого была впервые наиболее полно описана П. Кирхгофом, стало считаться генеалогическое удаление от основной линии: с каждым поколением боковые линии уходили от нее все дальше, тогда как она сама, разветвляясь, создавала все новые боковые ветви, которые опять-таки постепенно от нее удалялись. И хотя даже после этого революционного нововведения процедура наследования далеко не всегда и не везде стала простой (нередко сыновья с помощью интриг боролись за благосклонность отца; играли свою роль и их матери в гареме), она, тем не менее, теперь уже достаточно строго определяла приоритеты.

Власть вождя стала наследственной в его семье, что сыграло огромную роль в деле стабилизации всей структуры. При этом личность вождя сделалась священной вне зависимости от его индивидуальных качеств и способностей, недостаток которых должен был восполняться опытом и знаниями помощников. Закрепленные же за семьей вождя привилегии и прерогативы теперь воспринимались всем коллективом как проявление высшего божественного статуса его персоны и безусловного его права распоряжаться всем достоянием протогосударства или формирующегося, структурирующегося племени, становившегося протогосударством. Вчерашний выборный вождь превращался, таким образом, в субъекта сакрализованной власти и высшей собственности, в священное «связующее единство» укрепляющегося коллектива.

Собственно, на этом и заканчивается формирование протогосударственных обществ со всеми их вновь созданными институтами и усложнявшимися функциями. В заключение стоит дать обобщенную дефиницию. Протогосударство (чифдом, вождество, племенное протогосударство) – это политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, возглавляемая сакрализованным правителем с наследственной властью. Главной функцией этой структуры является административно-экономическая, отражающая объективные потребности усложняющегося общества. Структура знакома и с иными важными социальными функциями – с военной, медиативной (судебно-посреднической), интегрирующей и т. п. Именно в рамках этой переходной по типу политической структуры ее вождь из вчерашнего слуги общества, старавшегося завоевать общественный авторитет и с его помощью трудиться на благо коллектива, начинает становиться над обществом, стремится подчинить общество себе и стать его господином.

Глава 4
Закономерности формирования государства на Востоке

Описанный в предыдущей главе процесс генезиса пред – и протогосударственных институтов в основных своих пунктах – с бесчисленными вариациями и модификациями – универсален. Так или примерно так вызревали надобщинные политические структуры у всех народов и во все времена, вплоть до XX в., что засвидетельствовано полевыми материалами антропологов, сыгравшими едва ли не важнейшую роль в реконструкции этого процесса. Но как шло дело дальше? Как на базе небольшого и сравнительно примитивно организованного протогосударства, часто возникавшего на племенной основе (это особенно очевидно и типично для кочевников), формировались более развитые социально-политические структуры? Что при этом играло основную роль?

Следует снова напомнить, что здесь возможны варианты, причем решающего характера. Именно на основе привычной протогосударственной структуры гомеровской Греции произошла та революционная трансформация (социальная мутация), которая вызвала к жизни античную структуру, принципиально отрицавшую предшествовавшую ей. Но это уникальный случай, более нигде и никогда не повторившийся. А как было во всех остальных обществах, перешедших грань примитивного протогосударства? Как складывались характерные для неевропейского мира формы общества и государства, что было их структурной основой?

Власть и собственность: феномен власти-собственности

Сложившееся на основе земледельческой общины (в какой-то мере это относится и к кочевникам, но типичный вариант – именно земледельческий) протогосударство во многом восходит к нормам взаимоотношений и формам взаимосвязей, веками развивавшимся в рамках общины. Но на основе прежних норм и форм в новых условиях возникали институты иного, более совершенного и развитого типа, – они соответствовали укрупнявшейся и усложнявшейся социально-административной структуре протогосударства. О каких новых институтах идет речь?

В нашей стране, где менталитет XX в. воспитан на идеях марксизма, было еще сравнительно недавно твердо принято считать, что институтами, приходившими на смену первобытной общине, были институты классово-антагонистического общества, основанного на частной собственности и делении населения на классы прежде всего по признаку отношения к этой собственности (имущие и неимущие). Такого рода схоластическая презумпция привела к жесткому постулату, согласно которому все древние общества должны были быть так называемыми рабовладельческими с характерными именно для них антагонистическими классами рабовладельцев и рабов. В истматовском варианте XX в. эта идея марксизма превратилась в догму, была доведена до абсурда, несмотря на то, что сам Маркс был много более сдержан в этом смысле: в его схеме всемирной истории наряду с рабовладельческой (античной) формацией существовал, как о том упоминалось, и

«азиатский» способ производства, характерный для Востока и отличавшийся от античного и иных европейских способов производства тем, что в восточных структурах не было частной собственности и классов, а альтернативой господствующему классу было само государство в лице организованного им аппарата власти.

В отличие от Гегеля, делавшего акцент на проблемы именно власти, причем в ее наиболее жесткой из известных человечеству до XX в. форме восточной деспотии, Маркс выдвигал на передний план собственность, говоря о верховной собственности государства на Востоке. Но что это такое – хотя бы с точки зрения главного для Маркса политэкономического критерия? Это собственность или все-таки власть? Сам Маркс, как то явствует из приводившейся выше цитаты, склонен был идентифицировать верховную собственность и государственный суверенитет. Однако до логического конца эта идентификация в его трудах доведена не была. Больше того, сама идея верховной собственности была подвергнута сомнению рядом авторитетных историков-марксистов – факт достаточно редкий, чтобы оставить его без внимания. Так что же все-таки первично в изучаемой нами структуре – деспотизм, беспредел власти или собственность, пусть даже не частная?

Ответ на этот кардинальный вопрос упирается в анализ группы проблем, связанных с оценкой роли институтов власти и собственности в ранних политических структурах, генетически и функционально родственных классическим восточным, стадиально предшествовавших именно им, лежавших в основе восточного деспотизма по Гегелю и «азиатского» способа производства по Марксу. Остановимся кратко на этих проблемах.

Что касается власти, то об этом понятии уже шла речь как в теоретическом плане (со ссылкой на М. Вебера), так и в сугубо историческом: восходившая к древнейшей и абсолютно преобладающей системе социальных ценностей триада престиж – авторитет – власть привела со временем к сложению авторитарного института наследственной власти сакрализованного вождя-царя в протогосударствах. Это было повсюду, включая и предантичную Грецию с ее царями, столь поэтично воспетыми великим Гомером и так хорошо известными по классической греческой мифологии. На Востоке власть такого типа достаточно быстро – в отличие от античной Греции – трансформировалась в деспотическую, хотя не везде одинаково ярко выраженную. Главной причиной этого было отсутствие здесь развитого рыночно-частнособственнического хозяйства, сыгравшего решающую роль в той социальной мутации, которую пережила античная Греция. Деспотизм как форма власти, а если взглянуть глубже, то как генеральная структура общества, возникает там, где нет той самой частной собственности, об обязательном наличии которой, не признавая исключений или хотя бы вариантов, твердила долгие годы абсолютно господствовавшая у нас истматовская схема. Иными словами, деспотизм присущ структурам, где нет собственников. Но это те самые структуры, которые возникали на базе первобытности.

Во всех обществах, о которых выше уже шла речь (кроме античного, отличавшегося от них), понятия о собственности вообще, тем более о частной собственности, просто не существовало. Специалисты, исследующие такие структуры, используют для их характеристики понятия «коллективная», «общинная» «племенная» собственность и т. п.,

сознавая всю условность этих понятий. Дело в том, что понятие о собственности в коллективах собирателей, кочевников или общинных земледельцев сводилось прежде всего к представлению о праве на ресурсы, которые считались принадлежавшими данной группе и использовались ее членами в процессе их хозяйственной деятельности. Собственно, иначе и быть не могло в те времена и в тех условиях жизни. Основа отношений к ресурсам, от обладания которыми зависело существование коллектива, реализовывалась, таким образом, в терминах владения, т. е. власти: «Мы владеем этим; это – наше». Субъектом власти, владения, распоряжения хозяйственными ресурсами или, если угодно, коллективной собственности всегда был и практически всегда мог быть только коллектив, причем этому никак не противоречило то обстоятельство, что всегда существовало индивидуальное и семейное пользование какой-то частью общего владения, не говоря уже о предметах обихода, жилище, личных вещах, орудиях производства и т. п. Это означает, что и экономическое содержание, и юридическая форма такого рода собственности – именно владение и, как результат владения, власть. Сначала власть только над ресурсами. Но это только сначала.

Выше уже рассматривался процесс сложения и развития института редистрибуции в общине с ее ранними формами неравенства как на уровне семейно-клановой группы, так и в рамках коллектива с его рангово-статусной иерархией в целом. Редистрибуция – это в конечном счете прежде всего власть, причем именно та власть, которая опирается как на экономическую реальность (владение ресурсами группы или общины), так и на юридическую ее форму (право выступать от имени группы или общины, распоряжаться ее достоянием и особенно ее избыточным продуктом). В рамках надобщинной структуры, протогосударства с наследственным вождем, ставшим символом коллектива, неоспоримое право распоряжаться общественным достоянием было функцией высшей власти вождя.

В свете сказанного вполне очевидно, что представление о верховной собственности государства и государя можно понимать только в том плане, о котором идет речь: высшая собственность правителя-символа, олицетворяющего коллектив, производна от реального владения достоянием коллектива и безусловного права распоряжаться его ресурсами и имуществом, причем и то и другое в конечном счете производно от власти. Власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти. Власть и собственность неразделимы, нерасчленимы. Перед нами феномен власти-собственности.

Власть-собственность – это и есть альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских структурах, причем это не столько собственность, сколько власть, так как функции собственника здесь опосредованы причастностью к власти, т. е. к должности, но не к личности правителя. По наследству в этих структурах может быть передана должность с ее правами и прерогативами, включая и высшую собственность, но не собственность как исключительное частное право владения вне зависимости от должности. Социально-экономической основой власти-собственности государства и государя было священное право верхов на избыточный продукт производителей. Если прежде семейно-клановые группы вносили часть своего продукта в форме добровольных взносов старейшине в

качестве скорей символической, нежели реальной платы за его общественно полезный труд, то теперь ситуация стала иной. В надобщинной структуре, в рамках протогосударства вождь имел бесспорное право на определенную часть продукта его подданных, причем взнос с политэкономической точки зрения принимал облик ренты-налога. Налога – потому что взимался центром для нужд структуры в целом, в частности для содержания непроизводительных слоев, обслуживающего их персонала или производителей, занятых в неземледельческой сфере (ремесло, промыслы и т. п.). Налог в этом смысле – высшее право государства как суверена на определенную долю дохода населения. Что же касается ренты, то она проявлялась в праве собственника, субъекта власти-собственности, на определенную долю реализации этой собственности в хозяйствах земледельцев-общинников.

Появление феномена власти-собственности было важным моментом на пути институционализации общества и государства в неевропейском мире. Практически это означало, что прежняя свободная община теряла свои исключительные права владения ее угодьями и продуктом. Теперь она вынуждена была делить эти права с теми, кто в силу причастности к власти мог претендовать на долю ее имущества, начиная от регионального вождя-администратора, будущего владетельного аристократа, которому верховный вождь передавал часть своих высших прерогатив, и кончая общинным главой, все более превращавшимся в чиновника аппарата администрации. Иными словами, возникал и надолго закреплялся хорошо знакомый специалистам феномен перекрывающих друг друга владельческих прав: одна и та же земля (а точнее, право на продукт с нее) принадлежит и обрабатывающему ее крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий угодья старейшина, и региональному администратору, и верховному собственнику. И что показательно, эта множественность прав, столь нелепая в обществе с юридически хорошо разработанными частно-правовыми нормами, здесь никого не смущает: коль скоро земля не является частной собственностью и принадлежит всем, то совершенно естественно, что каждый получает свою долю дохода от нее, причем в строгом соответствии с той долей владения ею, власти над ней, которой реально располагает. Вместе с тем важно оговориться, что в множественности прав уже таились зародыши некоторой трансформации прежней структуры, в частности тенденции к приватизации, т. е. к появлению частной собственности (пусть не господствующей и весьма ограниченной в потенциях, но все же частной), до того в описываемом обществе еще не известной.

Раннее государство

Обычное протогосударство, в том числе составное и даже этнически гетерогенное, несмотря на весьма заметную разницу между крестьянскими низами и верхами управителей, было еще густо опутано системой родственных клановых связей. Более того, именно эти связи играли чаще всего основную роль в его социальной и административной структуре, определяя степень знатности и место человека в обществе. С течением времени и по мере институционализации власти ситуация определенным образом менялась. Прежде всего клановые связи начинали

терять свою всеобщность и оказывались свойством немногих, признаком избранности, аристократизма. Дело в том, что эти связи были чрезвычайно важны там, где критерий генеалогического родства определял степень близости к правителю и его клану, т. е. знатность, что давало человеку право иметь соответствующий ранг и титул, а также претендовать на определенную должность и привилегии. Что же касается крестьянских низов, то они, даже если и состояли в отдаленном родстве по боковой линии с каким-либо из знатных кланов, постепенно практически исключались из счета родства, поскольку для них это уже не имело никакого значения. Кроме того, опасавшиеся притязаний близкой родни на власть правители стремились приблизить к себе преданных лично им чужаков из числа мелких должностных лиц, слуг, а то и иноплеменников-рабов, явных аутсайдеров. Часть их, закрепившись наверху, со временем тоже давала начало знатным аристократическим кланам. Результатом всего этого было появление в обществе, прежде ориентировавшемся в основном на заслуги и престиж, новых критериев для деления на верхи и низы. Верхи стали комплектоваться из числа наследственных аристократов и причастных к власти должностных лиц, причем те и другие, тесно связанные клановыми связями, образовывали своего рода потомственный слой людей, занятых в сфере управления и включенных в систему социально-имущественных привилегий.

Такого рода социальная поляризация общества на причастные к аппарату власти привилегированные слои и производителей, прежде всего общинных крестьян (между теми и другими была еще прослойка обслуживающего верхи персонала – рабов, слуг, ремесленников и др.), резко меняла традиционную систему редистрибуции: если прежде избыточный продукт лишь распределялся по воле причастного к власти и служил способом обретения им дополнительного престижа, то теперь этот продукт превратился в средство содержания всех тех, кто встал над обществом и кто обслуживал привилегированные верхи. Иными словами, в новых условиях социальные низы, т. е. крестьяне-производители, оказались исключенными как из системы генеалогического родства в конических кланах аристократов, так и из сферы редистрибуции. Этот все углублявшийся отныне разрыв между верхами и низами означал, что на смену примитивному политическому образованию типа протогосударства шла более развитая и принципиально отличная от него административно-политическая структура – раннее государство.

Конечно, непроходимой грани между этими двумя формами политической интеграции нет, но разница все же есть, и немалая. Раннее государство обычно много сложнее и крупнее протогосударства; этническая гетерогенность здесь – уже практически почти обязательная норма, ибо возникает раннее государство преимущественно за счет завоеваний и аннексии соседей. Расширяясь и включая в свой состав многие десятки и сотни тысяч людей, раннее государство обычно оказывалось перед необходимостью усложнить администрацию, следствием чего был дальнейший рост иерархичности структуры в целом: все стоявшие над общиной в свою очередь выстраивались в сложную иерархическую лестницу должностных лиц, прав, статусов, привилегий.

Так, иерархическая лестница управления оказывалась по меньшей мере трехступенчатой; возникали три уровня – высший общегосударственный, средний региональный и местный. При этом на высшем уровне фиксируется заметная специализация административной

деятельности – военачальники, жрецы, главы канцелярий или ремесленных служб, администраторы широкого профиля, казначеи и хранители казенных амбаров, управители дворцовых или храмовых служб, домашних покоев правителя и т. п., вплоть до возникновения кое-где контрольно-ревизорской службы. И хотя в центральной администрации по-прежнему огромную роль играли клановые связи, а во главе многих управлений стояли знатные аристократы и родственники правителя, система власти в целом уже заметно тяготела к внеклановому принципу и к использованию способных аутсайдеров и это вполне отвечало далеко еще не забытому принципу меритократии.

Что касается администрации на региональном уровне, то она обычно бывала много проще и имела чаще всего двойное подчинение – главе регионального подразделения и соответствующим службам и управлениям центра. Здесь специализация была много слабее и функции нередко совмещались. Тем более все это было характерно для местного уровня, где по традиции на главу общины падала львиная доля всех административных забот о благосостоянии общинного коллектива, а также о своевременных выплатах ренты-налога в казну и организации необходимых для коллектива и для государства общественных работ.

Этот последний момент заслуживает особого внимания. Дело в том, что именно в рамках укрупненного раннего государства, в отличие от протогосударства (за редкими исключениями типа раннешумерских), возникает феномен урбанизации, т. е. монументального городского строительства, сооружения дворцов, храмов, мавзолеев, пирамид, каналов, дамб и т. п. Урбанизация стоит дорого, так что далеко не случайно именно с нее начинается обычно отсчет цивилизации. Далеко не все протогосударства могли позволить себе нечто подобное, и подавляющее большинство их так и замирало на доцивилизованном уровне. О немногих исключениях типа древнешумерских храмовых центров уже упоминалось. Что же касается ранних государств, то для всех них урбанизация была непременным условием существования, чем они принципиально отличались от протогосударств. Сооружались же все монументальные городские и иные сооружения (дамбы, каналы, дороги) за счет труда крестьян, привлекавшихся к общественным работам в свободное от сельскохозяйственных забот время, к тому же поочередно. Именно в порядке общественной обязанности, которая по сути восходила ко все той же древней системе реципрокного обмена, крестьяне участвовали в создании престижных сооружений, находясь в эти дни на полном государственном обеспечении и даже получая для работ казенные орудия и средства труда. Стоит специально подчеркнуть, что такого рода общественные работы никогда не считались подневольными отработками, а напротив, всегда рассматривались всеми, включая и массы работников, как сооружения, имеющие важный ритуальный смысл и общественное значение. Не мифические сотни тысяч рабов из-под палки, как о том обычно писали наши учебники, но именно крестьяне выполняли такие работы, во всяком случае на ранних этапах развития, в рамках ранних государств.

Этап раннего государства обычно совпадал с серьезными изменениями в сфере религиозно-идеологической, в ходе которых обычная для протогосударства практика сакрализации вождя нередко достигала своего апогея: государь провозглашался сыном бога или даже живым божеством, а вся система богов, имевших теперь внушительные и

возвышавшие их статус монументальные храмы в их честь, способствовала укреплению в умах населения представлений о могуществе божественных сил и тем самым обеспечивала необходимый духовно-идеологический комфорт. Известный американский антрополог Э. Сервис саркастически писал в этой связи: «Как приятно сознавать, что боги нашей общности – величайшие в мире, что их представители на земле священны и что тем самым мы избранный народ! И сколь очевидно удобны такие представления для правящей группы!»

Но, пожалуй, наиболее важное с точки зрения перспектив развития нововведение на этапе раннего государства – это упоминавшаяся уже тенденция к приватизации, начинавшаяся с престижного потребления.

Престижное потребление верхов, реализовывавшееся обычно в строгом соответствии со степенью знатности, рангом, титулом, должностью, выражалось в преобладании изысканных одежд и лучшей пищи, в строительстве богатых домов и гробниц, в создании сложных систем различных удобств и услуг. Все большее количество ремесленников разных специальностей (ювелиры, оружейники, колесничие, архитекторы, ткачи, портные, столяры и др.), слуг (садовники, псари, конюшие, повара, лакеи, евнухи и т. п.) обслуживало возраставшие потребности власть имущих. Как социальный феномен престижное потребление всегда отличается тем, что имеет непременную тенденцию к росту. То, что было достаточным вчера, кажется неудовлетворительным сегодня. Каждый стремился выделиться из числа равных ему, приблизиться по уровню и качеству потребления к стоящим выше. В это соперничество включались правитель и его семья, которые обычно задавали тон. Нельзя было забывать и об имеющем государственный смысл старании выглядеть богаче и щедрее соперника, соседнего правителя, что опять-таки имеет самое прямое отношение все к тому же высоко ценившемуся престижу.

За счет чего растет престижное потребление? Прежде всего традиционно – за счет редистрибуции избыточного продукта, хранившегося в казенных амбарах и складах. Правитель щедрой рукой раздает его в разных формах, от зерна в мешках до роскошных шуб или изысканных драгоценностей, в обмен за что он вправе требовать и ожидать от своих приближенных и администраторов преданности и беспрекословного повиновения согласно древнему принципу реципрокности. Но на этом дело не кончается. Активная внешняя политика удачливого правителя приводит к расширению границ его государства, увеличению его населения и богатств. В зависимости от сильного государства оказываются его соседи, находящиеся на разном уровне развития, но в любом случае выплачивающие в знак признания своей зависимости определенную дань.

Расширение земель и поток дани создает новые условия и возможности для правящих верхов. Успешно расширяющий свои владения правитель нередко дает своим родственникам – практически теперь уже от своего имени – участки земли, подчас целые области в своего рода кормления. И хотя доход с этой вотчины не принадлежит вновь назначенному владельцу, во всяком случае целиком, часть его становится объектом присвоения со стороны нового владельца. Более того, в условиях ослабления расширившегося государства этот владелец – как, впрочем, и функционально близкий ему региональный администратор – обычно превращается в автономного властителя и

узурпирует право от собственного имени наделять родственников и приближенных более мелкими уделами и кормлениями, что способствует возникновению многоступенчатой иерархической структуры вас сально-феодального типа, столь хорошо известной и древности, и средневековью (речь идет о социально-политической структуре, а не о формации!).

Но тенденция к приватизации проявляется не только в этом. Власть имущие постепенно приобретают право распоряжаться людьми, оказывающими им услуги или находящимися под их началом. Эти услуги нередко индивидуализируются, а люди – будь то воины, слуги или рабы – становятся объектами присвоения. Но и это еще далеко не все.

В руках чиновников рангом пониже, не имеющих ни удела, ни штата помощников и слуг, концентрируются немалые средства, распоряжение которыми входит в их служебные обязанности. Так, чиновник, осуществляющий, скажем, от имени казны или храма дальние транзитные операции для приобретения нужных изделий или раритетов (иных форм торговли, если не считать мелкого натурального обмена, общество еще не знало), попутно с порученным ему главным делом может произвести выгодный обмен для себя или по чьей-либо просьбе. Чиновник, ведающий тем или иным видом ремесла, использует лично для себя или еще для кого-то часть продукта и труда подчиненных ему людей. Служитель при амбаре или складе, заведующий выдачей инвентаря или продуктов призванным для отработок людям, ведущий различные записи писец-канцелярист – словом, практически каждый на своем месте имеет определенную возможность выйти за пределы строгого выполнения должностных обязанностей с тем, чтобы позаботиться об улучшении собственного материального положения. Я уже не говорю о воинах, возвратившихся с добычей и стремящихся сбыть ее с выгодой.

В результате всего этого в обществе, прежде всего на надобщинном его уровне, возникает определенное количество излишков материального производства, которые пускаются в частнотоварный оборот. Иными словами, излишки, до того не бывшие товаром, теперь становятся им. Возникают товарные рынки и как прямое следствие этого – деньги, всеобщий эквивалент. На товарном рынке с помощью денег реализуются самые различные вещи, сырье, предлагаются услуги. Рабочая сила превращается в товар, следствием чего является институт частного рабства (до того рабы, будучи чаще всего военной добычей, считались коллективным достоянием и от имени коллектива использовались в храмовых и дворцовых хозяйствах, в услужении власть имущих). Но все сказанное является уже не столько элементом раннего государства, сколько институтом государства развитого. Все это возникает на грани перехода раннего государства в развитое и, более того, может считаться едва ли не основным признаком этого перехода, своего рода критерием отсчета. Пока же в заключение сформулируем определение раннего государства.

Раннее государство – это многоступенчатая иерархическая политическая структура, основанная на клановых и внеклановых связях, знакомая со специализацией производственной и административной деятельности. Главными функциями такого государства являются централизованное управление крупным территориально-административным комплексом с этнически гетерогенным населением, расширение пределов своей территории за

счет военных захватов, а также обеспечение благосостояния общества и престижного потребления привилегированных верхов за счет ренты-налога с производителей, дани с зависимых соседей. Раннее государство хорошо знакомо с урбанизацией и монументальными сооружениями, осуществляемыми населением в счет общественных работ, причем эти работы, как и вся сумма взаимоотношений между верхами и низами, основаны на принципах реципрокности и редистрибуции, рассматриваются как закономерный обмен деятельностью и легитимизирются общепризнанной религиозно-идеологической доктриной. Именно на этапе раннего государства в процессе развития престижного потребления и тенденции к приватизации закладываются основы новой формы социально-экономических отношений – отношений частнособственнических, связанных с товарно-денежным хозяйством и рынком рабочей силы.

Развитое государство на Востоке

Раннее государство «врастает» в развитое постепенно – хотя далеко не каждому это удается. Принципиальные отличия развитой политической государственной структуры от ранней сводятся к появлению двух новых институтов – системы принуждения и институционализованного закона, а также, как упоминалось, к дальнейшему развитию частнособственнических отношений.

Функция медиации лидера группы, старейшины и даже вождя в прогогосударстве опиралась преимущественно или исключительно на его престиж и авторитет. Элементов принуждения и насилия, не говоря уже о законе, еще не было, хотя постепенно все это вызревало. Так, например, сакрализация правителя способствовала усилению его авторитета даже в условиях автоматической солидарности клановой структуры: сакрально санкционированная высшая воля вождя приобретала силу закона, не говоря уже о том, что сам такого рода закон на первых порах опирался на религиозно-моральную норму и не имел характера безличностного принуждения. Ритуальная форма закона становилась своего рода «ненасильственной формой насилия», хотя параллельно с ней в обществе, уже хорошо знакомом с войнами и в немалой степени живущем за счет доходов от покоренных и зависимых народов, вызревали также и принуждение, даже насилие в своем неприкрытом виде, правда, пока еще только по отношению к чужим.

Появление внутри страны пленных иноплеменников, приобретавших статус рабов – вначале коллективных, позже также и частных, означало перенесение принуждения и насилия внутрь. Отсюда был теперь только шаг до использования уже сформировавшегося института принуждения по отношению не только к чужим, но и к взбунтовавшимся или проштрафившимся своим, от мятежного регионального администратора или владетеля удела до недовольных своим положением общинников либо горожан. Практика авторизованного насилия породила специально формулировавшуюся для удобств администрации систему регламентов наподобие той, что предложили в царствах чжоуского Китая реформаторы легистского толка. Именно таким образом, хотя и со многими вариантами, шел процесс вызревания институтов развитого государства.

Здесь важно заметить, что речь не должна ограничиваться упоминанием о принуждении, насилии, системе регламентов. Ведь соответствующим образом – в интересах государства, основанного на генеральном принципе власти-собственности, – институционализировались и все остальные формы существования структуры, обслуживавшие сложившуюся социально-политическую данность. Это касается социальных (семейно-клановых, общинных, надобщинных) институтов, политических принципов (централизованная администрация, удельная знать), идеологии и т. п. И более всего сказанное заметно на примере упоминавшегося уже процесса приватизации – родного брата того, что привел в Средиземноморье к становлению античной структуры с господством частнособственнических отношений, опиравшихся на частное право, гражданское общество, республиканско-демократические формы правления, индивидуальные свободы и т. д. Всего этого в неевропейских структурах на аналогичном этапе развития не возникло и возникнуть не могло. Почему же?

Казалось бы, все здесь должно было развиваться примерно так же, как и в античной Греции. Развивались товарно-денежные отношения. Под воздействием рыночных связей начинала интенсивно разлагаться земледельческая община, в которой все определеннее выделялись домохозяйства малых разделенных семей. Переделы земли в общине (там, где они были) становились все реже, пока не прекращались вовсе. В общинной деревне появлялись богатые и бедные семьи, много – и малоземельные. Часть хозяйств нищала и разорялась, появлялись безземельные, вынужденные арендовать чужую землю либо идти в батраки. Другие предпочитали перебраться на новые земли, освоить их и закрепить за собой. Словом, шел процесс накопления в руках индивидов материальных излишков и торговли ими, в результате чего возникали богатые торговцы и ростовщики, в кабалу к которым попадали неимущие. Казалось бы, еще немного – и набегающая на общество частнособственническая стихия с присущим ей размахом сметет все. Ведь не только богатые купцы, ростовщики, земледельцы, но даже и сами правители порой – в качестве частных лиц – приобретали у общины право на владение земельными участками. Разве все это не сближало ситуацию с античной?

На самом деле все не так. Зарождавшуюся и даже быстро развивавшуюся частную собственность и обслуживавший ее далеко еще не огражденный правовым барьером рынок встречала давно институционализировавшаяся и принципиально враждебная рыночно-частнособственническим отношениям иная структура, командно-административная. Командно-административная структура, о которой идет речь, это и есть неевропейское государство, восточная деспотия по Гегелю или «азиатский» (а точнее – государственный) способ производства по Марксу. Принципиальное отличие этого государства от того, которое было типично для Европы с античности, отнюдь не сводится, как-то может показаться на первый взгляд, к большей степени произвола или беззакония. Достаточно прочитать повествование Светония о римских цезарях, чтобы убедиться, что и произвола, и беззакония, и деспотической власти в античности было более чем достаточно: по жестокости и насилиям едва ли не любой из цезарей и особенно такой, как Нерон, могут сравняться с восточными владыками, а то и оставить многих из них позади. Дело совсем в ином.

Во-первых, в том, что мощная централизованная структура складывалась в неевропейском мире на протяжении тысячелетий не на основе рыночно-частнособственнических отношений. Привычная командно-административная форма отношений абсолютно подавляла и нарождавшуюся частную собственность, и робкий обслуживающий ее и не имевший ни свобод, ни гарантий, ни привилегий восточный рынок. Власть здесь была первоначалом. Власть, команда, администрирование довлели абсолютно, тогда как отношения собственности, необходимые для регулирования хозяйства, были явлением производным, вторичным по отношению к власти. А во-вторых, в античном мире даже в те времена, когда в политике, администрации, власти царил произвол, сближавшийся внешне с деспотизмом по-восточному, существовали уже опиравшиеся на развитую частную собственность и мощный свободный античный рынок отношения нового типа, рыночно-частнособственнические, существовали и ограждающие эти отношения нормы права (знаменитое Римское право). Традиции свободы, как экономической, так и правовой, политической, не были здесь пустым звуком, что и определяло во многом конечный итог противостояния свободы и произвола.

Разница между античной рыночно-частнособственнической и восточной командно-административной структурами сводится, таким образом, не к возможному объему произвола власти отдельно взятого деспота, а к принципиальной разнице самих структур как таковых. Если в системе рыночно-частнособственнических отношений в хозяйстве задает тон рынок, господствует частная собственность и все правовые нормы направлены на обеспечение наибольшего благоприятствования рынку и собственнику, то в системе административно-командных отношений задают тон администрация и команда сверху, для правящих верхов создается режим наибольшего благоприятствования, а рынок и собственники находятся в подчиненном, подконтрольном правящим верхам и администрации состоянии. Можно сказать и определеннее: ни рынок, ни частная собственность в восточной структуре не являются свободными и потому не имеют права быть уподобленными рынку и частной собственности в рыночно-частнособственнической европейской структуре. На Востоке как норма существует квазирынок и квазисобственность, причем именно вследствие структурной неполноценности то и другое лишено внутренних потенций для самоусовершенствования.

На Востоке рынок и собственник находятся в зависимости от государства и обслуживают нужды прежде всего правящего слоя. Государство же здесь твердо стоит над обществом и соответственно над экономикой общества, а его правящие слои, не будучи классом в привычном марксистском понимании этого термина (т. е. классом экономическим, классом, владеющим собственностью и реализующим это преимущество в собственных интересах), являются своего рода квазиклассом, ибо в конечном счете живут за счет достояния общества и выполняют в этом обществе функции господствующего класса.

И, что особенно важно подчеркнуть, эти функции правящие верхи традиционно выполняют не потому, что они узурпировали власть и навязали свою волю искусственно ослабленным собственникам, но именно потому, что они управляют обществом принципиально иным, чем европейское. Командно-административная структура опирается на принцип власти-собственности и генетически восходит к практике

реципрокного взаимообмена, к традициям централизованной редистрибуции. Эта особенность способствует тому, что. объективно может сложиться впечатление – тем более у того, кто привык к марксистской политэкономической системе понятий и логике анализа, – будто в рамках классической восточной структуры нет или почти нет места антагонизмам и эксплуатации. В самом деле, если правящие верхи заботятся об организации общества, включая и его экономику, то платой за их труд закономерно является упоминавшаяся уже рента-налог, выплачиваемая низами как натурой, так и отработками. А раз так, то перед нами естественная форма законного и необходимого для благосостояния и вообще для существования структуры в целом обмена деятельностью.

Так ли все просто? Напомню, что разница между верхами и низами сводится не только к различиям в функциях (работают и те, и другие – но каждый по-своему), но и к несходству в качестве жизни (бедные – богатые), а также к имманентному праву верхов командовать и к обязанности низов повиноваться. Так вот, если с точки зрения этих критериев обратиться к Востоку (имея в виду и идеи Маркса об «азиатском» способе производства), то окажется, что в основе лежит власть администратора, основанная на отсутствии частной собственности. И далеко не случайно сам термин «командно-административная структура» вошел в активный научно-публицистический оборот в наши дни, когда объективно понадобилось выявить принципиальную разницу между двумя структурами – рыночно-частнособственнической и противостоящей ей социалистической, генетически восходящей к классической восточно-деспотической.

Итак, главное, что отличает верхи от низов, – это момент власти (команда, администрация). Абсолютная власть, породившая высшую и абсолютную (или верховную по Марксу) собственность в условиях отсутствия или ликвидации частной собственности и свободного рынка, – вот тот феномен, о котором идет речь. Возник он не случайно. Скорее, напротив, явился закономерным итогом многотысячелетней постепенной эволюции, законным плодом истории. Ведь особенностью всей системы отношений, связанных с описываемой структурой и обусловленных ею, являются ее исключительная устойчивость, стабильность, способность к автоматической регенерации (или, иначе, к самовоспроизводству), опирающиеся на веками отработанный комплекс защитных средств и институтов.

Строго говоря, и генеральный принцип обязательного реципрокного взаимообмена, и практика централизованной редистрибуции избыточного продукта и труда коллектива, и сакрализация возвысившегося над обществом вождя, правителя, и появление престижного потребления правящих верхов, и формирующаяся практика принуждения, и вся система идеологического обоснования статус-кво, опирающаяся на привычные нормы морали и религиозные установления, – все это являло собой мощную оборонительную систему, призванную решительно противостоять всему тому новому, что могло разрушить веками создававшийся и заботливо сохранявшийся баланс. Появление же рыночных связей, товарно-денежных отношений, накопление богатства в частных руках и иные связанные со всем этим результаты процесса приватизации колебали этот баланс, нанося ему чувствительные удары.

Разумеется, появление всего этого не было случайностью. Напротив,

вызывалось жизненными потребностями развивавшегося, укрупнявшегося и усложнявшегося социального организма. Для нормального жизнеобеспечения такого организма необходима была стабильная и разветвленная кровеносная система – роль этой системы начали играть частная собственность и рынок в их урезанной, ублюдочной форме. В этом смысле можно сказать, что и подконтрольная власти частная собственность, и оскопленный ею же, администрацией, рынок были жизненно необходимы, отчего они и появились на свет. Но и собственность, и рынок в рамках классических восточных структур были оскоплены сразу же после своего появления на свет. Оскоплены потому, что этого требовали интересы высшей власти.

В самом деле, создававшийся обществом и количественно все возраставший совокупный продукт начинал в ощутимых и постепенно увеличивавшихся размерах миновать казну, т. е. сферу централизованной редистрибуции, и попадать в руки стоявших между производителями и казной частных собственников, что ослабляло структуру в целом, способствуя ее дезинтеграции. Конечно, одновременно с этим появление сферы частнособственнического хозяйства способствовало развитию, даже расцвету экономики, обогащению государства. Поэтому правящие верхи не могли не осознавать необходимости, даже желательности существования частных собственников и рынка. Однако они вместе с тем не могли и не желали мириться с тем, чтобы такого рода развитие шло по нарастающей, ибо это подрывало основы давно уложившейся властной, командно-административной структуры.

Идеальным в сложившихся обстоятельствах было бы такое сочетание государственной и частнособственнической форм хозяйства, при котором приоритет первой был бы вне сомнений. Вот почему вне зависимости от того, в какой степени каждый из представителей правящий кругов лично был втянут в сферу рыночно-частнособственнических отношений (покупая земли у общин, вкладывая деньги в торговлю и т. п.), все они в целом, как квазикласс (государство-класс по М.А. Чешкову), вынуждены были действовать единодушно и достаточно жестко по отношению к собственнику. Отвечая за нормальное функционирование системы, в рамках которой и благодаря которой они господствовали, правящие верхи вынуждены были выступать за нейтрализацию дезинтегрирующей тенденции, т. е. за строгий контроль и суровые ограничения частнособственнической стихии, без чего нельзя было и думать о достижении оптимального сосуществования с ней. В разных структурах это противостояние принимало различные формы, как это будет видно из дальнейшего изложения.

Противостояние, о котором идет речь, сводилось к выработке строго фиксированной нормы, призванной регламентировать частнособственнический сектор, обеспечить верховный контроль государства и безусловный примат административной власти над отношениями собственности. Практически это означало, что в обществе не существовало системы строгих индивидуальных прав и гарантий интересов собственника, как то имело место в античной Европе. Как раз напротив – собственники были подавлены и поставлены в зависимость от носителя власти, от произвола администрации, причем наиболее преуспевшие из них нередко расплачивались за это конфискацией имущества, а то и жизнью, благо формальный предлог для этого найти было несложно. Первая заповедь частного предпринимателя в

неевропейских структурах – вовремя дать взятку кому следует и «не высовываться». Это, естественно, не могло не тормозить свободного развития частной экономики и препятствовало разгулу частнособственнической стихии.

Казалось бы, все сказанное может означать, что с ослаблением централизованного контроля в моменты кризиса ситуация должна была радикально меняться в пользу собственника. Это, однако, не так. Динамика функционирования централизованного государства в неевропейском мире убедительно опровергает подобного рода посылку. Конечно, ослабление власти центра способствовало усилению региональных администраторов и удельной знати, что нередко приводило к феномену феодализации (речь идет о социально-политической раздробленности и связанных с ней явлениях и институтах). Но это никак не означало создания благоприятных условий для частного сектора. Во-первых, государь меньшего масштаба оставался все тем же государем, с таким же аппаратом власти и теми же принципами администрации. А во-вторых, даже тогда, когда и на региональном уровне власть слабела, а общество оказывалось в состоянии дезинтеграции, следствием всего этого были упадок хозяйства, натурализация его, а то и кризис, восстания обнищавшего люда, завоевания воинственных соседей. Все это никак не способствовало расцвету частной экономики, скорее напротив – богатые собственники подвергались экспроприации в первую очередь. Словом, история Востока свидетельствует о том, что расцветала частнособственническая экономика только в условиях стабильности и сильной власти центра со всеми ее контролирующими функциями, включая жесткий административный контроль над экономикой всей страны.

Важно оговориться, что взаимоотношения государственной власти с частными собственниками бывали порой достаточно сложны, особенно если учесть, что в ряде конкретных модификаций командно-административной структуры, например в общинно-кастовой Индии, богатые собственники земли в общинах порой оказывались в положении посредников между правящими верхами и производящими низами, становясь тем самым экономическим фундаментом государства. Но эта особенность взаимоотношений вполне вписывается в рассмотренную выше систему взаимосвязей между властью и собственностью: власть доминирует над собственниками, собственники содержат власть, власть контролирует и ограничивает собственность. Собственность в рамках такого рода структуры не в состоянии уцелеть без патроната со стороны властей.

Таким образом, сущность неевропейской модели в том, что частная собственность здесь, даже появившись и укрепившись, всегда была второстепенной и никогда не была защищена от произвола власти какими-нибудь привилегиями либо гарантиями, свободами или правами. Альтернативой господству частной собственности здесь была власть-собственность. Функции господствующего класса выполняли организованные в аппарат власти верхи общества. И еще. Если в антично-капиталистической структуре государство, как на том настаивает марксизм, было надстройкой над базисом и орудием в руках господствующего класса, т. е. общество там безусловно стояло над служившим ему государством, то в неевропейских обществах все было прямо наоборот. Государство здесь абсолютно довлело над обществом и

потому было, если продолжать пользоваться привычными терминами истмата, субъектом производственных отношений и важнейшим элементом базиса.

Именно в этом – ключ к структуре традиционных неевропейских обществ. Без этого трудно рассчитывать на адекватное понимание сути Востока, как древнего, так и современного.

Глава 5
Древнее Двуречье: возникновение первых государств

Представленная в предыдущих главах социологическая модель не может, разумеется, считаться универсальной. Это скорее своего рода путеводитель, позволяющий разобраться в хитросплетении тех многочисленных дорог, которые вели человечество от ранних социальных структур к развитым, от локальной группы и общины к государству, от эгалитаризма к иерархии. Реальная действительность человеческой истории многообразна. Но что характерно: при всем ее неохватном многообразии – от древнего Двуречья до современной Океании, от высоких культур Индии и Китая до весьма недавно вступивших на путь цивилизации африканских народов – генеральные закономерности эволюции примерно одинаковы, они и берутся за основу при изложении различных материалов из истории стран и народов Востока.

Здесь стоит с самого начала сделать одну весьма существенную оговорку, значение которой будет становиться все очевиднее по мере более детального знакомства с материалом. Дело в том, что структурные формы, типологическое сходство которых берется за основу, суть лишь скелет того или иного общества. Конкретный же облик и тем более живой дух его зависят главным образом от его цивилизационных и религиозно-культурных параметров. Что же касается этих последних, то о них следует сказать в первую очередь самое главное: при всем своем несходстве и даже порой весьма заметном принципиальном противостоянии друг другу все они в чем-то опять-таки близки между собой. Эта близость, равно как и кардинальное отличие их от европейской антично-христианской традиции-цивилизации, в том, что они появились на свет и были призваны обрамлять отличные от европейской неевропейские структуры. Иными словами, системы идей и институтов во всех неевропейских традициях-цивилизациях, от дальневосточной до американской доколумбовой, различались весьма заметно, но притом разительно сходились в одном и основном: все они обслуживали структуры, где частнособственнические отношения не были главными и где поэтому не существовало всего того, что способствовало бы их быстрому и эффективному развитию, как то имело место в Европе.

Это не значит, что ни в одной из них изначально не было элементов, которые при иных обстоятельствах вели бы к иным результатам. Напротив, такое бывало и даже сыграло свою роль (феномен Финикии) в формировании античной структуры. Но эти элементы со временем отмерли, уступив место иным, целиком сориентированным на обслуживание командно-административной структуры в той или иной ее модификации в рамках данной неевропейской традиции-цивилизации. Можно добавить к сказанному, что процесс сложения системы идей и

институтов в рамках каждой традиции-цивилизации шел весьма медленно, особенно на раннем этапе развития государств.

Первые камни в фундамент мировой урбанистической цивилизации были заложены на древнем Ближнем Востоке, в долине нескольких великих плодородных рек. Примерно в VIII–VI тысячелетиях до н. э. земледельцы ближневосточных предгорий, уже освоившие достижения неолитической революции и с каждым поколением все увеличивавшиеся в числе, стали спускаться в равнины и активно заселять плодородные долины рек, в первую очередь Тигра и Евфрата. Междуречье и берега этих рек, именуемые общим термином Двуречье, а также соседние районы (Загрос, Анатолия, Палестина) ныне хорошо изучены специалистами. Раскопанные археологами поселения (Джармо, Хассуна, Тель-Халаф и др.) свидетельствуют, что их обитатели жили в глинобитных домах, сеяли ячмень, пшеницу и лен, разводили коз, овец и коров, были знакомы с ранними формами ирригационного хозяйства (осушение болотистых земель с помощью каналов, возведение дамб и т. п.), изготовляли различные керамические сосуды (наиболее ранние из них не были знакомы с керамикой), изделия из камня, позже – даже из меди. По мере продвижения земледельцев к югу, где удобряемые разливами рек почвы были особенно плодородны, поселения становились богаче и крупнее. Культура Убайд (конец V тысячелетия до н. э.) представлена уже поселками до Юга, в центре которых размещались крупные храмовые комплексы на высоких земляных платформах, окруженные городскими стенами – явственный признак ранней урбанизации. Раскопки этих поселений свидетельствуют о многочисленном населении, развитом ремесле, включая знакомство с гончарным кругом, металлургией, ткачеством, принципами архитектуры и монументального строительства.

Культуру Убайд принято считать протошумерской. Как известно, на рубеже V–IV тысячелетий до н. э. на территории Южного Двуречья появляются шумеры, с именем и деятельностью которых связывается возникновение древнейшего мирового очага цивилизации и государственности. Загадка шумеров до сих пор не разгадана. Их собственные легенды указывают на юг (приморские районы Персидского залива) в качестве прародины; специалисты видят ее то на востоке, то на севере. Ясно одно: шумерский язык значительно отличался от группы семитских языков, распространенных среди большинства древних обитателей ближневосточной зоны. Похоже на то, что пришельцы-шумеры, появившись в зоне обитания насельников культуры Убайд, быстро и энергично заимствовали все достижения их культуры и, возможно, сыграли важную роль внешнего толчка в ускорении поступательного ее развития – теперь уже на их, шумерской, этнической основе.

Протогосударства древнего Шумера

Примерно с середины IV тысячелетия до н. э. в Южном Двуречье появляются первые надобщинные политические структуры в форме городов-государств. Примером их служит Урук, с культурой и социальной структурой которого можно ознакомиться как на основе данных археологии, так и на базе древнейших памятников шумерской пиктографической письменности (начертанные на глиняных табличках

документы хозяйственной отчетности).

Источники свидетельствуют, что система администрации в Уруке была тесно связана с культом бога неба Ана, выступавшего, видимо, в функции связующего единства коллектива. Храм в честь Ана был общественным и хозяйственным центром Урука, а жрецы храма исполняли функции управителей во главе с верховным жрецом, главой протогосударства. Археологические слои, датируемые рубежом IV–III тысячелетий до н. э. (Урук, Джемдет-Наср), свидетельствуют, что ранние протогосударства Двуречья были знакомы с достаточно сложным ирригационным хозяйством, которое поддерживалось в рабочем состоянии усилиями всего населения во главе с жрецами. Храм, выстроенный из обожженного кирпича, был не только крупнейшей постройкой и монументальным центром, но одновременно и общественным складом, и амбаром, где размещались все запасы, все общественное достояние коллектива, в который уже включалось и некоторое количество пленных иноземцев, использовавшихся для обслуживания текущих нужд храма. Храм был также центром ремесленного производства, включая и металлургию бронзы.

Жрецы-администраторы, ремесленники, хранители храмового имущества, писцы, слуги и даже рабы из числа пленников – все они жили за счет избыточного продукта общинников, но при этом каждый из них вносил свою долю в совокупный общественный труд и продукт коллектива в целом. Реципрокный обмен продуктами и деятельностью, равно как и централизованная редистрибуция коллективного избыточного продукта и труда (включая продукт ремесленников, труд администраторов и обслуживающего персонала) лежали в основе нормального существования ранних протогосударств Шумера. Собственно, именно для строгого учета и регулирования все усложнявшихся норм и форм взаимоотношений и велась детальная хозяйственная отчетность, вызвавшая к жизни письменные документы, этот важный элемент складывавшегося древнейшего очага мировой цивилизации.

Протогосударства древнего Двуречья развивались быстро и энергично. Росло количество населения и совершенствовались трудовые навыки, обогащалась культура труда, следствием чего было увеличение количества освоенных и обеспеченных ирригационными устройствами полей. Резко возрастали запасы получаемого с этих полей зерна, причем избыток его после удовлетворения текущих нужд оторванных от производства пищи работников все чаще использовался в качестве своего рода валюты: специальные служители храмов, тамкары, отправлялись на груженных зерном судах в далекие экспедиции, включая и морские, с целью выменять зерно на столь необходимые в скудных полезными ископаемыми районах Южного Двуречья металлы, камень, строительный лес и т. п. Эти дорогие предметы далекого импорта использовались как для нужд производства, так и в сфере постепенно увеличивавшегося престижного потребления верхов, включая строительство храмов и домов-дворцов, изготовление украшений, изысканной одежды.

С ростом протогосударств усложнялась и их внутренняя структура. Если вначале храм был центром хозяйства и разросшейся общины либо группы соседних общин, каждая из которых в лице своих представителей принимала участие в обработке земли храма, продукт с которой шел на сакральные (совместные всеобщинные ритуалы с обильным жертвоприношением) и страховые нужды коллектива и на содержание

немногочисленной еще группы оторванных от производства пищи людей, то теперь ситуация изменилась. Видимо, уже со второй трети III тысячелетия до н. э. в большинстве протогосударств (Урук, Киш, Ур, Лагаш и др.) население исчислялось десятками тысяч, а количество общинных деревень – многими десятками. Практически это значило, что избыточный труд и продукт общинников – даже при условии значительного роста храмовых земель и храмового хозяйства – уже не мог быть реализован с достаточной полнотой и эффективностью вне самих общинных полей и поселений, которые могли отстоять от храма на десятки километров. Поэтому происходило отделение общинных полей от полей храма. Общинники обрабатывали свои земли и выплачивали ренту-налог, тогда как в обработке храмовой земли они переставали принимать участие, что, впрочем, не исключало их участия в общественных работах, на строительстве каналов, дамб, храмовых или дворцовых сооружений, дорог и т. п. с обеспечением их питанием и выдачей необходимых орудий труда из храмовых амбаров и складов.

Наиболее наглядно это видно на примере структуры храмовых земель храма богини Бау (Бабы) в Лагаше в XXV–XXIV вв. до н. э., когда это протогосударство завоевало и подчинило себе ряд соседних и в его состав было включено несколько храмовых комплексов – к слову, храм Бау не был единственным и в самом Лагаше; главным там в то время был храм бога Нингирсу (Нин-Нгарсу, супруга Бау), верховный жрец которого выступал в качестве правителя-энси. Обычные общинники при обработке земли храма Бау практически не использовались. Вся земля храма была поделена на три части. Первая по-прежнему оставалась храмовой; ее обрабатывал персонал храма из числа бывших иноплеменников и иных стоявших вне общин лиц, а урожай предназначался для сакральных нужд, торгового обмена, страховых и экстраординальнх выдач. Вторая в виде служебных наделов раздавалась рабочему персоналу и служащим храма, включая ремесленников, – в качестве платы за их труд. Наконец, третья часть в форме наделов предназначалась для передачи их любому желающему и нуждающемуся в качестве аренды с весьма умеренной арендной платой (1/6 – 1/8 урожая).

Отделение храмового хозяйства от общинного и превращение его в особую сферу экономики, в государственное хозяйство, сыграло важную роль в укреплении экономических, а затем и политических позиций жреческой администрации во главе с энси. Опираясь на такого рода хозяйства, энси все определеннее отдалялся от коллектива общинников, приобретал в их глазах сакральные признаки отмеченного покровительством богов правителя и в качестве верховного связующего единства становился во главе заметно возраставшего бюрократического аппарата, оказывался высшим и основным субъектом власти-собственности и централизованной редистрибуции. Вначале выборная, должность энси со временем все очевиднее приобретала тенденцию превратиться в наследственную, что и стало нормой после объединения всего Шумера Саргоном Аккадским в XXIV в. до н. э.

Период шумерской истории до этого объединения принято именовать раннединастическим. Это была эпоха ожесточенной борьбы соседних протогосударств за политическую гегемонию, а их правителей – за усиление и укрепление своей власти, расширение и распространение ее за счет соседей. Войско каждого из таких протогосударств обычно состояло из небольшого отряда тяжеловооруженных воинов;

вспомогательной силой были примитивные колесницы на сплошных колесах, запряженные, видимо, онаграми либо ослами и приспособленные для метания дротиков.

Вначале, в XXVIII–XXVII вв. до н. э., успех был на стороне Киша, правители которого первыми приняли титул лугаля, стремясь тем самым подчеркнуть свое первенство среди остальных. Затем возвысился Урук, имя правителя которого, Гильгамеша, впоследствии вошло в легенду и оказалось в центре шумерского эпоса. Урук при Гильгамеше подчинил себе, хотя и еще очень непрочно, ряд соседей – Лагаш, Ниппур и др. В XXV в. верховенства и титула лугаля добились правители Ура, чьи царские гробницы, раскопанные английским археологом Л. Вулли, были наполнены богатыми украшениями, драгоценностями, повозками и десятками сопогребенных, призванных сопровождать на тот свет повелителя. На рубеже XXV–XXIV вв. на авансцену шумерской истории вышел Лагаш.

Сначала его правитель Эанатум присоединил ряд соседних центров – Киш, Урук, Ларсу и др., что привело к усилению его военного и политического могущества. При Лугальанде политика дальнейшей централизации власти и связанных с этим злоупотреблений вызвала резкое недовольство населения. В результате восстания – едва ли не первого из зафиксированных историей – Лугальанда был низложен, а к власти пришел Уруинимгина, проведший ряд реформ, сущность которых сводилась к восстановлению нарушенной нормы, отмене либо уменьшению поборов с населения, увеличению выдач работникам храма. Видимо, эти вынужденные реформы содействовали ослаблению централизованной администрации Лагаша, что вскоре и привело к завоеванию его удачливым правителем Уммы Лугальзагеси, создавшим объединенное Шумерское государство, правда, просуществовавшее очень недолго.

Ранние государства Месопотамии

Середина III тысячелетия до н. э. была отмечена энергичным заселением Двуречья скотоводческими семитскими племенами, и до того в немалом количестве проникавшими в Шумер. Их поселения на севере стали активно заимствовать достижения шумерской цивилизации, сближаясь с ней по уровню развития (впрочем, аналогичный процесс шел, видимо, и в соседнем с Шумером Эламе, расположенном к востоку от него). Представителем и выразителем активной наступательной политики семитских племен стал в конце XXIV в. Саргон (Саргон Древний, или Аккадский). По преданию, он был незаконнорожденным младенцем, выловленным в корзине в реке и воспитанным чужими людьми[10]. Поступив на службу к правителю Киша, Саргон быстро выдвинулся, а после гибели Киша выкроил себе собственное государство и стал успешно воевать с соседями. Затем Саргон провозгласил себя лугалем выстроенного им на севере Шумера нового города Аккада.

Вступив в длительную войну с Лугальзагеси, Саргон успешно довел ее до конца, объединил под своей властью Шумер и Аккад и стал правителем большого государства, состоявшего из многих десятков

10 Довольно частый легендарно-мифологический сюжет, известный в истории многих народов. В частности, он использован в Библии при описании судьбы пророка Моисея

региональных подразделений, бывших городов-государств. В успехах Саргона большую роль сыграла созданная им армия: едва ли не впервые в истории в руках именно этого завоевателя оказалась крупная боевая сила профессиональных воинов (5400 человек), каждый из которых за свою службу получал надел и жил за счет дохода от него. Неудивительно, что после создания единого государства Саргон сумел подчинить себе соседний Элам и совершил ряд успешных походов на север и северо-запад.

Возникновение крупного централизованного государства привело к концентрации в руках его правителя всей полноты власти. Храмы с их жрецами, хозяйством и обслуживающим персоналом, равно как и возникавшие параллельно с ними и во многом на основе той же модели царские хозяйства, за счет которых выделялись наделы воинам и иным служащим, были основой экономического могущества центра. Рента-налог с общинников, дань с покоренных соседей и повинности населения были основой нормального функционирования структуры в целом. При этом усиление роли государственного хозяйства и приток дани извне объективно способствовали росту престижного потребления верхов, следствием чего стал заметный процесс приватизации. Вначале он выявлялся на уровне верхов и реализовывался в форме индивидуального накопления имущества – как в результате войн, так и в ходе обменных операций тамкаров. Важную роль играл при этом приток пленных иноплеменников, превращаемых в рабов, чей труд использовался практически почти бесплатно.

Государство Саргона просуществовало недолго. Уже при его сыновьях и внуке Нарамсине, успешно продолжавших его политику, стали заметны признаки упадка: региональный сепаратизм и недовольство покоренных давали себя знать, все чаще приходилось подавлять восстания. Нарамсин (Нарам-Суэн) принял рад мер, укреплявших администрацию центра; он велел даже официально именовать себя богом, а прежних наследственных энси заменил назначаемыми чиновниками. Но уже при его сыне пришедшее в упадок Аккадское государство пало под натиском появившихся с территории Ирана племен кутиев (гутеев), которые стали управлять завоеванной ими Месопотамией с помощью назначавшихся ими из числа прежних региональных правителей-энси наместников. В руках некоторых из них оказалась немалая власть. Так, заметно выделялся среди других энси Гудеа в Лагаше, откупавшийся от кутиев данью и сосредоточивший в своих руках власть почти над всей Южной Месопотамией. Правление Гудеа отличалось, в частности, размахом ирригационного и храмового строительства и значительным развитием торговых связей с различными районами Ближнего Востока, вплоть до Индии.

На рубеже XXII–XXI вв. власть кутиев пала, и во главе нового «царства Шумера и Аккада» стали представители очередной, третьей, династии Ура. Вновь вступило в полосу расцвета царско-храмовое хозяйство, была проведена работа по унификации мер и весов, что в немалой степени способствовало ускорению процесса приватизации. Все большее количество людей оказывалось вне общины и вынуждено было продавать свой труд в качестве батраков-наемников либо обрабатывать чужие наделы (воинов, храмовых служащих, иных должностных лиц, включая и правителей) на правах аренды. В качестве всеобщего эквивалента начали использовать серебро, весовая мера которого – сикль (ок. 8 г) – стала

единицей денежного измерения. Развивались товарно-денежные отношения, сфера распространения которых уже не ограничивалась престижным потреблением верхов, но все заметней затрагивала ремесло, даже недра крестьянской общины.

Главы общинно-клановых групп («домашних общин»), распоряжавшиеся коллективным имуществом группы, подчас уже включавшей в себя не только ближайших родственников, но также и чужаков, рабов-слуг, получили возможность приобретать товары, накапливать и реализовывать продукты труда домочадцев. В общине стало все более заметным имущественное расслоение, деление на богатых и бедных, что вело к экономическому противостоянию: неимущие нуждались в кредите, имущие становились ростовщиками. Не имея возможности вернуть долг, бедняки всеми правдами и неправдами (продажа земли официально еще не была разрешена) стремились отдать вместо него землю, которую богатые с удовольствием брали. В общине появлялись безземельные. Часть их уходила в сферу царско-храмового хозяйства, другие при нужде продавали себя в кабалу – появлялось долговое рабство.

Все эти процессы, активно проявившие себя в годы правления третьей династии Ура, вызвали сильное и вполне оправданное беспокойство централизованной администрации, которая достаточно хорошо осознавала, что их дальнейшее развитие может привести к разложению общины, уменьшению налогоплательщиков, росту численности нищих и бедных и тяжелым грузом ляжет на казну. Поэтому, начиная с наиболее ранних установлений, дошедших до нас как раз от эпохи третьей династии Ура (законы Ур-Намму, законы из Эшнунны), администрация озабочена тем, чтобы ограничить богатеющего собственника, не дать ему в обиду разорившихся, строго определить цену наемного труда, размер ростовщического процента, условия содержания частного раба и т. п. И хотя законы при этом охраняли право собственности на имущество, включая и рабов, они же отстаивали право обиженного либо пострадавшего на соответствующую материальную компенсацию. В целом же нельзя не заметить, что главное содержание правовой нормы сводилось к поддержанию статуса основного населения. Пусть раб из числа иноплеменников был лишен многих прав и подчас наказывался по весьма строгой норме (хотя и ему не воспрещалось иметь семью и даже имущество), это не должно было относиться к рабам-должникам из числа соплеменников. Их нельзя было продавать за пределы страны, и они чаще всего приравнивались по положению к младшим членам семьи.

Правители третьей династии Ура, начиная с сына основателя династии Ур-Намму, Шульги, официально именовали себя богами, причем их реальный статус действительно был близок к положению обожествленного монарха. Власть правителя была в высокой степени централизована; региональные подразделения, бывшие протогосударства (города-государства), управлялись назначаемыми из центра наместниками, которые по традиции именовались энси. Подобно Саргону и Саргонидам, правители Ура имели хорошо организованную профессиональную армию, причем часть ее составляли наемники из числа воинственных кочевников-амореев. Наряду с армией возникли уже и иные элементы принуждения, в частности суд, для нужд которого и был разработан судебник Ур-Намму. Необходимо подчеркнуть, что приток

пленных иноплеменников и разорение общинников вследствие процесса приватизации были одной из важных причин расцвета царско-храмового хозяйства в его невиданной прежде форме псевдолатифундий, обрабатывавшихся организованными в рабочие отряды зависимыми земледельцами, гурушами («молодцами») и нгеме (гим; рабынями). Это не только способствовало укреплению позиций централизованной администрации, но и вызвало к жизни море должностной отчетности: примерно половина всех дошедших до нас клинописных табличек (около 100 тыс.) касается государственного хозяйства третьей династии Ура. Можно считать, что «царство Шумера и Аккада» конца III тысячелетия до н. э. было своего рода апогеем торжества структуры, порожденной абсолютным господством власти-собственности и централизованной редистрибуции. Едва ли не большая часть населения страны, оказавшаяся в силу разных причин выбитой из привычной жизни сельских общин, заняла место тружеников-поденщиков в гигантской системе царско-храмовых псевдолатифундий, где труд и быт были построены по нормам казарменного коммунизма.

Абсолютное господство такой структуры на этом, впрочем, и кончилось, ибо рядом с государственной возникла иная форма хозяйства, основанная на частной собственности, появление и упрочение которой знаменовали серьезную трансформацию экономики общества. Кризис государственного хозяйства (коммунистической казармы) и укрепление частного сектора в Двуречье вызвали постепенное ослабление централизованной власти, усугублению которого способствовали нашествие воинственных пастухов-амореев, а затем также и эламитов. Третья династия Ура на этом прекратила свое существование.

Вавилония

Вызванный серьезными экономическими процессами, прежде всего приватизацией, социальный кризис сопровождался заметным ослаблением политической власти и децентрализацией, под знаком которой прошли два века. Это было время ожесточенной борьбы соперничавших друг с другом государств и династий различного происхождения – аморейских, эламитских и собственно месопотамских, среди которых на рубеже XIX–XVIII вв. до н. э. стала выделяться Вавилония. Новый центр Двуречья Вавилон, со временем превратившийся в величайший город мира, стал возвышаться с начала правления шестого представителя вавилонской династии, Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). За долгие годы успешного правления Хаммурапи сумел поочередно разгромить соседей-соперников, объединив под своей властью всю Месопотамию.

Заново на развалинах далекого прошлого правитель Вавилонии создал могущественное и процветающее централизованное государство. И хотя оно просуществовало не слишком долго и уже при преемниках Хаммурапи появилась тенденция к некоторому упадку, следствием чего были вторжения эламитов, а затем и завоевавших Вавилонию в XVI в. касситов, именно Вавилонию царя Хаммурапи можно считать первым в Западной Азии развитым государством в полной смысле этого слова. Речь идет не о централизованной эффективной администрации на большой территории – это было в Двуречье со времен Саргона Аккадского. Суть в

ином: вавилонское государство уже представляло собой ту сложную структуру, которая в дальнейшем была характерна (в многочисленных вариантах) для всех достаточно развитых обществ традиционного Востока, да и не только Востока.

В государстве Хаммурапи свойственные ранним структурам клановые и родственные связи уже были заметно оттеснены связями административно-территориальными, а вассально-иерархическая пирамида власти превратилась в централизованный бюрократический аппарат, эффективно действовавший через своих чиновников. Соответственно укрепился и институционализировался влиятельный и достаточно многочисленный слой специалистов-профессионалов, занятых в сфере управления и примыкающих к ней сферах обслуживания, – администраторы, воины, ремесленники, торговцы, слуги и др. Возник и весьма многочисленный слой неполноправных выходцев из числа пленных иноплеменников или потомков разорившихся полноправных общинников. И хотя между первым и вторым отмеченными здесь слоями была существенная разница в социальном положении, имущественном цензе и образе жизни (эта разница отражалась в документах, терминологии – неполноправные работники обозначались особым сводным термином мушкенум), общим между ними было то, что все они считались и именовались царскими людьми, т. е. людьми, непосредственно занятыми в системе администрации или причастными к ней, обслуживавшими ее. Именно в этом плане все царские люди обоих слоев-категорий противопоставлялись остальному населению, т. е. земледельцам-общинникам, права и статус которых были объектом внимания и заботы со стороны правящих верхов.

Государство Хаммурапи обладало монополией силы, твердо опираясь на фиксированный закон и связанные с ним формы принуждения. Выдвижение на передний план кодифицированного законодательства с достаточно строгой системой наказаний было связано с тем, что развитие частнособственнических отношений, товарно-денежных связей и особенно ростовщичества с его внушительными процентами (20–30 % годовых) вело к быстрому разорению общинников и обогащению за их счет частных собственников.

Как известно, частное предпринимательство обладает само по себе огромными потенциями; его внутренняя сила – если ей не поставить преград – способна за короткий срок кардинально изменить облик общественных отношений, всю структуру общества, как то было наглядно продемонстрировано несколько позже античной Грецией. В Вавилонии Хаммурапи потенции частного сектора уже давали о себе знать с достаточной очевидностью. На фоне этих возможностей централизованной администрации стало ясно, что прежние псевдолатифундистские методы хозяйства на царско-храмовых землях экономически неэффективны, что они изжили себя. На смену этим методам пришла практика раздачи царско-храмовых земель (они, по некоторым подсчетам, составляли до 30–40% пашни) в виде должностных наделов царским людям первой категории – это была форма их жалованья – и в виде неотчуждаемых обязательных наделов царским людям второй категории, выплачивавшим за пользование этим наделом долю урожая в казну. При этом наделы царских людей первой категории, как и наделы родовитых сановников и жрецов, включая и поля правителя, обычно обрабатывались примерно на тех же началах обязательной аренды, что и

остальные земли храмов (обязательные наделы), хотя в этом случае в качестве арендаторов могли выступать как зависимые царские люди второй категории, так и полноправные общинники.

Особо следует сказать о полноправных общинниках. Этот слой в Месопотамии всегда преобладал. И хотя не всегда общинники были в одинаковом правовом и социально-экономическом положении, важно подчеркнуть, что различия обычно касались потенциальных возможностей, но не реального их статуса, как раз определявшего место этого слоя в обществе. В частности, применительно к Вавилонии Хаммурапи необходимо заметить, что хотя формально процесс приватизации охватывал все земли и всех людей, кроме царско-храмовых земель и связанных с ними царских людей, фактически ситуация была много сложнее. Не следует представлять дело таким образом, что, коль скоро товарно-денежные отношения вторглись в недра крестьянской общины, она была тем самым уже заведомо обречена на быстрое превращение в коллектив частных собственников, строящий свои взаимоотношения на основах товарного хозяйства и рыночных связей, что не могло бы не привести к быстрому разложению общины.

В отличие от античности на Востоке не было условий для такого развития. Напротив, были мощные силы, действовавшие в ином направлении. Централизованная власть, которая здесь была нормой, диктовала свои условия развития. Применительно к общинной деревне это означало, что государство принимало энергичные меры для предотвращения деструктивного процесса гибели традиционной общины. Вот почему, хотя некоторое количество беднейших общинников, несмотря на все ухищрения противодействовавших этому властей, все-таки разорялось и продавало свои земли соседям, этот процесс обычно ограничивался лишь небольшой частью общины и был к тому же обратимым. В результате подавляющее большинство общинников, пусть с трудом сводя концы с концами, продолжало вести свое по преимуществу натуральное хозяйство, и это было нормой, переходящей из поколения в поколение. Отсюда и результат: сфера действия нового частнособственнического сектора в пределах социально-экономической структуры в целом была не столь значительна, чтобы поколебать и тем более преобразовать по своему образу и подобию всю структуру.

Не сумев этого добиться, частнособственнический сектор достаточно гармонично и непротиворечиво вписался в издавна существовавшую систему отношений, приведя ее к некоторой модификации. Суть модификации сводилась к тому, что государство, опираясь на древнюю основу – неотчуждаемые коллективные общинные и царско-храмовые земли, – допускало существование частнособственнического сектора в виде включенного в товарооборот небольшого клина земель, наемного труда, частной аренды, ростовщичества, долгового рабства и вообще системы товарно-денежных отношений. Все это было необходимо для нормального функционирования большого развитого социального организма. Но при всем том государство достаточно жестко ограничивало и контролировало реальные возможности, сферу влияния и вообще потенции частного сектора.

Законы Хаммурапи

Именно эта политика и нашла свое отражение в знаменитых законах Хаммурапи – первого в истории достаточно полного и многостороннего свода правовых норм и административных регламентов, сложившихся на основе более ранних законов и весьма четко определявших права и обязанности населения, в частности ограничивавших сделки частнособственнического характера. Законы, начертанные на каменном обелиске, состояли из краткого введения, заключения и 282 статей (в самом тексте нумерации статей нет), в которых нашли отражение различные и в большинстве, видимо, опиравшиеся на прецеденты судебные казусы, а также многие реальные формы взаимоотношений, анализ которых дает представление о вавилонском обществе XVIII в. до н. э.

В судебнике не выделены четко не только статьи, но и разделы. Однако специалисты вычленяют несколько групп параграфов, посвященных разным вопросам: общим принципам отправления правосудия; охране собственности царя, храмов и населения; статусу имущества, полученного от царя за службу; операциям с недвижимостью и торговле; семейному праву; наказаниям за телесные повреждения; операциям с движимым имуществом. Статьи о семейном праве, например, свидетельствуют о господстве моногамной семьи с заключением брачного контракта, в котором оговаривались права обеих сторон. Право на семью имели все, включая рабов, дети которых при этом считались полноправными. На развод имели право обе стороны, но за неверность жена наказывалась строже. Приданое жены принадлежало ее детям, которые делили между собой наследство после смерти родителей.

В судебнике выделяются три группы людей по их правоспособности: полноправные, мушкенум и рабы. Каждая изних по-разному отвечала за те или иные проступки. Так, за ущерб, нанесенный какому-либо мушкенуму, штраф был меньше, чем за ущерб полноправному. Что же касается раба, то он «стоил» еще дешевле, а за правонарушения, совершенные им, применялись наиболее строгие меры и жестокие наказания. Вообще рабы, если иметь в виду частных, считались собственностью хозяев – беглых ловили, укрывателей наказывали. Но при всем том раб имел и определенные права – на семью, хозяйство, имущество. Что касается мушкенумов, то это были, как упоминалось, зависимые царские люди, которые могли иметь хозяйство, нередко рабов, а подчас и должность, и достаточно высокий административный статус.

Группа статей, касающихся собственности, – едва ли не самая большая в судебнике. Признавая собственность как институт (воры и укрыватели либо покупатели краденого наказывались), законы вместе с тем основную свою цель видели в ее регулировании и ограничении. Прежде всего они строго запрещали отчуждение в любой форме пожалованных царем наделов, особенно наделов воинов. Статьи обстоятельно регламентировали условия найма и размер платы за наемный труд; скрупулезно рассматривались все случаи аренды и норма арендной платы, условия залога имущества.

Наибольшего внимания заслуживают те из статей, которые касались условий кредита и ростовщичества. Все они были направлены на ограничение произвола заимодавцев и стремились дать должнику максимальные шансы. При неурожае его долг откладывался. Если за долг человек был вынужден отдать в долговое рабство кого-либо из своей семьи, кредитор нес ответственность за приобретенного таким образом

раба-должника: в случае, если от дурного обращения последний умирал, кредитор наказывался. В любом случае срок долгового рабства не должен был превышать трех лет – после этого срока должник освобождался, а долг считался погашенным. Был установлен и размер долгового процента – он не должен был превышать 20% при денежном и 30% при натуральном займе.

Наказания за серьезные преступления были суровыми, часто преступник карался смертью. Основной принцип назначения наказаний – талион, т. е. воздаяние по принципу «око за око», «руку за руку», «сына за сына», «раба за раба». Вообще же чтение всех 282 статей судебника показывает, что лейтмотивом его была защита традиционных прав и имущества собственного, т. е. вавилонского, населения – особенно в тех случаях, когда вавилонянин или его имущество оказывались под угрозой. Попавшего в плен воина следовало выкупить, а если для этого не хватало средств, необходимую сумму должен был дать храм его поселка либо дворцовое хозяйство, т. е. казна. Если пленник стал рабом, то после его выкупа он возвращался домой. Вообще все свое, вавилонское, население и особенно полноправные обеспечивались максимальной поддержкой закона, бывшего как бы гарантом неприкосновенности их личности и имущества перед натиском со стороны врагов – от неприятеля, могущего взять их в плен и продать в рабство, до собственника, выступавшего в роли ростовщика, хозяина, нанимателя, арендодателя.

Что касается мушкенумов, то они имели меньшую правоспособность не потому, что были более эксплуатируемым слоем населения. Очень похоже на то, что в этом смысле они были наравне с полноправными, а в административном плане часто стояли выше их. Разница между мушкенумом и полноправным общинником была в том, что царские люди чаще всего не имели корней в общинах Вавилонии и в силу этого не могли считаться полноправными. Что касается рабов, то многое в судьбе их и их потомков зависело, видимо, от случая; есть основания считать, что в рабы-чужаки достаточно быстро могли приобрести статус мушкенума, особенно если их сажали на храмовые земли. Рабы, оказавшиеся во владении общинных групп, обычно включались в состав семьи на правах ее младших членов со всеми вытекавшими из этого следствиями. Иными словами, во втором поколении рабы, как правило, рабами быть переставали. Это была, таким образом, как бы временная категория, переходная (напомню, что речь идет о рабах-иноплеменниках, рабах-пленниках, рабах-чужаках, и только о них, – о долговых рабах речь только что шла особо).

* * *

Подводя итоги, обратим еще раз внимание на динамику исторического развития ранних очагов урбанистической цивилизации в ее шумеро-вавилонском варианте. Сначала возникает группа соседних и параллельно развивающихся шумерских протогосударств с весьма характерной для них храмовой формой администрации. Административно-политическая структура такого типа благоприятна для формирования стабильно и эффективно функционирующего механизма редистрибуции: параллельно с налогами от общин казна приобретает и закрепляет за собой храмовые земли и все доходы от них. Увеличение количества храмовых и, позже, царско-храмовых земель в рамках

укрупненных государств Саргона или правителей третьей династии Ура создает условия для упрочения сильной централизованной власти, причем этому же способствуют процесс приватизации и появление в рамках социума немалого количества безземельных вчерашних общинников, вынужденных арендовать храмовые и царские земли. Обилие неполноправных арендаторов на царско-храмовых землях времен третьей династии Ура привело к возникновению здесь системы псевдолатифундий с массовым использованием лишенных собственности и находившихся под жестким контролем администрации невольников, о статусе и образе жизни которых свидетельствуют массовые документы хозяйственной отчетности, создающие впечатляющую картину коммунистической казармы.

Неэффективность казарменного коммунизма в форме труда подневольных на псевдолатифундиях выявилась достаточно быстро, так что в Вавилонии времен Хаммурапи от этой формы хозяйства отказались, раздав царско-храмовые земли служащим в качестве платы кормления, и всем остальным, включая неполноправных мушкенумов, в виде аренды. Общинники, сохранившие земли, по-прежнему платили налоги в казну. Возникшие частные собственники тоже их платили, но статус частнособственнических земель выгодно отличался от статуса земель общинных тем, что их можно было продать беспрепятственно, – обстоятельство, которым порой не брезговали и правители, покупавшие в собственное пользование те или иные поля из частнособственнического клина земель.

Шумеры и вавилоняне были первыми, кто шел по пути становления государственности, так что их вариант политогенеза и развития форм хозяйства и форм собственности заслуживает особого внимания. Он во многих отношениях был эталонным для тех, кто шел вслед за ними, хотя, разумеется, существовали и иные варианты, о которых речь пойдет ниже. Но прежде чем закончить изложение материалов и выводов, касающихся этого варианта, стоит хотя бы вкратце упомянуть о том вкладе, который внесли жители древнего Двуречья в мировую культуру.

Это, во-первых, шумерское иероглифическое письмо, достаточно быстро трансформировавшееся в массовой документации царско-храмовых хозяйств в упрощенную клинопись, что впоследствии сыграло решающую роль в возникновении алфавитной системы. Во-вторых, это постоянно развивавшаяся усилиями жрецов система календарного счисления, тесно связанного с астрономическими наблюдениями, а также элементарная математика. Тот алфавит, те сведения о календаре и звездном небе с его знаками зодиака, та десятеричная система счета, которыми мы пользуемся и сегодня, восходят именно к древнему Двуречью. Религиозные представления с множеством богов и храмов в их честь, интереснейшие мифы с описанием жизни, приключений и похождений богов и героев, наиболее знаменитым среди которых считался Гильгамеш, развитое изобразительное искусство, особенно каменные рельефы и барельефы, культура архивного дела, первые в истории географические карты и путеводители – вот далеко не полный перечень того, что осталось в памяти потомков и внесло свой вклад в развитие мировой культуры.

Глава 6
Древний Египет

Египетский вариант становления государства и общества заметно отличался от месопотамского. Египет, как известно, – дар Нила. И эта привязанность к нильской долине с ее строго регулярным режимом не могла не сказаться на судьбах страны и народа, особенно в связи с замкнутостью Египта, столь отличного в этом плане от открытого для контактов, влияний и нашествий Двуречья.

Заселение долины Нила шло в основном за счет все той же ближневосточной волны (точнее, волн) спустившихся с предгорий неолитических земледельцев, которые осваивали и Двуречье, а древнейшие археологические культуры Египта (Фаюм, Бадари и др.) примерно одновременны с Убайдом. Однако по сравнению с тем же Убайдом эти культуры более отсталы и примитивны: зерновое земледелие (ячмень, пшеница-полба), кремневые орудия, грубоватая керамика, первые изделия из привозной синайской меди. Видимо, связи через Синай и влияние более развитой и, во всяком случае, энергично распространявшей свои достижения цивилизации Двуречья оказали определенное воздействие на ускорение темпов развития культуры нильской долины, о чем убедительно свидетельствует ряд важных нововведений, в частности пиктографическая письменность. IV тысячелетие до н. э. было периодом активного развития древнейшего Египта. Ирригационные сооружения, без которых земледелие в долине Нила невозможно; глинобитные строения; металлургия меди; имущественное неравенство, фиксируемое раскопками; овладение практикой строительства из сырцового кирпича – все это и многое другое достаточно наглядно свидетельствует о материальном фундаменте, соответствующем уровню ранних надобщинных объединений, первичных протогосударств.

Как и в Шумере, первые протогосударства в Египте возникали в виде объединений вокруг храмов. Эти сообщества позже стали именовать греческим термином «ном». Территориально древнеегипетский ном тянулся вдоль берега на многие десятки километров, причем к каждому номовому храму, божество которого выступало в качестве «связующего единства», тяготело несколько десятков поселений. Во главе номовых сообществ стояли первосвященники-жрецы, с течением времени все явственнее приобретавшие функции политических администраторов, правителей нома. Как можно полагать (в отличие от Двуречья, источники, которые касались бы этого периода развития, отсутствуют), жрецы-правители номов по мере укрепления их власти вступали в ожесточенное соперничество друг с другом, результатом чего была постепенная концентрация власти в руках наиболее удачливых из них. Предание, зафиксированное египетским жрецом Манефоном (на рубеже IV–III вв. до н. э. он написал историю Египта, впоследствии утраченную), говорит о том, что около двух десятков номов Верхнего Египта, по течению реки вплоть до Дельты, и примерно такое же количество номов Нижнего Египта в дельте Нила на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. были объединены в руках двух правителей, борьба между которыми привела к победе правителя Верхнего Египта, короновавшего себя обеими коронами.

Столь раннее объединение всей страны под началом единого царя, фараона, равного которому по объему власти в то время еще не знало человечество, сыграло свою роль в ускорении процесса институционализации власти, становления эффективной централизованной администрации, опиравшейся на мощный и разветвленный иерархическо-бюрократический аппарат. Почти за полтысячелетия до Саргона Аккадского фараоны первой и второй династий, начиная с легендарного объединителя Мины (Менеса), были всевластными и обожествленными правителями огромного, хотя политически еще не очень устойчивого государства – государства раннего по типу и уникального по характеру связей в нем.

Древнее царство (XXVIII–XXIII вв. до н. э.)

Первый длительный период стабильной и эффективной центральной власти в Египте приходится на годы правления третьей – шестой династий, это период так называемого Древнего царства (по периодизации Манефона). Именно в это время окончательно сложилось и упрочилось древнеегипетское государство как единый и до предела жесткий хозяйственный организм, в рамках которого садоводческий и скотоводческий север удачно сочетался с земледельческим югом, а также повсеместно поддерживался заданный регулярными разливами Нила водный режим с ежегодным щедрым удобрением почвы илом. Столицей страны был основанный на стыке Верхнего и Нижнего Египта Мемфис.

Фараоны, начиная с правителей третьей династии, были уже не просто обожествленными царями – они считались равными богам. Существовал строгий ритуал поклонения им, была выработана практика их захоронений. Будучи «сыном Солнца», фараон не мог уходить на тот свет незамеченным. Его уход должен был быть великим событием для людей и богов. Именно эти соображения и легли в основу строительства тех гигантских пирамид, которые вплоть до наших дней являются величественными символами древнего Египта – гения мастеров, труда строителей, всевластия и божественного статуса правителей. Пирамиды фараонов третьей и четвертой династий Джосера (Джесера), Снофру (Снефру), Хеопса (Хуфу), Хефрена (Хафра) и ряда других поражают своими размерами: крупнейшая из них, пирамида Хеопса, имеет километр в периметре у основания и достигает в высоту 147 м. Строили эту пирамиду, по зафиксированным греческим историком Геродотом преданиям, около 100 тыс. человек на протяжении 20 лет.

Строительство для себя загробного убежища – пирамиды, позже скального погребения и т. п. – рассматривалось едва ли не в качестве главного дела почти каждым из вступавших на трон фараонов. Соответственно вельможи и жрецы рангом пониже, начиная с родственников правителя, заботились о сооружении гробниц и для себя. Хотя эти гробницы были не в пример скромнее усыпальниц фараонов, тем более пирамид, для науки они ценны тем, что именно в них внутренние помещения обычно щедро покрывались барельефными изображениями, рисунками, изображающими сцены из жизни, хозяйственные заботы домашних слуг, труд земледельцев и ремесленников. Смысл изображений, равно как и сопровождавших их надписей, сводился чаще всего к подчеркиванию заслуг покойного, его добродетелей.

Строительство пирамид и богатых гробниц отнимало много сил и требовало немалых средств, но оно одновременно содействовало ускорению темпов экономического развития, накоплению опыта и умения работников. На постройке пирамид наряду с квалифицированными мастерами использовались рабочие отряды из числа отбывавших трудовую повинность египтян. Целые поселения подчас отписывались указами правителя для обслуживания и охраны важных гробниц. Стоит заметить, что рабы в этой сфере практически не использовались. Вообще рабов-иноплеменников в период Древнего царства было немного, несмотря на то что фараоны вели достаточно активную внешнюю политику, совершая время от времени походы на северо-восток (в Синай), на запад (в Ливию) и на юг (в Нубию). Военная добыча и торговые экспедиции обеспечивали Египет немалым притоком золота, серебра, благовонных смол, слоновой кости, полудрагоценных камней, строительного леса и т. п.

Начиная с пятой династии строительство крупных пирамид резко пошло на убыль – видимо, централизованная администрация стала ослабевать и уже не могла с легкостью мобилизовывать десятки тысяч людей и тратить огромные средства на дорогостоящие престижные сооружения. Пирамиды фараонов пятой и шестой династий были невелики и строились плохо, зато гробницы вельмож стали блистать богатством, что косвенно свидетельствует об укреплении позиций местной знати.

Уже в начале периода Древнего царства в Египте сложилась развитая и всеохватывающая система администрации, которая по сути дела заполонила собой все сферы жизни. Хотя строгого разделения функций она еще не знала, четко выделяются три ее уровня; центральный, региональный и местный. На местном уровне представителями власти были писцы, управляющие и уполномоченные царско-храмовых либо вельможно-сановнических хозяйств, а также, возможно, главы поселений, отвечавшие за уплату ренты-налога. На региональном уровне функции власти исполняли храмовые жрецы, правители номов (номархи), сановные вельможи и чиновники средних рангов. Они собирали ренту-налог, отвечали за нормальное функционирование храмовых хозяйств, включая зернохранилища, склады готовой продукции и инвентаря, мастерские, архивы и т. п. В их же функции входила организация общественных работ на местах, особенно в сфере водного хозяйства и строительства. Наконец, высший уровень власти – центральный – являл собой разветвленную и специализированную систему управления. Во главе ее стоял министр чати (джати), должность которого в период расцвета централизации обычно исполнял один из царевичей или иных близких родственников фараона, а при пятой и шестой династиях – какой-либо из высокопоставленных сановников-вельмож из знатных фамилий. Чати держал в своих руках все рычаги администрации и лично возглавлял судебное ведомство, протокольное (архивы, документация и т. п.), государственную сокровищницу, отвечал за деятельность централизованных хранилищ и мастерских, за организацию крупных строительных проектов, включая возведение пирамид, наконец, за деятельность региональной и местной администрации.

Что касается специализированных управлений, подчинявшихся чати, то каждое из них возглавлялось важным сановником, нередко носившим пышный должностной титул. Так, глава «дома оружия» был

руководителем военного ведомства, отвечавшим за вооружение и снабжение армии, строительство крепостей и кораблей. Начальник «шести великих домов» возглавлял судебное ведомство и отвечал за судопроизводство по всей стране, вплоть до местного уровня. «Заведующий тем, что дает Небо, производит Земля и приносит Нил» был управителем царско-храмовых хозяйств, хранителем государственных амбаров и складов. «Хранитель печати» отвечал за организацию заморских экспедиций, «начальник работ» – за крупное строительство, ведущееся в порядке трудовой повинности населения. Каждое из ведомств имело свой штат и подразделения, возглавлявшиеся помощниками главы ведомства: так, руководителю царско-храмовых хозяйств подчинялись, среди прочих, «начальник царских угодий», «заведующий царскими виноградниками».

Неясно, в какой мере упомянутые должности высшего и среднего уровня были наследственным достоянием данной знатной фамилии – при всем том, что наследственная преемственность и практика назначения знати на высшие должности была обычной нормой. Известно, в частности, что в период расцвета власти центра должностные лица на уровне управителей подразделений, в частности номархи, перемещались с места на место сравнительно легко и часто. Особо стоит сказать о тщательности управления, в системе которого видное место занимали готовившиеся в специальных школах писцы-канцеляристы, т. е. грамотные чиновники. Их усилиями велась исчерпывающая отчетная документация, включая составлявшийся раз в два года кадастр всех земель страны, а также переписи населения, имущества и доходов.

Структура раннеегипетского общества

Высокая степень централизации управления, возникшая на очень раннем этапе развития общества и государства, сместила многие привычные акценты и сыграла немалую роль в формировании специфических черт древнеегипетской структуры, которая известна науке отнюдь не во всех ее важных деталях. Здесь стоит упомянуть, что характер источников – намного более скудных, нежели то имело место в Двуречье с его сотнями тысяч начертанных на глиняных табличках документов хозяйственной отчетности, – не позволяет делать далеко идущие выводы. Напротив, заставляет строить предположения и оговариваться даже тогда, когда речь заходит о кардинальных политэкономических принципах и понятиях, например о формах хозяйства, об организации производства и даже об образе жизни основной массы населения.

Можно предполагать, что некогда, на весьма раннем этапе существования государственности, формой организации и образа жизни населения была – как то всегда и везде бывало – земледельческая община, т. е. коллектив земледельцев, обрабатывавших общую поделенную на семейные наделы землю, связанных взаимопомощью, системой реципрокных обязательств и выплачивавших налоги властям. Но в древнеегипетских документах нет свидетельств о существовании подобного рода социально-хозяйственных структур даже применительно к прошлому. Скорее всего, это было связано с тем, что в те времена, которые описаны в текстах, общины уже не было, как не существовало и

независимых от власти и неподконтрольных ей полноправных общинников типа тех, что всегда численно преобладали в Двуречье.

Похоже на то, что древнеегипетская община в силу каких-то весомых причин (одной из них следует считать сам характер хозяйства в узкой полосе вдоль Нила с постоянной зависимостью от его разливов и необходимостью коллективного и руководимого из центра труда по преодолению последствий этих разливов) оказалась практически целиком поглощенной властью, инкорпорированной в систему царско-храмовых и вельможных хозяйств.

Невыраженность общины резко контрастирует с обилием вельможных хозяйств (специалисты, особенно зарубежные, часто сравнивают их с феодально-крепостническими), как должностных, так и личных, полученных по наследству. Есть основания считать, что исторически такие хозяйства возникли либо как хозяйства номархов, когда они были правителями отдельных протогосударств-номов, либо как хозяйства, пожалованные родственникам, сановникам и приближенным фараона за службу часто с явно целевым предназначением – обслуживать заупокойный культ умершего видного лица. Кроме того, существовало немало должностных хозяйств, бывших в распоряжении региональных управителей-номархов и иных сановников и считавшихся платой за должность, т. е. находившихся во временном владении должностного лица. Многие из должностных и вельможных владений тяготели к царско-храмовому хозяйству и были по сути какой-то его частью. По меньшей мере часть их, особенно в периоды ослабления власти центра и чаще всего по специальному указу фараона, получала иммунитетные права (это касалось и некоторых номовых храмовых хозяйств), т. е. была освобождена от налогов в казну, а то и просто становилась наследственным владением. Как бы то ни было, но точнее трудно что-либо сказать о весьма непростых взаимосвязях между царскими, храмовыми и вельможными, должностными и личными, хозяйствами, не говоря уже о проблематичности существования вне этого сектора экономики страны (а может быть, внутри его?) автономных наделов земледельцев, т. е. общинного хозяйства.

Что же касается структурной характеристики всех упомянутых крупных хозяйств, то они, судя по имеющимся сведениям, были в принципе однотипны и схожи по типу с храмовыми и государственными хозяйствами Двуречья той поры, когда уровень централизации администрации и регламентации работ был там максимальным. Так, есть основания считать, что в древнеегипетских хозяйствах были обрабатывавшиеся отрядами работников, «слуг царя», большие поля, урожай с которых шел в казенные амбары. Сами же слуги царя получали либо выдачи из казенных амбаров, либо наделы, за пользование которыми они, возможно, тоже платили налоги. Встречаются упоминания о том, что «слуги царя» получали орудия труда из складов хозяйства, пользовались казенным рабочим скотом, посевным зерном и т. п. По правоспособности «слуги царя» явно не принадлежали к числу полноправных; среди них были не только земледельцы, но и ремесленники различных специальностей (в изображениях много сцен, красочно рисующих работу в различных мастерских, от ювелирных и ткацких до булочных и пивоварен), причем все они были подчинены начальникам, нередко изображавшимся с плетками, палками и иными недвусмысленными символами их власти. Эти картины заставляют поставить вопрос о том,

были ли вообще в египетском обществе времен Древнего царства полноправные? Похоже, что ответить на него так же нелегко, как и на тесно связанный с ним вопрос об общине.

Есть среди изображений и иноплеменники – в виде пленных со связанными руками. Возможно, их превращали в рабов и использовали в царско-храмовых государственных хозяйствах. Но что характерно: в рамках тотальной государственности и почти всеобщей вовлеченности в систему государственного хозяйства разница в правоспособности, игравшая столь значительную роль в обществе Двуречья, здесь не считалась существенной и во всяком случае не подчеркивалась терминологически. Более того, наиболее общий и чаще других употреблявшийся термин, означавший производителей и вообще работающих, хотя бы в сфере услуг, – это мерет, в связи с интерпретацией социального содержания которого специалисты немало спорили друг с другом. Похоже на то, что этот термин не имел четкого социального и правового содержания, что вполне соответствует сложившейся в Древнем Египте структуре.

Резюмируя, можно сказать, что социально-правовая индифферентность в терминологии (мерет, «слуги царя») свидетельствует о том, что специфика древнеегипетской структуры сводилась к упомянутой уже тотальной поглощенности населения государством, функции редистрибуции которого оказались поэтому необычайно емкими: едва ли не все произведенное обществом распределялось централизованно, по строгим нормам и четким принципам. Столь полное, явное и практически абсолютное господство государства и венчающего его божественного правителя-фараона было даже на Востоке беспрецедентным. Символом его – явно неслучайным – были гигантские пирамиды, подчеркивавшие как величие связующего единства, так и ничтожность поглощенного властью почти без остатка простого труженика, лишенного даже привычных для всех остальных неевропейских структур общинных форм существования, гарантировавших некоторые его права.

Египетское государство периода Древнего царства было мощным и хорошо организованным аппаратом власти, опиравшимся на генеральный принцип власти-собственности. Государственное хозяйство господствовало беспредельно: все причастные к власти именно в силу служебного положения владели своим имуществом, включая не только должностные, но и личные владения. Данных о купле-продаже и о частных приобретениях рыночного характера применительно к Древнему царству буквально единицы, причем часть их по меньшей мере спорна. Но все-таки к концу периода привычная описанная выше структура под влиянием процесса приватизации стала деформироваться. Начинался новый период.

Среднее царство (XXI–XVIII вв. до н. э.)

Едва ли было бы справедливым считать, что причиной упадка Древнего царства был начавшийся в конце его процесс приватизации. Он был тогда еще очень слабым и не мог оказать заметного влияния на разложение структуры. Более вероятно, что структура ослабевала сама по себе, под влиянием закономерностей циклического развития, столь

характерных для всего Востока (эти закономерности всегда имели свои причины, но сейчас речь не об этом – о причинах будет сказано в свое время). Между Древним и Средним царствами лежал период политической раздробленности (иногда его именуют I Переходным периодом), занявший около двух веков, время правления седьмой и восьмой династий, о которых практически почти ничего не известно. Это был период самовластного правления номархов, расцвета храмов на местах и едва ли не полного упадка власти центра. Лишь к XXI в. до н. э. вновь наметились два центра притяжения соответственно для номов Верхнего и Нижнего Египта – Фивы и Гераклеополь. Борьба между правителями этих центров привела к новым попыткам объединения Египта, сначала под главенством девятой, а затем сменившей ее десятой династии. Обе эти гераклеопольские династии были, однако, слабыми и недолговечными. А усиление Фив привело к выходу на передний план одиннадцатой, фиванской династии, на сей раз крепко взявшей власть в стране и восстановившей централизованную администрацию. Большинство фараонов этой династии носило имя Ментухетеп. Но еще больше усилилась власть центра при фараонах двенадцатой династии, Аменемхетах и Сенусертах, правивших на протяжении большей части периода Среднего царства.

Внутренняя политика фараонов Среднего царства вначале осуществлялась под знаком ожесточенной борьбы власти центра с сепаратистскими тенденциями на местах. Борьба была, как упоминалось, долгой. Региональные правители-номархи за два века переходного периода укрепились в своих номах и чувствовали себя там полными хозяевами. Они имели своих чиновников и воинов, нередко вели собственное летосчисление и успешно осуществляли наследственную передачу власти – в ряде случаев брак наследников разных номархов вел к слиянию двух номов, т. е. к усилению власти правящего дома. Как свидетельствуют пышные и богатые гробницы номархов, эта региональная знать процветала вплоть до правления Сенусерта III, который считается фараоном, добившимся наивысшей степени централизации, сравнимой с той, какой обладали властители Древнего царства. Лишь Сенусерт III и его преемники снова стали практиковать назначение сменяемых сановников центра в качестве правителей номов, причем именно теперь перестали сооружать богатые гробницы номархов.

В годы правления двенадцатой династии и особенно Сенусерта III на передний план заметно выдвинулось служилое чиновничество, заместившее собой наследственную вельможную знать и даже несколько оттеснившее влиятельное жречество. Большую силу при дворе стала играть и армия. Солдаты и их начальники за свою службу получали должностные наделы и щедрые награды. Все это способствовало укреплению власти центра, созданию эффективной администрации, что с наибольшей силой проявилось на примере строительства гигантского водохранилища в районе Фаюма. В период правления Аменемхета III огромная естественная котловина в районе Фаюмского оазиса была с помощью серии дамб, плотин, каналов и шлюзов превращена в Меридово озеро – крупный искусственный резервуар, позволявший накапливать избыток вод Нила в период разливов и тем регулировать уровень его вод, орошать многочисленные новые плодородные земли в округе. Этот грандиозный проект, равно как и выстроенный здесь же, рядом с гробницей фараона, огромный лабиринт, впоследствии рассматривались

греками как шедевры строительного искусства египтян.

После Аменемхета III власть фараонов сначала начала клониться к упадку. Правда, египтяне и после него продолжали совершать успешные походы на соседей – в Нубию, Ливию и Азию, откуда шли потоком драгоценности (золото, медь, благовония), нужные стране материалы (ливанский кедр, в первую очередь) и пленники-рабы, число которых в период Среднего царства увеличилось. Однако расцвет был уже позади. Правители тринадцатой династии с трудом удерживали власть. Вскоре страна распалась на две части, управлявшиеся правителями тринадцатой и четырнадцатой династий, а затем наступил очередной II Переходный период. Что же принес египтянам период Среднего царства?

Изменения в социально-экономической структуре

Начавшийся в конце Древнего царства процесс приватизации стал заметно ощущаться после I Переходного периода, с начала Среднего царства. На смену едва ли не абсолютно господствовавшим до того царско-храмовому и вельможному хозяйствам с их псевдолатифундистскими методами обработки земли рабочими отрядами во главе с надсмотрщиками пришла новая система хозяйственной практики, характерная – как то проявило себя и в Двуречье – для более развитого государства. Государственные царско-храмовые, региональные номово-храмовые и номово-вельможные хозяйства начали использовать надельно-арендную систему. Земли стали отдавать в аренду «слугам царя», которые обрабатывали их теперь уже в основном своими орудиями и на свои средства, выплачивая при этом ренту-налог казне, храму или номарху, вельможе. Усиление централизованного контроля при Сенусерте III не изменило этой практики: просто львиной долей доходов распоряжались уже не номархи или жрецы номовых храмов (часто обе должности совмещались), а казна в лице ее представителей, присланных из центра чиновников.

Что касается социального статуса населения, то есть основания считать, что основным контингентом работников были все те же «слуги царя». Этим термином именовали и земледельцев, обрабатывавших земли государства, храмов и, должностных лиц, и ремесленников разных специальностей, и представителей сферы услуг, вплоть до брадобреев и танцоров. Социальная регламентация была по-прежнему жесткой: в юности каждый из «слуг царя» получал назначение на работу по определенной специальности, с учетом профессии его семьи, и, как правило, на всю жизнь (только наиболее сильных и пригодных из них на проводившихся ежегодно смотрах-отборах отбирали в армию). Все «слуги царя» были обязаны, кроме отправления своих основных функций, еще и выполнять «царские работы», т. е. трудовую повинность в пользу казны. Это были прежде всего строительные и ирригационные работы, труд в копях и каменоломнях. Отработки касались только мужчин.

Жесткий регламент не означал, однако, что все производители в стране имели единый статус. Напротив, именно документы Среднего царства свидетельствуют о том, что на фоне общей массы «слуг царя» появлялись и некие неджес (малые), даже сильные неджес, в число которых, судя по имеющимся данным, входили лица, так или иначе связанные с рынком, товарно-денежными отношениями, возникавшей

частнособственнической деятельностью. Это могли быть, видимо, воины, мелкие чиновники или ремесленники. Часть неджес могла владеть и землями, сдававшимися в аренду неимущим либо малоимущим, причем арендная плата продуктами могла идти, по крайней мере частично, на рынок.

В Египте Среднего царства существовал уже достаточно развитый регулярный рыночный обмен, хотя о деньгах как всеобщем эквиваленте говорить еще рано. Мерилом ценности обычно выступало зерно, иногда одежда, реже медь, еще реже серебро или золото. Товарно-денежные отношения в условиях жесткой государственной регламентации развивались крайне медленно, что хорошо видно при сопоставлении с Двуречьем. Но все-таки развитие шло. Увеличивалась роль городов как торгово-ремесленных центров, о чем можно судить, в частности, по раскопкам города Кахуна.

Ремесленники, особенно золотых дел мастера и каменотесы – профессии престижные и требовавшие высокой квалификации, – нередко были достаточно зажиточными людьми, о чем свидетельствуют сооружавшиеся в районе захоронений и в иных местах внушительные стелы с надписями и изображениями. В новой структуре они уже занимали иное место, чем прежде. И хотя централизованный регламент касался их, как и всех остальных, они уже не считались просто принадлежностью царско-храмовых хозяйств. Вполне возможно, что часть их вела свое дело самостоятельно, работая по заказам и на рынок (что никак не исключало того, что определенную долю своего продукта они были обязаны отдавать государственному хозяйству, т. е. казне, не говоря уже об обязательной трудовой повинности). Есть сведения, что в городах существовали объединения ремесленников по профессиям, нечто вроде цехов, подчас даже с различными профессиональными подразделениями, как это было, в частности, у каменотесов – специальность в Древнем Египте едва ли не наиболее дефицитная, имея в виду пристрастие египтян к пышным гробницам с резными фризами, барельефами и иными работами по камню.

Изменение в положении части населения, прежде всего тех, кто был включен в систему товарного обращения (зажиточные земледельцы, ремесленники, воины) или был вынужден продавать свой труд (малоземельные либо безземельные арендаторы, слуги, наемный персонал), косвенно подтверждается теми надписями, в которых говорится о существовании большесемейных групп, домовых общин, «домов». Если для периода Древнего царства о «домах» в текстах говорилось почти исключительно как о домах высокопоставленных аристократов, вельмож либо сановников, то применительно к эпохе Среднего царства о тех же «домах» упоминается как об обычных семейно-клановых группах во главе с отцом-патриархом, по отношению к которому все младшие члены семейной группы, включая слуг и рабов, не связанных с членами семьи узами родства, выступают в качестве зависимых. Отцы-патриархи такого рода больших семей и оказывались нередко, как следует полагать, в числе неджес и сильных неджес.

В период Среднего царства, как упоминалось, возросло число рабов. Но дело не только в количестве. Если прежде рабы-иноплеменники были лишь зависимой и бесправной рабочей силой в храмовых, царских и вельможных хозяйствах, то теперь рабы чаще стали использоваться для услуг власть имущим. Частные рабы были немногочисленными, стоили

дорого и считались важным элементом престижа: вельможа, на которого в хозяйстве могли работать сотни «слуг царя», гордился приобретением даже одного раба, о чем и сообщал в надписи. Порабощение соплеменников-египтян было весьма редким (имеется в виду долговое рабство) и официально не допускалось. Впрочем, в периоды децентрализации, в том числе и в годы I Переходного периода, такое практиковалось.

В целом существенно заметить, что трансформация социальной структуры в период Среднего царства по сравнению с Древним очевидна, но характер этой трансформации во многом зависел от сложившихся издревле форм социально-экономических и политических отношений. В частности, слабое развитие рынка накладывало свой отпечаток.

II Переходный период продолжался около двух веков, на протяжении которых краткие и незначительные тринадцатая и четырнадцатая династии были на рубеже XVIII–XVII вв. до н. э. сменены вторгшимися в Египет азиатскими племенами гиксосов, которые познакомили египтян (как то сделали касситы в Вавилонии) с боевыми колесницами, запряженными до того вовсе неизвестными в Египте лошадьми. Осевшие в районе Дельты гиксосы правили около полутора веков. Но период их правления не был отмечен ни политическими, ни экономическими успехами. Скорей напротив, эпоха пятнадцатой и шестнадцатой гиксосских династий была временем упадка и деградации: многие храмы были разрушены, старые знатные семьи разорены, а выскочки-варвары взяли верх. Словом, нашествие гиксосов в древнеегипетской традиции было принято рассматривать как великое несчастье, страшный погром, полный упадок.

На это следует обратить внимание потому, что в египетской литературе сохранилось несколько интересных сочинений, повествующих об этих временах: «Речение Ипувера», «Пророчество Неферти». В них собраны рассказы о временах хаоса и беспорядков, когда варвары все крушат, Нил иссыхает (т. е. ирригация не функционирует), богачи и бедняки меняются местами и даже «женщины не беременеют». Следует заметить, что такого рода произведения, принадлежащие к жанру пророческой литературы или разоблачительных поучений, известны и в других обществах, особенно привычных к строгому регламенту и тем самым остро ощущающих его крушение, как, например, в Китае. Смысл их – в предостережении в адрес правителей, чье нерадение и ошибки в управлении могут привести к столь мрачным последствиям.

Владычество гиксосов было непрочным. В Фивах практически параллельно с гиксосами существовала египетская семнадцатая династия, контролировавшая почти весь Верхний Египет и ведшая успешные войны с гиксосами. Эти войны продолжались ряд десятилетий, пока Яхмос I не изгнал захватчиков из страны и не стал основателем новой, восемнадцатой династии, когда Египет вступил в период своего наивысшего могущества, став по сути первой в истории великой империей, границы которой теперь уже простирались далеко за пределы долины Нила.

Новое царство (XVI–XI вв. до н. э.) и расцвет Древнего Египта

Преемники Яхмоса, особенно Тутмос I и Тутмос II, а затем вдова

последнего, царица Хатшепсут, были сильными и властными правителями, при которых был дан старт активной внешней политике и завоеваниям Египта как на севере, так и на юге. По всей стране развернулось грандиозное строительство, прежде всего храмовое. На смену разрушенным гиксосами и пришедшим в упадок храмовым строениям пришли новые величественные каменные громады, среди которых выделялся великолепием и размерами столичный храмовый комплекс бога солнца Амона в Фивах. Правивший после смерти мачехи Тутмос III, сын Тутмоса II, закрепил достижения предшественников, покорив Сирию и Палестину, расширив южные пределы страны до четвертого нильского порога. Его большое и хорошо организованное войско, основную силу которого составляли запряженные лошадьми боевые колесницы, практически не знало поражений. Колоссальная военная добыча, включая и пленников, мощным потоком текла в Египет, где она оседала в кладовых храмов, в хозяйствах царя и его сановников. Преемники Тутмоса III активно продолжали его политику, успехи которой вызвали к жизни необходимость в некоторых реформах.

Реформы коснулись прежде всего системы управления. Страна была разделена на две части, север и юг, во главе которых были поставлены подчиненные фараону наместники, облеченные широкими полномочиями. Бывшие еще недавно независимыми номархи превратились в чиновников, каждый из которых имел свою канцелярию с писцами и служащими и отвечал за управление номом. Особые начальники управляли городами и крепостями, а также завоеванными районами (в качестве наместников). Деятельность всех администраторов строго определялась специальными нормами и инструкциями, содержание которых известно по сохранившимся в гробницах текстам. Есть в текстах и упоминание о 40 кожаных свитках, бывших, возможно, чем-то вроде свода законов и предписаний, коими должностные лица обязаны были руководствоваться (сам этот свод до нас не дошел).

Став сильной военной державой, империей, в которую были включены завоеванные народы и границы которой доходили на севере до Евфрата, Египет вступил в активные внешнеполитические связи с другими государствами Ближнего Востока – с Митаннийским и Хеттским царствами, с касситскими правителями Вавилонии, причем именно от этой эпохи в египетских архивах сохранилось немало ценных дипломатических документов (архивы Телль-Амарны), позволяющих представить картину международных отношений того времени. Связи и постоянные повторные экспедиции требовали немалых средств и усилий. Страна нуждалась также в многочисленных воинах – смелых, выносливых, закаленных в боях. Видимо, своих, египетских, уже не хватало (есть сведения, что в армию призывался чуть ли не каждый десятый юноша годного для военного дела возраста), ибо все чаще встречаются упоминания об использовании наемников из числа иноплеменников – ливийцев, эфиопов, азиатских «народов моря».

Ставка на наемников из числа иноплеменников, равно как и выдвижение на передний план администраторов из числа незнатных чиновников сопровождались наступлением на привычные права и привилегии вельможно-жреческой знати, власть которой заметно уменьшилась. Исчезают упоминания о вельможных хозяйствах и их «личных домах». Зато есть сообщения о развитии ирригационного хозяйства, осушении болот Дельты. Централизованная администрация

создавала и пускала в хозяйственный оборот новые плодородные земли, которые в качестве должностных условных наделов раздавались воинам и чиновникам. Эта политика усиливала опору центральной власти, но в то же время она способствовала развитию частной собственности и товарно-денежных отношений в стране, так как большое количество новых наделов включалось в систему рыночных связей (аренда, продажа зерна и т. п.). Собственно, именно в это время, в XVI–XV вв. до н. э., только и появляется в египетском лексиконе слово «торговец» и становятся более или менее многочисленными сообщения о товарных сделках и торговом обмене. Серебро, пока еще не монеты, вытесняет зерно в качестве мерила рыночных ценностей.

Войны давали много рабов. Будучи подаренными храмам, они чаще всего сажались на земли и превращались в обычный в такой ситуации слой зависимых земледельцев-арендаторов. Возможно, к категории таких зависимых теперь уже относились и некоторые египтяне из числа малоимущих и неимущих, вынужденных арендовать храмовые земли. Зато основная часть египетских работников стала в эпоху Нового царства более свободной по сравнению со «слугами царя» прошлых времен. Появилась прослойка немху – нечто вроде неджес времен Среднего царства, – в которую включались и земледельцы, и ремесленники, возможно, также воины и чиновники низших рангов. В руки немху могли попадать и рабы, хотя основная часть их, не включенная в систему государственных храмовых хозяйств, была, видимо, по-прежнему в услужении высокопоставленных верхов. Впрочем, несмотря на приток в страну десятков тысяч пленников, рабов в частном секторе по-прежнему было немного и стоили они весьма дорого: цена рабыни приравнивалась к стоимости 4–5 коров; одна рабыня-девочка была продана за цену, эквивалентную 373 г серебра (один грамм приравнивался к 72 литрам зерна; 373 г по этому курсу – свыше 25 т зерна).

Реформы Эхнатона

Начатый правлением Тутмоса III, проведшего на троне 54 года (первые 22 из них фактически правила ненавистная ему Хатшепсут), блестящий период политического могущества имперского Египта продолжался довольно долго, а связанные с ним внешнеполитические успехи и внутриполитические перемены определили серьезные сдвиги в структуре страны, в частности в традиционном соотношении социально-политических сил. Лейтмотивом изменений было, как упоминалось, существенное перемещение центра тяжести администрации и всей опоры власти фараонов на нетитулованные слои выходцев из чиновников, воинов, земледельцев, т. е. из немху, если даже не из рабов. Результатом этого процесса было заметное ослабление позиций вельможно-жреческой знати. Правда, жрецы и храмы в общем процветали – достаточно напомнить, каким потоком шли в храмовые хозяйства, в том числе в столичный храм Амона (Амона-Ра), награбленное в походах имущество и рабы. Но, во-первых, есть основания считать, что казна все тяжелее давила на храмы и пыталась использовать их доходы для содержания чиновников и воинов, а во-вторых, имущественное благосостояние не было адекватным политической роли жречества, которая все уменьшалась. Потеряв влияние на текущую политику, храмы

все отчетливее превращались в опорные региональные центры хозяйства, в низовые базы государственного сектора экономики. Понятно, что еще вчера бывшее весьма влиятельным жречество не могло смириться с этим. Назревал серьезный социально-политический конфликт.

Конфликт начался с того, что политические претензии жрецов храма Амона-Ра были не только отвергнуты новым фараоном Аменхетепом IV, вступившим на трон в 1372 г. до н. э., но и послужили предлогом для решительных гонений. Фараон демонстративно поддержал в качестве противовеса храму Амона-Ра новый культ прежде малоизвестного бога солнечного диска Атона, удобный для него тем, что за ним не стояли какие-либо влиятельные силы. Объявив себя верховным жрецом Атона, Аменхетеп изменил свое имя на Эхнатон («угодный Атону») и, покинув Фивы, в 300 км к северу от них основал быстро отстроенную для него новую столицу Ахетатон (городище Телль-Амарна). С точки зрения религии это была едва ли не первая в истории попытка заменить всех богов одним, создать культ единого, общеобязательного для всех, официально признанного и возвеличенного бога большой страны. Но монотеистическая тенденция реформы отнюдь не была главной; основная цель ее сводилась к тому, чтобы укрепить централизованную администрацию за счет ликвидации сепаратистских тенденций влиятельной храмовой знати. Стремясь решительным рывком порвать с традицией, Эхнатон предпринимал отчаянные попытки все обновить. Это проявилось и в создании нового бога, и в строительстве новой столицы, и в выдвижении новых людей, в создании новых культово-канонических норм, даже в новой, причем весьма художественно совершенной, школе искусства – достаточно напомнить о таком шедевре портретной скульптуры, как изображение жены реформатора красавицы Нефертити.

Трудно сказать, какими могли бы быть конечные результаты реформы, если бы не преждевременная смерть Эхнатона, процарствовавшего около 17 лет. При его жизни реформы открытого сопротивления не встретили, хотя, как и любые радикальные реформы в традиционном обществе, не были восприняты сразу всеми, тем более с ликованием. Для реформ всегда нужно время. Эхнатону его явно не хватило. Преемники его не были сильными правителями и к тому же были людьми юными и правили недолго. Сопротивление же реформам все росло. Дело кончилось тем, что Тутанхамон был вынужден сменить свое имя (ранее он именовался Тутанхатоном) и перенести столицу в Мемфис, предоставив фиванским жрецам Амона-Ра все утерянные ими права и привилегии. Были восстановлены все старые традиции, имя фараона-еретика было предано проклятию и забвению, а город Ахетатон был снесен с лица земли. После смерти Тутанхамона, не оставившего наследника (гробница умершего, как известно, была раскопана археологами в начале нашего века – она оказалась нетронутой; мумифицированное тело фараона свидетельствует о его юном возрасте), его молодая жена пыталась было удержаться на троне, выйдя замуж за приглашенного ею хеттского царевича. Но ее попытка успеха не имела. Царевич был убит, а престол вскоре занял могущественный фиванский жрец Хоремхеб. Хоремхеб и его преемники не стали ссориться со служилой знатью, воинами и чиновниками из числа немху, которые были опорой Эхнагона и его предшественников, и именно это сыграло важную роль в достижениях фараонов девятнадцатой династии, одной из самых могущественных в истории Древнего Египта.

Древний Египет при Рамсесе II

Несмотря на неудачу реформ Эхнатона, многие изних прижились. В частности, это относится к усилению роли служилой бюрократии, включая незнатное чиновничество и воинов армии, и к ослаблению регионально-номового жречества. Речь не идет о ликвидации влияния знати на местах; в период упадка Древнего Египта в конце Нового царства храмовое жречество и номархи вновь укрепили свои позиции. Но эти позиции были, тем не менее, существенно поколеблены.

После смерти Хоремхеба к власти пришла девятнадцатая династия, среди представителей которой резко выделялся Рамсес II, или Рамсес Великий, процарствовавший в XIII в. до н. э. около 67 лет. Это было время наивысшего взлета внешнеполитического могущества империи. Свою успешную военную карьеру Рамсес II начал в молодости с похода против хеттов – драматической экспедиции, едва не стоившей ему жизни. В трудных условиях незнакомой местности, доверившись обманувшим его проводникам, Рамсес с небольшим отрядом попал в засаду в районе крепости Кадеш. Многочисленные красочные описания этого эпизода рисуют критическое положение фараона, когда он обнаружил, что против него идет вся хеттская армия. Отчаянное сопротивление ни к чему не привело: хеттские колесницы уже ворвались в египетский лагерь и только тактический просчет хеттского царя Муваталли (Муваталлиса), придерживавшего пехоту, мужественная борьба самого фараона и счастливая случайность – неожиданно быстрый подход потрепанных хеттами главных сил египтян, на что Рамсес уже не рассчитывал, – решили исход битвы, а затем и всей кампании. Результатом экспедиции и еще ряда победоносных походов Рамсеса в Азию было укрепление позиций империи в Палестине и Сирии, а также союз с хеттами против усилившейся Ассирии.

Этот союз был скреплен браком Рамсеса с дочерью хеттского царя, пополнившей его гарем[11]. Укрепив внешнеполитические позиции империи, Рамсес стал проводить столь же энергичную внутреннюю политику. Его усилиями была отстроена и в значительной части заново освоена западная часть Дельты. Имея в виду свои азиатские владения, часто требовавшие присутствия фараона, Рамсес именно здесь соорудил новый город, получивший его имя (Пер-Рамсес) и на некоторое время ставший столицей Египта. Не забывал фараон и об остальной стране: во многих городах и храмовых комплексах Египта в период его царствования велось большое строительство, в том числе и ирригационное. Сооружались величественные храмы, среди которых выделяется размерами и художественным совершенством архитектурный комплекс Абу-Симбел на юге страны. Этот величественный комплекс, включающий двадцатиметровую статую самого фараона, в дни сооружения Асуанской

11 Следует заметить, что египетские фараоны обычно имели главную жену-египтянку, которой по традиции чаще всего становилась сестра (родная либо единокровная, т. е. от другой жены отца), и несколько второстепенных жен и наложниц, число которых варьировало в зависимости от обстоятельств. Дети от всех этих женщин в принципе могли претендовать на престол, но практически жесткое право первенства всегда было за детьми от главной жены. Поэтому брак Рамсеса с хеттской царевной не имел серьезных династических последствий – это просто был символ, благоприятный для хеттов

плотины в наше время был распилен и по частям перенесен на новое место.

При преемниках Рамсеса – их часто именуют Рамессидами, ибо многие из фараонов девятнадцатой и двадцатой династий носили имя своего великого предшественника, – могущество Египта стало заметно ослабевать. Воинственные племена ливийцев и «народов моря» (племена восточносредиземноморского побережья) постепенно вытеснили египтян из их внешних владений и, более того, начали селиться на египетских землях близ Дельты. Ослаблением государства не преминули воспользоваться в очередной раз представители номовой знати и жречества, стремившиеся извлечь из благоприятной для них ситуации максимум выгоды. В одном из известнейших и крупнейших по размерам древнеегипетских папирусов – папирусе Харриса – сообщается о множестве льгот, привилегий и иммунитетных прав, которые при Рамсесе IV и Рамсесе V были пожалованы различным местным храмам. Ослабление Рамессидов привело к тому, что при последнем из них, Рамсесе XII, власть в стране захватил фиванский жрец Амона Херихор. Начался III Переходный период в истории Древнего Египта, ознаменовавший не только конец Нового царства, но и конец сильного независимого Египта древних фараонов.

Позднее царство: Египет под властью иноземных правителей

Скопление ливийцев на севере страны и использование многих из них в качестве солдат-наемников привело на рубеже II–I тысячелетий до н. э. к выдвижению на авансцену политической жизни страны амбициозных ливийских военачальников, активно вмешивавшихся во внутреннюю борьбу фараонов с усилившейся местной знатью. Это вмешательство завершилось тем, что один из военачальников, Шешонк, в середине X в. до н. э. захватил власть и положил начало 22-й ливийской династии – первой из серии правивших Египтом чужеземных династий.

Сменявшие одна другую ливийские династии (23-я, 24-я) эффективно контролировали лишь район Дельты, в восточной части которого была их столица Бубаст. Что же касается нильской долины, то там большую роль играла местная знать. Правда, в середине VIII в. до н. э. усилившиеся и многое вобравшие из египетской культуры (в частности, культ Амона) правители Эфиопии (Нубии) начали успешную кампанию за захват Верхнего Египта, что привело к появлению 25-й нубийской династии, правившей в районе долины Нила вплоть до того момента, когда в 671 г. до н. э. победоносный ассирийский царь Асархаддон не завоевал Египет, обратив в бегство последнего из эфиопских правителей. Ассирия, однако, не закрепила своей победы из-за внутренних распрей, и в 664 г. ливиец Псамметих основал 26-ю династию, почти на полтора века объединившую Египет под властью саисских фараонов (Саис в Дельте был их столицей).

Примерно с этого времени огромную роль в истории Египта и в его связях с внешним миром начали играть греки – торговцы и колонисты. Вместе с финикийцами они стали активно обживать средиземноморское побережье страны, а вскоре греческие кварталы появились и в Мемфисе. Саисские фараоны, вначале ориентировавшиеся на слабеющую Ассирию и пытавшиеся противопоставить союз с ней усилившемуся Нововавилонскому царству, затем взяли курс на сближение с греками.

Греки чувствовали себя все вольготнее на севере Египта, где ими была основана колония Навкратис. В 525 г. до н. э. победоносные войска персидского царя Камбиза покончили с независимостью Египта, превратив его – до 404 г. до н. э. – в сатрапию Ахеменидской империи (это время считается периодом 27-й персидской династии). Освобождение от власти персов привело к появлению кратковременных 28–30-й египетских династий, пока завоевание Александра Македонского в 332 г. до н. э. вновь не привело к падению независимого Египта. После смерти Александра Египет, как известно, стал владением одного из греческих сподвижников-диадохов Александра, Птолемея. Период правления Птолемея и его преемников, включая знаменитую Клеопатру, ознаменовался энергичной эллинизацией страны, столицей которой стала величественная Александрия, признанный центр эллинистического мира и всей мировой культуры той эпохи. Но это был уже не столько египетский, сколько греческий, эллинистический центр. Птолемеевский Египет пришел в упадок на рубеже новой эры, после чего страна на долгие века превратилась в провинцию Рима, а затем (с IV в. н. э.) – Византии.

Социальная структура Египта Позднего царства (период I тысячелетия до н. э.) не оставалась неизменной – напротив, она энергично трансформировалась. Изменения в сфере производства (с помощью ассирийцев и греков египтяне познакомились с металлургией железа), а также заметный рост товарного хозяйства, внутренней и внешней торговли, денежного обращения оказали воздействие на укрепление частнособственнического хозяйства. Начали широко практиковаться мало известные до того отдача земель в залог, продажа земельных наделов, а затем и самопродажа бедняков в рабство. Ростовщичество стало, как то было тысячелетием раньше в Вавилонии, бичом общества, что вызывало тревогу власть имущих. Так, обеспокоенный далеко зашедшим процессом разорения земледельцев и обогащения собственников, результатом чего было оскудение и без того уже не слишком полной государственной казны, фараон 24-й династии Бокхорис (721–715) провел в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к ограничению произвола собственников и, в частности, к запрету порабощения за долги. Реформы и личность Бокхориса надолго запечатлелись в памяти людей, а впоследствии даже обросли легендами. Существует предание, что реформы Солона в Афинах ориентировались в качестве эталона на реформы Бокхориса.

Важной новой особенностью социальной структуры Египта Позднего царства становится усиление корпоративности. Суть этого явления, знакомого уже и Новому царству, сводилась ко все большей обособленности социальных слоев, будь то жрецы, воины или ремесленники различных специальностей. Наследственность занятий способствовала замкнутости соответствующих корпораций, внутренние связи и взаимопомощь в среде которых были особенно важны в условиях развивающихся товарно-денежных отношений при явном ослаблении централизованной администрации. По-прежнему существовали и имели немалую силу храмовые хозяйства, но теперь они все явственнее становились хозяйствами жреческо-культовых учреждений и тем самым исключались из сферы государственного хозяйства и соответственно большой политики.

В целом, несмотря на некоторый экономический и политический

упадок, Египет в I тысячелетии до н. э. оставался одной из богатейших стран мира. В период персидского завоевания он выплачивал в казну ахеменидских царей наибольшую дань. Экономически процветал Египет и в годы эллинизма, под властью Птолемеев, которые сохранили унаследованную с древности социально-экономическую структуру: обрабатывавшие «царские земли» (т. е. основной земельный фонд страны за вычетом культово-храмовых и пожалованных знати владений) «царские земледельцы», лаой, были наследственными арендаторами, личный статус которых варьировал от свободного до зависимого, что зависело от того, где работал земледелец и кем он был. Государственное («царское») хозяйство по-прежнему было весьма развитым и многообразным. Встречалась уже и практика откупа доходов с отдельных его частей богатыми собственниками. Есть данные о том, что некоторые отрасли экономики, как, например, изготовление и продажа растительного масла, были государственной монополией. Владельцы дарственных земель, сановники и знать, как и храмы, по-прежнему использовали свои земли преимущественно в виде арендных наделов, обрабатывавшихся теми же лаой, но обычно с большей степенью личной зависимости, отражавшейся в юридическом статусе земледельца. Рабов было немного, и стоили они дорого.

Для государственного аппарата эллинистического Египта было характерно сочетание традиций фараоновской администрации с греко-македонскими принципами. За исключением нескольких полисов типа Александрии, вся остальная страна традиционно делилась на номы, управлявшиеся чиновниками-стратегами. Номы подразделялись на топархии, а те – на поселения, комы. Во главе администрации стоял министр-диойкет, ведавший хозяйством и казной. Именно ему подчинялись упомянутые провинциальные администраторы. Судебная система была реорганизована в соответствии с нормами греческого права, но вне больших городов и полисов, где это право преобладало, на территории хоры, т. е. в основных районах расселения египтян, греческое право уступало обычному древнеегипетскому.

* * *

Итак, древнеегипетский вариант становления и развития государственности заметно отличался от месопотамского. Здесь очень рано и бесследно исчезла община со всеми ее традициями коллективного землепользования. Поглотившее ее государственное хозяйство в период Древнего царства господствовало едва ли не абсолютно, причем документы свидетельствуют о том, что рабочие отряды функционировали и даже перемещались с места на место по мере надобности без всяких церемоний, что свидетельствует о казарменно-коммунистическом строе жизни и соответствующих экономических отношениях. Эта казарменно-командная система здесь, в отличие от третьей династии Ура, распространялась, видимо, на все население.

Ситуация начала меняться лишь с периода Среднего царства, когда стал заметным процесс приватизации, формирования рынка и появились неджес. Как и в Вавилонии времен Хаммурапи, процесс приватизации сдержать было уже нельзя, важно было поставить его под контроль. Но если в Вавилонии для этого понадобилась серия судебников, которую венчали законы Хаммурапи, то в Египте отлично обошлись без этого

(существуют даже сомнения по поводу того, что здесь вообще когда-либо существовали судебники, – это касается, в частности, и упоминавшихся 40 кожаных свитков). Законопослушный или, точнее, послушный администрации и привыкший повиноваться палке надсмотрщика египетский производитель и без того был в полном подчинении власти, в первую очередь жрецов-чиновников в системе царско-храмовых хозяйств.

Период Нового царства был отмечен заметным экономическим и внешнеполитическим развитием страны. Египет превратился за счет успешных войн в империю. Внутриполитические реформы привели к превращению провинций из полуавтономных храмовых центров во главе с наследственной жреческой знатью в административные подразделения империи, которыми управляли назначенные сверху чиновники, имевшие должностные инструкции. Обильный приток рабов, способствовавший обогащению храмов, куда эти рабы в основном направлялись, привел было к резкому конфликту между властью и жречеством (реформы Эхнатона), но конфликт был улажен, и жречество вынуждено было смириться с усилением роли центра. И только в это время, с XVI–XV вв. до н. э., спустя почти полтора тысячелетия с момента начала египетской государственности, в этой стране серьезную роль стал играть рынок.

Словом, если подвести краткий итог и сделать самые общие выводы, следует заметить, что египетский вариант развития отличался тотальной вовлеченностью производителя в систему государственного хозяйства и крайне замедленными в силу этого темпами приватизации. И более того, развитие частной собственности и рынка шло в Позднем Египте в основном за счет контактов с иноплеменниками, вторгавшимися с севера в условиях ослабления власти центра.

Существенно заметить, что изоляция Египта – речь, разумеется, лишь об относительной его изоляции – явно не пошла на пользу его развитию. В этом отношении месопотамский вариант с его динамикой оказался предпочтительнее. Это нашло свое отражение, в частности, и в сфере культуры. Древнеегипетские письменность, архитектура, начиная с пирамид, искусство, религия, мифология, а также математика, астрономия и медицина были вполне на уровне своего времени, кое в чем могут считаться эталонным образцом, например, те же пирамиды. Но, как представляется, в историю мировой цивилизации древнеегипетская культура внесла меньший вклад, чем месопотамская, даже принимая во внимание реформы Бокхориса и косвенное возможное воздействие их на реформы Солона, сыгравшие революционную роль в античной Греции.

Древний Египет с его уникальной и длительной историей дал миру, тем не менее, высокие образцы во многих отношениях. Но одновременно с этим он убедительно продемонстрировал неэффективность системы близкого к тоталитаризму социально-политического режима, который никак не способствовал его динамическому развитию. И далеко не случаен упадок Египта в те века, когда он вплотную столкнулся с более динамичными государствами Западной Азии в I тысячелетии до н. э.: многое в этих вынужденных контактах было не в пользу Египта, при всем том, что он всегда продолжал оставаться житницей и вносил в казну завоевателей едва ли не самый весомый вклад.

Глава 7

Древние государства Западной Азии

Если III и даже начало II тысячелетия до н. э. прошли в ближневосточной древности под знаком становления и развития первичных очагов цивилизации и государственности в шумеро-вавилонском Двуречье и Древнем Египте, то начиная со второй трети II тысячелетия до н. э. параллельно с ними активно функционировали и другие сильные государства, сыгравшие важную роль в истории. К их числу относятся Митанни, Ассирия, Хеттское царство. Чуть позже на арену активной политической жизни вышли также некоторые народы Восточного Средиземноморья.

Первые урбанистические центры на территории Западной Азии возникли очень давно. Достаточно напомнить о таких городищах, как анатолийский Чатал-Хююк или палестинский Иерихон. Но эти локальные очаги цивилизации или протоцивилизации долгое время не объединялись в политические структуры, подобные египетской или месопотамским. Ситуация стала решительно меняться именно со второй трети II тысячелетия до н. э., причем этому изменению способствовало вызванное касситским завоеванием политическое ослабление древней Вавилонии. Образовался своеобразный вакуум политической силы в Западной Азии – и он начал энергично заполняться, благо претендентов было вполне достаточно.

Здесь важно оговориться, что практически все очаги государственности, о которых теперь пойдет речь, не были первичными в том смысле, что многие важнейшие элементы их социальной, экономической и политической структуры, равно как и религиозной культуры, включая и письменность, они заимствовали у предшественников, в первую очередь у государств древнего Двуречья. Впрочем, вторичность всех их в этом смысле отнюдь не исключает ни этнической оригинальности, ни даже принципиальной исключительности и неповторимости облика каждой из культур, каждого из народов и государств, о которых идет речь.

Митанни и хетты

Примыкавшие к северной Месопотамии районы Малой Азии и Армянского нагорья (оз. Ван) в начале II тысячелетия до н. э. были заселены разными племенами, в частности хурритами и хатти. Инфильтрация в эти земли индоевропейского племени хеттов (чье имя было, видимо, заимствовано от предшественников – хатти, т. е. протохеттов) способствовала консолидации новых этнических образований в этом регионе. Одним из них была этническая общность митанни. В XVI–XV вв. до н. э. сложившееся на хурритской этнической основе и включившее в себя немало как от семитско-аморейской, так и от индоевропейской культур протогосударство Митанни стало быстрыми темпами развиваться. Расцвет и успехи Митанни зиждились на военной силе – основу митаннийской армии составляли запряженные лошадьми боевые колесницы, близкие по типу к тем, которые составляли фундамент боевой силы вторгшихся в Египет гиксосов и завоевавших Вавилонию касситов. Выход Митанни на политическую арену привел к столкновениям этого государства с Египтом, правители которого вели с

Митанни войны с переменным успехом.

Внутренняя структура государства Митанни изучена пока сравнительно слабо. Но известно, что здесь было развитое царско-храмовое хозяйство, которое обслуживалось привлекавшимися в порядке повинности полноправными общинниками, а также различными неполноправными, включая рабов. Рабы, как то обычно бывало на Древнем Востоке, имели немало прав, в частности, могли иметь семью и дом, жениться на полноправных женщинах. Порой, будучи на службе у высокопоставленных лиц, кое-кто из них занимал весомые должности в администрации. Вне системы царско-храмового хозяйства существовали общинные деревни, причем администрацию на периферии осуществляли «начальники поселений», т. е., видимо, представители руководства тех же общин. В социальных отношениях господствовала семейно-клановая организация; большесемейные общины – димту – были главной ее ячейкой. Были димту земледельцев, ремесленников, торговцев. Земля считалась владением димту и отчуждению не подлежала. А так как митаннийское общество в описываемое время переживало энергично шедший процесс приватизации, то выход из положения был найден в специфической, хотя и не уникальной на том же древнем Ближнем Востоке, форме «усыновления». Суть его состояла в том, что разбогатевшие в торговле, в сфере ростовщичества или каким-либо еще способом люди могли купить право на усыновление и тем самым вступить во владение имуществом, проданным под этим видом.

Митаннийцы в XVI–XV вв. до н. э. сумели заметно расширить границы державы, поставив под свою власть часть Ассирии, потеснив хеттов, покорив горные племена кутиев. В начале XV в. государство Митанни было разгромлено фараоном Тутмосом III, после чего стало данником Египта. Дочери митаннийских царей были в числе жен фараонов Тутмоса IV и Аменхетепа III. Импортируемые из Митанни железные изделия высоко ценились в не знакомом еще с железом Египте, наряду, впрочем, с другими предметами ценного импорта (золото, серебро, колесницы с лошадьми, рабыни).

В конце XV в. до н. э. в связи с ослаблением внешнеполитического могущества Египта Митании пытается проводить собственную политику. Союз с Вавилоном был направлен против Египта и Ассирии. Но здесь в сложную политическую игру вмешались быстро наращивавшие силы хетты. Во второй половине XIV в. до н. э. государство Митанни попало под власть укрепившейся державы хеттов, а в XIII в. окончательно рухнуло под ударами Ассирии. На смену Митанни в качестве влиятельных держав Западной Азии пришли именно эти два государства.

Хеттское государство, как и митаннийское, возникло в начале II тысячелетия до н. э. в Малой Азии в ходе инфильтрации индоевропейцев в зону расселения обитавших там племен. Предшественниками хеттов, как упоминалось, были хатти. Существенное влияние на формирование хеттской государственности оказали малоазиатские торговые колонии ассирийско-аморейских купцов. Преодолевая нормы родового права, правители хеттов на исходе Древнехеттского царства (XVII–XVI вв. до н. э.) сумели добиться закрепления практики передачи власти сыновьям, результатом чего стало постепенное ослабление влияния совета родовой знати и укрепление централизованной администрации. С упадком Митанни в XIV в. до н. э. Новохеттское царство достигло своего наивысшего могущества. Традиции скотоводческого хозяйства с

преимущественным уклоном в сторону разведения лошадей (в этом особого успеха достигли митаннийцы) позволили хеттам еще на заре их истории создать крепкие боевые колесницы. Восходящие к примитивным запряженным онаграми месопотамским повозкам, эти колесницы стали для всех индоевропейских и многих близких к ним племен, включая касситов и гиксосов, основой военной мощи. Войны знаменитого хеттского царя Суппилулиумы позволили распространить влияние хеттов в районе Восточного Средиземноморья, вплоть до границ Египта. Именно Суппилулиума добился покорения Митанни, а при его преемнике Мурсили II (1340–1305 гг. до н. э.) хетты вышли к берегам Эгейского моря.

Столкновение хеттов с Египтом положило конец могуществу царства. Войны Рамсеса II, начиная с битвы при Кадеше, привели к ослаблению хеттской державы, а усилившаяся Ассирия с XIII в. до н. э. стала теснить ее с востока. Союз с Рамсесом, взявшим в жены хеттскую царевну, позволил хеттам дать отпор Ассирии. Однако передышка длилась недолго. В начале XII в. до н. э. коалиция средиземноморских племен («народы моря») уничтожила государство хеттов.

Хеттское общество развивалось под сильным влиянием социальных и культурных традиций более развитых соседей, в частности Вавилонии, откуда били заимствованы клинопись и практика законодательных предписаний. Из хеттских текстов, в том числе и законов, немало известно о внутренней структуре общества. Главной характерной чертой его была сильная власть обожествленного правителя, которого именовали «Солнце». Административный аппарат был довольно рыхлым, большую роль играла родовая знать, крепкие позиции сохраняла земледельческая община. Система царско-храмовых государственных хозяйств обслуживалась преимущественно подневольными и зависимыми работниками, обычно имевшими за это собственные наделы. Наделы – иногда довольно большие – давались за службу в пользование чиновникам и воинам. Хозяйства наместников в отдаленных районах были теми же царско-храмовыми, но в уменьшенном размере.

Хотя практически все производители, обязанные выплачивать налоги и отрабатывать трудовые повинности, находились официально в зависимом состоянии (полноправными по хеттским законам считались привилегированные слои, которые налогов не платили), степень зависимости сильно варьировала. Нижняя ее ступень приходилась на долю рабов. Однако их положение было не слишком скверным: значительная часть их нередко включалась в состав войска со всеми вытекающими из этого правами и привилегиями, включая освобожденный от налогов надел. Что касается ремесленников, то они по большей части работали в царско-храмовых хозяйствах, получая за это вознаграждение натурой, – при всем том, что процесс приватизации, как и развитие товарно-денежных отношений, были заметны.

Существенных успехов достигла производственная культура хеттов. Трактат о коневодстве, составленный конюшим хеттского царя митаннийцем Киккули, свидетельствует о тщательной разработке правил выращивания и содержания лошадей: он насчитывает десятки специальных терминов и демонстрирует высокий уровень мастерства в этом деле. Кроме коневодства и боевых колесниц, хетты прославились также успехами в сфере металлургии – как в бронзолитейном деле, которое в Западной Азии возникло намного раньше, так и в

железоделательном. Именно металлургия железа, освоенная хеттами и их соседями уже в начале II тысячелетия до н. э., стала той основой, на базе которой начал свое победоносное шествие по ойкумене железный век.

Ассирия

Чуть южнее государства хеттов и к востоку от него, в районе среднего течения Тигра, в начале II тысячелетия до н. э. формировалась одна из крупнейших держав ближневосточной древности – Ассирия. Здесь издавна проходили важные торговые пути, причем транзитная торговля способствовала развитию города Ашшура, будущей столицы ассирийского государства. Усилившийся в XVI в. до н. э. правитель этого города присоединил к себе ряд соседних территорий и постепенно подчинил прежде имевшие довольно много прав (в частности, право ежегодного выбора нового правителя) органы общинно-городского самоуправления. Правда, вскоре Ашшур попал под власть Вавилонии, но с ослаблением ее вновь обрел независимость. Войны с Митанни в XVI в. до н. э. снова привели к поражению формировавшегося государства с центром в Ашшуре, так что только с XIV в. до н. э. Ассирия, подчинившая Митанни, стала могущественным государством.

С падением Хеттского царства ассирийский правитель Тиглатпаласар I (1115–1077 гг. до н. э.) в ходе успешных походов раздвинул границы своей державы от Вавилона до Египта. Однако нашествие арамеев из Аравии в начале XI в. до н. э. привело Ассирию после Тиглатпаласара I в состояние упадка, длившегося около полутора веков. И лишь на рубеже X – IX вв. до н. э. это государство вновь вступило в полосу стабилизации и роста своего могущества – начался так называемый новоассирийский период его истории.

Первые правители этого периода и особенно Салманасар III (859–824 гг. до н. э.) укрепили восточные границы страны, потеснив Вавилон, добились ряда успехов на севере в войнах с Урарту, но основной удар направили на запад, в сторону богатых и процветающих районов восточносредиземноморского побережья. Эти войны были удачными, покоренные государства одно за другим признавали свою зависимость от Ассирии и становились ее вассалами и данниками. Военная добыча, пленники, сокровища текли в расцветавший и украшавшийся все новыми дворцами и крепостными сооружениями Ашшур. После Салманасара III Ассирия вновь вступила в полосу стагнации, вызванной ожесточенной внутренней борьбой, и лишь с воцарением Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) ситуация стала резко меняться.

Новый царь царей провел ряд важных реформ, направленных на усиление власти центра. Жители подвластных окраин массами перемещались на новые земли, руководителями вновь создававшихся областей назначались ответственные перед троном сановники. Была создана крепкая регулярная армия, включавшая в себя конницу и саперные части, а также систему арсеналов с искусными мастерами-оружейниками. Хорошо организованная рекрутская армия с подразделениями в 10, 50, 100 и 1000 человек, с разведкой и переводчиками, жрецами и музыкантами насчитывала, по некоторым данным, до 120 тыс. воинов. Именно она обеспечила Тиглатпаласару III победы: на востоке был разгромлен Вавилон (в 729 г. до н. э. ассирийский

царь был коронован царем Вавилона), на севере потеснено Урарту, на западе – Мидия. Границы империи достигли средиземноморского побережья.

Стремясь упрочить власть в рамках растянувшейся и населенной многими народами империи, Тиглатпаласар III отказался от прежней системы вассально-даннических отношений и перешел к практике наместничеств: завоеванные районы превращались в провинции. Его преемники продолжали эту политику. Были, в частности, ограничены привилегии и иммунитеты некоторых городов, включая Вавилон, хотя жестокие ассирийские цари, массами уничтожавшие сопротивлявшихся, предававшие их мучительным казням и издевательствам, города обычно щадили. При Саргоне II ассирийцы нанесли сокрушительное поражение Урарту, разгромили Израиль, вновь потеснили Мидию и достигли Египта. При внуке Саргона Асархаддоне был покорен и Египет, но ненадолго.

В середине VII в. до н. э. при Ашшурбанапале Ассирия достигла зенита своего могущества. Границы ее простирались от Египта до Мидии и от Средиземноморья до Персидского залива. Богато отстроенная новая столица Ниневия поражала своим великолепием: в одной только ее библиотеке хранилось свыше 20 тыс. табличек с текстами[12]. По всей стране строились и реставрировались дворцы и храмы. Но со смертью Ашшурбанапала начался период смут и упадка, который закончился в конце VII в. до н. э. гибелью империи, павшей под ударами соединенных сил Мидии и восставшего Вавилона.

За тысячелетие с небольшим Ассирия проделала большой путь от раннего протогосударства до «мировой» империи. Интересна динамика ее внутренней структуры, неплохо отраженная в источниках. В общине раннего Ашшура, как говорилось, не было даже наследственной власти правителя – он был выборным и распоряжался царско-храмовым хозяйством, налогами и повинностями населения. Приток пленных создавал базу для появления слоя неполноправных работников, обрабатывавших отделявшиеся от общины земли государственно-храмовых хозяйств. За свой труд неполноправные получали в этих хозяйствах наделы. Некоторый доход общество имело за счет транзитной торговли, причем этот доход, как и право редистрибуции налогов, усиливал административные верхи, добившиеся наследственной власти не только для правителя, но и для иных должностных лиц. Чиновники и воины получали за службу наделы, обрабатывавшиеся чаще всего теми же неполноправными работникам царско-храмовых хозяйств.

К рабам ассирийцы относились различно: квалифицированных охотно использовали в сфере ремесла в царско-храмовых хозяйствах, остальные были заняты обработкой земель. Статус рабов существенно отличался от статуса полноправных. Ассирийские законы, например, строго запрещали рабыням носить такой же платок, что носили полноправные женщины; существовали различавшиеся по вавилонской схеме системы штрафов для полноправных и рабов. Однако рабы обладали определенными имущественными и социальными правами, вплоть до права жениться, иметь семью и хозяйство. Это вело к постепенному повышению их статуса, особенно статуса их потомков, до уровня неполноправных.

---

12 Эти письмена на аккадском языке позволили современной науке немало узнать о ближневосточной древности, но в устной речи в то время уже господствовал ставший практически международным арамейский язык

Ассирийская семья отличалась тенденцией к сильному отцовскому праву с приниженным и почти бесправным положением женщины, столь отличным, скажем, от положения хеттской женщины. Главой семьи, распоряжавшимся ее имуществом и полученным от общины наделом, был отец-патриарх, обычно имевший несколько жен и наложниц. Его старший сын имел преимущественные права на наследство, включая двойную долю при разделе.

Развитие Ассирии на рубеже II–I тысячелетий до н. э. вело к появлению и упрочению частнособственнических отношений. Возникали залог, долговое рабство и даже продажа имущества – вначале через институт «усыновления». Появлялась практика отработки зависимыми повинностей их патронов из числа разбогатевших. Расширение границ Ассирии, приток дани и иных богатств, в том числе и доходов от транзитной торговли, способствовали укреплению государственного хозяйства, в которое вливались десятки тысяч иноплеменников, – только из Сирии при Тиглатпаласаре III были переселены 73 тыс. человек. И хотя параллельно усиливались влияние и роль частного сектора, выступления представителей которого за свои права побуждали некоторых правителей, как, например, Саргона II, идти на уступки, в целом государственное хозяйство в экономике страны преобладало. Особенно это видно на примере той его части, которая работала на войну и обслуживание армии.

Развитие товарно-денежных отношений и ростовщичества в начале I тысячелетия до н. э. вело к сближению разорявшихся полноправных с неполноправными и переселенцами в единое сословие подневольных производителей, плативших ренту-налог и несших повинности. В то же время высшая прослойка полноправных и прежде всего причастные к власти получали от разбогатевшего правительства привилегии и иммунитеты, особенно налоговые. Впрочем, это не касалось разбогатевших представителей частного сектора, торговцев и ростовщиков. Кое в чем уступая им иногда, государство тем не менее активно им противостояло, всячески ограничивая их реальные возможности.

Восточное Средиземноморье

Соединявшие Африку с Евразией земли Восточного Средиземноморья в силу благоприятного климата и выгодного стратегического положения издревле были важнейшим центром обитания человека. Именно здесь в пещерах найдены останки первых сапиентных людей, здесь же закладывался и фундамент неолитической революции. Наконец, именно эта часть Азии уже после возникновения древнейших очагов цивилизации стала центром транзитных связей между ними и сыграла огромную роль во взаимовлиянии культур – древнеегипетской, месопотамской, древнегреческой, не говоря уже о хеттах, ассирийцах и иных представителях вторичных цивилизаций и государств ближневосточного региона. Словом, на долю многочисленных и весьма активных, энергичных народов и государств Восточного Средиземноморья выпала исторически и в историко-культурном плане весьма значительная роль. В некоторых отношениях эта роль была уникальной, что и оказало определенное воздействие на формирование тех структурных особенностей, которые в свое время определили специфический путь

античного общества.

Иерихон, Библ, Угарит, Алалах, Эбла и некоторые другие поселения Сирии, Финикии и Палестины были освоены земледельцами еще в VIII–IV тысячелетиях до н. э. С III тысячелетия до н. э. эти и иные центры становятся важными узлами транзитных торговых связей, что способствовало их ускоренному развитию, сложению на их основе крупных городских комплексов, украшенных величественными храмами. Города демонстрировали тенденцию к укреплению и расширению за счет прилегающей к ним периферии, завоевания и присоединения соседних земель. Населенный преимущественно семитами[13], заимствовавший как египетскую иероглифику, так и вавилонскую клинопись, а соответственно и культуру обеих цивилизаций, средиземноморский район Западной Азии, получивший наименование Ханаан, с начала II тысячелетия до н. э. превратился в экономически процветающий край, источник ценных природных ресурсов. Ливанский кедр считался лучшим строительным лесом для сооружения дворцов и храмов; смолы и ароматные благовония, вина и фрукты были всегда желанными предметами экспорта, за обладание которыми вели между собой войны крупные державы – Египет, Митанни, Ассирия, Хеттское царство.

На рубеже XIII–XII вв. до н. э. коалиция «народов моря» (в нее кроме греков-ахейцев входили некоторые другие племена), двигавшихся из Малой Азии и уничтоживших государство хеттов, нанесла большой урон ханаанской торговле и разрушила здесь ряд городов. Результатом вторжения было оседание в Восточном Средиземноморье некоторых из «народов моря», в первую очередь разместившихся на плодородных землях Палестины филистимлян, давших ей свое имя. Одновременно с ними в районе Палестины появились и древние евреи. Все это весьма усложнило пеструю картину языков, этносов, государств и сфер политического влияния, которую являло собой Восточное Средиземноморье в конце II и в I тысячелетии до н. э. Рассмотрим основные части этой картины.

Сирия – северная часть побережья с прилегающей к ней континентальной территорией, включая оазис Дамаска. Издревле она была местом пересечения транзитных торговых путей, скрещения людских потоков. Обитавшие здесь с глубокой древности семитские племена занимались земледелием и скотоводством, со временем усвоили клинопись. Но расцвету Сирии мешало то, что она часто становилась центром военных действий, местом столкновения вражеских армий и зон их влияния. Районы Сирии переходили то к Египту, то к Митанни, то к хеттам, причем каждое из государств, стремясь укрепиться, строило там свои крепости и размещало в них гарнизоны. Правители возникшего после нашествия арамеев на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Дамасского царства вынуждены были вести войны с государством Израиль, укрепившимся к этому времени на южных границах Сирии, а в IX в. до н. э. это царство попало под власть Ассирии. Одомашненный и приведенный арамеями в Сирию верблюд с начала I тысячелетия до н. э. стал играть важную роль в торговых связях.

Палестина – южная часть побережья с примыкающим к ней с

13 Речь прежде всего о выходцах из числа кочевников-аморeев, позже также арамеев, хананеев и некоторых других народов; обобщающий термин для них – «ибри», т. е. «перешедшие через реку», через Евфрат

востока нагорьем, тоже издревле заселенная семитскими земледельцами и скотоводами и расположенная на перекрестке международных путей. Эта часть Средиземноморья постоянно подвергалась нашествиям и была своего рода плацдармом на пути в Египет и из Египта. Похоже, что именно здесь консолидировались гиксосы перед завоеванием Египта. Изгнание же гиксосов привело к подчинению Палестины Египту. В конце II тысячелетия до н. э. Палестину заселяли бродячие орды изгоев-хапиру[14], затем, как упоминалось, сюда пришли «народы моря», часть которых осела и дала району свое имя. Насколько можно судить по имеющимся данным, включая библейские предания, накануне переселения в Палестину евреев она представляла собой конгломерат мелких городов и протогосударств, активно враждовавших друг с другом. Свой вклад в эту ожесточенную борьбу внесли и древние евреи.

Библейские предания повествуют, что еще при легендарном родоначальнике всех семитов Аврааме предки евреев пересекли Евфрат и двинулись на запад. Здесь сложилась основа еврейского народа, его двенадцать колен – по числу сыновей внука Авраама Иакова. При сыновьях Иакова евреи в голодные годы – согласно все тем же преданиям – надолго переселились в Египет. Русский востоковед Б. А. Тураев в свое время считал, что некоторые тексты египтян времен фараона Хоремхеба (XIV в. до н. э.) о прибытии в долину Нила какого-то семитского племени («в их земле был голод», «они не знали, как прожить») косвенно подтверждают библейские предания. Считается, что, проведя век-полтора в «плену египетском», еврейский народ затем покинул эту страну, причем есть основания полагать, что религиозная борьба времен реформ фараона Эхнатона могла оказать свое воздействие на формирование среди евреев идей монотеизма.

Как бы то ни было, но, прибыв во главе с пророком Моисеем в Палестину на рубеже XIII–XII вв. до н. э., евреи в ожесточенной борьбе с местным населением завоевали себе лучшую ее часть, укрепились там и превратили древний Иерусалим в свой политический и религиозный центр. Превратившись в оседлых земледельцев, евреи постепенно ассимилировали значительную часть древнего населения, включая и хапиру. При этом войны с филистимлянами составляли важную часть их деятельности, в ходе которой выделились и укрепились первые цари Израиля: Саул, его зять Давид, сын Давида Соломон (до этих царей евреи не имели признанных правителей, а роль авторитета в их среде играли судьи). Союз с финикийским Тиром позволил Соломону не только укрепить свои позиции, но и выстроить из ливанского кедра грандиозный Иерусалимский храм в честь бога Яхве, великого и единственного божества, Бога для всех народов мира, избранным среди которых евреи почитали себя: именно их пророк Моисей установил в свое время с Яхве тесный контакт. А благословил еврейский народ великий Яхве, по преданию, за то, что Авраам не поколебался принести ему в жертву своего долгожданного первенца Исаака, – лишь в последний момент занесенный над Исааком кинжал Авраама был остановлен посланцем Яхве.

После Соломона его царство распалось на два – Иудею с центром в Иерусалиме и Израиль чуть севернее. Израиль в 722 г. до н. э. был

14 Вопрос о том, можно ли видеть в них предков евреев, долгое время был спорным; сейчас большинство специалистов дают на него отрицательный ответ

завоеван Ассирией, а иудейское царство потомков Давида продолжало существовать со своим духовным центром в виде Иерусалимского храма. Жрецы и пророки, группировавшиеся вокруг храма, оказывали огромное влияние на жизнь евреев, с чем не могли не считаться терявшие реальную власть цари. Народ («ам-гаарец») платил налоги и выполнял повинности, прежде всего в пользу храма. Развитие товарно-денежных отношений шло медленными темпами, а ростовщичество – более быстрыми, в результате чего многие из простых людей попадали в долговую кабалу. Разорение народа из-за алчности ростовщиков воспринималось как трагедия, и весь пафос обличений пророков был направлен против этого зла, что влекло за собой реформы, ставившие своей целью сохранить рушившиеся старые порядки.

В VII в. до н. э. в Иудее был принят закон, ограничивавший долговое рабство шестью годами, а также несколько других реформ. Однако это не слишком укрепило страну. В том же VII в. до н. э. она была завоевана Египтом, а в начале VI в. Иудея была завоевана Нововавилонским царством. Часть евреев бежала в Египет, другие вместе с жрецами храма были в 586 г. до н. э. уведены в плен в Вавилонию, где они пребывали около полувека, пока персидский царь Кир Великий не вернул их в Иерусалим, разрешив заново отстроить храм Яхве. Период Второго храма был временем дальнейшей религиозно-политической консолидации евреев и укрепления иудаизма как монотеистической религии. Попытки усилившихся евреев укрепить свои позиции привели на рубеже нашей эры к римско-иудейским войнам, закончившимся, как известно, гибелью Иудеи, разрушением храма и рассеянием евреев по всему миру.

Финикия – центральная часть средиземноморского побережья Западной Азии. Важность ее в том, что именно финикийцы с их бесспорными достижениями в области транзитной торговли и дальних мореплаваний заняли особое место в структуре древневосточных обществ и оказались на грани трансформации этой структуры в античную. Финикийские моряки и землепроходцы-колонизаторы, купцы и пираты, искусные ремесленники и кораблестроители обитали в основном в прибрежных городах Ливана, освоенных еще давно (Библ, Тир, Сидон и др.). Не очень сильная власть правителей в финикийских городах сочеталась с бурным развитием частнопредпринимательской деятельности, нередко, впрочем, не только находившейся под формальным покровительством правителя, например тирского Хирама, но и осуществлявшейся как бы от его имени.

В отдаленных районах Средиземноморья, будь то Карфаген или Гадес (Кадикс), Мальта или Сицилия, на рубеже II–I тысячелетий до н. э. возникали многочисленные колонии финикийцев, внутренняя структура которых в принципе воспроизводила структуру их собственных городов, в частности Тира и Сидона: заметные традиции самоуправления, система выбора должностных лиц, важная роль имущественного ценза при сравнительно слабой роли власти правителя. Заслуживает внимания подчеркнутая ориентация на мирную экспансию и торговлю: войн финикийцы обычно не вели, хотя пиратством подчас промышляли. Как правило, связующим единством общности, особенно в колониях, выступал не столько правитель, сколько божество, олицетворенное богатым жречеством и храмом. Имена некоторых из финикийский богов – Ваал, Молох, Адон (Адонис) – со временем обрели широкую популярность.

Существенно, что финикийцы, как впоследствии и античные греки,

не считали себя гражданами или населением какой-либо страны; они были людьми своего города, т. е. жителями Тира или Карфагена, что, впрочем, не мешало им, как и грекам, осознавать свою этнокультурную и языковую общность. Как известно, именно финикийцы, упростившие для своих текущих торгово-отчетных нужд клинопись, создали систему алфавитного письма – ту самую, которая существует с известными модификациями и поныне, как на Востоке, так и на Западе. Финикийцы избегали практики порабощения собственного населения. Долговых рабов, несмотря на огромное развитие товарно-денежных отношений и кредитно-ростовщической системы, в их среде практически не было, как то было характерно и для постсолоновской Греции. Зато рабами-иноплеменниками они, как и греки, пользовались весьма охотно. Рабами торговали, а подчас захватывали их, не брезгуя пиратскими методами: приставая к чужому берегу, финикийцы всегда старались подметить, много ли здесь мужчин; если их оказывалось мало, можно было рискнуть, напасть ночью, захватить рабов и отплыть. Рабы кроме работорговли были нужны в качестве гребцов на кораблях.

Финикийская структура, отличная от привычной ближневосточной, имела черты, сближавшие ее с античной греческой. Правда, этих черт было недостаточно для того, чтобы в Финикии сложились общество и экономика античного типа и чтобы там возник полис с гражданскими правами и обязанностями его членов. Но нет сомнений в том, что финикийский образ жизни и характерные для него формы хозяйственной деятельности с преимущественным развитием торговли, мореплавания и колонизации оказали свое воздействие на шедших вслед за финикийцами греков и в немалой мере способствовали тому расцвету частнособственнической предпринимательской активности, которая сыграла решающую роль в трансформировании структуры античной Греции с ее полисами, гражданским обществом, правовыми, политическими и культурными институтами.

Нововавилонское царство

После господства касситов Вавилония вступила в длительную полосу упадка. Вторжения Элама и Ассирии, нашествие арамеев на рубеже II–I тысячелетия до н. э. сильно ослабили политическое могущество Вавилона, который однако еще оставался важнейшим торгово-ремесленным центром и источником культурного влияния. Вторжение арамеев сыграло существенную роль в изменении этнической характеристики Вавилона: значительную часть его населения стали составлять говорившие по-арамейски халдеи (группа арамейский племен). После падения Ассирии именно халдейский Вавилон вновь вышел на передний план, претендуя вместе с Мидией и Египтом на раздел ассирийского наследства. В схватке с соперниками правитель Вавилона Навуходоносор II (уже из халдейской династии, правил в 605–562 гг. до н. э.) вышел победителем и подчинил себе Сирию и Палестину. Именно он разгромил Иудею и увел несколько тысяч евреев в вавилонский плен. Вавилония при этом правителе стала наиболее могущественным государством, а ее столица была превращена в неприступную крепость. Там были собраны люди из разных стран («вавилонское столпотворение»), Вавилон стал крупнейшим и красивейшим городом мира, прославился

своими дворцами и храмами, мостами и садами, среди которых выделялись знаменитые «висячие сады» – одно из чудес света в древнем мире. Доминантой огромного города была его «вавилонская башня» – мощное квадратное в плане ступенчатое строение, семиэтажный зиккурат, достигавший в высоту 91 м, со святилищем в честь верховного бога – покровителя города Мардука.

После смерти Навуходоносора среди его преемников началась жестокая борьба за власть, в результате которой правителем стал Набонид. Этот очередной выходец из халдейских племен выступил было с рядом социально-религиозных реформ, суть которых сводилась к ослаблению вавилонского жречества вместе с культами старых богов, начиная с Мардука, и выдвижению на передний план арамейского божества Луны – Сина. Развернувшаяся в связи с этими реформами, чем-то напоминающими реформы Эхнатона почти тысячелетием раньше, внутриполитическая борьба сильно ослабила Вавилон и сделала его через четверть века сравнительно легкой добычей персов. Когда в 539 г. до н. э. победоносный Кир II подошел к стенам Вавилона, он сумел, обойдя мощные укрепления, вступить в него (по некоторым данным, осушив для этого русло реки и пройдя по ее дну). Кир отнесся к Вавилону с большой почтительностью, сохранив его статус, права и привилегии. Иноплеменное население, в частности иудеи, было освобождено и получило возможность вернуться на родину. Все вавилонские боги и культы были восстановлены, а Набонид, которому была сохранена жизнь и даже предоставлена должность правителя одной из отдаленных областей империи персов, был обвинен в беззаконии и произволе, в разрушении традиционной религии вавилонян.

Падение Вавилона надолго сохранилось в памяти народов и приобрело даже значение некоего символа благодаря тому, что оно через пленных иудеев было зафиксировано и вошло в Библию. Библейские предания повествуют о пире Валтасара (сын Набонида, он возглавлял оборону города от персов), во время которого на стене зала будто бы появились божественные знаки – несколько загадочных слов («мене, текел, фарес»), предвещавших падение города. Неспособный понять это предостережение и продолжавший разгул Валтасар поплатился за это жизнью.

Социальная структура Нововавилонского царства была весьма сложной, что было вызвано высоким уровнем развития товарных отношений и частнопредпринимательской деятельности. Юридически вавилонское общество делилось на полноправных вавилонян; неполноправных, прежде всего иноплеменников, живших – наподобие пленных иудеев – на правах поселенцев и преимущественно находившихся на службе в качестве чиновников и воинов; зависимых земледельцев, обрабатывавших земли царско-храмовых хозяйств на правах потомственных арендаторов (т. е. лишенных собственных участков или прав на общинный надел), и рабов, многие из которых, однако, имели не только права, но подчас и собственное имущество, определенные привилегии, а то и собственных рабов (оставаясь при этом рабами хозяина, получавшего за это от них немалый оброк – пекулий).

Это членение заметно усложняли корректировавшие его реальные имущественные и тем более социально-экономические отношения. Хотя полноправные общинники по правовому статусу стояли на первом месте, в имущественном отношении многие из них могли быть на низших

ступенях общества; и наоборот, зависимые и даже удачливые рабы, в правовом отношении стоявшие на низших ступенях, порой оказывались богатыми собственниками, эксплуатировавшими труд неимущих, которые в правовом отношении могли стоять выше их. Что касается долгового рабства, то оно после реформы Хаммурапи в Вавилонии пошло на убыль. Практика самопродажи и самозаклада почти исчезла (сохранялись, да и то изредка, в экстремальных ситуациях, случаи продажи детей). На смену долговому рабству пришла более приемлемая в новых условиях практика наемного труда. Неимущие различного правового и социального статуса порой объединялись в трудовые отряды – нечто вроде «профсоюзов», диктовавшие и добивавшиеся хорошей оплаты их труда. Возможно, эта практика была вызвана к жизни тенденцией к монополизации в частных руках больших финансово-экономических возможностей (в Вавилоне были крупные торгово-ростовщические дома, которые вели широкую транзитную торговлю, осуществляли крупномасштабные банковские операции, финансировали коммерческие предприятия).

Все эти процессы по-прежнему протекали в рамках традиционной восточной структуры. Храмовые и царские хозяйства были важным элементом хозяйственной деятельности, равно как и трудовые повинности. Но существенно заметить, что в условиях развитых частнособственнических отношений, которые были свойственны Нововавилонскому царству, власть-собственность несколько трансформировалась: храмовые хозяйства подчас выступали на рынке в качестве совокупного собственника, имевшего юридическое лицо, т. е. в виде своего рода «фирмы». Трудно сказать, какие потенции имело бы подобного рода развитие в иных обстоятельствах, но в конкретных условиях VI в. до н. э. и персидского завоевания на том все практически и остановилось. Больше того, с включением Вавилона в империю Ахеменидов экономическое значение и финансовая мощь вавилонских богатых домов стали ослабевать, хотя и не сразу.

* * *

Западно-азиатский вариант формирования государственности заметно. отличался и от месопотамского, и от египетского. Главное отличие его состояло в том, что, несмотря на наличие в этом регионе ряда древнейших из известных истории протогосударственных образований и нескольких весьма специфических политических структур (таких, как иудейская или финикийская), для региона в целом была характерна определенная вторичность. Вторичность в том смысле, что государства Западной Азии, – даже оставляя в стороне Вавилон, прямого наследника шумеров, – в своем развитии многое заимствовали у опередивших их соседей и за этот счет ускоряли темпы своего развития. Это было характерно и для митаннийцев, и для хеттов, и для ассирийцев, в какой-то степени и для народов Восточного Средиземноморья. Все они так или иначе были знакомы с месопотамской клинописью, с основами выработанного в древнем Двуречье законодательства, не говоря уже о календаре, азах математики, мифологии и религии. Понятно, что в каждом из западно-азиатских государств древности, больших и малых, все, что перенималось, энергично перерабатывалось и усваивалось в сильно видоизмененном виде, однако сам факт заимствования при этом не может быть поставлен под сомнение.

Заимствование чужого опыта всегда ускоряет развитие. Западно-азиатские структуры продемонстрировали это достаточно ясно. Хетты и ассирийцы щедро использовали боевой и политико-административный опыт Египта. В еще большей степени заимствовался и усваивался западно-азиатскими народами древности торговый опыт вавилонян. Стоит напомнить, что Ашшур вначале славился как торгово-транзитный центр и лишь позже стал столицей сформировавшейся на этой основе Ассирии.

Вторичность характера эволюции отнюдь не равнозначна второстепенности. Напротив, многие из только что оцененных в качестве вторичных западно-азиатских государств древности оказались уникальными в своем роде. Это те же древние евреи с их монотеистической религией и величественным храмом в Иерусалиме в честь Яхве – трудно переоценить историко-культурное значение этого феномена в судьбах человечества. Это финикийцы с их развитыми формами торговли, мореплавания и колонизации. Это, наконец, митаннийцы и хетты, прославившиеся одомашниванием лошади, изобретением боевых колесниц и положившие начало железоделанию. Я уж не говорю о такой «вторичной» державе, как халдейский Вавилон с его роскошью и развитой торговлей.

Глава 8
Империя Ахеменидов и завоевания Александра

История ближневосточной древности I тысячелетия до н. э. была ознаменована созданием великих «мировых» держав, империй. Принципиальным отличием империй от крупных государств более раннего времени было новое качество политической структуры: она не только по-прежнему расширялась за счет включения в нее различных племен и народов, противостоящих одна другой и связанных друг с другом хозяйственно-культурных зон, земледельцев и кочевников, но и становилась более жесткой с точки зрения внутренней администрации. Если прежде вновь завоеванные территории обычно оставались полуавтономными, а управляли ими их прежние правители, терявшие независимость и вынужденные выплачивать дань, то теперь все чаще новые регионы преобразовывались в управлявшиеся чиновниками центра провинции. Население империи в немалой степени нивелировалось за счет его массовых перемещений, как то впервые стало практиковаться ассирийцами. С точки зрения общей динамики эволюции появление такого рода империй было закономерным и в некотором смысле высшим, завершающим этапом процесса генезиса развитой политической структуры: на протяжении тысячелетий складывались первичные протогосударства, на их основе и в ходе ожесточенной междоусобной борьбы возникали вторичные протогосударства и политические образования типа ранних государств; затем шло политическое объединение более крупных масштабов – возникали мощные развитые державы, о которых уже шла речь (Египет, Вавилония, Хеттское царство и др.). И наконец, мировые державы, империи типа Ассирии. Наследником Ассирии на короткий срок стало Нововавилонское царство, а затем пришла очередь персов.

Первые империи, что хорошо видно на примере Египта времен Нового царства, той же Ассирии, были объединениями еще непрочными, эфемерными. Они держались на силе и потому во многом зависели от хорошей армии, от удачливой внешней политики умелого правителя, от вовремя проведенных реформ, направленных на усиление власти центра. Но, поскольку сильные правители сменялись слабыми, в периоды правления которых резко возрастали центробежные тенденции, и поскольку реформам всегда противостояли издревле складывавшиеся устойчивые нормы обычного права и местные традиции, сильно ослаблявшие эффективность этих реформ, фундамент политической суперструктуры – империи – легко давал трещины. Империя приходила в упадок и рушилась. Однако на смену ей шла новая империя, энергично прибиравшая к рукам наследство своей предшественницы. Уже одно это примечательное обстоятельство убедительно подтверждает закономерность самого процесса: мозаика ближневосточной древности да и не только ближневосточной, по меньшей мере с I тысячелетия до н. э. была готова для политической интеграции. Вопрос был лишь в том, на какой этнополитической и религиозно-культурной основе такого рода интеграция окажется наиболее прочной и эффективной. И, конечно, многое зависело от создания оптимальной административной структуры, пригодной для институционализации имперских форм власти.

В поиск такой структуры внесли свой немалый вклад и египтяне, и вавилоняне, и ассирийцы, и хетты. Ассирия продемонстрировала первые реальные результаты процесса поиска: массовые перемещения населения и создание управляющихся из центра провинций заложили прочный фундамент эффективной имперской администрации, особенно на окраинах, заселенных до того иноплеменниками. Дальнейшие принципиально важные в этом направлении шаги сделали персы.

Древние иранцы. Мидия

Древние иранцы, принадлежавшие к одной из ветвей индоевропейцев, появились на территории современного Ирана на рубеже II–I тысячелетий до н. э., причем в науке до сих пор не решен вопрос, откуда они появились – с территорий Кавказа или из Средней Азии через прикаспийские степи. Вступив во взаимодействие с местным населением – хурритами, касситами и др. – и частично ассимилировав его, иранцы с VIII в. до н. э. стали господствующим этносом, разделившимся, в свою очередь, на две части – мидян на севере и персов на юге. Войны Ассирии с Урарту, вторжения киммерийцев и скифов создали благоприятную ситуацию для консолидации мидянских племен, на основе которой сложилось государство Мидия, ставшее уже в VII в. до н. э. сильной державой, союз которой с Вавилонией сыграл решающую роль в крушении Ассирии.

Удачливый правитель Мидии Киаксар (625–585 гг. до н. э.) не только разгромил Ассирию, но сумел покорить и подчинить также Урарту и ряд других стран от прикаспийских степей до Малой Азии, где им был заключен союз с крупным Лидийским царством. Сын Киаксара Астиаг (585–550 гг. до н. э.) предпринимал усилия для сохранения и укрепления могущества Мидии. Однако в этой борьбе он встретил ожесточенное сопротивление региональной племенной знати, обогащение которой в

ходе завоевательных войн способствовало ее усилению. Среди иранских племен, находившихся в зависимости от царей Мидии, были и ведшие борьбу с их соседями-эламитами персы.

Располагавшиеся на юге иранского плато, рядом с древним Эламом, персы долгие десятилетия существовали практически автономно от этнически близких им мидян. Консолидация персов в государство происходила медленно и чуть запаздывала по сравнению с мидянской. Однако автономия эта способствовала политической независимости формировавшегося государства. Правитель персов Кир I во второй половине VII в. до н. э. признавал авторитет Ассирии, с которой мидяне вели ожесточенную борьбу, а во времена его сына Камбиза I, женатого на дочери Астиага, персы были уже вассалами Мидии. Сын Камбиза Кир II был по матери внуком царя Мидии, и это родство сыграло определенную роль как в его судьбе, так и в судьбах всех персов.

Кир II Великий и держава Ахеменидов

Став в 558 г. до н. э. царем персов, Кир II в 553 г. выступил против Мидии и в 550 г. покорил ее, соединив тем самым в своих руках власть над обеими родственными ветвями древних иранцев. Вскоре энергичный Кир присоединил к своему государству Элам и, выступив против Лидии, разбил войска ее царя Креза, славившегося во всем древнем мире своими несметными богатствами. Подчинив почти всю Малую Азию, а затем и значительную часть Средней Азии, Кир выступил против Вавилона и в 538 г. захватил его, после чего персам добровольно подчинились и зависевшие от Вавилона небольшие государства, включая восточно-средиземноморские. Намереваясь выступить против последнего из крупных соперников, Египта, Кир решил предварительно обезопасить среднеазиатские границы своей державы, но потерпел неудачу и погиб в сражении с массагетами в 530 г.

Созданная Киром держава Ахеменидов[15] за короткий срок стала крупнейшей в мире; ее границы простирались от средиземноморского побережья до среднеазиатских оазисов. Непокоренным оставался Египет, так что неудивительно, что именно против него двинул свои силы сын Кира Камбиз II, в армию которого кроме персов были включены воины едва ли не всех покоренных его великим отцом стран и народов, не говоря уже о финикийском флоте. Египетские войска не сумели противостоять натиску этой армии: в 525 г. Египет был покорен, а Камбиз провозглашен его фараоном (27-я династия). Вслед за этим персы предполагали идти походом в Эфиопию и через ливийские пески на Карфаген, но недостаток продовольствия и общая неподготовленность огромной армии к длительным экспедициям в сложных условиях привели к крушению первоначальных замыслов. Кроме того, тревогу Камбиза вызвали дошедшие до него слухи о волнениях в Персии, вызванных ложными сведениями о его гибели и претензиями его брата Бардии на престол. Камбиз приказал казнить Бардию и поспешил обратно, но неожиданно умер в пути. В этой критической ситуации на передний план выступил, согласно некоторым данным, жрец (маг) Гаумата, выдавший себя за Бардию.

15 Персидские цари возводили свою родословную к Ахемену, жившему в VIII–VII вв. до н. э. 136

Традиционная версия о первом из известных истории самозванцев, сыгравших серьезную роль в политической борьбе крупного государства, ныне специалистами подвергнута сомнению: считается, что к власти пришел все-таки подлинный Бардия. Как бы то ни было, но взявший в свои руки власть Бардия (или Лжебардия-Гаумата) несколько месяцев успешно управлял империей и даже провел ряд реформ, направленных на укрепление центральной власти и ослабление знати. Возможно, именно это, в сочетании с достигавшими Персии противоречивыми слухами о Камбизе II (жив? или все-таки умер?), что ставило нового царя в двусмысленное положение, привело к острой политической борьбе в правящих кругах, в ходе которой осенью 522 г. Бардия (Лжебардия?) был убит заговорщиками. Один из них, представитель младшей ветви Ахеменидов Дарий, после этих событий был провозглашен новым царем персов.

Придя к власти, Дарий столкнулся с тяжелой ситуацией. Во всех концах империи вспыхивали восстания; одна за другой недавно присоединенные к Персии страны пытались добиться независимости. Опираясь на армию, молодой царь жесткой рукой подавил восстания и восстановил эффективную власть центра. В знак своих успехов он повелел высечь на Бехистунской скале гигантское барельефное изображение с надписью на нескольких языках. И изображение, и надпись (сыгравшая в свое время важную роль в расшифровке клинописи) призваны были закрепить в поколениях память о великой победе. Однако военными успехами деятельность Дария не ограничилась – с них она практически только началась, ибо центр тяжести ее был в ином, т. е. в тех реформах, которые обеспечили почти двухвековое владычество персов на Ближнем Востоке.

Реформы Дария I и социальная структура империи Ахеменидов

Создав огромную империю, немногочисленный этнос персов должен был выработать оптимальную формулу для управления разноплеменным конгломератом высокоразвитых и примитивных народов, различных по своим судьбам и уровню развития стран, объединенных отныне под властью единой администрации. Стоит заметить, что в распоряжении персидских правителей не было развитой религиозной системы, которая могла бы послужить основой для формирования крепкой власти. Такого рода система в форме иранского зороастризма еще только зарождалась и потому не могла быть использована в необходимом для нужд империи объеме. Поэтому центр тяжести был вынужденно перенесен на создание оптимальной административной структуры, типа той, основы которой были заложены еще ассирийцами. Вот эту-то структуру и вырабатывал в ходе своих реформ Дарий I.

Суть реформ Дария сводилась прежде всего к обеспечению господства персов в рамках созданной ими мировой державы. Сами персы – кара (это слово означало одновременно «народ» и «воины», что адекватно отражало сравнительно ранний этап развития персов как этноса, и те социально-политические функции, которые выпали на их долю в империи) – занимали привилегированное положение. Именно из их числа формировался командный состав армии, именно они составляли

ядро административного аппарата, разветвленная сеть которого густо опутала всю державу Ахеменидов. Следуя уже апробированному ассирийцами методу, Дарий разделил страну на провинции – сатрапии, во главе которых им были поставлены ответственные перед центром управители-сатрапы. Но в отличие от ассирийцев Дарий пошел дальше: для упрочения власти центра и ограничения всевластия сатрапов он ввел разделение военной и гражданской власти на местах. В функции сатрапов входило осуществление гражданской администрации, обеспечение регулярного поступления податей и выполнения повинностей. Они же выполняли судебные функции, имели право чеканить серебряную и медную монету. Однако сатрапы не имели военной силы, за исключением небольшой личной охраны и аппарата принуждения на местах. Что же касается военной администрации, то вся империя была поделена на пять больших округов во главе с военачальниками, в ведении которых находились военные руководители сатрапий, независимые от сатрапов и не подчинявшиеся им. Это разграничение гражданской и военной администрации при взаимном контроле ответственных руководителей различных ведомств сыграло важную роль в упрочении всевластия центра.

Именно центральный аппарат власти сохранял за собой все основные руководящие функции. Из заново отстроенной столицы (Сузы) по стратегическим дорогам, снабженным почтовыми станциями с лошадьми, гонцами, складами продовольствия и необходимого снаряжения, шли распоряжения и указания. Для упрощения канцелярско-деловой переписки в многоязычной державе Дарий перевел всю ее на арамейский язык, широко распространенная лексика которого удачно соответствовала переведенной на алфавитную основу по финикийскому образцу унифицированной клинописи. Только столичное казначейство, в сокровищницы которого ежегодно стекались подати из всех сатрапий, в строгом соответствии с их богатством и степенью экономического развития, имело право чеканить золотую монету, дарик, получившую широкое распространение не только в персидском, но и греческом мире. Во главе административного аппарата центра стояли знатные персидские вельможи, им помогали многочисленные чиновники из персов и мидян, причем часть этих же чиновников посылалась в сатрапии, где они выступали в качестве помощников сатрапов, исполняя судебные и иные функции.

Что касается администрации внутри сатрапий, особенно таких крупных и развитых, как Египет или Вавилон, то они делились на области, для управления которыми обычно привлекались чиновники и писцы из числа местных жителей. В сатрапиях, где политические связи издревле основывались на добровольном подчинении мелких государств (Финикия и др.), роль руководителей подчиненных сатрапам областей выполняли местные правители с их традиционным аппаратом власти и местным самоуправлением. Далекие периферийные районы, населенные небогатыми племенами, тоже обычно сохраняли традиционную систему управления во главе с вождями, а их взносы в персидскую казну ограничивались небольшой данью, принимавшей форму спорадических подарков. При этом почти во все окраины державы центр посылал свои военные отряды, сооружая там крепости и форпосты. Воины гарнизонов обычно получали освобожденные от налогов земельные наделы и жили за счет их обработки. При этом строго соблюдался принцип, согласно

которому в число воинов не должны были включаться жители данного района, даже вообще страны, особенно если имелась в виду такая страна, как Египет, Вавилония.

Вообще на организацию армии обращалось особое внимание, ибо именно военная сила была основой власти персов. Элитой армии был корпус «бессмертных» из 10 тыс. лучших персидских воинов, первая тысяча которых, состоявшая из представителей знатных родов, занимала привилегированное положение в качестве личной охраны царя. Остальная армия делилась на пехотинцев-лучников и всадников, причем периферийные ее подразделения, стоявшие гарнизонами в сатрапиях, включали в свой состав не только персов и мидян, хотя именно иранские племена по-прежнему оставались костяком армии. Вначале строго следили за тем, чтобы воинские наделы оставались наследственно-должностными и не переходили в личную собственность, не становились объектом купли-продажи. С течением времени, однако, наделы начинали отчуждаться, что не могло не сказаться на боеспособности армии. Как известно, это привело к тому, что последние персидские цари вынуждены были все большую ставку делать на воинов-наемников. Став мировой державой, империя Ахеменидов вынуждена была активно строить военные корабли, особенно после того как ей пришлось столкнуться с сильными именно на море греками.

Серия военно-политических и социально-экономических реформ Дария, приведшая к укреплению внутренней административной структуры и усилению власти правителя, сравнительно мало затронула те привычные социальные и экономические отношения, которые существовали на Ближнем Востоке издревле. При всем несходстве между развитыми и отсталыми странами, при всех модификациях моделей эволюции эти отношения в общем были однотипными: эффективная администрация центра опиралась на власть-собственность, производители выплачивали ренту-налог в казну, а частное хозяйств всегда было под строгим контролем чиновников.

Завоеватели-персы, облагавшие огромными податями подвластное им иноплеменное население, выступали в качестве правопреемников тех правителей, которые прежде олицетворяли собой власть-собственность в каждой из покоренных персами стран. Во всех них система царско-храмовых хозяйств становилась одним из важнейших источников дохода казны Ахеменидов, причем земли этих хозяйств по-прежнему обрабатывали арендаторы, обычно зависимые либо неимущие полноправные из числа местного населения. Параллельно с царско-храмовыми многие из аннексированных земель были розданы знатным персам и иным приближенным либо заслуженным лицам, которые тем самым приобретали большие должностные и личные владения, обрабатывавшиеся для них на правах аренды преимущественно теми же зависимыми (многих из них именовали персидским словом «гарда», в эламском варианте – «курташ»), нередко из числа бесправных покоренных пленников. Часть крупных владений имела привилегии и иммунитеты, т. е. была освобождена от налогов, тогда как с остальных налоги взимались по минимальной ставке. К должностным землям крупного масштаба были близки по характеру и более мелкие должностные владения чиновников и воинов, которые обычно также обрабатывались арендаторами.

Основная доля земельного фонда в персидской империи

принадлежала общинникам, выплачивавшим налоги непосредственно в казну и исполнявшим все повинности. Среди них были и богатые, и бедные, причем богачи подчас сдавали излишки земли в аренду беднякам. Долговое рабство распространено не было, но практика заклада имущества была хорошо известна, особенно в связи с системой откупов: крупные дельцы, бравшие на откуп тот или иной район империи, беспощадно выколачивали из населения не только причитавшийся с каждого налог, но и немало сверх этого, что и вынуждало бедняков расставаться с имуществом либо закладывать его.

В период расцвета державы Ахеменидов был достигнут высокий уровень развития ремесла, торговли, строительства. Ремесло и особенно транзитная торговля – как, впрочем, и операции по закладу либо аренде – нередко сосредоточивались в руках больших торговых домов частных собственников, в основном вавилонских. Рабов в империи было немного, причем использовались они либо в государственных хозяйствах на тяжелых работах (рудники, каменоломни), либо в сфере услужения в частных домах. Те из рабов, которые сажались на землю или обзаводились кое-каким имуществом, включались в торгово-ростовщические операции, приобретали ремесленные специальности и тем постепенно изменяли свой реальный статус, сближаясь в имущественном отношении с иными слоями населения, хотя юридически долго оставались неполноправными, что находило отражение в системе оброка-пекулия.

Греки, греко-персидские войны и гибель империи Ахеменидов

Греки были одной из ветвей индоевропейцев, волнами мигрировавших во II–I тысячелетиях до н. э. на запад. Если ранние из этих волн, положившие начало Микенам и позже гомеровской Греции, в принципе не породили ничего структурно нового, ибо микенские и гомеровские греки, известные как по данным археологических раскопок, так и из великих поэм «Одиссея» и «Илиада», жили примерно по тем же стандартам, что и все описанные выше древневосточные общества, то в более позднее время ситуация изменилась. Последняя из миграционных волн, приходящаяся примерно на XII в. до н. э., привела к заселению Эллады племенами дорийцев, энергично осваивавших земли Греции. Земли эти были не очень пригодны для интенсивного зернового земледелия, что вызвало к жизни массовую колонизацию. Следуя финикийцам, греки активно занялись торговлей и мореплаванием и стали одну за другой основывать колонии во фракийских и скифских землях, в Малой Азии, Италии и других местах, преимущественно на побережье и островах. Эпоха Великой колонизации, как ее именуют специалисты, подготовила Грецию к архаической революции VIII–VI вв. до н. э. – революции, имевшей уникальный в истории характер и потому принявшей облик социальной мутации, о чем уже упоминалось.

Многому научившись у народов Востока (финикийцев, египтян, вавилонян и др.), познакомившись с алфавитом и чеканкой монеты (монетами славилась Лидия), греки архаической эпохи, о которой идет речь, вступили на путь энергичного экономического, политического, социального и культурного развития, которое и составило суть

упомянутой революции. Типичные для всех ранних земледельческих общин процессы закабаления бедняков богатыми были пресечены серией решительных реформ, наиболее знаменитыми и важными среди которых были реформы Солона в Афинах в 594 г. до н. э. Реформы Клисфена в тех же Афинах в конце VI в. до н. э. ликвидировали привычные формы родовой организации и тем самым подорвали силу родовой аристократии, заменив старые родовые связи новыми, основанными на территориальном представительстве граждан в совете, на обязательности поочередного исполнения общественных должностей выборными и подотчетными народу представителями. Созданный еще Солоном суд присяжных, равно как и первые своды законов, способствовали укреплению в греческих полисах гражданского демократического строя, который не смогли поколебать жестоко расправлявшиеся с политическими противниками тираны, время от времени захватывавшие власть в отдельных полисах, включая и Афины.

Греческий архаический полис в его обновленной форме стал коллективом равноправных граждан, чье имущество и достоинство охранялись и чьи энергия, частная инициатива, предприимчивость, обогащение – но не за счет закабаления сограждан! – всячески поощрялись. Можно добавить к этому, что граждане имели право приобретать рабов вне своего полиса: их можно было сравнительно дешево купить в колонизованных греками землях, у местных царьков и вождей в обмен на желанные и высоко ценившиеся греческие товары – вино, оливковое масло, керамику, ткани, изделия из металла и т. п. Граждане, как правило, были грамотны, ибо все дети членов полиса учились в школе; граждане были физически развитыми, ибо все они занимались спортом, тренировались и соревновались, вплоть до участия в олимпиадах. В Спарте, знаменитом сопернике Афин, граждане были строго организованы в военизированные отряды с достаточно четкой и даже мелочной регламентацией жизни. Однако при всем том они были и ощущали себя именно гражданами, т. е. индивидами, имевшими неотъемлемые права и обязанности, свободу и достоинство.

Гражданская община в архаической Греции практически слилась с государством, которым здесь управляли не причастные к власти верхи общества, не профессиональная административно-бюрократическая элита, а сами полноправные граждане при посредстве демократических процедур (принцип подчинения меньшинства большинству в ходе выборов или голосования; правоспособность каждого члена полиса вне зависимости от его имущественного положения или родовых связей и т. п.). В Греции иным, нежели на Востоке, было и рабство: бесправность раба на фоне прав гражданина была очевидной и громадной. Впрочем, это далеко не означало, что только рабы или хотя бы преимущественно они были производителями и что именно за счет рабов процветал полис. Конечно, эксплуатация рабского труда способствовала процветанию полиса и граждан, но это процветание прежде всего обеспечивалось трудом самих греков и опиралось на те формы социально-экономических частнособственнических связей, которые столь разительно отличались от господствовавших вне Греции отношений. Олицетворением этих отношений для архаических греков как раз и была персидская империя Ахеменидов, чья граница все ближе подходила к зоне обитания греков, к их полисам.

Как известно, военные успехи Дария I прекратились именно тогда,

когда он столкнулся со свободолюбивыми греками. Греко-персидские войны, столь красочно описанные античными авторами, в частности Геродотом и Фукидидом, продолжались долгие десятилетия и при преемниках Дария. Несмотря на некоторые успехи Ксеркса в сухопутных сражениях (битва при Фермопилах с героической гибелью спартанского царя Леонида), на море персы неизменно терпели поражения, кульминацией которых был знаменитый Саламинский бой 480 г. до н. э. Политическая раздробленность греческого мира и острые внутренние разногласия, даже соперничество, особенно между Афинами и Спартой, казалось бы, были на руку персам. Но великая империя так и не смогла воспользоваться своими преимуществами и в конечном счете вынуждена была отказаться от планов порабощения Эллады.

Успехи греков привели к тому, что в середине V в. до н. э. персы вынуждены были отступить и очистить не только собственно Грецию, но и греческую Малую Азию (не держать своих войск ближе, чем в трех днях пути от западного побережья Малой Азии). Следствием этой неудачи для великой империи был ряд антиперсидских восстаний в крупных сатрапиях – в Египте, Сирии, Лидии. И хотя восстания были подавлены, они знаменовали постепенное ослабление могущества персов. Рубеж V–IV вв. до н. э. прошел под знаком сильных междоусобиц между претендентами на персидский трон, а вышедший из них победителем Артаксеркс II попытался было упрочить свои позиции активным вмешательством в междоусобную борьбу греков, особенно Афин и Спарты. На некоторое время это способствовало стабилизации его власти, но ненадолго. К концу его царствования от империи отпали Кипр, затем Киликия, Лидия; при его сыне разгорелись новые восстания, сопровождавшиеся дворцовыми интригами. И пока персы с трудом боролись за сохранение равновесия внутри империи, в далекой северо-греческой Македонии укреплялись позиции нового грозного соперника персов.

Дело в том, что развитие греческих полисов на рубеже V–IV вв. привело их не только к политическим междоусобицам, о которых уже упоминалось, но и к социально-политическому и экономическому кризису. В рамках полисов обострялись взаимоотношения между богатыми и бедными, демосом и аристократами. Метеки (неполноправные из числа свободных греков, живших в чужом полисе) и вольноотпущенники из числа удачливых и выбившихся в богатеи вчерашних рабов занимали все более весомые экономические позиции, что не могло не влиять на статус и настроения граждан. Возникали требования перемен, находившие свое отражение, в частности, в различных утопических проектах, от комедий Аристофана до трактатов Платона. В политической борьбе это проявлялось в претензиях то одного, то другого из усиливавшихся время от времени государств (Афины, Спарта, Фивы и др.) на гегемонию в Элладе, на создание союза греческих городов. В междоусобной борьбе попеременно лидировали разные полисы, чаще всего Афины. Но с середины IV в. до н. э. центр тяжести борьбы за власть в Элладе стал перемещаться на север, в Македонию.

Политический строй Македонии отличался от греческих полисов: это была наследственная монархия, хотя и несколько ограниченная собранием воинов, советом знати. В экономическом плане Македония также отставала от остальной Греции, но уже в V в. до н. э. тесные связи с греками и заимствование их культуры привели к преодолению отставания. Ослабление полисной Греции в IV в. до н. э. совпало по

времени с укреплением политического могущества Македонии, которая стала играть первостепенную роль во внутригреческих делах. Македонский царь Филипп II, умный и энергичный правитель, проведший свою молодость в Фивах в качестве политического заложника и немало полезного усвоивший там, не только реорганизовал и усилил армию, когда оказался у власти (359–336 гг. до н. э.), но и начал активно вмешиваться в междоусобные войны полисов. В 338 г. до н. э., разбив противостоявшую ему армию греков, Филипп объединил под своей властью большинство полисов Эллады и стал фактически главнокомандующим всегреческой армии, готовя ее к походу на восток, против Ахеменидов. Вскоре, однако, Филипп пал жертвой заговора, а верховная власть в Македонии оказалась в руках его сына, двадцатилетнего Александра, воспитанника знаменитого Аристотеля.

Александр в 334 г. выступил против персов во главе армии в 30 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы и 160 боевых кораблей. Войско было оснащено саперной техникой и имело хорошо подобранный штаб, включая и разведку. И хотя его соперник Дарий III мог выставить значительно более сильную и многочисленную армию, военный гений Александра сыграл свою роль. Выиграв первые сражения в Малой Азии, Александр подчинил себе затем города Финикии и в 332 г. захватил Египет. Затем, вернувшись в Сирию, он двинулся к берегам Тигра и в решающей схватке при Гавгамелах 1 октября 331 г. нанес сокрушительное поражение персам. Бежавший в Бактрию Дарий III был там убит местным сатрапом, а персидская империя Ахеменидов перестала существовать.

Империя Александра Македонского

Поскольку убивший Дария сатрап Бактрии Бесс провозгласил себя новым императором, Александр выступил против него и направил свое войско далее на восток, через столицу Персии Персеполь и Экбатаны в Гирканию, куда отступили разбитые войска персов. Из Гиркании через Парфию он прибыл в район Гиндукуша и, перейдя гиндукушские хребты, спустился в долину Амударьи. Здесь Бесс был схвачен и казнен, а македонские войска, пройдя через плодородные долины Согдианы, вновь перевалили через Гиндукуш. Александр стал готовиться к походу на Индию.

Весной 327 г. до н. э. он через Афганистан вторгся в Северную Индию, где нанес поражение войскам царя Пора. Однако истощенная боями и длительными маршами македонская армия была не в состоянии двигаться дальше. Оказавшись перед угрозой прямого неповиновения, Александр был вынужден дать команду об отступлении, причем длительный и очень трудный маршрут в обратном направлении вдоль Инда, по побережью Аравийского моря и Персидского залива, по знойным пустыням и безлюдным местам привел армию к окончательному истощению. Возвращением в Сузы завершился длившийся почти 10 лет восточный поход Александра.

Щедро расплатившись с воинами-ветеранами и отправив значительную их часть на родину, Александр в 324 г. прибыл в Вавилон, который он избрал столицей своей гигантской империи. Охваченный неуемной жаждой завоеваний, великий полководец продолжал строить грандиозные планы дальнейших походов. Он приказал создать большой

флот и сколачивал новую армию, костяком которой теперь уже должны были служить азиаты, в первую очередь персы. Однако в разгар приготовлений Александр слег в приступе жестокой лихорадки и через несколько дней умер. Это случилось в 323 г. до н. э., причем сразу же после смерти полководца его преемники – диадохи – стали в ожесточенной борьбе делить его наследство. Созданная Александром империя вступила в состояние кризиса, который завершился на рубеже IV–III вв. до н. э. возникновением в Западной Азии и Северной Африке двух крупных держав – Египта Птолемеев и царства Селевкидов, которые объединили под своей властью весь ближневосточный мир, за исключением тяготевшей к Элладе Малой Азии.

Что же представляла собой империя Александра и как отразились его завоевания на истории стран и народов ближневосточного региона?

Прежде всего следует заметить, что выступивший в качестве преемника великих монархов Востока Александр проявил немалую государственную мудрость в организации администрации. Он сделал акцент на местные традиции, привычную социальную структуру и испытанные кадры управителей, доставшиеся ему в наследство от персидских царей. И хотя все высшие должности в его империи занимали доверенные лица из числа македонцев и греков, стратегическая цель императора сводилась к гармоническому синтезу античной и восточной систем, символом которого призвана была послужить торжественная церемония вступления вернувшихся из изнурительного похода воинов в брак с азиатскими женщинами. В Сузах, куда вернулось истощенное походом войско, был совершен этот важный политический акт: около 10 тыс. воинов-македонян, в том числе сам Александр и его ближайшие сподвижники, единовременно сочетались браком с азиатками, причем каждому из молодоженов Александр сделал богатый свадебный подарок.

Важным средством реализации политики синтеза было также создание во многих завоеванных районах Ближнего Востока – от Египта до Средней Азии – серии крупных городов, по меньшей мере десяток из которых стал называться Александриями. Эти города, заселявшиеся македонянами, греками и стремившимися перенять их образ жизни людьми иных национальностей, были призваны, равно как и некоторое количество греческих военных поселений катэкий, служить анклавами, упрочивавшими влияние греческой культуры, полисной организации жизни и военной силы македонян в процессе осуществления предполагаемого синтеза. И, надо сказать, усилия Александра в этом направлении не пропали зря. Несмотря на кратковременность жизни завоевателя и распад его державы после его смерти, вся ближневосточная история с момента завоеваний Александра шла уже под знаком принципиально иного исторического периода – эпохи эллинизма, суть которой сводилась как раз к той (или примерно к той) эллинизации Ближнего Востока, осуществление которой ставил своей целью македонский завоеватель.

Эпоха эллинизма на Ближнем Востоке

Походы Александра и завоевание им ближневосточного мира вплоть до Индии вызвали к жизни небывалую до того по масштабам колонизацию. Греки и македонцы массами устремились в богатые земли

Востока, сулившие им привилегированные условия жизни и легкие доходы. Именно за счет этой колонизации возникали десятки новых городов, значительная часть которых представляла собой образования, похожие на классические греческие полисы, т. е. являвшие собой самоуправляющиеся территории, подчас включавшие, помимо огражденного поселения, и обширную примыкающую к нему периферию. Эти полисы обычно имели не только автономные формы администрации, но и немалые привилегии и иммунитеты. Правда, о политической их независимости речи быть не могло: все вновь возникавшие эллинистические по типу городские поселения включались в единую систему государственной администрации Птолемеев и Селевкидов, причем цари неизменно стремились поставить города под свой контроль, размещали там свои гарнизоны, направляли туда своих чиновников с большими полномочиями и правами верховного надзора. Словом, эллинистические города на Ближнем Востоке многим напоминали греческие полисы, да и жили там в основном колонизаторы-эллины, но при всем том эти города отличались от классических греческих полисов урезанными правами и свободами, которые были урезаны в пользу могущественной царской власти, античной Греции почти незнакомой, как, впрочем, и Македонии. Стоит заметить, что правами земельного владения в этих городах пользовались не только полноправные граждане, ими могли пользоваться и иные переселенцы, что резко изменяло характер статуса гражданской общины города.

Несмотря на все эти различий, эллинизированные города вместе с военными поселениями тех же греков и македонцев, основанными на принципе щедрого наделении воинов и ветеранов земельными участками с налоговым иммунитетом, были форпостами эллинистического влияния на древнем Ближнем Востоке. Именно за счет такого влияния в странах Востока, правителями которых были династии диадохов, т. е. тех же греков, осуществлялся генеральный процесс эллинизации, проникновения в ближневосточный регион элементов греческой культуры, социального и политического строя, экономики и образа жизни греков. Правда, это проникновение затрагивало лишь некоторые наиболее развитые в экономическом и культурном отношении районы и слои населения – преимущественно те, что тяготели все к тем же греческим по характеру полисам, скажем, типа новой столицы Египта Александрии. Что же касается отдаленных районов или древних городских торгово-ремесленных центров вроде Вавилона, то они в основном сохраняли свою привычную структуру и мало что заимствовали у греков, разве что усиливали свои связи с ними.

Практически это означало, что вся территория ближневосточного региона как бы разделилась на две неравные части: на эллинистические и эллинизированные города и поселения, оказывавшие определенное воздействие на окружавшую периферию и включавшие в сферу своего влияния придворную и высшую служилую знать, часть аппарата администрации, а также зажиточных представителей частнособственнического сектора, и на мало связанную с этими центрами периферию, которая жила прежней жизнью. Эта разница нашла отражение и в терминах: незатронутая эллинистическим влиянием периферия, т. е. основная часть ближневосточного мира, получила наименование *хоры.* Противопоставление хоры и полисов со временем привело к тому, что этнический термин *эллин* стал восприниматься как

социальный: «эллинами» начали именовать всех причастных к власти, привилегиям, всех влиятельных и имущих – в противовес массам разноплеменного непривилегированного и в основном сельского населения.

В птолемеевском Египте с его традиционной централизованной администрацией территориально-административное деление на полисы-катэкии и хору было наиболее наглядным и очевидным. Воины (клерухи, катэки), в основном из греков и македонцев, являли собой привилегированный слой землевладельцев и полноправных горожан. К этому слою примыкали как землевладельцы полисов из числа иных переселенцев, не бывших полноправными горожанами, так и традиционные слои жрецов и вельмож вне полисов. Хозяйства старой знати, как и все традиционные царско-храмовые хозяйства, по-прежнему обрабатывались в основном арендаторами из числа египтян, которые теперь именовались греческим термином *лаой.* Этим же термином называли и мелких земледельцев, обрабатывавших собственные наделы. Хотя четкой грани между арендаторами и владельцами наделов в птолемеевском Египте, как и прежде, не существовало, все же некоторые данные дают основание заключить, что регламентация жизни арендаторов, особенно так называемых царских земледельцев (чем-то напоминавших «царских людей» древности), была особенно мелочной, а контроль чиновников Птолемея ничем не уступал надзору дотошных надсмотрщиков далекой древности – разве что теперь они обходились без палок и бичей.

Новое было в том, что рядом с этой традиционной сферой экономических и административных связей существовали крупные анклавы вроде Александрии, где жизнь текла по совершенно иным законам эллинского мира. А так как Александрия была столицей, ее образ жизни оказывал немалое влияние, особенно на имущие слои Египта, которые подвергались эллинизации в первую очередь. В то же время основной части страны – хоры – процесс эллинизации мало касался. Отсюда и итоговый результат: воздействие эллинизма на жизнь страны и народа в птолемеевском Египте было не слишком заметным, но тем не менее влияние его на правящие и имущие слои – а именно они в первую очередь были причастны к экономическим рычагам и культурному потенциалу Египта – было достаточно ощутимым, во всяком случае для того, чтобы весь исторический период, связанный с этим влиянием, считать и именовать периодом эллинизма.

Нечто подобное было и в государстве Селевкидов. Многочисленные Александрии, Антиохии и иные полисы здесь тоже задавали тон, особенно в верхах общества, среди имущих и привилегированных его слоев, включая центральную администрацию и двор. Все эти «эллины» противостояли основной части населения, жителям хоры, в большинстве именовавшимся тем же греческим термином лаой. Что касается рабов и рабства, то следует сказать, что античного рабства эллинизм с собой не принес. Роль рабства увеличилась, но тем не менее рабы и в полисах, и вне их обычно обретали статус, привычный для Востока и отличавшийся от того, который был характерен для классической античности. Рабов, находившихся в частном владении, было по-прежнему сравнительно мало как в полисах, так и вне их, причем все они имели определенные имущественные и социальные права. Было немало вольноотпущенников из числа вчерашних рабов, часть их была зажиточными горожанами (не

гражданами!). Существовало немало казенных общественных рабов в полисах, где они обычно несли службу мелких стражей порядка. Рабы государственные использовались в царско-храмовых хозяйствах и на тяжелых работах – в промыслах, рудниках и т. п.

Как в птолемеевском Египте, так и в государстве Селевкидов период эллинизма принес с собой некоторые изменения в центральной и местной администрации. Так, значительно большую, чем прежде, роль стал играть суд, опиравшийся хотя бы частично на эллинскую практику судопроизводства. В качестве всеобщего административного языка стал использоваться специфический диалект греческого – койнэ, вместе с которым через суд, администрацию и иные официальные институты в гущу эллинистических стран Ближнего Востока проникали элементы культуры и религии греков, их философия, научные достижения, литература, искусство, методы и приемы в сфере просвещения, военного обучения и т. д. И хотя, как уже упоминалось, все это обычно ограничивалось сравнительно немногочисленными полисными анклавами вне хоры и привилегированными слоями населения, «эллинами», в целом результат такого воздействия на протяжении веков (а эпоха «эллинизма» 4 в. до н. э. в большинстве стран ближневосточного региона сменилась римским владычеством, в принципе продолжавшим и в некотором смысле даже углублявшим этот процесс) достаточно очевиден, хотя и нуждается в более глубоком теоретическом осмыслении. Вопрос в том, почему эллинизация, а затем. и сменившая ее романизация, углубленная и усугубленная к тому же во многих ближневосточных странах (те же Египет, Сирия и др.) христианизацией, в конечном счете так и не привели не только к радикальной трансформации ближневосточной структуры по европейскому стандарту, но даже и к сколько-нибудь заметному синтезу обеих структур. К этой проблеме мы еще вернемся. Пока же стоит заметить, что эллинистическое влияние не было одинаковым на всем Ближнем Востоке. Менее всего оно затронуло, в частности, районы расселения самих персов – не исключено, что это было связано не столько даже со сравнительной отдаленностью Ирана от Европы, сколько с горделивой самобытностью иранцев. Впрочем, несмотря на это, греческое влияние ощущалось не только в самом Иране, но и к востоку от него, в Бактрии и североиндийских землях, через которые оно, в частности, оказало влияние на формирование иконографии буддизма Махаяны (гандхарское искусство скульптуры).

* * *

Великие империи Ахеменидов и Александра и последовавшая за ними на Ближнем Востоке эпоха эллинизма как бы подвели черту под почти трехтысячелетним развитием цивилизации и государственности в этом регионе. Влияние этого периода в истории человечества огромно. Его невозможно переоценить. Оно создало ту евразийскую средиземноморскую культуру, порождением которой стала античность – без ближневосточной основы она сама по себе едва ли могла бы появиться на свет.

Но античность – уникальный феномен. Ставить вопрос о том, почему такого же рода социальной мутации не произошло с Финикией или Вавилоном, некорректно, подобная постановка вопроса уничтожает смысл понятия «социальная мутация». Мы вправе, однако, поставить

вопрос иначе: что мешало Вавилону или Финикии оказаться в ситуации, аналогичной античной Греции? И если попытаться ответить на него, то на передний план неизбежно выйдет все то же классическое восточно-деспотическое государство, государство-Левиафан. История освободила античную Грецию от давления со стороны подобного чудовища, как собственного, так и чужеземного: за те несколько веков, что в Греции был в этом смысле политический вакуум, как раз и успели возникнуть и сформироваться и полисная система, и гражданское общество, и античные правовые нормы, и, главное, господство рыночно-частнособственнической структуры, пусть в самой начальной ее форме.

Ни у Финикии, ни тем более у Вавилона таких благоприятных условий никогда не было. Оба торговых анклава, как и многие другие центры ближневосточной транзитной торговли, всегда находились под жестким давлением со стороны сильных государств, для финикийцев чужих, для вавилонян и других торговцев – чужих и своих собственных. Когда же наступила эпоха империй, давление со стороны власти, чаще всего чужой, оказалось еще более ощутимым. Правда, это давление имело покровительственный оттенок. Имперская власть всегда поощряла транзитную торговлю и, устраняя таможенные барьеры, политические границы и вообще опасности, способствовала расцвету рынка и развитию накоплений собственников. Однако при всем том власть жестко давила и на рынок, и на собственность, не давая ни тому, ни другому главного, без чего они не в состоянии были стать полноценными, – свободы. Свободы политической и экономической, социальной и правовой, свободы от контроля со стороны власти и тем более от притязаний и произвола власть имущих. Свободы, огражденной надежным барьером прав, гарантий и привилегий для собственника, индивида, гражданина, субъекта права. Все это было неотъемлемым достоянием античности – и всего этого не было на Востоке и вообще нигде, кроме античности. Не было даже осознанной потребности в такого рода свободе, не было потому, что не существовало условий для формирования подобной потребности в ее сколько-нибудь ощутимом и социально значимом объеме.

Я сознательно акцентирую внимание на принципиальной разнице – это важно для понимания сути проблемы. Допускаю, что в реальной действительности грани были более размытыми, что финикийские колонии типа Карфагена были ближе к античной структуре, чем, скажем, к египетской, что для многих транзитных торговцев эллинизованные анклавы времен эллинизма были роднее и понятнее, чем находившаяся под традиционным давлением властей провинциальная хора. Но, признавая это, не уйти от самого факта: отдельные исключения погоды не сделали. Больше того, античный мир остался античным и по структуре, и по образу жизни даже тогда, когда римские граждане подвергались жесточайшему произволу всевластных тиранов-цезарей, а восточный мир оставался восточным и тогда, когда произвола почти не ощущалось, а все текло по традиционному и всех удовлетворявшему руслу каждодневной обыденности. И вот в этом-то и заключается коренная причина того, почему эллинизм остался лишь историческим эпизодом в жизни Ближнего Востока. Эпизодом, растянувшимся на тысячелетие, но принципиально почти ничего не изменившим: похожим на Европу Ближний Восток так и не стал, что оказалось особенно очевидным после

его исламизации.

Глава 9
Древняя Индия: становление основ социальной структуры

Цивилизация и вся история Индии – это совсем иной мир, во многом несходный с ближневосточно-средиземноморским. Подчас можно найти даже парадоксальные параллели скорее с античной культурой, нежели с ближневосточной. Впрочем, эти параллели кажутся парадоксальными лишь на первый взгляд, они легко объясняются общностью происхождения некоторых существенных элементов культуры древних индийцев и европейцев: ведь в конечном счете и те, и другие являются выходцами из единой праиндоевропейской общности. И все же в Индии как цивилизации можно обнаружить несравненно больше особенного и даже уникального, нежели сходного с другими, пусть даже с теми же индоевропейцами Ирана или Европы. Так в чем же уникальность Индии и как, каким образом, в какой обстановке формировалась индийская цивилизация?

Самые ранние очаги урбанистической культуры и первые протогосударства в Северной Индии, прежде всего в долине Инда, возникли в III тысячелетии до н. э. Очень мало известно о характере древнейших обществ Индии как из-за того, что индская письменность Хараппы и Мохенджо-Даро до сих пор не расшифрована, так и потому, что хорошо известные санскритские тексты ариев долины Ганга посвящены преимущественно религиозно-философским проблемам и почти не касаются политики, истории, социальной структуры и экономических отношений. Характер письменных источников во многом определил и тот объем данных, которым до сих пор вынуждена оперировать наука в ее попытках реконструировать очертания древнеиндийского общества. Основанные на скудных данных археологии и специфическом материале религиозных текстов сведения о древнеиндийском обществе тоже, естественно, очень фрагментарны и специфичны: в распоряжении ученых почти нет дат, имен, реальных исторических событий, сведений об административной структуре и политической динамике; взамен этого они располагают чрезвычайно богатым мифологическим эпосом, сквозь очертания которого прослеживается канва реального исторического процесса, а также многочисленными религиозно-философскими трактатами различного характера, которые косвенно позволяют судить об образе жизни древних индийцев, не говоря уже об их верованиях и представлениях. В этом смысле – хотя и не только в этом – Индия уникальна и не идет ни в какое сравнение ни с ближневосточно-средиземноморским миром, ни с китайско-дальневосточным, для реконструкции цивилизации и истории которых есть гигантская и ныне уже очень неплохо изученная источниковедческа: основа.

Науке пока не вполне ясен даже вопрос о том, насколько индийская цивилизация первична – во всяком случае в том смысле, что многие важные культурные импульсы для своего первоначального развития она явно получила извне (достаточно вспомнить об ариях, о которых подробнее речь пойдет дальше). Вместе с тем не только самобытность и

сравнительная удаленность Индии от других очагов мировой культуры, но также и условия, в которых она развивалась, дают основания в конечном счете считать эту цивилизацию все-таки первичной как в плане самостоятельности и независимости ее развития, так и тем более с точки зрения уникальности ее облика и характера, неповторимости некоторых ее исходно-структурных принципов.

Индская цивилизация (Хараппа и Мохенджо-Даро)

Современная археология позволяет предполагать, что заселение Индии неолитическими земледельцами в основном шло с севера, через Иран и Афганистан. VI–IV тысячелетиями до н. э. датируются первые неолитические поселения в предгорьях долины Инда, а примерно XXIV в. до н. э. – величественные памятники развитой городской культуры, известные по раскопкам в Хараппе и Мохенджо-Даро.

Выстроенные из кирпича городские строения (дома, дворцы, цитадели, зернохранилища), бассейны с хорошо налаженной системой канализации и даже соединенное каналом с рекой сооружение типа верфи – все это не только свидетельствует о высоком уровне градостроительства и, следовательно, всей урбанистической цивилизации, но позволяет предполагать существование развитого ремесла, включая бронзолитейное дело, а также, что важно подчеркнуть особо, торговых связей с соседями, прежде всего с шумерским Двуречьем. Трудно сказать, насколько культура шумеров повлияла на возникновение центров индской цивилизации и следует ли эти центры считать чем-то вроде очагов, возникших при содействии шумерской колонизации (на этот счет существуют различные мнения), но сам факт влияния со стороны более развитого Двуречья несомненен. К этому надлежит добавить, что и населяли индские центры европеоиды, антропологически близкие к населению ближневосточного региона. Речь, конечно, не о том, чтобы видеть в индских городах просто шумерскую колонию, – здесь иная культура, своя письменность (хотя и близкая к шумерской), иной тип строений. И все-таки связи несомненны, причем не только внешнеторговые, фиксируемые, в частности, обнаружением индских печатей при раскопках в Двуречье, но и структурные, сущностные: схожие мифологические сюжеты (герой типа Гильгамеша с зверями), строительные материалы (кирпич), достижения культуры и техники (прежде всего бронза и письменность).

Города долины Инда были, в отличие от месопотамских, очень недолговечны. Они быстро и ярко расцвели и столь же быстро по неизвестной до сих пор причине пришли в упадок и исчезли с лица земли. Ориентировочно период их жизни ограничивается пятью-шестью веками, с конца XXIV до XVIII в. до н. э. Некоторые данные говорят о том, что упадок очагов индской городской культуры начался задолго до их исчезновения и что он был связан с нараставшими нарушениями нормальной жизни, ослаблением порядка и администрации (строились и селились где попало, даже на прежних центральных улицах-площадях) и, возможно, с изменением русла Инда и затоплением городов.

Что касается внутренней структуры индского городского общества, то данные на этот счет необычайно скудны. Судя по существованию предприятий вроде верфи, крупных строений типа дворца, огромных

зернохранилищ, здесь должна была существовать примерно та же, что и в ранних обществах Двуречья, протогосударственная структура с властью-собственностью правящих верхов и важной ролью централизованной редистрибуции. Более того, сам облик богатых городов с развитым ремесленным производством заставляет полагать, что к городам примыкала немалая земледельческая периферия, за счет налогов и повинностей с которой в основном отстраивались города и существовали освобожденные от производства пищи слои населения, включая администраторов, воинов, жрецов, ремесленников. Однако ничего более точного и определенного сказать нельзя: сам факт социальных и экономических различий при полном молчании нерасшифрованной письменности (а это в основном небольшие, в 6–8 знаков, тексты на печатях из иероглифов и пиктографов, количество которых, по ориентировочным подсчетам, достигает 400) не дает оснований говорить ни о рабах, ни о кастах, ни о частных собственниках, хотя кое-кто из специалистов подчас пытается делать это.

Но, как бы то ни было, одно на сегодняшний день установлено достаточно твердо и определенно: хараппская культура долины Инда исчезла, почти не оказав существенного воздействия на пришедшую ей на смену с разрывом в несколько веков культуру индоариев, положивших практически заново начало древнеиндийскому очагу цивилизации. Пожалуй, здесь нужна одна существенная оговорка: новый очаг складывался в основном в долине Ганга, в районах, отстоящих от центров хараппской культуры на многие сотни, если даже не тысячи километров. Только историческое единство Индии в ее привычных недавних границах, объединяющих обе великие речные долины (да и то не учитывая современность, когда долина Инда в основном вошла в состав Пакистана), побуждает специалистов столь тесно связывать между собой Хараппу и ариев и, более того, искать преемственность между ними.

Индоарии в долине Ганга

Консолидировавшиеся на рубеже III–II тысячелетий до н. э. где-то в районе Причерноморья и Прикаспия (может быть. Малой Азии и Закавказья) индоевропейские племена с начала II тысячелетия до н. э. в силу не вполне ясных пока причин стали энергично мигрировать в разных направлениях. Один из первых потоков мигрантов составили осевшие в Малой Азии хетты, с которыми было связано одомашнивание лошадей (возможно, их предшественниками в этом деле были митаннийцы) и, главное, изготовление боевых колесниц. Оснащенные боевыми колесницами индоевропейские племена быстро распространились на запад (Балканы), восток (Средняя Азия) и юг. Южная ветвь индоевропейцев, заселившая Иран и Индию, часто именуется индоиранской. Между иранскими ариями, осевшими в Иране в начале I тысячелетия до н. э., и индоариями, чья инфильтрация в районы Северной Индии датируется примерно XIV–XIII вв. до н. э., немало общего. Общность заметна и в языке, и в религии (имена богов), и в ранних формах социально-кастового членения с выделением воинов и жрецов (магов), и во многих других аспектах культуры, включая материальную. Сам термин «арий» – «благородный», использовавшийся иранцами (ар, ир) и индийцами, относился именно к обозначению первоначальной

индоиранской общности, впоследствии разделившейся и даже, возможно, противоборствовавшей (есть косвенные данные о том, что между отделившимися друг от друга иранцами и индийцами возник острый антагонизм).

Проникновение индоариев через Афганистан сначала в Пенджаб, а затем в долину Ганга, заселенную до того местными неолитическими земледельцами, преимущественно этнических общностей мунда и дравидов, шло, скорее всего, волнами и длилось века. Вопрос о том, как и когда это происходило, откуда именно и каким образом шли волны индоариев, принадлежит к числу спорных и на современном уровне знаний практически неразрешимых. Однако бесспорно, что первые индоарии прибыли в Долину Ганга еще до того, как их близкие родственники – иранцы заселили ту часть Ирана, где они впоследствии осели, создав свои государства (Мидию, затем Иран). Это ставит под вопрос мнение тех, кто намечает маршрут инфильтрации индоиранцев через Кавказ. Видимо, параллельно с ним существовал и иной путь, так что поток индоиранцев мог идти через Прикаспийские степи и Афганистан.

Появившись в верховьях Ганга, индоарии стали постепенно осваивать до того слабо заселенную долину этой реки, оттесняя либо ассимилируя немногочисленные и сравнительно отсталые аборигенные племена. Высокий уровень материальной культуры – знакомство с металлами, использование плуга, удобрений, ирригационных устройств, средств транспорта, развитое ремесло и т. п. – способствовал быстрому и успешному утверждению индоариев в долине Ганга. Именно их язык и культура, включая ее религиозно-мировоззренческую первооснову, на долгие тысячелетия, вплоть до наших дней, определили исторический путь индийской цивилизации.

Именно арии с их огромным вниманием к религиозной символике и мифологии, к культам и жертвоприношениям, с ведущей ролью жрецов-брахманов и обожествлением священных текстов-самхит выдвинули на передний план в этой цивилизации религиозно-духовные проблемы, подчеркнутый пиетет по отношению к которым стал со временем квинтэссенцией всей духовной культуры Индии. Тексты вед («ведать»), прежде всего Ригведы, многочисленные связанные с их комментированием и толкованием религиозно-философские трактаты (брахманы, араньяки, упанишады), монументальные эпические сказания о героях и подвигах далекого прошлого (Махабхарата и Рамаяна), да еще легенды-пураны и составленные сравнительно поздно, на рубеже нашей эры, систематизированные политико-экономические трактаты вроде законов Ману или Артхашастры – вот, по существу, едва ли не все, чем может располагать историк при попытке реконструировать древние периоды истории Индии и очертить основные параметры ее общества и культуры. Ни летописных хроник, ни записей исторических событий, ни документов в распоряжении науки нет или почти нет.

Естественно, характер источников определил как тот круг сведений, которыми мы можем оперировать, так и степень точности, с которой можно делать выводы о древнеиндийском обществе. Одно несомненно: скудный и односторонний комплекс данных – не случайность, не результат недостаточных поисков или гибели важных документов в невыясненных пока ситуациях, напротив, это вполне адекватное отражение структуры самого общества, его самоидентификации. В

обществе с подчеркнутым вниманием к религиозно-духовным проблемам, с поисками очищения, спасения и избавления от тягот и страданий жизни в уходе от нее (стремление к аскезе, мокше, нирване), с идеей воздаяния (кармы) как закономерного вознаграждения каждому за его заслуги либо прегрешения в прошлой жизни, словом, с его явной устремленностью от бытия к небытию, от внешнего к внутреннему, от общественного к биологически-личностному, – в таком обществе, весьма значительно отличавшемся от окружавших его, практически нет места социально-исторической памяти в какой-либо иной форме, кроме религиозно-эпической, мифологически-культовой.

Если ставить вопрос о причинах столь существенного отклонения от нормы, то едва ли не на передний план выйдет все тот же вопрос о мигрантах-индоариях, для которых задачи консолидации и выживания на новой родине и в чуждом окружении как раз и свелись к консервации памяти прошлого – того далекого прошлого, которое не имело социально-политических форм и не могло быть зафиксированным в виде исторических описаний и тем более деловых документов. Это прошлое было канонизировано в религиозно-мифологической форме и в этой форме сохранилось в памяти поколений. Последующий же акцент на религиозно-духовные проблемы лишь закрепил ранее начатое и в свою очередь определил приоритеты в складывавшейся системе ценностей индийской цивилизации. История и политические события в рамках этой системы были лишь бледным и малозначимым фоном, оттенявшим главное и самое существенное для индийцев – их санкционированный религиозными нормами и духовной культурой образ жизни, включая социальную структуру, социально-семейные связи и прежде всего твердо фиксированные и веками сохранявшиеся практически в неизменном или малоизменявшемся состоянии мировоззренческие ориентиры.

Социальная структура индоариев периода вед (конец II – начало I тысячелетия до н. э.)

Племена индоариев в ранних ведических текстах предстают в виде коллективов, выступающих как единое целое, но уже знакомых с социальными и имущественными различиями. Иными словами, это племена типа протогосударств во главе с вождями. Из среды рядовых общинников в них выделились две влиятельные прослойки – жрецы-брахманы, хранители ритуально-мифологической памяти, отправлявшие сложные культовые функции и пользовавшиеся огромным престижем и немалой реальной властью, и правители-военачальники, они же аристократы-кшатрии, которые возглавляли коллективы и управляли ими. Судя по некоторым данным Ригведы, правители протогосударств выступали в качестве верховных распорядителей общественного достояния, что проявлялось, в частности, в их праве выделять брахманам ту или иную часть общих земель. Выступая в обычной функции высших субъектов власти-собственности и верховных редистрибуторов, эти правители (раджи) собирали с общинников ренту-налог (обычно это была шестая доля урожая), которая постепенно превращалась из добровольного взноса в обязательную подать. Правители возглавляли аппарат администрации, существовавший за счет редистрибуции избыточного продукта (ренты-налога), причем значительная доля этого

аппарата комплектовалась из близких родичей правителя, составлявших его опору. В функции администрации во главе с правителем входили охрана коллектива, управление им, судопроизводство и т. п.

Данные текстов свидетельствуют о том, что власть правителей была еще не очень прочной. Во многих протогосударствах она была выборной, причем именно там большим влиянием пользовались советы старших, собрания знатных – обстоятельство, которое побуждает некоторых исследователей говорить о «республиках». В других уже был заметен акцент на наследование власти правителя – и тогда собрание старших превращалось в паришад, совет знати при монархе с ограниченными консультативными функциями. Но в любом случае власть правителя не была абсолютной. Царь вынужден был считаться с мнением членов совета, не говоря уже о привычных нормах и традициях коллектива в целом; бывали случаи, когда не поладившие с подданными правители изгонялись. Роль советов и собраний старших и знатных бывала особенно заметной в нередких случаях ожесточенной борьбы за власть враждующих знатных кланов или наследников умершего раджи. В принципе такого рода отношения типичны для ранних протогосударств. Но для древней Индии спецификой было постепенное обособление в привилегированной группе социально-политических верхов упомянутых уже двух важнейших слоев – жрецов-брахманов и аристократов-кшатриев. Противостояние их друг другу с острым взаимным соперничеством (как упоминалось, основа высочайшего престижа и немалой власти слоя жрецов-брахманов заключалась в их монополии на ритуально-мифологическую память и связанные с ней высоко чтимые народом культовые отправления), равно как и зримое противопоставление двух верхних социальных слоев третьему и основному, общинникам-производителям, вело к формированию кастового общества.

Община ведического периода состояла из большесемейных групп, главы которых («домохозяева» в древних индийских текстах) имели немалую власть над женами, детьми и домочадцами. В число последних входили порой и рабы из числа пленных иноплеменников (даса). По большей части это были рабыни, наложницы домохозяина или кого-либо из взрослых мужчин его семейной группы, чаще всего его братьев. Дети от этих рабынь не обязательно были рабами: статус их в зависимости от обстоятельств колебался от зависимого до полноправного. Да и домочадцы из числа родни тоже не были абсолютно независимы: отец-патриарх имел право заложить кого-либо из них в случае нужды, а то и отдать жрецам для жертвоприношения. Практика заклада или проигрыша в игре[16] свидетельствует как об относительности статуса полноправного общинника (это не гражданин, даже в так называемых республиках типа ган и сангх), так и о существовавших уже отношениях социально-имущественного неравенства, о появлении долгового рабства, хотя это последнее было еще очень мягким, так что его едва ли можно ставить рядом с рабством иноплеменников, даже если для характеристики рабов обеих категорий используется один и тот же термин – даса.

Как свидетельствуют данные археологии, первые города в долине Ганга появляются примерно в IX–VIII вв. до н. э. Видимо, это было время,

16 Сюжеты такого рода упоминаются в текстах; порой на их основе строится вся фабула эпического сказания, как в случае с Махабхаратой

когда консолидировались на базе первых протогосударств более или менее крупные ранние государства и в связи с этим активно развивались ремесла и торговые связи. Исторические предания, зафиксированные в форме эпических сказаний, позволяют предположить, что именно в это время велись ожесточенные войны между правителями соперничавших стран – те самые войны, которые позже были воспеты в упоминавшейся уже Махабхарате. Результатом этих войн было, насколько можно судить, ослабление враждующих сторон, ни одна из которых уже во второй трети I тысячелетия до н. э. не играла заметной роли в политической жизни, во всяком случае под теми именами, которые воспеты в легендах. Впрочем, это не мешает тому, что многие из индийских раджей вплоть до наших дней причисляют себя к потомкам воспетых легендами династий – Лунной (Бхаратов) и Солнечной.

Конечно, здесь гораздо больше от красивой легенды, чем от исторической истины. Вообще для политической жизни древней, да и средневековой Индии было характерно преобладание слабых и кратковременных государственных образований, которые легко появлялись на свет, быстро приходили в упадок, сменяя одно другого: их названия, территории, имена правящей династии – все это сливается в круговорот почти не запоминающихся названий, чаще всего лишенных отличительных признаков. Трудно сказать, что здесь было главной причиной. Скорее следует говорить о комплексе причин. Но все же есть основания полагать, что относительная слабость политической власти в истории Индии (речь именно о политической власти как таковой, о ее административно-территориальной внешней форме, а не о феномене власти-собственности с централизованной редистрибуцией как о господствующей структуре) определялась прежде всего спецификой индийского общества с его системой строго фиксированных статусов-сословий (варн, позже каст), раз и навсегда определявших место человека среди других. Жесткая кастовая система была своего рода альтернативой слабой политической власти, а быть может, и главной ее причиной. Общество вполне могло существовать без сильного государства, без эффективной администрации, ибо внутренние его законы с успехом выполняли политико-административные функции. Возможно, именно поэтому, несмотря на красивые легенды, воспевающие героев эпических сказаний, в реальной жизни Индии оставалось очень мало места для амбиций властолюбивых политических лидеров. Но именно это заставляет всерьез рассмотреть непростую проблему древнеиндийских варн.

Варны

Слово «варна» соответствует понятиям «вид», «разряд», «цвет». Уже с глубокой древности в Индии использовали его для выделения и противопоставления друг другу основных социальных слоев общества. Зафиксированные еще в Ригведе предания исходят из того, что членение общества на противостоящие друг другу слои извечно, что из уст первочеловека Пуруши возникла варна жрецов-брахманов, из его рук – варна кшатриев, из бедер – варна простых земледельцев и скотоводов, т. е. рядовых общинников вайшья. А вот из ступней Пуруши появилась четвертая и самая низшая варна неимущих и неполноправных, варна

шудр. Три высшие варны, генетически связанные с индоариями, считались почетными, особенно первые две из них, о чьих привилегиях и престиже уже шла речь. Представители всех этих арийских варн именовались «дваждырожденными», ибо по отношению к ним исполнялся обряд второго рождения, т. е. обряд инициации, посвящения, который производился в детстве и сопровождался надеванием на шею шнура, материал и цвет которого соответствовал варне. Обряд второго рождения давал право на обучение профессии и занятиям предков, после чего каждый мог стать домохозяином, т. е. отцом своего семейства.

Дваждырожденные вначале резко противостояли четвертой варне, состоявшей из неполноправных неариев и комплектовавшейся прежде всего за счет подчиненных аборигенных племен. Четвертая варна шудр возникала и формировалась позже трех арийских, так что в нее входили все те, кто по рождению не принадлежал к первым трем. Варна шудр была, по меньшей мере вначале, варной неполноправных. Шудра, в частности, не имел права изучать веды и участвовать в обрядах и культовых отправлениях наравне с представителями остальных варн – весьма жестокая форма неравноправия для общества, где ритуально-мифологическая жизнь ценилась столь высоко, как в Индии. Шудра не мог, в силу сказанного, претендовать на высокое социальное положение, порой даже на самостоятельное хозяйство. Удел ремесленника или слуги, занятие тяжелыми и презираемыми видами труда – вот был его жребий.

С течением времени, однако, в положении варн происходили некоторые изменения, суть которых сводилась к снижению статуса третьей и некоторому повышению статуса четвертой из них. Варна вайшьев постепенно теряла свои арийские привилегии, включая обряд второго рождения, и в полном соответствии с привычной нормой социальной структуры общества подобного типа становилась намного ниже первых двух, чьи привилегии сохранялись. Шудры, напротив, со временем приобретали ряд присущих всем остальным варнам прав и тем повышали свой статус. Можно считать, что к середине I тысячелетия до н. э. две высшие варны уже достаточно отчетливо противостояли двум низшим, что адекватно отражало реальность жизни: сверху жрецы и воины, администраторы и аристократы, снизу – труженики, производители, слуги.

Сложившаяся таким образом система четырех варн стала весьма устойчивой основой для членения индийского общества на незыблемые категории-сословия, статус и место которых были освящены непререкаемыми религиозными нормами. Религия вед с ее пышными кровавыми жертвоприношениями и огромной ролью жрецов-брахманов, монополизировавших не только культ и священные обряды, но также и практическое право изучать тексты и вообще право на образование, религиозно-философские рассуждения, весьма строго стояла на страже варновых различий. Человек рождается в своей варне и навсегда принадлежит именно ей, остается в ней. В своей варне он берет жену, его потомки тоже навечно остаются в его варне, продолжают его дело. Рождение в той или иной варне – результат поведения человека в его прошлых рождениях. Этот кардинальный постулат ведической религии с ее идеей круговорота непрекращающихся перерождений, облик которых зависит от кармы, т. е. суммы добродетелей и пороков в прошлых существованиях (хорошая карма – возродился брахманом или князем;

дурная – шудрой, а то и вообще животным, червем), сыграл огромную роль в истории и культуре Индии. Он диктовал людям смириться с их местом в мире и обществе, не стремиться к улучшениям и изменениям (в текущей жизни это просто невозможно, нелепо даже думать об этом), но зато вести себя добродетельно и тем улучшать свою карму с расчетом на будущее. Практически закон кармы ориентировал людей не на социальную борьбу, которую в сколько-нибудь заметных масштабах Индия – в отличие, скажем, от Китая – практически не знала, а на кармическое мышление и даже на уход от активной социальной жизни в поисках спасения или освобождения от кармы.

Религиозное освящение системы варн оказалось весьма эффективным. Эта система со временем не только не распадалась, но, напротив, становилась все жестче, сильнее, разветвленное. Укрепляясь, она обрастала новыми разрядами подразрядами, более дробными подразделениями, т. е. превращалась в ту самую систему каст, которая дожила до наших дней и пока еще отнюдь не отмирает. Однако это был медленный и постепенный процесс, на протяжении которого практически все племена и народы огромного Индостана, все вторгавшиеся в Индию ее завоеватели, все находившиеся на разных уровнях развития группы населения различных родов деятельности и профессий находили свое место в общей для всей Индии системе каст. Или, если не находили, оставались вне этой системы, т. е. ниже ее, в положении своего рода изгоев, неприкасаемых. Важно особенно подчеркнуть, что стремление вписаться в общую систему и оказаться в ряду других каст, пусть даже в самом низу их иерархической лестницы, было жизненно важным для каждой группы, ибо оказаться вне системы значило практически быть вне общества, в известном смысле вне закона, т. е. на положении раба.

Северная Индия в середине I тысячелетия до н. э.

Об историческом процессе в древней Индии, как упоминалось, мало что известно. Отрывки из различных религиозных текстов и полулегендарных преданий позволяют считать, что в общем и целом он протекал примерно так же, как и повсюду, хотя и с несколько меньшей эффективностью. На протяжении первой половины I тысячелетия до н. э. в Северной Индии шел тот же процесс политической интеграции, что и в остальном древневосточном мире: мелкие протогосударства постепенно становились более крупными и трансформировались в ранние государства, соперничество между которыми со временем становилось все более ожесточенным. Сильные поглощали слабых и расширялись за их счет. В результате к середине I тысячелетия до н. э. в долине Ганга и поблизости от нее существовало примерно 16 сравнительно крупных государств, в большинстве которых уже установилась наследственная монархия и лишь в некоторых практиковались различные формы олигархического либо аристократического правления с выборными политическими лидерами.

Дальнейший процесс политической консолидации был, по-видимому, ускорен внешними факторами, в частности столкновениями с державой Ахеменидов. В V в. до н. э. в долине Ганга существовали два весьма сильных государства, Кошала и Магадха, соперничество между которыми привело к победе Магадхи. В IV в. до н. э. ей на смену пришла держава

Нандов, основанная, по преданию, выходцем из варны шудр, свергнувшим с престола правителя Магадхи и распространившим свои владения на большую часть бассейна Ганга и к югу от него. Однако она просуществовала всего несколько десятилетий, после чего некий Чандрагупта, тоже из шудр, использовав в своих интересах связанные с походом Александра события, в свою очередь сверг династию Нандов и основал империю Маурьев, просуществовавшую по индийским масштабам довольно долго – около полутора веков. Именно Чандрагупта установил связи с Селевком, женился на его дочери и гостеприимно принял посла Селевка Мегасфена. Сообщения Мегасфена об Индии, сохранившиеся в отрывках в разных древних сочинениях, – важный источник наших знаний о ранней истории империи Маурьев, да и вообще о древнеиндийском обществе.

Итак, середина I тысячелетия до н. э. была отмечена заметной тенденцией к политической консолидации в Северной Индии. И эту тенденцию никак нельзя считать случайной. Напротив, она вполне соответствовала тем серьезным внутренним экономическим и социально-религиозным процессам, которые активно протекали в это время. Прежде всего это была тенденция к экономической интеграции. Хотя долина Ганга не была в той же степени, что и долина Нила, определяющей доминантой всего складывавшегося на ее территории очага развитой цивилизации, она тем не менее способствовала как экономической интеграции, так и некоторому развитию централизованной администрации. Возвышение политических центров в долине вело к росту и укреплению городов, к развитию ремесла и торгового обмена.

Города, бывшие прежде всего укрепленными крепостями, начинали играть заметную роль в экономике. Немалое число ремесленников работало, по-видимому, в системе государственного хозяйства, что было характерным для всех древневосточных обществ на ранних этапах их развития. Существовали специализированные мастерские, где выполнялись заказы правящих верхов и администрации. Но постепенно часть времени ремесленники начинали уделять и выполнению приватных заказов. Городские мастера образовывали корпорации-шрени, основывали собственные мастерские. Правда, вся частнопредпринимательская деятельность ремесленников и торговавших изделиями ремесла и сельского хозяйства торговцев находилась под строгим контролем государства. По сведениям Артхашастры («Наука о политике» – сочинение, написанное, по преданию, советником Чандрагупты брахманом Каутильей и являющееся более теоретическим трактатом, нежели источником, повествующим о реальной жизни), были определены размеры налогов, а также количество дней, которое ремесленник должен отработать в государственной мастерской; был строго регламентирован также порядок регистрации местожительства, получения разрешения на отъезд и т. п. Под централизованным руководством находились и дорожное строительство, судоходство, морская торговля.

В сфере аграрных отношений тоже очень большую роль играло государство, которое выступало как верховный распорядитель земельного фонда. Государство регулировало подати и повинности населения. Есть основания считать, что наряду с общинными землями существовали обширные царские хозяйства типа царско-храмовых земель, характерных для ближневосточной древности. Земли в этих хозяйствах обрабатывались

либо рабами и наемниками-кармакарами, статус которых был достаточно близок к рабскому, либо арендаторами из числа неимущих и преимущественно выходцев из низших слоев общества. Существовало и должностное землевладение; земли здесь тоже обрабатывались зависимыми или арендаторами. Но основной формой землевладения была все-таки община, подробнее о которой будет сказано ниже.

Экономическая интеграция, способствовавшая политической консолидации индийцев в середине I тысячелетия до н. э., была важным фактором, но не единственным и даже не самым главным. Много большую роль в консолидации индийцев как этноса и тем более индийской цивилизации как великой социокультурной цельности сыграли процессы, протекавшие в это время в духовно-религиозной сфере и на тысячелетия определившие облик всей культуры Индии, духовные ценности ее цивилизации. Эти процессы начались с того, что древние веды стали обрастать уже упоминавшимися толкованиями и комментариями, которые энергично разрабатывались усилиями жрецов различных брахманских каст. На базе активных религиозных поисков возникали сложные философские построения – прежде всего упанишады, в которых дебатировались проблемы бытия и небытия, жизни и смерти, первопричины сущего, верховного Абсолюта и т. п. Следует особо подчеркнуть, что все эти отвлеченные рассуждения были практически исключительным достоянием брахманов, которые ревниво оберегали свою монополию на образование, изучение и комментирование священных текстов[17]. Монополия брахманов на знание со временем вызывала все большее недовольство со стороны соперничавших с ними кшатриев, чей высокий политический статус и чья реальная и возраставшая власть питали это недовольство. Оно было тем более основательным, что формально кшатрии как дваждырожденные имели право проникать в глубинные тайны религиозно-философской мудрости.

Философские поиски авторов упанишад, к которым постепенно приобщались помимо брахманов и некоторые кшатрии, приобретавшие все большую значимость в ходе усиления политической власти и централизованной администрации, оказывали определенное воздействие на всю атмосферу духовной жизни древней Индии. Безусловный авторитет и монопольные позиции брахманов ослабевали. Естественным следствием этого было появление новых религиозно-философских течений и направлений, у истоков которых стояли проповедники-шраманы, имевшие сравнительную независимость мысли и порой даже отрицавшие святость вед или стремившиеся поколебать систему варн. Всех этих шраманов объединяла оппозиционность традиционному брахманизму, но между собой они расходились весьма значительно: одни из них видели свой идеал в аскезе, другие – в фатализме, третьи – в настойчивых поисках спасения. К числу сторонников последнего из этих направлений нужно сгнести буддистов,

---

17 Слово «текст» здесь употребляется условно, ибо в описываемое время текстов как таковых еще не было. Вся накопленная веками мудрость запоминалась наизусть и передавалась в устной форме из поколения в поколение – собственно, именно это, как и разработка мудрых заповедей древности, опять-таки в устной форме, и было делом брахманов, между различными кастами которых существовало точно фиксированное разделение труда: каждый четко знал, какие именно тексты, проблемы и комментарии следует запоминать и разрабатывать ему и всей его касте

последователей Будды, т. е. легендарного вероучителя Гаутамы Шакьямуни, проповедовавшего в VI в. до н. э. и призывавшего своих сторонников постичь четыре священные истины: мир – страдание; страдание – от страстей и желаний; освобождение от страданий – в нирване; существует восьмеричный путь праведной жизни, следуя которому и отказываясь от всего мирского каждый может достичь нирваны.

Как и другие философско-религиозные учения той поры, буддизм объективно разрушал варновые основы социальной структуры, уравнивая всех своих последователей перед высшей вечностью великой нирваны. И поскольку именно это учение наиболее быстро и очевидно завоевывало популярность в народе в начале второй половины I тысячелетия до н. э., его сочли за благо поддержать правители впервые созданной на территории Индии империи Маурьев. Именно в буддизме они видели идеологию, которая могла бы способствовать интеграции социально-политической структуры страны. Забегая вперед, можно сказать, что буддизм как религиозно-философская доктрина не стал такой идеологией. Не исключено, что это обстоятельство, наряду с другими, сыграло свою роль в слабости и недолговечности империи Маурьев. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что и альтернативные буддизму доктрины, число которых в древней Индии было не малым, не обладали желанными для правителей потенциями. И это, как упоминалось, сыграло свою роль в формировании специфики политической системы и как бы противостоявшей ей социальной структуры Индии, как древней, так и средневековой.

Глава 10
Древняя Индия: политическая система и социальная структура

Захватив в 317 г. до н. э. власть в Пенджабе и решительно очистив эту часть Индии от остатков греко-македонских гарнизонов, Чандрагупта, как упоминалось, на развалинах державы Нандов создал новое государство Маурьев, которое стало быстро расширять свои пределы. Особых успехов в этом добился преемник Чандрагупты Биндусара, который простер пределы государства, превратившегося в одну из крупнейших империй мира, почти на всю территорию Индостана и на часть земель Афганистана. Его сын и внук Чандрагупты Ашока (268–231 гг. до н. э.) продолжил эти успешные завоевания, сокрушив сопротивление государства Калинги на востоке Индии.

Империя Маурьев, охватив в результате этих завоеваний почти весь Индостан, за исключением крайнего юга, подчинила себе наряду с высокоразвитыми территориями долины Ганга или Пенджаба множество населенных отсталыми племенами периферийных районов, которые именно благодаря включению их в единую политическую суперсистему получили мощный толчок для своего развития в рамках уже сложившейся древнеиндийской культуры и социальной структуры. Ашока, выступивший в качестве великого правителя и реформатора, поставил своей задачей создать государство, основанное на принципах древнеиндийских религиозно-этических норм – дхармы.

Организация империи Маурьев (317–180 гг. до н. э.)

Государственная администрация была строго организована. Император и окружавший его совет сановников – паришад – выступали в функции центрального исполнительного органа, ответственного за принятие важных решений и проведение их в жизнь. Кроме паришада при императоре был также тайный совет из узкого круга доверенных лиц, а в необходимых случаях собирался и совещательный представительный орган раджасабха, в который входили, видимо, как сановники, так и аристократы из числа прежде независимых правителей, но, возможно, также и выборные от горожан и общин, хотя бы некоторых. Судя по организации отдельных ведомств, в частности военного, для управления ими существовал специализированный штат чиновников, группы которых отвечали за свою сферу деятельности: одни ведали пехотой, другие – боевыми колесницами, третьи – боевыми слонами, четвертые – снабжением и снаряжением войска, пятые – флотом и т. д. Можно предполагать, что аналогичным образом выглядел бюрократический аппарат и в других ведомствах, сведений о которых нет. Косвенно об этом свидетельствуют, в частности, данные об административном управлении городами. Часть городов управлялась чиновниками центра, другие – провинциальными администраторами. Принцип управления был тем же: ведомство делилось на группы специализированных чиновников, каждая из которых отвечала за свой участок работы – будь то контроль за ремесленниками, взимание налогов и пошлин, надзор за ценами и рынками, сохранностью общественных зданий, регистрацией населения и т. п.

Центральному аппарату подчинялись провинциальные, причем характер их варьировал в зависимости от степени важности, уровня развития либо отдаленности того или иного района. В империи было четыре-пять главных наместничеств, управление которыми осуществлялось как наместниками из центра (ими бывали преимущественно царевичи), так и прежде существовавшей там местной администрацией, иногда во главе с местными правителями-раджами. Аналогичным образом, т. е. в форме сочетания централизованной системы администрации с местной, вплоть до общинных органов самоуправления, обстояло дело в провинциях и областях в том числе в тех районах, где сохранялась местная автономия, как, например, в ганах и сангхах с ненаследственной выборной властью правителей.

Содержание громоздкого и разветвленного аппарата администрации, равно как и всех аристократов, воинов и вообще всей сложной государственной структуры, падало на плечи трудящихся, прежде всего крестьян-общинников, выплачивавших в казну шестую долю урожая в качестве ренты-налога и выполнявших различные повинности. Кроме общинного землевладения существовало, как о том уже шла речь, должностное, включая храмово-жреческое (земли брахманов и буддийских храмов, а также иных религиозных организаций и сект), царское и воинское. Все эти формы землевладения были чаще всего условными, а соответствующие земли обрабатывались преимущественно зависимыми арендаторами, а также рабами или кармакарами.

Ашока уделял большое внимание организации судопроизводства, включая кодификацию норм права. Он также строго следил за

эффективностью администрации, для чего регулярно раз в три – пять лет устраивал инспекционные ревизии в провинциях, в ходе которых инспекторам вменялось в обязанность строго контролировать действия местных властей и следить за соблюдением норм дхармы. В понятие дхармы Ашока включал и религиозную терпимость, хотя некоторые данные позволяют предполагать, что к концу жизни он становился все более ревностным буддистом, так что именно этот явственный акцент в его деятельности (щедрые дары и пожертвования буддийским храмам, поддержка деятельности буддистов и ограничения по отношению к представителям иных религий, включая и брахманизм) вызывал недовольство в стране, большая часть населения которой продолжала по традиции почитать именно брахманов и брахманизм.

Дело в том, что, несмотря на упадок брахманизма, влияние его и сформированных им еще в глубокой древности институтов, включая систему варн, было во всей Индии очень большим, а распространение этих институтов на всю территорию гигантской империи Маурьев еще более усилило их значение. Здесь стоит заметить, что ориентировавший своих сторонников на монашескую жизнь и поиски нирваны ортодоксальный ранний буддизм Хинаяны, в частности в его наиболее распространенной форме Тхеравады, не соответствовал издревле устоявшейся организации общества с его традиционной системой варн, которая уже самим фактом своего существования как бы реабилитировала древний брахманизм, постепенно трансформировавшийся в более развитую религиозную форму индуизма. Поэтому неудивительно, что демонстративный акцент Ашоки в сторону буддизма вызывал недовольство влиятельных слоев древнеиндийского общества, прежде всего жрецов-брахманов, и что именно это недовольство могло иметь своим следствием ослабление власти императора, может быть, даже и крушение всей с таким трудом создававшейся системы достаточно эффективной централизованной администрации.

Источники смутно и противоречиво говорят о конце жизни Ашоки, но все сходятся в одном: конец его царствования был отмечен серьезными внутренними неурядицами, распрями на верхах, включая дом самого царя, а также усилением дезинтеграционных тенденций в масштабах империи в целом. Есть даже указания на раздел империи между преемниками Ашоки. Все это привело в скором времени к окончательному крушению династии и развалу империи. Попытавшийся было восстановить величие Маурьев под эгидой основанной им династии Шунгов Пушьямитра, один из военачальников последнего императора Маурьев Брихадратхи, которого он убил на военном параде, сумел на некоторое время вернуть под свой контроль отдельные части распавшейся империи. Но далеко не все и, главное, ненадолго: при преемниках Пушьямитры династия Шунгов быстро деградировала, чему способствовали, в частности, затяжные войны с укрепившимся на севере Индии Греко-бактрийским царством.

Индия после Маурьев. Кушаны. Гупты

Противниками греко-бактрийцев, оттеснившими их в середине II в. до н. э. и занявшими их место, были среднеазиатские племена юэчжей.

Мигрировавшие под давлением северокитайского племени гуннов (сюнну), господствовавшего на территории монгольских степей, юэчжи в ходе продвижения на запад через территорию современного Синьцзяна (Восточного Туркестана) заняли бактрийские земли и, осев на них, вскоре стали известны соседям под наименованием кушанов. Немало усвоив из эллинистического наследия бактрийцев, кушаны на рубеже нашей эры объединились в достаточно крупное государство, которое за счет удачных войн с Парфией заметно расширило свою территорию и приблизилось на юге к границам Индии. При Кадфизе II кушаны предприняли ряд экспедиций в Индию (хронология кушан вызывает ожесточенные споры, но ориентировочно это было в середине I в. н. э.), а при его преемнике, знаменитом Канишке, они овладели значительной частью Индии, включая бассейн Инда и часть бассейна Ганга.

При Канишке Кушанское царство было на вершине своего могущества, а синтез сложившейся на греко-бактрийской основе кушанской культуры с североиндийской в процессе индианизации кушанов сыграл важную роль в развитии как культуры этого региона, так и ее наиболее знаменитой части – гандхарского искусства, сыгравшего существенную роль в формировании основ иконографии буддизма Махаяны. Что касается этого направления буддизма, то следует напомнить, что Канишка, вслед за Ашокой, известен как второй великий индийский император, покровительствовавший буддизму. Именно при нем был проведен знаменитый 4-й собор буддистов, на котором и были очерчены основы буддизма Махаяны («Широкая колесница», «Широкий путь к спасению»). Смысл этого направления буддизма и его отличие от первоначального буддизма Хинаяны в том, что махаянистское направление оказывало несравненно большее внимание буддистам-мирянам – им за поддержку монахов и храмов, за верность буддизму были обещаны если и не нирвана (ее по-прежнему могли достичь лишь ушедшие от мира монахи), то во всяком случае улучшение кармы и даже буддийский рай, по пути к которому их вели святые подвижники-бодисатвы.

Реформа буддизма, связанная с именем знаменитого буддийского монаха Нагарджуны и осуществленная при покровительстве Канишки, была призвана укрепить позиции весьма далекой от мирских интересов религии. В известной мере это удалось: буддизм стал ближе и понятнее людям. Но оттеснить на задний план в самой Индии древний брахманизм, уже успешно трансформировавшийся в индуизм, буддизм так и не сумел, хотя в североиндийских и особенно пригималайских районах (знаменитый монастырь Наланда) он успешно существовал и даже развивался еще на протяжении примерно тысячелетия, после чего практически полностью исчез из жизни Индии. Зато через восточные районы Кушанского царства буддизм Махаяны как раз со времен Канишки начал свое победоносное продвижение на восток, прежде всего в Китай.

Упадок и развал Кушанского царства примерно в середине II в. н. э. ознаменовали наступление в Индии длительного периода политической дезинтеграции, сведений о котором очень мало. С начала IV в. долина Ганга, и в частности Магадха, становятся центром нового крупного политического образования – государства Гуптов. Достигнув своего наивысшего расцвета в конце IV в., когда под властью Гуптов были объединены почти все земли Ганга и большие территории к югу от них, это государство в середине V в. едва выдержало мощные удары со

стороны гуннов-эфталитов, а в конце V в. прекратило свое существование. Внутренняя структура государства Гуптов в целом копировала принципы, выработанные в эпоху Маурьев. Но были и нововведения, сводившиеся к несколько большей степени централизации власти с укреплением аппарата администрации и явственным стремлением покончить с автономистско-сепаратистскими тенденциями на местах. Впрочем, серьезных результатов – если судить по срокам существования государства – это не дало.

Что касается Южной Индии, то шедшее много более медленными темпами ее развитие привело к тому, что в эпоху Маурьев, после присоединения к империи большей ее части, там стали появляться первые политические структуры. Включение в состав империи способствовало первоначальной институционализации этих структур. В результате уже на рубеже нашей эры в условиях дезинтеграции и практически автономного существования и развития юга там стали появляться первые крупные государства – Чола, Пандья, Керала. С IV в. среди других государств заметно выделилась держава Паллавов, причем к этому времени разрыв между уровнем развития севера и юга заметно сократился. Эта нивелировка произошла за счет энергичной индианизации юга, т. е. распространения на юг Индостана общих принципов социально-культурной и политико-административной структуры, всей религиозной философии, выработанной долгими веками. В авангарде индианизации шли система варн и восходящий к брахманизму индуизм. Немалую роль здесь играла и основа основ классической индийской структуры – ее община.

Сельская община в древней Индии

Слабость и неэффективность централизованной администрации на протяжении большей части истории Индии всегда компенсировались, как о том уже упоминалось, исключительной внутренней прочностью основной ячейки индийского общества – сельской общины. Здесь долго сохранялось коллективное землепользование. Хотя пахотная земля делилась на наследственные участки индивидуального семейного владения, все остальные угодья продолжали считаться коллективным общинным достоянием. Многие важные и нужные для общины работы – очистка новых территорий от джунглей, ирригационные сооружения местного масштаба, строительство дорог или храмов, защита и охрана деревни и ее имущества и т. п. – выполнялись совместно, считались делом коллектива в целом. В общине традиционно практиковались щедрые реципрокные раздачи и угощения, особенно в дни семейных праздников (свадьба и т. п.), когда семья подчас была готова залезть в неоплатные долги, но поддержать свой престиж, выставив всем односельчанам обильное приличествующее случаю угощение. Видимо, те же традиционные реципрокные принципы раздач использовались и при выборах общинного совета – панчаята и, возможно, старейшины, руководителя общины.

Как правило, голос при решении общинных дел имели лишь полноправные общинники-домохозяева, т. е. те же главы семейных групп, что исстари было характерным для всех земледельческих общин. В некоторых общинах на смену выборной системе приходила

наследственная, когда из поколения в поколение руководящие должности занимали представители одних и тех же семейно-клановых групп господствующей касты. Неизвестно, однако, сколь долго продолжалась подобного рода практика наследственной передачи власти в общине; похоже на то, что исторически это было все же преходящим явлением и со временем восстанавливался обычай выбирать руководство общины из числа соперничавших друг с другом кандидатов.

Община, как правило, вела натуральное хозяйство. Выделяя шестую долю урожая и исполняя необходимые требовавшиеся от ее членов повинности, во всем остальном она обычно обходилась своими силами. Сведений о внутренней структуре древней общины мало, но из более поздних источников известно, что на свои средства коллектив обычно содержал нужных ему мастеров-ремесленников – горшечника, кузнеца, плотника, цирюльника, ювелира, жреца-астролога, мусорщика и т. д. (иногда некоторые из них, например мусорщики, принадлежали общине в целом, т. е. были приобретены коллективом в качестве рабов). Все работники получали за свой труд строго определенную плату, в основном натурой и необходимыми услугами. Восходивший к реципрокному взаимообмену древности кругооборот такого рода услуг (для индийской общины более позднего времени, основательно изученной специалистами, он известен под наименованием системы *джаджмани)* был жесткой нормой, скреплявшей независимость, автономность общины и обеспечивавшей ее жизнеспособность, гарантировавшей ее регенерацию в случае катаклизмов. Система внутренних услуг дополнялась принципом административного самоуправления: община своими силами разрешала внутренние споры и имела в своем распоряжении немалое количество чувствительных санкций – от штрафов до изгнания из коллектива. Общинники обычно были сплочены между собой и в религиозно-культовом плане, чему никак не мешала их кастовая неравноправность. В ходе общинных праздников, например, каждый знал свои место и роль, причем все были удовлетворены этим, ибо место в жизни и обществе определялось кастой, а принадлежность к данной касте (рождение именно в ней) – кармой. Другими словами, все определялось высшим законом этической справедливости: каждый должен нести свой крест.

Из кого же обычно состояла община? Прежде всего из ядра ее постоянных и полноправных членов. В это стабильное ядро могли входить и представители только одной господствующей и численно преобладающей в данной общине касты, и представители ряда каст, о иерархической взаимозависимости и расположении членов которых в этом случае только что упоминалось. В качестве временных и неполноправных членов в общину нередко включались чужаки – будь то нанятый общиной ремесленник или служащий, купленный либо подаренный общине раб, нанятый кем-либо и осевший в деревне кармакара, взятые в богатый дом наложницы или долговые рабы. За исключением перечисленных неполноправных, которые могли жить в общине долго, из поколения в поколение, работать в сфере услуг или арендовать земли ее членов, все остальные были юридически равноправными. Однако в имущественном отношении они уже могли различаться между собой, порой достаточно заметно. Можно предположить, что богатые и влиятельные семьи, чаще всего из высших каст, получали возможность правдами и неправдами округлять свои

участки за счет бедных соседей, следствием чего было появление в общине некоторого количества малоземельных и безземельных, терявших вместе с землей, по крайней мере со временем, свой прежний статус в общине. Не исключено, что приобретавшие земли вчерашние неполноправные могли тем самым повышать свой статус, хотя здесь многое зависело от касты и иных конкретных обстоятельств.

Замкнутость, автономность, социально-политическая индифферентность индийской сельской общины, вырабатывавшиеся веками в специфической индийской социально-политической структуре, в свою очередь оказывали немалое воздействие на эту же структуру. Так, черты общинной организации веками сохранялись в тех как бы законсервировавшихся в своей неразвитой форме ганах и сангхах, где отсутствовала наследственная власть монарха и всеми делами ведали старшие, будь то аристократические роды, высшие касты или представители общин. По образу сельских общин строились и корпорации-шрени в городах, равно как и монашеские братства, причем во всех этих микроструктурах на передний план выходили корпоративный коллективизм, взаимопомощь и взаимодействие, которые заметно противостояли процессу социальной и имущественной дифференциации в рамках таких общин и корпораций. Важно добавить также ко всему сказанному, что военной службы крестьяне-общинники не несли – это было делом воинов-кшатриев, чьи должностные наделы, как и наделы чиновников, обрабатывали либо крестьяне-арендаторы, либо рабы и кармакары. И это выключение сельского населения из числа государственных служащих (воинов) тоже играло свою роль в не раз уже отмечавшемся феномене слабости индийской государственности на фоне сильной, жизнеспособной и политически индифферентной общины.

Рабы и неполноправные

Индийское общество, как и любое другое, знало рабов, причем раб в собственном смысле этого слова (речь о сути явления, а не о терминологии) мог быть, во всяком случае на первых порах, только из числа пленных иноплеменников, выходцев чаще всего из варварских племен, которые стояли вне всех четырех варн, вне каст, т. е. вне жителей общин и городов цивилизованной Индии. Такого рода рабы были немногочисленны и бесправны; их труд использовался преимущественно на тяжелых и презираемых работах в общинных либо государственных (царских и должностных) хозяйствах, в сфере услуг. Что касается рабынь аналогичного происхождения, то их участь подчас бывала легче в том смысле, что они, будучи взяты в дом, обычно становились наложницами кого-либо из мужчин семьи, нередко главы ее. Рождение ребенка от полноправного повышало статус рабыни, а подчас и приносило ей свободу, если же она оказывалась женой или сожительницей раба, статус ее ребенка оставался, видимо, рабским. Раба и рабыню, если они находились в частных руках или во владении общин, можно было продать, проиграть, заложить, даже украсть (за что полагалось оговоренное нормой суровое наказание). Но при всем том они имели и некоторые права, включая право иметь семью и некоторое имущество. Вообще же говоря, существовала стойкая, хотя и не оговоренная нормами тенденция, согласно которой статус раба или рабыни со временем или в лице

последующих поколений имел тенденцию к повышению. Так, работая в качестве батрака или арендатора в хозяйствах знати, тем более рядом с кармакарами, раб постепенно трансформировался в неполноправного. Примерно такой же статус приобретали рабы в общинах, в казенных мастерских, рабы-пастухи, рабы-слуги. Существенно заметить, что в ряде случаев домочадцы из числа рабов упоминаются в одинаковом контексте с членами семьи в качестве лиц, которые являются принадлежностью домохозяйства, главы-домохозяина.

Термином «даса», как упоминалось, в индийских текстах и обиходе именовали также рабов из числа самих индийцев, т. е. рабов-должников, кабальных, заложенных, проигранных и т. п. По мере развития товарно-денежных и частнособственнических отношений, включая ростовщичество, все большее количество индийцев всех варн, от шудр до брахманов, становились в ряды малоимущих или неимущих, влезали в неоплатные долги и 6 конечном счете оказывались в положении долговых рабов. За рабами этой категории сохранялись права и привилегии, присущие их варне, что резко меняет в наших глазах привычный облик раба. Так, к рабу из брахманов его хозяин всегда обязан был относиться с внешними знаками почтения и соответственно требовать от него только той работы, которая не унизила бы его статус, например, работу на земле, в некоторых видах хозяйства. Кроме того, рабы-должники имели право на выкуп, хотя условия выкупа зависели от обстоятельств. Важно заметить также, что за ними сохранялись права, принадлежавшие их варне и каждому из них как члену варны, – право на семью, имущество, наследование и т. п. Словом, это были не столько рабы, сколько неполноправные и зависимые различных категорий, что нередко отражалось и в соответствующих пояснительных терминах, – при всем том, что все они в целом, как упоминалось, обозначались все тем же емким словом даса, что и рабы-иноплеменники.

К неполноправным из числа рабов разных категорий фактически примыкали и кармакары. Спецификой их положения было то, что в отличие от своих собратьев, скажем в Вавилонии, где лица наемного труда объединялись в профессиональные группы и чуть ли не диктовали свои условия нанимателям, чувствуя себя своего рода силой, в варново-кастовой Индии это были по преимуществу представители низших каст или изгои, стоявшие вне каст. Это уже само по себе определяло их статус, так что ни о каких претензиях речи быть не могло. Фактическое же использование кармакаров как лиц наемного труда – это могли быть ремесленники, слуги, пастухи, батраки – сближало их с рабами, тем более рабами-должниками, в единую общую категорию зависимых и неполноправных. Правда, существенным отличием кармакаров от рабов всегда были договорные условия найма, но в юридическом плане эта немаловажная деталь давала не слишком много. Кармакара нельзя было продать как личность, но он продавал себя как работника и без этого не мог существовать. Неудивительно, что в источниках, например в Артхашастре, для сводного обозначения лиц обеих этих категорий существовал единый и весьма устойчивый термин-бином – даса-кармакара.

Кроме немногочисленных рабов-иноплеменников, несколько большего количества рабов-должников и наемников-кармакаров в традиционной социальной структуре древней Индии существовали и иные категории неполноправных – те, кто стоял на низших ступенях

варново-кастовой иерархии или вне системы каст вообще. Независимо от того, продавали ли они себя как работников, т. е. были ли кармакарами, эти люди в Индии всегда были в положении презираемых, а то и подлых, неприкасаемых. Но для того, чтобы лучше определить статус этих лиц, необходимо снова обратиться к системе варн, трансформировавшейся на рубеже нашей эры в систему каст.

Варново-кастовая социальная иерархия

Выработанная веками система варн на рубеже нашей эры уже во многом изменилась. Изменения шли в ряде направлений. Об одном из них – сближении статуса двух нижних варн и противопоставлении их двум верхним – речь уже шла. Но этим дело не ограничивалось. Прежде всего, намечалась заметная дифференциация, как имущественная, так и социальная, в верхних варнах, особенно в варне брахманов. Количество брахманов росло, и далеко не все они требовались для ритуально-культовых жреческих нужд. Да и не все были склонны или способны к этого рода деятельности. Неудивительно поэтому, что немалое количество брахманов, оставаясь по варне именно брахманами, начинало заниматься иными, не присущими хранителям мудрости и жрецам делами, вплоть до весьма непрестижных (лекари, актеры, пастухи и др.). Что касается кшатриев, то здесь тоже происходили серьезные изменения, но иного плана. Первоначальные наследственные кшатрии, прежде всего воины, уменьшались в числе, в немалой степени за счет сражений и взаимного истребления, придворных интриг и драматических эпизодов в периоды смены власти и династий. Это касалось и многих древних правящих аристократических родов. В то же время приходившие им на смену правители, чиновники и воины из других варн (вспомним, что во главе ряда династий оказывались выходцы из шудр, причем советниками их нередко становились брахманы) не имели права с легкостью проникать в варну кшатриев – закон индийской варны гласил, что она зависит от рождения, а не от имущественного или социального положения человека. Конечно, могли быть исключения из общего правила, но в целом закон оставался законом и следствием его было постепенное уменьшение численности и значимости варны кшатриев.

Сильно возросли и укрепили свои позиции отдельные представители обеих нижних варн, вайшьев и шудр. Из их числа вышло немало зажиточных городских жителей. По меньшей мере часть их проникла и в верхние слои общества, в число правителей, чиновников, воинов. Получался некоторый парадокс: обычная норма по-прежнему следовала традиционной градации варн с соответствующими привилегиями и санкциями в случае правонарушений для членов каждой из них, тогда как реальная жизнь во многом сместила акценты. Практически дистанции между варнами оказались иными, нежели они были прежде. Нужна была корректировка, некий иной масштаб социального счета.

Но изменения в традиционной системе варн только этим не ограничились. Во-первых, индианизация южных районов Индостана все время вводила в состав индийской культуры и индийского общества, включая и систему варн, новые контингенты. Конечно, большинство заново приобщенного к индийской цивилизации населения южных районов почти автоматически становилось в число шудр. Но ведь среди

новообращенных были и жрецы, правители, чиновники, воины. Как было быть с ними? Особенно если они продолжали исполнять свои привычные функции и по образу жизни и социальному статусу явно не соответствовали обычным индийским шудрам? Аналогичным образом обстояло дело с ассимилировавшимися в Индии воинственными завоевателями, оседавшими в Северной Индии и волна за волной поглощавшимися ею (греки, бактрийцы, парфяне, гунны, юэчжи и др.). Часть их соответствовала варне кшатриев, но о возможности включения в эту варну уже упоминалось. Это было делом не простым и потому широкого потока в число кшатриев не следовало ожидать.

Во-вторых, в рамках каждой из издревле существовавших древнеиндийских варн шел свой процесс внутренней дифференциации и специализации. Те, кто оставался в пределах варны, но специализировался на какой-то части из тех широких функций, что прежде были общими для всех членов данной варны, начинали заметно отличаться от остальных. Это вызывало естественное дробление прежних четырех варн на более мелкие подразделения внутри них, на своего рода субварны, каждая из которых объединяла людей близкой специальности, сходного рода занятий и квалификации и к тому же имела тенденцию к последующей еще более узкой специализации.

В-третьих, сложность жизненных обстоятельств постоянно порождала внутри каждой из варн многочисленные конфликты, связанные с браками либо сожительством представителей разных варн и с неясностью по поводу варновой принадлежности детей от смешанных браков. Возникала объективная потребность в дифференциации членов варны на чистых и смешанных, а смешанных на тех, одним из родителей которых был представитель более высокой или более низкой варны, а то и лицо, вообще стоявшее вне варновой системы.

Наконец, наличие в обществе некоторого количества неполноправных, в том числе стоявших вне варн рабов-иноплеменников, а также тех, кто занимался преимущественно тяжелыми и нечистыми работами, тоже вело к образованию групп людей, связанных общностью их нелегкой доли, близостью их социального положения и профессиональных занятий. К этому стоит добавить, что в отсталых районах Индии, в ее джунглях продолжали существовать племена, еще не знакомые с земледелием и скотоводством, промышлявшие охотой, рыболовством и собирательством. Всем им тоже нужно было найти какое-то место в генеральной системе замкнутых сословных групп.

Все эти и некоторые другие факты сыграли свою существенную роль в трансформации древней системы варн и превращении ее в более сложную, дробную и строго иерархически организованную систему каст. Каста (джати, т. е. род) – это замкнутая эндогамная группа людей, обычно наследственно занятых в определенной сфере деятельности. Именно в такого рода касты и консолидировались как все мелкие специализированные группы внутри старых варн, так и вновь индианизировавшиеся жители юга либо представители осевших в Индии иноплеменников-завоевателей, не говоря уже о появившихся на свет в результате смешанных браков, о неполноправных и т. п. Пришедшая на смену четырем древним варнам система из многих сотен и даже тысяч каст стала в новых условиях гораздо более удобной. Будучи неизмеримо более гибкой, она позволяла безболезненно включать в себя все новые и новые касты, предоставляя каждой из них определенное строго

фиксированное место в общекастовой социальной иерархии. Те, кто стоял вне существующих каст или родился от смешанного брака, до поры до времени был своего рода кандидатом на включение в систему каст. Коль скоро та или иная группа внекастовых лиц организовывалась в очередную касту, она включалась в систему, обычно занимая вначале низшее место в сложившейся кастовой иерархии. Только такое включение могло узаконить место человека в генеральной всеохватывающей системе социально-сословных связей.

Кастами могли стать и становились племена, секты, группы лиц сходных занятий. В особую группу выделялись те, кто занимался нечистыми профессиями (убой животных и выделка кож; уборка мусора; работа с трупами; профессия знахарей, палачей, актеров и т. п.). Они либо принадлежали к самым низшим кастам, либо вообще стояли вне каст и считались неприкасаемыми, т. е. теми, чье прикосновение способно осквернить членов иных каст, особенно брахманских. Положение неприкасаемых в традиционном индийском обществе – а их со временем становилось все больше – в социальном плане было худшим, чем положение рабов. Их чурались, как прокаженных. Их презирали. Они не имели почти никаких прав и были обязаны довольствоваться худшими условиями жизни, питаться чуть ли не отбросами и т. п.

Принципиальным отличием новых каст от старых варн было то, что касты являлись корпорациями, т. е. имели четкую внутреннюю организацию – органы управления, кассы взаимопомощи, совместные ритуалы и обряды, определенный регламент профессиональной деятельности, нормы внутреннего и внешнего общения, свои обычаи, привычки, кухню, украшения, кастовые знаки и др. Касты включали в себя много меньшее количество членов по сравнению с прежними варнами, причем многие из них были не всеиндийскими, но региональными и локальными группами. Как и любая корпорация, каста строго стояла на страже интересов своих членов, давала каждому из них поддержку, помогала найти работу, получать обусловленную нормой плату за нее и т. п. Все перечисленные новые черты и признаки достаточно заметно отличают касту от варны. Но главный принцип при трансформации варн в касты остался неизменным: сформулированное еще древним брахманизмом и строго охранявшееся индуизмом правило гласило, что каждый принадлежит к своей касте по рождению и должен оставаться в ней всю жизнь. И не только оставаться, но и выбирать жену из своей касты, воспитывать детей в духе кастовых норм и обычаев. Кем бы он ни стал, как бы ни разбогател или, напротив, ни опустился, брахман высокой касты всегда останется брахманом, а неприкасаемый чандала всегда неприкасаемым. С возникновением системы каст в Индии резко уменьшилось и практически сошло на нет рабство иноплеменников, но не потому, что общество будто бы преодолело этап рабовладения, а просто вследствие того, что все иноплеменники отныне включались в какую-либо из низших каст или в число внекастовых неприкасаемых. Что же касается рабов-должников, то их статус продолжал оставаться практически без изменений. Рабство как институт в принципе не противоречило системе каст, а использование труда кабальных и неполноправных вполне вписывалось в ее рамки.

* * *

Древняя Индия по ряду основных параметров близка к государствам ближневосточной древности. Здесь также господствовали власть-собственность и централизованная редистрибуция, отсутствовали свободные по-европейски рынок и частная собственность. Иными словами, в структурном плане Индия всецело принадлежит к традиционному Востоку и не имеет ничего общего с античностью, хотя индоарии генетически достаточно близки древним грекам (имеется в виду их индоевропейская общность). Это еще раз свидетельствует о том, что уникальность античной Греции – результат именно социальной мутации, но не, скажем, специфики этногенеза. Однако структурная общность Индии с остальным Востоком, включая Ближний, никак не означает, что между ближневосточным и индийским регионами нет важной и весьма существенной разницы. Она есть, хотя и не в структуре экономических и связанных с ними отношений.

Разница – в цивилизации, в культурных традициях, в исторически обусловленных формах организации социума. В конечном счете во всем том, что нашло свое выражение в виде варново-кастовой и общинной систем. Игнорирование этой специфики образа жизни индийцев и стремление вписать древнеиндийское общество в привычный ряд стран так называемой рабовладельческой формации нередко приводило в отечественной историографии к тому, что на передний план выходило не то, что характеризует реалии древнеиндийской истории, а нечто искусственно привнесенное извне, от утопической теории. Поэтому весьма существенно исправить перекосы и обратить внимание именно на индийские варны и касты, на индийскую общину, на слабость традиционной индийской государственности как на подлинную и заслуживающую осмысления и оценки особенность Индии.

Глава 11
Древний Китай: формирование основ государства и общества

В отличие от Индии Китай – страна истории. Начиная с глубокой древности умелые и старательные грамотеи-летописцы фиксировали на гадательных костях и панцирях черепах, бамбуковых планках и шелке, а затем и на бумаге все то, что они видели и слышали, что происходило вокруг них и заслуживало упоминания. Отсюда – гигантское, практически необозримое количество письменных источников, которые, в сочетании с обильными данными археологии, дают богатый материал для реконструкции политических событий, социальных процессов, мировоззренческих идей. Не все источники и далеко не во всем заслуживают полного доверия: стоит напомнить, что значительная часть текстов – прежде всего трактаты религиозно-этического содержания, но частично также и исторические сочинения – имеет явно дидактический характер. Одно несомненно: все древнекитайские тексты, или почти все, сыграли огромную роль в последующей ориентации страны и народа, китайской цивилизации. Канонизированные потомками такие тексты, и прежде всего те из них, в которых излагались учение древнекитайского мудреца Конфуция и связанный с этим учением взгляд на вещи, на мир, на человека, на общество и государство, сыграли в истории и культуре Китая не меньшую роль, нежели доктрины брахманизма, буддизма и

индуизма в судьбах Индии. И хотя между китайским и индийским взглядами на мир было нечто общее в самом глубинном мировоззренческом аспекте – именно то, что отличало Индию и Китай в этом плане от ближневосточно-средиземноморской системы мировоззренческих ценностей, – китайская цивилизация всегда была уникальной и во многом расходилась со всеми остальными, включая и индийскую. А по некоторым пунктам разница между Китаем и Индией была огромной.

Начать с того, что если в Индии определенный кармой и пожизненно фиксированный социальный статус индивида почти не предоставлял простора для престижных устремлений и это сыграло существенную роль в устремлении людей в сторону поиска мокши и нирваны, в направлении к впечатляющим, но практически мало полезным упражнениям и ухищрениям аскезы и йоги, то в Китае, напротив, каждый всегда считался кузнецом своего счастья в земной жизни. Социально-политическая активность, едва заметная в Индии, здесь была – как, впрочем, и на Ближнем Востоке и тем более в Европе – основой стремления к улучшению жизни и личной доли каждого. При этом характерно, что если в ближневосточно-средиземноморском регионе такого рода активность со временем стала всерьез подавляться религией, призывавшей к царствию небесному либо настаивавшей на божественном предопределении (именно такого рода идеи были характеры для мировых монотеистических религий, христианства и ислама), то в Китае активный акцент на поиски земного счастья, сделанный еще Конфуцием, продолжал неизменно существовать всегда. И это далеко еще не достаточно отмеченное специалистами обстоятельство сыграло существенную роль как в истории страны, так и в жизни ее народа, социальную активность которого трудно переоценить. Можно сказать, в частности, что именно с древности ведется отсчет небывалой насыщенности китайской истории массовыми народными движениями. В этом же корни столь заметной и типичной именно для Китая социальной мобильности.

Возникновение китайской цивилизации

Древнекитайский очаг земледельческого неолита возник примерно в VI–V тысячелетиях до н. э. в бассейне Хуанхэ. Это хорошо известная специалистам культура Яншао. Расписная керамика и навыки выращивания зерновых культур, прежде всего чумизы, равно как и знакомство с одомашниванием скота (свинья), позволяют, наряду с некоторыми другими аналогичными факторами, ставить вопрос о ее генетической связи с аналогичными культурами расписной керамики более западных регионов, в частности ближневосточного, где происходила неолитическая революция и откуда шло массовое расселение неолитических земледельцев. И хотя этот взгляд на генезис китайского неолита вызывает возражения, значимость которых усилилась за последние годы в связи с открытием юго-восточного азиатского центра незернового земледельческого неолита (таро, ямс, батат, бобовые), тем не менее многое, включая и некоторые новые археологические раскопки в западных районах Китая, по-прежнему говорит о том, что своими навыками в сфере зернового земледелия и тем более практикой росписи и формами орнамента на керамике культура Яншао обязана более ранним

западным вариантам единой серии культур расписной керамики Евразии.

Специальное изучение проблем генезиса китайской цивилизации показало, что и последующие кардинальные нововведения в сфере материальной культуры были связаны, по меньшей мере частично, с инфильтрациями извне. Речь идет не о миграциях в массовом масштабе; миграции были, видимо, минимальными. Хорошо известно, что преобладающим расовым типом на древнекитайской равнине издревле были монголоиды (вкрапления европеоидно-австралоидных расовых типов единичны), и именно это весьма существенно отличает древнекитайский очаг цивилизации от всех остальных, по крайней мере в Старом Свете. Но, несмотря на это, воздействия извне играли едва ли не решающую роль как в процессе трансформации культуры Яншао в неолит черно-серой керамики луншаньско-луншаноидного типа, для которого были характерны ближневосточные виды злаков (пшеница, ячмень) и породы домашнего скота (корова, овца, коза), гончарный круг и иные нововведения, к тому времени (II тысячелетие до н. э.) уже хорошо известные к западу от Китая, так и при переходе от неолита к эпохе бронзы.

Бронзовый век в Китае зафиксирован археологами с середины II тысячелетия до н. э., причем как темпы его появления и расцвета, так и высокий уровень бронзолитейного дела в сочетании с рядом иных важных нововведений, как, например, письменность, практика строительства пышных дворцов и сооружения гробниц, искусство резьбы по камню, высококачественная отделка утвари, украшений, оружия и многие иные аксессуары развитой урбанизации, позволяют предполагать, что цивилизация бронзового века в Китае (эпоха Шан-Инь) очень многим обязана культурным влияниям извне. Если учесть, что иньцы были монголоидами, трудно опять-таки говорить о миграциях в сколько-нибудь существенных размерах наподобие, скажем, арийской в Северной Индии. Но несомненно, что в какой-то степени такого рода миграции все же имели место. Об этом наиболее убедительно свидетельствуют иньские боевые колесницы, запряженные лошадьми. Ни лошадей, ни колесниц доиньский Китай не знал, но зато и то, и другое было хорошо известно в ближневосточной древности, о чем уже упоминалось. Идентичность иньских колесниц индоевропейским ныне уже совершенно очевидна для специалистов, и это, в сочетании с данными некоторых лингвистических исследований о наличии в древнекитайской лексике определенного количества индоевропейских корней, позволяет с немалой долей уверенности предполагать, что мигрировавшие в сторону Средней Азии в середине II тысячелетия до н. э. индоевропейские племена могли сыграть определенную роль в процессе генезиса китайской цивилизации, предстающей ныне перед наукой в виде раскопанного археологами иньского городища в Аньяне (XIII–XI вв. до н. э.) и всей династии Шан-Инь.

Династия Шан-Инь и проблема Ся

Древнекитайская историографическая традиция начинает историю Китая с описания периода правления пяти легендарных императоров, эра владычества которых воспринимается как золотой век мудрости, справедливости и добродетели. Мудрец Яо передал свой престол

способному и добродетельному Шуню, а тот – великому Юю, начиная с правления которого власть стала передаваться по наследству. Юй считается основателем первой в китайской традиции династии Ся.

В общих чертах это предание вполне вписывается в закономерность трансформации избираемого на основе принципа меритократии правителя в наследственного монарха, о чем уже шла речь. Но вопрос об историчности династии Ся вызывает, тем не менее, определенные сомнения. Китайская историографическая традиция считает, что эта династия правила Китаем на протяжении ряда веков в конце III и начале II тысячелетия до н. э., пока ее последний недобродетельный представитель Цзе не растерял свой авторитет и не лишился поэтому морального права управлять Поднебесной, тогда он и был побежден добродетельным иньским Чэн Таном, основавшим новую династию. Это предание со всеми его деталями – важность авторитета и добродетельности для сохранения и приобретения права на власть – тоже вполне соответствует реально существовавшей норме. Так в чем же сомнения?

Следует заметить, что аутентичные иньские источники, надписи на гадательных костях и черепашьих панцирях, ничего не говорят о подобного рода преданиях. Более того, вообще не упоминают о Ся, не используют этого знака для обозначения государства либо династии и не содержат никаких данных о том, что такого рода государство (или династия) когда-либо существовало в Китае до Шан-Инь, даже под иным именем. При всем том, что иньские надписи содержат весьма много сведений о соседних народах и взаимоотношениях с ними на протяжении ряда веков, такое умолчание красноречиво. Конечно, не исключено, что иньцы до оседания их в бассейне Хуанхэ и тем более в районе Аньяна, где они оказались не сразу, имели столкновения с иными обитавшими в этом регионе народами, может быть даже и протогосударствами. Возможно, эти столкновения привели к гибели какие-то более или менее известные и даже достаточно долго существовавшие протополитические и политические структуры, воспоминания о которых впоследствии легли в предание о Ся. И далеко не случайно китайские археологи почти каждую из вновь обнаруживаемых в бассейне Хуанхэ ранних бронзовых стоянок или промежуточных между Луншань и Шан-Инь культур рассматривают в качестве возможных кандидатов на отождествление с Ся. Но, во-первых, доказать это практически невозможно, пока не обнаружены надписи, которые позволили бы уверенно отождествить что-либо с Ся. А во-вторых, есть серьезные основания полагать, что такого Ся, о котором говорят более поздние предания, вообще не существовало. Известно, что в начале Чжоу, когда предания записывались, термином Ся обозначалась совокупность китайских земель и населения. Не исключено, что вторжение иньцев в бассейн Хуанхэ и приход их в район Аньяна со временем и были осмыслены как замена одних (Ся) другими (иньцами).

Проблема Ся, немаловажная сама по себе, весьма значительна еще и как своего рода лакмусовая бумага, которая выцвечивает характер и принципы составления древнекитайских источников, соотношение достоверности и дидактической заданности в некоторых из них. Что-то существовало реально, что-то было со временем домыслено в соответствии с уже возникшими и ставшими нормой представлениями о том, как именно это должно было бы быть. Потом то и другое обобщается, причем не в форме бесстрастной летописи, а в виде дидактического

назидания с явственным ритуально-этическим подтекстом. Возникает текст, впоследствии канонизируемый и воспринимаемый всеми как святая истина, как стоящая вне сомнений догма. Текст живет, обрастает комментариями, доживает до наших дней. Многое в нем достоверно и может быть косвенно подтверждено археологией, аутентичными надписями. Авторитет текста растет. Но все ли в нем столь же истинно, как то, что может быть подтверждено? Пример с Ся – а казусов такого рода древнекитайская историографическая традиция знает немало – убедительно говорит в пользу сомнений.

Как бы то ни было, но одно несомненно: в конце эпохи неолита в луншаньско-луншаноидной неолитической среде земледельцев бассейна Хуанхэ появляется достаточно развитая бронзовая культура Шан-Инь. Появляется не сразу, но как бы волнами: одни стоянки и городища демонстрируют менее развитый комплекс бронзовой культуры, другие – тот же комплекс, но с рядом принципиально новых и важных нововведений, которые едва ли могли спонтанно вызреть за те немногие два-три века, которые отделяют друг от друга ранние и поздние иньские городища. Позднее аньянское городище демонстрирует явное превосходство иньцев над окружающими их племенами. Оно проявлялось и в обладании высококачественной боевой техникой (колесницы, обилие бронзового оружия), и в наличии развитой иероглифической письменности, и во многом другом. Иньская общность осела в районе Аньяна, причем есть основания полагать, что после этого (нам неизвестно, сколь велика была иньская общность, через какой процесс ассимиляции с местным населением она прошла перед тем, как осесть в Аньяне) достаточно быстро сложилось крупное политическое образование типа сложного составного протогосударства во главе с всевластным правителем, подчинившим своему влиянию довольно обширную тяготевшую к иньцам и их культуре периферию.

Имеющиеся данные позволяют заключить, что в XIII–XII вв. до н. э. политическая структура Инь подразделялась на три неравные и структурно неодинаковые части. Первая – внутренняя зона с центром в столице. Зона находилась под непосредственной юрисдикцией правителя-вана и его центральной администрации. Трудно с уверенностью отождествлять аньянское городище со столицей Шан (для этого есть некоторые сомнения), но в любом случае столица Шан была где-то здесь же, рядом. О ней есть масса материалов в гадательных надписях, обнаруженных в Аньяне. О ее облике свидетельствуют обнаруженные археологами изделия из царских гробниц и менее пышных могильников, раскопанных близ Аньяна. Вторая зона – промежуточная. Она состояла из окружавших столицу Шан многочисленных региональных подразделений, управлявшихся титулованными местными правителями, подчиненными правителю-вану (в их числе были и родственники вана, подчас и его жены). В надписях много материалов о таких подразделениях, а точнее – о связях их с центром, об информации с мест и руководящих указаниях вана. И наконец, третья зона – внешняя. Она состояла из различных племен, правители которых в какой-то мере признавали авторитет иньского вана, но вели себя независимо по отношению к нему. Строгой границы между второй и третьей зонами не было. Подчас вчерашний региональный вассал-администратор мог сегодня выступить против вана в союзе с кем-либо из независимых племенных вождей внешней зоны. Любой из этих последних мог вступить с иньским ваном в более тесный

контакт и стать его вассалом. В целом, однако, можно заметить, что разница между промежуточной и внешней зонами была в том, что первую населяли иньцы, тогда как внешнюю неиньские племена. Именно поэтому существовала и своего рода закономерность: чем ближе к столице, тем более гомогенно местное население, теснее его связь с центром, очевиднее его зависимость от вана, от помощи вана, включая и военную.

Правитель-ван, возглавлявший всю структуру, был одновременно и первосвященником, т. е. символизировал своей персоной сакрально-связующее единство складывавшейся и разраставшейся иньской общности. Должность его была наследственной, но практика наследования находилась еще в процессе становления: так, век-полтора, вплоть до периода правления последних четырех ванов, право на освободившийся престол обычно оспаривали представители старшего поколения в клане вана, его братья и кузены, но не сыновья. Только при последних четырех правителях прочно установилась система наследования от отца к сыну – система, ставшая нормой в Китае. Параллельно с этим шел процесс отпочкования в клане вана знатных субкланов-цзу, значительная часть которых специализировалась в сфере военного дела.

Система администрации в Шан-Инь, известная в основном опять-таки по данным гадательных надписей, свидетельствует о том, что в центральной столичной зоне на долю вана и его аппарата администрации выпадали заботы об урожае, подготовке и расчистке полей, о решении других важных хозяйственных вопросов, а также о защите тех или иных региональных подразделений и окраин от вторжений варварских племен. Анализ терминов показывает, что администрация делилась на три основные категории – высших администраторов-сановников, низших чиновников-распорядителей, а также должностных лиц, отвечавших за военную подготовку и охоту, что было очень важной и особой сферой деятельности иньской знати (к этой категории администраторов и служащих относились, в частности, оружейники, конюшие, псари и др.).

Содержался весь этот аппарат администрации и обслуживания верхов за счет избыточного продукта коллектива, редистрибуция которого была одной из функций власти. За этот же счет содержались многочисленные ремесленники разных специальностей, работавшие под началом своих старших, которые включались в число чиновников вана и отвечали перед ним за работу своих подопечных. Вся ремесленная продукция использовалась в централизованном порядке, примерно так, как это было в царско-храмовых хозяйствах Древнего Египта или Двуречья. Во время раскопок близ Аньяна был обнаружен склад, в котором хранилось до 3,5 тыс. каменных серпов, и это безусловно свидетельствует о централизованно регулируемом характере земледельческих работ на совместно обрабатывавшихся полях. Можно добавить к сказанному, что книга песен Шицзин также упоминает о больших полях, обрабатывавшихся коллективами крестьян под контролем надсмотрщиков. Пусть это не было столь зловеще-символическим, как в изображениях на древнеегипетских рельефах (человек с палкой или кнутом), но сам факт достаточно красноречив: на иньских полях были надсмотрщики. Надписи именуют их обычно термином сяо-чэнь, иногда другими терминами.

Хотя гадательные надписи почти ничего не говорят о формах общинной организации иньского населения, можно с уверенностью

сказать, что община в иньское время существовала. Надписи обозначают поселения термином «и». Население этих «и» обрабатывало, видимо, свои поля, а формой извлечения избыточного продукта была скорее всего отработка крестьян или их представителей на больших совместно обрабатывавшихся общественных полях – тех самых, забота о содержании которых была одной из важных функций вана и его помощников. Из надписей типа: «Ван отдал приказ чжун-жэнь: „Совместно трудитесь на полях, тогда получим урожай“» – явствует, что о вспашке некоторых из этих общих полей заботился лично ван, а обработка их казенным инвентарем дает основание полагать, что для этой работы привлекались трудившиеся в порядке повинности общинники, о чем только что упоминалось. Впрочем, не исключено, что эти поля обрабатывались теми иньцами, которые находились в особом положении, т. е. были как бы приписаны к большим полям (опять-таки по аналогии с теми неполноправными, кто обрабатывал поля в царско-храмовых хозяйствах древнего Ближнего Востока). К сожалению, данных на этот счет нет.

Судя по всему, иньцы жили компактным и этнически гомогенным (во всяком случае, в пределах столичной, да и, видимо, промежуточной зоны) коллективом одноплеменников, сплоченных совместной обрядово-культовой практикой, жертвоприношениями в честь их общих предков, божеств и духов. Как и индоарии, иньцы практиковали человеческие жертвы, для чего использовались чаще всего пленные иноплеменники из числа западных соседей иньцев – цян. «Принести в жертву предку Дину 300 цян», – гласит одна из многих аналогичных надписей. В промежутках между очередными жертвоприношениями пленных цян подчас использовали на тяжелых работах, как, например, для расчистки земли под пахотные поля, но сообщения на эту тему единичны и не очень понятны.

Ясно, однако, что жертвоприношениям в честь умерших предков-правителей, обожествленных ванов, иньцы уделяли огромное внимание – как и вообще ритуалам и обрядам, в частности обряду общения с теми же умершими ванами. Собственно, именно для нужд регулярной связи с покойными предками, от воли и поддержки которых, по представлениям иньцев, зависело нормальное существование коллектива, и использовались гадательные кости. Информируя предков о положении и текущих нуждах, обращаясь к ним с просьбами в трудную минуту, иньцы записывали на специально обработанных бараньих лопатках и панцирях черепах суть дела и проводили обряд гадания. Так и возникали те надписи, полторы сотни тысяч которых ныне являются важнейшим источником эпохи Шан-Инь.

Общество Шан-Инь и чжоусцы

Будучи сильным и процветающим протогосударством, окруженным разноплеменным населением, более отсталым как в военном, так и в других отношениях, иньцы вели активную внешнюю политику, включая войны и расширение своих территорий за счет соседей. Наибольшего могущества они достигли при У Дине, за долгие десятилетия правления которого военные экспедиции следовали одна за другой, причем крупнейшую из них (13 тыс. войска) возглавила жена У Дина по имени Фу Хао, которая, судя по некоторым данным, была, кроме всего, еще и

правительницей одного из региональных подразделений промежуточной зоны. Вооруженная боевыми колесницами, состоявшая из профессиональных лучников и копейщиков и обраставшая в случае нужды мобилизованными крестьянами-общинниками, иньская армия была достаточно грозной боевой силой, державшей в повиновении соседей внешней зоны, часть которых предпочитала вассальные связи и тесный контакт с Инь опасности подвергнуться разрушительному опустошению со стороны иньского войска в случае конфликта.

К числу таких соседей, племен внешней зоны, вступивших в контакт с Шан-Инь и многое заимствовавших у иньцев, относились чжоусцы. Чжоуские предводители, признав сюзеренитет иньского вана, получали от него утверждение в их титулах, а в конце Инь приобрели даже весьма престижную должность си-бо («властитель Запада»). Благодаря этому они сумели укрепиться и затем создать коалицию племен, которая в конечном счете и разгромила Шан-Инь. Впервые си-бо стал чжоуский вождь Цзи Ли, взявший себе жену из Инь. И хотя успехи Цзи Ли по сколачиванию коалиции под своим началом завершились печально (по приказу иньского вана он был убит во время очередного визита с данью ко двору вана), его дело продолжил сын и наследник Цзи Ли по имени Чан – будущий знаменитый чжоуский Вэнь-ван. Умный и дальновидный Чан действовал скрытно и осторожно. Оказавшись в плену у вана, он сумел откупиться и продолжить деятельность по объединению недовольных владычеством иньцев племен, коалиция которых в середине XI в. до н. э. была уже грозной силой. Сам Чан не успел довести замысел до конца, зато это дело завершил его сын, который в решающей битве при Муе в 1027 г. до н. э. разгромил Шан-Инь и провозгласил себя новым властелином под именем У-ван.

Китай в период Западного Чжоу (1027–771 гг. до н. э.)

Немногочисленное племя Чжоу, разгромив иньцев, оказалось во главе крупного военно-политического объединения, пределы которого вышли далеко за рамки прежней территории Шан-Инь и практически охватили почти весь бассейн Хуанхэ. Перед чжоускими вождями встала нелегкая задача организовать управление многочисленным подчиненным им гетерогенным населением, наиболее крупную и развитую часть которого составляли иньцы. Решая вставшие перед ними проблемы, предводители чжоусцев и прежде всего оказавшийся у власти после смерти У-вана регент при малолетнем Чэн-ване, его дядя Чжоу-гун, направили основное усилие на быстрое и всестороннее усвоение наследия Инь и распространение этого наследия на всю завоеванную территорию. Расчленив и расселив иньцев на новых землях, Чжоу-гун значительную часть их разместил в центре созданного им военно-политического образования, в районе Лои, где искусными иньскими мастерами была выстроена для чжоусцев новая столица (Чэнчжоу – в отличие от прежней, Цзунчжоу), ставшая местопребыванием немалой части чжоуской администрации, а также главным военным центром: здесь, в частности, располагались восемь так называемых «иньских» армий, состоявших, видимо, из перешедших на службу к чжоусцам профессиональных иньских воинов. Остальная часть администрации, еще шесть армий и сам ван со всем его двором продолжали, однако, жить в Цзунчжоу, т. е. на

западе страны, в районе прежних родовых поселений чжоусцев, откуда и пошло наименование описываемого периода (Западное Чжоу).

Усилиями первых чжоуских правителей, в основном все того же Чжоу-гуна, чжоусцы за несколько десятилетий сумели укрепить и легитимизировать свою власть. Во-первых, была выработана концепция этически детерминированного права на власть, т. е. учение о Мандате Неба (тянь-мин), согласно которому Небо вручает мандат на управление Поднебесной добродетельному правителю, лишая тем самым власти недобродетельного. С этой точки зрения была подвергнута официальному пересмотру вся предшествующая и смутно известная чжоусцам история: согласно концепции Чжоу-гуна, зафиксированной в ранних главах книги исторических преданий Шуцзин, некогда на территории Китая существовала династия Ся, имевшая законное право на власть, но лишившаяся этого права потому, что последний ее представитель Цзе утратил добродетель и вел себя недостойно. Именно вследствие подобного хода событий, санкционированного Небом, власть оказалась в руках основателя династии иньцев Чэн Тана. Иньцы долго владели небесным мандатом, но последний иньский правитель Чжоу Синь в силу опять-таки своей недобродетельности утратил право на него, в результате чего великий Мандат Неба оказался в руках правителя чжоусцев Вэнь-вана. Концепция Мандата Неба – едва ли не первая в истории Китая сознательно созданная и хорошо логически обоснованная социально-политическая теория – сыграла решающую роль в легитимизации власти немногочисленного племени завоевателей-чжоусцев: право их на власть оказалось неоспоримым потому, что оно было санкционировано самим Небом, ставшим верховным божеством в Китае. Небо же санкционировало эту власть не потому, что чжоусцы оказались сильнее других, а вследствие того, что на их стороне были мудрость и добродетель.

Во-вторых, защитившись легитимной идеей, чжоусцы сумели наладить эффективную централизованную администрацию, опиравшуюся на 14 армий центра в двух столицах. В функции этой администрации, представленной сановниками и чиновниками различных категорий – как заимствованных у Шан-Инь, так и созданных заново, частично на чжоуской основе, – входили управление земледельческим хозяйством на больших общих совместно обрабатывавшихся полях в зоне расселения самих чжоусцев, руководство ремеслом и строительством, обеспечение притока налогов и дани с нечжоуских племен, включая иньцев, а также выполнение военных, судебных, редистрибутивных и многих иных обязанностей. На административные должности обычно назначались имевшие способности и заслуги аристократы, прежде всего из числа чжоуской и иньской родовой знати. Отправление высших должностей обычно было наследственным, но это не являлось строгой нормой: есть сведения, что способных администраторов не раз передвигали вверх по служебной лестнице.

Наконец, в-третьих, решение проблемы власти на местах чжоусцы нашли в частично заимствованной у иньцев, частично разработанной ими самими системе наследственных уделов, пришедших на смену иньским регионально-вассальным подразделениям промежуточной зоны. Об этой важной системе, сыгравшей едва ли не решающую роль в истории чжоуского Китая, следует сказать особо.

Сущность системы сводилась к тому, что вся гигантская периферия

Чжоу, т. е. та часть заселенной различными племенами территории, которая не примыкала к обеим столицам, но считалась находившейся под непосредственным политическим контролем чжоусцев, делилась на уделы, предоставлявшиеся в наследственное владение и управление родственникам и приближенным правителя. Источники упоминают о 70 с небольшим таких уделах, подавляющее большинство (53–55) которых было пожаловано братьям, сыновьям и племянникам первых чжоуских правителей, включая и регента Чжоу-гуна. Пожалование удела предусматривало предоставление новому владельцу исключительного права господства над всей управляемой территорией и над обитавшим там или переселенным туда населением. Существует немало документов типа инвеституры (введение в право владения – обычно это надписи на бронзовых ритуальных сосудах), детально описывающих состав пожалования с перечислением земель, поселений, племенных групп, регалий, ритуальной утвари и прочего имущества, передающегося новому владельцу удела.

Как правило, вместе с ним на новое местожительство направлялась и дружина воинов-чжоусцев («люди вана» обычно упоминаются при перечислениях в записях), которая призвана была являть собой социально-политическую опору нового владельца удела, костяк чжоуского господства там. Тем самым немногочисленный чжоуский контингент создавал то этнически и политически господствующее ядро, ту группу тесно связанных друг с другом родственников и соплеменников, благодаря существованию которой правящий клан в новом уделе не только сравнительйо легко упрочивал свою власть, но и оказывался ведущим в процессе постепенной этнической консолидации в рамках удела.

Система уделов была вынужденной формой политической структуры в молодом государстве, гигантская территория которого с неразвитой инфраструктурой и примитивным механизмом редистрибуции явно не соответствовала стремлениям малочисленной этнической группы чжоусцев ее возглавлять и контролировать. Эффективность аппарата центра была достаточна для контроля в рамках двух столиц и общего руководства. Руководство же на местном уровне должны были взять на себя как раз те чжоусцы, которым и были пожалованы уделы. Владельцы уделов на первых порах являли собой администраторов-наместников, комендантов чжоуских гарнизонов в иноплеменном окружении. Естественно, все они были тесно связаны с центром, зависели от его помощи и военной поддержки в случае нужды. Логично и закономерно, что эта связь подчеркивала и освящала величие власти вана, неприкосновенность его статуса и функций в качестве всеобщего сюзерена, верховного правителя, носителя небесного мандата, «сына Неба» (тянь-цзы) – этим титулом официально именовались чжоуские правители. Упомянутая связь реально подкреплялась спорадическими инспекционными поездками вана или его представителей в уделы, т. е. повседневным контролем центра, а также визитами владельцев уделов ко двору с данью и подарками, своего рода отчетами о деятельности. В функции центра входило, особенно на первых порах, также и введение в права владения наследников умерших правителей, что обычно совершалось в форме торжественного церемониала с клятвами и напутствиями, нередко при личном участии вана, в одном из столичных храмов.

Если прибавить ко всему сказанному, что в начале Чжоу внешняя периферия широко раскинувшего свои пределы государства отнюдь не была стопроцентно лояльной, то станет очевидным, что для того времени (XI – X вв. до н. э.) система уделов оказалась вполне оправдавшей себя формой привычной региональной администрации, особенно в отдаленных от столиц районах периферийной промежуточной зоны. С годами, однако, ситуация изменялась.

Упадок власти вана и укрепление уделов

Несколько десятилетий стабилизации привели к некоторой трансформации политической администрации в Чжоу. На смену первым сильным правителям пришли более слабые их преемники, привычно опиравшиеся на существующую систему власти. Однако эффективность далеко еще не институционализировавшейся централизованной власти была связана не столько с сохранением статус-кво, сколько с энергичными волевыми действиями, при отсутствии которых система в целом начинала давать сбои, а воплощенная в уделах тенденция к дезинтеграции наращивала силу. Эта сила стала особенно заметной с начала IX в. до н. э.

Пережившие процесс внутренней консолидации уделы, особенно сравнительно отдаленные от столиц и потому более независимые от центра, понемногу укреплялись. Правители их в 4–6-м поколениях уже чувствовали себя полными хозяевами в своих уделах, воспринимая их в качестве вотчины, родной земли. Их подданные, также давно уже прошедшие период первичной адаптации и ассимиляции, единодушно воспринимали своего удельного правителя как естественного и единственно возможного вождя. Внутренние связи в уделах усиливались за счет разраставшихся семейно-клановых генеалогических уз, которые тщательно культивировались в практике чжоуского Китая и благодаря которым пестрый этнический конгломерат за век-два становился спаянным разветвленной сетью родства мощным коллективом, во главе которого по принципу конического клана оказывался опять-таки глава удела, титулованный аристократ, владетельный правитель значительной родовой территории со все возраставшим населением.

Уделы не были одинаковыми. Одни из них с самого начала были крупнее соседних, что помогало им быстрее расти и легче одолевать соперников в междоусобных схватках. Другие были выгодно расположены, что позволяло им богатеть или приращивать земли за счет более слабых соседей. Третьи, окраинные, смело увеличивали свои пределы за счет войн с племенами внешнего пояса. Четвертые, напротив, оказывались зажатыми более сильными соседями и в неравной борьбе постепенно теряли наследие отцов. Словом, общей динамикой было постепенное сокращение числа первоначальных уделов с одновременным укреплением уцелевших и удачливых, и это привело к усилению нескольких крупных уделов, политика и междоусобная борьба которых при слабых правителях второй половины Западного Чжоу задавали тон в политической жизни чжоуского Китая.

Первым признаком того, что некоторые из уделов в состоянии уже потягаться с самим чжоуским ваном, было выступление правителя одного из уделов, Э-хоу, против Ли-вана в середине IX в. до н. э. И хотя мятеж

Э-хоу объединенными усилиями центра с его армиями и ряда вассальных удельных правителей был подавлен, сигнал оказался тревожным. Не исключено, что все эти события сыграли определенную роль в том, что непопулярный Ли-ван вскоре был низложен. На протяжении 14 лет престол находился в руках двух гунов-регентов, после чего на него был возведен подросший Сюань-ван, сын Ли-вана. Учтя уроки недавнего прошлого, Сюань-ван попытался было провести ряд реформ, направленных на усиление центральной власти. Ему, в частности, принадлежит инициатива введения новой системы налогообложения: известно, что именно он настаивал на учете податного населения и что в период его правления в текстах стал употребляться знак «чэ» для обозначения понятия налог. Однако реформы наталкивались на сопротивление окружающих и, главное, оказались слишком запоздалыми, чтобы привести к успеху.

Сюань-ван правил достаточно долго (827–781), но государственной мудростью он, невзирая на стремление к реформам, не отличался. Так, например, вместо того чтобы резко ограничить систему обретавших опасную для централизованного государства независимость уделов, он с барской щедростью пошел по пути создания новых: при нем были созданы уделы Чжэн, занявший со временем важное место в системе чжоуских уделов-царств, и Шэнь, сыгравший трагическую роль в судьбе его сына и наследника Ю-вана. Ю-ван, как повествуют источники, поставил свою любимую наложницу выше законной жены, дочери правителя Шэнь, чем вызвал недовольство тестя, который в союзе с соседними варварскими племенами вторгся в Цзунчжоу и сверг Ю-вана. Именно после этого сын Ю-вана, Пин-ван (внук только что упомянутого правителя удела Шэнь), был вынужден в 771 г. до н. э. перенести свою резиденцию в восточную столицу, в Лои, на чем формально и закончился исторический период Западного Чжоу. Земли же в районе старой столицы Цзунчжоу Пин-ван должен был отдать одному из союзников, который на базе этих земель создал новый удел Цинь – тот самый, что спустя полтысячелетия объединил царства чжоуского Китая в рамках единой империи.

Восточное Чжоу. Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.)

Восточное Чжоу – эпоха упадка власти чжоуских ванов, длившаяся свыше полутысячелетия. Она подразделяется на два важных исторических периода – Чуньцю и Чжаньго. Первый из них, Чуньцю, был ознаменован борьбой между уделами, превращавшимися в мощные политически независимые царства.

Дело в том, что перемещение столицы и переселение вана знаменовали собой признание новой политической реальности. Отныне сын Неба перестал быть всевластным сюзереном, всеми почитаемой вершиной политической пирамиды Чжоу. Теперь власть его по существу ограничивалась лишь пределами его домена – не слишком большой территории вокруг Лои (Чэнчжоу). Как своими размерами, так и политической значимостью домен вана практически не отличался от окружавших его крупных уделов. Неудивительно, что он занимал сравнительно скромное место в политической жизни периода Чуньцю[18],

18 Это название период получил от летописи «Чунь-цю», «весны-осени», погодовой хроники, охватывавшей VIII–V вв. до н. э. и написанной, точнее, отредактированной и обработанной, по преданию, самим Конфуцием

хотя формально престиж и сакральная святость вана по-прежнему оставались бесспорными, были своего рода «связующим единством» для всего чжоуского Китая. Ведущую же политическую роль в Китае в Чуньцю стали играть наиболее могущественные из уделов, превращавшиеся в крупные царства, такие, как Цзинь, Ци, Чу и Цинь, а также Лу, Сун, Вэй, Чжэн, Чэнь, Янь и некоторые другие.

Перемещение центра тяжести политической жизни из столицы вана ко дворам правителей царств создало на территории бассейна Хуанхэ и прилегающих к нему территорий, постепенно втягивавшихся в зону воздействия китайской цивилизации, эффект полицентризма, многолинейной эволюции. Практически некогда единое западночжоуское государство распалось на ряд крупных и более мелких независимых государств, большинство которых, кроме разве что окраинных полуварварских Цинь и Чу, именовало себя «срединными государствами» (чжун-го) и гордилось своим происхождением от раннечжоуских уделов, своей историей со времен великого Вэнь-вана, воинственного У-вана и мудрого Чжоу-гуна. К слову, именно этот нарочитый акцент на морально-историческое единство, равно как и реальное цивилизационно-культурное единство чжоусцев опирались на ту связующе-символическую основу, которая олицетворялась ваном, сыном Неба, обладателем небесного мандата. Реальный же политический процесс стал не только полицентричным, но и протекал как бы на нескольких различных уровнях параллельно.

На авансцене политической жизни шла энергичная борьба за гегемонию между наиболее влиятельными царствами. В эту борьбу с переменным успехом время от времени вмешивались ван со своим еще сохранявшимся сакральным авторитетом старшего в роде великих чжоуских правителей, а также правители сравнительно мелких царств и княжеств. Порой активную роль в такой борьбе играли и вторгавшиеся в бассейн Хуанхэ варварские племена жунов и ди, иногда разорявшие целые царства, как это случилось с Вэй. На другом, более низком уровне, т. е. в рамках каждого из царств, особенно крупных, шла своя острая политическая борьба между враждующими аристократическими кланами и возникавшими в рамках царств новыми уделами, причем эта борьба обычно тесно переплеталась с враждой царств между собой, в результате чего затягивались запутанные узлы острых интриг и политических конфликтов. Наконец, на нижнем уровне крестьянской общины протекали свои интенсивные процессы развития. Осваивались новые земли, расселялись и этнически смешивались в ходе расселения выходцы из разных районов, уделов, даже царств. Усиливались внутренние связи между различными частями чжоуского Китая, создавались предпосылки для экономического развития, для процесса приватизации, товарно-денежных отношений, что способствовало сложению фундамента будущей китайской общности.

Все эти проявления генерального исторического процесса, протекавшего в чжоуском Китае в VIII–V вв. до н. э., в свою очередь вели к интенсификации политической жизни, резкому увеличению конфликтов, усилению внутренней борьбы и придворных интриг, причем главной и господствующей тенденцией этого периода стал столь хорошо известный специалистам феномен феодализации. Суть этого явления (речь идет

лишь о социально-политическом феномене, но не о социально-экономических отношениях, не о формации, хотя стоит заметить, что ряд китайских историков-марксистов, как, например, Фань Вэнь-лань или Цзянь Бо-цзань, видели здесь и феодализм как формацию) достаточно сложна и многогранна, чтобы остановиться на нем специально. Это существенно и потому, что подобный феномен едва ли не ранее всего в мире именно в истории чжоуского Китая проявил себя наиболее ярко, став чем-то вроде эталона феодализации и во многом предвосхитив аналогичные явления в раннесредневековой Европе.

Дело в том, что если в западночжоуском Китае существовала лишь одноступенчатая иерархическая лестница – вану на правах вассалов подчинялись правители уделов, имевшие княжеские титулы гун, хоу, бои др. и именовавшиеся сводным обозначением чжухоу (князья), то теперь иерархия стала многоступенчатой. Во главе Поднебесной по-прежнему стоял ван, сын Неба. Формально его вассалами продолжали считаться правители царств, носившие только что упомянутые титулы, чаще всего «гун». Им в рамках царств подчинялись в качестве вассалов правители автономных уделов, причем именно это, третье звено иерархической лестницы власти стало в Чуньцю центром политической активности.

Уделы новой волны, о которых идет речь, обычно давались в пожалование от имени правителя царства его родственникам, чаще всего сыновьям, и заслуженным сподвижникам. Собственно, именно присвоив себе право наделения уделами, до того бывшее исключительной прерогативой сюзерена-вана, правители царств де-факто обрели политическую независимость. Первые уделы такого типа стали создаваться в крупнейшем царстве Цзинь еще в VIII в. до н. э. Затем их начали создавать в Ци, Лу и других царствах. Это жесткие структуры феодально-кланового типа, в каждой из которых глава клана, титулованный аристократ (он имел титул цин), был всесильным властителем. Стоя во главе тесно спаянного клановым родством удела, такого рода наследственный аристократ обычно приобретал большое влияние в царстве. Он, как правило, занимал наследственную (чаще всего министерскую по значению) должность, опирался на своих родственников и сподвижников и вел непрестанную борьбу за высокое положение и соответствовавшие ему престиж и влияние с другими соперничавшими с ним удельными аристократами своего царства.

Характерно, что местническая борьба такого рода при слабых правителях царства перерастала в активные, порой даже вооруженные столкновения с соперниками, не говоря уже о придворных интригах. В этой борьбе складывались коалиции, гибли одни и усиливались за их счет другие уделы. Конечный итог борьбы, длившейся практически на протяжении всего периода Чуньцю, в разных царствах бывал различным. В некоторых, как Цинь и Чу, правители царств сравнительно быстро одолевали центробежные силы феодально-удельной знати и превращались во всесильных правителей. Это был оптимальный итог, так что неудивительно, что именно Цинь и Чу в III в. до н. э. повели между собой последний бой за объединение Китая. В других царствах, как в Ци, борьба вела к усилению отдельных удельных правителей (цинов) и к захвату одним из них трона; в остальных, как в Цзинь или Лу, – к распаду царства на части или к ослаблению царства в связи с разделением его цинами на сферы влияния.

К числу наследственных аристократов принадлежала еще и большая

прослойка так называемых да-фу, которые отличались от цинов тем, что не имели собственных владений и вынуждены были добывать себе пропитание и делать карьеру службой, в основном военной. Да-фу – это своего рода древнекитайские рыцари. Среди них были сыновья и внуки тех же правителей и цинов, не говоря уже о самих да-фу. Особенностью этого слоя было то, что они в условиях постоянных войн достаточно быстро истребляли друг друга, что играло определенную роль для структуры в целом, не создавая излишних проблем с обеспечением аристократов да-фу достойным их образом жизни. Подчас да-фу занимали место цинов и бывали владетельными аристократами, но это бывало лишь в виде исключения. В целом же да-фу занимали ту же ступень, что и цины. Это была наследственная знать.

Четвертое звено иерархической лестницы феодализировавшейся политической структуры периода Чуньцю являла собой прослойка служивых-ши. Это были представители младших ветвей владетельной знати, выходцы из боковых аристократических линий (да-фу), которые не имели ни титула, ни должности, но были неплохо образованными и имели связи в мире знати. Возможно, к этому разряду людей примыкали и выходцы из низов, сделавшие успешную служилую (военную либо чиновничью) карьеру. Словом, термином «ши» с VIII–VII вв. до н. э. в чжоуском Китае стали обычно обозначать своего рода профессионалов, готовых идти на службу туда и к тем, кто и откуда их позовет. Но это не была служба слуги, низшего обслуживающего персонала. Речь идет о службе иного рода, практически о положении верного и уважаемого вассала, на которого можно положиться и который знает и свято соблюдает еще неписаный, но уже жестко фиксированный в обществе закон чести.

Не имея в своем распоряжении ничего, кроме обеспечивающего их статус закона чести, да-фу и ши строго соблюдали его и выше всего чтили в себе именно это. Суть кодекса аристократической этики, о котором идет речь, складывалась веками и в VII–VI вв. до н. э. обрела уже отточенные формы: строгое соблюдение норм иерархии и вассальных обязательств (я служу своему господину, или, иначе, «вассал моего вассала – не мой вассал»); обязательный учет степени кланового родства в связи с возможными претензиями на должность и власть; преданность господину до конца; принятые нормы поведения на поле боя, равно как и при исполнении должностных обязанностей; культ аристократизма в жизни, т. е. строгое соблюдение обязательных норм этики в соответствии со своим статусом. Уже упоминалось, что да-фу как особый социальный строй быстро сходили на нет. Однако служивые-ши, количество которых со временем все увеличивалось, превратились в чжоуском Китае в нечто вроде личных дворян и в качестве таковых внесли немалый вклад в его историю. Именно этот низший слой удельно-клановой знати оказался со временем решающим звеном в борьбе правителей за усиление их власти.

Правители царств боролись за гегемонию по меньшей мере с начала VII в. до н. э., когда знаменитый реформатор Гуань Чжун помог усилиться и стать гегемоном-ба своему царственному патрону, цискому Хуань-гуну. После смерти Гуань Чжуна и Хуань-гуна влияние Ци ослабло, а гегемоном-ба вскоре стал цзиньский Вэнь-гун, сумевший в длительной и полной интриг политической борьбе одолеть соперников и создать сильное царство, упрочение власти в котором он видел в том, чтобы не создавать уделы во главе с родственниками, могущими претендовать на

трон. Вэнь-гун щедро наделил уделами неродственных ему сподвижников. Но, хотя эта тактика на некоторое время помогла обеспечить власть правителя Цзинь, она в конечном счете привела к банкротству: усилившиеся удельные аристократы, в междоусобной борьбе истребившие друг друга, в конечном счете (речь о троих уцелевших) поделили между собой, как упоминалось, царство Цзинь.

С ослаблением Цзинь уже ни одно из царств реальным гегемоном-ба так и не стало, хотя формально историографическая традиция насчитывает в Чжоу последовательно властвовавших пять гегемонов (остальные трое, чьи имена варьируются, хотя и выделялись на общем фоне, но всеми признанными властителями уже не были). К концу периода Чуньцю более важным было уже не задавать тон на всекитайской арене, т. е. не стремиться к гегемонии, а суметь навести порядок в собственном царстве. Именно это было главной заботой правителей, причем преуспели те из них, кто последовательно вел курс на реформы, суть которых сводилась к укреплению власти центра. Такого рода реформы примерно с VII в. до н. э., предпринятые одна за другой, проводились в различных царствах, причем именно они в конечном счете способствовали трансформации внутренней структуры чжоуского Китая, что, в свою очередь, подготовило и обусловило процесс дефеодализации. Конечным результатом этого процесса стало усиление централизованной власти правителей и объединение Китая, превращение его в империю.

Глава 12
Древний Китай: трансформация чжоуской структуры; и возникновение империи

Несмотря на отчетливо выраженную этническую суперстратификацию, суть которой сводилась в момент завоевания к привилегированному положению завоевателей-чжоусцев, социальное, правовое и имущественное неравенство в раннечжоуском Китае были еще не слишком заметными. Конечно, особа правителя-вана была священной, и образ жизни его и его окружения соответственно выделялись на общем фоне. Это же касается, пусть в меньшей степени, и удельной знати. Но, если судить по первым документам об инвеституре и по археологическим раскопкам, отличия не были велики. Правители не слишком отличались в образе жизни от своих подданных, что, к слову, было позже запечатлено и в преданиях о мудрых древних правителях. Постепенно, однако, положение изменялось.

Усиливалось престижное потребление в верхах. Усложнялась структура привилегированных слоев как в чжоуских столицах, так и в разраставшихся уделах. Все большее количество сановников и аристократов, воинов-дружинников, а также обслуживавших их нужды ремесленников и слуг выделялось из среды общинного крестьянства и жило за его счет. Возникали новые города – центры уделов. Строились крепости, дворцы, храмы, амбары, склады, дороги и иные крупные сооружения. Внутренняя жизнь страны усложнялась, причем это касалось едва ли не в первую очередь и крестьянской общины.

Увеличивалось количество земледельцев, осваивались новые земли, создавались новые поселки, причем этот процесс, как упоминалось, шел

параллельно с ликвидацией этнической и правовой грани между чжоусцами и нечжоусцами, с этнической консолидацией в рамках уделов, будущих царств, жители которых все более осознавали себя как люди царства Цзинь или Лу, как жители Сун или Ци. Менялись формы землепользования и налогообложения. В исконных чжоуских землях постепенно отмирала известная со времен Инь практика отработок на больших полях. В нечжоуских по происхождению уделах уходило в прошлое взимание дани. С Сюань-вана на смену тому и другому пришла десятина-чэ. Крушение Западного Чжоу и выход на передний план системы царств означали перенесение центра тяжести социально-экономического развития внутрь этих царств, где при общей схожести развитие в каждом отдельном случае приобретало свои особые очертания.

Субъектами власти-собственности в царствах были их правители. Но часть своих прерогатив они уступали владельцам уделов-кланов, которые ревниво заботились об увеличении своего престижного потребления, содержали при своих дворах ремесленников и торговых чиновников-агентов, осуществлявших производство и обмен изделиями, в том числе предметами роскоши. Судя по данным источников, в молодости такого рода торговым агентом был и знаменитый позже реформатор Гуань Чжун. С разрастанием количества привилегированного и незанятого в земледелии населения, с увеличением престижного потребления и общей массы избыточного продукта, концентрировавшегося в основном в городах, в чжоуском Китае стала ощущаться тенденция к индивидуализации потребления, к приватизации.

Эта тенденция, наиболее ощутимо проявлявшаяся среди социальных верхов и обслуживавшего их персонала, затронула также и общинное крестьянство, в среде которого шел процесс имущественного расслоения. Наделы – особенно на вновь освоенных землях – все чаще практически закреплялись за отдельными семьями, владевшими ими из поколения в поколение. Семейно-клановые группы дробились на малые семьи, которым выделялась их доля семейного надела. Если эта доля была мала, семьи, как уже говорилось, переселялись и осваивали новые территории, которые более прочно закреплялись за ними и их потомками. Видимо, этот процесс, шедший в VII–VI вв. до н. э. уже в достаточно широких масштабах, способствовал приватизации, т. е. индивидуализации потребления и частному рыночному обмену произведенной продукцией.

Среди древнекитайских источников, как и древнеиндийских, практически нет столь привычных для ближневосточной древности документов хозяйственной отчетности или юридических сделок, как нет и законодательного регулирования частноправовых и имущественных взаимоотношений, по меньшей мере до периода Хань. Частично это может быть объяснено характером самих отношений, частично – их сравнительно неразвитым уровнем. Может быть, здесь сыграла свою роль общая ориентация древнекитайского общества на этическую норму. Как бы то ни было, но данные об интересующих специалистов экономических процессах крайне лаконичны.

Известно, например, что в ряде чжоуских царств в VI в. до н. э. были проведены важные реформы, суть которых сводилась к изменению характера налогообложения и упорядочению централизованной администрации. По-видимому, основной целью реформ был учет вновь возникавших и, возможно, на первых порах ускользавших от внимания

властей свободных от налогообложения земледельческих поселений. Речь шла о том, чтобы всех земледельцев обложить налогом в соответствии с количеством земли, находившейся в распоряжении каждого двора. Известно также, что уже в VI в. до н. э. крестьянская община в большинстве царств привычно делилась на дворы-домохозяйства и измерялась именно числом таких дворов. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что дворы в деревне существовали в качестве независимых хозяйств и что одни хозяйства могли быть богаче других. Другими словами, малоземельные могли арендовать излишки у богатых либо батрачить на них. Косвенно о том же говорят встречающиеся в текстах упоминания о необходимости поимки беглых – с их уходом царство теряло тружеников и налогоплательщиков, – о мерах для улучшения условий жизни вдов, сирот, обездоленных (таких проблем в нерасчлененной традиционной патриархальной общине практически не бывает – они возникают с разложением этой общины).

Трансформация чжоуской структуры

Итак, со второй половины Чуньцю, примерно на рубеже VII–VI вв. до н. э., в чжоуском Китае все заметнее становится процесс внутренней трансформации. Этот процесс протекал двумя основными потоками. С одной стороны, как о том только что шла речь, давала о себе знать тенденция к приватизации, тесно связанная с разложением общины. С другой – происходил заметный процесс дефеодализации, о котором стоит сказать подробнее.

Дело в том, что масштабы дворцовых интриг, нередко приводивших к насильственной смене правителей, а также постоянные междоусобные войны царств и аристократических уделов-кланов не просто создавали обстановку дестабилизации, но и вели к внутреннему ослаблению чжоуских государств. Усиливавшиеся в связи с этим центробежные тенденции становились опасными для дальнейшего существования Китая, что наглядно подтверждалось расширением вмешательства во внутренние дела царств варварских племен, к помощи которых время от времени прибегала то одна, то другая из вовлеченных в конфликты сторон.. Реальная власть правителей ослабевала, о чем вскользь уже говорилось в связи с упоминанием о гегемонах: после первых двух остальные претенденты на это звание уже не имели достаточной для него силы. Словом, перед раздробленным и втянутым в постоянные феодального типа междоусобицы Китаем объективно встала жизненно важная задача – преодолеть децентрализацию. И эту задачу первыми поняли и стали всеми средствами пытаться решить правители царств. Главными средствами решения были два.

Первое из них сводилось к укреплению внутренней администрации за счет ослабления уделов. С конца VII и тем более в VI в. до н. э. уделы перестали создаваться. В качестве объекта пожалования за услуги правители начали прибегать к условным должностным владениям, исчислявшимся точно фиксированным количеством поселений либо дворов-домохозяйств, доход с которых становился жалованьем за службу или наградой за подвиги и успехи. Те земли в царствах, которые находились под непосредственной юрисдикцией правителя, стали превращаться в уезды, управляемые назначенными из центра

чиновниками. Система уездов, начало которой было положено в царствах Чу и Цзинь в VII в. до н. э., с VI в. стала общепризнанной. Она начала вводиться и в крупных уделах, а крушение того или иного удела в ходе внутренних усобиц теперь уже неизбежно сопровождалось его расформированием и превращением в группу уездов, подчиненных представителям централизованной администрации. Независимо от того, укреплялась ли власть правителя или дело шло к распаду царства на несколько частей, возглавлявшихся главами наиболее крупных уделов, которые превращались в независимые царства, уделы как таковые отмирали, а основой администрации царств, как старых, так и вновь создававшихся, становилась именно система уездов.

Второе важное средство решения проблемы укрепления централизованной власти сводилось к ослаблению родовой феодальной знати, задававшей тон в удельных усобицах. Этому ослаблению способствовали сами воинственные аристократы, истреблявшие друг друга в бесконечных внутренних войнах. Но важно было не только воспользоваться истреблением знати, владетельных чинов и близких к ним по статусу высокопоставленных да-фу, но также и найти замену им. Ведь нельзя забывать, что именно цины и да-фу занимали все ключевые позиции в управлении царствами, причем именно им, родовой знати, по традиции принадлежало право на важнейшие административные должности. И вот здесь-то и вышли на передний план упоминавшиеся уже служивые-ши, низовой слой чжоуских социальных верхов.

Принимая все чаще и все охотнее на службу этих ши, используя их в качестве чиновников и воинов-офицеров, правители царств открыли для себя преимущество опоры именно на такого рода ши. Ши были наемными работниками, они шли к правителю и верно служили ему, исполняя те должности, на которые он их назначал, и получая то жалованье, которое он им выплачивал, – будь то выдачи из казны или право на налоги с определенного количества поселений или дворов. Заложив основу слоя чиновников и офицеров из числа ши, правители стали со временем опираться именно на него. Представители ши назначались на должности руководителей вновь создававшихся уездов, они же занимали все более видные должности в системе центрального аппарата, вытесняя из него родовую знать. Взаимоистребление и общий упадок родовой знати объективно способствовали сравнительной безболезненности этого медленного процесса замены цинов и да-фу служивыми-ши. Соответственно менялись, а точнее, в известной степени возрождались критерии для оценки заслуг: не родовитость аристократа, а личные заслуги чиновника начали становиться основой для продвижения и успеха. Это вело к укреплению центральной власти и к преодолению феодальной децентрализации. Феодализм как социально-политическая система периода Чунь-цю уходил в прошлое, а дефеодализованная административно-бюрократическая структура выходила на передний план во всех царствах чжоуского Китая.

В стране в целом создавалась принципиально новая политическая ситуация. Складывались условия для объединения царств. Вопрос был теперь в том, как и на какой основе можно объединить Китай, кто это может и должен сделать. Ведь формально продолжал существовать чжоуский ван, сын Неба, владелец мандата. Он все еще возглавлял Поднебесную, хотя не отличался ни особыми достоинствами, ни реальной властью, которую крепко держали в своих руках только что усилившиеся

правители царств. Так кто же и каким образом мог объединить страну в этих условиях, да к тому еще и на легитимной основе? Ответы на этот вначале общетеоретический вопрос давались разные. Собственно, именно с поисками наиболее подходящего, оптимального решения генеральной проблемы объединения страны были связаны те процессы, которые с рубежа VI–V вв. стали в центре идейно-философских споров в Китае.

Конфуцианство и легизм

Хотя чжоусцы, как и иньцы, обоготворяли силы природы, во главу которых они поставили Великое Небо, религиозная система их заметно отличалась не только от древнеиндийской со свойственной ей истовостью религиозного поиска, аскезы и стремления к мокше и нирване, но также и от ближневосточной, где храмы в честь местных богов обычно активно соперничали друг с другом. Для религиозной системы древних китайцев были характеры умеренность и рационализм, минимум мифологии и метафизики и, главное, примат этики перед мистикой, т. е. вполне сознательное подчинение религиозно-мистического начала требованиям социальной этики и административной политики, залогом чего было соединение в руках одних и тех же должностных лиц, начиная с правителей, функций чиновников и жрецов. Такого рода особенности религиозной системы создавали своего рода вакуум в сфере веры с ее эмоциями и жертвенной самоотдачей. Этот вакуум уже в раннечжоуском Китае был заполнен культом легендарных героев и мудрецов древности, культом хорошо вознаграждаемой добродетели, олицетворением чего была доктрина о Мандате Неба. Заполнялся вакуум усилиями раннечжоуских чиновников-историографов, в чьи функции входило записывать и воспевать деяния мудрых и добродетельных. Результатом деятельности чиновников-грамотеев было создание основы для первых в Китае канонических книг – книги исторических преданий (Шуцзин) и книги народных песен и священных гимнов (Шицзин). Эти книги заложили фундамент древнекитайской мысли, определили характер менталитета китайцев, что не замедлило сыграть свою роль. Когда на рубеже VI–V вв. перед страной стала задача объединения, а поиски решения этой задачи оказались в центре идейных споров, сложившаяся уже в чжоуском Китае система социальных, этических и духовных ценностей определила характер и направление поисков, которые шли в русле этики и социальной политики, трезвого рационализма, позже также и бесцеремонного прагматизма.

Первой и наиболее важной для Китая системой взглядов и решения острых проблем оказалось конфуцианство, со временем во многом определившее параметры китайской цивилизации. Конфуций (Кун-цзы, 551–479 гг. до н. э.) был выходцем из слоя ши, и его учение в немалой мере отражало социальные позиции и интересы этого слоя, хотя далеко не только его. Выдвинув в качестве социального идеала эталон благородного цзюнь-цзы, т. е. бескорыстного рыцаря безупречной морали, готового на все во имя истины, обладающего чувством высокого долга (и), гуманности (жэнь), соблюдающего нормы взаимоотношений между людьми (принципы ли) и глубоко почитающего мудрость старших (принцип сыновней почтительности – сяо), Конфуций призвал современников следовать этому идеальному образцу. Предложив начать

моральное совершенствование с самого себя, а затем наладить должные отношения в семье («пусть отец будет отцом, а сын – сыном»), Конфуций выдвинул тезис о том, что государство – это та же семья, хотя и большая, и тем самым распространил принципы ли, и, сяо и жэнь на административную практику и государственную политику, в его время весьма далекие от подобных идеалов. Конфуцию принадлежит также идея разумного управления государством, конечной целью которого он видел создание этически безупречного и социально гармоничного общества. Именно для осуществления этой идеи он и готовил в созданной им школе из своих учеников кандидатов на должности чиновников – тех самых мудрых и справедливых конфуцианских чиновников, которые призваны были помочь правителям наладить добродетельное правление и добиться гармонии.

Казалось бы, конфуцианская доктрина не имела шансов на успех. Никто из правителей не принял ее всерьез, а те из учеников философа, кто добился успеха и оказался на службе, не сумел следовать заветам учителя. Известно, что однажды разгневанный этим Конфуций был вынужден даже публично отречься от своего ученика Цю, ставшего министром, но не имевшего возможности вести себя так, как его учили. Но конфуцианцы не пали духом. Взяв на себя после смерти учителя функции воспитателей, просветителей, редакторов древних текстов, включая и заповеди Конфуция, они вслед за ним и такими видными его последователями, как Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.), который выдвинул тезис о праве народа выступать против недобродетельного правителя, с течением времени все же добились того, что стали признанными выразителями древних традиций китайской культуры с ее культом этической нормы и строгим соблюдением принципов социально-семейного старшинства, верностью идеалам и готовностью защищать их до последнего.

Кроме конфуцианства в чжоуском Китае в середине I тысячелетия до н. э. существовали и иные философско-этические доктрины, ведшие поиск примерно в том же направлении, но приходившие к иным результатам. Одним из них был моизм, учение Мо-цзы или Мо Ди (479–400 гг. до н. э.). Многое взяв у конфуцианцев, моисты, однако, выступали за более прагматическое отношение к жизни, за отказ от изживавших себя клановых связей и тем более феодально-аристократических привилегий. Идеалом их было всеобщее братство с одновременным отказом от всех личностных связей и привязанностей и с беспрекословным повиновением власть имущим, на которых возлагались обязанности пастырей. Но моизм с его пренебрежением к традициям, с его прагматическими требованиями отказа от дорогостоящих, но привычных людям обрядов (похороны, траур, праздники) не получил поддержки простых людей – его приверженцами оказались группы суровых аскетов, стремившихся делать добрые дела, но отпугивавших своим видом и поведением людей. В отличие от конфуцианства моизм, несмотря на заложенные в его учении немалые потенции, не достиг успеха, хотя временами, судя по тревожным отзывам Мэн-цзы, имел немалое распространение.

Еще одна из доктрин, вышедшая на авансцену идейной жизни чжоуского Китая сравнительно поздно, примерно в IV в. до н. э., – это даосизм, учение о Великом Абсолюте, Дао. Предтечей учения считается легендарный Лао-цзы, живший будто бы примерно одновременно с Конфуцием, но не оставивший следов в историографической традиции (до

сих пор больше оснований считать, что это не реально существовавшая личность, а созданный позже самими даосами, прежде всего философом Чжуан-цзы, миф). Учение даосов, отраженное в ряде позднечжоуских трактатов, сводилось к призывам следовать Абсолюту, сливаться с природой и избегать всего искусственного, нарочитого, связанного с культурой, противопоставленной естественному. Одним из важных принципов даосов было недеяние (у-вэй), т. е. умение в соответствии с ходом вещей наладить жизнь таким образом, чтобы все шло должным путем, но без активного вмешательства человека. Методом увэй даосы предлагали руководствоваться едва ли не во всех случаях жизни, будь то отношение к природе, к людям, даже управление государством. Уход от мира к природе связывался у даосов с возможностью обретения долгих лет жизни и даже бессмертия – именно в этом пункте древний философский даосизм со временем, в эпоху Хань, достаточно явственно трансформировался в даосизм религиозный с его поисками бессмертия, божествами, героями, гаданиями, предсказаниями и т. п. Даосы и близкие к ним школы натурфилософов обстоятельно разработали идею инь-ян, сводившуюся к противопоставлению и постоянному благотворному взаимодействию мужского (ян) и женского (инь) начал. Впрочем, из сказанного видно, что даосизм, как и моизм, не был доктриной, которая могла бы претендовать на широкое признание и тем более влияние в правящих кругах. Если не считать конфуцианства, то наиболее политически влиятельной из философских доктрин чжоуского Китая следует считать учение легистов, школу фа-цзя.

Предтечей легизма, его первым видным представителем считается Гуань Чжун, с именем которого связывается представление о первых серьезных реформах, направленных на укрепление власти правителей царств. К стану легистов обычно причисляют всех видных министров-реформаторов чжоуского Китая. Культ закона, точнее, административных распоряжений осуществляющего централизованную власть правителя – вот основной тезис легизма. Не опора на мятежную феодальную знать, столь склонную к смутам, но создание хорошо налаженной бюрократической машины – основной метод создания сильной власти. Четкие предписания, выполнение которых хорошо вознаграждается, а также предостережения, невнимание к которым сурово наказывается, – вот средства поддержания авторитета власти. Существенно также то, что легисты видели в качестве противника сильной власти не только поверженную уже знать, но и поднимавшего голову частного собственника, строгий контроль над деятельностью которого был едва ли не главной задачей правительства и состоявших у него на службе чиновников.

Именно легизм оказался той доктриной, которая в условиях чжоуского Китая наиболее последовательно выразила интересы централизованного государства. Неудивительно поэтому, что прежде всего за счет усилий министров-реформаторов легистского толка, которых нанимали из числа ши, странствовавших по различным царствам и предлагавших свои услуги правителям, централизованная администрация в основных царствах чжоуского Китая достигла важных успехов. Усилившиеся за счет реформ легистского типа наиболее крупные царства в борьбе друг с другом практически решали задачу объединения Китая. Эта борьба и дала имя последнему историческому периоду эпохи Чжоу.

Период Чжаньго («Борющиеся царства», V–III вв. до н. э.)

Чжаньго был периодом завершения трансформации чжоуского общества. Это было время серьезных сдвигов во всех сферах жизни Китая, от производительных сил до идейных споров, от ведения войн до заселения окраин. Именно в период Чжаньго окончательно отрабатывалась та модель общества и государства, которая более других претендовала на универсальность. На первых порах эта модель, как упоминалось, была легистской. Тому был ряд причин.

Прежде всего, очень важно обратить внимание на то, что с V и особенно в IV–III вв. до н. э. Китай вступил в железный век. Широко распространилась проникшая в страну, может быть не без влияния извне, практика выделки железа и изготовления железных орудий труда, благодаря повсеместному применению которых резко возросла производительность труда и увеличились возможности человека. Железные орудия позволили обрабатывать новые земли, быстро возводить необходимые ирригационные сооружения, изготовлять многие ремесленные товары для рынка и, что весьма немаловажно в условиях почти постоянных войн, они буквально революционизировали армию. Боевые колесницы эпохи бронзы вместе с их аристократическими владельцами ушли в прошлое, роль их в сражениях резко уменьшилась. На смену колесницам пришла хорошо вооруженная пехота, а затем и конница. И хотя основные виды оружия продолжали изготовлять из бронзы, железо удешевило войну и превратило ее в дело многих. На смену войнам, в которых участвовали тысячи, редко десятки тысяч, в Чжаньго пришли сражения с участием многих десятков и сотен тысяч. К слову, это оказало воздействие не только на масштаб, но и на характер войны, сильно способствовало развитию военной стратегии и тактики, что нашло отражение в трактатах о военном искусстве, высоко чтимых профессионалами вплоть до наших дней.

Совершенствование железоделания, наряду с общим и быстрым подъемом производства, освоением новых земель, увеличением производительного населения, развитием ремесла, торговли, товарно-денежных связей способствовало завершению процесса приватизации. Возрастали количество работающих на заказ и на рынок мастеров, объем пущенных в оборот денег, расцветала торговля, вслед за ней – операции по кредиту, ростовщичество. Проникновение всего этого в деревню способствовало дальнейшему разложению общины, в которой достаточно широко стали применяться аренда, наемный труд, даже кабальное долговое рабство, включая самопродажу или продажу членов семьи, прежде всего детей, за долги.

Стало заметным развитие рабства. Если прежде рабы были немногочисленны и происходили в основном из числа порабощенных иноплеменников, то теперь наряду с ними появились рабы из числа самих чжоусцев, причем к их числу относились не только кабальные должники, но также и преступники типа каторжников, принадлежавшие государству и использовавшиеся на тяжелых работах. Хотя рабов всех категорий по сравнению с остальным населением было совсем немного, они, равно как и сфера применения рабского труда (рабов уже использовали в качестве рабочей силы в разбогатевших частных хозяйствах), стали заметным фактором древнекитайской жизни.

Процветание частного сектора в условиях краха системы привилегий титулованной наследственной знати дефеодализованного чжоуского Китая, в условиях возрождения принципа меритократии, связанного с возвышением слоя ши, вело к тому, что простолюдины в ряде случаев начинали выбиваться наверх, играть важную роль в обществе. Они порой становились богаче и влиятельнее князей – этот феномен удивлял и беспокоил многих в Китае во второй половине I тысячелетия до н. э., как о том можно судить по данным разных источников. И беспокойство такого рода было достаточно обоснованным: на смену старой наследственной знати шли процветающие собственники, которые быстро и явно богатели в то самое время, когда казна воюющих друг с другом царств была пуста или почти пуста. Не говоря уже о непривычности ситуации, не соответствовавшей традиционной норме, создавалось явное противоречие между объективной тенденцией социально-экономического процесса (процветание частного собственника в богатеющей дефеодализованной структуре) и субъективными устремлениями правителей, нуждавшихся в строгом контроле над подданными во имя интересов казны. Нужны были срочные реформы, целью которых должно было стать усиление централизованной администрации в новых экономических условиях, с учетом всех изменений. Естественно, что наилучшим образом могли учесть все необходимые изменения именно реформаторы-легисты с их ставкой на строгие административные предписания, жесткий контроль, дисциплину и стремлением поставить разбогатевшего в неземледельческой сфере частного собственника на место.

Период Чжаньго в политической истории Китая был временем сосуществования и междоусобной борьбы семи крупнейших царств – мелкие и ослабевшие уже не шли в счет. К этим семи, кроме трех новых царств (Вэй[19], Чжао и Хань, на которые распалось некогда крупнейшее царство Цзинь), относились также Цинь, Ци, Янь и Чу. В большинстве из них в период Чжаньго были проведены реформы легистского типа. Но наиболее полно и радикально такие реформы были осуществлены в Цинь в середине IV в. до н. э. знаменитым теоретиком легизма министром-реформатором Шан Яном.

В окраинном и в недавнем прошлом полуварварском царстве Цинь позиции наследственной знати были слабее, чем где-либо. Но и традиций централизованной власти там практически не было. Нужно было все создавать заново. Вот почему, когда представитель легистов из числа странствующих ши, выходец из царства Вэй (где он не был признан и его заслугами не пожелали воспользоваться), некий Вэй Ян – в будущем Шан Ян – прибыл в Цинь, правитель этого царства Сяо-гун внимательно его выслушал и взял к себе на службу. Следуя своему основному тезису, согласно которому главное для процветания осударства – это успехи в земледелии и военном деле, новый министр начал свои реформы именно с этих сфер.

Суть первого тура реформ (356 г. до н. э.) сводилась прежде всего к строгой регламентации общинного землепользования. Под угрозой двойного налогообложения большие семьи должны были быть разделены на малые, каждой из которых следовало обзавестись собственным хозяйством. Для того чтобы эти семьи исправно вели свое хозяйство, Шан

19 Это второе царство Вэй, новое, обозначаемое иным иероглифом

Ян создал систему круговой поруки: дворы были объединены в пятки и десятки, в рамках которых все жители Цинь были обязаны следить друг за другом и отвечать друг за друга. Кроме того, Шан Ян широко открыл двери для иммигрантов из других царств, где земли было мало, а людей много, предложив им на выгодных условиях осваивать годные для земледелия циньские территории с тем, чтобы за этот счет пополнить казенные амбары и без ущерба для казны высвободить часть циньцев для укрепления армии. Что касается военного дела, то Шан Ян резко повысил его престижность, предоставив награды и социальные ранги тем, кто имел воинские заслуги. И наоборот, тем из аристократов, кто таковых не имел, пригрозил исключением из числа знати. Отменив все прежние привилегии, связанные с происхождением и знатностью, реформатор ввел новую систему социальных рангов, которые присваивались любому за его заслуги, прежде всего военные, и получение которых, начиная с определенного уровня, влекло за собой льготы и привилегии, вплоть до права на должностное владение и доход с него.

С особой суровостью Шан Ян обрушился на тех, кто не был занят в земледелии и не воевал, прежде всего на получавших выгоду из второстепенных занятий, к каковым причислялись ремесло и торговля. Речь не шла о ремесленном производстве либо торговом обмене как таковых – общество без этого обойтись уже не могло. Имелись в виду чрезмерно разбогатевшие собственники-стяжатели. Угрожая им наказанием, вплоть до порабощения, Шан Ян ставил целью запугать представителей частного сектора и поставить их под строгий контроль власти, для чего, в частности, им был применен своеобразный механизм экспроприации: запуганным богачам-стяжателям предоставлялась возможность несколько повысить статус и избежать неприятностей при условии приобретения ими социального ранга, который можно было купить за весьма немалый взнос.

В 350 г. до н. э. начался второй тур реформ. Все царство было разделено на управляемые чиновниками уезды (они существовали и ранее, но теперь это была новая схема, с обязательным новым членением). Была унифицирована система мер и весов, закреплены за крестьянами их наделы. И хотя эта последняя реформа объективно создавала определенные условия для появления в деревне богатых и бедных и тем самым для укрепления позиций частных собственников, едва ли есть основания преувеличивать роль этого объективного процесса, протекавшего и до реформ. Гораздо важнее было то, что теперь все, включая и положение богача-частника, было под строгим контролем властей, бдительно следивших за тем, чтобы излишние накопления, не задерживаясь в амбарах богатых, посредством механизма экспроприации шли в казну.

Реформы Шан Яна оказались оптимальным решением сложных проблем. При их посредстве царство Цинь, несмотря на трагичную судьбу самого реформатора (он был четвертован, как только власть перешла к ненавидевшему его наследнику), сумело быстрыми темпами достичь успеха как в сфере экономики и социальных отношений, так и в политике, особенно в войнах с соседями. Стоит заметить, что даже знаменитый конфуцианец III в. до н. э. Сюнь-цзы, в молодости побывавший в Цинь, не смог удержаться от того, чтобы отметить успехи реформ легиста Шан Яна. Видимо, это не в последнюю очередь определило взгляды и самого Сюнь-цзы, учение которого по ряду пунктов сблизилось с легизмом, а

наиболее известные ученики которого – Хань Фэй-цзы и Ли Сы – оказались в конечном счете легистами.

Политическая история периода Чжаньго протекала на фоне описанных выше сложных внутренних процессов и в прямой зависимости от них. Соперничавшие друг с другом царства вели между собой ожесточенные и порой весьма жестокие войны. Постепенно перекраивалась карта страны, на передний край выходили наиболее могущественные государства, одним из которых было реформированное Шан Яном царство Цинь.

Обеспокоенные быстрым ростом мощи этого царства, остальные шесть попытались было создать коалицию против него. Вся вторая половина Чжаньго прошла под знаком искусной дипломатии, наивысший расцвет которой пришелся на годы активной деятельности двух известных дипломатов, Чжан И и Су Циня, выходцев из одной и той же школы (такого рода школ философской и политической мысли в Чжаньго, как о том уже говорилось в связи с конфуцианством, моизмом и даосизмом, было достаточно много: традиция повествует о «ста школах», т. е. о многих соперничавших учениях, организациях, группах).

Начало оживленной дипломатической деятельности положили поездки Су Циня к правителям ряда царств с целью создать вертикальную коалицию царств (с севера на юг) против западного их соседа Цинь. Однако реализации этого опасного для Цинь плана помешали искусные интриги циньцев, которые прибегли к помощи Чжан И, посланного в некоторые из царств с целью продемонстрировать несостоятельность планов Су Циня и попытаться создать иную, горизонтальную коалицию царств (с востока на запад) против южного Чу. Результатом деятельности обоих дипломатов была взаимная нейтрализация их планов, отчего выгадало царство Цинь. Присоединив одно за другим соседние царства, Цинь к середине III в. до н. э. оказалось лицом к лицу лишь с одним грозным соперником – с Чу. И здесь сыграла свою роль умелая политика правителя Цинь Ин Чжэна, будущего императора Цинь Ши-хуанди, который сумел довести до победного конца борьбу за гегемонию и в 221 г. до н. э. завершил объединение Китая под своей властью.

Империя Цинь (221–207 гг. до н. э.)

Создание империи было логическим завершением сложного и длительного процесса усиления интегрирующих центростремительных тенденций в ведущих чжоуских царствах. Этот процесс во многом был стимулирован активной деятельностью реформаторов-легистов, выступавших как против центробежных тенденций наследственной знати, так и против ослаблявших централизованную структуру деятельности частных собственников, «стяжателей», рыцарей «второстепенных» занятий (по определению Шан Яна). Под знаменем легизма, теория которого была обстоятельно разработана в разных вариантах, включая искусство администрации Шэнь Бухая и всеобъемлющую концепцию Хань Фэй-цзы, стало осуществляться создание новой империи, ее основных принципов и институтов. В частности, именно эта задача выпала на долю главного министра и помощника нового императора легиста Ли Сы, перед которым после завоевания встала проблема организации эффективной администрации в рамках огромной империи, состоявшей из различных по

развитию и традициям частей.

Объединив древнекитайские царства, руководители империи сделали все, чтобы ослабить центробежные силы и тенденции. В 221 г. до н. э. по указу императора у всего населения страны было конфисковано оружие, из которого было приказано отлить колокола и массивные бронзовые статуи. Около 120 тыс. семей наследственной знати из различных царств было переселено в новую столицу империи Сяньян с тем, чтобы оторвать их от родных корней и разместить поближе к императору. Вся огромная страна была заново разграничена на 36 крупных областей, очертания которых не совпадали с рамками прежних царств и княжеств. Во главе каждой области были поставлены губернаторы. Области были разделены на уезды с уездными начальниками, а уезды – на волости, каждая из которых включала в себя по несколько десятков деревень. На деревенском и, видимо, волостном уровнях власть была в руках представителей общинной администрации, сотрудничавшей с начальником уезда и обеспечивавшей выполнение приказов центра, взимание податей, организацию необходимых отработок, осуществлявшихся в порядке трудовой повинности.

Большое внимание было уделено организации центральной администрации. Во главе империи в качестве ближайших помощников императора стояли два министра, один из которых (Ли Сы) играл главную роль. Этим министрам подчинялось несколько центральных ведомств, имевших соответствующие подразделения в областях. Так, главе военного ведомства подчинялись военачальники областей и большой штат чиновников центрального аппарата, организованных в отделы и департаменты. Примерно такой же была и структура других ведомств – финансов, царско-государственного хозяйства, судебное, обрядовое и некоторые другие, включая верховную прокуратуру, осуществлявшую централизованный надзор за всеми ведомствами и личным составом аппарата администрации по всей стране. В областях административный аппарат имел, таким образом, двойное подчинение – губернатору и соответствующему ведомству центра. При этом, однако, наиболее видное положение среди областных чиновников занимал – после губернатора – военный начальник. Все упомянутые чиновники и все лица, стоявшие ниже их, строго различались своим местом в системе не только должностей, но и рангов. Существовало 20 рангов, первые 8 из которых могли иметь простолюдины, получавшие их в зависимости от возраста, социально-семейного положения и заслуг (в какой-то мере это соответствовало традиционной ранговой структуре в общинах), а также путем покупки или в награду. Остальные, вплоть до самых высших, 19–20-го, обладателей которых в империи насчитывались единицы, были чиновничьими рангами, дававшимися за службу и заслуги.

В строгом соответствии с принципами легизма была до предела централизована редистрибутивная система империи. Все многочисленные чиновники, вплоть до самых высших, получали за свой труд твердо фиксированное жалованье из государственных хранилищ, чаще всего натурой, в виде определенного и зависевшего от должности и ранга количества зерна. Лишь считанные представители 19–20-го рангов имели право на кормления, т. е. на взимание налогов с крестьян определенной пожалованной им в условное владение территории, но при этом административной власти в рамках этой территории они не имели, их права там ограничивались взиманием налогового сбора. Строго

централизовано и хорошо организована была и система разнообразных и весьма тяжелых государственных повинностей, будь то гигантские строительные работы, обязанность снабжать арию, возить продовольствие и снаряжение, участвовать в общественных работах на местах и т. п. Была также реорганизована и унифицирована система мер и весов, создана общеимперская упрощенная система письма, на всю страну распространен учрежденный еще Шан Яном принцип круговой поруки. Этот последний приобрел даже более расширенное толкование, чем прежде: он касался теперь не только крестьян, но также и рекомендовавших кого-либо на должность чиновников, что ограничивало непотизм, т. е. стремление пристроить к выгодному месту бездарного и неспособного родича или приятеля.

Руководство империи не выступило резко против частных собственников. В отличие от Шан Яна, Ли Сы понимал неизбежность и неотвратимость их появления, но делал при этом все, чтобы ограничить поле их деятельности и взять их под строгий контроль центра. Была унифицирована монета, выплавка которой стала государственной монополией, разрешены откуп от повинностей, подчас и наказаний, а также покупка рангов, дабы лишние доходы собственников текли в казну. Часть наиболее зажиточных торговцев была переселена с их родных мест; крупные откупщики, занимавшиеся солеварением, железоплавильным делом и иными промыслами, находились под контролем власти. Кроме того, государство содержало сеть больших казенных мастерских, на которых в порядке отбывания повинностей либо по приговорам суда (государственное рабство преступников), а также по найму работали ремесленники, в том числе и владельцы частных мастерских. На крупных частных предприятиях работал примерно тот же контингент – ремесленники, наемники, рабы различных категорий, включая и долговых, кабальных.

Весьма жесткой была система легистского законодательства, вплоть до уничтожения всех родственников преступника по трем линиям родства – отца, матери и жены – за особо тяжкие преступления. За менее тяжкие грозило физическое калечение либо государственное рабство.

Следует сказать, что вся описанная система реформ и нововведений в целом дала немалый эффект, причем весьма быстрый. Строго организованное на основе принципов казарменной муштры государство сумело за короткий срок осуществить ряд грандиозных проектов. Для защиты от кочевников севера была выстроена Великая стена – одно из грандиознейших чудес света. Хотя кое-где валы на северных границах чжоуских царств существовали и прежде, в целом гигантская стена на многие тысячи километров была выстроена именно при Цинь Ши-хуанди. Миллионы мобилизованных крестьян в труднейших условиях строили это сооружение с башнями и проходами, причем строили прочно, надежно, на века и тысячелетия: по верхней плоскости стены между ее наружными и внутренними зубцами можно было бы проехать на колеснице. Естественно, что это строительство обошлось во многие сотни тысяч жизней.

Грандиозным было и строительство столицы с ее колоссальным дворцовым комплексом Эфангун, не говоря уже о сооружении императорской гробницы, о которой источники рассказывают чудеса. Как известно, раскопки этой гробницы еще не производились, хотя вокруг нее уже были обнаружены археологами сотни и тысячи сделанных из

керамики всадников, рядами поставленных рядом с гробницей и, видимо, являвших собой портретные изображения императорской гвардии телохранителей (ни один из всадников обликом не похож на остальных). Было также сооружено несколько стратегических дорог (чидао), связавших столицу с окраинами империи, причем император лично совершал по этим дорогам инспекционные поездки, о чем свидетельствуют стелы с соответствующими надписями. Успешные войны на севере позволили оттеснить гуннов (сюнну) за Великую стену. Походы на юг привели к присоединению к империи значительных территорий племен юэ, в том числе и северной части современного Вьетнама.

Очевидный военный и экономический эффект легистских реформ и всей деспотически организованной казарменной администрации Цинь был достигнут за счет крайнего истощения людских ресурсов. Народ стонал от тяжести взваленной на него ноши. Бежавших от повинностей ловили и наказывали, роптавших наказывали тоже. Хорошо известно, что в 213 г. до н. э. были сожжены те древние тексты, на которые, как на живой укор императору, не считавшемуся с древними традициями, настойчиво ссылались недовольные. 460 наиболее видных оппозиционеров, в основном конфуцианцев, были казнены (закопаны живьем). На императора дважды (в 218 и 216 гг.) совершались покушения, так что остаток жизни Цинь Ши-хуанди провел в страхе, стараясь не ночевать в одном дворце более одной ночи и не извещая заранее, где он намерен провести эту ночь.

Император умер в 210 г. до н. э., а уже в августе 209 г. началось восстание против введенных им в стране порядков. Непопулярный и слабый Эр Ши-хуанди не смог противостоять взрыву народного возмущения. Повстанческое движение ширилось, охватив вскоре всю страну. В 207 г. до н. э. династия Цинь пала. Началась ожесточенная борьба предводителей восставших за власть, в ходе которой одолел своих противников и вышел на передний план крестьянин Лю Бан, который в 202 г. до н. э. провозгласил себя императором новой династии – Хань.

* * *

Древнекитайский вариант становления государственности завершает собой логический ряд политических образований и социально-цивилизационных феноменов, складывавшихся на Востоке в глубокой древности. Отличия его очевидны: здесь и весьма скромные позиции религии, и преобладание рационального осмысления жизненных ситуаций с выдвижением на передний план этической нормы, и едва ли не наиболее яркий на Востоке расцвет феномена феодализма со всеми присущими этому, казалось бы, средневеково-европейскому феномену привычными аксессуарами, и представленное в своем наиболее наглядном виде откровенное противостояние сильного государства нарочито ослабленному частному собственнику, и многое другое.

Специфика, о которой идет речь, не случайна. Напротив, все ее элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Обратим внимание хотя бы на отсутствие хорошо разработанной системы царско-храмовых хозяйств, столь характерной для ближневосточной древности, где она исстари опиралась на храмы в честь почитаемых богов и тем самым являла собой нечто, вознесенное выше уровня общины. Выступавшая в качестве ее эквивалента система больших полей, в том числе ритуальных,

урожай с которых предназначался для жертвоприношений, оказалась лишенной высшей сакральной санкции и не сумела поэтому стать основой механизма централизованной редистрибуции в условиях, когда складывалось крупное государство – Западное Чжоу. Это способствовало децентрализации и феодализации чжоуского Китая, занявшим около полутысячелетия. Неудивительно, что в возникшем на этой основе и после этого фактически заново сильном централизованном государстве за основу был принят легистский тезис о приоритете сильной центральной власти, имперского принципа администрации. И хотя легизм в его чистом виде оказался чересчур жесткой для Китая структурой, сама имперская идея на два тысячелетия с лишним определила будущее страны.

Глава 13
Древний Восток: государство и общество

Знакомство с важнейшими событиями древневосточной истории, с судьбами многочисленных древних обществ и государств дает немало материала для социологического и антропологического анализа, для размышлений историко-философского (историософского) характера. Анализ и размышления такого рода в наше время весьма важны и актуальны, ибо для специалистов ныне уже совершенно очевидно, что эвристические потенции до недавнего времени господствовавшей в отечественной историографии пятичленной схемы формации явно исчерпаны: мир не укладывается в примитивную истматовскую схему, сконструированную на рубеже 20–30-х годов нашего века. К основным недостаткам пятичленной концепции (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм) относятся не только безосновательный приоритет, отданный марксистскому социализму, но и явное невнимание к особенностям развития в неевропейском мире, и в частности к историческому процессу на Востоке, как древнем, так и современном. Видимое удобство схемы, ее простота и доступность для любого на деле лишь мешает увидеть реалии мировой истории.

В чем же эти реалии, что в первую очередь бросается в глаза при самом общем, ретроспективном взгляде на Восток в древности – на его долгую историю, столь богатую различного рода событиями, на его экономические принципы существования, от форм ведения хозяйства до форм извлечения избыточного продукта и его редистрибуции, на особенности его едва вышедшей из первобытности социальной структуры с ее общинными традициями и явственной тягой к корпоративности, на религиозные идеи и связанные с ними социальные ценности, нормы бытия и поведения, установочные стереотипы мышления и восприятия мира, наконец, на свойственную ему систему политической администрации, столь привычно воспринимаемую, особенно на фоне свобод античного мира, в качестве «восточной деспотии»? Что здесь подтверждаемая фактами реальность и что – миф, связанный с априорными постулатами типа «рабовладельческой» формации? И наконец, – а это особенно важно для данной книги, – что из древневосточного наследия сохранилось и составило фундамент всего так называемого традиционного Востока, еще далеко не отошедшего в прошлое и в наши дни, и что было характерно только для древности и

ушло в прошлое вместе с ней?

Вопросов подобного типа можно поставить достаточно много, но все они в конечном счете фокусируются в одной точке: в чем сущность отношений, сформировавшихся в складывавшихся на основе общинной первобытности древневосточных обществах, и как эти отношения вписывались в традиционный характер власти и определяли типичные формы господства и подчинения. Иными словами, как реалии древневосточной истории сочетаются с высказанным и обоснованным в начале книги тезисом о господстве принципа власти-собственности и централизованной редистрибуции в неевропейском мире, и в частности на Востоке? Как конкретно проявил себя этот генеральный принцип в его наиболее ранней древневосточной модификации?

Формы ведения хозяйства

До начала процесса приватизации во всех ранних государствах и протогосударствах существовала лишь одна форма ведения хозяйства, которую можно было бы назвать общинно-государственной. Корни ее восходят по меньшей мере к неолитической революции (в некоторых отношениях уходят много глубже), а сущность вкратце сводится к тому, что коллектив производителей, земледельцев и скотоводов, традиционно относится к средствам производства и ресурсам как к своим, т. е. владеет ими, тогда как распоряжается этим общим достоянием от имени коллектива его глава, от старшего в семье и клане или старейшины общины до племенного вождя и государя. В ранних государствах в зависимости от обстоятельств этот генеральный тип хозяйства варьирует, порождает ряд модификаций. Так, в Египте необходимость строгого регулирования сельскохозяйственного процесса уже на самом раннем этапе существования государства привела к тому, что общинная структура едва ли не полностью растворилась в централизованно-государственной, храмовой форме ведения хозяйства. В Индии, напротив, исторический ход развития, связанный с социально определяющей и регулирующей ролью варново-кастовой системы, вел к возникновению исключительно прочной и внутренне саморегулирующейся общины, автономное функционирование которой делало ненужным разветвленный аппарат администрации. Эти две модификации – своего рода крайность, полюса, между которыми находились все остальные, от шумерской до китайской, в которых обычно достаточно гармонично сочетались общинные формы хозяйства с государственными (в форме обработки больших казенных полей в Китае или храмовых земель на Ближнем Востоке). В целом, однако, речь идет именно о модификациях единой формы хозяйства.

Единство этой генеральной формы в том, что земледельцы имеют наследственно гарантированное право и обязанность обработки земли и использования нужных им ресурсов, от воды и пастбищ до леса, рыбы, дичи и т. п. В то же время право владения и распоряжения землей и ресурсами, постепенно трансформирующееся в право собственности (власти-собственности), находится в руках оторванного от производства пищи аппарата власти, от храма до государства. Материальным выражением признания этого права является выплата коллективом производителей избыточного продукта представителям власти. Эти

выплаты могут иметь различную форму (труд представителей коллектива на общих полях или полях храма; выделение части или определенного фиксированного количества урожая; отработки типа трудовой повинности и т. п., вплоть до казарменно-коммунистических структур), но в любом случае политэкономически представляют собой ренту-налог, за счет редистрибуции которой только и могло существовать неевропейское государство.

Выплаты в казну, т. е. рента-налог во всех ее формах с последующей ее редистрибуцией, – это не только материальное выражение факта существования высшего права и генерального принципа власти-собственности, но также и та материальная основа, на которой существует и само государство как система институтов, и все развитое общество, уже достаточно прочно базирующееся на основе постоянного обмена деятельностью, т. е. общество, состоящее как из земледельцев, так и из ремесленников, жрецов, администраторов, воинов, необходимой сферы обслуживания (слуги и рабы) и т. п. Каждая из этих категорий лиц делает свое дело и необходима для нормального функционирования усложненного общества и государства. Каждая из них вносит свой вклад в существование такого общества и каждая получает за это необходимые средства для существования. И хотя и вклады, и средства зависят от степени значимости труда той или иной категории лиц, так что о равенстве внесенных вкладов и полученного взамен эквивалента речи нет (и по количеству, и по качеству труда люди в сколько-нибудь развитом обществе всегда различались, различаются и будут различаться), в то же время нет еще оснований говорить об эксплуатации одних другими. Речь пока идет только о взаимном обмене деятельностью и, можно добавить, взаимовыгодном для всех обмене, ибо в конечном счете гарантируется стабильность существования, что само по себе, как и духовный комфорт, стоит немалого. Такой взаимообмен в рамках вынужденного сосуществования при исторически сложившейся форме хозяйства был необходим структуре в целом.

Процесс приватизации, в различных древних обществах протекавший по-разному и даже в разное время (в Шумере весьма рано, в Египте сравнительно поздно, в Индии достаточно вяло, в Китае весьма энергично), внес немало изменений в экономику. Наряду со старыми формами ведения хозяйства появились новые, принципиально иные, основанные на частной собственности и рыночном обмене, знакомые с товарно-денежными отношениями и способствовавшие обогащению отдельных лиц и групп населения. Речь идет о частной земельной аренде, наемном труде, о работе производителей, прежде всего ремесленников, на рынок и на заказ, о купле-продаже и игре на разнице цен, наконец, о ростовщичестве, долговой кабале и т. п. Здесь, в этой сфере хозяйства, всегда доминировал свой закон: имущий противостоит неимущему и использует его труд. Как же стали сочетаться и сосуществовать обе сферы, обе формы ведения хозяйства?

В принципе все происходило достаточно гармонично, хотя порой и по-разному, в зависимости от обстоятельств. Так, например, индийская община легко и безболезненно приспособилась к такому сосуществованию. Сочетание элементов частнособственнического хозяйства с традиционными отношениями, освященными варново-кастовыми нормами, привело к формированию той весьма специфической внутриобщинной системы взаимных услуг, которая в

науке получила наименование джаджмани. Приспособилась к новым условиям и традиционная китайская община, где аренда и найм стали привычной нормой, как, впрочем, и долговое рабство, ростовщичество. Болезненно шел процесс в ряде обществ Ближнего Востока, особенно в Египте. Но в конечном счете приспособились и они. К сказанному стоит добавить, что основной сферой новой формы хозяйства стал город – средоточие ремесла и торговли, место обитания богатых к знатных особенно причастных к власти.

Дело в том, что процесс приватизации, приведший к формированию новых форм ведения хозяйства, едва ли не в первую очередь затронул социальные верхи, власть имущих. Эффект престижного потребления был мощным стимулом быстрого развития приватизации и связанных с ней форм личного обогащения, к чему верхи стремились в первую очередь. Не только весь избыточный продукт земледельцев стекался в города, где он после редистрибуции почти целиком и оставался. В городах концентрировался также и избыточный продукт ремесленников. Здесь же сооружались монументальные строения – плод тяжелого труда привлеченного к повинностям населения. Ну и, конечно, в городах оседала немалая доля того продукта и труда, который изымался в сфере частнособственнического хозяйства и шел в карманы богатеющих собственников – основная часть их тоже жила в городах. Как известно, многие из больших городов со временем превратились, как например Вавилон, в признанные центры мировой транзитной торговли, для обслуживания нужд которой там существовали многочисленные торговые дома, кредитные конторы и т. п.

Если говорить о более специфических формах ведения хозяйства в древневосточных обществах, то одной из них со временем (примерно со II тысячелетия до н. э.) стало кочевое скотоводство. Суть этой формы мало отличалась от земледельческой – те же формы владения и пользования, но не только землей, т. е. пастбищами, или ресурсами, главным образом, источниками воды, но также и самим скотом. Однако существовала и жесткая специфика: кочевые общества были слаборазвитыми, находились в основном на стадии протогосударства и нуждались в постоянном взаимообмене продуктами с оседлыми. Этот последний важный фактор сыграл существенную роль в исторических событиях: вспомним массированные волны аравийских кочевников – амореев, арамеев и др., захлестывавшие время от времени очаги ближневосточной цивилизации. Впрочем, оседая, кочевники обычно быстро трансформировались в земледельцев, а их первоначальные зоны обитания занимали другие племена, за счет которых потенциально формировались новые волны.

Принципы социальной структуры

В результате сложения первых очагов урбанистической цивилизации и последующего достаточно быстрого процесса формирования протогосударств и ранних государств, укрупнения социальных организмов за счет усложнения их внутренней структуры появился новый тип общества, который в марксистской историографии привычно именуют классовым. Для всех нас этот термин удобен и понятен. Но соответствует ли он реальности? Иными словами, не нуждается ли он в таком количестве оговорок, которые лишают его практически права на широкое

применение? И наоборот, не ведет ли широкое и безоговорочное применение этого термина к тому, что в сознании читателя невольно происходят весьма прямолинейные ассоциации: раз классовое общество, стало быть, ведущую роль в нем играют классы; классы в классовом обществе – прежде всего антагонистические, следовательно, можно вести речь о классовых антагонизмах и классовой борьбе; а коль скоро так, то что может быть лучше, чем устоявшееся представление о рабах и рабовладельцах в антагонистическом рабовладельческом обществе?

Как свидетельствуют многие факты и как это сейчас уже практически признано специалистами, процесс генезиса социального, правового и имущественного неравенства был связан не с классообразованием, а с политогенезом, т. е. возникновением государства. Именно протогосударство и раннее государство со всеми его атрибутами (институт власти-собственности, рента-налог и централизованная редистрибуция и др.) не просто обслуживали все возраставшие и усложнявшиеся потребности цивилизующегося общества, но и способствовали формированию новых социальных слоев, т. е. тех категорий и групп людей, которые призваны были выполнять те или иные социальные функции укрупнявшегося социального организма.

Что же представляли собой эти группы и категории людей, по какому принципу они формировались? Следует заметить, что критерии для их вычленения были разными. Здесь играли свою роль и место в процессе производства (земледельцы, ремесленники, руководители и организаторы различных форм коллективного труда), и характер деятельности (производители, администраторы, воины, жрецы, слуги-рабы), и отношение к системе налогообложения и редистрибуции (обязанность вносить налоги, право существовать за счет этих налогов), и некоторые другие моменты, в частности этноправовые (принадлежность к господствующему, союзному либо чуждому этносу). В наиболее четкой и доведенной до логического конца форме социальные слои формировавшегося государства нашли отражение в раннеиндийской системе варн с ее четырьмя основными разрядами: администраторы и воины; жрецы; производители; неполноправные и слуги-рабы. Но примерно те же основные слои, пусть не в столь жестко очерченном виде, фиксируются и во всех остальных ранних древневосточных обществах, будь то Египет, Западная Азия или Китай.

Исторически наиболее ранним было определение социальных групп и выделение социальных слоев в рамках данной этносоциальной общности на основе места в структуре власти, форм деятельности и способа получения средств для существования. Именно так обособлялись слои земледельцев и ремесленников, администраторов, жрецов и воинов. Обычно такого рода группы были замкнутыми наследственными корпорациями, в пределах которых опыт, навыки и тайны ремесла передавались от поколения к поколению, что, естественно, оттачивало мастерство специалистов. И далеко не случайно такая корпоративность привела индийцев к варнам. Но даже в древней Индии, как известно, некоторые правящие династии основывались шудрами. Это значит, что принадлежность к той или иной замкнутой корпорации по рождению не всегда и не при любых обстоятельствах определяла судьбу каждого человека. Существовали и определенная свобода воли, и игра случая, и даже – если не иметь в виду варновую Индию – общепризнанная социальная мобильность, базировавшаяся на столь свойственном

первобытности принципе меритократии, обеспечивавшем продвижение наверх.

По мере развития первоначальных социальных структур и первичных протогосударств на только что описанную систему ранних социальных связей накладывалась еще одна, имевшая отношение к правовому статусу населения. Естественным и само собой разумевшимся было то, что все члены ранней этнической общности всегда считались полноправными: издревле понятия «свой» (в этническом смысле) и «полноправный» были синонимами. Иное дело – чужие. Это были потенциальные враги, бесправные рабы.

Раб – именно чужак, иноплеменник, чаще всего пленник, причем во многих древних языках это хорошо прослеживается этимологией самого термина. Как и любое иное добытое в бою или приобретенное иным способом на стороне имущество, движимое или недвижимое, рабы считались общим достоянием коллектива и использовались для его блага – будь то очистительная жертва с благодарностью за помощь богам либо предкам, работа на храмовых полях во имя тех же богов или, наконец, услужение тем, кто возглавляет коллектив и управляет им. Существенно подчеркнуть, что главное не в том, как использовали труд раба: вовсе не применяли его (убивали, приносили в жертву), использовали на тяжелых работах (рудники, каменоломни), на обычных работах или даже на весьма легких, порой даже суливших хорошие возможности для социального возвышения (сфера услуг, изредка и военное дело). Главным было то, что раб – это не свой, а чужой и именно в силу этого он бесправен, т. е. не может претендовать на ту сумму прав, тот объем социальных гарантий, которые являются неотъемлемым достоянием всех своих просто потому, что они свои.

Со временем во многих древневосточных обществах наряду с полноправными – своими и бесправными – рабами появился и промежуточный слой неполноправных типа мушкенумов из законов Хаммурапи. К их числу принадлежали как потомки ассимилировавшихся на чужбине рабов, обзаведшихся здесь семьей, некоторым имуществом, приобретших профессию, а то и земельный надел и некоторые связанные с ним права, так и выходцы из низших слоев местного населения, изгои и бродяги, незаконнорожденные (если иметь в виду строгие варново-кастовые нормы) и т. п. Тенденция социальной динамики этих неполноправных – будь то мушкенумы или шудры – отнюдь не вела, как то подчас изображалось в исторических сочинениях и особенно в учебниках, к сближению их с рабами. Напротив, она вела к дальнейшему постепенному повышению их статуса, как это видно на примере шудр. Стоит заметить в связи с этим, что тенденция такого же рода была характерна и вообще для рабов, чей статус со временем повышался, как о том только что было сказано. Именно поэтому, в частности, количество рабов почти не росло, оно увеличивалось практически только за счет нового притока иноплеменников-пленников и лишь в периоды активной внешней политики, после которых описываемые процессы адаптации бесправных и неполноправных приводили к постепенному сокращению числа тех и других.

На две перечисленные системы – ранних этногенных связей и правового неравенства гетерогенного в этническом плане населения данной социальной общности – со временем накладывалась и еще одна, третья. Речь идет о системе имущественного неравенства, но не того

должностного, когда богатство было функцией должности[20], а неравенства, бывшего функцией процесса приватизации. После появления таких институтов, как частная договорная аренда, наемный труд, долговая кабала и даже рабство полноправных (юридически и социально всегда отличавшееся от рабства бесправных иноплеменников), в обществе возникает новая шкала важных социальных различий: каждый из традиционных слоев, включая и бесправных в недавнем прошлом рабов-иноплеменников, имел своих богачей и бедняков, своих долговых рабов, арендаторов, наемников и т. п. Разумеется, богатство было более типичным для полноправных, чем для бесправных, а бедность – для простолюдинов. Тем не менее и то, и другое встречалось на всех уровнях социально-юридической лестницы. В кабальное рабство случайно попадали и брахманы (правда, по отношению к ним хозяин обязан был проявлять внешние признаки почтения), а простолюдины порой оказывались богаче древнекитайских аристократов, даже князей. Что же касается рабов, то некоторые из них, как в Вавилоне, бывали владельцами богатых торгово-кредитных контор и ворочали, что называется, миллионами, оставаясь при этом рабами своих хозяев и уплачивая им регулярный и весьма высокий оброк-пекулий.

Итак, традиционный социальный слой, формальный юридический статус и реальное имущественное положение не только не совпадали, но, напротив, образовывали достаточно запутанную сеть сложной социальной структуры. Но что же здесь было главным – в частности, с точки зрения столь привычного для нас классового анализа? Иными словами, как же все-таки обстояло дело с классами в древневосточном обществе? Были ли они вообще? И если были, то в чем была их специфика? И вообще, о каких именно классах здесь можно вести речь?

Государство и проблема классов

Марксистский тезис о том, что государство возникло на основе разделения общества на классы, современной наукой отвергнут. Этот тезис может быть принят во внимание только применительно к античной Европе, да и то с оговорками. Как известно, античный город-государство (полис) возник в результате того, что общество раскололось на полноправных граждан и всех остальных, включая полностью бесправных рабов, причем именно для удержания в повиновении этих остальных (хотя далеко не только для этого) возник гражданский полис, т. е. ранняя форма государства. Однако следует напомнить, что это отнюдь не было первое государство в античном мире; ему предшествовали иные типы протогосударств, хорошо известные, в частности, из гомеровского эпоса, не говоря уже о мифологии. Цари типа Одиссея, Эдипа или основных героев троянской войны не имели никакого отношения к более поздним полисам, но были уже правителями государств – тех самых, где не было никаких антагонистических классов. Значит, первые государства возникли не на основе разделения общества на антагонистические

20 Неравенство такого типа фиксируется археологами в очень древних захоронениях, причем нередко делаются на этом основании поспешные выводы об именно имущественном расслоении и чуть ли не о существовании частной собственности и антагонистических классов, тогда как следовало бы сказать только о том, что старейшина или вождь всегда погребались более пышно, чем рядовые общинники

классы. Они складывались, как о том уже говорилось достаточно подробно, иначе. Наиболее ранние типы социальных связей в первичных протогосударствах сводились к двум системам: этногенной социальной и этнически гетерогенной правовой. В основе этих связей лежал привычный для первобытной общины реципрокный взаимообмен, расширенный теперь до уровня обмена общественно полезной деятельностью: производители, администраторы, воины, жрецы, даже рабы-слуги – все вносили свой вклад в обеспечение нормального и стабильного существования усложнившегося общества с разделением труда и социальных функций. Взимание ренты-налога, реализация трудовых повинностей и редистрибуция избыточного продукта среди тех слоев населения, которые не были заняты в сфере производства пищи, – вот те основные социально-экономические функции, которые выпадали в этой структуре на долю государства, представленного аппаратом власти в самом широком смысле этого слова (администраторы, жрецы, воины, а также ремесленники и рабы-слуги, обслуживавшие, в первую очередь, потребности именно аппарата власти).

Применительно к ранним обществам и протогосударствам, построенным на подобной основе, можно говорить, как уже упоминалось, о взаимовыгодном обмене деятельностью, жизненно необходимом для выживания и стабильного существования усложнившейся по сравнению с первобытностью структуры. Но в то же время здесь есть и социальное неравенство, и имущественные привилегии высших (правда, их пока можно считать эквивалентом неравенства труда, формой компенсации за более высокое качество труда), и политическо-правовое неравенство статусов. Иными словами, заложены существенные основы для трансформации структуры.

Заметная трансформация начинается с процессом приватизации и ростом престижного потребления верхов. Индивидуальное обогащение власть имущих и стремление ко все большему обогащению, в новых условиях сравнительно легко реализуемое с помощью рынка, товарно-денежных связей и прочих аксессуаров частнособственнической формы ведения хозяйства, резко меняет привычную картину. Усиливается имущественный разрыв между производящими низами и управляющими верхами, а присвоение последними все большей доли увеличивающегося объема избыточного продукта теперь уже очевидно превышает справедливые нормы компенсации за качество труда в системе взаимовыгодного обмена деятельностью. Возникает хорошо известный специалистам феномен неэквивалентного обмена. Проще говоря, производители вносят в казну много больше, чем получают от государства (в виде защиты от внешних вторжений, организации управления, создания системы духовного комфорта и т. п.), причем эта разница как раз и является свидетельством эксплуатации правящими верхами, организованными в государство, производителей, обязанных налогами и повинностями, прежде всего общинных крестьян. Рента-налог, значительная ее часть, становится материальным проявлением этой эксплуатации, а в ряде случаев (должностные наделы чиновников, жрецов, воинов, аристократов) трансформация отношений становится и весьма наглядной: хозяин пожалованных ему земель живет за счет налогов и повинностей населения. Стоит специально обратить внимание на то, что все описанное – не частнособственническая эксплуатация, ибо все связи здесь по-прежнему опосредуются отношениями

централизованной редистрибуции. Однако отсутствие частнособственнических отношений в описываемой сфере никак не меняет того, что в ней уже налицо использование труда одних для привилегированного и даже роскошного существования других, т. е. для эксплуатации одних другими.

Таким образом, наличие эксплуатации вне сомнений. Но как тогда с классами? Привычно представлять эксплуатацию результатом классового угнетения, основанного на экономическом неравенстве (собственник орудий и средств производства эксплуатирует неимущего, лишенного этих орудий и средств, не имеющего собственности). Но если речь идет о сфере отношений, не основанных на частной собственности, каков тогда экономический фундамент эксплуатации? И что такое государство при этом? Причастные к власти социальные верхи, объединенные в государство, действительно не являются частными собственниками – во всяком случае в рамках той сферы отношений, о которой идет речь. Но в то же время они являются собственниками постольку, поскольку имеют власть (феномен власти-собственности), т. е. представляют собой хорошо организованный социальный слой, выполняющий функции господствующего класса, но классом в собственном смысле этого слова не являющийся. Иными словами, причастные к власти являются собственниками и классом постольку, поскольку они являют собой государство. Вне государства ни один из них не имеет отношения ни к власти, ни к собственности, ни к функции господствующего класса.

Теперь о другой сфере отношений – о той самой, что тесно связана с процессом приватизации, частной собственностью и возникшей в связи с этим новой форме ведения хозяйства. Здесь была создана экономическая основа для появления классов по Марксу – частная собственность на орудия и средства производства. Появились ли классы? И какие?

Прежде всего следует решительно отказаться от устаревшего представления, будто классовым барьером в восточной древности был тот, который разделял раба и рабовладельца. Разумеется, с развитием частной собственности, как о том уже говорилось, появилось и частное рабовладение, кабальное и долговое рабство. Но оно не было и никогда не стало основой частнособственнической экономики и соответствующей формы ведения хозяйства. Раб везде и всегда был весьма дорогостоящим и достаточно нерентабельным производителем. Гораздо чаще он был важным элементом престижа его хозяина – если речь шла именно о частном рабе. Во всяком случае совершенно определенно, что не за счет его эксплуатации богатели процветавшие частные собственники. Разбогатев на торговых операциях и ростовщичестве, эти собственники обычно открывали свое дело – мастерскую, контору, рудник и т. п. с использованием наемного труда, а также рабов, включая и кабальных. Кроме того, они охотно покупали земли у обедневших крестьян, хотя это было нелегко, ибо община строго стояла на страже своих традиционных прав и стремилась обставить любую такую покупку частоколом оговорок и ограничений, порой не только затруднявших, но делавших невозможным продажу общинной земли чужаку. Но коль скоро эти трудности преодолевались и частный собственник становился землевладельцем, а также в тех нередких случаях, когда этим собственником оказывался свой же общинный крестьянин, покупавший землю у обедневшего соседа без всяких формальностей, приобретенные им земли чаще всего сдавались в аренду обедневшим и малоземельным на

договорных началах. Разница между выплатой ренты-налога казне и арендной платой оставалась собственнику. Итак, источником частного обогащения были частная договорная аренда, наемный труд, труд кабальных и – гораздо реже – труд рабов в полном смысле этого слова.

Из сказанного явствует, что в сфере частнособственнических отношений и в соответствующих формах ведения хозяйства появлялись вроде бы классовые в привычном для нас восприятии взаимосвязи и антагонизмы: на одной стороне классового барьера был собственник, на другой – неимущие и обездоленные. Но что характерно: если собственников еще можно как-то условно объединить в некий единый класс, хотя и по происхождению, и по положению в число их входили очень разные люди, вплоть до рабов, о чем уже упоминалось, то с неимущими и обездоленными все много сложнее. Что это за класс, в который входят и крестьяне, приарендовавшие клочок земли соседа с целью приработать, скажем, на свадебные расходы, и попавшие в долговую кабалу высокочтимые брахманы, и разгульные наемники, и бесправные рабы? А если это не класс, то что же это?!

Создается парадоксальная – но парадоксальная только с точки зрения привыкшего к марксистской политэкономии наблюдателя – картина. С одной стороны, в обществе существует четко очерченный слой лиц, выполняющих экономические и политические функции господствующего класса, но классом частных собственников при этом не являющийся. С другой стороны, существует социально весьма пестрая группа, которая экономически могла бы считаться классом собственников, если бы имела политические функции, по букве марксизма вытекающие из экономического господства. Но группа собственников, о которой идет речь, не имеет власти, основанной на могуществе ее богатства. Более того, богатство, не причастное к власти, на Востоке вообще мало ценилось, даже, напротив, обычно вызывало зависть и злобу со стороны власть имущих. Что же касается тех, кто вроде бы находится по другую сторону классового барьера, то здесь тоже очень много неясного. К числу налогоплательщиков всегда принадлежали почти все, кроме самих причастных к власти. Это значит, что государство выступало в качестве эксплуататора и по отношению к обычным земледельцам-общинникам, и тем более по отношению к крупным землевладельцам, чья доля ренты-налога была, естественно, весомее. Таким образом, частный собственник был в той же мере эксплуатируемым, что и мелкие производители, но одновременно он же выступал в качестве эксплуататора, извлекал выгоду из своего богатства.

Государство и общество

Соответственно социальной структуре сложились и взаимоотношения между государством и обществом в целом. Если в Европе с античности государство способствовало процветанию господствующего класса, собственников, если там общество в лице частных собственников всегда отчетливо доминировало над государством, а государство было слугой общества и соответственно были построены все его институты, то вне Европы, на Востоке, дело обстояло иначе. Государство здесь никогда не было, если использовать привычную марксистскую терминологию, надстройкой над социально-экономическими отношениями,

сложившимися вне его и помимо него. Государство в лице причастных к власти социальных верхов не только выполняло функции господствующего класса («государство-класс»), но и было ведущим элементом базисной структуры общества. Если сказать жестче, оно абсолютно господствовало над обществом, подчинив его себе. Соответственно складывались институты такого государства и вся обслуживавшая его система идей и учреждений.

Подчиненное государству общество в различных восточных структурах выглядело по-разному. В Египте, например, общества почти не было вообще: оно было практически растворено в институтах всемогущего государства. В Китае голос его был слышен – как в форме идей, так и в виде определенных организаций. В Шумере и Вавилонии общество в целом и индивиды как часть его сумели отстоять даже некоторые формальные права, отраженные в системе законов. Наконец, в Индии общество в форме варн и каст, в виде классической индийской общины в некотором смысле даже выходило на передний план, о чем частично уже шла речь и о чем подробнее будет сказано в следующей главе. Но отрицало ли это государство и ставило ли под сомнение его безусловное господство над обществом? Отнюдь. Государство везде абсолютно господствовало над обществом, включая и Индию, – нужно только оговориться, что речь идет не о данном конкретном государстве, сильном или слабом, но о государстве как системе институтов и высшей власти, как ведущем элементе в сложившейся системе отношений.

В ранний период, когда никаких признаков частной собственности еще не существовало, это господство не было заметным в силу того, что государство и общество тогда еще практически не были расчленены: государство было формой организации общества; выросшие на основе общественных должностей власть имущие, организованные в аппарат власти, вполне искренне считали себя и действительно были на службе общества, организованного в государство. С ростом престижного потребления и успехами процесса приватизации изменение общей ситуации проявилось, в частности, и в том, что государство в лице аппарата власти отделилось от общества и противопоставило себя ему, одновременно подчинив его себе.

Предоставленное в некотором смысле самому себе (правда, в небольшой степени, ибо государство по-прежнему оставалось системой институтов, возникших во имя самосохранения общества, его традиционной структуры), общество стало заботиться о создании какой-то системы социальных корпораций, которые призваны были как заново организовать его членов в новой, более дробной форме, так и противостоять внешнему нажиму со стороны власти, произволу власть имущих. Частично этими корпорациями стали существовавшие издревле формы – семьи, кланы, общины, а частично возникли и новые – касты, цехи, секты. Некоторые из новых форм не только воспроизводили старые отношения зависимости младших и слабых от старшего и сильного (отношения типа патрон – клиент, отношения клиентеллы), но и придали им некую новую сущность, поставив упомянутую и уходящую в глубокую историю клиентельную связь (вспомним папуасских бигменов) как бы на новую основу имущественной зависимости от процветающего частного собственника, будь то богатый и причастный к власти аристократ либо влиятельный в общине богач-землевладелец.

Стоит заметить, что социальные корпорации были в интересах не

только создавшего и усилившего их значимость общества, но также и государства, ибо они являли собой удобный рычаг для управления разросшейся социально-политической структурой. Чиновнику не было нужды вникать во внутренние дела каждой деревни, касты, цеха или секты – ему было достаточно наладить контакт с руководителем корпорации и через него управлять ею. По отношению же к обществу в целом и к государству каждая из корпораций (а их было немало, сферы их влияния могли пересекаться и совпадать, а человек мог принадлежать параллельно нескольким из них – клану, общине, секте) являла собой автономную ячейку, обладавшую известным самоуправлением.

Сложившаяся в качестве элемента метаструктуры восточных обществ система корпораций гармонично вписалась в нее и во многом определила линии генеральных связей и противоречий, характерных для цивилизаций Востока. В Индии ведущей формой были касты и общины, в Китае – семьи, кланы, землячества и секты, на Ближнем Востоке – общины, семьи, кланы. Социальные корпорации были известны и Европе. Но там они играли несколько иную роль, ибо на передний план выступали личностные интересы, что было связано с господством частнособственнических отношений. На Востоке же, при отсутствии условий для расцвета индивидуализма частного собственника, горизонтальные связи потенциальных союзников по классу с лихвой перекрывались связями вертикальными, корпоративными, клиентельными. Члены касты, общины, секты, клана, цехо-гильдии либо просто группа зависимых от влиятельного и богатого человека его клиентов обычно сплачивались в единую, хорошо и жестко организованную корпорацию, порой имевшую не только всеми признанное руководство, но и устав, дисциплинарный кодекс, систему обязательных норм поведения. Бедняки и богачи, бесправные и полноправные, производители и управители, воины и жрецы – все находили свое место на иерархической лестнице внутри корпорации, а для внешнего мира все они вместе, несмотря на разделявшее их неравенство, выступали обычно как единый сплоченный коллектив, отражавший в конечном счете – причем вполне реально, на деле, а не только на словах либо в форме лозунгов – интересы всех его членов, олицетворенные позицией и акциями его руководителей. Корпорация нередко была как бы микрогосударством, и в этой связи нелишне напомнить тезис Конфуция о том, что государство – это в конечном счете лишь большая семья.

Только в рядах корпорации отдельный человек мог чувствовать себя в относительной безопасности, что ощущали прежде всего собственники, которых не спасали от экспроприаций и притеснений порой даже сильные корпоративные связи и поддержка многочисленных клиентов. Поэтому в условиях отсутствия гражданского общества для подавляющего большинства населения корпорация была определенной гарантией от произвола, защитой нормального существования. Без нее же, вне ее индивид обычно превращался в социальный нуль и чаще всего скатывался на дно общества, пополняя собой ряды неполноправных и бесправных.

Известно, что на Востоке, несмотря порой на существование сводов законов, а точнее, собраний правительственных регламентов, никогда не было системы частного права, игравшей столь важную роль в Европе со времен античности, и соответствующих частноправовых гарантий собственника, тем более гражданина (граждан в этом смысле Восток

вообще не знал). Законы всегда писались от имени государства и во имя его интересов. Конечно, это не значит, что законы вовсе не охраняли имущество и права подданных. Но системы гарантий, которая позволила бы любому считать себя социальной единицей и тем более беспрепятственно, без страха за будущее заниматься предпринимательской деятельностью наподобие античного гражданина или средневекового купца в феодальном европейском городе, – такой системы не было. Контрольные же функции чиновника, всегда стоявшего на страже интересов казны и хорошо сознававшего, что та часть избыточного продукта, которая попала в карман собственника, может считаться как бы вынутой из казны, за счет которой жил и он сам, ставили этого собственника в зависимое от власти положение, порой доходившее до произвола, вымогательств, прямых экспроприаций.

Отсутствие системы частноправовых гарантий вело к тому, что только причастность к власти предоставляла человеку более или менее высокий и сравнительно независимый (от начальства он всегда зависел) статус. Богатство могло помочь достижению такой позиции: можно было купить ранг, добиться должности, вступить в родственные отношения с власть имущим посредством брачных связей. Играла свою роль и знатность, принадлежность к определенной касте, духовным званиям и жреческим функциям. Наконец, мог выручить случай – особенно это касалось военных или удачливых слуг. Но только и именно достигнутая в результате всего этого, равно как и любым другим способом, причастность к власти могла дать индивиду высокое и общепризнанное социальное положение, в том числе и широкие возможности обзавестись имуществом, стать крупным землевладельцем и даже оказаться процветающим частным собственником.

Дело в том, что между двумя описанными выше сферами и формами ведения хозяйства никогда не было непреодолимой грани – грань эту мы вынуждены проводить только в интересах теоретического анализа. В реальной же жизни все богатые, и едва ли не в первую очередь власть имущие, начиная с самого правителя, довольно активно использовали свое привилегированное положение и свои щедрые доли в системе редистрибуции для приобретения частной собственности. В ближневосточных текстах, в частности, можно встретить документы о приобретении правителем у какой-либо из подчиненных ему общин определенного участка земли для владения им на правах частной собственности – обстоятельство, которое ни в коей мере не ставит под сомнение высокий официальный статус этого правителя в качестве высшего субъекта власти-собственности в этом государстве. Что касается представителей администрации рангом пониже, то для них такое было еще более характерным: многие из их числа стремились воспользоваться своим положением для обогащения подобным образом. Но что характерно и весьма важно: частная собственность для каждого из причастных к власти всегда при этом была и оставалась делом как бы факультативным, не более того.

Переплетение интересов индивида как собственника и как причастного к власти никогда не вело к выдвижению на передний план частных интересов, как то может показаться само собой разумеющимся для наблюдателя, привыкшего к европейской системе ценностей с ее бесспорным приоритетом личного, индивидуального начала. Напротив, каждый причастный к власти хорошо понимал, что своим высоким

положением он обязан именно своей должности, благодаря которой он стал собственником и без которой, даже обладая собственностью, он значил бы весьма немного и даже легко мог бы потерять все. Поэтому каждый причастный к власти всегда отчетливо сознавал, сколь многое значит для него должность. Что же касается интересов обладателей должности, т. е. аппарата в целом, государства, то они совершенно очевидны: не следует поощрять чересчур энергичное развитие частнособственнического сектора, так как это наносит ущерб казне и тем самым подрывает основу, на которой зиждится структура в целом во главе с тем же самым аппаратом. Поэтому интересы государства тесно переплетались с интересами личности как представителя аппарата и решительно преобладали над интересами этой же личности как собственника, даже если речь идет о самом высокопоставленном должностном лице.

Глава 14
Древний Восток: специфика регионов и динамика исторического процесса

Структурные особенности Востока, место и роль в нем государства и общества, характер экономики и положение частного собственника – все это, как и многое другое, определило в конечном счете и динамику исторического процесса, столь несхожего в своих основных параметрах с историческим процессом в Европе. В Европе превращение частной собственности в структурообразующую основу и возникновение сложной системы идей и институтов, соответствующих этому и всячески стимулирующих развитие индивидуальности гражданина-собственника, его энергии и предприимчивости, его инициативы и гарантий, прав и обязанностей, привели в конечном счете к тому, что общество и определявшая его благополучие и процветание экономика стали быстрыми темпами эволюционировать и наращивать накапливаемые благоприятные инновации. Сильное и уверенное в себе общество, основанное на личной инициативе процветающего собственника, не могло бояться новаций, напротив, оно стремилось к ним, умело отбирало их, для чего использовался свободный и административно не регулируемый рынок, выдвигавший свои требования и предоставлявший удачливым новые возможности.

Конечно, и античная Европа развивалась отнюдь не по гладкому и безоблачному пути. Но она все же добилась немалого, и как знать, чем бы все кончилось, если бы не сила варваров, сокрушившая Рим. Впрочем, именно то, что осталось от Рима, обусловило возрождение Европы в позднем средневековье, после того, как она на ряд долгих веков оказалась варварской, представленной практически такими же протогосударственными структурами, что были характерны для всего неевропейского мира. Возрождению античности со всей присущей ей динамикой индивида и всего исторического процесса обязана Европа в конечном счете своим ускоренным развитием в предкапиталистическую эпоху. Так что в этом смысле можно сказать, что вместе с античностью в исторический процесс Европы была привнесена динамичность развития и тяга к новациям – весьма важные факторы ускоренного развития. Ничего

похожего на это в историческом процессе, свойственном неевропейскому миру, не было. К чему же сводился этот процесс?

Консервативная стабильность

Для неевропейских, и в частности, древневосточных структур с характерным для них второстепенным и подчиненным положением частного собственника и всесилием государства, господством аппарата власти главным было стремление к внутренней устойчивости и явно отрицательное отношение к любым переменам и нововведениям. Это и понятно: новые силы и тенденции вполне очевидно угрожали нормальному существованию устоявшейся структуры, подрывали эффективность традиционной политической администрации. Конечно, приватизация и связанные с ней рынок, система товарно-денежных отношений оживили экономику ранних восточных обществ, создали определенную перспективу, без которой восточные государства и общества не смогли бы сделать необходимого шага для их поступательного развития, для возникновения на основе ранних государств и обществ более развитых, для создания империй. Но при всем том несомненно одно: рыночная экономика была чем-то вроде выпущенного из бутылки джинна. С ней следовало держать ухо востро. Она грозила подрывом устоявшихся норм консервативной стабильности, а ведь именно стабильность является наибольшей гарантией существования традиционных восточных структур. Неудивительно поэтому, что повсюду, где товарно-денежные рыночные отношения и частнособственническая активность приобретали заметные размеры и начинали активно воздействовать на общество, государство рано или поздно вмешивалось в сложившуюся ситуацию и решительными административными мерами изменяло ее в свою пользу. Меры, о которых идет речь, могли быть весьма разными, от включения в текст законов Хаммурапи группы статей, ограничивающих продажу земельных наделов воинами, до широкомасштабной кампании Шан Яна против стяжателей. Но суть их всегда и везде на Востоке была одна: частный собственник должен находиться под строгим контролем власти, дабы структура в целом оставалась консервативно стабильной.

Консерватизм такого рода структуры не означал полного неприятия любых новаций. Те из них, которые не представляли угрозы для нее, после их апробации адаптировались, причем за их счет структура становилась более гибкой и жизнеспособной. Но решительно отметались как раз такие новшества, которые могли быть в пользу собственника, т. е. именно те, что двигали вперед европейскую историю. В первую очередь это касалось всех тех институтов, которые могли бы способствовать укреплению статуса собственника, выработке системы его правовых гарантий, каких-либо демократических процедур и т. п. Ведь они не случайно не появились вне Европы: их не было там именно потому, что им не было там места и их отвергала структура, видевшая в них, и совершенно справедливо, угрозу для себя, для своей стабильности. Консервативная традиция во всех восточных обществах со временем стала естественной и весьма эффективной альтернативой европейской динамике, основанной на новациях. На Востоке исторический процесс – как и вообще отношение к времени – не воспринимался в качестве

линейного, а консервативная стабильность реально превратила его в цикличный.

Как же выглядит типичный для Востока цикл? В самом общем виде, включая и Индию, хотя она заслуживает определенной оговорки, можно сказать, что в основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противостоящие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре. Но хорошо известно, что крепость централизованной власти не бывает постоянной и долговечной. Рано или поздно, по тем или иным причинам центральная власть приходит в упадок. Начинается более или менее длительный переходный период, который чаще всего отмечен острыми социальными и экономическими кризисами, политической неустойчивостью и в конечном счете децентрализацией. Все это, вместе взятое, ведет к дестабилизации структуры. Каков же характер воздействия на структуру дестабилизирующих ее факторов? Могут ли они привести к ее ломке, к радикальной трансформации с последующим возникновением чего-то принципиально нового?

Ни в коем случае. Как показывает анализ исторического процесса, об отдельных проявлениях которого уже упоминалось (это особенно заметно на примере Египта или Китая, но прослеживается также и в Индии, в Западной Азии, т. е. практически везде), от политики децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость и в случае длительности переходного периода превращаются через ряд поколений в фактически самостоятельных удельных аристократов, подчас во владельцев феодальных по типу вотчин. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на макроструктуру в целом не привносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы.

Конечно, это не значит, что в недрах более мелких образований не могут протекать серьезные внутренние процессы, принципиально влекшие за собой некоторые существенные перемены, как то было, в частности, в чжоуском Китае. Но ведь такие же процессы и с тем же конечным результатом могли протекать и реально протекали и в периоды активной централизованной администрации в рамках крупных политических общностей (речь идет в первую очередь о процессе приватизации). Другими словами, политическая децентрализация, как и феодализация, сама по себе в условиях восточных обществ не рождает новых социальных тенденций, так что дестабилизация в этом случае сводится лишь к политическому ослаблению, к развалу государства на части. Рано или поздно децентрализация преодолевается за счет действия центростремительных факторов, и на смену феодальным княжествам или децентрализованным региональным объединениям типа номов вновь приходит эффективная центральная власть, которую возглавляет либо один из усилившихся региональных вождей, либо удачливый завоеватель (изредка, как в Китае, это мог быть и предводитель крестьянского восстания).

Социальный и экономический кризисы, протекавшие в рамках цикла, могли бы, казалось, вести к более серьезной внутренней стабилизации, особенно тогда, когда процесс приватизации уже завершился и частный

собственник занял в структуре свое прочное, пусть и контролируемое властью место. Однако на практике ничего подобного никогда не происходило. Почему же?

Дело в том, что, вызывая дестабилизацию или способствуя ей (рост частнозависимых сокращает доходы казны и ведет к усилению произвола недополучивших жалованье чиновников на местах; отсюда ухудшение положения производителей, бегство и сопротивление их), частнособственнический сектор экономики при этом сам оказывается в очень невыгодном для себя положении: в обстановке децентрализации и неэффективной администрации отпадают последние административные гарантии, а богатого собственника в первую очередь грабят ушедшие в шайки разоренные бедняки и бродяги. Естественно, что в таких условиях не приходится говорить о новых тенденциях в социально-экономическом развитии. Как это ни парадоксально, но частный сектор на Востоке заинтересован именно в сильной, пусть и ограничивающей его власти, ибо только она предоставляет ему сколько-нибудь гарантированные возможности для существования. Иными словами, даже собственник в рамках традиционной восточной структуры определенно тяготеет ко все той же консервативной стабильности.

Динамика исторического процесса

Итак, в основе исторического процесса на традиционном Востоке с древности лежало отчетливо выраженное стремление к консервативной стабильности. Естественно, это оказало огромное воздействие на динамику процесса. Если в Европе это было движение от низшего к высшему, от отсталого к передовому, т. е. линейная динамика прогресса, то на Востоке альтернативой ей оказалось цикличное развитие. Но значит ли это, что мы имеем дело лишь с замкнутыми и повторяющимися циклами? Не вернее ли говорить о спирали, пусть туго сжатой, с налегающими друг на друга витками? А если так, то чем же отличались витки один от другого? И что видится в конце спирали?

Вопросы не просты, и от исчерпывающего ответа на них пока стоит воздержаться. Одно несомненно: Восток не стоял на месте. Пусть медленно, но он эволюционировал; пусть с реверсиями, но в конечном счете развивался поступательно. И все же динамика его эволюции была принципиально иной. Разница здесь не только в том, что развитие было не линейным, а цикличным (пусть даже циклично-поступательным) и что структура сама отвергала те инновации, которые могли бы угрожать ее консервативной стабильности, ее стремлению к самосохранению, к гомеостазису. Есть и еще один существенный аспект различий, тоже тесно связанный с особенностями структуры.

Если в Европе двигателем прогресса и активным сторонником инноваций был индивид, гражданин-собственник, то в неевропейских и прежде всего древневосточных структурах отбирались и адаптировались лишь те новшества, которые имели прямо противоположный характер, т. е. соответствовали нормам корпоративной этики и интересам государства. Это были в первую очередь нововведения, направленные на укрепление эффективности власти (вспомним реформы Дария) или на ослабление общественных связей (реформы Шан Яна с его классической формулой: «Слабый народ – сильное государство!»). Это же касается и

внутреннего духа религиозно-философских учений: конфуцианство в Китае и индуизм в Индии, вытеснивший буддизм, были нововведениями, в немалой степени способствовавшими усилению корпоративного коллективизма и подавлению (коль скоро они могли возникнуть) индивидуалистических тенденций.

Отчетливой тенденцией циклично-поступательной динамики исторического процесса следует считать и укрупнение политических общностей: от локальных протогосударств к более крупным региональным ранним государствам, от них – к развитым централизованным государствам, от централизованных этнически гомогенных к этнически гетерогенным супергосударствам, империям, «мировым державам». В ходе этого более количественного, хотя в некотором смысле также и качественного изменения в орбиту государств и империй втягивались многие отсталые периферийные страны и народы, т. е. ойкумена все время расширялась за счет приобщения к достижениям цивилизации новых первобытных образований.

Динамика исторического процесса видна и в изменении взаимоотношений в рамках гигантских суперструктур. По мере превращения этнической гетерогенности в норму исчезали столь важные ранее традиционные представления о кардинальной противоположности «своих» и «чужих», а это на практике означало, что рабство иноплеменников утрачивало свою первоначальную роль. Захваченные в плен, скажем, персидскими Ахеменидами уже не превращались в рабов, во всяком случае поголовно. Да и вообще рабы-иноплеменники играли все меньшую роль в обществе, но не потому, что на смену «рабовладению» шел «феодализм», как формация по-истматовски, а именно в силу только что упомянутых причин. Впрочем, общее количество рабов от этого не изменялось сколько-нибудь заметно, ибо рабами после этого все чаще становились кабальные должники, преступники.

Наконец, развивалось и общество, раскрывался его духовный и интеллектуальный потенциал, что находило свое отражение в разработке научных знаний (математика, календарь, астрономия), в технических усовершенствованиях, философских учениях, религиозных системах, не говоря уже о практических навыках в земледелии и ремеслах, об опирающейся на многовековой опыт и постоянно совершенствовавшейся культуре труда, включая агрокультуру, ремесленную специализацию, строительное искусство и многое другое.

Резюмируя, можно сказать, что древневосточные общества с точки зрения поступательного исторического процесса отнюдь не стояли на месте, так что метафора с развитием по спирали, учитывая циклический характер исторического процесса, здесь вполне уместна. Но динамика исторического процесса на традиционном Востоке не только не была линейно-прогрессивной, но, напротив, отличалась тем, что не вела к радикальным структурным переменам. К этому сводится главная ее особенность. Впрочем, исторический процесс, при всей его однотипности для всего Востока, был различным применительно к каждому из крупных регионов, восходящих к великим очагам древневосточной цивилизации.

Специфика региональных очагов цивилизации

Слово «цивилизация» весьма емкое. Прежде всего этот термин

используется для обозначения того культурного уровня, достижение которого означало выход первобытных коллективов на рубежи урбанистической культуры. Древний Восток знает четыре основных очага такого типа первичной цивилизации: Египет, Двуречье, Индия и Китай. Но каждый из них тоже правомерно именовать цивилизацией, вкладывая в это слово уже несколько иной смысл, имея в виду специфический, отличный от других именно в цивилизационном плане очаг урбанистической культуры. Не слишком углубляясь в терминологические дебри, будем пользоваться обоими значениями слова.

Итак, четыре основных очага. Для сопоставительного анализа целесообразно ограничиться именно ими, причем для начала выделить и противопоставить остальным трем Двуречье и даже шире – Западную Азию, эту подлинную колыбель мировой цивилизации. Именно из этого региона шел наиболее интенсивный поток культурных импульсов, способствовавших резкому убыстрению развития остальной части человечества. Что касается других трех центров, то для них была характерна заметная замкнутость, а порой и значительная изоляция, и это во многом определило специфику каждого из них.

Западная Азия и в первую очередь Двуречье, долина Тигра и Евфрата, в низовьях которой возникла шумерская цивилизация, всегда была открыта внешним влияниям и воздействиям и умела извлекать из всего этого несомненную пользу для себя. Сюда стремились и здесь укоренялись многочисленные этнические группы, постоянно смешивавшиеся друг с другом. Отсюда открывались торговые пути во все стороны. Здесь был мощный генератор новых идей и технологических новшеств. Нет сомнения, что все это сыграло важную роль в деле ускорения темпов развития: уровень консервативной стабильности, т. е. устойчивой нормы с регенерацией генетически закодированной структуры, в этом регионе был ниже среднего для неевропейских обществ, а коэффициент перемен, нововведений во всех сферах жизни – будь то политическая, социальная, экономическая, технологическая, религиозно-культурная и др. – соответственно выше. Кроме того, неизменное расширение на протяжении тысячелетий зоны западноазиатского очага цивилизации за счет включения в него новых периферийных районов, населенных иными народами, равно как и появление здесь выходцев из Аравии (кочевников и полукочевых семитских племенных групп) или Прикаспия (индоевропейцев) способствовали быстрому экономическому, техническому и культурному развитию региона в целом и всех его древних центров в частности.

Неудивительно, что именно в Западной Азии, чья цивилизация не только возникла раньше других, но и развивалась быстрее и энергичнее их, имела более выгодные условия для такого развития вследствие постоянных контактов с соседями и обмена нововведениями, чаще, нежели в других древних очагах мировой культуры, возникали новые идеи и совершались важные открытия едва ли не во всех областях производства и культуры. Гончарный круг и колесо, металлургия бронзы и железа, боевая колесница как принципиально новое средство ведения войн, различные формы письма, от пиктограмм до алфавита, – все это и многое другое генетически восходит именно к Западной Азии, через посредство народов которой нововведения со временем становились известными в остальном мире, включая и иные очаги первичной цивилизации.

Ускоренные темпы эволюции и технического прогресса сыграли свою роль в том, что именно в государствах Двуречья ранее всего дал знать о себе процесс приватизации, что именно в Западной Азии этот процесс достиг наивысшего для древневосточных обществ уровня и что в результате этого здесь сложились те исключительные варианты структуры (финикия, Вавилон), в которых степень частнособственнической активности намного вышла за пределы обычной для неевропейских обществ нормы. Финикийцы не были абсолютно независимой и автономной структурой; напротив, они ухитрялись благополучно существовать и даже процветать лишь под покровительством все тех же восточных держав, которые по ряду причин были заинтересованы в существовании финикийского феномена и, во всяком случае, не препятствовали ему. Высокие темпы приватизации и развития общества Вавилонии вызвали к жизни исключительные в своем роде и до известной степени защищавшие частнособственническую активность правовые нормы типа законов Хаммурапи. И хотя те же законы с гораздо большей силой ограничивали произвол собственника в интересах государства, они сыграли определенную роль в том, что именно в Западной Азии централизованная администрация была вынуждена в большей степени, чем где-либо, считаться с частными собственниками. Да и сама эта администрация, временами опиравшаяся на серьезную силу, отличалась не слишком большой степенью сакрализации: хотя правители Западной Азии нередко обожествлялись, уровень их обожествления был в целом намного ниже того, что был характерен для Египта или Китая.

Все эти особенности, да еще в сочетании с политическим полицентризмом и этнической мозаикой древней Западной Азии, обусловили не только сравнительную неустойчивость здесь централизованной администрации, но и явственную тенденцию к частой смене политически господствующих этносов, а затем и «мировых» держав. И это тоже один из важных показателей более низкого уровня консервативной стабильности Западной Азии и большей открытости ее для изменений. В этом смысле западноазиатский регион стоял ближе других к античному миру, хотя степень этой близости ни в коей мере не следует преувеличивать: ее было достаточно для великого эксперимента Александра и практики эллинизма, но явно недостаточно для того, чтобы подобный эксперимент, длившийся почти тысячелетие (включая эпохи романизации и христианизации, смену господства эллинистических государств римским, а затем и византийским), заложил фундамент для «европеизации» Западной Азии или хотя бы плодотворного синтеза западноазиатской и европейско-античной структур. Как будет показано в последующих разделах работы, исламизация западноазиатского региона в исторически кратчайший срок наглядно подтвердила, что фундаментальные основы восточной структуры и после тысячелетнего эксперимента оказались практически непоколебленными. Тем более все сказанное относится к тем очагам древневосточной цивилизации, которые не отличались заметной открытостью к инновациям и много более очевидно, нежели западноазиатский, развивались за счет преимущественно собственных внутренних потенций на основе все той же фундаментальной восточной структуры.

Что касается Египта и Китая, то эти две цивилизации, несмотря на их отдаленность друг от друга, весьма близки между собой. В силу ряда

существенных причин, к числу которых следует отнести большую этническую гомогенность, исторически сложившуюся и устойчивую тенденцию к слиянию политико-административной власти с религиозно-этическим авторитетом, да и еще ряд важных факторов, государство здесь было много более устойчивым, чем в Западной Азии (об Индии речь пойдет особо). Политическая администрация была незыблемой и, главное, почти автоматически регенерировала после катаклизмов очередного цикла, а величие обожествленного правителя (сына Неба или сына Солнца), выступавшего в функции связующего единства и первосвященника, считалось несомненным и неоспоримым.

Соответственно очень большую роль в Египте и Китае играли отношения централизованной редистрибуции и тотальный контроль над населением, с массовым привлечением его к исполнению многочисленных и тяжелых трудовых повинностей. И наоборот, частнособственническая активность была существенно ограничена и находилась под строгим надзором властей, не говоря уже о том, что вся правовая система – точнее, официально фиксированная система правительственных регламентаций – была отчетливо сориентирована на защиту интересов всесильного государства. Общая для обеих цивилизаций едва ли не центральная фигура жреца-чиновника различалась лишь акцентом: в Египте он был на слове «жрец», а в Китае – на слове «чиновник». Это маловажное на первый взгляд различие было, однако, весьма существенным. В Египте акцент вел к противопоставлению интересов храма центральной власти, что в итоге привело к сакрализации сословия жрецов, тогда как в Китае противоположный акцент, в сочетании с общей тенденцией примата этики над религией, вел к оттеснению собственно ритуально-религиозных функций на задний план в пользу усиления чиновничье-бюрократической администрации.

Конечно, между Египтом и Китаем были и иные различия, особенно в сложившейся системе ценностей, образе жизни, формах социальной организации населения и т. п. Однако в рамках сопоставительного анализа важно обратить внимание на то, что, несмотря на совершенно очевидную уникальность каждой из сравниваемых цивилизаций, между ними было много общего, причем это общее весьма объяснимо и с точки зрения функционально-структурной, и с позиций условий первоначального существования египетского и китайского очагов цивилизации.

Древняя Индия

С этих, да и с некоторых иных точек зрения особого внимания при сопоставительном анализе заслуживает Индия. В чем-то индийский очаг цивилизации вполне сходен с другими. С западноазиатским его сближает большая роль внешних воздействий: та цивилизация, которая наложила основной отпечаток на судьбы Индии, сложилась в результате миграции ариев, т. е. в конечном счете западноазиатского народа, одного из тех, что внесли немалый вклад в развитие западноазиатского очага цивилизации (впрочем, справедливости ради стоит заметить, что и египетский, и китайский очаги не были стерильными в этом смысле: в Египет индоевропейское влияние шло с гиксосами, в Китае оно

ощущалось в Инь-Чжоу). Арийские волны принесли в древнюю Индию очень многое из того, чем к тому времени уже обладала западноазиатская культура, а с древними иранцами индийские арии были даже близкими родственниками.

Есть и нечто общее у Индии с египетским и китайским очагами цивилизации – относительная замкнутость и изолированность, явная тенденция к устойчивой консервативной стабильности. Больше того, эта тенденция в условиях миграции и завоевания чужих земель, оттеснения аборигенов и нежелания этнически смешиваться с ними (обстоятельство, совершенно чуждое и Западной Азии, и Китаю, практически незнакомое и Египту) привела к гипертрофированию упомянутой стабильности, что и нашло свое отражение в возникновении и со временем все большем укреплении системы варн, а затем и каст.

Но есть между Индией и другими очагами древней цивилизации и существенное, в некотором смысле кардинальное различие: для всей истории Индии с прихода туда ариев и вплоть до вторжения в нее воинов ислама характерны слабая политическая власть, неустойчивое государство, аморфная политико-административная структура. Неустойчивость государства была – в отличие от Египта и Китая – свойственна и западноазиатским древним обществам, о чем только что упоминалось. Но по сравнению с Индией эту власть можно было бы считать вполне устойчивой – все познается в сравнении. Встает законный вопрос: почему государственная власть в древней Индии оказалась столь слабой и, коль скоро так, не меняет ли этот важный факт все предложенные в данной работе теоретические посылки, не ставит ли он под сомнение главный тезис работы – о роли государства с его институтами власти-собственности и централизованной редистрибуции, с его доминированием над обществом и решающей ролью в системе хозяйства страны? Вопрос весьма серьезен, и на него надлежит дать достаточно убедительный ответ.

Сначала о причинах. Следует предположить, что приход индоариев в долину Ганга в сравнительно позднее время (ориентировочно – вторая половина II тысячелетия до н. э.) и, видимо, появление их в этой долине волнами, накладывавшимися одна на другую, создали в Северной Индии уникальную этническую ситуацию. Ариев оказалось достаточно много для того, чтобы, не вступая в тесный контакт с аборигенным населением, создать и социально укрепить собственную этнополитическую общность. Кроме того, арии прибывали в Индию в то время, когда сами они переживали этап ранней политической интеграции и когда в их среде только начинали вычленяться различные социальные группы – производители, управители и воины, жрецы. Ранние протогосударства индоариев в долине Ганга были еще недостаточно прочными, что вполне естественно для полускотоводческого мигрирующего этноса. Зато слой жрецов-брахманов был крепок прежде всего потому, что религиозные нормы служили в описываемое время едва ли не единственным прочным связующим всех пришельцев звеном. Территориально и политически все они, как известно, в то время еще недостаточно были связаны друг с другом, быть может, даже являли собой весьма рыхлую общность, близкую к тем, которые скрепляются механической солидарностью в условиях внешней опасности.

Приняв во внимание сказанное, следует предположить, что спаянные основанной на религиозно-культурной традиции солидарностью индоарии

на новых местах выше всего ценили свое этническое лицо, тогда как политической структуры у них еще не было или почти не было. Спасти же этническое лицо можно было только ужесточением этнической стерильности, что и привело к нерушимой системе варн и каст. Арии, осевшие в Индии и превратившиеся в оседлых земледельцев, стали жить общинами, причем эта новая для них фома территориальной и социальной организации – земледельческая община – была подчинена варново-кастовой системе и сочетала этносоциальные различия с территориальной и административно-социальной общностью.

О ранних политических структурах индоариев до начала I тысячелетия до н. э. никаких сведений нет. Весьма вероятно, что этих структур в то время еще не было или почти не было, из чего можно сделать вывод, что внешние импульсы, т. е. необычные условия, в которых начался процесс оседания ариев и становления форм их социального бытия (варны, касты, земледельческие общины), до предела снизили ту роль, которую в других регионах играло протогосударство как форма организации общества. Если у индоариев ведущими формами организации общества оказались иные, то не приходится удивляться, что государство здесь как бы лишилось некоторых из своих важных функций, оказавшись вследствие этого, по крайней мере на первых порах, чем-то необязательным, почти факультативным. К слову, именно этим объясняется долгое существование в древней Индии таких модификаций раннего государства или протогосударства, как ганы и сангхи, которые порой пышно именуют «республиками», но которые на самом деле были лишь недоразвитыми в специфических древнеиндийских условиях формами политической администрации.

Означает ли все сказанное, что применительно к Индии тезис о ведущей роли государства не применим? Отнюдь нет. Важно лишь понять, какую именно роль играло индийское государство и как функционировало оно в индийских условиях. Индийские формы организации общества – варны, касты, общины – существовали со времен догосударственных; доминировали в обществе прежде всего жрецы-брахманы. Всесилие брахманов, формально не связанных с политической властью, но зато игравших важнейшую роль носителей духовной культуры индоариев и потому бывших своего рода связующим единством в их среде, длительное время могло быть реальной альтернативой всесилию государства, политической власти, которые еще не сложились. Однако усложнение общества, увеличение численности населения, важность противостояния внешнему, часто враждебному окружению – все это властно диктовало необходимость укрепления политической власти, институционализации внеобщинной администрации, создания государств. И государства создавались, причем правителями их, чиновниками и воинами становились представители варны кшатриев, которые по мере укрепления своих позиций в обществе начинали соперничать с брахманами.

Соперничество брахманов с кшатриями проходит через всю древнюю Индию и завершается в общем не в пользу кшатриев. Конечно, кшатрии стояли у руля правления государств. Их представители пытались даже создать альтернативные религии – буддизм и джайнизм были созданы именно ими в противовес откровенно варново-кастовому древнему брахманизму. Но в конечном счете ни буддизм, ни джайнизм не завоевали прочных позиций среди индийцев, которые предпочли этим доктринам трансформировавшийся в индуизм древний брахманизм во

главе со все теми же брахманами, носителями древней мудрости, традиционной религиозной культуры. А государство оказалось как бы вне традиционного индийского общества.

Дело в том, что традиционные формы организации индийского общества (варна, каста, община), санкционированные религиозно-культурными нормами, практически не зависели от существования государства. Основные функции и заботы по воспроизводству структуры в неизменном виде и по сохранению привычной нормы в Индии с плеч государства были переложены на плечи общества. Но эта важная трансформация не привела ни к возвышению общества над государством, ни к какому-либо преимущественному развитию социальных институтов. Как и везде на Востоке, над традиционным индийским обществом прочно встало государство с его обычными институтами – властью-собственностью, рентой-налогом и централизованной редистрибуцией этой ренты. Община производила и платила ренту-налог государству. Государство существовало за счет этой ренты-налога, редистрибуция которой предоставляла содержание всем тем жившим вне общины социальным группам, существование которых было необходимо для нормального функционирования усложненной структуры в целом. Здесь, как и в других древневосточных обществах, реализовывался все тот же обмен общественно необходимой деятельностью, развивалось престижное потребление верхов, шел процесс приватизации и формировались различные категории собственников. Иными словами, государство было таким же, как и в других восточных обществах, – таким же по своим основным функциям, по механизму взаимодействия, по целям и формам существования.

Но вместе с тем традиционное индийское государство именно в силу необычайной крепости форм организации индийского общества и автоматического воспроизводства этих форм не было столь важным и жизненно необходимым для общества, как в других случаях. Образно говоря, индийское общество могло бы и не заметить, если бы государство исчезло вовсе, разве что некому было бы посылать ренту-налог, – тогда как во всех остальных древневосточных структурах не только гибель, но и ослабление государства влекли за собой кризисные явления, болезненно отражавшиеся на всем обществе. В реальности, разумеется, государство не исчезало. Просто крушение одной политической структуры неизменно влекло за собой появление на ее месте другой или других. Новые государства здесь появлялись с завидной легкостью, практически без затяжных войн и тем более всенародного сопротивления. Но зато все эти государства всегда были неустойчивыми, слабыми и обычно долго не существовали. Вместе с тем они были все теми же государствами, что и на всем Востоке: каждое из них олицетворяло высшую власть-собственность, было верховным редистрибутором, т. е. собирало ренту-налог и одержало за ее счет стоявшие над обществом слои населения, обслуживавшие государство.

Часть вторая
Средневековый Восток

Глава 1
Средневековье и проблема феодализма на Востоке

Деление истории на несходные друг с другом хронологические этапы появилось в европейской историографии с началом энергичного развития буржуазного общества, причем поводом для этого явилась необходимость понятийно-терминологически выделить новое время, противопоставив его прошлому. Прошлое же в истории Европы отчетливо делилось на античную древность и эпоху феодальной раздробленности, за которой следовал абсолютизм, т. е. период преодоления феодальной раздробленности, некоей дефеодализации. Блеск античности с ее высокими культурными стандартами, развитой частнособственнической экономикой, гражданскими правами и демократией, свободомыслием мудрецов импонировал идеологам нарождавшейся европейской буржуазии, а казавшаяся на этом фоне мрачной и убогой эпоха, разделявшая античность и новое время с его дефеодализацией, была названа средневековьем.

Сам термин был призван подчеркнуть преемственно-сущностную связь древности с возродившим ее традиции новым временем. Позже, когда трехчленная схема в европейской историографии уже устоялась, более четко обозначилась ассоциативно-коррелятивная связь античности с рабовладением, раздробленности с феодализмом, а нового времени с буржуазным развитием, в результате чего схема в ее модифицированном виде стала выглядеть как «рабовладение – феодализм – капитализм».

Итак, античное рабовладение, средневековый феодализм и современный капитализм. Все было четко, ясно и до предела понятно любому грамотному европейцу еще два столетия назад. Одно не вписывалось в эту стройную схему – история всего остального, неевропейского мира. Для многих в Европе, включая Гегеля и Маркса, о чем шла речь в вводной части работы, Восток был особым феноменом. Однако в XX в. проблема традиционного Востока стала решаться по-разному, причем в принятой у нас истматовской схеме его история начала уподобляться европейской – то же рабовладение и тот же феодализм.

Проблема феодализма на Востоке

О том, как пытался истмат постулировать наличие рабовладельческой формации на Востоке, речь уже шла. Нечто подобное произошло и с феодальной формацией. Более того, поиски феодализма оказались даже более легкими, чем то было с рабовладением. Дело в том, что система отношений которая возникла в постантичной варварской Европе, прежде всего среди полупервобытных германских племен, и которая со временем стала именоваться феодализмом, в сущности весьма близка к командно-административной структуре Востока, особенно на начальном этапе ее становления либо в периоды политической децентрализации. Здесь нет ничего странного: выходцы из великой индоевропейской общности, близкие родственники хеттов и иранцев, индийских ариев и доантичных греков, германские племена до оседания их на территории Европы находились на той же стадии развития и обладали той же протогосударственной структурой, что и все остальные

неевропейские общества. Они не были знакомы с частной собственностью, зато феномен власти-собственности, централизованной редистрибуции и контроль государства над обществом уже явно формировался в их среде.

Сосуществуя на протяжении веков рядом с античной Европой и активно контактируя с Римской империей, втягиваясь постепенно в орбиту ее хозяйственно-культурного влияния, германцы не могли не воспринять кое-чего из античного наследия. В результате та система отношений, которая возникла в Европе после падения Рима на смешанной германо-романской основе и со временем стала именоваться феодализмом, не была уже стопроцентно традиционно-восточной. Суть отличий сводилась к тому, что в раннем европейском феодализме укоренились и продолжали существовать, даже развиваться многие структурно существенные черты и признаки европейской античности. И хотя частично эти признаки были отсеяны христианством, сам факт христианизации феодальной Европы тоже немало значил с точки зрения преемственности структуры. Практически, как о том не раз писали специалисты, шел процесс синтеза классической античной и варварской германской (восточной по типу) структур. В этом синтезе со временем все большую силу набирали элементы античной структуры с ее приматом частнособственнического производства.

Почему строй жизни средневековой Европы и вообще постантичный этап европейской истории стал со временем именоваться феодальным? Феод – наследственное владение аристократа, вассала правителя протогосударства или раннего государства. Это нечто очень близкое к раннечжоуским уделам в Китае. Система феодов (или уделов), игравшая немалую роль в молодых государствах, в периоды политической раздробленности (а в раннесредневековой Европе это было едва ли не постоянной нормой, что не было характерно для Востока с его явственной тенденцией к централизации), не просто выходила на авансцену политической жизни, но и определяла многие ее основные параметры. Ей сопутствовали тесно связанные с ней институты – иерархия и вассалитет, междоусобицы и местничество, рыцарская этика, сословное чванство и т. п. Все эти институты важны для характеристики системы в целом. Поэтому, когда в позднем европейском средневековье они стали исчезать или замещаться централизованным абсолютизмом, то это по сути означало дефеодализацию средневековой Европы.

Итак, перед нами период от ранних феодов до дефеодализации – период феодализма, как он уже достаточно давно именовался. Марксизм придал привычному термину, как упоминалось, новое содержание, поставив вопрос о феодальном способе производства и феодальной формации в средневековой Европе. Феодализм стал восприниматься представителями различных историографических и идеологических направлений по-разному с точки зрения сущности явления (акцент на социально-политический феномен или социально-экономические отношения), хотя подчас одни и те же авторы, в том числе марксисты, включая самого Маркса, использовали этот термин и в том, и в другом смысле, в зависимости от контекста.

Таким образом, феодализм как явление был осознан в европейской историографии. Европейский феодализм совпал по времени с периодом средневековья и на протяжении веков заметно эволюционировал. Феодальная Европа постепенно все более ощутимо отрывалась от ее

восточных корней и сближалась с возрождавшимся античным способом производства (апогей этого процесса – период Возрождения), что было особенно заметно в городах, где заново складывалось многие элементы гражданского общества. Как известно, это сыграло свою роль в процессе дефеодализации. В связи со сказанным встает законный вопрос: а был ли подобного типа этап феодализма где-либо еще, кроме Европы? Иными словами, можно ли и правильно ли говорить о «феодализме на Востоке» или «восточном феодализме»?

Вопрос может показаться наивным: хорошо известно, что понятие «феодализм» широко, подчас даже безбрежно используется применительно к неевропейским обществам – более того, чаще всего даже преимущественно по отношению к ним: ведь они сравнительно отсталы, стало быть, у них мешают развитию именно «пережитки феодализма», «феодальные порядки» и т. п. Но отнесемся к проблеме так, как она того заслуживает с точки зрения серьезного академического анализа, учитывая прежде всего традиционную приверженность отечественной историографии XX в. к анализу в привычных категориях марксизма.

Сам Маркс не использовал или почти не использовал термина «феодализм» для характеристики восточных обществ и никогда не применял его для социально-экономической характеристики этих обществ, для обозначения формации на Востоке. Но ведь после него в полном соответствии с пятичленной истматовской схемой формаций это стало нормой: средневековый Восток – феодальный Восток, а как же иначе? Именно в безудержном использовании «феодальной» терминологии (отношения, пережитки и т. п.) как раз и виделось многим то самое единство всемирно-исторического процесса, ради которого следовало принести в жертву все остальное. Конечно, подчас делались оговорки в том смысле, что «восточный феодализм» отличается некоторыми существенными особенностями. Но при всем том он все-таки именно феодализм, а не что-либо иное. Почему же?

Причины есть. И дело не только в том, чтобы силой втиснуть Восток в выработанную на европейском материале схему формаций, хотя такую силу нельзя было недооценивать. Уже говорилось, что существует явственная генетическо-структурная близость между раннеевропейским феодализмом и традиционным Востоком, особенно на начальных ступенях процесса политогенеза. Можно также еще раз напомнить, что социально-политические институты европейского феодализма принципиально не были чужды и Востоку, как древнему, так и средневековому, особенно в периоды политической децентрализации. Правда, как только на смену раздробленности приходила централизация, на смену феодализму шла дефеодализация. Но ведь так же было и в позднесредневековой Европе с ее тенденцией к абсолютизму! В чем же разница? Почему же в Европе феодализм, по Марксу, формация, а вне ее – нет?

Разница есть, причем очень большая, принципиальная. Феодализм как социально-политический феномен, как система институтов, тесно связан именно с политической раздробленностью – как в Европе, так и вне ее. Преодоление раздробленности означает дефеодализацию. Иными словами, в принципе феодализм в этом его первоначальном смысле мог появляться и исчезать, после чего возникать вновь, как то и бывало в истории ряда стран Востока, будь то Древний Египет или Китай. Но если

так, то феодализм подобного типа невозможно отождествлять с марксистской формацией как определенным историческим и социально-экономическим этапом развития общества.

Европейский феодализм в принципе был таким же, как на Востоке. Он тоже пришел к концу, к дефеодализации, когда на смену политической раздробленности пришла централизация. Но в конкретных условиях истории Европы этот цикл – от начала феодализации до дефеодализации – хронологически почти точно вклинился в промежуток между античностью и капитализмом. Поэтому-то здесь феодализм как система феодов с легкостью был отождествлен истматом с феодализмом как формацией, формационно (а не только хронологически) отделившей европейскую древность от нового времени. Оставляя в стороне вопрос о проблеме марксистских формаций, в принципе следует заметить, что вне Европы подобного совпадения нигде и никогда не было. Роль господствующей и единственно известной структуры формационного (если уж последовательно использовать истматовскую терминологию) типа там играло всесильное государство, а феодализм временами выходил то в одном, то в другом регионе на передний план лишь в упомянутой уже форме системы уделов, совокупности социально-политических институтов децентрализованной структуры.

Так правомерно ли употреблять термин «феодализм» применительно к средневековому Востоку? По строгому смыслу теории Маркса – решительно нет. Но одно дело строгий смысл теории и совсем другое – сложившаяся практика. Не только в марксистской, но и во всей мировой историографии термин «феодализм» употребляется очень часто и в весьма расширительном смысле. Словом «феодализм» обычно именуют не только периоды политической раздробленности, но вообще весь докапиталистический этап истории (стоит напомнить в этой связи, что термином «рабовладение» применительно к древности как историческому периоду немарксистская историография вообще не оперирует). Такое расширительное использование слова превращает его в некую условность, в приемлемое и даже удобное для всех обозначение того общества, того периода истории, который предшествовал капиталистическому. Практически в немарксистской историографии «феодализм» – это другое обозначение понятия «традиционный Восток», едва ли не синонимичное ему. Но в том-то и дело, что это отождествление приемлемо и не вызывает споров лишь в немарксистской историографии, где не существует понятия «феодализм» в качестве формации. И совсем иначе обстоит дело в марксистской историографии, где слово «феодализм» преимущественно используется в смысле формации.

Имея это в виду, важно заметить, что использование термина «феодальный» применительно к неевропейским структурам неизбежно предполагает, что речь идет об обществе, подобном европейскому феодальному обществу. В полном соответствии с учением о формациях историками-марксистами при этом подразумевалось не сходство социально-политических институтов или систем уделов-феодов, но именно единство формаций. Происходила некая как бы незаметная подмена понятий. Не европейский феодализм как система феодов сопоставлялся с неевропейскими периодами политической раздробленности и сходных явлений, а европейское феодальное средневековье как формация воспринималась в качестве образца для конструирования средневекового восточного феодализма как формации. Происходила явная

терминологически-понятийная путаница: одним и тем же словом именовали разные системы отношений. Ведь в средневековой Европе господствующий класс частных собственников (феодалы) эксплуатировал труд зависимого от него крестьянина, причем государство опиралось на этот класс и объективно выражало его волю. В неевропейских обществах, включая и средневековые, все обстояло иначе: выполняющее функции господствующего класса государство в лице причастных к власти во главе с правителем жило за счет ренты-налога с землевладельцев, прежде всего с производителей-крестьян. Феодалов как отделенного от государства господствующего класса здесь никогда не было, как не было и феодального землепользования, феодального землевладения, феодальной частной собственности.

Так как же все-таки быть с проблемой феодализма на Востоке? Призывать отказаться от использования «феодальной» терминологии в нынешних условиях несколько напоминало бы стремление бороться с ветряными мельницами. Надеяться на то, что несоответствие упомянутой терминологии духу строгого смысла теории приведет к отказу от удобного и всем понятного термина, пока не приходится. Но, учитывая все сказанное, стоит воздерживаться от слишком частого и бездумного употребления «феодальной» терминологии и уж во всяком случае не использовать ее тогда, когда это явно искажает смысл анализируемого явления либо процесса. Например, когда речь идет о восточном средневековье как этапе исторического пути стран и народов Востока.

Средневековье как этап истории Востока

Для истории Европы, где впервые стал применяться термин «средневековье», смысл этого термина понятен и легко объясним: имеется в виду хронологический промежуток между античностью и возрождением многих античных признаков и структурных черт в новое время. Европейское средневековье – это по сути синоним феодализма. Семантический же подтекст слова в том, чтобы подчеркнуть, что динамика исторического развития Европы в средние века шла по линии преодоления феодальной раздробленности и элементов чуждой античности восточной структуры. Логика этой динамики привела после Возрождения к вызреванию капитализма как качественно новой, но сущностно близкой античности структуры, поднявшей на принципиально новый уровень священный принцип частной собственности.

В истории Востока, где понятие «феодализм» при любой трактовке термина хронологически явно совпадает с европейским, не говоря уже о том, что античности, как и капитализма (вопрос о том, когда и как капитализм проник на Восток, будет особо рассматриваться в следующей части книги), в качестве граней для средневековья там не было, дело обстояло иначе. Уже не раз шла речь о том, что Восток в принципе развивался иначе, чем Европа, шел по иному пути, что динамика его истории отличалась от линейно-прогрессивной европейской своей цикличностью. Говорилось и о том, что и в рамках спиральных циклов Восток все же развивался поступательно, причем это развитие проявлялось и в усовершенствовании технологии, и в использовании все новых ресурсов, и в развитии новых идей, включая научные, и в распространении накопленных знаний и культурного опыта в сторону

первобытной периферии, и в совершенствовании социально-политической структуры общества, и во многом другом. К этому стоит добавить, что поступательно развивались производственные ресурсы Востока в целом, будь то обогащенные опытом предков люди, численно все возраставшие и включавшиеся в производство новые орудия и новые технологии. Достаточно напомнить, что к эпохе Великих географических открытий на рубеже XV–XVI вв. именно богатый Восток представлялся полунищим европейцам сказочным царством роскоши – да и действительно восточные города и резиденции правителей были богаты. А ведь богатство – это объективный показатель развития и процветания структуры.

Словом, Восток развивался, временами даже достигал уровня зажиточности, а то и процветания. Богатая международная торговля способствовала распространению этого уровня, а консервативная стабильность социальной структуры в известной мере (учитывая неизбежные колебания в рамках циклов) гарантировала его устойчивость. Конечно, не стоит преувеличивать: богаты были отнюдь не все. Но не было и чересчур кричащей имущественной разницы вне пределов престижного потребления причастных к власти. Главное же было в том, что каждый имел столько, сколько ему положено, соответствовало его положению в государстве и обществе. Зарвавшиеся же собственники, нарушавшие эту неписанную норму, обычно сравнительно легко ставились на место.

Такой стереотип существования сформировался еще в глубокой древности, несколько транформировался в период процесса приватизации и затем в достаточно устоявшемся виде стал привычной нормой. Норма продолжала существовать на протяжении долгих веков и дожила в основном практически почти до наших дней, хотя с эпохи колониализма начался новый этап ее постепенной трансформации. Если прибавить к этому, что смены формаций традиционный Восток не знал, то перед специалистами невольно встанет вопрос, что же брать за основу периодизации исторического развития Востока. Что было здесь эквивалентом европейского средневековья? И вообще есть ли смысл выделять его?

Смысл, даже необходимость, безусловно есть. История традиционного Востока слишком велика, чтобы обходиться без периодизации. Ныне существует даже тенденция делить слишком продолжительную восточную древность на две части – раннюю и позднюю. Тем более стоит особо выделить тот этап развития, который лежит между древностью и колониализмом и который хронологически примерно соответствует европейскому средневековью. Остается лишь серьезный и никем пока не решенный вопрос, что же брать в качестве критерия при вычленении восточного средневековья. Обратим вначале внимание на то, что единственная структурная ломка, которую пока что пережил Восток, а вместе с ним и весь вообще неевропейский мир, это переход от традиционной структуры к колониальной или полуколониальной (зависимой), трансформирующейся в сторону капитализма. Отсюда со всей четкостью следует одно: древность и средневековье для Востока были периодами существования в рамках одной и той же традиционной структуры. Но если нет между древностью и средневековьем структурной грани – подобной той, что была в истории Европы, – то какую грань следует брать за основу при периодизации исторических этапов? Есть только два возможных выхода: либо

оперировать комплексом второстепенных, а то и случайных критериев, либо просто согласиться на некую условную хронологическую грань. Рассмотрим эти варианты.

Если оперировать комплексом критериев, то следует принять во внимание степень централизации власти, скажем, переход ее на уровень «мировых» держав, великих империй, ее институционализации, т. е. отработки механизма администрации, гибкого аппарата власти. Важно учесть роль великих мировых религий, способствовавших наднациональному общению и создававших определенные условия для существования «мировых» держав. Необходимо принять во внимание темпы освоения первобытной периферии, т. е. экстенсивное развитие крупных держав. Наконец, многое значит и возникновение устойчивых зон господства той или иной цивилизации, базирующейся на веками складывавшемся культурном стандарте и освященной какой-либо из великих религий или выполняющих их функции идейных доктрин. Все эти и многие близкие к ним критерии в сумме действительно помогают сформировать определенный комплекс важных признаков, который может свидетельствовать о некоем рубеже между старым и новым в истории разных стран и регионов Востока. Но при этом возникает новая практически непреодолимая сложность: комплекс критериев помогает найти логическую грань, не более того. А как быть с гранью хронологической, если принять во внимание, что у каждого из основных регионов своя логическая грань, хронологически не совпадающая с другими?

Так, например, для ближневосточного региона, родины человеческой цивилизации, столь богато представленного в древности важными историческими событиями, длительными периодами интенсивного развития, великими державами (Двуречье, Египет, Ассирия, Вавилония, Персия), период радикальной внутренней трансформации явственно приходится на промежуток между IV в. до н. э. (походы Александра) с последующим сильным культурным и структурным воздействием со стороны античного мира (эллинизация, романизация и христианизация) и VII в. н. э., отмеченным жесткой печатью ислама. За это тысячелетие кардинально изменилось на Ближнем Востоке очень многое: исчезли старые народы и им на смену пришли новые; ушли в прошлое древние государства, уступив место Арабскому халифату и его эмиратам и султанатам; решительно изменился образ жизни подавляющего большинства населения, принявшего ислам, вместе с которым пришли новый образ жизни, иные обычаи, нормы взаимоотношений, подчас даже языки. Неизменным осталось одно – то самое, что дает основание отрицать здесь факт смены структуры: как и в глубокой древности, отношения в мире ислама детерминировались нормами жесткого приоритета государства, причем примат всего государственного, власти как таковой, перед рыночно-частнособственническими отношениями стал проявляться в исламских странах даже более жестко, чем в доисламской древности, – при всем том, что родоначальники ислама, жители торговых арабских оазисов, были весьма сильно вовлечены в частнопредпринимательскую деятельность.

Если обратиться к истории Индии и связанного с ней региона, всей индо-буддийской цивилизационной зоны (это Индостан, включая Пакистан и Бангладеш – речь идет об их истории, а не о современном состоянии, – а также большая часть Юго-Восточной Азии и ряд мелких

государств типа Непала и Шри-Ланки), то окажется, что рубеж между древностью и средневековьем определить тут с помощью комплекса критериев будет еще сложнее. Как в глубокой древности, так и много позже, вплоть до проникновения ислама, здесь существовали крепкие восходящие к варново-кастовым и общинным связям социальные структуры, тогда как государства были политически неустойчивыми. Шел постепенный процесс индианизации юга полуострова, индуизм и в еще большей степени буддизм проникали на восток от Индии и завоевывали прочные позиции во многих районах, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Но ничего более радикального не происходило вплоть до XII–XV вв., когда энергичное проникновение ислама во все или почти все страны региона изменило достаточно радикально образ жизни этих стран. Таким образом, если руководствоваться комплексным критерием, перед нами возникнет лишь одна логическая грань: XII–XV вв.

Обратившись к Китаю и всему Дальнему Востоку, мы обнаружим совершенно иную логическую грань: на рубеже III–II вв. до н. э. древнекитайское общество, пережив структурную трансформацию и обретя единую официально санкционированную идеологическую доктрину, в духе которой были реформированы основные социальные институты и сориентированы образ жизни и ментальность населения, стало во многом иным, как иным стало и государство, приняв форму могущественной империи. Правда, эта империя в первые века своего существования испытала тяжелые удары кризиса, а затем на несколько веков даже распалась на части, причем как раз в это время формировались соседние с Китаем государства (Корея, Вьетнам, Япония), многое заимствовавшие у него и бывшие длительное время по сути частью китайской цивилизации. Приняв во внимание упомянутые события и процессы, можно опять-таки растянуть логическую грань между древностью и средневековьем в этом регионе Востока почти на тысячелетие (III в. до н. э. – VI в. н. э., когда была воссоздана империя).

Приняв во внимание все изложенное, нельзя не заметить, что определяемая комплексом критериев логическая грань, вполне доказательная и приемлемая в каждом из конкретных случаев, годится как грань лишь для данного региона. Конечно, есть и определенные совпадения: исламизация была общей и для Ближнего Востока, и для Индии и Юго-Восточной Азии. Но эта общность разрушается хронологическим дисбалансом (VII в. в одном случае, XII – в другом, XV – в третьем) и даже сущностной неравнозначностью: исламизация в Индии совсем не похожа на то, что было на Ближнем Востоке, ибо индийская кастовая система оказалась несовместима с исламом; только в Юго-Восточной Азии, где сильной кастовой структуры не было, успех ислама был ощутим, да и то с оговорками. Хронологически близки между собой периоды трансформации от древности к средневековью на Ближнем и Дальнем Востоке, но в обоих случаях эти периоды протянулись на тысячелетие, которое явно не может претендовать на роль хронологической грани.

Сказанное означает, что первый вариант, т. е. попытка опереться на комплекс объективных критериев для выработки общей периодизации, не дает приемлемого результата. Общей для всего Востока грани на этой основе наметить практически невозможно. Остается второй вариант, т. е. принятие некоей условной хронологической грани.

Собственно, именно это и делается ныне практически всеми. На этой

основе создаются учебники, общие труды, энциклопедии и т. п. Только в марксистской историографии эту условную и откровенно заимствованную из европейской истории хронологическую грань (примерно V в. н. э.) обычно, о чем уже говорилось, отождествляют с формационной (начало феодализму – опять-таки с незримой ссылкой на то, что именно так было в Европе). Учтя все это и твердо отдавая себе отчет в том, что фактически речь идет не о грани между формациями, а об условной хронологической грани, откровенно ориентированной на реалии европейской истории и взятой именно для удобства периодизации, мы вправе ориентировочно датировать начало восточного средневековья примерно началом, первыми веками нашей эры. Итак, начало, пусть условное, намечено. А как быть с концом?

Проблема здесь не менее сложна, хотя в некотором смысле более очевидна. Снова о грани между формациями речи нет – можно говорить лишь о начале трансформации восточных обществ под воздействием европейского капитала, колониализма, международного рынка. Естественно, что это длительный процесс, далеко не завершившийся и даже не достигший заметных результатов в ряде случаев и в наши дни. Так что же в таком случае взять за грань, пусть даже и условную?

Совершенно очевидно, что на сей раз приводимую обычно в наших учебниках, энциклопедиях и общих трудах периодизацию, не только откровенно ориентированную на реалии европейской истории, но прямо опирающуюся на эти реалии (английская революция? французская революция?), принимать нет оснований. Здесь все-таки нужна грань, пусть условная, пусть как-то соотнесенная с европейской историей, но все-таки имеющая смысл для самого Востока как субъекта исторического процесса. Другими словами, здесь необходимо принять во внимание не просто европейские процессы, но прежде всего то, как эти процессы затронули Восток. Речь идет, естественно, о колониализме, об экспансии колониального капитала, о связанной с этой экспансией трансформации Востока, наконец, о превращении ряда восточных стран в колонии.

Какие из этих событий наиболее важны, какие из них можно взять в качестве грани, пусть даже условной?

Начало колониальной экспансии было положено на рубеже XV–XVI вв. Страны южных морей стали энергично осваиваться португальцами и голландцами уже в XVI в., тем более в XVII в. Колонизаторы, включая и испанцев, англичан, представителей других европейских держав, активно осваивали территории Африки, Америки, Юго-Восточной Азии, в форме отдельных небольших анклавов оседали в Индии, Китае, занимали все укреплявшиеся позиции в торговле и мореплавании Ближнего Востока. Все это безусловно воздействовало на традиционную структуру неевропейских стран, а в ряде случаев – работорговля в Африке, латинизация Америки, активность в Юго-Восточной Азии – даже очень заметно. Тем не менее для традиционного Востока с его древними центрами высокой культуры это было только началом некоторых изменений, в то время еще едва заметных, если заметных вообще. Даже в XVIII в., когда европейские державы начали активное колониальное проникновение на Восток и было начато завоевание англичанами Индии, внутренней структуры восточных стран, в том числе и той же Индии, это коснулось очень слабо. Стран Ближнего и Дальнего Востока почти не коснулось. Торговые связи между этими странами и Европой шли практически в одну сторону – в Европу, нуждавшуюся в пряностях и иных

«колониальных» товарах, но практически не имевшую того, в чем нуждался в то время Восток (точнее, не имевшую товаров, которыми он заинтересовался бы). И только с XIX в. ситуация стала решительно меняться.

Как известно, в Европе XIX век начался с Великой французской революции, давшей энергичный толчок капиталистической трансформации – как политической, так и экономической, основанной теперь же на машинной индустрии. Вот эта-то машинная индустрия и совершила подлинную революцию в мировом хозяйстве. Именно она способствовала энергичной трансформации внутренней структуры Востока, прежде всего Индии, наводненной английскими промышленными товарами. Только теперь, с XIX в., начался период ломки и трансформации традиционной внутренней структуры Востока, вынужденного приспосабливаться к новым реалиям колониального капиталистического мирового рынка.

Приняв во внимание сказанное, мы вправе условно установить завершающую грань восточного средневековья в XIX в., для большинства стран Востока – скорее всего в середине XIX в., когда только что упомянутые процессы уже повсеместно стали давать о себе знать, вызывая ответную реакцию традиционного восточного общества.

Глава 2
Ближний Восток и Иран от эллинизма до ислама

Усиление Рима и превращение его в мировую державу сыграли существенную роль в распаде созданных на развалинах империи Александра эллинистических государств, птолемеевского Египта и царства Селевкидов. Во II–I вв. до н. э. значительная часть их территории превратилась в провинции Рима, римский Восток. И хотя римляне не очень-то навязывали чуждым им странам свой образ жизни, ограничиваясь верховным надзором и строгим контролем с конечным правом решающего голоса (вспомним прокуратора Понтия Пилата в Иудее), население завоеванных восточных провинций подвергалось сравнительно энергичному процессу романизации, а позже и христианизации. Сам феномен христианства своим появлением на свет был обязан тем процессам сложного синтеза, которые протекали на римском Востоке. Во всяком случае древнейшие центры христианства – его константинопольский, антиохийский, иерусалимский и александрийский патриархаты – возникли и длительное время существовали и частично продолжают существовать именно здесь, на бывшем римском Востоке.

Романизация, как и прежде эллинизация, не затрагивала восточные общества слишком глубоко: основное воздействие волны иноземного влияния оказывали на крупные города и заселенные западными переселенцами-колонистами поселения, включая военные. Обширная хора продолжала жить по своим законам, восходящим к древним традициям. Однако и глубокая периферия римско-эллинистических провинций не оставалась вовсе без изменений. Почти поголовная христианизация населения римского Востока не могла не сыграть определенной роли в трансформации социально-экономической и

политико-административной структур, вынужденных приспосабливаться к реалиям Рима, а затем и Византии. Словом, вплоть до VII в. Египет, Сирия, Палестина, Малая Азия и ряд прилегающих районов были восточной периферией Византии и лишь после этого они, кроме разве лишь Малой Азии, оказались вновь включенными в рамки огромного ближневосточного государства, на сей раз Арабского халифата.

Бактрия и Парфия

По-иному складывались судьбы тех частей Селевкидского царства, которые были расположены далее к востоку от границ Рима и Византии. Еще в середине III в. до н. э. здесь возникли два крупных государства, Бактрия и Парфия. Бактрия, расположенная на территории пригиндукушских районов Индии и Афганистана, а также включавшая в себя часть земель юга Средней Азии, была основана выходцами из греко-македонской знати, потомками воинов Александра (почти до наших дней среди правителей многочисленных княжеств Пригиндукушья бытуют легенды о том, что они ведут свою родословную от великого Искандера). Социальной и военной опорой греко-бактрийских правителей были греческие колонисты, жители городов, – по некоторым данным, их насчитывалось в Бактрии чуть ли не тысяча («страна тысячи городов», как называли ее греческие историки). Однако открытое противостояние греков местной азиатской знати, не говоря уже о простых жителях периферийной хоры, обусловило непрочность Бактрии как политического образования. Страдая от междоусобиц и нападений кочевников, Греко-бактрийское царство уже во II в. до н. э. ослабло и распалось на множество небольших княжеств, часть которых была основана и возглавлена вождями кочевых племен, быстро усваивавших, хотя бы частично, культурное наследие эллинизма.

Вскоре на развалинах Бактрии возникла могущественная Кушанская империя, основанная одним из потомков вождей кочевников, подчинившая себе на рубеже нашей эры значительную часть Северной Индии. Кушанская империя, как и ее предшественница Бактрия, просуществовала недолго. Однако в историй она оставила довольно яркий след. Дело в том, что взаимодействие эллинистической и индийской культур на местной бактро-кушанской основе породило блестящий феномен – знаменитое искусство Гандхары с его выразительными скульптурными изображениями. Как известно, гандхарская скульптура после IV буддийского собора, проведенного примерно в I–II вв. н. э. покровителем буддизма и наиболее известным из кушанских царей Канишкой, стала иконографической основой реформированного буддизма Махаяны.

Гораздо более крепким государством оказалась Парфия, основанная вмешавшимся в политическую борьбу ближневосточных правителей предводителем кочевого иранского племени Аршаком. Располагавшееся вначале на землях к югу от Каспия, это государство стало быстро увеличивать свои владения. Стараниями правителей Митридата I и Митридата II территория Парфии во II в. до н. э. увеличилась за счет Мидии и Месопотамии. И хотя нашествие кочевых племен с востока (тех самых, что привели к крушению Греко-бактрийского царства), временно приостановило экспансию парфян на западе, к рубежу нашей эры Парфия

превратилась не только в самого крупного и сильного, но практически единственного восточного соседа и соперника Рима. Вскоре началась эпоха римско-парфянских войн, тянувшаяся с некоторыми перерывами около трех столетий.

Войны шли с переменным успехом. Временами парфяне наносили сокрушительные поражения римлянам, как то было в битве при Каррах, в 53 г. до н. э., но в конечном счете соперничество с Римом привело к гибели истощенной войнами Парфии. Кроме того, римско-парфянские войны шли на фоне острого соперничества, даже вражды влиятельных внутренних группировок парфянских верхов, одна из которых, эллинская, представлявшая интересы богатых городов страны, занимала откровенно проримские позиции, тогда как другая, представленная стоявшими близ трона представителями иранской знати, потомками воинственных кочевников, мечтавших о наследстве Ахеменидов, стремилась к продолжению войн. Устойчивое противостояние влиятельных группировок осложняло политическую обстановку в Парфии и подчас позволяло Риму добиваться успехов с помощью интриг и искусной дипломатии.

В начале нашей эры влияние проримской группировки было ослаблено, а затем и вовсе сведено к нулю. На передний план в политической жизни вышли те, кто боролся за сильную Парфию. Однако мечтам о наследстве Ахеменидов не было суждено осуществиться: парфянские правители не сумели выработать систему реформ, аналогичную той, которую в свое время осуществил Дарий. Результатом неудачи было не усиление, а постепенное ослабление внутренней стабильности в стране, рост сепаратизма знати в провинциях-сатрапиях, не говоря уже о мелких вассальных государствах, хотя и включенных в состав Парфии, но управлявшихся своими правителями и живших по собственным законам.

Дело в том, что Парфия была случайным конгломератом весьма разнородных стран, народов и племен. Северная и северо-восточная ее часть, населенная в основном иранскими племенами, в том числе и вчерашними кочевниками, была более отсталой, но зато являла собой наиболее надежную базу воинственной группировки знати. Впрочем, и здесь существовали заметные этносоциальные и иные различия. Тон задавала привилегированная элита кочевников-всадников, из которых состояло ядро армии и которые, видимо, по меньшей мере частично были освобождены от налогов и повинностей. Средства на их содержание шли от обложения рентой-налогом и повинностями земледельцев, которые к тому же поставляли в армию отряды легковооруженных пехотинцев. Немало средств притекало на север и с юга страны.

Южные и юго-западные районы Парфии и прежде всего эллинистические города-полисы Месопотамии были в социально-экономическом отношении не просто более развитыми. Они являли собой структуры иного типа, созданные по образцу античных полисов. Правда, не все города юга были именно такими. Значительная доля их, включая уже пришедший в упадок Вавилон, принадлежала к классическому восточному типу (аналогичные им были и на севере, у самих парфян). Кроме того, в районах хоры на том же юге земледельцы жили по нормам, восходящим к древним восточным традициям. Тем не менее, многочисленные и богатые античного типа полисы, где наряду с большим количеством свободного привилегированного населения,

граждан, были неполноправные и рабы, в экономике и особенно транзитной торговле занимали ведущее место и потому обладали немалой силой. С одной стороны, такого рода многоукладность усложняла макроструктуру Парфии и затрудняла эффективную администрацию. С другой, о чем уже упоминалось, это рождало внутреннюю неустойчивость в стране.

Ослаблению внутренней структуры способствовали и архаические элементы в системе администрации. Эта система, восходившая в основном к нормам постпервобытности, когда принцип наследственной власти правителя еще только формировался, предполагала заметную роль родового совета знати при царе. Родственники правителя из числа Аршакидов, члены этого совета, имели решающий голос при решении вопроса о престолонаследии, так что можно представить, сколько усилий должны были потратить претенденты на престол, дабы добиться желаемого, даже если речь шла о сыновьях правителя. И хотя государство в целом было достаточно сильным и богатым (богатство ему давала, в частности, весьма обширная торговля, доходы от которой шли в основном через города Месопотамии), во многом уступавшие ахеменидским основы административно-политической структуры Парфии обусловили в конечном счете ослабление страны. Запоздалые попытки реформ, ставивших эллинистические полисы, да и всю страну под более жесткий централизованный контроль, были предприняты в начале II в. Но они уже мало что могли изменить. Заключительный этап римско-парфянских войн, в ходе которого влияние Парфии на Армению было ослаблено, а Месопотамия несколько раз становилась ареной жестоких сражений и была в значительной степени разграблена и разорена, поставил в начале II в. н. э. Парфию на грань катастрофы. Восстание одного из вассальных князей, правителя Персиды Арташира Сасанида, в условиях внешних трудностей и внутренней неустойчивости привело к падению Аршакидов. На смену парфянам к власти снова пришли представители персов, Сасаниды.

Сасанидский Иран

Правители Парса (Персиды), одного из вассальных княжеств Парфии, были выходцами из тех мест, которые некогда считались ядром державы Ахеменидов. Расположенный на юго-востоке Парфии Парс принадлежал к числу сравнительно развитых районов; его население, персы, не были, наподобие парфянской знати, вчерашними кочевниками. Напротив, они имели уходившие в глубокую древность культурные традиции, включая и развитую собственную религию, зороастризм, учение о вечном противостоянии сил Света и Добра силам Тьмы и Зла. Короновавшись в 226 г. в качестве шаханшаха Эрана (Ирана), Арташир положил начало династии Сасанидов, просуществовавшей свыше четырех веков.

Сасанидский Иран унаследовал от Парфии практически все ее земли, а серия войн с Римом позволила первым правителям новой династии даже расширить ее владения за счет завоеваний, правда, незначительных. Ведшиеся с переменным успехом римско-иранские войны привели в конце IV в. к тому, что обе державы поделили сферы своего влияния в Закавказье. При этом большая часть Армении, Картли и кавказская Албания оказались под властью Ирана, что со временем привело к

превращению их в провинции державы Сасанидов.

Как и Парфия, сасанидский Иран, особенно вначале, представлял собой случайный конгломерат объединенных общими политическими судьбами, но весьма различавшихся между собой стран и народов. Однако такое положение быстро менялось. Во-первых, несколько столетий парфянской истории не пропали даром: разные в экономическом, культурном, социальном и этническом плане составные части державы приспособились одна к другой, стали взаимно дополнять друг друга, что постепенно способствовало превращению их в единый социополитический организм. А во-вторых, опиравшиеся на солидную традицию и много более развитые по сравнению с их предшественниками персы, особенно стоявшая у руля правления персидская знать, немало сделали для того, чтобы укрепить свою власть. В частности, был создан по образцу ахеменидского крепкий централизованный государственный аппарат. Была восстановлена и жестко фиксирована система сословий типа каст. Роль официальной религии начал играть зороастризм, культово-обрядовые нормы которого стали обязательны для всех.

Население страны было официально поделено на четыре большие сословные группы. Переход из одной в другую был крайне затруднен, если вообще возможен. Первые три – жрецов, воинов и писцов-чиновников – считались привилегированными. Они не платили налогов и не несли повинностей, кроме своих прямых служебных обязанностей. Четвертую составлял народ, податные, крестьяне и горожане, платившие в казну ренту-налог, включая пошлины, и исполнявшие трудовые повинности. Каждое из сословий подразделялось на разряды и имело внутреннюю иерархическую структуру. Главы всех четырех сословий занимали видное место при дворе; существенно, что главой четвертого из них обычно назначался кто-либо из числа представителей трех высших, привилегированных. Наместниками в областях и правителями вассальных царств или княжеств были преимущественно знатные аристократы, часто из дома Сасанидов.

Таким образом, жрецы, аристократы, чиновники и воины являли собой привилегированную часть общества, жившую прежде всего за счет редистрибуции ренты-налога, а конкретней – за счет избыточного продукта крестьян и ремесленников. Правда, в некоторых районах страны продолжали существовать еще не потерявшие окончательно своих прошлых привилегий эллинизированные города, где было много свободных граждан и немало неполноправных и рабов. Однако эти анклавы с точки зрения структуры общества в целом имели явно второстепенное значение и понемногу отмирали. Основными производителями были податные крестьяне, жившие преимущественно большими домовыми общинами.

Общинные поселения, в которых они жили, уже не были первобытно-примитивными. Расслоение сельской общины привело к появлению ее зажиточного слоя, дехканов (впоследствии этим термином стали обозначать земледельцев вообще). Вместе с главами семейно-домовых групп, именовавшимися термином «кедхуда», эти дехкане представляли собой своего рода социально-имущественную верхушку общины, заправляли ее делами. Видимо, достаточно близко к этой верхушке по статусу были воины-азаты. Хотя они и принадлежали к группе воинов, но, будучи низшей и наиболее массовой, а потому и наименее привилегированной частью сословия воинов, азаты

практически являли собой просто военнообязанных крестьян, чем-то напоминающих казаков русского царя. Следует заметить, что постоянного войска сасанидский Иран не имел. Войско комплектовалось лишь по мере надобности и состояло из конницы знати и привилегированной части воинов, ополчения азатов и вспомогательных частей пехоты из крестьян.

Государством управлял весьма совершенный аппарат власти из профессионально подготовленных представителей группы писцов-чиновников (хотя высшие должности в аппарате власти замещались, как правило, представителями знати). Во главе аппарата стояли руководители ведомств, в свою очередь подчинявшиеся вазургу-фраматару, должность которого, правда, появилась не сразу. Видимо, аналогичным был аппарат администрации и в провинциях, и в вассальных царствах, хотя, возможно, не везде он был одинаков.

Официальной идеологией Сасанидов был, как упоминалось, зороастризм. Зороастрийские храмы, посвященные известным божествам мира Добра – Ормузду, Митре, Зурвану, богине Анахите, – владели немалыми землями и богатствами, а организованные в иерархическую пирамиду жрецы пользовались довольно большим влиянием, особенно высшие из них. Есть сведения, что в IV–V вв. глава жречества, мобедан-мобед, бывший одновременно и верховным судьей (совпадение религиозных и судебных функций в руках жрецов обычно для многих восточных обществ), занимал первое место в государстве после самого шаханшаха.

Сасаниды придавали большое значение религии (алтарь – опора трона). Это было тем более необходимо для укрепления внутренней стабильности государства, что в западных и юго-западных районах Ирана с III–IV вв. начало энергично распространяться христианство, ставшее официальной государственной религией Рима, а затем и Византии. Воспринимая ортодоксальное христианство как враждебное (еретические оппозиционные движения – несториан, монофизитов и др. – Сасаниды, напротив, поддерживали и поощряли), правители Ирана делали все, что в их силах, дабы укрепить позиции собственной религии, противостоявшей христианству. И это им в общем удавалось, во всяком случае на первых порах. Однако оборотной стороной роста внимания к религии и влияния зороастризма в сасанидском Иране оказались возникавшие на его основе массовые еретические движения, значительно ослаблявшие страну.

Первым из таких движений было манихейство. Его основатель Мани (216–276), родом из Вавилонии, испытал немалое влияние со стороны христианства (идеи мессианизма) и буддизма (нравственное очищение, ограничения в пище, стремление к освобождению от всего материального на пути к спасению). Главный тезис Мани сводился к тому, что силы Тьмы и Зла в окружающем нас мире заведомо одолевают силы Света и Добра. Только уменьшение зависимости человека от материального начала может способствовать Свету в его борьбе с Тьмой, для чего и надлежит вести аскетический образ жизни. Манихейство быстро распространилось по всему Ирану и вскоре проникло за его пределы, достигнув Испании на западе и Восточного Туркестана на востоке. Вначале относившиеся к этому учению спокойно, даже доброжелательно, сасанидские правители затем испугались его размаха. В 276 г. Мани был казнен, а манихеи стали подвергаться жестоким преследованиям и изгоняться из Ирана.

Вторым был маздакизм. Возникшее двумя с половиной веками позднее, в конце V в., это еретическое учение, кое-что взявшее у

манихейцев, оказалось много более радикальным в социальном плане. Основатель его, Маздак, опираясь на все тот же тезис о засилии на земле сил Тьмы и Зла, считал, что очистить от этих сил землю и дать простор силам Света и Добра принципиально можно, но для этого нужно дать простор разуму и справедливости. Он предложил своим последователям начать с перераспределения собственности: брать излишки у богатых и наделять ими бедных. Социальный пафос идей маздакизма о справедливости восходил к обычным для всех крестьянских массовых движений эгалитарным идеалам, но в сасанидском Иране он питался, в частности, еще и недовольством тех, кто был лишен возможности иметь жену и семью, в то время как в гаремах знати томились сотни и тысячи запертых там женщин. Требования передела имущества, включая и женщин, выдвигавшиеся маздакитами, были направлены против влиятельной иранской знати и отражали недовольство низов.

Вначале шаханшах Кавад, попытавшийся было с помощью маздакитов обуздать строптивую знать и усилить собственную власть, поддержал движение и даже сделал Маздака своим советником. Вскоре, однако, маздакиты забрали слишком большую власть, а происки знати едва не лишили Кавада трона. Вынужденный лавировать, шаханшах выжидал подходящий момент. Почти тридцатилетний период господства маздакитов в Иране заметно ослабил влияние знати в этой стране, что было в конечном счете весьма выгодным для ее правителей. Но движение маздакитов, оказавшее объективную помощь шаханшаху, более не было ему нужно, даже становилось обузой, особенно после смерти его основателя Маздака. В 529 г. царевич Хосров, заманив лидеров маздакизма в ловушку, коварно с ними расправился, после чего массовые репрессии на местах довершили дело: маздакизм как влиятельное социально-религиозное течение был сведен на нет.

И манихейство, и особенно маздакизм выявили не столько даже слабости зороастризма как официальной религии, сколько несовершенство социально-политической структуры сасанидского Ирана. Страна нуждалась в энергичной централизации власти. Ослабление наследственной аристократии с ее феодально-сепаратистскими тенденциями в годы господства маздакизма создало благоприятную для этого обстановку, чем и воспользовался Хосров I, когда он оказался у власти. За долгие годы пребывания на престоле (531–579) шаханшах Хосров провел ряд важных реформ. Подавляющее большинство земель, включая и отобранные маздакитами у знати, было включено в государственный фонд. Все земли были разбиты на разряды и категории и отданы во владение крестьянам, обязанным платить казне строго определенный налог, хараг, колебавшийся в зависимости от разряда. Кроме того, все податное сословие было обложено подушной податью гезит: каждый мужчина, в зависимости от достатка, облагался с 20 до 50 лет ежегодным налогом от 4 до 12 дирхемов. Все остальные довольно многочисленные центральные и местные налоги и подати были отменены. Лишившиеся земли аристократы были взяты Хосровом на государственную службу и получали содержание из казны. Все эти земельно-налоговые реформы способствовали как развитию страны, так и укреплению власти правителя.

В том же направлении были осуществлены и административные реформы. В стране было создано четыре военных округа по четырем странам света, а их командующим соответственно подчинены все

размещенные на территории округа войска. В системе высших сановников первое место занял вазург-фраматар, второе – пятое командующие округами и лишь на шестом оказался теперь бывший некогда первым верховный жрец мобедан-мобед. Кроме того, была проведена и военная реформа: все войска, находившиеся под командой начальников округов, являли собой теперь постоянную армию.

Получив в результате реформ Хосрова сильный толчок для своего развития, сасанидский Иран в VI в. вступил в полосу успеха, даже процветания. Именно к этому времени относится усиленное развитие международной транзитной торговли, которая, благодаря активной внешней политике и завоеваниям, стала теперь в основном осуществляться через территорию Ирана, а не вдоль Аравийского побережья, как до того. Шестым веком датируется знакомство иранцев с рядом новых сельскохозяйственных культур (разведение риса, сахарного гростника), включая шелководство. Развилось и ремесло; сасанидский Иран стал славиться изделиями из серебра. В городах возникали влиятельные корпорации ремесленников, чье искусство совершенствовалось также и за счет мастеров, вывезенных из захваченных у Византии районов.

Войны Ирана с Византией шли, с некоторыми перерывами, весь VI век и первые десятилетия VII в. Больших успехов персам они не принесли, но в целом преимущество Ирана становилось все заметнее. Сасанидские войска наносили Византии чувствительные удары. Так, победа над союзником Византии Эфиопией в 570 г. привела к захвату Ираном южноаравийских торговых путей, а в начале VII в. на некоторое время к Ирану были присоединены также значительная часть Малой Азии, Сирия и Египет, являвшиеся провинциями Византии.

20–30-е годы VII в. прошли под знаком усиления внутреннего кризиса и междоусобиц при дворе Сасанидов. Вызванное этим кризисом ослабление Ирана, совпавшее по времени с началом победоносного шествия арабо-исламских завоевателей, оказалось для Сасанидов роковым: войны 30–40-х годов привели не только к падению династии, но и к исламизации Ирана, к началу принципиально нового этапа его многотысячелетней истории.

Аравия до ислама

Завоевавшие сасанидский Иран, восточные провинции Византии и множество других стран и народов арабы были выходцами из Аравии, этого гигантского пустынного полуострова, где издревле обитали многочисленные семитские племена, с которыми народы Ближнего Востока были хорошо знакомы еще со времен шумеров. Семитское население Аравийского полуострова в силу географических условий отчетливо подразделялось на две части: кочевников пустынь и полупустынь и земледельческое, а также торговое население оазисов. Оазисы, о которых идет речь, в основном располагались на побережье, преимущественно на юго-западной оконечности полуострова, территория которой издревле именовалась Аравией Счастливой.

Кочевые племена семитов – впоследствии их стали именовать бедуинами – с глубокой древности бороздили со своим скотом и немудреным скарбом бескрайние пустыни Аравии. Именно они

одомашнили верблюда, начавшего играть огромную роль в их бродячей жизни: молоко и мясо шли в пищу, шерсть – на одежды и войлоки, шкура – на обувь и другие поделки; даже навоз не пропадал – его использовали как топливо. Верхом на верблюде кочевники воевали, на верблюдах же они перевозили не только свое имущество и семью, но также и те многочисленные товары, включая транзитные, которыми Аравия торговала с миром.

Существовало множество родоплеменных групп аравийских кочевников, образ жизни которых почти не менялся на протяжении веков. Во главе этих племенных образований стояли предводители-шейхи, чаще всего выборные, власть которых была обычно ограничена влиятельным советом родовой знати. Эти кочевые племена, часть которых в I тысячелетии до н. э. уже превратилась в протогосударства, держали под своим контролем территорию Северной Аравии, что нередко приводило их к столкновениям с войсками могущественных государств – Ассирии, Вавилонии, Персии. Ожесточенное сопротивление оказали бедуины и войскам Александра, предполагавшего совершить поход в Аравию.

Военная добыча обогащала бедуинов, в первую очередь родовую знать и шейхов. Нередко погоня за ней, в сочетании с некоторыми иными факторами – экологическими, демографическими и др., приводила к мощным выплескам аравийских семитов в земледельческие долины Двуречья и всей Западной Азии. Так появлялись аккадцы, амореи, арамеи, халдеи. Однако это бывало лишь временами. Обычно же семиты Аравии мирно кочевали и возделывали земли оазисов, употребляя свое свободное время для содействия торговле. За счет посреднической торговли многие из них обогащались. Форпостами этой торговли были отдельные города и небольшие государственные образования вдоль побережья.

Чаще всего они представляли собой достаточно мелкие протогосударства, обычно на племенной основе, состоявшие из центрального богатого торгового города и тяготевшей к нему периферии. Каждый из таких городов (наиболее древним и известным из них была Саба) являлся одновременно и центром оазисного орошаемого земледелия. Земля в оазисах ценилась дорого и использовалась интенсивно. Выращивались зерно, виноград, финики, благовония и пряности. Разводили также и скот, прежде всего овец и верблюдов. Основными производителями были члены большесемейных крестьянских общин, имевшие участки земли, за право пользования которыми они платили ренту-налог в казну правителя или храма и исполняли необходимые трудовые повинности. Существовало имущественное неравенство, дополнявшееся неравенством социальным и юридическим. Неполноправные из числа иноземцев и рабов обрабатывали обычно храмовые либо государственные земли на правах условного владения; на тех же правах участки храмовых и государственных земель могли получить и нуждавшиеся в этом общинники.

Возглавляли протогосударства чаще всего избиравшиеся на определенный срок жрецы-эпонимы, а исполнительная власть, в частности в Сабе, принадлежала наследственным министрам-мукаррибам, которые во время войны вместе с титулом малик (царь) обретали чрезвычайные полномочия, что и привело на рубеже нашей эры к превращению их в подлинных правителей, власть которых была, однако, ограничена советом родовой знати. Южноаравийские

государства активно торговали, в основном со странами Средиземноморья, как собственными продуктами, благовониями и пряностями, так и транзитными, переправлявшимися из Африки и далекой Индии. В основном это была торговля драгоценными редкостями, раритетами, так что посредничество в ней приносило и аравийским торговым городам, и кочевникам-бедуинам, обслуживавшим караваны, огромные доходы.

Во II–I вв. до н. э. южноаравийская торговля пришла в упадок, что было вызвано как переводом части торговли на морские пути (корабли шли из Египта в Индию и обратно), так и сосредоточением торговых операций на севере, через Двуречье (Парфию). Правда, с началом активно ведшихся римско-парфянских войн и тем более после превращения птолемеевского Египта в провинцию Рима (30-й г. до н. э.) южноаравийская торговля вновь стала оживать: Рим, а затем и Византия именно этим, пусть далеким, но безопасным путем, предпочитали вести свои торговые дела и получать благовония, пряности и драгоценности из Африки и Индии.

На рубеже нашей эры Сабейское протогосударство пришло в упадок, а наибольшей силой стало обладать Химьяритское, владения которого охватили значительную часть территории Йемена. Государство Химьяритов просуществовало несколько веков, на протяжении которых оно вело не только успешные торговые операции, но и собственную внешнюю политику, суть которой сводилась прежде всего к взаимоотношению арабов с эфиопами.

Эфиопия, наследница древней Нубии, была одним из достаточно развитых районов Восточной Африки еще во времена египетских фараонов. В начале I тысячелетия до н. э. эфиопские правители даже дважды завоевывали Египет, правда ненадолго. В целом, однако, Эфиопия была не слишком сильным государством, которое чаще оказывалось в состоянии кризиса и упадка, нежели политического благополучия и тем более процветания. На протяжении первой половины I тысячелетия до н. э. столица эфиопов находилась в городе Напата, откуда и название (Напатское царство), затем она была перенесена в Мероэ, соответственно изменилось и название государства. Мероитское царство, являвшее собой политический конгломерат полувассальных – полунезависимых протогосударств типа княжеств, возглавлявшихся чаще всего племенными вождями, просуществовало ряд веков, пока римское завоевание Египта на рубеже нашей эры не нанесло по нему сильный удар. На смену мероитам в I в. н. э. пришло государство Аксум, активно вмешивавшееся в споры южноаравийских протогосударств, Сабы и Химьяритов. По некоторым данным, само возникновение Аксума было связано с миграцией в Африку пришельцев из Аравии. Как бы то ни было, в лице Аксума Химьяритское царство обрело сильного соперника, особенно если принять во внимание, что в Аксуме кроме хорошо знакомых с торговлей мигрантов из Аравии стали оседать также греческие и римские торговцы, способствовавшие превращению этого государства в еще один центр международной торговли.

Расширившись за счет остатков Мероэ и его соседей, Аксум вскоре стал крупным восточноафриканским государством, население которого занималось земледелием, включая орошаемое, и скотоводством. Это государство с III в. стало вести активную внешнюю политику, а в царствование наиболее известного аксумского царя Эзаны (сер. IV в.) и по

его воле Эфиопия быстрыми темпами стала христианизироваться. Христианство довольно тесно связало Аксум с Египтом, а затем и с Византией, причем то и другое способствовало обострению взаимоотношений эфиопов с арабами.

Среди торговцев, ведших дела в оазисах Южной Аравии, были иудеи и христиане, так что обе монотеистические религии были в V–VI вв. достаточно хорошо известны южноаравийским арабам, да и кочевникам-бедуинам. Это не мешало ни тем, ни другим исповедовать собственную примитивную религию и поклоняться своим богам в посвященных им храмах, наиболее известным из которых был знаменитый храм Кааба в расположенной на западном побережье Аравии Мекке, чья роль в аравийской транзитной торговле была очень значительной. В южноаравийском государстве Химьяритов влияние иудаизма и христианства в начале VI в. стало настолько существенным, что его правители склонялись то к одной, то к другой религии, причем в зависимости от этого находилась и их политика.

Когда в 517 г. власть перешла к Зу-Нувасу, принявшему иудаизм и начавшему проводить враждебную политику по отношению к Византии и Эфиопии, понесшие от этого ощутимые экономические потери аксумиты высадились в Южной Аравии и напали на Химьяритское государство. Вначале неудачная для Аксума, эта экспедиция вызвала преследование христиан в Аравии, упадок торговли. Это ослабило государство Химьяритов, а новая аксумская военная экспедиция 525 г. привела к завоеванию химьяритских владений эфиопами. Окрыленные успехами аксумиты попробовали было двинуться в Хиджаз, на Мекку, но эпидемия оспы нарушила их планы. На протяжении нескольких десятилетий Эфиопия держала в зависимости южнойеменские территории, пока усилившийся Хосров I в 570 г. не изгнал их, захватив Йемен и присоединив его к сасанидскому Ирану, в результате чего и без того приходившая в упадок южноаравийская транзитная торговля была прервана окончательно. Основной поток товаров стал теперь идти более коротким путем через принадлежавшее Ирану Двуречье.

Упадок торговли резко ударил по жившим за ее счет арабам, от процветавших оазисов Йемена и Хиджаза до кочевников-бедуинов, чьи шейхи давно уже начали привыкать к роскоши. Особенно сильно экономический и связанный с ним социальный кризис проявился на западном побережье, в Хиджазе, важнейшем торговом районе Аравии в V–VI вв. Сердцевиной Хиджаза была Мекка, населенная в основном племенем курейш.

Мекка жила за счет торговли, которую активно вели курейшиты, ежегодно снаряжавшие по меньшей мере два богатых каравана (на юг и на север), состоявших из тысячи, а то и двух тысяч верблюдов и оценивавшихся примерно в 50 тыс. золотых монет. Захват Йемена и фактическое прекращение связи с югом сильно уменьшили доход Мекки, особенно если учесть, что ее торговля в основном зависела именно от транзитных связей. Для богатых курейшитов наступили трудные дни. Упадок торговли грозил не только благосостоянию Мекки, но и самому ее существованию. Нужно было срочно искать выход. И он был найден.

Как хорошо известно, в истории человечества не только отдельные процветавшие города, но и целые большие государства не раз и не два оказывались в состоянии упадка и кризиса, искали выход, но не находили его и гибли, уступая место другим. Мекканским арабам удалось выжить.

И не только выжить, но и добиться неслыханной удачи. Можно сказать, что они вытащили у судьбы выигрышный лотерейный билет, каких бывает один на сто, а то и на тысячу. Этим билетом оказался ислам – новая монотеистическая религия, сложившаяся на местной арабской основе под сильным влиянием со стороны иудаизма и христианства.

Идея новой монотеистической религии у жителей Мекки, активно общавшихся с окружавшими их иудеями (большая иудейская колония обращенных в иудаизм арабов была в Ятрибе, будущей Медине) и христианами, буквально висела в воздухе, особенно если принять во внимание, что племенной бог курейшитов, Аллах, считался воплощенным в том самом фетише, черном камне, который был вделан в стену храма Каабы и по своей ритуальной значимости уже тогда почитался едва ли не первым среди всех арабских святилищ. Отсюда, в сущности, был лишь шаг до того, чтобы прийти к единобожию по примеру иудеев и христиан, а затем и отождествить единого великого бога с властелином Каабы, что вполне должно было устроить в конечном счете всех мекканцев.

Именно это и было сделано одним из жителей Мекки. Правда, успех к нему пришел не сразу. Мухаммед (570–632) был бедняком из рода Хашим племени курейшитов, в котором главенствующую роль играли представители богатого рода Омейя. В юности Мухаммед пас стада своего дяди Абуталиба. Затем поступил на службу к богатой вдове Хадидже и стал вести ее торговые дела. Вскоре он женился на Хадидже, причем, несмотря на разницу в возрасте (вдова была на 15–16 лет старше), брак был вполне удачным. Именно от него была рождена Фатима – единственная из выживших и оставивших потомство детей Мухаммеда. Ухудшение торговой конъюнктуры вынудило Мухаммеда свернуть торговые дела и способствовало его уходу в религиозные поиски.

В начале VII в. в Аравии было немало ханифов, т. е. пророков-проповедников, пытавшихся найти истину и нового бога. Этому, как упоминалось, содействовала сама историческая эпоха, ситуация оживленного религиозного контакта. Мухаммед стал одним из ханифов. Он общался со своими коллегами, перенимал их тезисы и доктрины, знакомясь с окружавшими их иудеями и христианами, немало заимствуя от этих последних. На основе всей собранной таким образом суммы знаний, представлений, верований, обрядов и т. п. Мухаммед сумел синтезировать нечто новое и достаточно цельное, что и было затем положено им в основу ислама.

Проповедь новой религии, призывавшей отдать себя Аллаху, единому и всемилостивейшему, покориться его воле, а также соблюдать завещанные им нормы жизни, к числу которых принадлежали, в частности, призывы выступать против ростовщичества, за соблюдение честности в торговле и вообще явственные акценты в сторону социальной справедливости, вызвали вначале враждебность курейшитской Мекки. В 622 г. Мухаммед с группой близких последователей вынужден был уйти из Мекки и поселиться в Ятрибе, откуда родом была его мать. Жители Ятриба, издревле соперничавшие с мекканцами, не только охотно приняли гонимого пророка, но и решительно встали на сторону новой религии, изменив наименование своего города в честь Мухаммеда (Медина, город пророка). 622-й год, год переселения (хиджры), стал началом нового летосчисления для всех мусульман мира, а группа переселившихся в Медину сторонников Мухаммеда получила почетное наименование мухаджиров, совершивших хиджру. Именно они заняли все

ключевые позиции в ранней общине мусульман-единоверцев, умме.

Борьба мусульман-мединцев, к которым вскоре примкнуло немало соседних арабских племен, в том числе и кочевников-бедуинов, с Меккой закончилась довольно быстрым успехом. Курейшиты, учтя силу и влияние Мухаммеда и стремительно распространявшегося нового учения, сочли за благо склониться перед ними, выторговав себе за это привилегированное положение: Мекка с Каабой становилась религиозным центром ислама, а родственные Мухаммеду курейшиты выдвигались на все важнейшие посты в создававшейся на основе новой доктрины социально-политической структуре. В 630 г. Мухаммед торжественно въехал в Мекку, а вскоре после этого умер и был похоронен в Медине.

Смерть пророка, вызвавшая было быстро подавленное недовольство некоторых арабских группировок засильем мусульман, привела к еще большему сплочению его единоверцев, высоко поднявших зеленое знамя ислама и под этим знаменем энергично приступивших к дальнейшему распространению нового учения, к новым завоеваниям. Нелишне напомнить, что экспансия воинственных арабов-мусульман, помимо религиозного фанатизма (роль которого трудно переоценить), стимулировалась и санкционированным самим пророком генеральным принципом распределения военной добычи: 4/5 ее шло воинам, принимавшим участие в сражении, а 1/5 предназначалась для распределения среди нуждающихся, причем это распределение производилось от имени пророка, позже его преемников.

Глава 3
Арабский халифат

Смерть пророка поставила перед руководителями арабов-мусульман нелегкую задачу: кто теперь будет их главой? Речь шла не только и не столько о религиозном вожде, сколько о правителе быстро растущего государства, хотя в представлении сподвижников пророка власть религиозная и власть политическая были неотделимы друг от друга. Религия давала непросто санкцию, но право на власть, а власть не просто опиралась на религию (как то было, скажем, с зороастризмом в сасанидском Иране), но была формой воздействия ее на людей. Словом, после смерти Мухаммеда встал вопрос о его заместителе, о новом религиозно-политическом вожде правоверных. После недолгих совещаний наиболее влиятельная часть сподвижников пророка выдвинула в качестве такого заместителя, халифа, одного из самых уважаемых мухаджиров – Абу Бекра. За недолгие годы его правления (632–634) арабы-мусульмане сумели не только подавить недовольство в своих рядах, но и объединить под властью халифа почти все арабские племена, а также начать успешные завоевания соседних территорий, прежде всего Двуречья (Ирака) и Сирии, потеснив соответственно сасанидский Иран и Византию.

Абу Бекра в качестве главы ставшего уже весьма обширным Арабского халифата сменил Омар, тоже влиятельный мухаджир, ближайший сподвижник Мухаммеда. При нем (634–644) успешные завоевания были продолжены: у Византии были отвоеваны земли Сирии и Палестины, затем Египет и Ливия, а у Ирана – значительная часть его западных земель, вплоть до Закавказья. При третьем выборном халифе.

Османе (644–656), завоевания были продолжены, прежде всего в Северной Африке (Магриб) и Иране, где Сасаниды окончательно лишились власти.

Успешные завоевания и превращение халифата в гигантскую державу резко обострили внутриполитические противоречия в этом молодом и структурно весьма еще рыхлом государстве. Управление продолжало сохраняться в руках местных властей, а связи завоеванных областей с центром были недостаточно прочны. Кроме того, в центре назревал политический кризис, вылившийся в острую борьбу за власть.

Дело в том, что при Османе, оказавшемся весьма вялым и бесцветным правителем, на передний план вышли его сородичи из числа Омейядов, чем были очень недовольны другие группировки влиятельной исламской родовой знати, прежде всего из числа близких родственников пророка. Сплотившиеся вокруг кузена и зятя пророка Али, женатого на Фатиме, недовольные образовали политическую партию шиитов (шиа – партия, группа), выступивших за наследственное право потомков пророка, алидов, на власть. В 656 г. Осман был убит одним из шиитов, а четвертым халифом был провозглашен Али.

Влиятельная часть Омейядов, бежавшая от расправы в Сирию, где наместником был Муавия, не только отказалась присягнуть Али, но и резко выступила против него, обвинив его в соучастии в убийстве. Начались военные действия. Небольшое войско Муавии явно не было в состоянии противостоять халифу, но в решающий момент Муавия пошел на хитрость: его воины подняли на своих копьях листы священного Корана, требуя тем самым не военного, а религиозного решения спора. Али проявил нерешительность, согласившись на переговоры, что стоило ему трона и жизни: 12 тыс. отборных воинов его армии, разочаровавшись в своем вожде, вышли из числа его сторонников и стали именовать себя хариджитами (вышедшими). Хариджиты заявили, что халифом может и должен быть тот, кто достоин этого. Али вынужден был обратить свое основное внимания на хариджитов, которым он объявил войну. Борьба на два фронта завершилась для него печально: в 661 г. Али был убит в мечети в Куфе хариджитом. Халифом же стал Муавия, основавший династию Омейядов.

Халифат Омейядов (661–750)

Омейяды энергично взялись за укрепление своей власти, за создание основ сильной политической структуры, призванной эффективно управлять гигантским государством, состоявшим из весьма разнородных частей. Откупившись от претензий на власть старшего сына Али и Фатимы, внука пророка Хасана[21], и расправившись затем с поднявшим было мятеж и погибшим близ Кербелы младшим его братом Хусейном[22], омейядские халифы сумели затем покончить и с остальными

---

21 По преданию, Хасан получил от Муавии пергамент, на котором ему было предложено самому поставить любую цифру откупа

22 Он был буквально растерзан на части, ибо никто не хотел брать лично на себя ответственность за смерть внука пророка. После этого Хусейн стал святым мучеником всех шиитов, ежегодно отмечающих день его гибели торжественными процессиями с самобичеванием и даже самоубийством религиозных фанатиков – шахсей-вахсей

недовольными и восставшими против них арабами. Опираясь прежде всего на военную силу, они вместе с тем сумели выдвинуть на передний план два важных фактора, которые позволили им добиться успеха.

Первым из них была исламизация завоеванного населения. Распространение ислама среди покоренных народов шло на редкость быстро и успешно. Частично это можно объяснить тем, что христиане отвоеванных у Византии земель и зороастрийцы Ирана видели в новой религиозной доктрине нечто не слишком им чуждое: сложившаяся на доктринальной базе иудаизма и христианства, частично также и зороастризма, очень многое взявшая из Библии (Коран насыщен такого рода заимствованиями) мусульманская религия была достаточно близкой и понятной тем, кто уже привык верить в единого великого Бога, символизирующего собой все светлое, доброе, мудрое, справедливое. Кроме того, этому способствовала экономическая политика первых халифов: принявшие ислам платили в казну халифата только десятину-ушр, тогда как немусульмане были обязаны выплачивать более тяжелый поземельный налог харадж (от одной до двух третей урожая) и подушную подать – джизию. То и другое генетически восходило к реформам сасанидского правителя Хосрова I (хараг и гезит) и явно было заимствовано арабами от иранцев. Результаты не замедлили сказаться: завоеванные территории, от Испании до Средней Азии, энергично исламизировались, причем исламизация шла фактически добровольно, во всяком случае без активного принуждения, без преследования немусульман.

Вторым важным фактором усиления власти халифов была арабизация. В ходе завоеванный быстрого расширения захваченных арабами территорий большое количество воинов-арабов, вчерашних бедуинов, расселялось иногда чуть ли не целыми племенами на новых местах, где они, естественно, занимали ключевые позиции и брали себе в жены представительниц местного населения, к тому же и в немалых количествах, благо то было санкционировано освящающим многоженство Кораном. Исламизированные жены из числа местного населения арабизировались, как, естественно, и их многочисленные дети, в первую очередь. Кроме того, близость арабского языка и культуры семитскому, в основном арамейскому населению Сирии и Ирака способствовала быстрой арабизации этих районов.

Христианизованное население Египта, Ливии и всего Магриба арабизировалось позже и медленнее, но и здесь процесс арабизации шел своим чередом и за несколько веков добился немалых успехов, чему способствовало, в частности, превращение арабского языка и письменности в распространенное и престижное средство общения[23]. Менее успешно шла арабизация в землях Ливана и Палестины, где позиции христиан были особенно сильны. Впрочем, частично это касается и Египта, хотя христиане-копты, живущие там и поныне в значительном меньшинстве, по языку все же стали арабами. Только собственно Иран, страна древнейшей культуры и весьма независимой политической традиции, успешно противостоял арабизации, не говоря уже о весьма отдаленных от Аравии Закавказье и Средней Азии, где арабов было очень

23 Коран был написан по-арабски и переводить его запрещалось; все учившиеся обучались прежде всего мудрости ислама, т. е. изучали арабский и читали Коран, и в конечном счете превращались в носителей арабского языка и арабской культуры

мало, а местные языковые корни имели мало общего с семитскими. Но и здесь, особенно среди социальных верхов, арабский язык, равно как и арабо-исламская культура и государственность, заняли важное место в жизни народов. Знание арабского было важнейшим элементом более или менее благополучного существования, тем более оно было неизменным залогом успеха и процветания в жизни.

Собственно, все это неудивительно. Если в период первых четырех халифов управление находилось в руках местных властей и велось в основном на греческом и персидском языках (ведь это были земли, отвоеванные у Византии и Ирана), то с Омейядов, правда не сразу, ситуация начала меняться. Арабский язык повсюду вводился в качестве обязательного в делопроизводство. Он был, как упоминалось, единственным в сфере науки, образования, литературы, религии, философии. Быть грамотным и образованным значило говорить, читать и писать по-арабски и вообще едва ли не быть арабом почти столько же, сколько и представителем своего родного языка и этноса. Это касалось практически всех жителей халифата, всех мусульман. Исключение делалось только для небольших все еще сохранявшихся анклавов христиан и рассеянных по халифату иудеев – те и другие считались почти родственниками мусульман, во всяком случае вначале, уважительно именовались «людьми писания» и пользовались определенными правами и признанием.

Важнейшей особенностью халифата и вообще всех исламских стран вплоть до наших дней является неотъемлемая слитность религии и политики, о чем уже упоминалось. Ислам никогда не был хоть сколько-нибудь отделенной от государства и тем более противостоявшей ему церковью. Напротив, ислам был идейно-институциональной основой, сутью исламского государства, причем это тоже в немалой степени способствовало усилению власти халифов, особенно вначале, когда это было очень важно для новой политической структуры. Халиф формально обладал всей полнотой власти, религиозной (имамат) и светской (эмират). В столице Омейядов Дамаске чеканились золотые динары и серебряные дирхемы с его именем; это же имя упоминалось при торжественных пятничных богослужениях в мечетях. Центральная власть, государственный аппарат халифата эффективно управляли всей огромной страной, для чего была налажена регулярная почтовая связь с окраинами, реорганизованы войска (солдаты получали жалованье из казны или наделялись земельными наделами катиа), по персидскому образцу созданы полицейские отряды, строились дороги, каналы, караван-сараи и т. п. Вновь завоеванные территории были разделены на наместничества, одним из которых стала и Аравия. Пять наместничеств с центрами в Ираке, Аравии, Египте, Закавказье и Западной Африке управлялись всевластными эмирами, которые, хотя и подчинялись центру, были фактическими хозяевами в своих эмиратах, ведая их финансами, армией, аппаратом власти.

Верховным собственником всех земель халифата было государство (формально собственником считался Аллах, от его имени всем распоряжался халиф). Практически же земли, как упоминалось, были во владении эмиров и их аппарата власти. Существовало несколько различных категорий земельного владения. Наиболее распространенным было общинное землевладение на землях государства с выплатой в казну ренты-налога в форме хараджа или ушра. Ушр выплачивали и владельцы

частных отчуждаемых земель (мульк) – разница была в праве отчуждать эти земли, причем мульки, как правило, были очень небольшими владениями, земли савафи (это владения членов правящего дома, включая самого халифа) и вакфы (земли религиозных учреждений) налогами не облагались, но и не могли отчуждаться. Часть государственно-общинных казенных земель в форме икта, т. е. условного владения с правом взимать в свою пользу причитающийся с этих земель казне ренту-налог (включая и подушную подать, если она взималась), получали от государства служивые, чиновники и офицеры. Воины, во всяком случае часть их, имели необлагавшиеся налогом наделы катиа – принцип, явно восходивший опять-таки к иранско-сасанидской традиции (вспомним азатов), хотя не исключено, что здесь какую-то роль сыграли и знакомые Ближнему Востоку со времен эллинизма военные поселения-катэкии.

Все земли обрабатывались крестьянами, обычно, кроме перечисленных исключений, выплачивавшими государству либо его представителям (иктадарам, владельцам вакуфов, земель савафи) строго установленную норму ренты-налога. Некоторая часть мульковых земель нередко сдавалась в аренду с выплатой землевладельцу до половины урожая, но при этом владелец земли платил налоги в казну. В казну халифа, а затем и эмиров стекались также доходы от пошлин, взимавшихся с городского населения (мусульмане платили не очень обременительный занят, своего рода добровольные выплаты имущих, обычно не превышавшие 2,5%; немусульмане – более высокие налоги), а также традиционная пятая часть от всей военной добычи, за счет чего нередко выплачивались пенсии обедневшим потомкам пророка (сейидам) и его сподвижников.

Важно иметь в виду, что все вышеупомянутые принципы и нормы землепользования и налогообложения не были абсолютно незыблемыми, хотя в основе своей функционировали достаточно стабильно. Так, например, условные владения типа икта, обычно передававшиеся по наследству от отца к сыну (при условии, что сын наследует должность отца и служит, например, в качестве офицера), имели заметную тенденцию превратиться в отчуждаемую собственность их владельцев. Впрочем, государство всегда твердо стояло за противоположную тенденцию сохранения за собой права распоряжаться этими условными владениями. Нестабильным было и положение мусульман-неарабов. Вначале всех их, о чем уже говорилось, освобождали от хараджа и джизии, но со временем то одну, то другую из этих форм выплат порой вновь заставляли платить. Эти чувствительные для населения халифата колебания нередко служили поводом для народных восстаний, порой принимавших форму сектантских движений.

Именно такого рода недовольством воспользовались, в частности, враги Омейядов, сгруппировадшиеся в середине VIII в. вокруг влиятельного рода Аббасидов, потомков дяди пророка Аббаса. Опираясь на недовольство иранцев, Аббасиды спровоцировали в 747 г. в Хорасане восстание, во главе которого встал бывший раб Абу Муслим. Восставшие, среди которых было немалое число шиитов[24], вели успешные сражения с

24 Иран уже в эпоху Омейядов стал центром шиитской оппозиции, в немалой степени использовавшей в своих интересах этнокультурные традиции и претензии персов, не очень-то довольных абсолютным засилием всего арабского

войсками Омейядов, но плодами их успехов воспользовались Аббасиды, представитель которых в конце 749 г. был провозглашен халифом.

Халифат Аббасидов (750–1258)

Вскоре власть Омейядов окончательно рухнула, и на смену им пришли халифы новой династии. Хотя Аббасиды стали господствовать почти над всей территорией халифата – только в Испании бежавший туда один из Омейядов создал независимый от них Кордовский эмират, впоследствии тоже халифат, – власть их была значительно менее прочной и стабильной. Уже с первых десятилетий существования нового халифата стало вполне очевидно, что зенит политического могущества арабов и их государства позади. Новых походов Аббасиды практически не предпринимали; их сил едва хватало на то, чтобы сохранить завоеванное. Но и с этой задачей они справлялись плохо: начиная с IX в. от халифата одна за другой стали отпадать его части, правители-эмиры которых становились фактически независимыми государями, в лучшем случае (да и то если они не были шиитами) признававшими сакральный авторитет и сюзеренитет халифа.

Как это ни парадоксально, но политическое ослабление могущества арабов по времени совпало с наивысшим взлетом арабо-мусульманской культуры, как духовной (расцвет догматики ислама, исламского права, литературы, философии, науки), так и материальной (развитие ремесел и торговли в процветающих богатых городах, успехи в мореплавании и др.). Выступив преемником древних эллинистических, римско-христианских и персидских традиций, впитав в себя наследие высокоразвитой городской культуры недавнего прошлого, исламский халифат способствовал ирригационному строительству и освоению новых земель, развитию агротехники и выращиванию в земледелии новых сельскохозяйственных культур, расцвету городов и торговли, включая транзитную. Конечно, ислам при этом оставался исламом, т. е. религией довольно жесткой, а в некоторых аспектах и фанатично-нетерпимой. Но нельзя забывать, что распространение пусть даже исламского по сути своей образования на широкой территории от Испании до Китая способствовало увеличению количества грамотных и образованных людей, росту культурного стандарта. Разумеется, речь идет о восточном стандарте, не более, – уважения к человеку, к правам и достоинству личности ислам с собой, увы, не нес; произвол власти и право сильного оставались здесь неоспоримым законом социальных и политических отношений. Вместе с тем не следует забывать, что в сфере высокой теории, преимущественно в форме богословских споров, в халифате шли оживленные диспуты по многим серьезным проблемам – о божественном предопределении и свободе воли, например. Видные мусульманские интеллектуалы-улемы энергично занимались географией, медициной, историей, не говоря уже о привычных для традиционного Востока поэзии, принципах совершенной администрации и т. п.

В управлении государством Аббасиды, в жилах которых текло немало иранской крови, возродили административную систему персов, выдвинув на авансцену политической жизни, в частности, должность великого везира (визиря), наделенного огромными полномочиями. Везиру подчинялись центральные ведомства-диваны и весь разветвленный

административно-бюрократический аппарат. Только просвещение и суд были целиком выведены из сферы его компетенции – здесь заправляли духовные лица во главе с судьями-кади.

Особое место в халифате Аббасидов заняла армия. Она сильно видоизменилась. На смену воинам-арабам из числа кочевников-бедуинов пришла намного лучше организованная наемная армия, в которой немалую роль стали играть профессиональные воины из числа хорасанцев, берберов, затем также и тюрок. Арабское ополчение теперь играло уже второстепенную роль. Главное же место в военной иерархии заняла гвардия халифа, составленная из рабов-гулямов (мамлюков). Привезенные издалека в детском возрасте, купленные либо полученные от покоренного населения далеких окраин в форме своего рода тяжелого налога (налога «кровью», девширме), оторванные от корней и лишенные связей в Багдаде, юноши из тюрок, кавказцев и славян воспитывались в духе абсолютной преданности халифу, от милостей которого зависели их благосостояние и даже немалые привилегии. Вначале глубоко преданная халифу, эта гвардия вскоре, однако, почувствовала свою силу и стала не только навязывать халифу свою волю, но и подчас свергать неугодных правителей, а то и возводить на трон собственных предводителей.

Аграрные отношения при Аббасидах остались в основном прежними, а налоги даже несколько уменьшились, что с лихвой компенсировалось доходами от процветавшего ремесла и развитой торговли. Тем не менее на протяжении едва ли не всей истории халифата Аббасидов народные выступления, чаще всего принимавшие форму сектантских движений, не прекращались. Борьба с этими движениями стоила халифам немалых усилий и средств. Кроме того, росли злоупотребления в сфере взимания налогов, особенно после введения института посредников-откупщиков, мультазимов. Это, естественно, тоже рождало недовольство, так что для поддержания порядка халифам все чаще приходилось обращаться к помощи влиятельной знати, особенно наместников-эмиров. За эту помощь необходимо было платить, а формой расплаты стало постепенное укрепление экономической и политической самостоятельности эмиров, превращавшихся в наследственных правителей той или иной части халифата – со всеми вытекавшими из этого последствиями для центральной власти.

Начиная с IX в. сепаратизм эмиров, не говоря уже о феодальных владетелях рангом поменьше и тем более вождях племен или сект, захватывавших силой определенную территорию и официально не признававшихся халифатом, ощущался все заметнее. Еще в конце VIII в. в Марокко возникло фактически независимое государство Идрисидов (788–905), которым управляли шииты из числа алидов. Затем полунезависимым стал Хорасан, где был создан эмират Тадиридов (821–873), после чего едва ли не все земли Средней Азии оказались под властью эмирата Саманидов (875–999), а Тунис и Алжир превратились в полунезависимый эмират Аглабидов (808–909). Наконец, в 868 г. захватил власть в Египте наместник халифа из числа тюрок-гулямов, основавший династию Тулунидов (868–905). На развалинах халифата обретали свою былую независимость и многие местные династии. Например, в 875 г. возродилось царство Багратидов в Армении.

Политический распад халифата в конце IX в. был усугублен восстаниями зинджей и карматов. Зинджи, чернокожие рабы из Занзибара, использовались на тяжелых работах в Южном Междуречье

близ Басры, где десятки тысяч их, организованные в отряды, занимались строительством каналов и расчисткой солончаков. Бывшие собственностью халифата зинджи в 869 г. восстали и на протяжении 14 лет удерживали под своей властью район Басры и часть Хузистана, действуя при этом с большой жестокостью: перестав быть рабами, зинджи в основанном ими собственном халифате стали превращать в рабов едва ли не всех остальных, начиная с пленных арабов.

В восстании зинджей участвовала и группа шиитов из крайней шиитской секты исмаилитов, получившая наименование карматов. В конце IX в. карматы подняли еще одно восстание, распространившееся на Сирию, Ирак и Бахрейн. В Сирии и Ираке оно вскоре было подавлено, а в районе Бахрейна карматы закрепились надолго, создав здесь собственное государство сектантов. Это было весьма своеобразное государство, просуществовавшее, тем не менее, около полутора столетий. По некоторым описаниям, восходящим к середине XI в., оно управлялось выборной коллегией руководителей, население его вовсе не платило никаких налогов, а казна пополнялась за счет военной добычи, т. е. грабительских набегов на соседние земли. В счет такой добычи входили и пленники-рабы; кроме того, государство на награбленные средства покупало других рабов. Десятки тысяч рабов были слоем неполноправных работников, обрабатывавших часть земли, за счет доходов с которых в немалой степени существовало государство.

Обращает на себя внимание то, как восставшие зинджи и карматы относились к рабам и рабству. Ислам как религия рабство не поощрял; это, однако, не мешало существованию государственного рабства в халифате. Поэтому существенно не то, что рабы и рабство, несмотря на религиозный принцип социально-юридического равенства, все же были. Гораздо важнее, что социально неполноправные категории населения, испытавшие унижение в общегосударственном масштабе, быть может, именно вследствие своего столь специфического бытия иных форм эксплуатации чужого труда не желали знать: освободившиеся от рабства рабы предпочитали, став хозяевами жизни, жить за счет рабского труда других. Функционировавшие в рамках жесткой социально-религиозной структуры сектанты не видели ничего дурного в жестких способах эксплуатации чуждых им людей, в неравноправии рабов.

Восстания и сепаратистские устремления и акции эмиров привели в своей совокупности к тому, что на рубеже IX – X вв. реальная власть халифа сильно уменьшилась. Практически возглавлявшееся им государство в начале X в. контролировало лишь западную часть Ирана и небольшую прилегающую к ней территорию вместе со столицей Багдадом. Но и это продолжалось недолго. В 935 г. в западноиранских землях возникло государство Бундов, которые в 945 г. захватили Багдад и окончательно лишили халифа светской власти. Буиды присвоили себе титул «эмир эмиров» и стали управлять Ираком и Западным Ираном. Халиф же остался духовным главой правоверных, да и то лишь для ортодоксальных мусульман-суннитов. В этом состоянии он – а с ним и халифат как институт – просуществовал в Багдаде еще около трех веков. Впрочем, и это следует подчеркнуть, номинально халиф все-таки продолжал считаться верховным правителем всех правоверных, хотя функции его ограничивались вручением инвеституры очередному претенденту на власть в том или ином из эмиратов, позже также и султанатов.

Государства распавшегося халифата

Лишение халифа политической власти вызвало на Ближнем Востоке эффект полицентризма. Один за другим на месте бывшего единого государства стали возникать эмираты и султанаты, правители которых, чаще всего уже не претендовавшие на всеобъемлющую духовную власть в пределах своей страны (особенно это касалось султанов, признававших авторитет багдадского халифа в религиозной сфере), были, тем не менее, практически неограниченными властелинами. Но претензии на абсолютную власть сочетались с тем объективным обстоятельством, что сами вновь создававшиеся эмираты и султанаты были чаще всего непрочными и во многом случайными политическими образованиями, взлет и падение которых нередко зависели от способностей и удачливости того или иного царедворца, полководца, а то и выходца из низов, раба-гуляма. Слабость и кратковременность эмиратов и султанатов, их политическая неустойчивость зависели именно от недостаточной легитимности власти. Халифат держался столетиями, ибо имел высшую божественную санкцию на власть. Эмираты же и султанаты распавшегося халифата такой санкции, при формальном существовании багдадского халифа, не имели. Неудивительно, что в глазах массы подданных, да и завистливых царедворцев, эмиры и султаны были самозванцами, чья власть держалась только на силе. И при первом удобном случае любой из приближенных эмира либо султана, приобретя некоторую силу, не мог противостоять соблазну эту силу попытаться реализовать в собственных интересах. Отсюда и неустойчивость власти.

Политическая карта ближневосточного региона в X – XIII вв., о которых теперь идет речь, была не только весьма пестрой, но и менялась буквально с калейдоскопической быстротой. Новые политические образования сменяли только что сформировавшиеся, а на них все чаще наслаивались этнические волны чуждых Ближнему Востоку пришельцев. Однако ни частые политические перемены, ни появление новых этнических волн не меняло сути тех кардинальных параметров, которые характеризовали ближневосточную исламскую структуру в целом. В сфере аграрных отношений сохранялось традиционное и даже усилившееся при исламских правителях абсолютное господство государства с характерной для него редисгрибуцией избыточного продукта, стекавшегося в казну. Формами взимания этого продукта по-прежнему были рента-налог (ушр, харадж и иные виды налогов), трудовые повинности, пошлины, формой редистрибуции – выплата из казны либо за счет казны доли налогов в качестве жалованья чиновникам и воинам, содержания правителям и привилегированным слоям населения из числа родственников и приближенных правителей. Условные владения типа икта были разновидностью такого жалованья и модификацией редистрибуции. Частных земельных владений типа мульков было немного, причем с них тоже брался в казну налог.

В городах, в сфере ремесла и торговли, по-прежнему господствовал строгий централизованный контроль власти при полном отсутствии каких-либо официальных оговоренных и тем более законодательно закрепленных свобод или правовых гарантий, не говоря уже о льготах и привилегиях. Самоуправление в городах не выходило за рамки удобной

для властей практики ведения внутренних дел в рамках каждой из многочисленных корпораций, главы которых беспрекословно подчинялись городской администрации в лице наместника-хакима, градоначальника-раиса, надзирателя-мухтасиба, начальника стражи или судьи-кади.

Лишившее власти халифа государство Бундов просуществовало сравнительно недолго. Уже в 60-х годах X в. выходец из гулямов среднеазиатского эмирата Саманидов бежал в Афганистан, где основал независимый от Саманидов султанат Газневидов, наиболее выдающийся правитель которого, Махмуд Газневи, правивший в 998–1030 гг., отвоевал у Бундов значительную часть их восточных владений. Махмуд был ревностным мусульманином. В его войске немалую долю составляли воины-фанатики, бойцы за веру (гази, газии), с помощью которых он совершил несколько удачных походов в Северную Индию. Смерть Махмуда привела к упадку султаната, причем здесь сыграло свою роль выдвижение сельджуков.

В X в. многие из числа принявших ислам тюркских племен стали играть активную политическую роль. Так, тюркская династия Караханидов в 999 г. пришла на смену Саманидам в Средней Азии. А небольшое племя тюрок-огузов (туркмен) во главе с предводителем из рода Сельджуков стало богатеть за счет подчинения своей власти земледельческого населения соседних территорий. В 1035 г. династия Сельджуков вынудила потомков Махмуда Газневи отдать им часть Хорасана, в 1043 г. сельджукские тюрки захватили Хорезм. Газневиды вскоре были вынуждены ограничиться лишь небольшой территорией Афганистана и Пенджаба, тогда как огузы стали распространять свое влияние все дальше, пока в 1055 г. их предводитель Тогрул-бек не захватил Багдад, заставив халифа дать ему титул «султана Востока и Запада».

Преемники Тогрул-бека продолжили его успешные завоевания, объединив под своей властью земли Ирана, Ирака, Закавказья, Сирии и Палестины, даже часть отвоеванной у Византии Малой Азии. Но внутренне расширившийся султанат был слаб, политически рыхл. Не имея веками отработанной административно-политической традиции и не придавая ей большого значения, вчерашние кочевники выше всего ценили родоплеменные связи, следствием чего стала практика наделения членов правящего дома полунезависимыми вассальными владениями, быстро превращавшимися в автономные политические образования, новые султанаты.

Уже в XI в. в государстве Сельджуков возникли фактически самостоятельные Керманский и Румский султанаты, затем появились Хорасанский, Иракский. К концу XII в. междоусобицы сделали свое дело: государство Сельджуков окончательно распалось на части, что сыграло существенную роль в усилении правителя Хорезма. В начале XIII в. хорезмшахи объединили под своей властью значительную часть Средней Азии и Ирана, Афганистан и даже Азербайджан. Однако их политические успехи были остановлены монгольским нашествием.

В 20-х годах XIII в. монголы разгромили войска хорезмшаха, вторглись в Иран, уничтожая все на своем пути. Встретив сопротивление, они продолжали войну на протяжении ряда десятилетий, пока в середине XIII в. не одержали победу. На территории Ирана и прилегающих к нему земель было основано монгольское государство иль-ханов во главе с

Хулагу. Хулагуиды правили в Иране около столетия (1256–1353), причем именно в годы их правления халифы были вынуждены покинуть Багдад, а халифат практически был упразднен. В отличие от вчерашних кочевников-сельджуков монголы, тоже кочевники, придавали крепкой бюрократической администрации серьезное значение. Ильхан Газан-хан (1295–1304) официально принял ислам, сделал эту религию государственной и провел ряд важных реформ. Реформы Газан-хана немало способствовали восстановлению разрушенной монголами экономики Ирана. Но растоптанные монгольскими лошадьми и сожженные монголами города некогда богатого и процветающего Ирана даже спустя полвека, при Газан-хане, многого дать не могли: по некоторым данным, после восстановительных реформ Газан-хана хозяйство Ирана смогло обеспечить ежегодный доход на уровне 21 млн. динаров, тогда как столетием раньше этот уровень был равен примерно 100 млн. динаров. И это несмотря на то, что при монголах были увеличены налоги с населения за счет обложения всех дополнительной подушной податью купчур.

Западная часть бывшего халифата, куда не дошли завоеватели-монголы, имела свою историю, политические события которой уже с X в. мало пересекались с теми, о которых только что шла речь. На западе халифата на рубеже VIII–IX вв. началось отпадение от халифата его эмиратов. Но этот естественный процесс там был значительно осложнен религиозными спорами и разногласиями.

Конечно, нечто в этом роде было и на востоке халифата, о чем говорилось выше в связи с историей карматов. Можно добавить, что наряду с карматами здесь активизировались и другие секты исмаилитов, в частности ассасины. Воины-смертники из числа специально воспитывавшихся сторонников этой секты (их именовали также федаями, федаинами) были нарочито ориентированы на смерть во имя веры. Хорошо тренированные и поддерживавшиеся в их воинственном азарте немалыми долями гашиша (откуда и название секты – гашашины, фр. ассасины) федаины умело проникали и ко двору неугодного эмира, и в стан крестоносцев, делая там свое дело. В конце XI в. центром секты стал горный замок Аламут, после чего в горных районах прилегающего к замку Кухистана, а также в ряде других мест возникло фактически независимое от сельджукских султанов и любых иных иранских правителей своеобразное государство исмаилитов, которое было разгромлено вместе с замком лишь монголами. Но при всей политической значимости деятельности исмаилитов (карматов и ассасинов) в восточной части халифата, на западе их роль, да и роль иных сектантов, прежде всего шиитского толка, оказалась много более значительной. Достаточно напомнить, что первый из отколовшихся от халифата эмиратов, не считая Кордовского, был шиитским, т. е. не признававшим по принципиальным соображениям сакральной святости и авторитета власти халифа-суннита.

Влияние шиитов в западной части халифата было весьма большим с самого начала правления Аббасидов. Можно напомнить, что эта часть халифата, наиболее удаленная от столицы, вообще была склонна к оппозиции. Именно сюда, в Кордову, бежал последний из Омейядов. Здесь появились первые полунезависимые эмираты (Аглабидов в Алжире и Тунисе, Тулунидов в Египте), которые, хотя еще и не были шиитскими и потому признавали духовный авторитет халифа, в политическом плане очень рано стали полунезависимыми от центра халифата. С рубежа IX – X

вв. ситуация в этом плане стала изменяться еще решительней.

Шииты исмаилитского толка (они почитали седьмым святым имамом, т. е. прямым наследником Али и Фатимы, а в конечном счете и самого пророка, Исмаила, сына шестого имама Джафара, который несправедливо, по их мнению, лишил Исмаила права на имамат) считали, как и все шииты, что управлять мусульманами имеют право лишь святые имамы, ведущие происхождение от пророка. Только эти имамы, а после пресечения их прямой линии[25] их ближайшие родственники, т. е. опять-таки потомки Мухаммеда, пусть по боковой линии, сейвды, должны быть халифами. Исмаилитские имамы (термин «имам» весьма емкий, им обозначаются стоящие впереди, вожди, руководители) на протяжении IX в. вели весьма активную миссионерскую деятельность, имевшую наибольший успех среди племен, населявших Магриб, в частности среди берберов. Сначала это была преимущественно религиозная проповедь, на рубеже IX – X вв. она вылилась в вооруженное восстание. Имам исмаилитов некий Убейдал-лах, объявивший себя потомком Фатимы и выдававший себя к тому же за Махди, возглавил это восстание и провозгласил себя халифом. Так был создан заменивший собой государство Аглабидов исмаилитский халифат Фатимидов, просуществовавший свыше двух с половиной веков (909–1171).

Владевший вначале лишь частью Магриба, Алжиром и Тунисом халифат Фатимидов вскоре вступил в ожесточенную борьбу с Аббасидами за Египет и Сирию. Египет с 905 г., после падения эмирата Тулунидов, вновь стал владением багдадского халифа. Это была богатейшая провинция Аббасидов, большинство населения которой в то время составляли еще христиане-копты, потомки древних египтян, выплачивавшие в казну халифа хараdж и джизию. После образования государства Бундов и лишения багдадского халифа политической власти обстановка в Египте оказалась благоприятной для Фатимидов, ведших в этой стране активную религиозную пропаганду и политические интриги. Ряд успешных походов, завершившихся в 969 г. завоеванием Египта, привел к присоединению этой страны к государству Фатимидов. фатимиды перенесли в Египет свою столицу, заново отстроив ее в виде нового города Аль-Кахира («победный город»), т. е. Каира. Развивая свои успехи, фатимиды перенесли военные действия на север и в 970 г. присоединили к своему халифату и Сирию.

Борьба за Сирию обострила отношения фатимидских исмаилитов с другой ветвью шиитов-исмаилитов, карматами, часть которых жила в Сирии, тогда как другая, как уже говорилось, основала государство в Бахрейне. Бахрейнские карматы ждали возвращения на землю в качестве Махди сына имама Исмаила и потому не признавали власти Фатимидов. Однако они и не выступали резко против фатимидских халифов. Иное дело – сирийские карматы. Будучи вынужденными реагировать на вторжение Фатимидов в Сирию, они вступили в союз с Бундами и отвоевали у них Дамаск. Но это длилось недолго. В 977 г. сирийские карматы вынуждены были покинуть Сирию, частично переселившись в Бахрейн, а Сирия досталась Фатимидам, чей престиж в арабском мире в

25 Двенадцатый имам в середине IX в. в возрасте подростка таинственно исчез. Он считается шиитами последним «скрытым» имамом, который рано или поздно вновь откроется людям, появится в виде мессии, Махди, с нетерпением ожидаемого правоверными шиитами и по сей день

результате этого поднялся еще выше. Фатимидский халифат на рубеже X – XI вв. был, пожалуй, сильнейшим независимым арабо-исламским государственным образованием своего времени. Влияние Фатимидов достигало Мекки и Медины, чем в Каире весьма дорожили.

Как и Египет, Сирия была богатейшей провинцией арабских халифов. Ее города были древними центрами международной торговли, а также развитого ремесла. Ее население, включавшее потомков древних финикийцев, было достаточно зажиточным. Как и в Египте, здесь была весьма заметная прослойка христиан, хотя уже преобладали арабский язык и арабо-мусульманская культура. Но едва ли не высшей ценностью Сирии – во всяком случае в глазах европейских христиан – была включенная в нее Палестина с «божьим городом» Иерусалимом, где располагался Гроб Господень. Как известно, именно это явилось поводом для так называемых крестовых походов (XI–XIII вв.), имеющих прямое отношение к нашей теме.

Халифат Фатимидов, как и многие другие политические образования арабского мира, возникшие на развалинах аббасидского государства, был внутренне слаб, прежде всего, о чем уже упоминалось, из-за отсутствия надежной легитимной основы. Уже в середине XI в. потомки первых халифов оказались игрушкой в руках гвардейских военачальников из числа гулямов тюркского либо суданского происхождения, с которыми соперничали также вожди берберских племен. При халифе Мустансире (1036–1094) эта борьба завершилась истреблением части гвардейцев, но в конечном счете гулямы взяли верх. Это привело в XII в. к заметному ослаблению политического могущества Фатимидов. Крестоносцы отобрали у них Сирию и Палестину, причем новый иерусалимский король Амальрих в 1167 г. побывал даже у стен Каира. На западе значительная часть Магриба оказалась под властью Альморавидов, захвативших во второй половине XI в. не только все североафриканские арабские владения, но частично также и земли Ганы, а затем и мавританскую Испанию, где под ударами христиан в это время пал Мордовский халифат. В середине XII в. на смену Альморавидам в Магрибе пришли к власти Альмохад, к которым перешло наследие Альморавидов, включая и мусульманские территории Испании.

В 1171 г. военачальник Салахад-дин (Саладин) совершил в Каире переворот, провозгласив себя султаном. Власть фатимидских халифов пала, а султаны новой династии Алюбидов (1171–1250), будучи суннитами, признали авторитет багдадского халифа. Объединив под своей властью также и Сирию, где в середине XII в. крестоносцы были вынуждены вернуть Дамаск мусульманам (эмиром Дамаска стал курдский полководец Айюб, отец Саладина), и заключив мир с досаждавшими ему ассасинами, дважды покушавшимися на его жизнь, Салах-ад-дин всю свою незаурядную энергию направил на борьбу с крестоносцами. В 1187 г. он занял Иерусалим и захватил почти все важнейшие опорные пункты христова воинства. Правда, после третьего крестового похода Ричард Львиное Сердце заключил с Саладином выгодный мир, оговорив право христиан прибывать в Иерусалим для паломничества в святые места. Но большего крестоносцы добиться уже не могли. И надо сказать, облик Саладина произвел на них неизгладимое впечатление. Будучи, в отличие от большинства современных ему восточных правителей, человеком не только щедрым, но и скромным, Саладин привлек внимание к своей личности. В западноевропейской традиции он предстает в

качестве благородного рыцаря, что нашло свое отражение прежде всего в сочинениях менестрелей.

После смерти Салах-ад-дина его наследники повели междоусобную борьбу за султанат, владения которого к этому времени охватывали не только Египет и Сирию, но также Хиджаз с Меккой и Мединой и часть Месопотамии. Междоусобные распри вновь усилили роль мамлюкской гвардии, которую правители создавали из купленных ими рабов. Неудивительно, что в 1250 г. последний из Айюбидов был свергнут одним из мамлюков, после чего Египет на протяжении двух с половиной веков оказался под властью мамлюкских правителей, которые сумели не только сохранить свою власть, но и успешно противостоять монгольским войскам. После упразднения Багдадского халифата при Хулагуидах в Каир прибыл бежавший туда один из близких родственников последнего халифа. Мамлюкские султаны признали и приютили его, результатом чего стало превращение Каира в местопребывание последней ветви халифов, не без выгоды для мамлюков сохранявших свой сакральный авторитет среди всех мусульман-суннитов вплоть до начале XVI в., когда в качестве преемников этого сакрального авторитета стали выступать захватившие Египет турецкие султаны.

Глава 4
Османская империя (Турция)

Первые волны тюркоязычных племен в Малой Азии датируются эпохой Великого переселения народов (сер. I тысячелетия н. э.), но в период эффективной власти византийских императоров эти племена достаточно быстро ассимилировались местным населением. Иное положение сложилось здесь в начале II тысячелетия н. э., когда едва выстоявшая под ударами арабов и к тому же ослабленная внутренними распрями Византия уже не могла оказывать активного сопротивления вторжениям извне. В конце XI в. правители сельджукского Румского султаната, потерпев поражение от крестоносцев, перенесли свою столицу в глубь Анатолии, к границам Византии. Тюрки-огузы, составлявшие этнически господствующее ядро султаната, и постепенно тюркизовавшееся под их воздействием местное население – греки, армяне, частично грузины, персы – вот те компоненты, на основе которых формировалось будущее население Турции и прежде всего сами турки. Впрочем, о формировании турок как этноса надлежит вести речь с определенными оговорками. Население Малой Азии издревле было христианским. Наложение на него мощного пласта тюрок-мусульман и даже тюркизация части прежнего населения не привели к исчезновению христиан. Напротив, большие группы христианского населения длительное время сосуществовали с тюрко-исламским этносом, захватившим господствующие позиции. Поэтому турками в широком смысле слова можно с оговорками именовать все население Турции, но собственно турками были лишь представители тюрко-исламской группы, длительное время численно остававшиеся в меньшинстве.

Традиционные нормы ислама и родоплеменные связи сельджукских тюрок во многом определили структуру султаната: слабая власть центра опиралась на немногочисленный аппарат чиновников, преимущественно

из персов, частично греков, а периферийные районы находились под контролем влиятельных вассалов-беев. Центробежные тенденции вели к усилению власти беев, чему способствовали также с трудом подавленное в XIII в. восстание сектантов-шиитов, а затем вторжение монголов, приведшее в конечном счете к гибели султаната. Из десяти бейликов, на которые он распался, на рубеже XIII–XIV вв. резко усилился и возвысился западный, принадлежавший бею Осману, который с 1299 г. стал полновластным правителем окрепшего Османского эмирата.

Отдаленность от монгольского государства ильханов и близость ко все более слабевшей Византии во многом определили политику Османа: откупаясь от монголов небольшой данью, он стал одну за другой присоединять к эмирату малоазиатские провинции Византии. Преемники Османа продолжили его завоевания: сначала была подчинена значительная часть Малой Азии, а затем полем боя стали Балканы. На протяжении второй половины XIV в., особенно после знаменитого сражения на Косовом поле в 1389 г. и разгрома объединенного войска крестоносцев в 1396 г., турки-османы присоединили к своему государству большую часть Балкан и даже штурмовали Константинополь в 1400 г. Дни Византии были сочтены: в 1453 г. Константинополь был взят штурмом, после чего все византийские территории в Малой Азии и на Балканах оказались под властью Турции.

В 1475 г. вассалом турецкого султана стало Крымское ханство и примерно в это же время началось завоевание восточноанатолийских земель, в ходе которого в руки турок попали важнейшие международные торговые пути. Наконец, в 1514 г. туркам удалось одолеть сопротивление их мощного восточного соседа, сефевидского Ирана, результатом чего были присоединение к Турции юго-восточной части Анатолии и Курдистана и, главное, выход к Арабскому Востоку. В 1516 г. было разгромлено войско мамлюков, а Сирия и Хиджаз с Меккой и Мединой оказались под властью турецкого султана. В 1517 г. турецкой провинцией оказался и Египет, причем духовная власть последнего из проживавших в Каире потомков арабских халифов была окончательно упразднена, вследствие чего сложилось представление (подкрепленное возникшими позже легендами), что султан стал официальным преемником халифа в качестве религиозного вождя правоверных. Не вдаваясь в спор по существу самого факта, необходимо заметить, что после всех завоеваний и окончательного упразднения халифата турецкий султан действительно оказался в глазах правоверных имеющим наивысший политический и религиозный авторитет правителем.

И это нельзя считать случайностью. За два с небольшим века малозаметный Османский эмират на глазах всего мира и прежде всего мира ислама, следившего за ним с наиболее пристальным вниманием, превратился в могущественную империю, одну из крупнейших для своего времени. В пределы этой империи, просуществовавшей достаточно долго, были включены почти все земли прежнего халифата (Аравия, Ирак, Магриб, даже часть Закавказья), не говоря уже о заметных новых приобретениях (Балканы, Крым). Могущественная османская Турция стала угрозой для Европы, в том числе и России. Ее флот господствовал в Средиземном море, ее войска не раз штурмовали Вену и совершали набеги на другие европейские города.

Внутренняя структура империи

Успехи турок в войнах, обеспечивших рост их политического могущества, во многом были обусловлены динамичной системой социальной организации, восходившей к привычным родоплеменным связям кочевников. Так, первоначальной единицей административно-территориального членения эмирата, а затем и султаната, был санджак (букв. «знамя») во главе с санджак-беем – главой воинов знамени, т. е. родоплеменного подразделения. Впоследствии родовые связи постепенно ослабевали и отходили на задний план, а воинские и военно-административные, военно-территориальные выходили на авансцену.

Оседая, вчерашние воины-кочевники превращались в несущих регулярную воинскую службу кавалеристов-сипахи, каждый из которых получал за свою службу тимар – условное наследственное владение с правом взимания с земледельческого населения тимара строго определенной суммы, являвшейся частью выплачиваемого этим населением в казну ренты-налога. Тимар обычно измерялся не количеством земли и не численностью обрабатывавших ее земледельцев, но именно суммой взимавшегося тимариотом годового дохода, за счет которого он должен был кормиться и экипироваться. Право наследования было связано с обязательством наследника служить в армии. Передавать тимар в чужие руки на иных условиях воспрещалось.

Как легко заметить, тимар был похож на икта. Но если икта формально не передавался по наследству, хотя фактически легко переходил из рук в руки при условии замещения отцовской должности сыном, то тимар был наследственным владением при соблюдении того же обязательного условия. Если учесть, что тимар не был ни поместьем, ни даже фактическим землевладением, но только правом на определенную сумму налога, то легко прийти к выводу, что такая форма централизованной редистрибуции избыточного продукта производителей не ущемляла интересов государства, тем более что казна и вся система административно-законодательных регламентов бдительно следили за соблюдением установленной нормы. Тимариоты не должны были превышать своих прав и полномочий.

Со временем, по мере расширения количества захваченных османами земель и увеличения числа обрабатывавших эти земли крестьян, как правило, не турок, чаще всего немусульман-райя, стали появляться тимары более крупных размеров, с дохода от которых их владелец был обязан выставлять несколько ведомых им и экипированных за его счет воинов-сипахи. Появились и еще более крупные пожалования того же типа – зеаметы. Их владельцами-займами были командиры отрядов воинов-сипахи. Ни займы, ни тимариоты сами хозяйства обычно не вели; его вели крестьяне-райя. Если же воин, вчерашний кочевник, все-таки хотел завести земледельческое хозяйство, он имел право получить в рамках своего тимара или зеамета надел-чифтлик, равный обычному райятскому чифтлику, не более того.

Тимариоты и займы составляли основу военной силы Турции. Но были и другие ее части. Во-первых, это воинские ополчения особой категории: командиры здесь были из тимариотов, а рядовые – воины-аскери, освобожденные от налогов и, наподобие катиа времен

арабских халифатов, несшие за это военную службу. Во-вторых, немаловажной и со временем все возраставшей по значению частью военной силы страны были янычары, воины-гвардейцы, рекрутировавшиеся из райя или, наподобие арабских гулямов-мамлюков, из числа иноплеменных мальчиков-рабов (девширме), воспитывавшихся при султанском дворе в специальных школах-казармах, которые находились под опекой дервишей из влиятельного суфийского ордена Бекташи.

Военно-ленная система условно-наследственного землевладения оказалась весьма удачной основой для османской Турции. Земель и обрабатывавших ее крестьян было достаточно, доходы казны все время возрастали за счет завоеваний и присоединения новых земель, не говоря уже о военной добыче, развивавшейся торговле и процветавших городах. За счет только что описанной и в целом неплохо продуманной системы централизованной редистрибуции всех доходов существовал эффективный военный аппарат, обеспечивавший могущество империи. Легитимизация власти султана в начале XVI в. в связи с ликвидацией халифата как института тоже сделала свое дело: турецкий султан для правоверных оказался практически высшим духовным авторитетом, наместником Аллаха на земле.

По мере роста империи ее внутренняя структура усложнялась, особенно вследствие присоединения к османской Турции областей с иными структурными основами (Балканы). Менялась и внутренняя система управления. Так, по мере усложнения администрации в империи появилась немалая прослойка гражданских чиновников, которые были приравнены к воинам-аскери (люди меча и люди пера – два разряда аскери) и получили право на служебные наделы типа все тех же тимаров. Кроме того, в стране появился влиятельный слой высших должностных лиц из числа сановников и султанской родни. Эти люди наделялись крупными земельными владениями – хассами и арпалыками.

Хассы и арпалыки представляли собой территории, обладавшие налоговым иммунитетом: вся сумма налогов, взимавшихся с земледельцев этих районов, целиком шла их владельцам. Это давало возможность для большей, чем в тимарах со строго фиксированной суммой дохода, эксплуатации производителя, тем более что сами владельцы обычно взиманием налогов не занимались, доверяя это хлопотное дело посредникам-откупщикам, мультазимам. Мультазимы же выжимали из крестьян-райя все, что можно было. Но зато владения типа хассов и арпалыков не были наследственными. Иными словами, государство как институт сохраняло за собой повседневный строгий контроль за положением дел в тимарах и не упускало из сферы своего внимания ситуацию в хассах и арпалыках. Естественно, для столь строгого централизованного контроля нужен был эффективный государственный аппарат.

В османской Турции этот аппарат, как и вся система администрации, вся внутренняя структура империи, был очень близок к тому классическому эталону, который соответствует генеральной схеме командно-административной структуры традиционного Востока, включая институты власти-собственности и централизованной редистрибуции. Все земли империи считались государственными, а распоряжался ими от имени султана аппарат власти. На завоеванных территориях формы землевладения частично изменялись в соответствии с османскими

стандартами, частично оставались прежними, но при этом все же приводились в соответствие с теми порядками, которые были приняты в империи.

Как уже упоминалось, формы землевладения в империи сводились примерно к следующему. Существовало условное земельное владение наследственного типа (тимары, зеаметы) и ненаследственного (хассы и арпалыки). Часть земель находилась в частном владении: это были мелкие в основном мульки, собственники которых платили налог в казну. Существовали и навечно прикрепленные к религиозным учреждениям освобожденные от налогов вакуфные земли. Нередко для освобождения от налогов владельцы мульков переводили свои земли в разряд вакуфов, оговаривая для себя небольшой доход. Когда этот процесс принимал угрожающие размеры, государство обычно вмешивалось и восстанавливало статус-кво. Если учесть многообразие местных форм землевладения в отдаленных землях, будь то балканские или, позже, арабские, то перечень деталей можно было бы и продолжить. Однако это не изменило бы сути дела.

Суть же всего описанного состояла в том, что ни одна из многочисленных форм земельных взаимоотношений не предоставляла условий для роста и тем более укрепления феодального сепаратизма. Наследственное владение мелкими пожалованиями и ненаследственное владение крупными территориями не способствовали возникновению влиятельной прослойки владетельной наследственной аристократии, альтернативой которой в османском обществе были сильная центральная власть и мощный государственный аппарат, ключевые должности в котором замещались на основе не сословных, но личностных связей (меритократия, протекционизм, активная социальная мобильность).

Слабостью структуры было именно то, что в ней преобладали не институциональные, объективно фиксируемые (как то было, например, в китайской империи), но именно личностные связи. До поры до времени эта слабость не была заметной, однако после XVI в. все сильнее, как о том будет сказано ниже, стала давать о себе знать. Так как же все-таки выглядела система власти, основанная преимущественно на личностных связях?

Едва ли не наиболее слабым звеном этой системы была вершина ее, власть самого султана. Восходящая к недавнему прошлому, к родоплеменным традициям кочевников, система наследования еще не сумела выработать стройные принципы конического клана, майората, примогенитуры (первородства), хотя эти принципы в эпоху халифата уже длительное время отрабатывались, особенно в различных эмиратах и султанатах распавшегося халифата. Отсутствие неоспоримого права старшего сына на трон вело к спорадическим династийным конфликтам, подчас выливавшимся в ожесточенную борьбу за власть. В условиях, когда практически каждый представитель данного поколения в численно большом семейно-клановом коллективе (гаремы турецких султанов всегда отличались своими размерами, что вело, естественно, к обилию наследников у каждого из них) потенциально имел право на власть, такого рода борьба была практически неизбежной с каждым новым случаем передачи власти от одного правителя к другому. Неудивительно, что для противодействия этой столь ослаблявшей структуру междоусобной борьбе были выработаны противоядия, причем весьма радикальные: при дворе чуть ли не официально закрепилась жестокая

практика убийства всех своих братьев и ближайшей родни воцарившимся султаном.

Вообще турецкий султан был наиболее ярким олицетворением всесильной власти над подданными восточной деспотии, олицетворением той самой системы поголовного рабства, о которой писали Гегель и Маркс и парадигма которой была создана, скорее всего, именно с учетом европейских знаний и представлений о структуре власти в Османской империи. Перед султаном, падишахом все остальные, включая его близких помощников и приближенных, действительно были не более как покорными рабами, чья жизнь всецело зависела от отношения к ним, а то и просто от случайной прихоти властелина. Сесть на кол в любой момент мог каждый – и многие кончали свою жизнь именно таким образом.

Правительство страны. Высочайший совет (диван-и-хумайюн), назначалось султаном и было ответственно перед ним. Оно состояло из нескольких министров-везиров и возглавлялось великим везиром. Деятельность правительства регламентировалась принятым при Мехмеде II (1444–1481) сводом законов Канун-наме, а также исламским правом, шариатом. Организационно центральный аппарат власти состоял из трех основных систем – военно-административной, финансовой и судебно-религиозной. Каждая из них была представлена как в центре, так и на местах.

Возглавлявшаяся самим великим везиром военно-административная система являла собой костяк всей структуры империи. Страна к XVI в. была разделена на 16 крупных областей-эялетов, возглавлявшихся губернаторами-бейлербеями, подчиненными великому везиру и отвечавшими за положение дел в своих областях – прежде всего за боеспособность тех частей, которые всегда должна была быть готовой выставить та или иная область. Бейлербеям, в свою очередь, подчинялись уездные военачальники-управители санджакбеи (уездов-санджаков в стране было около 250), административно ответственные за свои уезды. В уездах власть санджакбея была очень сильна, хотя формально она регулировалась уездными Канун-наме, которые со временем были созданы для каждого санджака. И наконец, на низшем уровне власти вся военно-административная система опиралась на тимариотов, подчиненных санджакбеям и отвечавших перед ними как за боеспособность и экипировку выставляемых от своего тимара воинов-сипахи, так и за сохранение административного порядка среди местного населения.

В функции финансового ведомства, возглавлявшегося везиром-дефтердаром и представленного на областном и уездном уровнях специальными чиновниками с подчиненными им писцами, входило вести строгий учет ресурсов и доходов казны, определять размеры налогов и податей, различного рода повинностей. Видимо, именно чиновники этого ведомства должны были строго контролировать сумму налогов с каждого тимара, включая ту ее долю, которая доставалась тимариоту и превышать которую он не имел права. Система налогов в империи была достаточно сложной, особенно если учесть, что находившиеся на полуавтономном положении некоторые отдаленные провинции имели свои традиционные типы налогов. Однако в целом система была стройной и жестко обязательной. Она подразделялась на две основные части – законные налоги (т. е. соответствовавшие шариату – десятина-ушр с мусульман, харадж и подушная подать джизия с немусульман, закят с имущих и

соответствующие более тяжелые пошлины с немусульман, особенно с богатых горожан, и т. п.) и дополнительные поборы, к числу которых относились различные местные и чрезвычайные налоги, пошлины, подати. От налогов, кроме служивых, было освобождено мусульманское духовенство, как служилое (судьи-кади и др.), так и неслужилое (улемы).

На долю судебно-религиозной системы в рамках общей административно-политической структуры империи приходилась функция контроля за образом жизни и поведением населения. Возглавляемая на уровне центрального правительства шейх-уль-исламом и представленная на уровне губернаторств несколькими (вначале лишь двумя) кади-аскерами, эта система на уездном уровне замыкалась мусульманскими судьями-кади и их помощниками. Судьи-кади были прежде всего судьями, решавшими от имени ислама и по поручению властей все судебные дела, касавшиеся мусульман. Но это была только часть их функций, хотя и основная, важнейшая. Кроме того, кади выступали в функции нотариусов, фиксировавших документы и сделки, а также посредников разрешавших торговые, финансовые и прочие споры, контролеров, следивших за регламентацией доходов и порядком сбора налогов, за установлением цен, за порядком и характером общественных работ и т. п. Словом, в типичных для исламских структур условиях слитности политики и религии состоявшие на административной службе кади были и духовниками, и чиновниками. В том, что касалось иных, немусульманских слоев населения, аналогичные функции были возложены на руководителей соответствующих религиозных общин-миллети – греческо-православной, армяно-григорианской, иудейской, получивших для этого широкие полномочия. В тех случаях, когда в споры были замешаны представители различных религий, включая мусульман, дело подлежало суду кади, бывших, как правило, весьма пристрастными судьями, т. е. защищавших прежде всего интересы единоверцев.

Жесткий и мелочный регламент, о котором только что шла речь, касался прежде всего городской жизни, ремесла и торговли, где условия для нарушения привычных норм бытия были более благоприятными, чем в деревне. Города Турции были в значительной степени населены иноверцами нетурецкого происхождения, и все они, равно как и мусульманские торговцы и ремесленники, всегда были четко ограничены в своих возможностях многочисленными мелочными придирками и господствующими нормами публично-правового характера при почти полном отсутствии тех прав и гарантий, которые могли бы дать им отсутствовавшие либо очень слабо разработанные частноправовые регламенты. В городах господствовала система цехов, монополизировавших производство отдельных видов товаров, что было практически общим для всего средневекового, да и в значительной степени для древнего восточного общества. Стоит оговориться, что примерно таким же образом была организована система цехов и в городах средневековой Европы. Но была и существенная разница, коренным образом менявшая дело: европейские города были свободны от мелочной опеки со стороны властей и имели немалое самоуправление, что способствовало постепенному формированию самовоспроизводящейся структуры с господством частнособственнических отношений. Вне Европы тоже было немало собственников среди городских жителей, ремесленников и богатых торговцев, ростовщиков-откупщиков типа

мультазимов и т. п. Но структура там была иной, о чем, собственно, и идет речь.

Надо сказать, что централизованный контроль над городами проявлялся не только в мелочной опеке и отсутствии прав и гарантий. Он находил выражение также в том, что существовали государственные монополии на производство и продажу некоторых видов товаров – на соль, мыло, воск. Главное же было в неполноправии большинства городского населения, иноверцев – греков, армян, иудеев, славян, кавказцев, в чьих руках была сосредоточена едва ли не вся турецкая торговля и значительная часть ремесла. Определенную роль в городской жизни играли и арабы-мусульмане, но сами турки были в явном меньшинстве, что и неудивительно: турок был прежде всего воином, частично земледельцем и менее всего городским жителем-ремесленником и тем более торговцем. В целом, однако, турецкий город не был какой-то принципиально иной, особой частью структуры империи. Как раз напротив, при всей своей специфике многие города структурно были на тех же правах, что и сельские районы: более крупные из них могли стать и становились время от времени хассами султана либо его приближенных, мелкие – тимарами, зеаметами или вакуфами.

Кризис военно-ленной системы империи

Тимарная система была оптимальной для Турции в первые века ее существования, когда земли было много, а незначительность налогов с крестьян с лихвой компенсировалась регулярной и обильной военной добычей. Золотым веком централизованной империи считается в этом смысле правление Сулеймана I Кануни (Законодателя), или Сулеймана Великолепного (1520–1566), как называли его в Европе. Именно в те годы был опубликован ряд законоположений, определивших окончательную структуру империи, и в частности всю систему тимаров, а также были достигнуты впечатляющие победы, в ходе которых к Турции были присоединены почти все земли халифата, кроме разве что Ирана с прилегающими к нему территориями. Впоследствии стало считаться даже, что во времена Сулеймана никто не страдал от какой-либо несправедливости и вообще дела империи шли идеально. С конца XVI в. и особенно на протяжении двух последующих столетий дела начали идти все хуже и хуже. Империя все более очевидно вступала в состояние тяжелого кризиса – того самого, который сделал ее в начале XIX в. «больным человеком Европы». К чему же сводилась суть этого затянувшегося кризиса и каковы были способы лечения действительно всерьез «болевшей» структуры?

В XVI в. площадь обрабатываемых земель империи практически перестала расти, тогда как рост населения, напротив, продолжался, к тому же весьма быстрыми темпами. С одной стороны, это вело к дроблению тимаров и, следовательно, к уменьшению их доходности. С другой – к ухудшению качества жизни райя, к появлению в их среде все большего количества безземельных. Оба процесса вели также к тому, что бедневшие тимариоты правдами и неправдами стремились сохранить свой доход, для чего они захватывали крестьянские земли и увеличивали собственные хозяйства-чифтлики, сдавая при этом землю в аренду безземельным и малоземельным. В итоге казна лишалась своей доли

законных налогов, а тимариоты все равно беднели и, как следствие этого, теряли свою боеспособность.

Нерентабельность мелкого тимара на рубеже XVI–XVII вв. была усугублена докатившейся до Турции волной «революции цен», вызванной наплывом в Европу дешевого американского серебра. Цены, как и налоги с крестьян, стали быстро увеличиваться, что опять-таки, с одной стороны, способствовало еще большему разорению райя, а с другой – ухудшению положения мелких тимариотов, сумма ежегодного дохода которых была жестко фиксирована. Все это вызвало серию народных восстаний, в которых принимали участие и деклассированные элементу и крестьянские низы, и даже тимариоты. Результатом было как сокращение доходов казны, так и упадок воинского могущества империи. Необходимы были срочные реформы.

Сначала власти пошли по наиболее легкому пути. Наглядно проявившийся упадок боеспособности воинов-сипахи было решено компенсировать увеличением корпуса живших за счет выдач из казны янычар: в 1595 г. их было примерно 25 тыс., а несколько десятилетий спустя – уже 50 тыс. Однако ставка на янычар дала, как то бывало и с арабскими гулямами-мамлюками, обратный эффект. Расходы на армию резко увеличились, и казна не всегда была в состоянии вовремя выплачивать жалованье янычарам, которые в ответ начинали бунтовать и даже смещать неугодных им султанов. Кризис и нестабильность стали проявляться с еще большей силой.

В 1656 г. великим везиром стал знаменитый Махмед Кёпрюлю, который и провел в Турции первую серию столь необходимых для страны реформ. Смысл этих реформ сводился к укреплению структуры за счет восстановления боеспособности тимаров, оживления распадавшейся тимарной системы. Тимары были восстановлены путем ущемления некоторых других категорий землевладения, включая хассы и вакуфы. Это привело к укреплению дисциплины в войске воинов-сипахи, в результате чего повысился авторитет центральной власти и были даже одержаны некоторые победы. В частности, в 1681 г. была присоединена к империи Правобережная Украина. Но все эти успехи были недолгими. Явления, вызвавшие кризис, не были ликвидированы. В XVIII в. они проявились вновь, причем с еще большей силой.

Процесс дробления тимаров продолжался, причем все увеличивалось количество тимариотов, которые не были в состоянии выполнять свои воинские обязанности. Нуждаясь в деньгах, казна подчас продавала их владения, которые при этом нередко переходили в руки разбогатевших торговцев либо ростовщиков. Выходцы из этих слоев населения с конца XVII в. активно включились и в сферу откупа, которая в интересах казны была усовершенствована: земли категории хасс, как и некоторые иные ненаследственные пожалования, все чаще отдавались на откуп мультазимам пожизненно. Мультазим, уплатив определенный взнос и ежегодно отдавая государству либо владельцу хасса определенную сумму, получал почти полную свободу в своих отношениях с крестьянами, в результате чего государство порой вовсе утрачивало контроль за положением райя. Снова результатом было ухудшение положения крестьян и тимариотов, что не могло не сказаться на состоянии страны в целом, включая и ее военную мощь, ее отношения с соседними государствами.

Уже на рубеже XVII–XVIII вв., несмотря на отдельные успехи, Турция

потерпела и ряд серьезных поражений в войнах. И хотя в начале XVIII в. она все же смогла взять реванш в войнах с Венецией, Австрией и Россией, дни ее военно-политического могущества были уже сочтены. Все чаще та или иная европейская держава в итоге войны с Турцией добивалась определенных льгот либо преимуществ в торговле (первые такого рода льготы – капитуляции – были предоставлены французам в знак благодарности за их помощь в войне с Венецией и Габсбургами еще в 1535 г.; в 1580 г. таких же льгот добились англичане; в начале XVIII в. – австрийцы). Примерно с 1740 г. капитуляции стали превращаться в неравноправные договоры, предоставлявшие односторонние преимущества европейским торговцам, что постепенно открывало двери для проникновения в империю европейского капитала.

Сначала упадок военной мощи, а затем и становившееся все более очевидным экономическое и политическое (не говоря уже о социальном, научно-техническом, культурном и т. п.) отставание Турции от быстро развивавшейся капиталистической Европы, включая и Россию, привели в конце XVIII в. к тому, что для европейских держав, прежде с трудом отбивавшихся от натиска турок, возник так называемый восточный вопрос – как быть с Турцией? Начиная с этого времени Турция фактически утрачивает былую самостоятельность в международных делах, а само сохранение империи в качестве крупного военно-политического объединения во многом стало зависеть от разногласий между державами, не желавшими за счет изменения статуса Османской империи резко нарушить с трудом сохранявшийся политический баланс в Европе.

Правящие круги империи не могли не видеть упадка страны. Вопрос для них был лишь в том, как приостановить процесс деградации, какие меры принять для укрепления внутренней структуры империи. Совершенно очевидным было, что военно-ленная система, вполне оправдывавшая себя ранее, особенно в условиях малочисленности этноса завоевателей, давно себя изжила и требовала замены. Но что следовало противопоставить ей?

Второй тур реформ, связанный с именами султанов Селима III (1789–1807) и Махмуда II (1808–1839), по сути и духу весьма значительно отличался от первого, особенно при Махмуде II. Правда, и на сей раз было кое-что предпринято для регенерации приходившей в упадок тимарной системы и поднятия боеспособности воинов-сипахи. Но теперь главным было уже не это. Главным стало явственно выраженное стремление реформаторов покончить с военно-ленной системой как таковой и тем более с таким уродливым проявлением ее, как корпус янычар. Основной упор в ходе реформ был сделан на создание новой, реформированной по европейскому образцу армии, включая артиллерию, флот, инженерные войска. В качестве специалистов-консультантов были приглашены офицеры и преподаватели из ряда европейских стран, включая получившего в дальнейшем известность прусского военачальника Г. Мольтке. По мере создания и укрепления этих новых армейских формирований султаны избавлялись от старых: в 1826 г. было жестоко подавлено восстание недовольных реформами янычар и специальным указом Махмуда II янычарский корпус был ликвидирован. Вместе с ним с политической арены был удален влиятельный и игравший реакционную роль суфийский орден Бекташи. В 30-х годах XIX в. в несколько этапов была упразднена и тимарная система; место бывших сипахи заняла новая регулярная армия. Был поставлен даже весьма радикально для турецкой

традиции звучавший вопрос о возможном включении в эту армию турецких подданных из числа немусульманских этнических групп.

Второй тур реформ и особенно деятельность Махмуда II не ограничились только радикальными переменами в военно-административной системе и организации войска, хотя это было самым важным для страны. Были внесены изменения и в систему администрации (созданы некоторые новые министерства и ведомства по европейскому образцу), и в порядок налогообложения, включая форму взимания налогов, проблему откупов, и в сферу культуры (почта, газеты, больницы, учебные заведения и т. п.). Словом, реформы начала XIX в. следует расценивать как решительный шаг Турции в сторону европеизации ее внутренней структуры. Эти реформы заложили основу для новой, еще более радикальной в истории страны третьей серии реформ – для Танзимата (40–70-е годы XIX в.), о чем речь будет идти в следующей части данной работы.

Второй тур реформ и вся весьма плодотворная в этом смысле деятельность султана Махмуда II, время от времени открыто бросавшего вызов отжившим традициям вчерашнего дня (так, например, во время одной из своих поездок по стране султан демонстративно лично оплачивал все связанные с этой поездкой расходы – факт невероятный и непривычный для его подданных), во многом способствовали выживанию Турции как государства. Но не как империи: Османская империя уже была обречена.

Распад империи начался еще в XVIII в., когда в результате ряда войн с Австрией, а затем с Россией и Ираном Турция потеряла некоторые окраинные территории (часть Боснии, Тебриз, Азов и Запорожье), а также вынуждена была согласиться на отказ от политического контроля в некоторых других (Грузия, Молдова, Валахия). К концу XVIII в. местные династии стран Магриба, Египта, Аравии, Ирака тоже уже весьма слабо контролировались турецким правительством. Египетская экспедиция Наполеона на рубеже XVIII–XIX вв. была еще одним чувствительным ударом по престижу Османской империи, а последовавшее затем восстание ваххабитов окончательно оторвало от Турции Аравию, которая вскоре оказалась в руках могущественного Мухаммеда-Али Египетского. Правда, реформы и политическое лавирование позволили султанам при поддержке ряда европейских держав сохранить контроль над Египтом и некоторыми другими арабскими странами, но с начала 20-х годов XIX в. начались восстания на Балканах, в ходе которых добилась независимости Греция, значительной автономии – Сербия. Османская империя таяла, как шагреневая кожа. Наступала эпоха самостоятельного существования большинства включенных в ее состав стран. Нашего внимания заслуживают прежде всего в этой связи судьбы арабских стран, долгие века находившихся в составе империи. Как эволюционировала их внутренняя структура и какие политические события были характерны для них за это время?

Арабские страны под властью Турции

Что касается Ирака, то эта страна после падения государства Хулагуидов на короткое время (1340–1410) вошла в состав султаната Джелаиридов, войны которого с завоевателем Тимуром привели к

разорению Ирака и разрушению его городов, включая некогда цветущий Багдад, столицу аббасидских халифов, население которого за немногие века сократилось почти в десять раз. С этого времени некогда цветущее Двуречье пришло в окончательный упадок, превратилось в малозаселенный и малоплодородный район, утративший самостоятельное политическое и экономическое значение. В начале XVI в. он на короткое время был включен в состав сефевидского Ирана, а с середины XVII в. стал частью Османской империи. Постепенно выходя из состояния глубокого кризиса, в значительной мере за счет оживления торговли и городской жизни, Ирак к концу XVIII в. стал возрождаться. К этому времени в его экономике стала играть заметную роль английская Ост-Индская компания, влияние которой сказывалось в сепаратистских настроениях багдадского паши. Турция, однако, крепко держалась за свое право политического контроля над Ираком: она не без оснований видела в этом немалые для себя выгоды, особенно имея в виду оживление колониальной торговли. Ирак был одной из немногих отдаленных провинций империи, власть над которыми Турция не утратила еще и в середине XIX в.

Аравия всегда была слабым местом империи. Хотя Хиджаз с Меккой и Мединой признавали авторитет султана, во внутренних делах эти священные исламские территории пользовались практически полной автономией. Йемен был под властью турок едва ли более столетия: в 1630–1640 гг. турецкие гарнизоны вынуждены были покинуть его под давлением зейдитских имамов. Эмираты Восточной Аравии частично были под властью Ирана, но в большинстве своем оставались независимыми, тогда как Центральная Аравия продолжала оставаться безраздельным царством кочевников-бедуинов с их шейхами, которые не признавали над собой ничьей власти, пока в середине XVIII в. здесь не сложился эмират ваххабитов, к XIX в. распространивший свое влияние почти на всю Западную и Центральную Аравию, включая и Мекку (совр. Саудовская Аравия).

Следует заметить, что все эти и многие иные сложные политические перипетии как в Ираке, так и в Аравии не слишком сказывались на внутренней структуре этих населенных арабами районов, экономическое и тем более социальное развитие которых шло чрезвычайно замедленными темпами. Этому способствовали, в частности, и упоминавшиеся вмешательства извне, в том числе опустошительные завоевания Тимура. На таком достаточно мрачном фоне развитие других арабских провинций империи шло заметно активнее. Прежде всего это касается Египта и Сирии, в меньшей степени – стран Магриба.

На протяжении нескольких веков после низвержения Айюбидов (1250) в Египте правили мамлюкские султаны и бей, преимущественно выходцы из числа гвардейских военачальников. О статусе гулямов-мамлюков-янычар в арабо-турецком мире уже немало было сказано. Стоит добавить, что они, как правило, не имели законных наследников (либо не имели права жениться вообще, либо их браки не считались законными), так что преемниками преуспевшего мамлюкского султана или бея обычно были не их потомки, хотя случалось и такое, а мамлюки новых поколений, набиравшиеся все тем же способом. Словом, мамлюкские династии были недолговременными, а не имевшие легитимной защиты потомки султанов довольно быстро низвергались очередным усилившимся мамлюком.

Мамлюкские султаны Египта, тем не менее, были достаточно сильными правителями. Они сумели остановить натиск монголов в XIII в. и временами даже успешно оспаривали у них Сирию. Правда, на рубеже XIV–XV вв. мамлюкский Египет тоже был разгромлен войсками Тимура, но все-таки султаны при этом не только сохранили власть, но и добились независимости. Что касается внутренней структуры и земельных отношений, то они в период правления мамлюков сохранялись в основном теми же, что и прежде. Только во главе административных единиц стояли теперь мамлюкские бей (эмиры-тысяцкие, даже эмиры-сотники), а условными владениями типа икта пользовались почти все воины, включая рядовых. Поскольку мамлюки и иные египетские воины сами хозяйства не вели и не склонны были заниматься даже сбором полагающихся им налогов, эти функции во все большей мере перекладывались на откупщиков-мультазимов.

Завоевание Египта турками в 1517 г. внесло сравнительно немного изменений во внутреннюю структуру этой страны. Египет стал управляться назначенным султаном пашой, правившим с помощью дивана из министров. Управление на местах осталось в руках мамлюкских беев, да и в Каире мамлюки продолжали задавать тон. Турецкие чиновники провели перепись земель, официально включив их в фонд казны. Был создан специально для Египта «Канун-наме Мыср», которым были определены формы землепользования, права землевладельцев (в основном ими были мамлюки и воины-иктадары), а также статус городов, ремесла и торговли. Основной формой землевладения стал мукта (икта), но главной фигурой в земельных отношениях продолжал быть откупщик-мультазим, что налагало нелегкое дополнительное бремя на крестьян-феллахов. Выгодные позиции мультазимов вели к тому, что доля мамлюков в их среде все увеличивалась. Как это ни парадоксально, но со временем равнодушные ко всему, кроме войн и политических интриг, мамлюки постепенно преобразовывались в весьма расчетливых дельцов; к середине XVIII в. они составляли не менее половины всех мультазимов. Большое количество земли принадлежало к вакуфным, причем в необлагавшийся налогами вакуф здесь, как и в Турции, стремились обратить свои земли собственники мульков: это было для них менее доходно, но зато более надежно.

Согласно нормам «Канун-наме Мыср», землепользователями были жившие общинами феллахи, земельные наделы которых временами подлежали переделам. Во главе общины обычно стоял шейх, чья власть утверждалась административным начальством. На периферии долины Нила жили преимущественно кочевники-бедуины, над которыми мамлюкские бей имели очень слабый контроль. В городах шейхи возглавляли корпорации ремесленников и торговцев, а в больших городах, прежде всего в Каире, они же возглавляли и квартальные общины, тоже обычно объединенные по какому-либо признаку – ремесленному, земляческому, конфессиональному и др. Большую роль во всей структуре здесь играли судьи-кади, выполнявшие множество функций, особенно в городах.

Сирия с ее сложной внутренней структурой после завоевания турками в основном стала частью империи; в ней даже стали создаваться тимары турецкого типа. Однако некоторые ее районы, в частности Горный Ливан, сохранили не только автономию, но и своих правителей. В первой половине XVI в. влияние этих правителей, особенно Фахр-ад-дина из

династии Маанидов, было настолько значительным, что султан признал их «эмирами Арабистана». При Фахре Бейрут расцвел и разбогател, чему в немалой степени способствовали активные связи христианской общины Ливана с европейцами. В 1635 г., однако, Турция вернула себе полный контроль над Ливаном, хотя и в XVIII в. ряд пашалыков у этом районе империи сохранял фактическую независимость от султана.

В XVIII в., в период острого кризиса империи, Египет, как упоминалось, фактически почти откололся от нее. Мамлюкские паши вели собственную внешнюю политику, следствием чего был и захват Египта Наполеоном в конце этого века. Экспедиция Наполеона, однако, завершилась неудачей, а Англия помогла султану восстановить свой контроль над Египтом. Но контроль этот был призрачным, особенно после 1805 г., когда египетским пашой стал Мухаммед-Али. Он провел в стране ряд важных реформ, суть которых сводилась к ликвидации засилья мамлюков и мультазимов и к росту роли государства в экономике страны (земля была объявлена собственностью казны; были введены монополии на отдельные виды производства и торговли и т. п.). Мухаммед-Али проводил активную внешнюю политику, присоединил к Египту часть Аравии, Судан, а затем и Сирию. Он вел и успешные войны с султаном, так что только настоятельное давление со стороны Англии вынудили его признать все же суверенитет султана и вернуть Турции захваченные у нее Сирию, Аравию и Крит.

Глава 5
Позднесредневековый Иран

Образованное монгольскими завоевателями государство ильханов, основная часть которого находилась на территории Ирана, просуществовало немногим более века. Уже в 30–40-е годы XIV в. начался его политический распад: то в одной части страны, то в другой соперничавшие с ильханами чингизиды стремились создать фактически независимые султанаты и эмираты. Децентрализации и распаду государства ильханов способствовали и мощные сектантские движения шиитов, выступавшие под антимонгольскими лозунгами. Наибольший успех среди сектантов имели сарбедары, которые в 1353 г. убили последнего из ильханов и создали собственное государство, просуществовавшее до 1381 г., – параллельно с государствами Джелаиридов, Мозафферидов и Куртов, которые появились на территории Ирана, Ирака, Афганистана и Закавказья после падения власти ильханов.

Существование всех этих государств закончилось примерно одновременно: все они пали под ударами победоносных войск Тимура (Тамерлана, 1370–1405). Став в 1370 г. эмиром Мавераннахра и сделав затем своей столицей Самарканд, Тимур приступил к широкой программе завоеваний, в ходе которых он объединил под своей властью сначала Среднюю Азию, затем Иран, а также значительную часть Западной Азии. Хотя завоевания Тимура сопровождались жестокостями и разрушениями, они все же не принесли с собой таких бедствий, как нашествие монголов, – ибо с самого начала Тимур стремился не столько к покорению и уничтожению других народов, сколько к развитию Мавераннахра и особенно Самарканда за счет ограбления других народов и контроля над

международными торговыми путями. Впрочем, с точки зрения количества погубленных жизней разница между Чингис-ханом и Тамерланом была не столь велика. В частности, уже шла речь о том, что некоторые древние цветущие районы, как, например, Двуречье и дважды разрушенный Тимуром Багдад, пришли после его нашествий в состояние длительного упадка.

После смерти Тамерлана его огромная держава была поделена между тимуридами, но не все из них сумели удержать власть. Так, на территории Закавказья, Курдистана и части Ирака возникло новое государство Кара-Коюнлу («Чернобаранные») во главе с туркменским эмиром Кара Юсуфом. К югу от него – тоже туркменская конфедерация Ак-Коюнлу («Белобаранные»), которая в 1468 г. разгромила Кара-Коюнлу. После этого лишь Восточный Иран остался в руках тимуридов, это был Хорасанский султанат. А в состав государства Ак-Коюнлу вошел Западный Иран с прилегающими к нему землями Курдистана, Армении, Ирака, т. е. основная часть Ирана.

Правитель этого государства Узун Хасан (1453–1478), усилиями которого были достигнуты победы над соседями, пытался было провести реформы с целью урегулирования и облегчения налогообложения и усиления централизованного государства. Однако больших успехов его реформы не обеспечили, ибо преобладавшая в Ак-Коюнлу тюрко-монгольская кочевая знать противодействовала этому, а господствовавшая форма землевладения – союргал, тип икта с определенным налоговым и даже административным иммунитетом, – содействовала децентрализации и росту сепаратизма, феодальных междоусобиц. Таким образом, политическая структура Ак-Коюнлу к концу XV в. не только не окрепла, но даже заметно расшаталась, что и сыграло свою роль в последующих событиях.

Государство Сефевидов

Упадок реальной власти халифов в начале II тысячелетия н. э. способствовал не только политической децентрализации мира ислама, его полицентризму, но также и появлению, а точнее, увеличению роли некоторых новых духовных течений в рамках ислама. Речь идет о суфиях, своеобразных монахах ислама, и создававшихся ими суфийско-дервишеских орденах, внутренняя структура которых была основана на фанатичной преданности низших членов – послушников-мюридов – главе ордена, всевластному шейху, часто обладавшему харизматическим авторитетом и считавшемуся святым. Ордена такого типа были как в среде суннитов (об одном из них, Бекташи, упоминалось в связи с турецкими янычарами), так и у шиитов. При этом и у тех, и у других жесткая внутренняя дисциплина и строгая иерархическая организация суфийских орденов нередко служила той основой, на базе которой в тех или иных районах исламского полицентризма и тем более в соседних территориях с политическим вакуумом, как, например, в Африке к югу от Магриба, сравнительно легко возникали государственные образования. Правда, Иран отнюдь не был районом с политическим вакуумом. Но условия конца XV в. были весьма благоприятны для возвышения дервишеского ордена Сефевийя.

Имя ордену дал шейх Сефи ад-Дин (1252–1334), унаследовавший уже

сложившуюся суфийскую организацию от своего учителя и тестя шейха Захида, имевшего немало мюридов среди крестьян и ремесленников Азербайджана. В XV в. сефевидские шейхи владели землями и пользовались огромным влиянием в Азербайджане и прилегающих к нему районах Малой Азии, где, важно заметить, среди сторонников ордена к тому времени явно преобладали кочевые тюркские племена, что делало орден более воинственным. Члены ордена стали носить особую чалму с 12 красными полосами в честь 12 святых имамов и получили наименование кызылбашей (красноголовых). Они исповедовали шиизм умеренного толка.

В 1499 г. кызылбаши во главе с двенадцатилетним Исмаилом, только что ставшим их шейхом, выступили против североазербайджанского ширваншаха и захватили часть его земель, включая Баку и Шемаху. Окрыленные успехом кызылбаши повернули на юг и, разбив армию султана Ак-Коюнлу, захватили земли султаната. В 1502 г. в Тебризе Исмаил был провозглашен шаханшахом новой династии Сефевидов (1502–1736). Продолжая активную завоевательную политику, Исмаил и его преемники вскоре объединили в рамках своего государства все собственно иранские земли, а также Азербайджан, часть Армении, Ирака, Туркмении и Афганистана. Шиизм умеренного толка (имамизм) стал обязательной религией для населения государства. Была даже создана легенда о происхождении Сефи ад-Дина от одного из святых шиитских имамов – от седьмого имама Мусы, причем шаханшах считался заместителем двенадцатого скрытого имама, которого все шииты почитают в качестве мессии-Махди и пришествия которого они всегда ожидали и ожидают до сих пор.

Во главе нового государства оказались кызылбаши, из числа которых назначались военачальники, наместники в провинциях, сановники при дворе шаха. Если не считать кочевников с принадлежавшими им родовыми землями, вся земля, как это было и раньше, считалась государственной и делилась на ряд категорий: дивани (казенные), хассе (домены шахской родни и самого шаха), вакуфы. Число мульков было невелико. А количество союргалов с иммунитетными правами стало сильно сокращаться в пользу тиулей, т. е. ненаследственных условных пожалований типа икта с правом пользования четко определенной суммой взимавшихся с крестьян налогов (не исключено, что здесь сыграл свою роль пример турецкого тимара).

Размер налога-хараджа был при Исмаиле снижен до 1/6 урожая, хотя затем он стал больше. Были уменьшены налоги с городского населения. Впрочем, все эти реформы не способствовали серьезному укреплению центральной власти, которая больше держалась на авторитете самого Исмаила (1502–1524). При его преемниках она стала слабеть, следствием чего было усиление самовластия и даже произвола на местах. В начале 70-х годов XVI в. это вызвало ряд народных восстаний, подавление которых стоило немалых усилий. Шахская власть пришла в упадок, что заметно сказалось после смерти шаха Тахмаспа в 1576 г.: среди двенадцати его сыновей и поддерживавших их различных кочевых племен начались длительные и кровопролитные войны, в ходе которых претенденты на шахский престол превратились в марионеток стоявших за ними соперников.

Слабостью Ирана воспользовались турки. В 80-х годах XVI в. они завладели Ширваном и Азербайджаном, захватили и разграбили Тебриз,

который в то время был процветающим 300-тысячным городом. На востоке воинственный узбекский хан Бухары отнял у Ирана часть Хорасана и афганских земель с Гератом. На остальные афганские земли претендовали властители Индии из новой династии Великих Моголов. К этому важно добавить, что войны, междоусобицы, захваты и разорение городов вызвали экономический кризис. Караванные пути и водно-торговые артерии, в частности Волго-Каспийский путь, были перекрыты вражескими войсками и практически не функционировали. Под тяжестью все возраставших поборов восставали и бежали крестьяне. В этих условиях и был провозглашен очередным шахом 17-летний Аббас, от имени которого намеревались управлять Ираном стоявшие за ним кызылбашские ханы. Однако ситуация вскоре приняла совершенно иной оборот.

Аббас I оказался хитрым, умным и властным правителем. Он не только быстро избавился от опеки своих покровителей, но и энергично взял рычаги власти в свои руки. Подавив восстания, положив конец междоусобицам, Аббас обратился к решению нелегких международных проблем. В 1587–1588 гг. он одержал важную победу над узбеками в сражениях близ Герата и в Хорасане. Затем в 1590 г. он пошел на заключение невыгодного мира с турками, который развязал ему руки для решительных реформ. Целью этих реформ было укрепление центральной власти. Собственно, только при Аббасе и именно благодаря его усилиям сефевидский Иран достиг внутренней стабильности, что позволило ему просуществовать при более слабых преемниках великого шаха еще свыше столетия.

Как и в османской Турции, главной проблемой для Ирана была армия. Составленное в основном из кочевников племенное ополчение, равно как и кызылбашская конница, уже не были достаточно боеспособны и, главное, легко становились игрушкой в руках сепаратистов при междоусобных схватках. Имея в виду явную склонность кызылбашских ханов к феодальным раздорам, Аббас поставил первой своей целью ослабить именно их. Он создал 12-тысячный корпус стрелков-мушкетеров и 12-тысячный корпус артиллеристов, что вместе с корпусом гвардейцев-гулямов, в основном из кавказцев, составило ядро его регулярной армии. Достигнув этого Аббас резко сократил воинство кызылбашей (до 30 тыс.) и соответственно уменьшил число кызылбашских эмиров (со 114 до 35 за годы своей власти). Все это укрепило позиции шаха. Аббас провел также финансовые реформы: были введены новые монеты и отрегулированы налоги. Некоторые районы Центрального Ирана, и в частности столица Исфаган, были на несколько лет вообще освобождены от налогов. В других районах харадж был сокращен до первоначальной 1/6 части урожая. Снизились налоги и с кочевников.

Несколько изменилась при Аббасе и система земледелия. Резко расширился фонд казенных земель дивани. Союргал практически везде был заменен тиулем с ограниченными правами владельцев пользоваться лишь строго оговоренной суммой налоговых поступлений. Был увеличен фонд шахских земель (хассе), продолжали процветать вакуфы. Сохранялись и мульки, владельцы которых платили в казну минимальный налог – 10%. Крестьянская община несла ответственность за выплату всех налоговых сборов, чему способствовал принцип круговой поруки. Крестьяне, кроме всего, выполняли еще и повинности перед

государством. Немусульмане платили подушную подать джизию.

При Аббасе расцвели ремесла и торговля в богатейших городах, налоговый сбор с которых определялся правительством. Существовали казенные шахские ремесленные мастерские с большим количеством лучших мастеров, работавших преимущественно по найму. Внешняя торговля и международные торговые пути находились под особым покровительством властей: мостились дороги, строились караван-сараи. Торговля шелком стала государственной монополией, а центром ее (шелк стал основой иранского экспорта) был 600-тысячный Исфаган.

Реформировал Аббас и систему административного управления. Структура власти при нем в некоторых отношениях напоминала османскую, но была существенно солиднее. Всесильным главой был шаханшах, по воле которого любой из его подданных мог быть в любую минуту подвергнут наказанию, вплоть до казни. От имени шаха правил меджлис из семи сановников-министров во главе с великим вазиром, который, в отличие от его османского коллеги, был более гражданским, нежели военным лицом. Все министры имели ведомства-диваны с соответствующими канцеляриями и штатами. Территория страны была поделена на две основные зоны – земли дивана и земли хассе, т. е. шахские. Во главе областей дивана стояли губернаторы-беглербеги, а округами в каждой области руководили хакимы. В областях земель хассе, куда кроме шахских были включены также и вакуфные и мульковые, руководителями были сановники-вазиры. Шиитское духовенство тоже имело два соответствующих штата судей-кади и богословов, обслуживавших земли дивана и земли хассе. В целом административный аппарат сефёвидского Ирана при Аббасе был едва ли не наиболее сложным и громоздким из всех, что создала исламская государственность. Но он оказался достаточно эффективен для управления Ираном. В стране существовали и окраинные автономные территории – Картли, Кахетия, Луристан, Курдистан, Арабистан, – где была собственная традиционная система управления. И вся эта сложная бюрократическая машина при Аббасе находилась в руках не недавних кочевников-кызылбашей, но имевших восходящие к Ахеменидам традиции администрации персов.

Реформы, способствовавшие резкому усилению власти шаханшаха, послужили основой для активной внешней политики. Аббас I вел успешные войны с Турцией, заставив ее возвратить отданные ей в 1590 г. земли. Он отвоевал у Великих Моголов Кандагар, изгнал португальцев из очень важного для международной торговли острова-порта Хормоз в Персидском заливе, вел переговоры с европейскими державами и покровительствовал английской Ост-Индской компании. При Аббасе начались посольские связи Ирана с Россией (1588). Можно считать, что именно на рубеже XVI–XVII вв. сефевидский Иран благодаря реформам и политике Аббаса I достиг зенита своего внешнеполитического влияния и внутриполитического могущества. После смерти Аббаса его преемники жили некоторое время за счет этого могущества. Но не очень долго.

Сефевидский Иран после Аббаса. Надир-шах

Ослабление центральной власти при преемниках Аббаса привело к экономическому упадку страны и, как следствие этого, к росту налогового

бремени. Усиление налогообложения в деревне вело к бегству крестьян с земли. В 1710 г. шаханшах Султан Хусейн издал даже специальный ферман о прикреплении крестьян к их земле. Ухудшилось также и положение городов, пришла в упадок торговля, включая и внешнюю, что в немалой степени было связано с ослаблением имперской системы в целом. На рубеже XVII–XVIII вв. в стране произошло несколько восстаний сельского и городского населения, а преследование мусульман-суннитов и ухудшение статуса христиан способствовали восстаниям на национальных окраинах – среди армян, курдов, афганцев и др. Особо значительный размах получило движение афганцев, захвативших на некоторое время в 1722 г. значительную часть Ирана, включая столицу Исфаган.

Внутренние распри в Иране в немалой мере облегчили задачу его внешних противников, России и Турции. Русские в 1722–1723 гг. заняли Дербент и Баку, а турки – Восточное Закавказье, почти весь Азербайджан и немалую часть Западного Ирана. Только объединение иранцев в Мазендаране вокруг шаха Тахмаспа II помогло изгнать турок и афганцев. При этом основную роль в победе над врагами сыграл талантливый полководец Тахмаспа Надир-хан из тюркского племени афшар. В 1729 г. Надир взял Исфаган и восстановил Тахмаспа на престоле Сефевидов. Успехи в войнах последующих лет, приведшие к восстановлению власти Сефевидов над почти всей прежней территорией империи, укрепили престиж Надира, который вскоре низложил Тахмаспа и добился в 1736 г. провозглашения себя шахом Ирана.

Став шахом, Надир (1736–1747) продолжал активную внешнюю политику. Он не только вернул все прежние земли империи, но и провел ряд успешных походов, позволивших присоединить к Ирану часть Грузии, Армении и Дагестана, весь Азербайджан, Афганистан, Белуджистан. Бухарское и Хивинское ханства признали себя вассалами Надира. Однако наибольшего успеха он добился в результате похода 1739 г. на Индию. Разгромив войско Великих Моголов и разграбив Дели, Надир вывез в свою столицу Мешхед неслыханные сокровища – на 500 млн. рупий драгоценных камней, которые он оставил себе, и еще на 200 млн. рупий прочей добычи, доставшейся его войску.

Эти награбленные сокровища позволили Надиру на некоторое время сократить налоговые ставки с иранского населения и удовлетворить аппетиты войска, в котором большую долю составляли по-прежнему воинственные кочевые племена. Надир построил заводы для литья пушек и ядер к ним. Он принял меры для восстановления разрушенных городов, плотин, для возвращения крестьян и горожан в их родные места. Политика веротерпимости (сам Надир-шах был суннитом и потому стремился наладить мир между суннитами и шиитами; он покровительствовал также и христианам, иудеям, даже сектам зороастрийцев) помогала шаху смягчить внутренние противоречия, но она вызвала недовольство шиитского большинства.

В области земельных отношений, как и в административной политике, Надир-шах стремился к усилению роли государства и центральной власти. При нем снова возросла доля государственных земель за счет сокращения владений кызылбашской знати, частично и вакуфов. Все эти меры в целом были разумны и в принципе вполне могли надолго обеспечить стабильность власти правителя, имевшего популярность в народе. Однако ситуация складывалась иначе. Начать с того, что сам шах с возрастом становился мелочным и подозрительным.

Его жестокость, вздорность, непоследовательность с каждым годом все больше озлобляли его окружение и вызывали недовольство населения. Военные неудачи в последние годы жизни Надира привели к тому, что шах резко увеличил налоговые ставки, бесцеремонно взимая налоги и с тех, кому были дарованы льготы, и за те годы, которые прежде были объявлены льготными (когда налоговые ставки были официально сокращены, о чем только что шла речь). Восстания и возмущения народа топились в крови. Популярность правителя быстро сходила на нет. Искали удобного случая поднять мятеж и недовольные шахом кызылбашские эмиры, и ханы кочевых племен, часть которых поддерживала притязания на престол самозванцев, выдававших себя за уцелевших потомков Сефевидов. Проявляло недовольство ущемленное в своих привилегиях шиитское духовенство. Дело кончилось тем, что в наиболее напряженный для Надир-шаха момент, когда заподозривший заговор правитель был готов умертвить всю свою родню из числа афшарских ханов, эти последние опередили его, убив шаха в его собственном шатре.

После смерти шаха Иран снова оказался в состоянии глубокого политического кризиса и фактически распался на части. В Хорасане правил внук Надира Шахрух. Ханства Северного Азербайджана, Армения, а также Грузия стали фактически независимыми. Часть Северного Ирана захватили вожди племени каджаров, Южный – вожди племени зендов. Восточный Иран снова оказался в руках афганцев.

В 1758 г. зендский Карим-хан сумел одолеть каджаров и азербайджанцев и объединить в своих руках значительную часть Ирана. Правда, он не объявил себя шахом, ограничившись титулом векеля (регента), но достаточно успешно управлял страной два десятилетия. Карим-хан провел несколько существенных реформ, направленных на ограничение произвола местных властей, восстановление ремесел и городов, регулирование налогообложения. Одновременно с этим он стремился ограничить связи Ирана с западными странами – видимо, пример могольской Индии был для него в этом смысле серьезным предупреждением. Немалое место во внешней политике Керим-хана играли взаимоотношения с Россией, в основном торгово-дипломатические, а также с Турцией, с которой он вел войны за Басру.

Смерть Керим-хана зендского в 1779 г. снова поставила Иран на грань кризиса. Начались феодальные междоусобицы ханов, борьба за власть в стане самих зендов. В разгар этой борьбы из заточения бежал пленник Керим-хана каджарский Ага Мухаммед-хан, который вслед за тем в жестокой борьбе за власть в вотчине каджаров Астрабаде сумел одолеть соперников и провозгласить себя в Тегеране новым шаханшахом Ирана.

Афганцы и империя Куррани

Пока на основной территории Ирана шла борьба между ханами за наследие Надир-шаха, восточная его часть, как упоминалось, оказалась под властью афганцев.

На протяжении веков территория Афганистана находилась под властью различных государств – Ахеменидского, Бактрийского,

Кушанского, Сасанидского. Затем она стала частью халифата, потом территорией эмиратов – Газневидского, Гуридского. На рубеже XIV – XV вв. вошла в состав державы Тимура, дашм была цикирс-на Великими Моголами. Различным по этническому составу было и население, причем на протяжении веков одни племена сменяли другие и, в свою очередь, служили основой для последующих этнических напластований. Собственно афганские (пуштунские) племена начали складываться и расселяться на этой земле в XI–XIV вв., а в XVI–XVII вв. их, по некоторым данным, здесь насчитывалось уже около 400, условно объединяемых в четыре большие группы.

Хотя в долинах афганцы занимались земледелием, большинство их были воинственными кочевниками, охотно использовавшимися в качестве наемного войска влиятельными правителями соседних государств, в частности Ирана и Индии. Именно афганцы, как, впрочем, и тюрки, были основой того войска, с помощью которого завоевали Северную Индию на рубеже XII–XIII вв. военачальники Гуридов, объявившие себя затем султанами в Дели. Афганцы же были немалой частью войска Бабура, завоевавшего Индию в начале XVI в. и основавшего династию Великих Моголов. Неприхотливые и воинственные, афганцы считались хорошими солдатами – не случайно их охотно брали в свои войска и иранские шаханшахи.

Патриархально-племенная внутренняя структура афганцев способствовала формированию у них, особенно под влиянием внешних контактов, протогосударственных образований во главе с вождями-ханами. Это наиболее отчетливо прослеживается на примере таких племен, как абдали и гильзаи, где должность вождя-хана уже в XVII–XVIII вв. передавалась по наследству, тогда как в других племенах в то время она была выборной, в полном соответствии с традиционным для такого рода структур принципом меритократии. Существовали племенные советы старейшин. Эти советы-сходки, джирги, служили для решения всех внутренних дел племени, включая подлежавшие суду споры. Большую роль в жизни афганских племен играло мусульманское духовенство, особенно наследственные группы «святых людей» из числа потомков пророка сейидов, имевших немалые привилегии, включая особое право на земли (нечто вроде вакуфов). Все остальные земли обычно подлежали спорадическим переделам.

Первые собственно афганские ханства на племенной основе стали играть заметную политическую роль с XVI–XVII вв. – Хаттакское близ Пешавара, Гератское, Гильзайское со столицей в Кандагаре. С середины XVII в. племена абдали (Герат) и гильзаев (Кандагар) оказались под властью сефевидского Ирана. Афганские воинственные племена во главе с их ханами сыграли заметную роль в междоусобных войнах в Иране в начале XVIII в., когда гильзаи во главе с Мир Вайсом не только провозгласили Кандагар центром независимого государства, но и двинулись на Иран, где сын Мир Вайса Мир Махмуд вступил в Исфаган и провозгласил себя в 1722 г. шаханшахом. Вплоть до 1729 г., когда Надир восстановил на троне Сефевидов шаха Тахмаспа, афганские предводители, сменяя друг друга в междоусобных схватках, находились в Исфагане. За это время независимости добились и абдали, создавшие свое государство в Герате. Впрочем, конец независимому Герату быстро положили воины Надира в том же 1729 г. А в 1738 г. Надир занял и Кандагар. В конечном счете весь Афганистан был включен в державу

Надир-шаха.

С распадом империи после смерти Надир-шаха вождь племени абдали Ахмад-хан, руководивший военным отрядом афганцев в войске шаха, прибыл в Кандагар и на состоявшейся в 1747 г. джирге был избран шахом Афганистана. Вскоре все племена страны признали Ахмад-шаха своим правителем, а племя абдали, переименованное в дуррани («жемчужное»), заняло ключевые позиции в новом государстве. Государство Дуррани, как оно стало теперь именоваться, за годы правления Ахмад-шаха (1747–1773) сильно расширило свои владения, присоединив к себе Кашмир, Синд, Белуджистан, Хорасан, Балх и некоторые другие территории, налог с которых в основном и пополнял казну шаха. Престиж власти и влияние личности шаха в регионе были велики. На протяжении ряда лет Ахмад вел довольно успешные войны с Индией. А когда армия китайского императора Цяньлуна захватила Восточный Туркестан, все местное центральноазиатское и среднеазиатское мусульманское население строило свои расчеты на освобождение от власти Китая именно на вмешательстве Ахмад-шаха. И хотя Ахмад, вначале действительно предполагавший вмешаться, позже отказался от этого намерения и даже послал посольство в Пекин, сам упомянутый факт весьма показателен.

После смерти Ахмад-шаха Дурранийская держава стала слабеть и понемногу распадаться. Начались племенные смуты и феодальные распри, результатом чего было появление в начале XIX в. на месте бывшего единого государства нескольких ханств (Гератское, Кабульское, Кандагарское, Пешаварское и др.). Правда, вскоре после этого эмир Дост-Мухаммед вновь начал борьбу за объединение Афганистана и после победы в первой англо-афганской войне на рубеже 30–40-х годов, казалось, сумел достичь цели. Однако объединение оказалось не слишком прочным: вторая англо-афганская война 1878–1880 гг. застопорила все действия в этом направлении. Афганистан, пусть и не сломленный, но раздробленный, на долгие годы оказался под фактическим протекторатом Британской империи. Только в конце XIX в. эмиру Абдуррахману удалось создать централизованное государство, которое в 1919 г. было объявлено Амманулой-ханом независимым.

Иран под властью первых каджарских шахов

Провозгласивший себя в 1796 г. новым шахом Ирана Ага Мухаммед-хан был беспощадным тираном, стремившимся восстановить единство Ирана в основном методами грубого насилия. Жестокость шаха и общая атмосфера подозрительности даже в среде его ближайшего окружения сыграли, видимо, немалую роль в том, что уже летом 1797 г. шах был убит в результате заговора придворных. Началась борьба за власть, из которой победителем вышел наследник престола, утвердившийся на каджарском троне в 1801 г. под именем Фатх Али-шаха (1801–1834).

Фатх Али немало сделал для стабилизации обстановки в стране и усиления централизованной власти. Земельные отношения при нем были восстановлены на прежней традиционной основе: преобладали государственные формы землевладения с тиулями и союргалами в качестве условных владений, существовали вакуфные земли и – в

небольшом количестве – мульковые. Большая часть земель находилась в пользовании кочевников, но это были, как правило, неудобные для земледелия территории. Кочевники и полукочевники составляли примерно треть населения страны, остальные были земледельцами, обязанными выплачивать в казну (или ее представителю, владельцу служебного надела) ренту-налог и исполнять различные государственные повинности, включая строительство крепостей, дорог и каналов, содержание проезжающих чиновников и т. п. В городах снова стали развиваться ремесла и торговля, причем многие товары шли на экспорт. Правда, внешняя торговля более не была государственной монополией. Зато в ней с начала XIX в. все большую роль играли иностранцы, прежде всего европейские колонизаторы.

Политическая структура каджарского Ирана немногим отличалась от прежней. Возглавляли правительство министры во главе с первым вазиром, садр-азамом. На местах власть была у правителей областей (их было около 30) и нескольких важных провинций (обычно их было 4), каждая из которых имела свой аппарат администрации. Правителями наиболее значительных провинций и областей назначались влиятельные ханы, в первую очередь сыновья и родственники шаха. Так, во главе Азербайджана традиционно был наследник престола. Определенная сумма налогового сбора с каждой провинции и области должна была поступать в казну шаха, хотя в реальности это происходило не всегда. Нередко правители областей, имевшие немалую автономию, прибегали к помощи посредников-откупщиков для сбора налогов.

Важным отличием шиитского Ирана от суннитских мусульманских государств было существование в его структуре наряду с шариатным судом, где заправляли в качестве судей-кади шиитские улемы и муджтахиды, еще и суда урф, в котором делами заправляли сами правители областей или их чиновники. Следует заметить также, что в шиитской административной структуре вообще не было того предельного слияния религии и политики, которое было характерно для суннитов. Шиитское духовенство, чье влияние всегда было огромным, обычно держалось несколько в стороне от администрации и контролировало ее, вмешивалось в ее дела как бы извне, даже несколько сверху, от имени святого скрытого имама Махди, чьего пришествия не уставали ждать шииты и кому, что само собой разумелось, должна была принадлежать подлинная власть в стране (шах в этой системе взглядов – лишь временный заместитель скрытого имама, что не могло не сказываться на сакральной легитимности его статуса).

Фатх Али вел немало войн прежде всего с Россией и Турцией. В этих войнах, несмотря на умелое дипломатическое лавирование шаха и явную его склонность опираться на помощь извне, включая Англию и Францию, он чаще терпел поражения, особенно от русских войск, именно за годы его правления присоединивших к России Грузию, Армению, Северный Азербайджан. Ирано-турецкая война 1821–1823 гг. была для шаха более удачной, но мирный договор с Турцией фактически свел на нет все успехи в этой войне. Шах пошел на невыгодный для Ирана договор в расчете взять реванш у России, но не преуспел в своих намерениях. По Туркманчайскому договору 1828 г. Россия не только закрепила за собой завоеванные территории, но и добилась ряда существенных преимуществ и привилегий в торговле, а также огромной контрибуции и исключительного права использования военных кораблей на Каспийском

море. К слову, именно эти жесткие условия мира вызвали в Иране мощную антирусскую волну, жертвой которой стал в 1829 г. посол России в Тегеране писатель А.С. Грибоедов.

Стремясь противостоять России и Турции, шах, как упоминалось, апеллировал за помощью то к Франции, то к Англии, причем обе державы охотно откликались на его призывы и поочередно направляли в Иран военные миссии, целью которых было реорганизовать иранское войско и превратить его в боеспособную, на уровне XIX в., регулярную армию. Кое-каких положительных результатов в этом направлении объединенные усилия миссий и шаха достигли, что сказалось в дни ирано-турецкой войны 1821–1823 гг. Но противостоять России новая иранская армия все-таки не смогла.

30–40-е годы XIX в. прошли под знаком все более энергичного проникновения колониальных держав в Иран, занимавший, с точки зрения европейцев, очень выгодные ключевые позиции в мировой торговле: через Персидский залив издревле шли международные торговые пути. Вслед за Россией ряд прав и привилегий, а также закрепляющих их неравноправных договоров добились Англия, Франция, затем также иные европейские страны и США. Эти договоры сыграли немалую роль в постепенном проникновении иностранного капитала в Иран, в заметном увеличении экспорта туда европейских товаров, изделий машинной промышленности, невысокие цены на которые наносили ущерб иранской торговле и способствовали разорению иранских ремесленников. В стране быстрыми темпами росли товарно-денежные обороты, причем этот рост больнее всего ударял по крестьянам, налоги с которых все увеличивались. Назревал серьезный кризис, требовавший, как то было и в османской Турции, не менее серьезных реформ. Но правительство не торопилось с реформами. И это объективно способствовало тому, что выход из кризиса многие, прежде всего разорявшиеся крестьяне, видели во вмешательстве высших сил. В частности, в Иране напряженно ожидали пришествия скрытого имама, Махди. Он должен был появиться. И он появился.

Глава 6
Средневековая Индия до ислама

Средневековая политическая структура Индии не знала таких империй, как Маурийская или Кушанская, во всяком случае до ее исламизации. Характерным для нее со времен Гуптов (IV–VI вв.) было не столько даже членение на арийский север и дравидский юг (речь идет о господствующих этнолингвистических группах), сколько почти постоянная неустойчивость политической власти как на севере, так и на юге. Эта неустойчивость находила свое отражение в кратковременности и откровенной слабости династий и государств, в сосуществовании и постоянной междоусобной борьбе нескольких одинаково слабых политических образований; едва ли не каждое из них при случае легко членилось на фактически автономные районы и княжества, в свою очередь ожесточенно боровшиеся между собой за власть. Можно сказать, что это была типичная для феодальной раздробленности картина. Что же касается структуры общества, то она в средневековой Индии в принципе

осталась той же, что и прежде: абсолютно доминировало государство, опиравшееся на власть-собственность и редистрибуцию ренты-налога. Правда, степень централизации упомянутой редистрибуции во многом зависела от политической ситуации, хотя это никак не меняет того, что речь идет именно о централизованной редистрибуции, пусть даже в масштабах небольшого княжества.

Политическая история Индии в VI–XII вв.

На севере страны после Гуптов в конце VI в. наибольшим влиянием пользовалось государство Гауда с центром в Бенгалии. Расширившись за счет завоеваний в Ориссе и Магадхе, это государство при энергичном правителе Шашанке пыталось подчинить себе всю долину Ганга, но, столкнувшись с сопротивлением со стороны государства Стханешвара в районе Джамны, вынуждено было отступить, хотя и не сразу. Когда к власти в Стханешвара пришел Харша, он подчинил себе всю северную часть Индии.

Государство Харши просуществовало недолго – примерно столько же, сколько управлял им сам Харша (606–646), сумевший укрепить свою власть, особенно в подчинявшихся непосредственно ему областях-наместничествах (существовали еще и вассально-автономные княжества). Харша имел неплохую по тем временам армию, щедро покровительствовал буддизму (при нем был отстроен знаменитый монастырь-университет в Наланде) и пытался даже установить связи с далеким Китаем. Однако эфемерность его государства наглядно видна из зафиксированного в китайских хрониках эпизода. В 647 г., уже после смерти Харши, в его столицу прибыл китайский посол Ван Сюань-цэ. Враждебно встреченный, этот далекий чужеземец трезво оценил обстановку, собрал в пригималайских районах небольшое войско из тибетцев, непальцев и, присоединив к нему своих спутников-китайцев, сумел не только разбить армию преемника Харши, но и увез последнего в Китай в качестве пленника. После этого государство Харши распалось[26]. Начался длительный период раздробленности и междоусобиц, осложненный весьма радикальными изменениями в политической ситуации в Северной Индии.

Дело в том, что еще на рубеже V–VI вв. в Северо-западную Индию волна за волной стали прибывать кочевые и полукочевые племена белых гуннов (эфталитов) и гурджаров (влияние Великого переселения народов), нашествие которых привело в свое время к распаду державы Гуптов. Осев на значительной территории – в Синде, Раджастане, Гуджарате, Мальве, – эти воинственные племена в ходе сложного процесса метисации с местным населением и энергичной аккультурации образовали новую этнополитическую общность, касту раджпутов. На протяжении VII–VIII вв. раджпутские князья в Гуджарате (название от гурджаров) не только укрепили свои позиции и создали хорошо организованное войско, но и сумели отразить нашествие арабов, вынужденных ограничиться лишь завоеванием Синда в 712 г. Добившееся этих успехов гуджаратское

26 Следует оговориться, что некоторые индийские современные историки оспаривают этот факт. Они полагают, что упомянутый эпизод не имеет отношения к государству Харши, а произошел в каком-либо из мелких пригималайских княжеств. Но государство Харши тем не менее быстро распалось

государство Пратихаров объединило вокруг себя практически все раджпутские земли (Раджпутана, Мальва), затем сумело подчинить район Доаба (междуречье Ганга и Джамны), центральные земли Северной Индии, колыбель ее цивилизации. В борьбе за Доаб Пратихары вели непрестанные войны с другим крупным североиндийским государством – княжеством Палов. На протяжении VIII–IX вв. Доаб не раз переходил из рук в руки, пока государство Палов с центром в Бихаре и Бенгалии не вынуждено было уступить.

Рубеж X – XI вв. был отмечен новой волной вторжения мусульман. Махмуд Газневид совершил успешный поход на раджпутское государство Пратихаров, разграбил большую часть Северной Индии и увез с собой немалые ценности. Результатом этого нашествия были присоединение к Газневидскому султанату части долины Инда и распад державы Пратихаров на мелкие раджпутские княжества, наиболее значительные из которых вели, как и заметно ослабевавшее государство Палов, войны с усиливавшимися в это время государствами Южной Индии.

Постепенно индианизировавшийся юг Индии, особенно густо покрытый джунглями Декан с его многочисленными племенами, вначале заметно отставал в своем развитии от севера. Однако в первые века нашей эры здесь уже возникло немало самостоятельных государственных образований, часть которых быстрыми темпами укреплялась и разрасталась. Сложившиеся еще в III–IV вв. государства Паллавов и Пандиев не только вели борьбу между собой, но и успешно противостояли Гуптам, затем Харше. Возникшее в VII в. в южной части Махараштры княжество Чалукьев начало энергично теснить Паллавов и расти за счет этого государства. Именно Чалукьи отразили попытку Харши завоевать Декан. Но главная забота усилившихся правителей Паллавов и Чалукьев, как и государств Северной Индии, сводилась к тому, чтобы удержать в повиновении мятежных князей, стремившихся при каждом удобном случае отстоять свою независимость. Это, естественно, обусловливало слабость и нестабильность государств.

В середине VIII в. один из таких мятежных княжеских родов – Раштракуты – сумел свергнуть правителей государства Чалукьев, а спустя столетие с небольшим князь из Чалукьев восстановил эту династию, хотя и ненадолго. В свою очередь тамильское княжество Чолов в конце IX в. разгромило государство Паллавов и захватило их земли, а в 910 г. та же судьба постигла государство Пандиев. В результате возникло государство Чолов, объединившее под своей властью почти весь Тамилнад. Усилившиеся Чолы вели активную борьбу с Раштракутами, а после успешных войн с северо-индийскими Палами (походы на Бенгалию и даже в Бирму) государство Чолов стало сильнейшим на юге Индии. Под его господством оказались даже Цейлон и Мальдивы, а в зависимости от него – Чалукьи и индонезийское государство Шривиджайя, куда Чолы направили свой сильный военный флот. В начале XII в. Чолы практически контролировали всю Южную Индию, частично даже потеснили раджпутов в Северной Индии, в Гуджарате. Однако уже к концу того же века держава Чолов распалась. В Тамилиаде восстановили свою власть князья из дома Пандиев. Добились независимости некоторые княжества государства Чалукьев. В Южной Индии вновь разгорелась ожесточенная междоусобная борьба, что в немалой степени облегчило задачу мусульманских завоевателей, вторгшихся на рубеже XII–XIII вв. в Северную Индию, где раджпутские князья не смогли организовать им

сопротивление.

Внутренняя структура

Формы хозяйственных и иных отношений и роль государства в описываемое время оставались в Северной и Южной Индии в принципе теми же, что были и прежде, например в эпоху Маурьев, если даже не раньше. Но с веками сложились и определенные новые закономерности, связанные прежде всего с тем, что длительные периоды децентрализации и краткие эпохи централизации вынуждали индийское общество быть готовым к структурной перестройке и в том, и в другом случае. Практически это значило, что в каждом из государств обычно непротиворечиво сосуществовали две различные зоны политической администрации и соответственно две формы управления.

Первая из них являла собой многочисленные автономные и полуавтономные образования типа княжеств, где радже или махарадже по традиции принадлежала вся или почти вся полнота власти. В этих преимущественно небольших княжествах раджа выступал в качестве высшего правителя своих подданных, субъекта власти-собственности в княжестве, главного редистрибутора: от него в конечном счете зависело, как распорядиться той рентой-налогом, тем избыточным продуктом, который взимался с населения и за счет которого существовали верхи княжества. Чаще всего часть дохода шла в казну раджи, а другая – его воинам-вассалам, получавшим от него служебные ненаследственные наделы, а точнее, право взимать с местного населения определенной территории фиксированное количество налога в свою пользу. Сам раджа всегда был наследственным правителем, а его вассалы, как правило, – только условными владельцами пожалованного им дохода, так что право наследования для них сводилось к праву передавать свою службу, должность наследнику. Что же касается связей княжества с внешним миром и, в частности, с тем государством, в состав которого княжество было включено (если это вообще имело место), то эти связи чаще всего ограничивались небольшой символической данью и обязательством пополнять армию своими воинами. Во всем остальном, вплоть до организации администрации, суда и т. п., княжества пользовались обычно системой иммунитетов, что делало их практически почти независимыми государствами в государстве.

Вторая зона находилась под непосредственной властью центра. Она обычно делилась на области-наместничества, губернаторами которых чаще всего назначались родственники правителя государства, его сыновья, включая наследника, функционально власть наместника-губернатора была близка к положению раджи: будучи членом правящего дома, знатным аристократом типа того же раджи, он почти монопольно ведал и налогами и судом, и войском во вверенном ему районе. Иными словами, объем его власти был почти равен тому, что имел и раджа. Но, в отличие от князя, губернатор был лишь назначаемым и сменяемым чиновником, ответственным перед центром, где возглавлявшийся правителем административно-бюрократический аппарат определял его права и полномочия. А в качестве субъекта власти-собственности и верховного редистрибутора в этой зоне, включавшей все области-наместничества, выступал сам правитель, чаще

всего тоже сосредоточивавший в своих руках всю полноту военной, гражданской и судебной власти.

Казалось бы, две разные зоны с различными формами политической администрации и редистрибуции. Однако, если присмотреться к этой разнице внимательней, окажется, что она невелика и сводится более к количественному моменту, чем к качественному. Действительно, сходство здесь не только функциональное, но до известной степени также и сущностное, а административно-политическая слабость системы власти в целом не только не препятствовала, но даже способствовала быстрой и безболезненной перестройке каждой из зон в том случае, если для этого складывались благоприятные условия. Так, вчерашнее княжество, усилившись и расширившись за счет соседей, легко трансформировалось в более крупное государство, в котором вновь завоеванные территории частично (если это были княжества) сохраняли прежнюю автономию. Остальные же земли, где не было устойчивой традиции наследственной княжеской власти, равно как и земли самого трансформировавшегося в большое государство вчерашнего княжества, оказывались под управлением центра, превращались в области и наместничества. И наоборот, слабо централизованные и лишенные крепких административных традиций государства при неблагоприятных для них условиях распадались на части, причем в результате этого не только княжества с устойчивой наследственной властью раджи, но и многие наместничества превращались в самостоятельные политические образования типа княжеств с наследственной властью вчерашнего губернатора-наместника из знатной, вчера еще правящей фамилии.

Легкость и безболезненность трансформации такого рода обусловливались также тем, что бюрократическая традиция Индии – в отличие, скажем, от китайской – не знала эффективной системы централизации. Это видно хотя бы из того, что более мелкие административные единицы в каждом из наместничеств целиком зависели от губернатора: он их создавал, он же назначал туда ответственных перед ним чиновников. Иногда функции такого рода средних административных звеньев выполняли представители брахманских каст на своего рода общественных началах: есть сведения, что это могли быть администраторы храмов или советы брахманских аграхар (коллектив брахманов, которому жаловались определенные земли). Это, естественно, вело к тому, что при изменении политической ситуации вчерашние чиновники области, ответственные перед губернатором, легко оказывались в положении вассалов, зависевших от князя. Опять-таки и вассалы вчерашнего князя в новой обстановке становились чиновниками возникшего на основе удачливого княжества более крупного государства.

Рассматривая ситуацию именно с этой точки зрения, легко убедиться в том, что, несмотря на кажущийся вполне феодальным по характеру антураж с князьями и вассалами, на деле перед нами не феодалы в привычном (европейском) значении этого слова, т. е. не субъекты феодальной собственности. Правители и главы полуавтономных и тем более автономных княжеств (а только они, правители и раджи, были наследственными владетелями) – это скорее субъекты власти-собственности и верховные редистрибуторы различного масштаба. Все же остальные, включая и губернаторов областей-наместничеств, не говоря уже о воинах-вассалах или чиновниках-служащих, и по статусу, и

по способу существования (право на долю налогового сбора с того или иного участка земли, на выплату из казны) были государственными служащими без права передавать свой статус и доход по наследству.

Конечно, случались и исключения. В частности, полунаследственный статус имели, видимо, воины-раджпуты, вассалы раджпутских князей. Здесь решающую роль играли, как следует полагать, не столько статус, сколько принадлежность к касте – касте воинов, наследственных служащих. Но тут необходимо обратить специальное внимание на всю систему каст и крестьянской общины, ибо то и другое были факторами, существенно корректировавшими всю внутреннюю структуру традиционного индийского общества.

Общинно-кастовая система

Восходящая к древнеиндийским варнам и освященная индуизмом система каст издревле была основой социальной структуры Индии. Принадлежность к той или иной касте была связана с рождением человека и детерминировала его статус на всю его жизнь. Временами жизнь вносила поправки в жесткую схему: выходившие из среды шудр правители государств и княжеств приобретали статус кшатрия. Этот же статус обретали и те иноземцы, кто, наподобие раджпутов, оставался прежде всего воином и тем самым выполнял функции древних кшатриев. Вообще варново-кастовый статус кшатриев, более других обусловленный политическими и потому весьма динамичными факторами, был в этом смысле достаточно гибким. Гораздо более жестким был наследственный статус брахманов: его очень трудно было утратить, даже когда брахман переставал быть жрецом и занимался иными, гораздо более мирскими делами, но еще труднее, практически невозможно было обрести, заново. Что же касается вайшьев и шудр, то разница между ними в иерархии статусов с древности все уменьшалась и практически была теперь уже невелика, а вот грань несколько изменилась: к вайшьям стали преимущественно принадлежать касты торговцев и ремесленников, а к шудрам – земледельцы. Сильно возросла доля внекастовых изгоев, неприкасаемых (хариджан, как их стали называть позже), выполнявших наиболее тяжелые и грязные работы.

Варново-кастовая система в целом именно благодаря своей жесткой иерархичности составляла костяк социальной структуры Индии; уникальная по форме, она не только оказалась эффективной альтернативой слабой политической администрации (а может быть, и наоборот: ее уникальность вызвала к жизни и обусловила слабость государственной администрации – для чего нужна сильная административная система, если нет ее низового звена, если низы живут по законам саморегулирующихся кастовых принципов и общинных норм?), но и успешно компенсировала эту слабость, хотя такого рода компенсация, как о том уже шла речь, никак не способствовала политической стабильности государств в Индии. Впрочем, общество в целом от этой нестабильности не страдало – этим традиционная Индия выгодно отличалась и от исламских государств, и от дальневосточных, где кризис государства неизменно отражался на благосостоянии общества.

Дело в том, что варново-кастовая система при любых политических пертурбациях весьма успешно сохраняла незыблемый статус-кво в

нижних этажах общества. Конечно, обществу не было безразлично, идут войны или нет; от них индийские низы, как и везде, немало страдали. И речь не о том, что общество благоденствовало, когда государства вели друг с другом вооруженную борьбу за власть. Имеется в виду нечто иное: эта борьба не вела к кризису в социальной структуре и не совпадала с чем-то в этом роде. А верхушечная политическая борьба за власть заметно не отражалась на основной массе индийцев. И здесь играла свою важную роль не только варново-кастовая система, но и традиционная индийская община, построенная на основе этой же системы.

Общинная форма организации земледельцев универсальна. Спецификой же Индии был не сам факт существования там общины, пусть даже и крепкой, а то место, какое эта община благодаря существованию варново-кастовой системы заняла в социальной и экономической структуре общества. В определенном смысле можно сказать, что структура индийской общины и ее внутренние связи были нерушимым микрокосмом индийского общества, которое, в свою очередь, как макрокосм копировало эту структуру. К чему же сводилась эта ячейка?

Традиционная индийская община в ее средневековой модификации являла собой, особенно на юге, сложное социальное образование. Территориально оно обычно включало в себя несколько соседних деревень, иногда целый округ, организационно объединенные в нечто единое целое. В каждой из деревень были свой староста, часто и общинный совет (панчаят), а представители каждой деревни, старосты и члены панчаята, входили в общинный совет всей большой общины. На севере страны, где общины были более мелкими, они могли состоять из одного крупного села и прилегающих к нему нескольких соседних небольших деревень и иметь одного старосту и один общинный совет. Возглавлявшаяся советом, избранным нередко из числа земледельцев одной, доминирующей в данной местности касты, община представляла собой некий саморегулирующийся механизм или, точнее, социальный организм, практически почти не нуждающийся в контактах с внешним миром. Внутренняя жизнь общины, строго регулировавшаяся нормами общинного распорядка и кастовых взаимосвязей, подчинялась все тому же принципу джаджмани, изученному специалистами сравнительно недавно на примере уже достаточно поздней индийской общины, но явно уходящему корнями в глубь веков. Суть его сводилась к жестко обязательному реципрокному обмену, к строго и четко отрегулированному веками порядку во взаимообмене продуктами и услугами, необходимыми каждому в замкнутых рамках общины – в обязательном соответствии с нормами варново-кастовой иерархии.

Доминировали в общине полноправные ее члены, земледельцы-общинники, владевшие общинными наделами и имевшие наследственное право на них. Наделы могли быть и бывали разные. Каждая семья, большая или малая, вела хозяйство индивидуально на своем участке, который можно было иногда даже отчуждать, хотя и под контролем общины. Не все землевладельцы в общине сами обрабатывали свои участки. Наиболее зажиточные семьи, чаще всего брахманские, использовали труд малоземельных соседей, давая им в аренду свою землю. Использовался для этого также и труд неполноправных членов общины, батраков-наемников (кармакары) и т. п. Излишне говорить, что бедные и неполноправные, арендаторы и тем более батраки чаще всего принадлежали к низшим кастам. Больше того, вся кастовая система

обязательного реципрокного взаимообмена (джаджмани) сводилась прежде всего к тому, чтобы освятить и узаконить социальное и имущественное неравенство в общине, как и в обществе в целом. Представители высших каст имели, согласно сложившимся нормам, неоспоримое право пользоваться буквально за гроши услугами выходцев из низших каст и тем более неприкасаемых, к которым следовало при этом еще и относиться с презрением. И что характерно: такое право никем и никогда не подвергалось и тени сомнения. Так нужно, это норма жизни, закон жизни. Это твоя судьба, такова твоя карма – с таким сознанием жили и кастовые верхи общины, и кастовые и внекастовые низы ее.

На практике принцип джаджмани означал, что каждый член общины – будь он земледельцем, батраком, богатым брахманом, ремесленником, презираемым убойщиком скота или мусорщиком, прачкой и т. п. – словом, каждый на своем месте и в строгом соответствии со своим кастовым положением должен был не только четко знать свое место, права и обязанности, но и неукоснительно выполнять все то, что вправе ожидать от него другие. Собственно, именно это делало общину саморегулирующейся и жизнеспособной, почти не зависящей от контактов с внешним миром. При этом принцип джаджмани вовсе не означал, что каждый, пользующийся трудом, продуктами и услугами других, сам за это эквивалентно расплачивается – тем более именно с теми, кто ему что-либо дал или сделал. Чаще всего дело обстояло как раз наоборот: каждый исполнял свои обязанности, обслуживая всех остальных, давая другим то, что он должен был дать, и получая при этом необходимые для его жизни (в соответствии с обусловленным кастой качеством его жизни) продукты и услуги. Вне системы джаджмани в общине были только частноправовые сделки типа аренды или найма батрака. Все остальное было туго завязано этой традиционной системой взаимообязательств в строгом соответствии с кастовыми обязанностями и положением каждого из тех, кто жил в общине.

Руководил всей сложной системой внутренних связей общинный совет, который разбирал также и жалобы, вершил суд, выносил приговоры, т. е. был одновременно и руководящим органом корпорации (общины), и органом власти на местах. Немалую роль в совете играл староста, престиж которого был высок, да и доход обычно тоже. Для внешнего мира, и в частности для административно-политической и фискальной системы государства, именно староста был и представителем общины, и агентом власти на местах, ответственным за выплату налогов и порядок.

Своего рода вариантом общинно-кастовой системы была и организация индийских городов. В городах касты играли, пожалуй, еще большую роль, чем в общинной деревне – по крайней мере в том плане, что общины здесь обычно были однокастовыми, т. е. целиком совпадали с кастами, будь то цех представителей какого-либо ремесла или гильдия торговцев. Все ремесленники и торговцы, все трудовое население города строго членилось на касты (касты ткачей, оружейников, красильщиков, торговцев растительным маслом, фруктами и т. п.), причем представители родственных или связанных друг с другом каст я профессий нередко соединялись в более крупные специализированные корпорации-шрени, также возглавлявшиеся советами и руководителями, ответственными перед властями. Индийское ремесло – ткацкое, ювелирное и др. –

славилось на весь мир. Торговые связи соединяли индийские города с многими странами. И во всех этих связях огромной, решающей была роль каст и корпораций городских ремесленников и торговцев, решавших все вопросы и регулировавших всю жизнь их членов, от нормирования и качества продукции до судебных разбирательств и пожертвований в пользу храмов.

Государство и община в Индии

В специфическом варново-кастово-общинном обществе средневековой Индии необычно складывались и отношения между производителями и государством. Быть может, эта необычность не слишком велика, но, по сравнению, например, с элементарной простотой в этом плане в исламских странах, она была все же заметной и уже поэтому заслуживает специального внимания.

Начнем с того, что в структурно слабых индийских государствах не было четкого юридического определения права государства или государя на всю землю, как то было в странах ислама или в Китае, т. е. права только центра распоряжаться ресурсами страны. Это и неудивительно: существование многих государственных образований, с калейдоскопической скоростью сменявших друг друга и озабоченных лишь тем, чтобы удержать власть, но не уделявших внимания ни теоретической разработке практики администрации, ни вообще идеологической доктрине, которая освящала бы в первую очередь именно государство как систему, логично соответствовало отсутствию такого рода формального права. Но значит ли это, что государство в Индии принципиально было чем-то иным, нежели на Ближнем и Дальнем Востоке?

Частично об этом уже шла речь в первой части работы. Стоит, однако, еще раз заметить, что, несмотря на всю несомненную специфику индийского государства и соответствующую этому еще большую специфику индийского общинно-кастового общества, государство здесь в принципе было таким же, что и в остальных странах неевропейского мира. Во-первых, имеющий власть всегда обладал неписаным правом распоряжаться подчиненной ему территорией на правах собственника (институт власти-собственности). Практически это означало, что правители индийских государств, как и владетельные наследственные князья, были субъектами власти-собственности, совпадавшей с суверенитетом. Материальным выражением этого были рента-налог и различные повинности с подданных. Во-вторых, имеющие наследственную власть правители и князья были верховными субъектами централизованной редистрибуции: доходы казны они использовали по своему усмотрению как на собственные нужды, так и на содержание воинов и чиновников, на поддержание храмов и обслуживавших их жрецов-брахманов. Другими словами, государства в Индии были такими же, что и в других странах Востока, а причастные к власти исполняли те же функции господствующего класса.

Теперь несколько слов о норме эксплуатации в Индии. Эта норма была сравнительно низкой, может быть, наиболее низкой по сравнению с другими обществами развитой цивилизации. Прежде всего была достаточно низка ставка налога: общины платили государству

традиционную 1/6 урожая, соответственными были и пошлины с городского населения, ремесленников и торговцев. Если сравнить эту ставку с китайской (обычно десятая часть урожая) и с исламской (десятина-ушр для мусульман), то все покажется совсем иным: окажется, что индийцы платили в казну больше. Но стоит взглянуть на всю проблему более внимательно.

В Китае и на мусульманском Ближнем Востоке не было такой социальной стабильности, как в Индии. Там земледельцы не избегали участия в войнах, а любые военные и политические катаклизмы неизбежно отражались на них. Конечно, и индийцев, случалось, грабили завоеватели, тот же Тамерлан. Тем не менее, войны в Индии происходили обычно как бы на ином уровне, на уровне стремящихся к власти правителей и их воинов-профессионалов. Общины в ходе этих войн были чем-то нейтральным, добычей для победителя. И их 1/6 урожая была именно такого рода добычей. Больше они ничем никому обязаны не были. В то же время в мусульманских странах, как правило, дело одной только десятиной для налогоплательщиков никогда не ограничивалось. Десятину платили лишь владельцы мульков – и это было их привилегией. Остальные так или иначе обычно платили больше, особенно немусульмане. Примерно так же обстояло дело и в Китае, где тяжелые повинности и многочисленные поборы резко увеличивали формально небольшой объем налога. Еще важный фактор – алчность сборщиков налога, различного рода посредников, что неизбежно влекло за собой возрастание объема поборов с крестьян и на Ближнем Востоке с его откупщиками-мультазимами, и в Китае с его разветвленным бюрократическим аппаратом администрации.

Если поставить вопрос, почему же в Индии власть имущие не выжимали из общины такой же максимум, который стремились всегда иметь от своих подданных правители мусульманского Востока и Китая, то ответ окажется на удивление прост: шестой части урожая и соответствующих пошлин и налогов с ремесленников и торговцев в Индии вполне хватало. И не только хватало для престижного потребления власть имущих, для содержания их чиновников и воинов, но также и для многочисленных храмов. Больше того. Оставались излишки, которые накапливались в форме баснословных сокровищ – тех самых, что из века в век вывозили из богатой, сказочно богатой Индии удачливые завоеватели, будь то иранский Надир, афганский Ахмад-шах или в более позднее время английские колонизаторы, для которых Индия справедливо считалась жемчужиной британской короны. Веками вывозили – и еще немало оставалось. Откуда все это бралось?

Если иметь в виду внутренние ресурсы, то Индия в этом смысле мало чем отличается от других стран Востока. Пожалуй, секрет здесь в ином – опять-таки в специфике Индии, о чем и идет речь. Неразвитая индийская бюрократическая машина была неизмеримо слабее и соответственно стоила намного дешевле, нежели в Китае, даже в мусульманских странах. Кроме того, строгие нормы кастовой иерархии всегда ограничивали аппетиты и потенции честолюбцев и даже удачливых военачальников и жестко расставляли все по своим местам, включая и уровень потребления, особенно престижного: каждый получал в основном то, на что имел право, даже если ему удавалось захватить силой гораздо больше. Уровень же потребления для основной массы населения Индии всегда был достаточно низким: одежда минимальна, питание в основном

вегетарианское, жилища просты до предела. Частично это объясняется климатом, географической зоной обитания, частично – традиционными религиозными нормами и запретами. Но факт остается фактом: взимая с общины сравнительно мало, причастные к власти верхи были сказочно богаты.

И еще один существенный момент. Налоги государству община платила в целом, причем внутри общины свою долю вносили все те, кто считался полноправным членом общины и производил продукты сельского хозяйства. Возможно, что доля богатых при этом была соответственно большей. Другими словами, налоги платили имущие, как в городе, так и в деревне. И это немаловажно иметь в виду, когда идет речь о связях типа «казна – община» и о достаточно сложных, неоднозначных взаимоотношениях государства с приносившими ему немалую часть дохода частными собственниками. Иное дело – традиционные взаимоотношения внутри общины, о которых уже шла речь. Здесь имущие из высших каст явно выступали в функции религиозно-санкционированных верхов, живших за счет труда низших, обездоленных, неприкасаемых, причем к неравенству традиционно-кастовому, освященному принципом реципрокного взаимообмена (джаджмани), в общине нередко добавлялось и вполне обычное для всех обществ, знакомых с частной собственностью, неравенство между имущими и работающими на них неимущими (аренда, найм и т. п.).

Резюмируя, можно еще раз сказать, что взаимоотношения между государством и общиной в доисламской Индии в принципе были такими же, что и на остальном Востоке. Однако основанная на кастовых нормах специфика индийского общества довела эти отношения до уровня автоматизма, что объективно вело к ослаблению государства как политико-административной структуры и соответственному укреплению общины как элемента общества. Как и в других странах Востока, в Индии государство тоже довлело над обществом, но автономия и принципы саморегулирования в индийском обществе были столь велики, что давление государства сверху слабо ощущалось внизу. У государства почти не было забот об управлении народом (общинами), но именно это и делало индийское государство тем, чем оно было.

Глава 7
Индия под властью мусульманских правителей

Распад государства Пратихаров на рубеже X – XI вв. совпал по времени с усилением натиска тюрок-мусульман, укрепившихся в это время в Средней Азии, а затем в Афганистане и Иране, на Северную Индию. Начало этим набегам положил газневидский эмир Махмуд, который в первой четверти XI в. чуть ли не ежегодно совершал зимние набеги на Индию и с награбленным добром из сокровищниц князей и храмов возвращался к себе в Газни. Вторжение сельджуков в восточные районы Арабского халифата привело, в частности, и к столкновению их с газневидскими эмирами, в результате чего их активность по отношению к Индии надолго прекратилась, пока в 70-х годах XII в. власть в Газни не перешла к Гуридам. Один из них, Мухаммед Гури, вскоре овладел

Пенджабом и затем, разгромив союзное войско раджпутских князей, приступил к захвату долины Джамны и Ганга. Его военачальник из рабов-гулямов Кутб ад-дин Айбек в 1206 г. объявил себя султаном индийских владений Гуридов, сделав столицей город Дели. Так было положено начало существованию Делийского султаната.

Делийский султанат (1206–1526)

Айбек и его преемники, значительная часть которых тоже принадлежала к числу гулямов, правили вплоть до 1290 г. (династия гулямов). За это время тюрки-мусульмане упрочили свою власть в султанате. Исламские воины получили условные владения в форме икта, а во главе администрации были поставлены наиболее грамотные и опытные в этом деле мусульмане из числа хорасанцев, главным образом персы. Значительную часть индийских земель получили в форме вакуфов мусульманские духовники и мечети. Индийские князья должны были подчиниться мусульманам, признать себя их вассалами и выплачивать им дань, а формы условного владения в княжествах тоже стали трансформироваться под воздействием исламских принципов землепользования: вчерашние раджпутские воины в индийских княжествах, как и в землях султаната, превращались в иктадаров, обязанных служить вместе со своими князьями и военачальниками новым правителям.

Династия гулямов в 1290 г. сменилась другой. Ала ад-дин Хилджи (1296–1316) из тюркского племени хилджи сумел нанести решительное поражение монголам, которые на протяжении нескольких десятилетий стремились приникнуть в Индию, но так и не преуспели в этом. Покончив с угрозой монгольского нашествия, Ала ад-дин совершил ряд успешных походов на Декан и даже в Южную Индию, присоединив завоеванные им земли к султанату. По некоторым данным, эти походы принесли султану в качестве трофеев 20 тыс. лошадей, 312 слонов, 2750 фунтов золота и большое количество драгоценных камней.

Дабы укрепить центральную власть в созданной им империи, Ала ад-дин предпринял ряд важных реформ, суть которых сводилась к конфискации максимально возможного количества земель в фонд казны и к попытке перевода армии, воинов-иктадаров, на натуральное и денежное довольствие из казны. Для этого цены на продукты питания, прежде всего зерно, были строго регламентированы. Торговцы были обязаны придерживаться этих цен под страхом суровых наказаний. А когда, несмотря на запреты, цены на рынках все же начинали расти, чиновники были обязаны выбрасывать на рынок зерно из казенных амбаров, куда оно загодя свозилось со всей Индии, для чего земельно-зерновой налог с общин был повышен до 1/2 урожая. Все эти меры могли, однако, дать лишь временный результат, но зато они вызвали недовольство и сопротивление со стороны различных слоев населения и вскоре после смерти Ала ад-дина были отменены.

В 1320 г. к власти в султанате пришел очередной выходец из гулямов, основавший династию Туглаков, правившую страной до 1414 г. Мухаммед Туглак (1325–1351) сумел на некоторое время восстановить распавшуюся было после смерти Ала ад-дина империю, но очень ненадолго. Еще при его жизни она вновь распалась, на сей раз окончательно: сначала от

султаната отпала Бенгалия (1339), а затем по частям и весь Декан. С трудом сохранялся контроль над Гуджаратом с его важными торговыми портами, но в 80-х годах XIV в. отпал от султаната и он, да еще вместе с Мальвой. Окончательный удар по распавшейся империи был нанесен Тимуром, разграбившим в 1398 г. Дели и вырезавшим значительную часть его жителей (многие другие были вывезены им в Самарканд).

Султаны династий Сайидов и Лоди, правившие Северной Индией в 1414–1526 гг., временами укрепляли свою власть и энергично преследовали противников, совершая даже походы на соседей, по большей части неудачные. Но в целом султанат переживал кризис, период упадка. Одна за другой откалывались от него окраины, порой крупные провинции, пока в 1526 г. последний из султанов не был разбит Бабуром, основавшим в Индии империю Великих Моголов.

Политическая история Делийского султаната по-своему весьма поучительна. В принципе основанная на исламе структура была объективно более сильной и внутренне жизнеспособной, чем существовавшие до нее государственные образования древней и средневековой империи, включая и такие, как маурийская. Как уже не раз об этом шла речь, мусульманская структура всегда и везде сильна прежде всего неразрывной слитностью в ней религиозного и политического начал, тогда как индийская именно в этом пункте была слабой: религия в Индии как бы подчеркнуто ставила себя вне политики, демонстрировала безразличие к власти.

Казалось бы, появление в Индии исламских государств и ислама как религии должно было резко изменить привычную для этой страны политическую ситуацию. В известной степени так оно и было. Но слабость исламской государственности в Индии заключалась в том, что пассивное сопротивление традиционного индийского общества, которое исламские завоеватели всеми силами старались, но так и не сумели преодолеть, подрывало новую структуру изнутри, сильно ослабляя ее в те самые критические моменты ее существования, когда ей особенно необходима была поддержка снизу, изнутри, когда она нуждалась в столь привычном для нее единстве перед лицом грозного врага или мощного соперника. Чтобы продемонстрировать этот феномен более обстоятельно, обратимся к анализу тех факторов и общественных сил, которые в совокупности определяли собой упомянутую сложную ситуацию.

Внутренняя структура султаната

Сила и жизнеспособность исламских обществ и государств базировалась как на религиозно-политической слитности, так и на эффективности централизованной администрации, опиравшейся на строго декларированную государственную собственность на землю. Конечно, генеральный принцип власти-собственности с централизованной редистрибуцией в качестве структурообразующей основы был в той или иной форме свойствен всем неевропейским традиционным структурам. Но в исламской его модификации – как, впрочем, и в китайской, с чем речь ниже, – этот принцип обнаруживал себя гораздо более явственно и четко, чем в доисламской Индии. Именно это проявило себя уже в первые десятилетия существования султаната.

Все его земли были официально объявлены собственностью

государства, причем значительная часть их – выморочные, принадлежавшие уничтоженным противникам и некоторые иные – стала принадлежать непосредственно казне. Это были земли категории хасс или халисэ, рента-налог с которых шла непосредственно в казну и использовалась по усмотрению администрации центра. Другая, тоже значительная часть государственных земель раздавалась воинам, чиновникам, духовным лицам и некоторым другим. Это были преимущественно служебные наделы типа икта, дававшиеся в условное держание. Иктадары или мукта, получавшие эти земли, были прежде всего мусульманами, из которых состояло наемное войско султанов, хотя отчасти, как упоминалось, в их числе были и служившие султанам них вассалам-князьям раджпуты. Икта не были наследственными владениями, так что юридически государство имело право отобрать их, заменив иной формой жалованья, что и пытался сделать Ала ад-дин. Однако, как правило, икта оставался по наследству сыну или зятю состарившегося иктадара, в чем было заинтересовано государство. Эта практика создавала определенные трудности, ибо время от времени рождала иллюзию наследственной собственности на икта, с чем приходилось сталкиваться и бороться султанам. Но такого рода сложности были хорошо известны во многих исламских государствах.

В принципе, если не считать претензий государства на верховную собственность, такие формы условного должностного землепользования были распространены и в доисламской Индии. В тех княжествах, которые продолжали находиться под властью раджей, признавших суверенитет мусульманских султанов, но сохранивших свою религию (а кое-кто из раджей принимал ислам, что заметно облегчало их положение и повышало статус), оставались старые формы землепользования, тем более что они сущностно не отличались от новых. Вассалы князя, владевшие условными служебными наделами, получали примерно то же, что и прежде, разве что именовались теперь чаще иктадарами.

Небольшая часть общего земельного фонда в султанате, как и в других исламских обществах, находилась на особых правах. Это были наследственные владения мусульманских духовных лиц (инамы), учреждений (вакуфы) или небольшие частные владения типа мульков. Все они имели либо налоговый иммунитет, либо льготы.

Основной формой землепользования в султанате осталось общинное. Но в соответствии с общим более жестким контролем староста общины почти официально стал кем-то вроде чиновника, ответственного за налоги и порядок и имевшего за это право на освобожденный от налога общинный надел. Община осталась в основном индийско-индуистской, хотя в некоторых районах страны, особенно на севере (территории современных Пакистана и Бангладеш), появилось и немало крестьянских деревень с мусульманским населением, которые в структурном плане заметно отличались от традиционных индуистских прежде всего из-за отсутствия кастовых связей или резкого изменения их характера. Зато другой стала норма налогообложения. Налоги, исчислявшиеся в султанате по привычному мусульманскому стандарту, состояли теперь из хараджа и подушной подати для немусульман джизии, причем в целом они стали значительно более тяжелыми, чем прежде. В отличие от доисламской 1/6 части дохода теперь крестьяне нередко платили 1/4, даже 1/3 часть, а временами, как при Ала ад-дине, и половину.

Важно также учесть, что льготная для мусульман экономическая

политика и налоговая ставка способствовали переходу в ислам местного населения. Однако сила индуистско-кастового общества оказалась настолько большой, что решительных перемен в пользу ислама как религии в занятой мусульманскими правителями Индии не произошло. Индия в основном осталась индийско-индуистской, а проблема соперничества и взаимодействия индуизма и ислама стала со времен султаната весьма острой, причем позже, в годы правления Великих Моголов, она еще более обострилась.

Поиски плодотворного синтеза обеих религий, которые вели к появлению теорий типа бхакти (преданность единому Богу, неиндуистскому и немусульманскому) и к возникновению этноконфессиональных общностей типа сикхов, в целом оказались неудачными и к решению проблемы не привели. Более того, несмотря на определенное стирание острых углов за счет вынужденного сосуществования индуизма и ислама, враждебность между обеими религиозными доктринами или, по крайней мере, определенная несовместимость не только их самих, но и стоящих за ними жизненных стандартов, норм поведения и систем ценностных ориентаций продолжали существовать, а подчас и возрастать. И это тоже вносило свой весомый вклад в ослабление привычно сильной исламской государственности в Индии.

Политико-административная организация султаната была типично исламской. Высшая власть и последнее слово всегда принадлежали самому правителю. Его ближайшим помощником и главой исполнительной власти был великий вазир, руководивший работой ряда ведомств, прежде всего военного и финансового. Судебный аппарат был, как обычно, в руках мусульманского духовенства, хотя в делах, касавшихся индусов, принималось в расчет и обычное индуистское право. Султанат был разделен на наместничества, во главе которых стояли губернаторы-вали, назначавшиеся обычно из числа родни или ближайших приближенных султана. Наместники отвечали за сбор налогов и сохранение порядка, имели в своем распоряжении наемное войско, содержавшееся за счет местных налогов (икта), и вообще бывали достаточно самостоятельны. Иногда, как в случае с Бенгалией, эта самостоятельность граничила с автономией, а порой и вела к политической независимости.

Каждое наместничество делилось на округа во главе с чиновниками, подчинявшимися центру. В функции этих чиновников входил контроль за правильным соблюдением всей налогово-финансовой политики на местах. Весь аппарат власти, как и почти вся армия, состоял из мусульман. Много мусульман было и в городах, где немалое количество ремесленников и торговцев, особенно из числа представителей низших каст, приняли ислам и где всегда жило множество мусульманских купцов из других стран. Стоит лишний раз напомнить, что мусульмане были освобождены от подушной подати джизии и имели право на льготные пошлины при торговых сделках, что было весьма существенным для городских жителей, особенно торговцев. Впрочем, исламизация значительной части городского населения не изменила привычных форм ремесленно-торговой жизни индийского города, в которой тон по-прежнему задавала каста.

Города мусульманской Индии и прежде всего Дели успешно развивались, даже расцветали, особенно после прекращения спорадических набегов. Частично этому способствовало расширение

торговых связей с миром ислама, отчасти – пышное строительство, на которое султаны не жалели денег. Играли свою роль и государственное регулирование, жесткая рука властей, обеспечивавших регулярное функционирование различного рода общественных служб, вплоть до зерновых амбаров, бань, городской охраны. В системе государственных ведомств находились и крупнейшие предприятия казенного ремесла, мастерские-кархана, где были собраны многие тысячи лучших мастеров, работавших по найму и производивших продукцию для потребления двора и верхов. Сюда входили ткачи, ювелиры и мастера иных специальностей, в том числе строители высокого класса.

Казалось бы, в сумме все было неплохо продумано и достаточно эффективно, что собственно, и создавало для султаната прочную опору, способствовало длительному и непрерывному, несмотря на сменявших друг друга в результате дворцовых переворотов правителей и смену династий, существованию самого султаната на протяжении трех с лишним веков. Это выгодно отличало султанат от предшествовавших ему государственных образований доисламской Индии. И все-таки внутренне султанат в Индии не был столь прочным, как там, где мусульманское государство опиралось целиком на мусульманское население. Отсутствие такой базы не могло не сказаться. В идейно-институциональном плане в стране создались две налегающие одна на другую социально-культурные общности: индийский индуистский фундамент и исламская надстройка, возведенная на этом фундаменте. Несовместимость одного с другим сказывалась постоянно. И хотя в силу пассивной толерантности традиционной индийской основы на уровне общины и касты эта несовместимость не была реальной угрозой для существования исламской надстройки, все-таки отсутствие надежного и своего фундамента эту надстройку не могло не ослаблять, что, в свою очередь, сказывалось на исторических судьбах Индии в целом. В частности, это проявлялось в такие критические моменты, когда от султаната с легкостью отпадали его части, причем некоторые из них, особенно на юге, возвращались к привычным до-исламским формам существования.

Государства Южной Индии в XV–XVI вв.

Еще в середине XIV в., сразу же после того, как Мухаммед Туглак покинул завоеванную им Южную Индию, в центре Декана мятежные эмиры подняли восстание против него и провозгласили своим правителем-султаном некоего Бахмана, ставшего основателем династии Бахманидов, распространившей свою власть на большую часть Декана. Как и Делийский султанат, государство Бахманидов было мусульманским, а основные политические раздоры в нем сводились к острой борьбе между первой волной исламских завоевателей («деканцев») и новыми пришельцами с севера, занявшими наиболее влиятельные посты. Государственная администрация, формы землепользования и взимания ренты-налога были здесь теми же, что и на севере, т. е. складывались по северному стандарту.

Принявшие титул шаха правители государства Бахманидов вели ожесточенные войны с расположенным к югу от них индусским государством Виджаянагар, но эти войны больших результатов не дали. Во второй половине XV в. внутриполитическая борьба между деканцами и

пришлыми (афаки) усилилась, причем она обострялась еще и тем немаловажным обстоятельством, что деканцы были в основном суннитами, тогда как афаки – шиитами. И хотя внутренние распри суннитов и шиитов не слишком сильно отражались на благополучии государства (стоит напомнить, что посетивший это государство в 1469–1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин оставил восхищенное описание его), они в конце XV в. все же привели к его распаду на части. Возникло пять самостоятельных княжеств – Биджапур, Берар, Бидар, Голконда и Ахмаднагар, крупнейшим из которых был Биджапур. Вместе с Гуджаратом, делийский наместник которого в XV в. тоже провозгласил себя независимым султаном с шахским титулом, Биджапур на рубеже XV–XVI вв. вел войны с усилившимися на территории Индии и пытавшимися расширить свои владения и сферу своего влияния – как политического, так и в торговых делах – португальцами, захватившими, в частности, биджапурский остров Гоа.

Государство Виджаянагар возникло практически почти одновременно с Бахмани. Завоевав и присоединив к себе ряд независимых княжеств, Виджаянагар уже на рубеже XV–XVI вв. превратился в крупное индуистское государство, равного которому на юге Индии еще не бывало. И хотя власть самого правителя-махараджи здесь была не слишком устойчива, так что в результате дворцовых переворотов одна династия порой сменяла другую, в целом централизованная администрация, многое заимствовавшая у своих северных мусульманских соседей и усилившаяся структурно за этот счет, оказалась значительно более прочной, нежели то бывало прежде. Крепость административного аппарата видна уже в организации власти. Первый министр махапрадхан был практически вариантом великого вазира. При нем существовал совет из глав ведомств и представителей князей, а также некоторых слоев населения, включая торговцев. Наместники-губернаторы не были всесильными владыками в своих областях; напротив, они подчинялись центру и обычно сменялись каждые два-три года. В обязанности их входило прежде всего строго следить за соблюдением порядка в финансовых делах (сбор налогов, поступление дани от вассальных князей). В округах, на которые делились наместничества, теми же полномочиями обладали чиновники, тоже в конечном счете ответственные перед центром.

Весьма сложными, хотя в целом опять-таки напоминавшими исламские, были и формы землевладения. Если не считать полуавтономные княжества, где в основном, видимо, сохранялись традиционные формы вассальных связей (хотя и они могли кое-где трансформироваться под влиянием норм ислама), земли страны в основном были государственными и находились либо в непосредственном ведении казны, либо в условном владении воинов. Условные наделы военных, амарам – нечто вроде исламского икта. Разница, однако, была в том, что военачальники-амаранаяки не только были обязаны содержать за счет доходов с пожалованных им земель отряд воинов, но и имели большие полномочия в деле взимания налогов, т. е. сами определяли норму налогообложения, подсчитывали и распределяли доходы, только часть которых – обычно не более 1/3 – шла в казну. Амарам не был наследственным владением, но на практике он нередко оставался в наследство новым поколениям амаранаяков. Поэтому амаранаяки чувствовали себя в своих владениях достаточно уверенно, чем выгодно отличались от иктадаров. И хотя амаранаяки не были владельцами земель

в полном смысле этого слова (владения все-таки оставались служебными и условными), степень их контроля над доходами с их земель была столь значительной, что они порой могли позволить себе и злоупотребления, в частности, содержать меньшее количество воинов, чем то полагалось по норме. Иногда амаранаяки отдавали от своего имени небольшие наделы своим подчиненным, жившим за счет дохода с этих участков.

Некоторые категории государственной земли дарились от имени правителей индуистским храмам и особенно часто – коллективам брахманов, что было типичной индийской традицией. Коллективы, о которых идет речь, становились владельцами общинных земель и чаще всего жили в общинах, еще их земли обрабатывали для них на правах наследственных арендаторов члены общины из числа более низких каст. Статус наследственного арендатора (пайякари) приводил со временем к некоторой правовой неполноправности. Вообще же традиционная 1/6 доля урожая осталась в прошлом и в индуистском Виджаянагаре, где новая норма налогообложения практически не уступала той, что была на севере, в исламских султанатах. Именно за счет увеличения поборов с общин и усиления эксплуатации труда пайякари содержался возросший и расширившийся административный аппарат; за этот же счет существовала и почти миллионная армия махараджи, которая, собственно, и позволяла правителям вести успешные войны.

Соперничая с мусульманскими государствами Декана, Виджаянагар порой прибегал к помощи и посредничеству португальцев. Дело в том, что в Индии, как и в Китае, не было условий для разведения и выращивания лошадей – их обычно закупали, привозя издалека. В Индию они поступали в основном из Аравии и Ирана, причем этой-то торговлей как раз и ведали на рубеже XV–XVI вв. преимущественно португальцы. Махараджи Виджаянагара ценой немалых уступок добились от португальцев монопольного права покупать привозных лошадей, что заметно усилило их армию, где конница была основной боевой силой. Наиболее успешным в политическом плане было правление махараджи Кришна Дева Райи (1509–1529), который, заручившись поддержкой португальцев, вел успешные войны с Биджапуром, а также добился расцвета ремесла и торговли в городах, превратив Виджаянагар в крупнейшее и богатейшее из индийских государств того времени. Однако вскоре после того, как в битве при Таликота в 1565 г. армия Виджаянагара была разгромлена соединенными силами нескольких северных султанатов, начался постепенный упадок могущества этой державы. К началу XVII в. она превратилась уже в небольшое княжество, которое затем было поделено между Биджапуром и Голкондой.

Империя Великих Моголов (1526–1707[27])

В 1526 г. тимурид Бабур, выходец из Моголистана[28] и в прошлом правитель Ферганы, затем Кабула, вторгся в Индию. Его хорошо

27 1707 – дата фактического распада империи; формально она продолжала существовать при англичанах еще около полутора веков

28 Моголистан (XIV–XV вв.) – восточная часть Средней Азии, где правили представители снятых тюрко-монгольских родов; «могол» – термин, которым в Иране именовали монголов

вооруженная мушкетами и пушками армия, включая конницу, в двух больших сражениях разгромила последнего из делийских султанов и ополчение раджпутов, после чего заняла значительную часть долины Ганга. Так было положено начало империи Великих Моголов, объединившей под своей властью в пору расцвета почти всю Индию.

Сам Бабур, вошедший в историю как просвещенный правитель, историк и поэт, автор знаменитого «Бабур-наме», правил в Индии недолго. Уже в 1530 г. его сменил на троне сын Хумаюн, войны которого с братьями за наследство отца настолько ослабили его власть, что влиятельный правитель из Бихара и Бенгалии Фарид Шер-хан, выходец из давно осевшего на востоке Индии афганского племени сур, сумел захватить власть в Дели, заставив Хумаюна искать убежище в Иране.

Приняв титул шаха, Шер-шах за недолгие шесть лет своего правления (1540–1545) немало сделал для укрепления центральной власти. Он провел несколько магистральных дорог с караван-сараями, связавших Дели с Бенгалией, Раджпутаной, Индом и т. п., упорядочил земельные отношения (при нем было начато составление генерального кадастра земель), систему налогов (средний размер ренты-налога был установлен в 1/3 урожая), характер землевладения военачальников-джагирдаров, а также повысил статус некоторых индусов, предоставив им ряд влиятельных должностей. Неожиданная смерть Шер-шаха и борьба его наследников за престол были с выгодой для себя использованы Хумаюном, который на протяжении всех этих лет выжидал и накапливал силы. В 1555 г. Хумаюн вернул себе трон в Дели, но уже через год он в результате несчастного случая погиб, а власть досталась его 13-летнему сына Акбару.

Правление падишаха Акбара (1556–1605) было золотым веком империи Великих Моголов. Укрепив власть на севере, включая Пенджаб, Акбар заручился поддержкой значительной части воинов-раджпутов (с некоторыми предводителями раджпутов он породнился, включив раджпутских княжен в свой гарем) и вскоре овладел практически всей Раджпутаной. Затем к империи были присоединены Гондвана, Гуджарат, Бенгалия, Кашмир, Орисса. Почти вся Северная Индия оказалась под властью Акбара, проявившего себя умелым правителем.

Продолжив реформы, начатые еще Шер-шахом, Акбар провел ряд новых, заложивших прочные основы управления страной. Все земли были объявлены государственными. Был закончен генеральный земельный кадастр и четко определены суммы налогового сбора с каждого из районов: по некоторым данным, общий сбор налогов в конце XVI в. достигал 166 млн. рупий. Значительная часть земель была отдана на правах условного ненаследственного служебного владения военачальникам-джагирдарам. Джагиры, отличавшиеся от икта в основном своими размерами, были крупными земельными владениями, приносившими их владельцам огромные доходы в сотни тысяч рупий. На эти деньги джагирдары, которых при Акбаре было около двух тысяч, обязаны были наподобие амаранаяков в Виджаянагаре, содержать отряды воинов в количестве, соответствовавшем чину военачальника и размеру джагира, от 100 до 5 тыс. Некоторые из подчинившихся Акбару княжеств тоже приобрели статус джагира, а в целом среди джагирдаров Акбара индусов-индуистов было не более 20%, в основном за счет воинов-раджпутов.

Система джагиров, при которой, как то было и в случае с

амаранаяками, открывались немалые возможности для злоупотреблений (еще Шер-шах пытался заставить джагирдаров клеймить своим именем лошадей и регулярно проводить смотры войск, дабы помешать практике случайного найма первых попавшихся людей и лошадей только для показной проверки), не нравилась Акбару. Подобно Шер-шаху, он попытался даже было ее уничтожить, заменив денежными выдачами из казны. Однако эта попытка вызвала мятежи и падишах вынужден был отказаться от реформы. Зато он строго следил за тем, чтобы джагирдар не обладал никакой административной и тем более финансово-налоговой властью в своем владении.

Кроме джагиров существовали и владения вассальных князей-заминдаров, плативших в казну дань и самостоятельно распоряжавшихся всеми остальными доходами. Князья были, как и прежде, наследственными владельцами своих княжеств и даже более того, субъектами централизованной редистрибуции в своих владениях. В принципе в каждом из княжеств как бы в миниатюре воспроизводилась та же схема, что и в империи в целом: часть земли принадлежала лично князю, доход от нее шел в его казну, тогда как остальные земли и доходы с них отдавались в качестве должностных воинам и чиновникам. Со временем земли категории заминдари стали считаться частнособственническими и подчас дробились на небольшие участки (наподобие исламского мулька).

Небольшое количество земли, около 3%, было в собственности мусульманского духовенства, но некоторое количество земель находилось и во владении индуистских храмов. Земли такого типа обладали налоговым иммунитетом, что вполне соответствовало общему духу религиозной терпимости, которому следовал Акбар, отменивший ущемляющую права немусульман джизию и попытавшийся даже к концу жизни создать нечто вроде синтетической религии, призванной ликвидировать религиозные разногласия в среде его подданных.

Сын Акбара Джахангир (1605–1627) продолжил активную внешнюю политику отца, начал войны в Декане и выступил против сикхов в Пенджабе. Правда в Ассаме его войска потерпели поражение; немалые сложности вызвали и его попытки укрепиться в Бенгалии, всегда настроенной сепаратистски. Наибольшим успехом Джахангира, а точнее, его сына Шах Джахана, командовавшего армией, была победа над сильной армией султана Ахмаднагара, ядром которой была конница маратхов. Далеко не вся территория Ахмаднагара попала в руки Моголов, но и это было немалым успехом. Взойдя на трон отца, Шах Джахан (1627–1658) пытался продолжить свой успех и в 1632 г. добился удачи: Ахмаднагар был подчинен полностью, а Биджапур и Голконда признали себя вассалами Моголов. Это означало, что практически почти вся территория Индии попала под власть империи. Но дни ее уже были сочтены.

Преемником Шах Джахана был его сын, кровавый деспот Аурангзеб, заключивший в темницу отца. Аурангзеб правил долго (1658–1707) и оставил по себе дурную память. Мало того, с его смертью империя фактически распалась, перестала существовать как влиятельная сила, причем такому результату в немалой степени содействовала политика самого императора.

Будучи ревностным мусульманином-суннитом, Аурангзеб энергично преследовал как индусов, так и шиитов, вплоть до попыток разрушить

храмы и заново ввести отмененную Акбаром подушную подать для немусульман, джизию. Религиозные преследования вызвали резкое сопротивление населения, включая и мусульман-шиитов, а это в конечном счете сильно ослабило ту базу, на которую мог опереться правитель. Кроме того, резко уменьшились доходы джагирдаров, чьи владения в ходе постоянного разукрупнения и роста дополнительных поборов в казну приносили все меньше дохода – ситуация, весьма напоминавшая аналогичный процесс, происходивший примерно в это же время с тимариотами в Османской империи. Следствием всего сказанного были кризисные явления, проявлявшиеся не только в усилении налогового гнета, но и в бегстве крестьян, в нарушениях хозяйственного ритма жизни и в конечном счете в страшном голоде, который разразился в начале XVIII в. Только в Декане в 1702–1704 гг. от голода погибли, по некоторым данным, около 2 млн. человек.

Всему этому сопутствовали неудачи в попытках подавить сопротивление и сепаратистские движения на окраинах империи. Так, резко выступив против сикхов, Аурангзеб не только вызвал взрыв яростного сопротивления с их стороны, но и спровоцировал возникновение воинской организации сикхов, хальсы, справиться с боевой мощью которой он был уже не в состоянии. В Махараштре, районе расселения маратхов, становившихся все более грозной силой в антимогольском движении, тоже возникло весьма боеспособное войско во главе с национальным героем маратхов Шиваджи. Если вначале Шиваджи со своими воинами служил то султану Ахмаднагара, то правителю Биджапура, не имея собственных политических амбиций, то затем, усилившись, он создал собственное государство, короновавшись в 1674 г. в Пуне. Установив сравнительно легкие налоги с собственного маратхского населения, государство Шиваджи начало богатеть за счет военной добычи, так что вскоре его набеги стали наводить ужас на соседние земли. Аурангзеб пытался покончить с маратхской вольницей, но безуспешно. Столь же безуспешно стремился он усмирить и восставших против него раджпутов. И хотя к концу жизни Аурангзеб все же сумел формально подчинить себе Махараштру, маратхи, как и раджпуты, окончательно усмирены не были. Сразу же после смерти Аурангзеба его империя стала агонизировать, чем не преминули воспользоваться все те, кто не был заинтересован в сильной власти в Индии. В частности, едва ли не первыми среди них были англичане.

Англичане в Индии (XVIII – середина XIX в.)

Еще в XIV–XV вв., когда мусульманские и иные купцы стали вести активную торговлю индийскими товарами и товарами, шедшими транзитом через Индию, на побережье субконтинента было построено множество удобных морских портов. Обилием этих портов среди прочих славился Гуджарат, чьи купцы наладили регулярный контакт со странами южных морей и, кроме всего, способствовали распространению там ислама. Расширение морской торговли было одним из факторов, предопределивших быстрые темпы развития Южной Индии. Именно в это время с юга Индии и через морские порты ее, в том числе и транзитом, из стран южных морей, стали проникать в Европу многочисленные редкие экзотические товары и пряности, столь высоко ценившиеся там.

Неудивительно, что вслед за этим в Европе сложилось представление о сказочных богатствах Индии, о ее несметных сокровищах, об «Индии чудес». Позарившиеся на эти богатства полунищие, но весьма энергичные и инициативные, гонимые жаждой наживы и подстегиваемые частнопредпринимательским азартом европейские купцы и мореплаватели стали организовывать одну за другой экспедиции в Индию с целью открыть эту богатую страну для европейской торговли. В результате одной из таких экспедиций, как известно, была открыта и Америка. Многие другие достигали Индии.

Достигшие Индии европейцы, прежде всего португальцы, стали на рубеже XV–XVI вв. сосредоточивать в своих руках контроль за торговыми путями и торговлей, затем строить многочисленные склады и фактории, создавать новые поселения и порты, даже активно вмешиваться в политическую борьбу местных правителей. Вслед за португальцами в этом районе мира появились голландцы, которые вскоре, однако, сконцентрировали свои усилия на эксплуатации ресурсов богатой пряностями так называемой Голландской Индии, т. е. островов Индонезии. После этого пришла очередь французов и англичан, не считая остальных, занимавших более скромные позиции. Началась эпоха колонизации Индии и прилегающих к ней районов Азии.

Для самой Индии эта эпоха совпала с периодом короткого расцвета и быстрого упадка, а затем и развала империи Великих Моголов, в качестве наследников которых и претендентов на сильную власть выступило сразу несколько государств. Одной из них была держава маратхов, где в начале XVIII в. власть попала в руки так называемой династии пешв (пешвы были вначале первыми министрами в государстве Шиваджи и его потомков, затем взяли власть в свои руки). Маратхи питали честолюбивые замыслы занять трон в Дели и, пожалуй, имели для этого определенные основания. Их армия была одной из лучших в Индии, само имя маратхов наводило страх и ужас и обращало в бегство многих. Но как раз тогда, когда казалось, цель вот-вот будет достигнута, с севера в Индию вторгся иранский Надир-шах, который в 1739 г. разгромил войско маратхов (именно их войско, а не войско Моголов, которые в это время вообще уже не могли выставить сколько-нибудь боеспособную армию), разграбил Дели и увез в Иран веками копившиеся сокровища казны, включая драгоценности падишахов. Попытки оправившихся от поражения маратхов повторить поход на север натолкнулись на встречные экспедиции в Индию Ахмад-шаха дурранийского, который в 1739 г. был в Индии вместе с армией Надира и затем решил, став независимым и могущественным правителем, исполнить то, чего не сумел сделать в свое время Надир, т. е. завоевать слабую и раздираемую распрями богатую Индию. Однако пять походов Ахмад-шаха (1748–1758) не принесли ему успеха, причем главной причиной было героическое сопротивление стоявших у него на пути сикхов, то и дело перерезавших коммуникации и ослаблявших армию. Тем не менее в битве с маратхами Ахмад-шах, как и прежде Надир, вышел победителем, после чего надежда маратхов на трон в Дели была окончательно похоронена.

Вторым из крупных государств, выступивших на политическую арену после развала империи Моголов, была Бенгалия, наместник которой в 1713 г. объявил себя независимым, присоединив к своим владениям Бихар и Ориссу. Кроме того, в 1717 г. в центре Декана другой могольский наместник объявил себя правителем (низамом) независимого государства

Хайдарабад, которое начало активную борьбу с маратхами за гегемонию в Южной Индии. В 1739 г. от Моголов отделилось государство Ауд с центром в Лакхнау. И наконец, уже во второй половине XVIII в. на юге страны возникло могущественное государство Майсур, правитель которого Хайдар Али (1761–1782) с помощью французов реорганизовал свою армию, взяв за основу отряды из хорошо обученных наемных офицеров и солдат, вооруженных мушкетами и пушками.

Хайдар Али отказался от традиционной могольской системы джагиров. Он, а затем его сын Типу-султан в результате этой военной реформы получили в свои руки едва ли не наиболее боеспособную армию в Индии, что сыграло свою роль в последующих событиях. Сражаясь против маратхов, хайдарабадского низама и других правителей Южной Индии, Типу-султан главной целью своей жизни поставил выбить из Индии уже прочно обосновавшихся там англичан, причем одно время он был близок к ее достижению. Но несмотря на это, в разгоревшейся в Индии в XVIII в. «борьбе всех против всех», как характеризовал ее в свое время Маркс, победителями вышли все же англичане. И это отнюдь не было драматической случайностью, – скорее напротив, вполне объективно обусловленной исторической закономерностью.

Английская Ост-Индская компания, возникшая еще в начале XVII в. и сконцентрировавшая в своих руках (под все более ощутимым правительственным и парламентским контролем) операции в Индии – торговые, военные, дипломатические, политические и т. п. – была, пожалуй, наиболее удачной в тех условиях формой проникновения в Индию и закрепления в ней. Соперничавшие с англичанами португальцы, а затем французы не смогли противостоять им достаточно успешно, а столкновения между различными военачальниками-французами при попытках Франции укрепиться на западном побережье Индии в середине XVIII в. лишь продемонстрировали это весьма наглядно. Нельзя не учитывать и того, что Франция во второй половине XVIII в. была в состоянии кризиса и находилась накануне революции, которая не могла не спутать все ее колониальные карты именно тогда, когда триумф английской Ост-Индской компании в Индии был уже почти полным.

Словом, уже с конца XVII в. и особенно в XVIII в., ознаменовавшемся развалом империи Моголов, англичане явно стали выходить на первое место среди колониальных держав в Индии, оттеснив и всех тех, кто претендовал на наследство Моголов в самой этой стране. Имея значительные позиции в ряде районов Индии и постоянно укрепляя их, действуя традиционным методом «разделяй и властвуй», англичане не очень-то церемонились в средствах. Они вмешивались в политические распри, подкупали своих ставленников и помогали им захватить власть, обязывая после этого выплачивать астрономические суммы компании. Налоговый гнет в Бенгалии, где позиции англичан в XVIII в. были всего прочнее и откуда они, по существу, и начали свое завоевание Индии, был особенно тяжелым, порой невыносимым. Компания добилась у правителя Бенгалии важных привилегий, включая освобождение от торговых пошлин, что поставило англичан и действовавших по их поручению индийских и иных купцов в привилегированное положение. По некоторым данным, за период 1757–1780 гг. Англия вывезла из Индии почти безвозмездно в виде товаров и монеты 38 млн. фунтов стерлингов – немалую по тем временам сумму. А когда энергичный новый правитель Бенгалии Мир Касим (кстати, обязанный своей должностью поддержке

англичан) попытался было ценой неимоверных усилий выплатить свой долг компании и затем ликвидировать предоставленные ей привилегии, компания сумела разбить его армию и заменить его самого более покладистым правителем.

Для успешных военных действий компания должна была иметь собственные боевые силы. И она их имела, причем это были в основном сами же индийцы. Еще французы в свое время первыми наладили практику использования специально обученных индийских войск – сипаев – во главе с французскими офицерами. Этот новый вид войск зарекомендовал себя столь успешно, что англичане приступили к созданию собственных отрядов сипаев. Возглавлявшееся английскими офицерами войско из сипаев было хорошо вооруженной и обученной боевой силой и призвано было играть роль ударного отряда во всех тех столкновениях, где возглавлявшиеся англичанами коалиции войск выступали против их врагов. Более того, англичане со временем стали извлекать из сипайских отрядов даже двойную выгоду, сдавая их внаем, как то было с ландскнехтами в средневековой Европе. Заинтересованное в получении таких отрядов государство или княжество заключало с компанией субсидиальный договор, согласно которому англичане получали ряд прав и привилегий, в том числе обязательство нанимающей стороны платить за наемников-сипаев налоги с определенных округов. Зацепившись за это право, служащие компании обычно выкачивали из отданных им на время округов такие налоговые сборы, которые разоряли местное население.

Злоупотреблений в сфере налогообложения и льгот было так много, что это впоследствии приняло форму международного скандала. Известно, например, что против первого генерал-губернатора Индии У. Хейстингса (Гастингса) было возбуждено судебное дело на уровне парламентского расследования. Дело тянулось несколько лет (1788–1795) и закончилось оправданием обвиняемого. Но сам по себе факт был весьма показательным и побудил Англию принять соответствующие меры. С конца XVIII в. английский парламент стал все активнее вмешиваться в дела компании, принимая все новые и новые акты, каждый из которых усиливал зависимость Ост-Индской компании от правительства. А в августе 1858 г. был принят закон, согласно которому государственная власть в Индии перешла к представителю Англии в статусе вице-короля, обязанного действовать под непосредственным контролем парламента и правительства. Собственно, именно с этого времени Индия стала в полном смысле колонией Великобритании, жемчужиной британской короны. Но это случилось уже во второй половине XIX в., тогда как до середины этого века англичане как раз и стремились всеми силами закрепиться в Индии. Как конкретно это происходило?

Как упоминалось, англичанам в те годы противостояли крупные и достаточно могущественные державы – Майсур с его боеспособной армией, воинственные маратхи, низам Хайдарабада и некоторые другие государства. По крайней мере частично эти государства могли при случае опираться и на помощь, а то и на прямую поддержку соперников англичан в Индии – французов. Но слабость всех этих сильных противников Англии в Индии была в том, что они действовали разрозненно, нередко воевали друг с другом и в связи с этим обращались за помощью к англичанам. Неудивителен и конечный результат: действуя постепенно, шаг за шагом, компания округляла свои владения, теснила

соперников и противников, подчас вынуждая их признать суверенитет англичан. В ходе ряда войн с Майсуром и маратхами Ост-Индская компания добилась того, что два эти наиболее сильные в военном отношении государства перестали существовать (третья англо-маратхская война закончилась в 1819 г. полным подчинением маратхов). Это произвело достаточно сильное впечатление на остальных. Считается, что после захвата войсками компании Дели в 1803 г. и победы над маратхами практически вся Индия, кроме разве северной ее части (Синд, Пенджаб, Кашмир), была уже под контролем англичан.

Завоевание Индии англичанами привело к решительной ломке ее традиционной структуры, причем сразу в нескольких весьма важных аспектах. Богатые доходы, прежде оседавшие в хранилищах султанов и князей и тратившиеся на престижное потребление ими самими и их окружением, теперь в основном шли в казну компании и в немалом количестве вывозились в метрополию. Сокращение престижного потребления вызвало кризис в работавшем на него ремесленном производстве высшей квалификации. Многие лучшие мастера лишились работы, стали разоряться, что не могло не отразиться на общем постепенном упадке высокого стандарта индийского ремесла. К этому стоит добавить, что с начала XIX в. Индию стали наводнять дешевые английские ткани промышленной выделки, ввоз которых подорвал позиции еще одной большой группы ремесленников – всех тех, кто так или иначе был связан с производством и продажей индийских тканей.

Наряду с этим, вмешавшись в традиционные формы земельных отношений в Индии, англичане закрепили за индийскими заминдарами статус земельных собственников. Правда, статус этот не был надежным: если заминдар не сдавал в казну строго установленного с его земель налогового сбора, он легко мог лишиться своего владения, продававшегося в этом случае буквально с молотка в руки того, кто брался регулярно вносить в казну компании указанную сумму. Таким образом, заминдары были в Индии своего рода посредниками-откупщиками, напоминавшими мультазимов на мусульманском Ближнем Востоке. Впрочем, заминдары в Индии были не везде. На некоторых недавно присоединенных землях, в частности в Майсуре, право на землю было признано за полноправными общинниками (система райятвари), в Доабе и Пенджабе – за общиной в целом (система мауза-вар). Но в любом случае приход англичан был силовым вмешательством в традиционно сложившиеся земельные отношения, которые привычно исходили из того, что определенные, пусть неодинаковые, права на землю есть у всех – и у казны, и у князя, и у джагирдара, и у заминдара, и у общины, и у общинников определенных категорий. Вмешавшись со своими европейскими мерками и представлениями, англичане отчасти нарушили стабильный баланс отношений, причем это не могло не сказаться на состоянии традиционной индийской структуры в целом.

Правда, на смену традиционным шли новые формы отношений. Индия активно включалась в мировой рынок, втягивалась в международные торговые связи. Англичане строили здесь железные дороги, налаживали регулярную почтовую связь, возводили промышленные предприятия, создавали колониальную бюрократическую администрацию, весьма отличную от существовавшей там прежде. С одной стороны, это вело к колонизации страны, к превращению ее в

аграрно-сырьевой придаток Англии, к налоговому гнету, разорению ремесленников и крестьян, к страданиям многих людей. С другой – этот болезненный процесс активно способствовал развитию страны, знакомил ее с новыми формами связей и отношений, с производством машинного типа, с основами науки и техники. Англичане и особенно английский язык стали служить чем-то вроде интегрирующего начала, помогающего сплачивать говорящую на разных языках страну в нечто единое и цельное. А это, в свою очередь, с XIX в., особенно со второй его половины, стало основой для становления национального самосознания в Индии, для развития национальных движений.

Глава 8
Китай в раннем средневековье: эпоха Хань и кризис империи

Жестокий экономический и социальный кризис, а также вызванный народным восстанием против деспотии Цинь политический хаос, развал административной системы – все это привело к крайнему упадку Китая на рубеже III–II вв. до н. э. Катастрофически сократилась численность населения. Поля были заброшены, в стране царил голод. Основателю новой династии Хань многое приходилось начинать с самого начала, хотя и далеко не на пустом месте. Напротив, многое было отработано в древности, и на уже оправдавший себя опыт, на давно отработанные институты ханьский Лю Бан вполне мог опереться. Дискредитировавший себя легизм с его жесткими нормами и бесчеловечной практикой для этого не годился – и он был отброшен, пусть и не целиком. Альтернативой оказалось сильно реформированное и приспособленное к нуждам империи конфуцианство. Собственно, именно с этого времени берет свое начало китайская конфуцианская империя, так что можно в качестве условной грани между древностью и средневековьем выбрать рубеж между империями Цинь и Хань. Конечно, есть определенный резон видеть такого рода условную грань между китайской древностью и средневековьем и в 221 г. до н. э., когда была создана империя; многие в Китае так и делают: доциньский Китай в этом смысле – синоним древнего Китая, после чего наступила эпоха свыше чем двухтысячелетней империи. Но коль скоро грань в любом случае условна, то есть весомые основания обратить внимание на то, что китайская конфуцианская империя являла собой некое новое качество, ту модификацию классической восточной структуры, которая заслуживает особой характеристики.

Формирование основ китайской конфуцианской империи при Хань

Свое правление ханьский Гао-цзу (Лю Бан) начал с серии указов и реформ, направленных на восстановление порядка и создание оптимальных форм управления империей. Прежде всего он отменил систему легистского законодательства с ее казарменной дисциплиной и жестокими наказаниями провинившихся. Была объявлена широкая амнистия, а все вернувшиеся в родные места обретали прежний статус и ранг, им возвращались их поля и дома. Налог с крестьян был снижен до

1/15, а затем даже до 1/30 доли урожая, а солдаты армии Лю Бана освобождались от налогов на 12 лет. Правда, взамен власти ввели подушную подать с населения, которую должны были платить все совершеннолетние, от 15 до 56 лет. Восстанавливались разрушенные строения и сооружения, особенно ирригационные. Были освобождены многие государственные и частные рабы.

Империя, как и в эпоху Цинь, была поделена на области, уезды и волости, причем представители общин получили даже большее, чем ранее, представительство в управлении волостями и уездами, где они теперь стали своего рода опорой власти, сотрудниками уездного начальника. Столь же резко, как и циньские правители, – а кое в чем даже и резче, – ханьские императоры ограничивали частных собственников. Богатые купцы облагались тяжелыми налогами, причем всем незнатным богачам, не имевшим престижного социального ранга, было запрещено пользоваться каретами, одеваться в шелка и тем более занимать государственные должности. По-прежнему резко выделялись статусом и местом в обществе чиновники, большинство которых ориентировалось на конфуцианские нормы, связанные с культом высокой (нередко лишь показной) морали, уважением к традициям и семейно-родовым связям. Этот последний момент сыграл свою роль и в организации управления. Не вся страна была поделена на области и уезды. Некоторая ее часть была пожалована в виде наследственных уделов раннечжоуского типа родственникам и приближенным Лю Бана, что рассматривалось в качестве проявления высшего благоволения императора и было явной данью древней традиции.

После смерти Лю Бана (195 г. до н. э.) выявилась недальновидность этого акта. Новые владельцы уделов стали все очевидней проявлять сепаратистские тенденции. Дело кончилось мятежом нескольких из наиболее крупных удельных правителей, с трудом подавленным императором Цзин-ди, который после этого сильно ограничил права владельцев уделов, запретил им иметь свое войско и назначать в уделах своих чиновников. В результате этих нововведений наследственные владения к середине II в. до н. э. превратились в нечто вроде кормлений с весьма ограниченными правами их владельцев. Но окончательный удар по удельным владениям нанес знаменитый ханьский император У-ди, крупнейший и известнейший из правителей Хань, за долгий период правления которого (140–87 гг. до н. э.) были заложены идейные и институциональные основы китайской конфуцианской империи, просуществовавшей с тех пор без заметных структурных изменений вплоть до XX в. Именно У-ди в 121 г. до н. э. издал специальный указ, согласно которому наследственные уделы должны были обязательно делиться между всеми многочисленными детьми их владельцев. Этот указ практически ликвидировал и без того не слишком устойчивый в древнем Китае принцип майората (точнее – права одного, не обязательно старшего, чаще выбранного отцом наследника на родовое владение), что практически означало исчезновение быстро дробившихся уделов.

Во времена У-ди ханьская империя была поделена на 102 области с ответственными перед центром губернаторами. Была установлена сильная бюрократическая администрация, в которой важную роль играли цензоры-прокуроры с правом действенного контроля. Для выкачивания денег из разбогатевших частных собственников была возобновлена система откупов и продажи рангов. У-ди ввел государственную

монополию на выплавку железа и добычу соли, чеканку монет и изготовление вина (здесь часто как раз и действовала система откупов). Были проведены крупные конфискации земли и рабов у чересчур разбогатевших собственников. Вместе с тем некоторым из них предоставили возможность занимать определенные должности, как правило, при условии, что это будет ими хорошо оплачено. Словом, вся система администрации У-ди была скорректирована таким образом, чтобы максимально усилить государство, сделать наиболее эффективной центральную администрацию и выкачать как можно больше средств из кармана частных собственников, предоставляя некоторым из них за это определенные, до того запретные для них привилегии и к тому же используя их знания и опыт в организации необходимых производственных предприятий (система откупов и т. п.).

Казалось бы, здесь много от легизма. И это действительно так. Но при всем том нет оснований говорить о реставрации легистских методов. Суть процесса в ином – в гармоничном синтезе легизма и конфуцианства на конфуцианской основе. Для такого синтеза были, несмотря на кажущиеся антагонизмы между обеими враждующими доктринами, немалые объективные причины. Обе доктрины были социально ориентированными, рационалистичными, обе ставили во главу угла благо государства и народа и считали министров и чиновников важнейшим инструментом осуществления необходимой для этого политики. Различия на этом фоне оказались менее значимыми, нежели того можно было ожидать. Суть их сводилась к тому, что легисты делали упор на кнут, дабы покорить своей воле не понимающий собственного блага народ, который для его же пользы следует ослабить и подчинить сильной власти, тогда как конфуцианцы делали упор на пряник, стремясь управлять с помощью обрядов, ритуалов, этики и традиций. В синтезированном ханьском конфуцианстве нашли свое место и легистский кнут, и конфуцианский пряник, причем и то и другое – во имя единой общей цели, т. е. укрепления централизованной администрации сильного государства, которая к тому же опиралась бы не только и не столько на насилие, сколько на веками отработанные нормы, традиции, на апробированную систему социальных и моральных ценностей.

Отцом ханьского конфуцианства считается Дун Чжун-шу (187–120 гг. до н. э.), создавший новую государственную идеологию на основе наиболее приемлемых для этого идей и нововведений всех других, включая не только легизм, но также и моизм, даосизм, частично некоторые другие второстепенные доктрины китайской древности. При этом его, равно как и всех его последователей на протяжении тысячелетий, никогда не смущал идейно-философский эклектизм новой синтезированной системы ханьского конфуцианства. И это объяснялось даже не столько прагматизмом мышления, что было всегда свойственно китайским мыслителям, сколько трезвым практицизмом целеустановки: главным в новой доктрине были не столько идеи сами по себе, сколько выстроенная на их основе гигантская всеохватывающая система образа жизни и организации управления, норм и институтов. В рамках этой системы все ее многочисленные элементы, несмотря на их гетерогенное происхождение, достаточно удачно гармонировали и подкрепляли друг друга во имя упоминавшейся уже великой цели. И цель эта практически была достигнута: начиная с У-ди конфуцианский императорский Китай, несмотря на взлеты и падения, смену периодов централизации и

децентрализации, катастрофические кризисы, мощные крестьянские восстания и завоевания со стороны северных кочевников, – словом, несмотря на все испытания, всегда существовал в мало изменявшемся по сравнению с Хань виде и даже более того, возрождался из пепла в случае особо острых кризисных ситуаций все в том же раз и навсегда генетически закодированном виде, лишь с второстепенными модификациями.

У-ди вел активную внешнюю политику. При нем на севере были потеснены гунны, на юго-западе присоединена территория протогосударства Намвьет, на востоке захвачена часть Кореи. Но наибольшим успехом внешней политики У-ди следует считать путешествия Чжан Цяня, проникшего в поисках союзников против гуннов далеко на запад и описавшего многие страны Средней Азии (Фергана, Бактрия, Парфия и др.). После возвращения Чжан Цяня вдоль пройденного им маршрута была проложена торговая дорога, знаменитый Великий шелковый путь. Восточно-туркестанская часть этого пути с лежавшими вдоль него небольшими оазисами-протогосударствами была на некоторое время подчинена ханьской власти, распространившей свое влияние до припамирских районов. Торговля по Великому шелковому пути способствовала интенсивному культурному обмену: на запад, в Рим шли китайские шелка и другие раритеты, на восток, в Китай, – некоторые сельскохозяйственные культуры (виноград, гранаты), изысканные изделия (стекло, драгоценности, пряности), подчас даже диковинные звери. Но наиболее ценившимся предметом китайского импорта из Средней Азии были знаменитые ферганские аргамаки. Собственно, с желания заполучить этих столь высоко ценившихся в Китае лошадей и начались походы У-ди на Фергану, сыгравшие вскоре после возвращения Чжан Цяня важную роль в открытии нового торгового пути.

После смерти У-ди ханьский Китай вступил в затяжную полосу стагнации, а затем кризиса и упадка. Ослабление эффективности власти центра способствовало усилению активности частного собственника, что влекло за собой разорение тружеников-налогоплательщиков и тем самым ударяло по интересам казны. Для облегчения участи крестьян в середине I в. до н. э. были сделаны некоторые налоговые послабления, но это мало помогло. В стране в обстановке углублявшегося административного хаоса и неэффективности власти все большую силу приобретали так называемые сильные дома, т. е. богатые землевладельческие аристократические кланы. Как известно, начиная с Хань, все получавшие большие должностные оклады и обогащавшиеся к тому же неправедными способами сановники и чиновники обычно вкладывали свои доходы в землю и тем самым становились частными собственниками. В условиях эффективной власти центра это противоречие легко снималось: любой причастный к власти собственник, как о том уже упоминалось, всегда четко сознавал, что его статус и престиж зависят от его причастности к власти, тогда как его интересы собственника при этом второстепенны. Соответственно причастные к власти и действовали. Несколько иначе складывалась ситуация, по крайней мере в Китае, в условиях кризисов.

Как представитель аппарата власти, чиновник должен был ограничивать собственника, включая и свои интересы. Но коль скоро казна пустела, а жалованье соответственно выдавалось нерегулярно или не полностью, чиновник, во-первых, начинал жестче давить на земледельцев, выжимая из крестьян, и без того обедневших, все новые и

новые поборы, что вело к разорению деревни и дальнейшему углублению кризиса, а во-вторых, оказывал все большее внимание интересам частных собственников, в конечном счете своим собственным. Складывалась парадоксальная ситуация. Личные интересы влиятельных домов страны вступали в противоречие с интересами казны, т. е. государства. Результатом были дальнейшее ослабление государства и политическая децентрализация его, причем на местах все более решающей и практически уже не управляемой силой становились местные богатеи, сильные дома. Тем самым ситуация еще более усложнялась, становилась критической. Только решительные реформы могли выправить дело, и это хорошо понимали в центре.

Реформы Ван Мана и крушение первой династии Хань

Вопрос был в том, кому и как проводить реформы. С общим ослаблением государственной власти императоры обычно теряли контроль над ней, а то и вовсе становились игрушками в руках соперничавших друг с другом клик, прежде всего из числа временщиков, связанных с родней той или иной императрицы, а также становившихся все более влиятельными евнухов гарема. Неустойчивости власти центра способствовала и не устоявшаяся система комплектования аппарата чиновников: наряду со складывавшейся еще со времен У-ди практикой выдвижения в ряды бюрократической элиты тех выпускников столичной конфуцианской школы Тай-сюэ, кто лучше других выдерживал конкурсные экзамены[29], существовали и иные способы. В их числе – традиционный метод выдвижения «мудрых и способных» теми из должностных лиц, кто готов был поручиться за своего протеже. Практически это вело к устройству на теплые местечки родни, что тоже сказывалось на качестве администрации.

Вопрос о принципах и методах комплектования штата администрации имел в Китае в рассматриваемое время более важное значение, нежели то может показаться на первый взгляд. Вспомним, какие надежды возлагал на хорошо подготовленных чиновников Конфуций, видевший в этом ключ к достижению социальной гармонии и процветающего государства. И это не были пустые утопии мечтателя. Бюрократический аппарат, созданный со временем конфуцианством, был действительно уникальным в истории человечества. Но складывался он не сразу. А не устоявшаяся еще практика и соперничество различных методов (их было много больше, чем названо выше) выдвинули на передний план внутриполитической жизни империи после У-ди острую проблему ожесточенного соперничества местной элиты с центральной бюрократией. Ослабевавшая в условиях кризиса бюрократия центра старалась сохранить в своих руках контроль за администрацией по всей империи, а сильные дома, т. е. влиятельные представители местной элиты, всячески противодействовали этому. Они выдвигали своих представителей, которые стремились, и небезуспешно, комплектовать низшие эшелоны власти, уездные органы управления. А так как закрепление на том или ином служебном посту было очень выгодным для данной семьи (некоторые из них выдвигали своих представителей на ту

29 Это был прототип будущей конфуцианской системы экзаменов; количество выпускников школы в то время было небольшим, несколько десятков в год

или иную должность на протяжении ряда поколений и считали эту должность уже как бы своей) и оказывалось предметом зависти со стороны соперничавшей с ней, то неудивительно, что вскоре остро встал вопрос о праве на должность или, точнее, о критериях для назначения на нее.

Поскольку в самом общем виде критерий был незыблем с древности (мудрые и способные), то на передний план вышла проблема оценки кандидата на должность, для чего требовались сведения о нем, т. е. мнение о нем его соседей, знавших его людей. Так возник в ханьском Китае институт «общего мнения», просуществовавший несколько веков и базировавшийся на все более впитывавшихся в гущу китайского народа конфуцианских критериях оценки человека, ориентировавшихся на социальный идеал цзюнь-цзы. Понятно, что на местах, откуда, собственно, и начиналось выдвижение кандидатов на должность, выразителями общего мнения оказывались не только в первую очередь, но практически почти исключительно те самые представители местной элиты, сильных домов, которые были более других образованны, знакомы с конфуцианством. Имея возможность в хороших домашних условиях оттачивать свои добродетели и соперничая за право сделать служебную карьеру, они активно выдвигали кандидатов из своей среды на вакантные должности.

Постепенное тесное слияние, даже фактическое сращивание местной элиты с низшей (а затем и не только низшей) бюрократией в условиях ослабления эффективности централизованной администрации вело к перемещению центра тяжести политической жизни страны с центра на периферию. А это еще более усиливало позиции местных сильных домов, многие из которых на рубеже нашей эры были экономически сильными и крупными хозяйствами, владевшими немалыми землями и большим количеством зависимых людей, прежде всего так называемых гостей (бинькэ, дянькэ, инкэ), т. е. клиентов, работавших на земле хозяина в качестве арендаторов, батраков, подчас даже рабов, а также использовавшихся в качестве слуг и стражников, местного ополчения. Словом, ситуация для молодой, институционально только складывавшейся империи была весьма затруднительной, в некоторых отношениях критической. Помочь решить сложные проблемы могли лишь решительные реформы.

Первая попытка реформ была предпринята в годы правления малолетнего Ай-ди, незадолго до начала нашей эры. Эту попытку постигла неудача, что и подстегнуло к решительному шагу Ван Мана, родственника одной из императриц, влиятельного придворного и ревностного конфуцианца. Отчетливо понимая причины кризиса и явственно сознавая, что сил у него мало, он решился на крутые меры. В 8 г. Ван Ман низложил очередного ханьского императора, малолетнего Ин-ди, и провозгласил императором себя в качестве родоначальника династии Синь. Став императором, Ван Ман приступил к реформам, основное содержание которых сводилось к тому, чтобы любыми способами подорвать силу и влияние местных сильных домов и, разогнав временщиков, резко упрочить позиции государственной власти в империи. Для этого в качестве первой и главной меры все земли в стране были объявлены государственными, а свободная купля-продажа их была строго воспрещена. Конфискованные таким образом земли предназначались для распределения между всеми земледельцами страны

по принципу зафиксированной в трактате «Мэн-цзы» системы цзин-тянь. Эта идеальная система землепользования якобы практиковалась в древности и сводилась к тому, что каждый пахарь имел свое поле: центральное поле в квадрате из девяти участков по 100 му обрабатывалось восемью земледельцами совместно в пользу казны, за что каждый из восьми получал окраинные поля по 100 му в качестве личного надела. Утопичность системы не смутила Ван Мана, ибо главным для него был не строгий порядок в разделенных на квадраты полях, а сам генеральный принцип, заложенный в схему цзин-тянь, при котором нет места никаким посредникам между земледельцами и казной.

Кроме реформ в сфере землевладения и землепользования Ван Ман издал специальный указ о ликвидации частного рабства, запрещении купли и продажи рабов, которые отныне приобретали статус зависимых. И это тоже было ударом прежде всего по сильным домам с их рабами и крепкими патронажно-клиентными связями. Впрочем, Ван Ман не отменил рабство вообще, как институт. Напротив, он усилил значение государственного рабства; в казенных рабов стали обращать всех тех, кто нарушал новые законы либо противодействовал им, кто становился в глазах государства преступником. Кроме того, Ван Ман специальным указом снова ввел потерявшие уже силу государственные монополии на вино, соль, железо, даже кредит. Им были пущены в оборот новые по форме монеты, причем отливка этих монет тоже стала монополией государства.

Реформы Ван Мана по своей направленности были вполне разумными и при умелом проведении их в жизнь могли спасти страну, вывести ее из состояния кризиса. Но слишком резкое и энергичное проведение их в жизнь, да еще в столь необычно утопических формах, которые являла собой система цзин-тянь, вызвало сильное сопротивление в стране, что породило экономический хаос, сумятицу и расстройство. Возможно, Ван Ман со временем сумел бы все это преодолеть и жесткой рукой навести нужный порядок, сделав при этом необходимую корректировку. Однако судьба решила иначе: в II г. своенравная Хуанхэ изменила свое русло, причем это привело к гибели сотен тысяч людей, затоплению многих возделываемых полей, разрушению поселков и городов. Для воспитывавшегося в рамках определенной религиозно-культурной традиции народа, включая и самого Ван Мана, это означало, что великое Небо недовольно реформами и предупреждает о том. Ван Ман вынужден был не только открыто покаяться, но и отменить значительную часть изданных им указов.

Эта вынужденная акция была для него роковой. Противники его возликовали, остальные перестали надеяться на изменение к лучшему; ситуация в стране с каждым днем становилась все запутаннее, кризис продолжал углубляться, в ответ на что все новые отряды разоренных крестьян бежали с насиженных мест, объединялись в отряды недовольных и поднимали восстания. В результате восстаний, следовавших одно за другим, наиболее заметным из которых было восстание «краснобровых» (они красили брови в красный цвет), Ван Ман был свергнут и убит (23 г.), а на смену ему пришел к власти представитель одной из ветвей рухнувшего дома Хань – Лю Сю.

Вторая династия Хань (25–220)

Став императором и приняв имя Гуан У-ди, Лю Сю во многом продолжил начатые Ван Маном преобразования. Он активно преследовал практику порабощения людей и даже освободил казенных рабов. Позаботился он и о том, чтобы крестьяне получили земли и успешно их возделывали, причем частично для этого были использованы пустующие земли государства и некоторых из сильных домов. Была заметно укреплена централизованная администрация, снова сокращен земельный налог до 1/30 урожая. Все эти меры дали результат, и экономика страны быстрыми темпами стала восстанавливаться. Вслед за ней стабилизировалась внутренняя и внешняя политика, что проявилось, в частности, в отражении гуннов (сюнну) и открытии вновь для торговли Великого шелкового пути в результате походов знаменитого полководца и умелого китайского дипломата Бань Чао. Однако эта стабилизация продолжалась сравнительно недолго. Уже с начала II в. положение в стране начало заметно ухудшаться.

Здесь уместно сказать несколько слов об особенностях китайского династийного цикла, наиболее наглядно проявивших себя именно в годы существования империи, начиная с Хань. Как правило, каждая династия сменяла предшествующую в обстановке тяжелого экономического кризиса, социальных неурядиц и ослабления политической централизованной власти, что проявлялось в форме мощных народных движений, подчас в виде вторжений с севера и иностранных завоеваний. Механизм цикла, в ходе которого возникал очередной кризис, достаточно сложен; здесь играли свою роль и экономические причины, подчас и демографическое давление, и экологические, и иные объективные факторы. В самом общем виде дело обычно было связано со следующими процессами.

Китайская сельская община как сильный и тем более эффективно отстаивающий свою автономию институт была разрушена еще в древности. Перед лицом казны каждый двор отвечал сам за себя, при всем том, что казна была заинтересована в облегчении и гарантировании сбора налогов и с этой целью искусственно поддерживала некоторые традиционные формы взаимной ответственности в рамках общинной деревни. Относясь к общине как к важной социальной корпорации, каковой она и была, власти еще во времена реформ Шан Яна в Цинь и затем во всей циньской империи ввели удобный для них метод круговой поруки, создав искусственные объединения дворов в пятидворки, в пределах которых каждый отвечал за выполнение налоговых и иных обязательств четырьмя остальными, вплоть до обязанности восполнять недобор за собственный счет. И хотя этот жесткий метод функционировал в империи не всегда, о нем всегда вспоминали, когда следовало укрепить позиции власти. В частности, это было и при Ван Мане. Сказанное означает, что перед лицом казны все землевладельцы были налогоплательщиками и все были равны в социально-сословном плане. Это касалось и сильных домов. Исключение делалось лишь для некоторых категорий привилегированных лиц – для чиновников и высшей знати из числа родственников императора.

Соответственно для государства существовали лишь две формы земельного владения – государственные (они же общинные) земли, на которых жили и работали обязанные выплачивать ренту-налог в казну и нести различные повинности земледельцы, и казенные служебные земли,

фонд которых предназначался для содержания двора, высшей знати и чиновничества, в основном на началах временного, условного и служебного владения. Земли первой категории чаще всего именовались термином минь-тянь (народные[30]), вторые – гуань-тянь (казенные, чиновные). Вторая категория была сравнительно небольшой, обычно не более 15–20%. Все остальное приходилось на долю минь-тянь. Предполагалось, что земли минь-тянь более или менее равномерно распределены между земледельцами, вследствие чего каждый пахарь имеет свое поле и аккуратно платит налог в казну (земли гуань-тянь тоже обрабатывались крестьянами, но налог с них шел их владельцу – чиновнику, двору и т. п.). Практически, однако, это было лишь в идеале. Реально жизнь складывалась иначе. У одних земли было больше, у других меньше, богатые теснили малоимущих, правдами и неправдами присоединяли к себе их земли и становились еще богаче, превращались в сильные дома, тогда как бедняки лишались последнего клочка земли («некуда воткнуть шило», по выражению китайских источников). Что все это означало для государства для казны?

Традиционное китайское государство с глубокой древности было едва ли не классическим воплощением принципа власти-собственности и централизованной редистрибуции. Именно за счет редистрибуции избыточного продукта существовал веками тот хорошо продуманный и почти автоматически воспроизводившийся аппарат власти, который управлял империей. Пока крестьяне имели наделы, обрабатывали землю и платили ренту-налог в казну, структура китайской империи была крепкой и жизнеспособной. Но коль скоро земли в значительном количестве переходили к богатым землевладельцам – а это рано или поздно всегда случалось, – ситуация начинала меняться. Богатые владельцы земли, сдававшие ее в аренду нуждающимся за высокую плату, отнюдь не всегда с готовностью брали на себя выплату в казну причитающегося ей налога. Напротив, богатые земледельцы обычно уменьшали ту долю налога, которую должны были платить в казну. И они имели для этого немало возможностей, начиная с того, что из их числа выходили чиновники, в руках которых была власть (своя рука всегда владыка), и кончая возможностью дать взятку тем же чиновникам и с их помощью избавиться от большей части налога.

Результат всегда был однозначным: казна недополучала норму прихода, аппарат власти был вынужден довольствоваться меньшим, т. е. затягивать пояса, причем это нередко, как упоминалось, компенсировалось усилением произвола власти на местах (новые поборы, принуждения к взятке и т. п.). Это, в свою очередь, вело к углублению кризисных явлений как в сфере экономики (потеря имущества, затем и земли), так и в социальных отношениях (недовольство крестьян и их побеги, появление разбойничьих шаек, восстания), а также в области политики (неспособность правящих верхов справиться с положением, возрастание роли временщиков, заботившихся лишь о том, чтобы половить рыбку в мутной воде, и т. п.). Собственно, именно к этому и сводился обычно в истории Китая династийный цикл.

Циклы такого рода были не только в Китае, и об этом уже шла речь,

30 Иногда этот термин смущает исследователей, упускающих из виду, что реально это были земли, верховную власть на которые имело государство, время от времени свободно ими распоряжавшееся, в частности, наделявшее ими крестьян после кризисов

когда говорилось о смене периодов централизации и децентрализации в различных государствах Востока, начиная с Древнего Египта. Но в китайской истории династийные циклы всегда были наиболее наглядны, это своего рода эталон, с помощью которого лучше всего можно вычленить и проанализировать само явление как таковое. Цикл завершался обычно воцарением новой династии, что вело к ликвидации кризиса частично за счет уничтожения в огне мятежей и войн богатых собственников, отчасти за счет общего уменьшения погибшего в годы войн и неурядиц населения страны, а также возникавшей вследствие этого благоприятной возможности вновь раздать каждому из уцелевших надел земли, дабы они исправно работали и платили налоги, вначале заметно уменьшенные.

Можно добавить ко всему сказанному, что иногда привычный цикл усложнялся за счет предпринимавшихся властями более или менее удачных реформ, с помощью которых кризис временно снимался усилиями сверху. В этих нередких случаях династийный цикл как бы прерывался посредине. Но вскоре процесс начинался заново, завершаясь, как обычно. К числу удачных реформ относились те, которые реально гасили кризисные явления. Реформы Ван Мана, при всей их комплексности и потенциальных возможностях, к ним отнести нельзя. Первая династия Хань пала жертвой кризиса. Начало второй династии Хань было связано с его преодолением. Но прошло немного более века – это довольно обычный срок в рамках цикла, о котором только что шла речь, – и состояние процветания, в котором находилось ханьское государство, вновь пришло к концу. Во второй четверти и особенно с середины II в. стали все ощутимее проявлять себя симптомы дестабилизации, а затем и нового приближающегося кризиса.

Процесс обезземеливания крестьян с начала II в. шел все возраставшими темпами, как за счет поглощения земель богачами, так и в процессе своего рода коммендации, т. е. добровольной отдачи своих земель, себя и своей семьи под покровительство сильного дома с целью получения от него защиты в смутное время, связанное с ослаблением эффективности власти центра. Явление это, хорошо знакомое и другим обществам в периоды феодальной раздробленности и междоусобиц, приводило к формированию устойчивых патронажно-клиентных связей, что в конечном счете опять-таки усиливало позиции сильных домов и ослабляло позиции казны. Процесс протекал на фоне очередного острого политического кризиса в ханьском императорском доме: начиная с II в. власть правителей ослабевала за счет усиления временщиков из числа родни влиятельных императриц. Активную роль в политике вновь стали играть евнухи, имевшие уникальную возможность быть опосредующим звеном между внутренними покоями двора и внешними связанными с гаремом силами. Усиление временщиков и евнухов влекло за собой неизбежное ослабление позиций служилой конфуцианской бюрократии, вплоть до высших сановников империи.

Следствием всего этого был не просто упадок власти, но также и рост произвола и беззаконий, особенно со стороны влиятельных временщиков, стремившихся не упустить свой час. Беззакония и произвол в свою очередь рождали в народе резкое недовольство, находившее свое наиболее заметное отражение как в росте волнений и восстаний, так и в усилении так называемой чистой критики со стороны влиятельных конфуцианцев, включая и многие сильные дома. Центром критики стали

учащиеся столичной школы Тай-сюэ, где готовились кадры чиновников. В 60–70-е годы II в. борьба между чиновниками и сочувствовавшими им конфуцианцами с их чистой критикой, с одной стороны, и временщиками и евнухами – с другой, обострилась до предела. Страна была на грани политического краха.

Именно в это время начал набирать силу все возраставший социальный протест, принявший форму сектантского движения под лозунгами даосизма. Последователи философского даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы к этому времени трансформировались в сторонников даосизма религиозного, в центре которого оказались извечные крестьянские идеалы «великого равенства» (тай-пин) и надежды на мистические методы достижения долголетия и бессмертия. Глава секты «Тайпиндао» Чжан Цзюэ, прославившийся искусством врачевания и, по преданию, спасший в тяжелые годы эпидемии множество стекавшихся к нему и веривших в его чудодейственную силу людей, на рубеже 70–80-х годов неожиданно оказался во главе многочисленной и активной секты сторонников нового «желтого» неба, которое в 184 г. (начало очередного 60-летнего цикла, игравшего в Китае роль века) должно было прийти, по представлению сектантов, на смену погрязшему в пороках «синему» небу Хань. Покрывшие свои головы желтыми повязками сторонники секты планировали именно в этот сакральный момент поднять восстание, о чем было известно уже всем в Китае.

Власти попытались было предупредить восстание, которое вследствие этого началось преждевременно, что сказалось на его ходе и результатах. Первые успехи восставших оказались недолгими и в конечном счете движение потерпело поражение. Однако подавление восстания Желтых повязок оказалось пирровой победой для Хань: имперская администрация и двор вскоре после этого потеряли всякое влияние на ход событий, а главную роль в деле окончательного подавления рассеявшихся по стране мятежников и во всей последовавшей за этим политической борьбе стали играть удачливые военачальники, опиравшиеся на сильные дома. Можно считать, что с этого момента – с конца II в. – на передний план в жизни Китая на несколько веков вышли военные, а военная функция стала ведущей в политической жизни распавшейся на части бывшей империи.

Эпоха Троецарствия (220–280) и империя Цзинь

Конец II и начало III в. прошли в Китае под знаком внутриполитических междоусобиц, в ходе которых на первый план вышло несколько наиболее удачливых полководцев. Один из них, знаменитый Цао Цао, господствовал на севере, в бассейне Хуанхэ, где в 220 г. его сын Цао Лэй провозгласил себя правителем государства Вэй. Другой, Лю Бэй, претендовавший на родство с правящим домом Хань, вскоре объявил себя правителем юго-западной части страны Шу. Третий, Сунь Цюань, стал правителем юго-восточной части Китая, царства У. Возник феномен Троецарствия, короткая история которого овеяна в китайской традиции ореолом рыцарского романтизма – достаточно напомнить о романе «Троецарствие», написанном тысячелетие спустя и красочно, в героических тонах повествующем о событиях III в.

Как упоминалось, военная функция в это время была практически ведущей в Китае. Страна, разоренная долгими десятилетиями восстаний

и междоусобиц, безвластия и насилия, уже давно забыла о спокойной жизни. Даже в землепользовании едва ли не главной формой стали так называемые военные дворы (в царстве Вэй, по некоторым данным, они составляли до 80% податного населения) и военные поселения. В военные дружины превратились и клиенты сильных домов – да и как иначе можно было защитить себя и свое имущество в то смутное время? Выход на передний план военной функции возродил в среде китайской образованной части населения феномен рыцарского романтизма, столь характерный в свое время для периода Чуньцю, в VII–VI вв. до н. э. и прославленный в историографической конфуцианской традиции. Идеи верности и преданности патрону до гроба, культ рыцарской этики и аристократизма, боевое братство и спаянность единомышленников-друзей – все это в суровых условиях военных лет не только возродилось, но и стало на некоторое время как бы первоосновой реального политического бытия. И если все эти не столько даже новые, сколько заново расцветшие институты не изменили кардинально структуры китайского общества, то причиной этого были давно уже устоявшееся конфуцианское отношение к миру и обществу и соответствующим образом ориентированные конфуцианские политические институты.

Дело в том, что в традиционном китайском обществе статус военного не был почетен – «из хорошего металла не делают гвоздей, хороший человек не идет в солдаты». Конечно, временами без войн и военных не обойтись. Но это не основание для того, чтобы считать военное дело престижным занятием. В отличие от других восточных обществ, от Турции до Японии, включая арабов, индийцев и многих других с их иктадарами, джагирдарами, тимариотами, самураями и т. п., китайцы никогда не ценили воинов-профессионалов. Их армия обычно набиралась из деклассированных элементов (откуда и приведенная выше поговорка) и возглавлялась малообразованными в конфуцианском смысле и потому не очень уважаемыми обществом военачальниками. Только в те годы, когда военная функция оказалась ведущей, ситуация менялась. Но и тогда статус военного не становился слишком почетным, а как только нужда в большой армии исчезала, уходили в прошлое военные дворы и военные поселения.

И наоборот, в Китае всегда, даже в периоды смут и усобиц, высоким социальным статусом и соответствующим престижем пользовались грамотные и образованные конфуцианцы, знатоки истории и ценители поэзии, люди мудрые и ученые, хорошо знакомые с высокими тонкостями нормативной этики и пышного, детально разработанного китайского церемониала. Собственно, речь идет о том самом слое служивых ши, который сформировался еще в Чуньцю и из которого вышли мудрецы, министры и реформаторы древнего Китая. Постепенная конфуцианизация этого слоя в Хань и концентрация большинства его представителей в бюрократическом чиновничестве и сильных домах привели к появлению нового качества, т. е. к превращению древних служивых ши в тип духовной элиты страны, чье поведение и чьи идеи призваны были отражать и формулировать общественное мнение, причем обычно в его самой бескомпромиссной и теоретически рафинированной форме («чистая критика»). Таким образом, вырабатывался жесткий стереотип, своего рода китайский конфуцианский генотип, носителями которого были аристократы конфуцианского духа и который с честью выдержал испытание временем, содействуя каждый раз возрождению

конфуцианской китайской империи. А добиться этого в III–VI вв. было нелегко, ибо помимо выхода на авансцену военных и общего огрубления жизни возникли в то время и некоторые иные моменты, прямо провоцировавшие кардинальные перемены в жизни Китая, – речь идет о вторжении кочевников, о проникновении в страну буддизма, об ассимиляции некитайского (в культурном плане) населения юга страны.

Краткий период Троецарствия, приведший к образованию двух самостоятельных государств на слабо освоенном до того юге Китая, способствовал освоению юга. Далеко не случайно именно в южных царствах, особенно в лесных и горных районах Шу, военная доблесть полководцев Чжугэ Ляна или Гуань Юя (впоследствии обожествленного, ставшего богом войны Гуань-ди) имела особый смысл и оказалась прославленной в веках. Что касается внутриполитических событий, то наиболее драматический характер они имели в северном Вэй, где потомки Цао-Цао уже к середине III в. утратили власть, перешедшую к могущественному клану полководца Сыма. В 265 г.

Сыма Янь основал здесь новую династию Цзинь, которой вскоре, в 280 г., удалось подчинить себе Шу и У, объединив под своей властью снова весь Китай, правда, лишь на несколько десятилетий.

Объединение страны в 280 г. функционально было как бы концом очередного династийного цикла, что и нашло свое отражение в реформах Сыма Яня: согласно декрету от 280 г. все население страны получало семейные наделы (70 му мужчине, 30 му женщине); за право их обработки каждая семья обязана была обрабатывать другие земли (50 му мужчина и 20 му женщина), с которых казна брала налог. Условия пользования обоими наделами, как они изложены в источниках, не вполне ясны и вызывают различное толкование специалистов. Одно несомненно: указ о введении надельной системы был направлен на то, чтобы подорвать позиции частного землевладения сильных домов и предоставить всему населению страны возможность получить землю от государства на выгодных условиях.

В начале правления новой династии интересы централизации власти всегда требовали именно этого. Однако в данном случае реформа была, видимо, мертворожденной. Во-первых, потому, что одновременно с ней Сыма Янь, действовавший по традиции, имел неосторожность выделить своим родственникам крупные автономные уделы, превратившиеся вскоре в государства в государстве, что послужило после смерти основателя династии причиной мятежа («мятеж восьми ванов»), подавленного лишь в начале IV в. Во-вторых, из-за того, что у правителей новой династии практически не было ни времени, ни сил, чтобы проследить за проведением реформы в жизнь по всей стране, ибо с начала IV в. кочевые северные племена одно за другим стали вторгаться в Северный Китай, вследствие чего империя Цзинь прекратила свое существование, а на смену ей пришел период Нань-бэй чао, южных и северных династий.

Китай в период Нань-бэй чао (IV–VI вв.)

Трудно с точностью сказать, какие именно причины послужили основой для серии вторжений с севера, волна за волной захлестывавших Китай в IV в. Существует теория, суть которой сводится к тому, что

цикличные колебания климата, весьма сурово сказывавшиеся на образе жизни кочевников (холода – нехватка трав – бескормица и падеж скота), временами буквально толкали кочевые племена на перемену привычных мест и условий существования. Сами по себе такие перемещения для кочевников несложны и не несут угрозы окружающим. Но в исключительных ситуациях (гунны при Аттиле или монголы при Чингис-хане) натиск кочевников мог оказаться неотразимым и повлечь за собой далеко идущие последствия. Нечто в этом роде произошло в Китае: кочевые племена северной степной полосы, уже с Хань частично кочевавшие под строгим контролем властей в северокитайских степях южнее Великой стены, с начала IV в. стали проявлять невиданную прежде активность и склонность к массовым перемещениям на юг, в ту зону земледельческого хозяйства, которая явно не соответствовала их привычным условиям существования.

Сначала это было нашествие гуннов (сюнну), которые в 311 г. заняли Лоян, а в 316 г. – Чанань, после чего остатки династийных владений Цзинь оказались сконцентрированы лишь на юге и юго-востоке страны, в результате чего династия изменила свое название на Восточную Цзинь (317–420). Затем вслед за гуннами в Китай вторглись другие племена – сяньбийцы, цяны, цзе, ди и т. п. Все они шли волнами, одна за другой, причем после каждой из этих волн в Северном Китае возникали новые царства и правящие династии, иногда сосуществуя рядом. «Шестнадцать царств пяти северных племен» – так это именуют китайские источники. Для всех этих династий-царств, принимавших классические китайские названия (Чжао, Янь, Лян, Цинь, Вэй, Хань, Дай и др.), были характерны две политические тенденции.

Одна из них – варваризация привычного для оседлых китайцев образа жизни, включавшая невиданный в конфуцианском Китае разгул жестокости, произвола, пренебрежения к жизни человека, вплоть до массовых убийств, не говоря уже о царившей при дворах новых правителей обстановке нестабильности, заговоров, казней, переворотов и поголовном истреблении проигравших противников с их семьями. Эта варваризация и неустойчивость политической власти вызывала рост межплеменной вражды и массовое бегство китайцев на юг, в Восточную Цзинь. Вторая тенденция имела обратный характер и сводилась к активному стремлению воцарившихся племенных вождей кочевников использовать китайский опыт администрации и китайскую культуру для стабилизации своей власти, что вело к постепенной китаизации иноземных захватчиков, к тому же охотно бравших себе в жены китаянок. С течением времени вторая из этих противостоявших друг другу объективных тенденций вышла на передний план и стала ведущей. И хотя с каждой очередной волной иноземного нашествия эффект варваризации как бы возрождался, в конечном счете все волны были погашены мощью китайской конфуцианской цивилизации.

Нет слов, IV век оставил свои следы и в ней. Однако не стоит придавать – во всяком случае в плане исторической ретроспекции – слишком большое значение воздействию кочевников на Китай, как то подчас делается. Эффект китаизации в конечном счете не только нейтрализовал кратковременный процесс варваризации Северного Китая, но и добился большего: под воздействием китайской культуры наводнившие Северный Китай кочевники в V–VI вв. окитаились настолько, что к концу VI в. их потомки, включая и правителей, причем их в первую

очередь, стали обычными китайцами. По меньшей мере с Хань в Китае бытовал афоризм: «Можно завоевать империю, сидя на коне, но нельзя управлять ею, сидя на коне», – и это как раз означало, что воздействие китайской культуры рано или поздно приводило к ассимиляции и китаизации любого завоевавшего страну этноса, тем более что завоевателями были сравнительно отсталые по сравнению с китайцами народы, чаще всего кочевники.

В конце IV в. политической раздробленности и междоусобицам на севере пришел конец: вождь одного из сяньбийских племен Тоба Гуй захватил власть на территории всего бассейна Хуанхэ и основал династию Северная Вэй (386–534). Ликвидировав соперников, правители династии Тоба стали проводить энергичную внутреннюю и внешнюю политику. В борьбе с южно-китайским государством Сун они одерживали успех за успехом, достигнув к концу V в. берегов Янцзы в районе ее низовьев. Внутренняя политика сяньбийских правителей сводилась к китаизации администрации, хотя этот процесс и был осложнен в 50–70-е годы V в. междоусобными распрями при дворе. Особо следует сказать об аграрной политике правителей из дома Тоба. Еще Тоба Гуй начал переселение китайских земледельцев поближе к столице, дабы обеспечить снабжение ее зерном. Переселение было чем-то вроде наделения крестьян землей за счет государства. Эта практика длительное время отшлифовывалась, пока в конце V в. после преодоления всех внутренних усобиц не наступило время для серии реформ в более широком масштабе.

Согласно указу от 485 г. была официально возрождена введенная двумя веками ранее Сыма Янем надельная система. Надел на мужчину равнялся 40 му (женщине – 20), но к семейному наделу добавлялись теперь дополнительные наделы на вола или раба, если они были (а в завоеванном кочевниками Северном Китае было и достаточно скота, и немало обращенных в рабов). Кроме того, каждая семья получала 20–30 му приусадебной садово-огородной земли, которая не подлежала спорадическим перераспределениям вместе с наделами пахотной земли, а закреплялась за двором как бы навечно. Чиновники, как то было и при надельной реформе Сыма, получали служебные наделы во временное условное владение, причем обрабатывали их земли обычные крестьяне, платившие налог не в казну, а владельцу служебнбго надела. Введение надельной системы не исключало существования частного землевладения сильных домов или храмов, равно как и казенного землевладения членов царского дома. Однако оно означало заметный сдвиг в сторону перераспределения земельного фонда и было направлено, как и реформа Сыма в 280 г., на ограничение различных форм частного землевладения. Одновременно введенная издревле известная в Китае административная система круговой поруки в рамках пятидворок тоже была призвана ослабить влияние богатых домов на местах.

Реформы Тоба Хуна, о которых идет речь, включали в себя также запреты носить сяньбийскую одежду и говорить по-сяньбийски при дворе. Всем знатным сяньбийцам было предложено сменить имена и фамилии на китайские. Правда, спустя несколько десятилетий, когда на смену единому северному сяньбийскому государству пришли два других (Северное Ци, 550–577 гг., и Северное Чжоу, 557–581 гг.), эти запреты были забыты, а вместо них наступила короткая эпоха так называемого сяньбийского ренессанса, т. е. возрождения среди правящих верхов сяньбийской культуры, включая и имена. Однако ренессанс был

недолгим: в VI в. сяньбийский Северный Китай превратился по существу в китайский. И едва ли стоит этому удивляться: иноземцы составляли в Северном Китае едва 20%; все остальное население, несмотря на массовые миграции китайцев на юг, было китайским.

Что касается Южного Китая и так называемых южных династий, то их история в IV–VI вв. кое в чем заметно отличалась от северокитайской, хотя и были некоторые общие черты. То главное общее, что объединяло север и юг, заключалось в крупномасштабном перемещении народов, в их миграциях и ассимиляции. Как только север стал подвергаться варварским вторжениям, сопровождавшимся массовыми уничтоженьями и порабощением китайцев, сотни тысяч их, причем в первую очередь богатые и знатные, хозяева сильных домов и образованные конфуцианцы-ши, мигрировали на юг – всего, по некоторым подсчетам, до миллиона человек. Южные районы, сравнительно недавно присоединенные к империи и еще далеко не освоенные ею, были неспокойным местом. Именно там в эпоху Троецарствия велись нескончаемые войны, в которых принимали участие и аборигенные племена. Пришлые с севера раньше всего заселили плодородные речные долины, где стали активно выращивать рис. Рисовый пояс Южного Китая со временем стал основной житницей империи.

Пришельцы с севера, среди которых видное место занимала знать, включая и императорский двор (династия Восточная Цзинь), стали не только преобладать. Они принесли с собой довольно высокий уровень культуры, как материальной, так и духовной. Конечно, то и другое существовало на юге и до того, как были там свои сильные дома и конфуцианцы-ши. Но волна мигрантов с севера означала резкое ускорение процесса конфуцианизации южных районов, включая и колонизацию земель, и китаизацию населения, и ассимиляцию местных народов. Все это дало свои результаты. Уже с V в. на плодородных полях рисового пояса начали собирать по два урожая в год, что практикуется и поныне. На юге быстрыми темпами стали создаваться новые города, развиваться старые и возникать новые виды ремесел, расцветать торговля и товарно-денежные отношения.

Несмотря на то что южные династии тоже достаточно быстро сменяли друг друга (Сун, 420–479; Ци, 479–502; Лян, 502–557; Чэнь, 557–589; сосуществовавшая с ней Поздняя Лян, 555–587), в целом правление на юге более отвечало привычным китайским стандартам. Центральная власть в периоды ее укрепления проявляла заботу о пополнении рядов податных крестьян и даже временами пыталась организовать войны с целью освободить северные земли от кочевников, впрочем, без успеха. На юге сосредоточился центр китайской культуры: здесь жили выдающиеся ученые, поэты, мыслители, энергично развивался укрепившийся в Китае еще во II в. буддизм.

Справедливости ради нужно заметить, что правители северных династий тоже покровительствовали этой появившейся из Индии религии, развивавшейся вначале усилиями западных миссионеров. По всему Китаю, как на севере, так и на юге, активно строились буддийские храмы, создавались монастыри, которым отписывалось немалое количество земли с обрабатывавшими ее крестьянами. Буддизм попал в Китай в очень удачное для себя время: обстановка междоусобиц и варварских нашествий ослабила не только центральную власть, но и официальное конфуцианство, которое не сумело пресечь попытки чужой

религии укрепиться в Китае. Что же касается противостоявших конфуцианцам даосов, то они даже помогли буддизму укрепиться: именно из их рядов выходили первые китайские буддисты, их термины и понятия использовались буддийскими монахами в качестве нужных китайских эквивалентов при переводе на китайский язык древних буддийских текстов на пали и санскрите. Ко всему этому стоит добавить, что в смутное время войн буддийский монастырь с его глухими стенами давал возможность страждущим найти приют, беглецам – покой и отдых, усталым интеллектуалам – необходимое уединение, возможность для спокойного общения. Все эти факторы помогли буддизму не только укрепиться в Китае, но и стать там процветающей религией, постепенно приспособившейся к условиям Китая и заметно китаизировавшейся.

И еще одно важное обстоятельство необходимо отметить: бежавшие на юг аристократы и знатоки конфуцианства, включая представителей известных в Китае сильных домов, принесли с собой в Южный Китай освященные конфуцианской этикой нормы социально-семейных отношений, в том числе практику совместного проживания нерасчлененными семьями, большими кланами, особенно характерную для социальных верхов. Хотя подобная практика была, видимо, неплохо знакома и не слишком еще развитому местному населению, важно в данной связи отметить одно: именно социальные верхи, осев на юге в наилучших местах, способствовали укреплению в южных районах Китая поселений кланового типа, подчас одноклановового. Южный Китай стал и средоточием китайской традиционной культуры (обогащенной буддизмом), и образцом конфуцианских норм кланового общежития, и вообще конфуцианских этических ценностей. Все это со временем начинало цениться и на севере, где выходцы из Южного Китая в V–VI в. пользовались немалым почетом, а иногда и приобретали высокие посты и соответствующий официальный престиж.

В заключение стоит обратить внимание на специфику сложившейся в Китае в IV–VI вв. ситуации: все многочисленные и весьма непростые политические, этнокультурные, социальные и экономические процессы, которые в своей совокупности в иной конкретно-исторической ситуации вполне могли бы кардинально изменить облик государства либо направить его дальнейшее развитие по несколько иному пути – как это случилось, скажем, с Ближним Востоком и даже частично с Индией после исламизации, – в конфуцианском императорском Китае ни к чему похожему не привели. Не стало империи, было сильно ослаблено официальное конфуцианство, но глубинная основа того и другого, отработанная еще в Хань и приобретшая силу социального генотипа, во многом определяла эволюцию страны в период ее раздробленности и ослабленности. Пережив эпоху Нань-бэй чао, страна возродилась, а с ней восстановилась и конфуцианская империя.

Глава 9
Китайская конфуцианская империя в период расцвета (VI–XIII вв.)

Процесс китаизации как варваризованного севера, так и энергично осваивавшегося юга, в ходе которого основные ценности китайской

конфуцианской культуры, включая и политическую (система администрации, принципы взаимоотношений государства и общества и т. п.), были заново широко распространены по всему Китаю, создал, как это было и тысячелетием раньше при Цинь Ши-хуанди, серьезные предпосылки для объединения страны. В 581 г. полководец царства Северное Чжоу Ян Цзянь, проведший незадолго до того ряд успешных войн и, в частности, разгромивший северокитайское царство Ци, объединил весь Северный Китай под своей властью, провозгласив новую династию Суй (581–618). Уничтожив вскоре после этого южнокитайское государство Чэнь, Ян Цзянь (суйский Вэнь-ди) оказался во главе объединенного им Китая.

Придя к власти, Вэнь-ди провел ряд важных реформ, направленных на укрепление централизованного государства. Были унифицированы меры и выпущены новые стандартные монеты, упорядочены налоги и отменены все чрезвычайные поборы. Центральной частью реформ, как это всегда бывало в аналогичной ситуации, оказалось решение острых проблем землевладения и землепользования. Отталкиваясь от принципов северокитайской надельной системы (реформы Сыма Яня в 280 г. и Тоба Хуна в 485 г.), император сделал все, что мог, дабы выбить почву из-под ног сильных домов. Каждый пахарь должен был иметь свое поле и платить налог государству – примерно таким был девиз Вэнь-ди. В основе обновленной им аграрной надельной системы лежал принцип права каждого мужчины, каждой женщины и вообще каждого взрослого, вплоть до раба (раб в Нань-бэй чао привычно воспринимался в качестве младшего члена семьи), на земельный надел: 80 му – мужской, 40 – женский. С семейного среднего надела (120 му) взимался небольшой налог в три даня (дань – примерно центнер) зерна. Кроме того, существовала промысловая подать (женщина сдавала в казну шелк или пряжу) и трудовая повинность (20 дней в году для мужчин). Был произведен тщательный учет населения и выявлено свыше 1,5 млн. крестьян, не входивших ранее в списки податных. Кроме того, сравнительно щедрое наделение землей побудило суйские власти нарезать целинные и залежные земли, что привело к невиданному прежде росту клина возделываемых полей – с 19,4 до 55,8 млн. му за немногие десятилетия правления династии Суй.

Не все эти земли, однако, возделывались крестьянами, получившими наделы от государства. Часть земельного клина по-прежнему находилась в распоряжении титулованной знати и чиновников, чьи служебные и жалованные земли обрабатывались крестьянами тех мест, где эти земли располагались. Нет данных, которые свидетельствовали бы о том, на каких началах обрабатывались эти категории земли. Но следует полагать, что условия были для земледельцев приблизительно такими же, – в противном случае ничто не мешало крестьянину уйти на новые места и получить собственный надел, щедро выделявшийся каждому. Что же касается бывших сильных домов, количество и влияние которых в Суй стали быстро уменьшаться, то следует предположить, что надельная система Вэнь-ди коснулась и их. И хотя на всех своих рабов и клиентов сильный дом мог получить в совокупности достаточно большое количество земли (т. е. сохранить значительную часть того, что имел), да к тому же на сравнительно льготных условиях (с раба и, видимо, с зависимого налог брался в половинном размере, хотя надел ему давался полный), эпоха процветания таких хозяйств была уже позади, что следует

считать естественным для периода господства сильной централизованной власти.

В 605 г. Вэнь-ди заменил его сын – знаменитый суйский Ян-ди, заслуженно снискавший себе репутацию деспота под стать Цинь Ши-хуанди. Действуя весьма жесткими силовыми методами, хотя и ориентируясь при этом на конфуцианство как идейную основу, Ян-ди стремился создать мощную империю. В пышно отстроенную им столицу Лоян он переселил 10 тыс. богатых семей из разных районов страны, оторвав их от родных мест и поставив под свой контроль, – метод, примененный в свое время и Цинь Ши-хуанди. В районе Лояна были выстроены роскошные дворцы, а также огромные зернохранилища, причем для транспортировки налогового зерна с юга, который стал уже основной житницей страны, был вырыт Великий канал, связавший Янцзы с Хуанхэ. На обслуживании этого сооружения со всеми его шлюзами и иными устройствами было занято, по некоторым данным, до 80 тыс. человек.

Ян-ди предпринял работы и по реконструкции Великой стены, которая за тысячелетие пришла в упадок. Едва ли это сооружение могло сыграть серьезную роль в деле защиты от вторжений кочевников – а именно для этого оно было в свое время задумано. Практика показала, что стена вторжениям не мешала, разве несколько осложняла их, заставляя кое-где делать объезды. Но как символ, как дело престижа, как желание показать, что в дальнейшем империя вторжений с севера допускать не намерена, ремонт стены был вполне уместным. Словом, суйский Ян-ди вел одновременно несколько колоссальных строек, каждая из которых требовала миллионов рабочих рук и огромных средств, не говоря уже о том, что оказывалась могилой для десятков, а то и сотен тысяч людей. Если прибавить к этому, что параллельно Ян-ди пытался вести активную внешнюю политику и постоянно воевал – то с Тюркским каганатом, то во Вьетнаме, то в Корее, – ситуация прояснится еще больше. Как то было и во времена Цинь Ши-хуанди, страна не выдержала тяжести возложенного на нее бремени.

В 614 г., после нескольких безрезультатных и очень дорого обошедшихся империи походов в Корею, в Китае одно за другим стали вспыхивать восстания. К выступлениям крестьян вскоре присоединились заговоры недовольной правлением Ян-ди знати. Император был вынужден бежать из столицы, но это ему не помогло: Ян-ди был убит, а правителем новой династии Тан провозгласил себя один из его военачальников и родственников по женской линии Ли Юань.

Расцвет империи при династии Тан (618–907)

Ли Юань и особенно его сын Ли Ши-минь (Тай-цзун, 626–649) заложили фундамент процветания китайской империи. Было покончено с крестьянскими восстаниями (руководитель наиболее заметного из них, Доу Цзянь-дэ, провозгласивший было себя правителем созданного восставшими государства, был предан казни); прекращены траты на дорогостоящие престижные стройки, более умело стала вестись внешняя политика, что не замедлило дать результаты: в 630 г. тюрки были разгромлены, их султан Селим попал в плен, а значительная часть каганата вошла в состав Китая. Но главное, что способствовало

стабилизации танского Китая, – это хорошо продуманная внутренняя политика первых правителей династии.

По декрету 624 г. была подтверждена в чуть измененном виде надельная система: женщины (если в семье был мужчина) земли не получали, мужчины получали по 80 му, женщины-вдовы – по 30 му (при этом они освобождались от налогов). Зерновой налог с мужского надела равнялся двум даням, причем некоторые категории семей имели налоговые льготы. Как и прежде, все наделы считались временными, т. е. давались от имени государства на период трудоспособности и соответственно регулярно перераспределялись, для чего всюду велись строгие реестры тяглых и свободных от тягла, владевших наделами разных категорий, а также беглых, пришлых и иных жителей. Пришлые обычно получали для обработки наделы беглых на правах своеобразной аренды от имени деревни – ведь вместе с надельной системой восстанавливался и принцип круговой поруки, так что пятидворка, да и деревня в целом отвечали за выплату налога каждым, включая и беглых. К слову, беглых никто и никогда не преследовал. Любой мог по разным причинам покинуть дом и надел, причем за ним долго еще сохранялось право вернуться и получить свой дом и участок – в этом случае занимавший то и другое пришлый должен был безропотно отступить. Но это была только правовая норма; реальная же практика обычно сводилась к тому, что пришлые – те же беглые, из других мест – приживались на новых местах, хотя и имели при этом несколько менее выгодный в правовом плане статус.

Важно добавить, что аграрная система в целом была много сложнее, чем она только что была описана. В тех районах, где земли не хватало («тесные» районы), наделы соответственно уменьшались. Там, где ее было вдоволь, земли давались щедро, нередко с расчетом на трехпольный севооборот. Определенную долю обычного надела могли дать на нетрудоспособных и престарелых. Что касается казенных полей, то титулованной знати их давали в наследственное пользование, правда, не в вечное, ибо, согласно китайским правовым нормам, степень знатности понижалась с каждым поколением на ступень, а после пятой ступени исчезала вовсе. Другая часть казенных земель, как обычно, предоставлялась чиновникам в качестве служебных наделов, т. е. должностных земель на срок службы. В том и другом случае имелось в виду не столько владение казенными землями, сколько право на ренту-налог с указанных земель.

Земельная реформа и реализация налоговой системы в рамках надельного землепользования обеспечили казну регулярным притоком дохода, а государство – необходимой рабочей силой (трудовые повинности). То и другое способствовало укреплению инфраструктуры империи – строились дороги, каналы, дамбы, дворцы, храмы, целые большие города. Расцветали ремесло и торговля, включая казенное ремесло, где обычно сосредоточивались лучшие мастера высокой квалификации, работавшие в порядке трудовой повинности либо сверх этого по найму. Ремесло и торговля находились под строгим контролем государства, специальных чиновников, которые через посредство глав туаней и ханов (цехов и цехо-гильдий) строго регулировали каждый шаг городских жителей.

Вообще говоря, институционализация и даже в некотором смысле расцвет городов, ремесла и всей городской культуры начались в Китае в

Чжоу и достигли немалого уровня в Хань. Этот процесс активно продолжался и в эпоху Нань-бэй чао, несмотря на смуты и неурядицы, особенно на юге страны, где до того городов было немного. При династии Тан развитие городов получило дополнительный импульс. Значительно увеличились размер и численность многих из них. Изменилась, прежде всего за счет буддийских храмов, их архитектура Более строго-линейной, ориентированной по странам света, стала планировка кварталов, в частности в танской столице Чанани (совр. Сиань). В городах жили не только торговцы и ремесленники, хотя численно они и преобладали, по крайней мере вне столицы. Большое место среди городского населения крупных городов занимали чиновники, представители богатых сельских кланов, аристократы, монахи, армия слуг и обслуживавшего персонала, а также такие специфические группы населения большого города, как врачеватели, актеры, геоманты и иные гадатели и предсказатели, проститутки, нищие и пр. Как и везде на Востоке, окна в жилищах были обращены внутрь квартальных стен, кроме тех случаев, когда дом был одновременно мастерской и лавкой. Строго следили за порядком в городах специальные служители и подчиненная им городская стража. Они же отвечали за водоснабжение и соблюдение чистоты на улицах. В зажиточных домах были бани и бассейны. Существовали и городские платные бани. Многие городские улицы были вымощены камнем.

Конечно, всем этим город разительно отличался от деревни, даже если в деревне были дома богачей. Но в одном город был абсолютно одинаков с ней, в главном – в статусе и правах. В этом смысле город был всего лишь податной и административной единицей, не более, – ни прав, ни привилегий, ни гарантий. Напротив, еще жестче порядки, еще строже надзор, хотя бы потому, что следившие за этим органы расположены рядом, здесь же, в городе. Ведь города обычно бывали центрами провинций, областей, уездов.

В танское время империя была разделена на 10 провинций (дао), которые в свою очередь подразделялись на области (чжоу) и уезды (сянь). Области (или округа) и уезды различались по размерам, населению, сумме налогов и соответственно делились на категории, что сказывалось на статусе и количестве (штатном расписании) управлявших ими чиновников. Но при этом все чиновники, вплоть до уездных, всегда назначались из центра и контролировались непосредственно им, что было важной особенностью централизованной административно-бюрократической системы Китая – особенностью, придававшей этой системе немалую силу и устойчивость.

Система государственно-административного управления страной была сложной, но достаточно стройной. При императоре существовал Государственный совет из наиболее видных сановников, включая подчас близких родственников правителя. Исполнительную власть представляли в нем обычно два канцлера (цзайсаны или чжичэны) – левый (он обычно считался старшим) и правый, каждый из которых ведал тремя из шести ведомств палаты Шаншушэн, своего рода Совета министров. К первой группе ведомств относились управления чинов (подбор кадров и назначения по всей империи), обрядов (контроль за соблюдением норм поведения, охрана общественного порядка) и налогов (учет податных, распределение наделов, сбор налогов, земельный кадастр и т. п.). Ко второй – управления военными делами (содержание войск, охрана рубежей, военные поселения на границах и соответствующие

назначения), наказаний (суды, кроме уездного, где этим ведал сам уездный начальник; тюрьмы, содержание преступников) и общественных работ (реализация трудовых повинностей, строительство, включая ирригационное). Работу исполнительных органов и всей государственной системы, прежде всего аппарата власти, чиновников, строго контролировали цензоры-прокуроры специальной палаты Юйшитай, которые имели большие полномочия, включая право подачи докладов на высочайшее имя. Кроме того, при дворе существовали еще две влиятельные палаты, ведавшие подготовкой императорских указов и протоколом, т. е. церемониалом.

На уровне провинций были свои чиновные управы во главе с наместником-губернатором; то же, но в меньшем объеме – на уровне областей и округов различных категорий. Уезд обычно был представлен лишь начальником, который, сам комплектовал свой штат помощников из числа местных влиятельных лиц, обычно готовых работать на общественных началах, что, однако, никак не равнозначно бескорыстной работе, и наемных служащих низшего ранга, т. е. писцов, служек, стражников и т. п. Власть уездного начальника была очень большой и потому обычно контролировалась наиболее строго. Она ограничивалась как сроком (не более 3 лет на одном месте с последующим перемещением на другое), так и местом службы (ни в коем случае не там, откуда чиновник родом).

Для того чтобы административная система и бюрократический аппарат действовали максимально эффективно, в империи уделялось особое внимание важной проблеме подготовки и принципов комплектования кадров чиновников. Этой проблемой много занимались в свое время и конфуцианцы, начиная с самого Конфуция, и легисты, в том числе Шэнь Бу-хай и Шан Ян. В Китае издревле существовало немало методов отбора чиновников, как общих для всего Востока и даже для всего мира (назначение близких родственников, приближенных, сподвижников правителя его личным указом, по его воле и выбору; предоставление должности по праву знатности либо родственной близости; назначение по рекомендации и протекции влиятельных лиц и т. п.), так и специфически китайских. К числу последних относятся классический конфуцианский принцип выдвижения мудрых и способных, за которых отвечали те, кто их рекомендовал, а также беспристрастный конкурс претендентов на должность. В танском Китае на первое место понемногу, но неизменно и со все большим успехом стал выходить конкурс, нашедший свое отражение в уже хорошо отлаженной системе экзаменов – в принципе той самой, что теперь благодаря китайцам хорошо известна и активно работает во всем мире: каждый в предельно объективных и равных для всех условиях демонстрирует свои знания и способности, отвечая на заранее не известные вопросы в устной либо письменной форме.

В танском Китае это делалось на специальных экзаменах на степень в уездных, провинциальных и столичных центрах, под строгим надзором специальных комиссий, присланных со стороны, причем в закрытом помещении и в письменной форме под девизом. Для успешной сдачи экзамена следовало хорошо знать сочинения древних, прежде всего классические конфуцианские каноны, а также уметь творчески интерпретировать сюжеты из истории, отвлеченно рассуждать на темы философских трактатов и обладать литературным вкусом, уметь сочинять

стихи. Все это, разумеется, в строго конфуцианском духе, с соблюдением соответствующей обязательной формы. Лучше других справившиеся с заданием (3–5% из числа кандидатов-абитуриентов) удостаивались желанной степени и, главное, получали право сдавать экзамен на вторую степень, а обладатели двух – на третью.

В танском Китае трехстепенная структура еще не была устоявшейся – существовали различные степени и варианты их соответствий. Но в общем для императорского Китая со временем ведущей стала именно трехступенчатая структура: сдавшие экзамен трижды, на всех трех ступенях, обладатели третьей высшей ученой степени цзиньши были как раз теми хорошо подготовленными и трижды тщательно проверенными конфуцианцами, из числа которых назначались чиновники на наиболее ответственные должности, низшей из которых была должность уездного начальника (в стране было около 1,5 тыс. уездов). И хотя успешная сдача тройных экзаменов не была единственным путем к должности, этот путь оказался наиболее выгодным для системы власти: кто как не хорошо знающий суть и принципы конфуцианства и доказавший свои знания в честном соперничестве с другими может наилучшим образом справиться с нелегким делом управления страной на официально принятых конфуцианских основах? При этом для системы как таковой совершенно несущественно, откуда, из какого социального слоя появился способный знаток официальной доктрины. Гораздо важнее то, что это хорошо образованный и потому надежный человек, который с немалым трудом шел наверх и потому будет ценить свое место и не за страх, а за совесть, по убеждению отстаивать все заповеди официальной доктрины, положенные в основу империи.

Что же касается вопроса о том, из каких же все-таки социальных слоев выходили наверх мудрые и способные, то здесь важно быть предельно четким. Да, в большинстве случаев это были потомки знати и чиновников, зажиточных земледельцев, для которых хорошее воспитание в конфуцианском духе было делом семейной чести (примерно так же, как и знание французского для русских дворян в начале XIX в.). Но в то же время хорошо известно, что с ростом престижа экзаменов среди всех слоев империи сильно развился стимул к учебе, к получению знаний. А так как формально каждый налогоплательщик имел право попробовать свои силы и испытать свой шанс, а в случае удачи сделать блестящую карьеру (ограничения были лишь для немногочисленной категории не плативших налоги неполноправных, цзянь-минь), практически из сказанного явствует, что появление способного мальчика в деревне всегда обращало на себя внимание односельчан и родни. Обычно находился богатый покровитель (из родни, клана, иной корпорации) либо коллектив, которые готовы были взять на себя расходы, связанные с обучением такого мальчика, ибо это сулило в случае удачи и престиж, и немалые материальные выгоды. Удача, разумеется, приходила далеко не всегда. Но в том случае, когда шанс бывал успешно реализован и выходец из низов выдвигался наверх, это оказывалось выгодным для всех родных и близких сделавшего карьеру, причем выгода была многообразная и постоянная, далеко не только материальная, хотя и она тоже.

Дело в том, что положение штатного, т. е. сдавшего экзамены, получившего степени и назначенного на подобающую должность чиновника было в китайской империи необычайно престижным и предоставляло немалую реальную власть. Формально в танское время

чиновничество делилось на 9 рангов, да еще каждый из них имел две степени, основную и приравненную. Но фактически чиновником был тот, кто, пройдя конкурсный отбор, занимал высокую штатную должность и соответственно имел достаточно высокий ранг. Влияние и возможности такого чиновника в администрации империи были весьма велики – стоит вспомнить о гоголевском городничем, да еще принять во внимание, что, в отличие от этого городничего, китайский чиновник имел под своим началом не только уездный город, но и весь уезд, т. е. был в уезде и судьей, и ответственным за налоги, и любой другой властью.

Уложения, касавшиеся статуса и системы организации чиновников, землевладельцев и вообще всех подданных империи, их немногих прав и всеобъемлющих обязательств перед властью, а также вся система соответствующих регламентов были сведены воедино в танском своде законов из 500 статей в 12 разделах – уникальном в своем роде, особенно для Востока, сборнике указаний и запретов, разграничений и пояснений. Похожего типа сборник существовал, видимо, и в Хань, но от него дошло до нас очень немногое. Танский законник сохранился и весьма интересен как документ, свидетельствующий о взаимоотношениях в государстве и обществе, а также между государством и обществом. Из него, в частности, хорошо видно, кто управлял империей, кто был в ней если не господствующим классом в полном смысле слова, то во всяком случае в положении господствующего класса, кто выполнял функции этого класса. В законнике, помимо прочего, содержались статьи о праве «тени»: для высокопоставленных чиновников их «тень» после их смерти падала на их ближайших потомков, детей и внуков, давая им определенные преимущества, в том числе и при определении на должность. Но стоит заметить в этой связи, что речь в данном случае шла об очень немногих, чей статус в этом смысле был приравнен к статусу родовой знати (их тоже было немного, и статус каждого из них с очередным поколением, как упоминалось, снижался). Во всех же остальных случаях статус чиновника практически не отражался на его детях – им следовало начинать все сначала.

Трансформация танского общества в VIII – X вв.

Успехи первых танских императоров, включая и внешнеполитические, в том числе завоевание некоторых территорий на севере, открытие вновь Великого шелкового пути, укрепление власти в других окраинных районах империи, позволили восстановить мощь Китая как великой азиатской державы. Однако эти достижения, сыгравшие свою немалую роль, продолжались не слишком долго. Кульминацией их можно считать годы правления танского Сюань-цзуна (713–755), совпавшие с периодом расцвета танской культуры и особенно ее поэзии (Ли Бо, Ду Фу) и вообще изящных искусств. Конец этого царствования, оставившего в памяти страны немало воспоминаний (стоит напомнить, в частности, о знаменитой фаворитке Ян Гуй-фэй, считающейся красивейшей женщиной в истории страны; красоту ее воспевали лучшие поэты Китая), был ознаменован началом упадка.

Во-первых, в стране получили большую власть военные наместники в окраинных районах, цзедуши (институт цзедуши был создан в 711 г. как раз в связи с необходимостью укрепить окраинные районы империи),

причем один из них Ань Лу-шань, в 755 г. поднял восстание и заставил императора бежать из столицы. И хотя восстание в конечном счете было подавлено, царствование Сюань-цзуна на этом окончилось (бежавшего из столицы императора офицеры из его окружения заставили выдать им Ян Гуй-фэй, в которой они видели корень зла; после ее смерти сам император вскоре ушел из жизни). Его преемники сумели побороть всевластие цзедуши и восстановить пошатнувшуюся было централизованную администрацию, но это им обошлось недешево. Империя оказалась в состоянии, близком к критическому.

Во-вторых, критическое состояние империи объяснялось не только внутриполитическими раздорами. Хуже было то, что – в полном соответствии с закономерностями династийного цикла – стало резко ухудшаться положение в сфере аграрных отношений. Время, когда земли было много и власти заботились лишь о том, чтобы справедливо распределить ее, обложив каждого надельного крестьянина небольшим налогом, ушло в прошлое, выявившееся в годы мятежа ослабление централизованной администрации сказалось и на формах землевладения. Если и прежде изредка в виде исключения (скажем, нет денег на достойные похороны – дело первой важности в системе социально-семейных конфуцианских норм) разрешалось продать часть надела, то теперь практика купли-продажи наделов стала общераспространенной, причем в качестве приобретателей выступали богатые и власть имущие, в первую очередь имевшие власть и деньги-чиновники, а также городские торговцы, ростовщики и т. п. В императорских эдиктах Сюань-цзуна можно обнаружить немало требований запретить чиновникам скупать крестьянские наделы и установить наказания за скупку земель. Но ситуация явно выходила из-под контроля.

Результатом было перераспределение земель. Наделы крестьян уменьшались, а налог оставался прежним, отчего тяжесть его резко возрастала. В то же время проданная часть надела как бы ускользала от налогов. Нередко продавались неполные наделы – земли неустроенных и нетрудоспособных, вдов, которые имели официальные налоговые льготы или вовсе были освобождены от налогов. Все это вело к тому, что доходы казны уменьшались из-за того, что оставшиеся в своих наделах крестьяне были просто не в состоянии выплачивать прежнюю налоговую норму. В то же время оставшиеся без земли крестьяне бедствовали, брали в аренду у богатых свои прежние наделы или работали на них в качестве батраков. За этот счет доходы частных лиц быстро росли, а положение в деревне становилось все более напряженным. Кризис явно наступал. Требовались решительные реформы, чтобы его предотвратить. И эти реформы последовали.

Согласно предложению канцлера Ян Яня в 780 г. государство отменило систему наделов и окончательно отказалось от контроля за перераспределением земли. Все дворы в строгой зависимости от их имущественного положения отныне были поделены на категории и были обязаны платить налог в соответствии с реальным количеством земли, причем дважды в год, летом и поздней осенью (система двух налогов, ляншуй). В зависимости от качества земли налог изменялся, но размер его был одинаков для всех категорий землевладельцев. Только низшие категории их в трудные годы получали льготы либо даже освобождение от налога. Не вполне ясен вопрос об арендаторах. Там, где пришлые (кэху)

обрабатывали выморочную землю, они отныне были признаны ее владельцами и обложены общим для всех налогом. Там, где арендаторы обрабатывали чужую землю, особенно в хозяйствах богачей (барской запашки Китай, как и вообще Восток, практически не знал), они, видимо, налогоплательщиками не считались, хотя по статусу все-таки принадлежали к лян-жэнь (т. е. к платившим налоги, в отличие от цзянь-жэнь, неполноправных).

Некоторые специалисты подчас склонны преувеличивать значение реформы 780 г. в том смысле, что видят в ней грань, после которой надельные земли в Китае превратились в частные, чуть ли не свободно отчуждаемые. На деле это далеко не так. И прежде наряду с мелкими крестьянскими наделами в Китае были крупные землевладения сильных домов. И раньше существовала негласная практика отчуждения крестьянских земель, что и вело спорадически к кризисам в Китае. Принципиально в этом смысле ничего не изменилось: землевладельцы, являвшие собой для казны недифференцированную массу налогоплательщиков, всегда были совокупностью множества мелких и средних и небольшого количества крупных сельских хозяев. Изменилось лишь то, что теперь крестьянские земли с большей легкостью, нежели прежде, т. е. практически почти официально, могли переходить из рук в руки, становились объектом купли-продажи. Впрочем, это никак нельзя считать наступлением иного отношения к земле, превращением ее, скажем, в легко отчуждаемую частную собственность. Владение землей по-прежнему находилось под строгим контролем властей, для которых не было безразличным, кто владеет полем и насколько исправно платит налоги. Государство по-прежнему всегда было заинтересовано в том, чтобы каждый пахарь имел свое поле, чтобы низшие категории землевладельцев не разорялись и не лишались земли, чтобы крестьяне-хозяева не переходили в категорию безземельных арендаторов. Это было важным для государства как с социальной и политической точки зрения (неимущий и разоренный крестьянин шел в ряды мятежников), так и с экономической (богатые дворы, особенно возглавлявшиеся чиновниками, обычно находили пути для того, чтобы избежать уплаты налога либо уменьшить его квоту, что всегда наносило ущерб казне).

Система ляншуй не слишком много дала танскому Китаю. Но она все-таки на время сняла остроту кризиса и тем самым продлила династийный цикл, так что в целом ее введение следует считать вполне удавшейся реформой. Но уже в первой половине IX в. положение в стране вновь стало ухудшаться. В 845 г. танские императоры были вынуждены прибегнуть к конфискации земель буддийских монастырей, которые оказались слишком уж богатыми и процветающими на фоне оскудевавшей казны. Но и это помогло ненадолго. В конце IX в. в стране разразилось мощное восстание крестьян под руководством Хуан Чао, в 881 г. занявшего столицу и провозгласившего себя императором. Восстание было подавлено, но танские императоры так и не смогли более вернуть себе прежнюю власть. Наступил период разброда и междоусобных войн («пяти династий и десяти царств», как именуют его в китайских источниках), продолжавшийся более полувека (907–960), после чего появилась новая династия.

Китай в период Сун (960–1279)

Сунский период в истории Китая тоже считается временем расцвета – во всяком случае в сфере экономики, культуры, администрации. Несколько иначе обстояло дело с внешней политикой и проблемой суверенитета империи. В известном смысле можно сказать, что все три столетия Сун прошли под знаком успешного натиска северных кочевых племен и малоуспешных попыток сунской империи отразить этот натиск. Порой приходилось даже от него откупаться Все началось с середины X в., когда сунский Китай еще даже не возник.

В начале X в. протомонгольская этническая общность киданей, обитавшая на северо-восточных рубежах китайского государства и в процессе трибализации многое впитавшая в себя в результате достаточно длительных контактов с китайцами, с китайской культурой, стала быстрыми темпами развиваться и консолидироваться. В годы, когда китайская империя была в состоянии политического разброда, Апока из рода Елюй захватил верховную власть в племени и провозгласил себя императором. Основанное им государство с 947 г. получило китайское наименование Ляо (существовало с 916 по 1125 г.). Войны с разрозненным Китаем принесли молодому государству успех: в 946 г. кидани даже ненадолго захватили столицу одного из китайских царств Кайфын. Активно укрепляясь на севере Китая, кидани добились того, что часть захваченных ими китайских земель вошла в состав Ляо.

Китайцы и корейцы помогли наладить в Ляо основы управления; на китайской иероглифической базе из китайских элементов письма была создана своя письменность (пока не расшифрованная); развивались города, ремесло, торговля, причем и здесь преимущественно за счет китайцев и корейцев. Сформировавшаяся в 960 г. империя Сун попыталась было отбить у Ляо северокитайские земли, но не преуспела в этом. Больше того, по унизительному для Китая мирному договору, заключенному в 1004 г., когда кидани вновь были у стен Кайфына, теперь уже столицы Сун, империя вынуждена была согласиться платить Ляо дань – 200 тыс. штук шелка и 100 тыс. лянов серебра ежегодно. Договор 1042 г. еще более увеличил размеры дани – до 300 тыс. штук шелка и 200 тыс. лянов серебра. Однако и это не помогло: в 1075 г. сунский Китай был вынужден уступить киданям еще несколько северокитайских округов.

Но кидани были не единственным серьезным врагом сунского Китая. На северо-западных его окраинах, к западу от киданей, на рубеже X – XI вв. сложилось крупное государство тангутов – Западное Ся. Вначале тангутские вожди, потомки одной из ветвей древних цянов, признавали вассальную зависимость от империи Сун и многое, как и кидани, заимствовали от китайской культуры. Но затем они усилились и перешли к военным экспедициям против сунских правителей, отторгнув от Китая часть провинций Шэньси и Ганьсу. Приняв в 1038 г. титул императоров, тангутские предводители еще усилили натиск на сунский Китай и по мирному договору 1047 г. заставили его, следуя примеру киданьского Ляо, платить ежегодную дань (100 тыс. штук шелка и 30 тыс. цзиней чая).

Нельзя сказать, чтобы сунские императоры вовсе не стремились к организации отпора северным соседям. Напротив, они заботились об этом, в частности, уделяли много внимания своей армии, достигавшей в середине XI в. полутора миллионов. Однако, будучи напуганы военными

мятежами танских цзедуши, сунские императоры сознательно ослабили роль военачальников, что не могло не сказаться на боеспособности армии. В целом стоит заметить, что ставка на умеренные уступки противнику, пусть даже унизительные для престижа Поднебесной империи, при сохранении внутриполитической стабильности в стране вполне себя оправдала: период Сун, несмотря на неудачи во внешнеполитических делах, справедливо считается эпохой расцвета Китая, о чем уже говорилось. В чем же это проявлялось?

В сунском Китае продолжался процесс экономического развития. Увеличилось количество городов, причем они становились все больше, богаче, многолюднее. Расцвели новые виды ремесел; китайские ремесленники научились делать те изысканные вещи, которые и поныне являют собой национальную гордость страны и имеют музейную ценность, будь то знаменитый сунский фарфор, изысканные тонкие шелка, изделия из лака, дерева, слоновой кости и т. п. Именно в сунское время были изобретены порох и компас, стало широко распространяться книгопечатание в форме знакомой частично еще и танскому Китаю ксилографии (оттиски с резных досок, на которых зеркально вырезаны ряды иероглифов; до 1000–1500 отпечатков с доски, вполне приличный тираж даже и для нашего времени). Немалых успехов достигло сельское хозяйство, включая новые агротехнические приемы, искусственно выведенные урожайные сорта зерна, культивацию индийского хлопка и многое другое.

Аграрная политика сунских императоров сводилась в принципе к тому же, что и всегда: крестьяне должны быть обеспечены землей и платить в казну налоги. Однако отказ в 780 г. от надельной системы сделал выполнение такой задачи делом весьма нелегким. Что касается земель категории гуань-тянь, т. е. казенных (владения знати и двора, храмовые и чиновные земли), то они обычно обрабатывались сидевшими на них крестьянами, которые платили налоги владельцам земли. Частично эти земли могли, видимо, сдаваться в аренду на договорных началах. С землями категории минь-тянь, которые составляли основу земельного фонда империи, дело обстояло сложнее. По статусу все владельцы были в одинаковом положении: каждый из них был обязан платить казне в среднем доу (10 литров) зерна с му, примерно 1,5 центнера с га. Но это в среднем. Реально же в наиболее выгодном положении оказывались те, у кого земли было больше (и часть ее соответственно можно было сдать в аренду) и у кого она была лучше, т. е. давала большие урожаи. Рост числа крупных землевладельцев, как о том уже не раз говорилось, был невыгоден для государства, ибо объективно сокращал доходы казны и способствовал разорению крестьян. Именно этим объяснялись различные налоговые льготы для бедных и неполномерных крестьянских дворов. Но, несмотря на все, количество крестьян-землевладельцев снижалось, а число арендаторов, особенно из числа пришлых, кэху, росло (после реформы 780 г. они лишились прежних возможностей получать бесхозные наделы и постепенно адаптироваться; теперь они были обречены на положение неполноправных и в большинстве не имеющих собственной земли арендаторов). Поземельные отношения такого типа вели к появлению в китайской деревне немалого слоя малоземельных и безземельных, угнетенных и недовольных, что стало основой для крестьянских движений в XI–XII вв.; одно из них впоследствии было в художественной форме

запечатлено в знаменитом китайском романе «Речные заводи» (XIV в.).

Земельный кризис, восстания крестьян и неудачи империи во внешней политике привели сунский Китай в середине XI в. на грань очередного кризиса. Считавшая себя ответственной за состояние страны конфуцианская элита стала предлагать правительству реформы. С проектом, призывавшим принять ряд мер с целью «обогащения государства, усиления армии и успокоения народа», как это было удачно выражено в заголовке соответствующего трактата, выступил один из реформаторов, Ли Гоу. Но наиболее концентрированное отражение движение за реформы получило в виде нововведений Ван Ань-ши, который получил назначение на пост канцлера в 1068 г. и на протяжении нескольких лет осуществлял свои реформы.

Смысл реформ Ван Ань-ши сводился, как то обычно бывало, к мерам, направленным на укрепление централизованной администрации, увеличение доходов казны и ограничение интересов и возможностей частного собственника. Был произведен обмер полей с целью упорядочить налогообложение, приняты меры для улучшения ирригационного хозяйства, что способствовало росту урожайности, введена практика государственного страхования под невысокий процент. Создание управления, ведавшего централизованными закупками зерна с тем, чтобы выбрасывать это зерно на рынок, когда цены на него вырастут (мера, хорошо известная еще древнекитайским реформаторам), было ударом по спекулянтам. Одной из реформ было также создание ополчения на рекрутской основе и учреждение централизованных арсеналов.

Следует заметить, что реформы вызвали большое недовольство многих и сильную оппозицию, так что вскоре после ухода Ван Ань-ши в отставку часть их была отменена либо не доведена до конца. Однако то, что было сделано реформаторами, сыграло свою роль и сняло кризисное напряжение в обществе. В немалой мере благодаря реформам Ван Ань-ши сунская династия сумела не только выжить в неблагоприятных для нее обстоятельствах, но и просуществовать еще около двух веков. Однако эти столетия страна уже мало походила на процветающую империю. Конечно, экономика и культура Китая продолжали быть на достаточно высоком уровне и даже производить неотразимое впечатление на путешественника, как, например, на Марко Поло, посетившего Китай в конце правления династии Сун. Но в сфере политики положение страны становилось все хуже. Вторая половина существования династии Сун прошла под знаком почти непрерывной борьбы империи за выживание.

Чжурчжэни (Цзинь) и южносунская империя

Чжурчжэньские племена, обитавшие на территории Южной Маньчжурии, издревле были связаны с Китаем, торговали с ним, а затем вошли в сферу влияния киданьской империи Ляо. Ускоренные темпы их развития в процессе трибализации – что следует в немалой степени отнести за счет постоянных контактов с более развитыми культурами и народами – привели на рубеже XI–XII вв. к возникновению у чжурчжэней протогосударственных образований и к появлению среди них влиятельных вождей. В 1113 г. правитель чжурчжэней Агуда выступил против киданей, захватил часть их земель и основал там собственное государство Цзинь

(1115–1234), позже провозглашенное империей. Вначале сунские правители увидели было в Цзинь союзника в борьбе с киданями. Однако вскоре ситуация прояснилась. В 1125 г. киданьское Ляо было уничтожено чжурчжэнями часть киданей ушла на запад, где в районе рек Талас и Чу сложилось небольшое государство кара-китаев. Западное Ляо (1124–1211), откуда и пришел затем к русским этноним «китайцы», а новая империя Цзинь вторглась на территорию сунского Китая и стала постепенно поглощать ее. В 1127 г. был захвачен Кайфын и сам император с семьей оказался в плену у чжурчжэней. Один из сыновей плененного императора бежал на юг, в Ханчжоу, который и стал затем столицей новой, так называемой южносунской империи (1127–1280).

Победоносная армия чжурчжэней успешно продвигалась на юг и только полноводная Янцзы задержала ее продвижение. Со временем граница между Цзинь и южносунской империй установилась по междуречью Хуанхэ и Янцзы, в результате чего Северный Китай вновь, как и почти тысячелетие назад, оказался на длительное время в составе государства, в котором господствовали иноземцы. Правда, как то было и ранее, в этом государстве основной частью населения были по-прежнему китайцы, а сама чжурчжэньская родовая знать, едва слезши с коней, начала быстро китаизироваться, чему способствовало установление типично китайских норм, стандартов и стереотипов в различных сферах жизни Цзинь, от политической администрации до образа жизни населения. Тем не менее между Цзинь и южносунским Китаем отношения продолжали быть весьма сложными, чаще всего откровенно враждебными.

Вначале успешное вторжение чжурчжэней и вынужденное отступление за Янцзы вызвало в китайском обществе естественный патриотический порыв. Ведь южная часть Китая, в отличие от того, что было тысячелетием раньше, стала теперь почти стопроцентно китайской. Случившееся было воспринято там как национальная катастрофа. Крестьянские ополчения, созданные в свое время Ван Ань-ши, поднимались на борьбу, оказывали сопротивление захватчикам. Укреплялась и регулярная правительственная армия, причем в числе ее военачальников были талантливые и решительные полководцы, готовые на активную борьбу, как знаменитый Юэ Фэй (1103–1141), который в середине 30-х годов одержал несколько побед над чжурчжэнями и был, видимо, близок к тому, чтобы добиться большего. Однако южносунский двор, относившийся с явно выраженным недоверием и даже подозрением к удачливым полководцам, не был склонен способствовать успехам Юэ Фэя. Противостоявшая военачальнику группировка при дворе во главе с канцлером Цинь Гуем вызвала в 1141 г. Юэ Фэя в Ханчжоу и заточила его в тюрьму, где он вскоре был казнен. После этого империя Сун заключила с чжурчжэнями очередной для нее унизительный мир 1142 г., согласно условиям которого чжурчжэням ежегодно выплачивалось 250 тыс. штук шелка и 250 тыс. лянов серебра.

Хотя мир был унизительным, а выплаты – весьма весомыми, для изнеженного, богатого и явно не готового к решительным военным действиям с храбрыми кочевниками сунского Китая это был по-своему логичный и даже в известном смысле удачный выход. Приняв такое решение и надолго обезопасив себя от вторжений с севера, южносунская династия просуществовала еще около полутора веков. И как ни трудно говорить о процветании в таких условиях, оно все-таки далеко не исчезло

бесследно. Напротив, Южный Китай в XII–XIII вв. являл собой богатое и очень развитое в экономическом и социально-культурном плане государство, где в изобилии произрастали зерно и хлопок, чай и сахарный тростник, выделывались лучшие в мире шелка и уникальные изделия из фарфора, лака, керамики, серебра, бамбука и т. п. Великолепие Ханчжоу, произведшего в свое время неизгладимое впечатление на Марко Поло, до того не видевшего, по его собственным словам, ничего подобного (хотя Марко был едва ли не больше всех повидавшим на свое веку европейским путешественником), говорит само за себя.

Но ведь южносунский Китай был не только развитым экономически государством. Это был и центр высокоразвитой духовной культуры, средоточие китайской философской мысли в ее едва ли не наивысшем для императорского Китая проявлении. Именно здесь расцвел феномен неоконфуцианства – учения, поставившего своей целью не просто реформировать и обогатить древнюю почитаемую доктрину за счет новых идей, но и как бы вдохнуть в нее новую жизнь, заставить ее засверкать новыми гранями. Благодаря усилиям знаменитых мыслителей, наиболее выдающимся среди которых был великий Чжу Си, признанный их глава (1130–1200), феномен неоконфуцианства в его чжусианской форме стал вершиной китайской философии. Неоконфуцианство стало вслед за этим распространяться в соседних с Китаем странах и особенно активно – в Японии.

В сунское время невиданного расцвета достигла и китайская живопись. В это время жили и работали лучшие в истории Китая художники, объединенные вокруг специальной Академии живописи. Написанные ими свитки до наших дней являют собой украшение многих музеев мира. Среди сунских художников были и признанные теоретики живописи, авторы почитаемых трактатов. Были и мастера тонкого пейзажа, любители изображений цветов и птиц. В числе таких мастеров были и некоторые из сунских императоров, работавшие под псевдонимами.

Не прошел бесследно для китайской мысли и сам исторический факт разделения Китая на север и юг. Хотя такой раздел не был новым для страны, он все же сыграл свою роль. Во-первых, в том плане, что раздел страны на части и господство на севере иноплеменников внесли дополнительные акценты в те пусть небольшие, но заметные этнические различия, которые на протяжении веков складывались и закреплялись отдельно на севере и на юге, – различия в языке (диалектах), в культуре, даже в пище и одежде. Конечно, эти различия не следует переоценивать. Они в конечном счете не повлияли на то, что китайцы и на севере, и на юге оставались китайцами, – для этого были достаточно сильны связывавшие всех их воедино выработанные еще в древности основы духовной культуры, принципы жизни, нормы привычного бытия, отношений в семье, обществе и т. п. Но все же отличия были, причем, по оценке современников, проявлялись в некоторой изнеженности южан, противопоставлявшейся твердости и решительности северян, как то было сформулировано, в частности, одним из сунских реформаторов Ли Гоу.

Во-вторых, существенное воздействие на образ и привычные стереотипы и штампы мышления оказали реальные политические взаимоотношения китайцев с их северными соседями – тангутами, киданями, чжурчжэнями. Китайцы издревле привыкли мыслить себя и свое государство в терминах «Поднебесной», «Срединной империи»,

окруженной отсталыми и ничтожными варварами. И вот эти «варвары» оказались чуть ли не в положении господствующего этноса, которому Китай платит дань. Трудно было смириться с реальностью – но приходилось. Не то чтобы китайцы отказались от привычных стереотипов мышления в категориях Поднебесной империи и императора как сына Неба. Но им пришлось признаться самим себе, что одно дело – завещанные традицией и потому как бы незыблемые представления о величии и всемогуществе китайской империи, а совсем другое – реальная жизнь. Будучи по натуре прагматиками, они не переживали это слишком болезненно.

Глава 10
Закат китайской империи Юань, Мин, Цин

Строго говоря, однозначным термином «закат» характеризовать всю историю китайской империи после Сун не вполне справедливо: на протяжении шести с лишним веков после гибели южносунской империи под ударами монголов Китай знал и периоды упадка, и времена стабилизации, и порой даже некоторый расцвет, по крайней мере в сфере политики. Достаточно напомнить, что многие ныне окраинные районы этой страны были присоединены к ней именно в эти столетия его истории. И все же в целом на фоне расцвета Тан-Сун последующие века были уже периодом если и не всегда упадка, то во всяком случае стагнации. Иными словами, движение вперед, пусть даже зигзагообразное, было сокращено в это время до минимума, кроме, разве что, развития демографического и связанной с этим существенной интенсификации сельского хозяйства.

Как только что было упомянуто, сунская империя пала под ударами монголов – тех самых, что вихрем промчались по всей Евразии в XIII в., оставив после себя разрушенные города, опустошенные поля, многие миллионы трупов. Что же представляли собой эти монголы в XIII в.?

Монголы и династия Юань (1280–1368)

Сам термин «монголы» восходит лишь ко временам Чингис-хана. До того собственно монголы были лишь частью большей этнической общности сибирских татар и именовались, в отличие от остальных, «черными татарами». Едва ли вообще можно говорить о монголах как о сложившейся этнической общности (пусть даже просто «черных татар») ранее, нежели применительно к XII в. До того существовали лишь протомонгольские этноплеменные группы и народы, одним из которых были кидани (речь о монгольском языке и этносе, но не о монголоидности как расовом типе!). Протомонгольские и раннемонгольские группы являли собой степной народ кочевников, разводивший лошадей и рогатый скот, кочевавший по степи от пастбища к пастбищу, живший в войлочных юртах и организованный преимущественно в небольшие родоплеменные коллективы, связанные друг с другом общностью происхождения, языка, культуры и т. п. Соседство на юге с развитой китайской цивилизацией оказывало на кочевников степной северной зоны немалое влияние, содействовавшее, в частности, убыстрению процесса создания племен, а

затем мощных племенных союзов во главе с влиятельными вождями, которые при благоприятном стечении обстоятельств объявляли себя императорами, как то было с тангутами, киданями, чжурчжэнями. Монголы были очередным такого рода этносом, обладавшим, по терминологии Л.Н. Гумилева, неслыханным до того запасом пассионарной энергии. Ускорение процесса социального развития и имущественного неравенства способствовало созданию протогосударств у монголов, а тенденция к интеграции привела в ходе жестких междоусобных схваток влиятельных вождей к победе Темучина, сына Есугея. На всемонгольском курултае 1206 г. он был провозглашен вождем всех монголов под именем и с титулом Чингис-хан.

Чингис-хан начал с того, что создал строго организованную армию, состоявшую из десятков, сотен, тысяч и 10-тысячных отрядов во главе с десятскими, сотскими, тысячниками и темниками, причем начальники назначались не по принципу родства или знатности (хотя и то, и другое всегда учитывалось), а на основе свойственного ранним политическим структурам принципа меритократии, т. е. из лучших воинов, что сыграло огромную роль в укреплении боеспособности армии. Армия Чингис-хана была новым важным политическим фактором в степной зоне, до того еще не знавшей боевых организованных формирований подобного типа и в таком количестве. Собственно, именно созданная Чингисом армия и явилась решающим фактором в последующих успехах сравнительно немногочисленного этноса монголов (во времена Чингиса их было едва ли более 100 тыс., если считать только воинов, а воин у кочевников каждый четвертый, а то и третий). Только хорошо организованная армия, послужившая костяком всей военно-политической структуры монголов, помогла им завоевать и подчинить себе почти полмира, да еще и всерьез угрожать многим из остальных стран и народов.

Покорив народы Южной Сибири, соседние с монгольской степью, армия Чингиса в 1210 г. начала войну с чжурчжэнями и в 1215 г. уже заняла Пекин. За 1219–1221 гг. была превращена в руины цветущая Средняя Азия и разбито государство Хорезм-шахов. В 1223 г. был нанесен решающий разгром ополчению русских князей, в 1226–1227 гг. было уничтожено государство тангутов на северо-западных рубежах Китая, причем тангуты были вырезаны с особой жестокостью, а немногие уцелевшие были превращены в рабов. И наконец, в 1231 г. основные силы монголов вернулись назад в Северный Китай и довершили здесь разгром чжурчжэньского государства Цзинь (1234). И хотя одновременно с этим значительная часть монгольской армии продолжала свои завоевания в других районах Азии и в Европе, основным делом их в этом направлении с 1235 г. стало завоевание южносунского Китая, на что ушло свыше сорока лет.

Цифра эта, если сопоставить ее с молниеносными темпами военных захватов в других районах мира, вызывает невольное уважение к сунскому Китаю – тому самому, что десятилетиями откупался от воинственных кочевников и предпочитал за эту немалую цену сохранять мир на границах, пусть урезанных, и пользоваться процветанием в экономике и культуре. Когда пришел срок и понадобилось воевать, южносунский Китай все же сумел мобилизовать все силы для сопротивления. Только в 1276 г. пала столица Ханчжоу, но и после этого последние южносунские императоры оказывали сопротивление около четырех лет, в конечном счете чуть ли не на кораблях, которые

вынуждены были отчалить от захваченной монгольскими войсками береговой полосы Южного Китая. Только в 1280 г. Китай целиком оказался под властью монголов, а великий хан Хубилай стал китайским императором монгольской династии Юань (1280–1368).

Династия Юань просуществовала – если считать не формальные годы ее в китайских летописях, а фактическое господство в основной части Китая – свыше века, может быть, даже, для Северного Китая, около полутора веков. Это было едва ли не самое тяжелое время для Китая, по крайней мере после Нань-бэй чао. Для примера можно напомнить, что на первых порах монголы вообще склонны были истребить всех отказывавшихся добровольно им сдаться, – то, что они подчас практиковали и на западе (а в сунском Китае сорок лет сопротивлялись почти все) Потом возник проект истребить китайцев пяти самых распространенных фамилий (а таковых в стране, где количество фамилий исчисляется немногими десятками, от силы сотней-другой, была едва ли не половина, во всяком случае это была весомая часть населения страны). И если эти кровожадные проекты не были осуществлены – во многом благодаря киданину Елюй Чу-цаю, который был советником хана и настойчиво рекомендовал ему не уничтожать тех, кто может приносить регулярный доход, – то уж в рабство к монголам попало великое множество китайцев, особенно на севере. Пожалуй, никогда в истории Китая не было так много рабов, как по количеству, так и в процентах к остальному населению, как в период Юань. Не приходится и говорить, что экономика Китая к началу правления монголов (после полувека войн) пришла в упадок, земледелие и торговля были расстроены. Что же касается администрации, то конфуцианские чиновники были вынуждены уступить свое место монгольским ханам и военачальникам, а также малознакомым с Китаем выходцам из иных районов Азии, прежде всего из исламских стран. Китайцы севера и тем более юга страны считались соответственно людьми третьего и четвертого сорта (после самих монголов и сэму-жэнь, т. е. выходцев из других стран).

Потребовалось несколько десятилетий, чтобы Китай постепенно обрел привычную для него норму существования. На протяжении этих десятилетий с нарастающей активностью действовали свойственные ему ассимиляционные и адаптирующие факторы: восстанавливалось разрушенное кочевниками земледелие, затем и ремесло, торговля; рос объем налоговых поступлений (во второй половине Юань, по некоторым данным, в 20 раз против времен Хубилая); в администрацию снова шли конфуцианские чиновники (с 1317 г. начала функционировать система экзаменов); потомки первых монгольских правителей, нередко бравших китаянок в жены, все больше превращались в обычных китайцев. Быть может, в иных условиях все эти и иные аналогичные процессы постепенно и мирно сумели бы выправить ситуацию таким образом, что монгольская династия в конечном счете осталась бы монгольской в основном только по названию, как то случилось несколькими веками позже с маньчжурами в Китае. Но условия оказались неблагоприятными – как для китайцев, живших под монгольским игом и тяжело ощущавших это, так и для самих монголов, которые мало делали для блага управляемой ими страны.

Наиболее наглядно проявилось это в связи с потребностями ирригационного строительства. Хотя ирригационное земледелие не было главным либо жизненно важным для китайского сельского хозяйства, оно все-таки имело большое значение для страны, особенно после создания

рисового пояса на юге. Немалую роль играла ирригация и в деле защиты населения от разливов рек, особенно наполненной лёссом своенравной Хуанхэ, время от времени выходившей из берегов и затоплявшей страну, как то было, в частности, во времена Ван Мана. В функции любого китайского правительства входило заботиться о водном строительстве и вовремя ремонтировать каналы, дамбы, чистить русла и т. п. Монголы этим почти демонстративно пренебрегали. А конфуцианских чиновников, которые могли бы своими силами на местах что-либо организовать, действуя в соответствии с традицией, в стране долго не было. Неудивителен и результат.

Система дамб на Хуанхэ давно пришла в негодность. Великая река то и дело прорывала дамбы и широко разливалась по долине, затопляя поля и жилища. В 1334 г. прорыв оказался настолько мощным, что река вновь, в очередной раз изменила русло, уничтожая на своем пути сотни тысяч жизней. В стране резко возросло недовольство монголами. Усилилось патриотическое движение, набиравшее силу и проявлявшееся как в литературе (юаньская драма, патриотические романы типа «Троецарствия»), так и в политике. Вскоре страну охватило мощное народное движение, тут и там вспыхивали с трудом подавлявшиеся восстания. Власти попытались было в 1351 г. восстановить систему дамб и заставить реку вернуться в старое русло. Но было уже поздно. Объединение в районе строительства сотен тысяч людей лишь подлило масла в огонь: восстания вспыхнули с новой силой, причем во главе их оказались вожди тайного общества «Бай-ляньцзяо». Буддийская по своей религиозной основе, эта секта «Белого лотоса» существовала в Китае издавна, по меньшей мере с V в. Однако в XIV в. она превратилась в тайное общество, выдвинувшее на передний план эгалитарные крестьянские идеалы и предрекавшее скорое наступление века будды грядущего Майтрейи и соответственно новой династии Мин (свет), которая покончит с мрачным господством монголов.

Покрыв свои головы красными повязками (символ грядущего царства Света), восставшие сорганизовались в отряды «красных войск», которые начали решительную борьбу с монгольскими угнетателями. Восстание приняло не столько сектантско-крестьянский, сколько национально-патриотический характер. И хотя первая его фаза закончилась в 1363 г. поражением красных войск, антимонгольское движение разгоралось в стране со все большей силой. Особенно когда во главе его стал Чжу Юань-чжан.

Родом из крестьян, хлебнув в молодости горя, Чжу Юань-чжан (1328–1398) был послушником в буддийском монастыре. Когда сторонники секты подняли восстание, он примкнул к нему и, проявив недюжинные способности, быстро выдвинулся в первые ряды вожаков. После разгрома первой фазы движения именно Чжу оказался во главе восставших. Опираясь на примкнувших к нему конфуцианцев, ученых знатоков китайской истории и культуры, он успешно действовал и в конечном счете, разгромив монгольские войска, провозгласил себя императором новой династии – Мин. Кроме названия, от эгалитарно-буддийских основ первоначального движения осталось к этому времени не так уж много. И это в общем понятно. Оставаясь вождем восставших крестьян, Чжу Юань-чжан, как и его далекий предшественник Лю Бан, с готовностью воспринял давным-давно апробированную конфуцианскую систему управления государством и обществом, конфуцианские принципы и

порядки. Хотя как личность новый император был далек от конфуцианского идеала мудрого и справедливого правителя и скорее был деспотом типа Цинь Ши-хуанди и суйского Ян-ди, он тем не менее последовательно проводил конфуцианскую политику, в том числе в организации администрации, столь подорванной за время правления монголов. И это, безусловно, сыграло немаловажную роль в деле упрочения Мин.

Китай в период династии Мин (1368–1644)

Взойдя на престол, Чжу Юань-чжан немало сделал для укрепления центральной власти. Сущность его аграрной политики, в частности, сводилась к увеличению доли крестьянских дворов в клине земель минь-тянь и к усилению строгого контроля за распределением казенных земель гуань-тянь. Раздача земли безземельным и малоземельным, переселение крестьян на пустующие земли, создание различного рода специализированных, т. е. опекаемых казной, поселений, как военных, так и гражданских, наконец, создание всекитайских налогово-земельных реестров, Желтого и Рыбьечешуйчатого, – все это означало, что вся система аграрных отношений в империи вновь берется под строгий контроль центральной администрации.

Было введено фиксированное налогообложение со сравнительно невысокими налогами, а некоторые категории дворов подчас вообще от налогов освобождались, как то бывало и прежде. Система повинностей была всеобщей, но реализовывалась поочередно, по мере надобности, по разверстке. Поочередным было и выполнение функций старост, отвечавших перед властями за соблюдение порядка и выполнение государственных указов. Что касается частных владений, т. е. тех случаев, когда земли категории минь-тянь в сравнительно большом количестве скапливались в руках богатых и реализовывались в форме сдачи их в аренду, то таких земель в начале Мин было, видимо, немного, да и арендная плата должна была быть умеренной хотя бы потому, что любой арендатор имел альтернативу: государство активно предлагало всем безземельным и малоземельным наделы на весьма необременительных условиях.

Аграрная политика Чжу Юань-чжана имела успех и способствовала созданию сильной централизованной империи. Правда, наделение родственников императора уделами, в которых они чувствовали себя почти независимыми владыками, – дань традиционной норме, последняя в этом роде в истории Китая, – привело было после смерти основателя империи к смуте, но она была сравнительно быстро ликвидирована одним из сыновей Чжу Юань-чжана, Чжу Ди, правившим под девизом Юнлэ (1403–1424). Чжу Ди восстановил пришедший в некоторый упадок аппарат центральной власти, построенный его отцом по классической конфуцианско-танской модели (высшие палаты; шесть центральных ведомств в системе исполнительной власти; провинциальные управления с разделением власти на гражданскую и военную; система экзаменов и др.), после чего около столетия эта система действовала достаточно эффективно, что сказалось, в частности, и в сфере внешней политики.

Успешно изгнав монголов с территории империи (они были оттеснены на север, где и стали после этого активно осваивать степи

современной Монголии), минская армия провела несколько успешных военных операций и на юге, в районе Вьетнама. Кроме того, китайский флот, возглавлявшийся Чжэн Хэ, с 1405 по 1433 г. совершил несколько престижных морских экспедиций в страны Юго-Восточной Азии, в Индию и даже к восточному побережью Африки. Экспедиции были весьма внушительными: они состояли из нескольких десятков многопалубных фрегатов с командой из сотен человек на каждом из них. Впрочем, эти пышные и дорогостоящие вояжи легли очень тяжелым бременем на казну и не принесли стране никакой экономической выгоды, вследствие чего в конечном счете они были прекращены (корабли были демонтированы). Для сравнения стоит вспомнить о почти одновременных с ними экспедициях Колумба, Васко да Гамы или Магеллана, куда более скромно оснащенных, но положивших начало тем Великим географическим открытиям, которые ознаменовали собой начало новой эпохи для всего человечества. Впечатляющая разница. Она лучше многих теоретических рассуждений свидетельствует о принципиальных структурных различиях между европейским рыночно-частнособственническим методом хозяйства с его индивидуально-личным интересом, энергией, предприимчивостью и т. п. и азиатским государственным командно-административным строем, для которого значение имели прежде всего престиж, демонстрация величия и всесилия власти.

Аналогичной была ситуация и в сухопутных внешних связях, особенно торговых. Эти связи в императорском Китае издревле организовывались в форме так называемой даннической торговли и официально воспринимались в Китае как приезд варваров с дарами для принесения дани китайским императорам. Официальные дары[31] принимались торжественно и согласно древним нормам реципрокно-престижного обмена требовали от императора ответных даров, причем объем и ценность императорских наград и пожалований должны были во столько же раз превышать «дань», во сколько престиж китайского императора ценился самими китайцами выше престижа любого из тех правителей, кто присылал упомянутую дань. Отсюда и результаты: торговля была крайне выгодной для иноземцев, перед которыми стояла легко разрешимая задача представить караван в виде официальной миссии. Это вело к тому, что китайские власти были вынуждены вводить официальные лимиты на подобного рода караваны для каждой из стран. Однако даннические связи подобного типа не прекращались, ибо они способствовали самоутверждению китайцев в их представлениях о том, что весь мир состоит из потенциальных данников и вассалов императора Поднебесной империи.

В минское время, когда торговля расцветала, такого рода соображения доминировали и одно время чуть было не привели Китай к драматическим событиям. На рубеже XIV–XV вв. было послано официальное послание самому великому завоевателю Тамерлану с предложением и ему засвидетельствовать свое почтение китайскому императору. Получив подобное предложение и негодуя на наглость его авторов, владыка полмира начал было готовиться к карательному походу на Китай, и только неожиданная смерть Тимура в 1405 г. спасла только

31 Это всегда была весомая часть прибывавших в Китай извне, особенно по Великому шелковому пути, караванов, хотя основная часть товаров все-таки предназначалась для частной торговли в специально отведенных для этого китайскими чиновниками местах

что оправившуюся от мятежа удельных князей империю от планировавшегося нашествия.

В целом на протяжении первого века своего существования династия Мин проводила успешную политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Случались, конечно, и накладки. Так, в 1449 г. один из монгольских ханов, предводитель племени ойратов Эсен, сумел совершить удачную экспедицию в глубь Китая вплоть до стен Пекина. Но это было лишь эпизодом; практически столице минского Китая ничто не угрожало, как и империи в целом. Однако с конца XV в. положение страны стало гораздо хуже: Китай, как это было характерно для второй половины династийного цикла, начал медленно, но верно вступать в полосу затяжного кризиса. Кризис был всеобщим и всесторонним, причем начался он, как и обычно, с изменений в экономике и социальной структуре страны, хотя наиболее наглядно проявил себя в области внутренней политики.

Все началось, как не раз случалось, с усложнения аграрных проблем. Росло количество населения, увеличивалось число крестьян, не имеющих земли либо имеющих ее в недостаточном количестве. Параллельно с этим шел обычный процесс поглощения крестьянских земель минь-тянь: богатые понемногу скупали или отбирали за долги земли разорявшихся крестьян, которые после этого либо уходили с насиженных мест, либо оставались на них в новом социальном качестве арендаторов. Те, кто менял местожительство, нередко приходили к тому же итогу. Все это вело к уменьшению доходов казны по уже упомянутой причине: взять равный утерянному налог с богача было практически невозможно, ибо немалая часть богатых имела льготы, подчас налоговый иммунитет, а другие нередко были в числе шэньши, которые играли важную роль в местном самоуправлении, имели влияние при канцелярии уездного начальника и достигли виртуозного искусства в деле уменьшения своих налогов. Правда, при этом формально налоговый груз перекладывался на плечи остальных, но этот выход тоже был невыгодным для казны, ибо ухудшал положение земледельцев и постепенно приводил экономику страны в критическое состояние. Недобор же налогов, бывший следствием описанного процесса, вынуждал казну прибегать к различным дополнительным мелким, местным, чрезвычайным и иным поборам и пошлинам, что в совокупности опять-таки ложилось тяжелой ношей на налогоплательщиков и тоже вело к кризису.

Создавался своего рода заколдованный круг. В годы предшествовавших династий (Тан, Сун) этот круг разрывался посредством решительных реформ. Династия Мин этого сделать не смогла, ибо требование реформ встретило жесткую оппозицию со стороны двора. В этом, собственно, и заключался тот затяжной кризис, который доминировал в минском Китае на протяжении почти полутора веков и привел в конечном счете династию к гибели.

Минские императоры после Чжу Ди, за редкими исключениями вроде реставрировавшего Великую стену Вань Ли, были в основном слабыми правителями. Делами при их дворах обычно заправляли временщики из числа родни императриц и евнухи – картина, очень похожая на ту, что была полутора тысячелетиями ранее в конце Хань. Неудивительно, что на рубеже XV–XVI вв. в стране сформировалось мощное оппозиционное движение во главе с наиболее влиятельными конфуцианцами, среди которых едва ли не самое видное место занимали члены палаты цензоров-прокуроров, обличавшие в своих докладах императору произвол

временщиков и административные упущения в стране, а также требовавшие реформ. Послания такого рода встречали суровый отпор, сопровождавшийся репрессиями, но оппозиция не прекращала своих обличений, скорее даже наращивала усилия в этом направлении. В конце XVI в. она официально организовалась вокруг академии Дунлинь в Уси, возникшей на базе местного училища, которое готовило кадры знатоков конфуцианства, будущих чиновников. К этому времени движение за реформы и выступления за добродетельное правление уже получили всеобщее признание в стране. А такие видные чиновники, как знаменитый Хай Жуй, не только демонсгративно, в пределах их власти, шли на обострение отношений со ставленниками двора, с протеже временщиков, не останавливаясь перед суровыми наказаниями казнокрадов и иных провинившихся, но и были готовы, снискав популярность в народе, буквально требовать от императора реформ.

С начала XVII в. сторонники реформ значительно усилили свои позиции. В отдельные моменты им даже удавалось одержать верх, заполучив влияние на того или иного очередного императора. Правда, этот склонный к реформам император вскоре быстро устранялся дворцовой кликой, а на дунлиньцев обрушивались гонения. К их чести следует заметить, что гонения их не страшили и не заставляли предавать убеждения. Не раз и не два очередной влиятельный чиновник подавал на имя императора доклад с обличениями и требованиями реформ и одновременно готовился к смерти, ожидая от императора приказа удавиться (символом такового обычно являлась присылка виновному шелкового шнурка). Власть евнухов и временщиков была свергнута лишь в 1628 г. Но было уже поздно. Страна в это время была охвачена пламенем очередного мощного крестьянского восстания, возглавлявшегося крестьянином Ли Цзы-чэном.

Маньчжуры и династия Цин в Китае

За полтора века затянувшейся политической борьбы в верхах за необходимые стране реформы процесс разорения крестьян достиг крайней степени. Снова оживилась деятельность тайных обществ типа «Белого лотоса». Год от года возрастало количество беглых, значительная часть которых шла в отряды разбойного люда. Брошенные против мятежников войска не могли справиться с разгоравшимся восстанием, а в засушливом и голодном 1628 г. в его ряды влились новые массы готовых на все отчаявшихся крестьян. Выдвинулись и талантливые предводители восставших, одним из которых был Ли Цзы-чэн (1606–1645), проявивший незаурядные организационно-политические и полководческие способности. Ли Цзы-чэн, заботившийся о возвращении к попранной норме, к существовавшим до кризиса отношениям, на занятых им землях конфисковывал имущество богатых, брал небольшие налоги, раздавал неимущим конфискованные земли и всенародно наказывал взяточников и притеснителей. Эти меры всегда помогали восставшим одерживать победы, так что неудивительно, что в 1644 г. войска Ли заняли Пекин, а сам он, покончив с Мин, объявил себя императором. Но на этом на сей раз события не закончились. Напротив, они стали развиваться самым драматическим образом.

На протяжении всей второй половины правления Мин, когда в стране

шла ожесточенная внутренняя борьба за реформы, внешняя политика империи была малоэффективной. И хотя при императоре Вань Ли на рубеже XV–XVI вв. была отреставрирована Великая стена, она не мешала соседям Китая совершать на него спорадические набеги. Осложнились и отношения с южными соседями Китая: в XVI в. усилившаяся Япония, которой управлял сёгун Хидэёси, попыталась было вторгнуться в Корею и Китай. Несмотря на то, что вторжение закончилось неудачей, военных лавров минской армии оно не прибавило. В XVI–XVII вв. в Китае появляются первые европейцы – португальцы, затем голландцы. Большую роль при дворе последних минских императоров играли католические миссионеры-иезуиты, познакомившие Китай с неизвестными ему инструментами и механизмами (часы, астрономические приборы), наладившие производство огнестрельного оружия и в то же время обстоятельно изучавшие Китай. К началу XVII в. относятся и первые контакты России с Китаем (миссия Ивана Петлина в 1618 г.). На фоне всех этих многочисленных внешнеполитических, а затем и активных внешнеторговых связей с разными странами мира отношения с небольшим племенем маньчжуров, отдаленных потомков некогда разгромленных монголами чжурчжэней, были вначале чем-то маловажным и второстепенным. Однако в начале XVII в. ситуация стала быстро меняться.

Вождь маньчжуров Нурхаци (1559–1626) сумел не только сплотить под своим началом несколько десятков разрозненных племен, но и заложить основы политической организации. Как и в свое время монгольский Темучин, он обратил преимущественное внимание на армию. И хотя Нурхаци не сумел либо не стремился создать неплеменную армейскую структуру по монгольскому образцу, а ограничился укреплением племенных отрядов (по числу основных племен армия стала именоваться «восьмизнаменной»), маньчжурское войско оказалось весьма активным и боеспособным. В 1609 г. Нурхаци прекратил выплачивать дань минскому Китаю, связи с которым, как и влияние китайской культуры, немало сделали для ускорения темпов развития маньчжурского этноса. Затем он провозгласил собственную династию Цзинь (название, взятое от чжурчжэньского, явно подчеркивало как родство, так и претензии молодого государства) и в 1618 г. начал вооруженную борьбу с Китаем. За сравнительно небольшой срок он успел добиться немалого, выйдя практически к рубежам Великой стены в районе Шаньхайгуаня, на крайней восточной оконечности стены. Преемник Нурхаци Абахай (годы правления: 1626–1643) провозгласил себя императором, изменив название династии на Цин и установив на всей территории Южной Маньчжурии и захваченных им ханств Южной Монголии централизованную администрацию по китайскому образцу.

Вот с этого-то времени маньчжурская конница и стала совершать регулярные набеги на Китай, грабя и увозя в плен, превращая в рабов сотни тысяч китайцев. Естественно, это вынудило минских императоров не просто стянуть войска к Шаньхайгуаню, но и сконцентрировать здесь едва ли не лучшую, крупнейшую и наиболее боеспособную из всех своих армий во главе с У Сань-гуем. После разгрома всех остальных минских армий и вступления Ли Цзы-чэна в Пекин в 1644 г. только армия У Сань-гуя продолжала представлять собой серьезную и боеспособную воинскую единицу, с которой следовало считаться. И новый император, понимая это, решил пойти на переговоры.

Собственно, У Сань-гуй был готов к переговорам. И как знать, чем они могли бы завершиться, если бы не драматическая случайность, которая спутала все карты. Вообще говоря, случайностями вымощена история человечества, хотя в них, как известно, проявляется историческая закономерность. Согласно китайским хроникам, в поисках контакта с родственниками У Сань-гуя новый император посетил дом семьи У, где ему случайно попалась на глаза любимая наложница полководца. Трудно сказать, как точно развивались события, но одно вполне определенно: отец У Сань-гуя в письме к сыну, где излагались предложения Ли Цзы-чэна покончить спор миром, одновременно упомянул о том, что новый император остался неравнодушен к его любимой наложнице. Реакция У Сань-гуя была однозначной: он уже не только не помышлял о переговорах, но кипел гневом и искал способы быстрейшего отмщения.

Следовало как можно скорее покончить с самозванным императором и для этого У Сань-гуй обладал достаточными силами. Но от Шаньхайгуаня до Пекина путь немалый, особенно для пехоты. Иное дело – конница. И недолго думая, китайский полководец вступил в переговоры с маньчжурами. Видимо, немало им пообещав, он добился их согласия и открыл для их отрядов ворота Шаньхайгуаня. Есть основания полагать, что, сделав это и двинувшись на Пекин вслед за маньчжурской конницей, У Сань-гуй в мечтах видел уже на китайском троне самого себя. Однако, когда он с войсками вошел в Пекин, оказалось, что он опоздал. Маньчжуры не только изгнали из столицы Ли Цзы-чэна, который вскоре погиб, но и успели объявить своего малолетнего императора Шуньчжи правителем всего Китая – теперь уже цинского Китая. И хотя власть маньчжурской династии простиралась в это время лишь на район столицы и ее окрестности, дело было сделано. Воевать с маньчжурами в создавшейся ситуации, имея опору лишь в растянутой на многие сотни километров армии, У Сань-гуй не мог, быть может, не решился. Признав, что проиграл, он пошел с армией на службу к завоевателям.

Надо сказать, что антиманьчжурская борьба продолжалась в Китае довольно долго. Но ослабленная длительными внутриполитическими неурядицами и только что пережившая крестьянскую войну страна оказалась легкой добычей для хорошо вооруженного и по-боевому организованного войска завоевателей с их высоким потенциалом пассионарности. Маньчжуры же довольно быстро поставили на службу себе уцелевшие китайские войска, ядром которых была армия У Сань-гуя. Два-три десятка лет ушло на то, чтобы подавить сопротивление, едва ли не последним отчаянным актом которого было восстание 1673 г., которое возглавил все тот же У Сань-гуй, бывший к тому времени наместником юго-западных провинций страны. Жребий неудачника, однако, явно преследовал его: восстание было подавлено, а Китай на долгие века стал империей Цин, возглавлявшейся маньчжурскими правителями.

Как и их многочисленные иноземные предшественники на императорском китайском троне, маньчжуры, несмотря на сохраненные для восьмизнаменных войск и всей маньчжурской аристократии привилегии и на официальное запрещение смешанных браков (запрет действовал не слишком строго), быстро китаизировались. Причем они сознательно не препятствовали этому. Конечно, они стремились сохранить от растворения в гигантской массе китайцев свой немногочисленный этнос, и благодаря запретам и изоляции им это в

определенной мере удалось. Но они никогда, подобно монголам, не противопоставляли себя китайцам в плане культурном, напротив, охотно впитывали китайскую культуру, становились конфуцианцами.

Начиная с Канси (годы правления: 1662–1723), маньчжурские императоры были конфуцианцами, причем ревностными. Они управляли страной, следуя древним заветам и внимая советам конфуцианских ученых-чиновников. Были сохранены традиционная китайская административная система, как и механизм воспроизводства бюрократии, т. е. система экзаменов. Были проведены аграрные мероприятия, направленные на упорядочение землепользования и налогообложения. Казенные земли гуань-тянь щедро раздавались маньчжурам, и правительство строго следило за тем, чтобы не слишком привязанные к земле вчерашние воины-кочевники не продавали своих наделов. А если такое все же случалось, правительство время от времени выкупало проданные земли и возвращало их маньчжурам. Императоры строго следили также и за порядком в крестьянской общинной деревне, за эффективностью отвечавших за налоги и связанных круговой порукой низовых ячеек – пятидворок, десятидворок. Все эти меры в общем давали свои результаты. Китай под властью династии Цин на протяжении первых двух веков развивался достаточно интенсивно. Невероятно быстрый рост народонаселения (на рубеже XVIII–XIX вв. в Китае насчитывалось около 300 млн. человек, тогда как на протяжении предшествующих двух тысячелетий средняя численность населения страны колебалась на уровне 60 млн.) внес свои коррективы в привычную динамику династийного цикла.

Дело в том, что бурно возраставшее демографическое давление имело и плюсы, и минусы. Минусом была явная нехватка земли, аграрное перенаселение. Давно ушли в прошлое те времена, когда крестьянский надел измерялся сотней му. Теперь он стал почти на порядок меньше, равнялся немногим десяткам му, если даже не измерялся единицами тех же му. Но зато во многом изменилось отношение к земле. Демографическое давление вызвало к жизни феномен все возраставшей интенсификации и увеличения производительности труда. Улучшались агротехнические приемы, использовались севообороты, принимались во внимание местные условия для выращивания наиболее выгодных культур и реализации их на рынке. И во всем этом активное участие принимало государство – ведь оно было в конечном счете ответственным за все, включая хозяйство страны. Положение в земледелии для него не могло не иметь значения.

В соответствии с классическим тезисом китайской древности: «земледелие – ствол, основа; торговля, ремесло и иные занятия – ветви, второстепенное» – маньчжурское правительство и весь аппарат его администрации обращали внимание именно на состояние землепользования, так как положение в этой сфере экономики не только гарантировало основную часть доходов казны, но и обеспечивало внутреннюю стабильность империи. Маньчжуры обеспечили покорность китайского населения (символом его была коса, которую под страхом смерти обязаны были носить китайцы мужского пола), но, добившись этого, весьма активно заботились о процветании экономики страны и благосостоянии ее населения, вполне всерьез воспринимая при этом классический конфуцианский тезис о том, что высшая цель верхов – благо народа, на котором зиждится благополучие государства.

Если не считать земель категории гуань-тянь, которые раздавались маньчжурской знати и солдатам, за счет которых существовали императорский двор и храмы, а также выделялись служебные наделы чиновникам, то все основные земли страны были, как и обычно, землями минь-тянь. Было бы неточным считать эти земли частными, даже если они почти свободно переходили из рук в руки. Ведь перемещение земельных участков из одних рук в другие – феномен, с которым Китай был знаком всегда, по меньшей мере с Чжоу. И для китайского государства, которое, впрочем, было озабочено тем, чтобы каждый пахарь имел свое поле, в принципе было не так уж важно, у кого земля; важно только, чтобы за ее использование аккуратно выплачивалась рента-налог. Едва ли не наиболее очевидно это из того, что все земледельцы-налогоплательщики для китайского государства всегда были единым недифференцированным сословием, вне зависимости от их имущественного состояния или имущественных и иных социальных различий. Другое дело, что существенное перемещение земель во владение богатых всегда так или иначе ударяло по казне, и именно поэтому государство то и дело предусматривало в своих реформах препятствия для такого перемещения или заново предоставляло земли всем нуждающимся в них. Но можно ли было обойтись без этого и, точнее, как с этим обстояло дело в цинском Китае?

Из источников явствует, что основным контингентом богатых землевладельцев были шэньши и разбогатевший городской люд, ремесленники и торговцы. Связи между этими категориями владельцев, как и между ними, с одной стороны, и разбогатевшими деревенскими землевладельцами – с другой, издавна были самыми тесными. В богатых деревенских кланах всегда были свои шэньши, а богатые горожане не упускали случая породниться с обедневшими шэньши и тем повысить свой статус. Все это в конечном счете влекло за собой, как и обычно, перекачивание всей тяжести налогов на средних и мелких землевладельцев. Ведь с шэньши, которые помогали чиновникам управлять страной и принимали активное участие во всех общественных делах на местах – в строительстве дорог, храмов, плотин, каналов, сборе налогов, организации тех или иных массовых движений и начинаний и т. п., – много не возьмешь. Напротив, к ним еще и прилипало немало из того, что бралось в форме налогов и повинностей в данном уезде. Так что же было делать с интересами казны?

Уже говорилось о том, что в цинском Китае обычный династийный цикл несколько деформировался за счет прежде всего гигантского демографического взрыва. В земельных отношениях, бывших всегда фундаментом каждого цикла, эти изменения нашли свое отражение в том, что увеличившееся население и резкая интенсификация земледельческого труда с соответствующим ростом производства (другой вопрос, всегда ли компенсировал этот рост увеличившееся количество голодных ртов) заметно ослабили заботы государства о регулярном поступлении налогов в казну. Вместе с увеличением производства объективно возникала возможность и роста налогов. Хотя значительная часть земель оказывалась в руках богатых и они не очень-то торопились платить в казну налоги, на общей массе налогов с данного уезда это не сказывалось слишком заметно, ибо возросшее количество дворов возмещало потери. Дело в том, что с 1713 г. налоговая квота с каждого уезда надолго была жестко фиксированной. Практически это значило, что

казна довольствовалась сбором точно означенной суммы, тогда как все остальное могло едва ли не беспрепятственно оказываться в распоряжении местной власти, т. е. уездного чиновника и окружавших его богатых земледельцев и шэньши, на которых этот чиновник, а вместе с ним и вся власть, надежно опирались. Мало того, из этих собранных сверх квоты налоговых сумм свою долю получали и чиновники более высоких рангов, вплоть до столичных. Государство знало об этом и, видимо, даже не всегда считало это коррупцией. Просто это была форма дополнительной оплаты власть имущих, форма подкормки шэньши, число которых в XVIII–XIX вв. в цинском Китае исчислялось, с семьями, в несколько миллионов человек.

Цинский Китай и внешний мир

Маньчжурская династия в некотором смысле оказалась уникальной для Китая. Ни одному из завоевавших Китай народов не удавалось так удачно вписаться в классическую структуру империи. И не просто вписаться, но найти свое место в этой структуре, не раствориться целиком в ней, а сохранить формальный этнополитический приоритет, династию на протяжении немногим менее трех столетий. Это был своего рода рекорд. Чем же можно объяснить его?

Прежде всего тем, что маньчжуры весьма активно усваивали конфуцианскую культурную традицию. Стоит напомнить в этой связи о 16 заповедях Канси – катехизисе для простого народа, вобравшем в себя в сжатом и понятном виде всю суть великого древнего учения, квинтэссенцию его, весь его нравственный потенциал. Уже одно то, что этого не делал никто до Канси и что это было сделано именно маньчжурским императором на китайском троне, говорит о многом. Далее, маньчжуры не только приняли конфуцианство, что называется, всем сердцем, но и весьма удачно реализовывали его на практике, прежде всего в сфере администрации. Выгодные для них демографическо-экономические процессы они сумели использовать таким образом, чтобы, не обременяя чересчур налогами земледельцев, которые едва ли не с каждым поколением вынуждены были довольствоваться все уменьшавшимися наделами земли, сохранить минимум доходов и распределить все остальное так, чтобы, как говорится, и овцы были целы, и волки сыты.

Разумеется, нет нужды идеализировать маньчжурское правление Китаем. Но памятуя, сколь много гневных стрел было направлено исследователями в адрес цинского Китая и его политики, стоит все-таки восстановить историческую справедливость. А она в том, что по меньшей мере на первых порах, в XVII–XVIII вв., маньчжурское правление в Китае было не слишком уж ощутимо скверным для китайцев. Пожалуй, даже – если не иметь в виду чувство попранного национального достоинства в первые десятилетия правления цинской династии – маньчжурское правление, начиная с Канси, было временем сравнительно благополучного существования для страны. И это время продолжалось достаточно долго. В частности, оно охватило и долгие годы правления Цяньлуна (1736–1796), когда в империи достаточно быстрыми темпами развивались города, ремесло и торговля, а внутренняя стабилизация была настолько очевидной, что создавала весьма благоприятные условия для

активной завоевательной внешней политики.

Вообще отношения цинского Китая с внешним миром складывались в XVII–XVIII вв. с явным преимуществом в пользу Китая. Колонизация Китай почти не затронула. Первое поколение миссионеров, энергично начавшее осваивать Китай в конце правления династии Мин, продолжало занимать заметные позиции и при цинском дворе вплоть до конца XVII в. Однако уже в начале XVIII в. от услуг миссионеров Китай стал отказываться, а затем и вовсе закрыл христианские церкви и выслал из страны миссионеров. Соответственно цинское правительство поступило и с иностранными торговцами. Если в XVII в. португальские, голландские, а затем также английские и французские купцы пытались наладить с Китаем торговые связи и добились некоторых успехов, то в середине XVIII в. торговля с европейцами была ликвидирована, за исключением одного порта в Кантоне (Гуанчжоу), да и там торговля должна была вестись через посредство утвержденной правительством компрадорской компании китайских купцов, строго контролируемой чиновниками. При этом в распоряжении португальцев остался прибрежный остров Макао, который был своего рода опорным пунктом иностранной торговли.

Правда, к концу XVIII в. узкий ручеек транзитной торговли с Китаем вновь понемногу стал расширяться. Китайский шелк, чай, фарфор и иные товары, пользовавшиеся в Европе исключительным спросом, стали продаваться иностранным купцам в большем количестве. Но и здесь не все было гладко. Дело в том, что европейцы мало что могли предложить взамен. Показателен в этом смысле эпизод с английской миссией Макартнея.

Когда в 1793 г. в Китай пробыла первая европейская официальная миссия (к слову, на кораблях, везших миссию по рекам и каналам Китая, была начертана весьма характерная надпись: «Носитель дани из английской страны»), Макартнею был вручен императорский эдикт для передачи королю Георгу III. В эдикте[32] между прочим было сказано: «Как ваш посол мог сам убедиться, у нас есть абсолютно все. Мы не придаем значения изысканно сделанным предметам и не нуждаемся в изделиях вашей страны». И это, в общем, было именно так. Потребности китайцев вполне удовлетворялись китайскими изделиями, а расширять эти потребности цинское правительство резонно не желало, не говоря уже об ограничительной силе самой китайской традиции. Так что иностранные колонизаторы практически мало что могли извлечь из торговых связей с цинским Китаем. Даже наоборот, они вынуждены были платить, скажем, серебром за изысканные китайские товары. Во всяком случае до тех пор, пока англичане не сумели найти выход. Да еще какой!

В обмен на китайские изделия они стали ввозить выращивавшийся в других странах, в основном в Индии, опиум, к курению которого китайцы, особенно жившие в приморских районах, стали быстро привыкать. Ввоз опиума в конце XVIII и особенно в XIX в. все возрастал, пока объем ввозимой отравы не превратился в подлинное бедствие для страны, что и привело к серии опиумных войн в середине XIX в. Собственно, только после этих войн и поражения в них Китая цинская империя начала превращаться в полуколонию. До того ситуация была совершенно иной.

32 Содержание его сводилось в основном к следующему: приветствуем ваше желание приобщиться к нашей культуре, готовы принять вашу дань, но на постоянное пребывание посла в Китае не рассчитывайте, это у нас не принято, и т. п.

Цинское правительство, закрыв свою страну для повседневных контактов с внешним миром и ограничив эти контакты минимумом регулярных связей, немало способствовало тому, что Китай в XVII–XVIII, да и в начале XIX в. был не просто независимой державой, но и демонстрировал свои немалые потенции.

Усилиями цинских властей в начале XVII в. была завоевана Внутренняя Монголия, которая после превращения Китая в империю Цин стала ее частью. Вассалом цинского Китая была Корея, к Китаю был присоединен Тибет. В середине XVIII в. экспедиции Цяньлуна привели к включению в империю Внешней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а в конце того же века цинские войска совершили ряд успешных походов на Непал, Бирму, Вьетнам, а также несколько потеснили русских в районе Амура. Уже один этот краткий перечень свидетельствует о том, что в течение XVII–XVIII вв. цинский Китай территориально вырос едва ли не вдвое, далеко выйдя за пределы Великой стены (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет стали как бы буферными землями, надежно охранявшими собственно Китай), да к тому же еще и оброс вассально зависимыми от него государствами на востоке и юго-западе империи.

Особо следует сказать о русско-китайских отношениях. Если первые шаги в этой области были сделаны, как упоминалось, в конце периода Мин, то основные миссии, главным образом русских в Китай, последовали после установления цинской власти (миссии Ф.И. Байкова в 1654–1657 гг., Н.Г. Спафария в 1675–1678 гг. и др.). Хотя эти миссии не достигли поставленной цели, т. е. не сумели установить с Китаем прочные связи, они немало сделали для этого. Параллельно с миссиями шло продвижение русских казаков, которые вышли к Тихому океану и Амуру и начали осваивать некоторые приамурские территории, которые маньчжуры считали своей вотчиной. Назревала остроконфликтная ситуация. В 80-х годах XVII в. Канси перешел к активным действиям: маньчжурское войско вытеснило казаков из крепости Албазин. И хотя вскоре казаки вернулись обратно, обеспокоенное московское правительство решило начать переговоры, для чего было направлено специальное посольство Ф.А. Головина. Трудные переговоры в Нерчинске закончились подписанием в 1689 г. Нерчинского договора, условия которого оказались невыгодными для России (казаки были обязаны оставить Албазин и очистить Приамурье).

Как бы в компенсацию за это через четверть века (1715) была достигнута договоренность об открытии в Пекине Русской духовной миссии – под формальным предлогом заботы о религиозных потребностях тех из албазинских казаков, кто попал в китайский плен и жил в Пекине. Миссия со временем стала не столько духовным, сколько культурным, научным и дипломатическим центром. Там получали китаеведческое образование и писали свои сочинения лучшие специалисты XVIII–XIX вв. по Китаю, включая знаменитого Н.Я. Бичурина, отца Иакинфа. Миссия сыграла немалую роль в налаживании контактов России с Китаем в те времена, когда регулярного обмена посольствами и тем более стационарных посольств иных стран цинский Китай еще не знал. Важно также, что уже с середины XVIII в. между Россией и Китаем через Монголию была налажена достаточно регулярная транзитная торговля.

Из сказанного вполне очевидно, что вплоть до XIX в. цинский Китай уверенно и даже не без оттенка высокомерия сохранял свои

традиционные позиции в сношениях с внешним миром. Кое в чем он время от времени поступался, разрешая, в частности, вести торговлю с европейскими и русскими купцами без обычного прикрытия этих связей камуфляжем даннических отношений. Хотя, как это хорошо видно из материалов о посольстве Макартнея или из описей русских миссий, во взаимоотношениях с официальными представителями держав маньчжуры твердо стояли на почве традиции, едва ли не искренне считая послов представителями от государств-вассалов, если не реальных, то потенциальных. Словом, цинский Китай, особенно после его немалых территориальных приобретений XVII–XVIII вв., был одной из крупнейших стран мира с достаточно еще стабильной и жизнеспособной внутренней структурой, с хорошо налаженной экономикой, сильной армией. Но слабость его была именно в том, что в другие времена всегда составляло его силу, – в мощи китайского традиционного государства, в отсутствии развитой по европейским меркам и принципам частной собственности. Это стало отчетливо сказываться с начала XIX в., когда англичане начали быстрыми темпами наращивать ввоз опиума в Южный Китай.

Движимые жаждой наживы, английские купцы поставили дело на широкую ногу, так что то самое серебро, которое до того шло в Китай, теперь стало щедрым потоком идти в обратном направлении – в качестве платы за опиум, торговля которым шла в основном контрабандным путем. Несмотря на официальные запреты и даже эдикты императора, торговля не прекращалась, причем нет сомнений в том, что на этом грели руки и наживались многие чиновники цинской администрации. Только в 1839 г., когда наместником двух южных провинций стал Линь Цзэ-сюй, началась энергичная борьба против опиумной контрабанды, в ходе которой конфискации подверглись запасы опиума в английских торговых факториях. Эти события были использованы Англией в качестве casus belli. В конце 1839 г. были спровоцированы первые столкновения китайцев с англичанами, а летом 1840 г. британская военная эскадра высадила десант. Отставка Линь Цзэ-сюя не смягчила остроту конфликта, с обеих сторон начались открытые военные действия, которые завершились успешным продвижением англичан и капитуляцией цинского Китая летом 1842 г.

Неповоротливость традиционного государственного механизма, неумение вести бои против хорошо вооруженных современным оружием английских войск – все это, равно как и экономическая незаинтересованность Китая в активных связях с внешним миром, поставило страну в крайне невыгодное положение перед лицом активного, энергичного, напористого врага, движимого чувством наживы и стремлением найти емкий рынок для своей нуждающейся в новых рынках капиталистической промышленности. Нанкинский договор 1842 г. практически поставил Китай на колени: империя должна была выплатить огромную контрибуцию и предоставить Англии множество льгот, начиная с открытия для торговли теперь уже пяти портов и кончая льготными условиями для британских торговцев, вплоть до низких 5%-ных таможенных тарифов. Вскоре аналогичные льготы получили торговцы других капиталистических стран, а все иностранцы приобрели право экстерриториальности, т. е. неподсудности китайским властям. Именно эта серия неравноправных договоров и открытые Китая для иностранной торговли на очень льготных основах, с откровенными привилегиями для иностранцев, и положили начало не столько превращению Китая в

полуколонию (преувеличивать этот момент едва ли стоит – Китай оставался вплоть до XX в. политически независимым государством, хотя, конечно, он в международных делах все же зависел от баланса политических сил капиталистических держав), сколько упадку империи, концу цинской династии.

Глава 11
Юго-Восточная Азия: Цейлон и страны Индокитая

На протяжении тысячелетий взаимоотношения развитых центров мировой цивилизации с варварской периферией складывались достаточно сложно. Собственно, принцип взаимоотношений был однозначным: более развитые культурные земледельческие центры влияли на отсталую периферию, втягивая ее постепенно в свою орбиту, стимулируя ускорение темпов социального, политического, экономического и культурного развития ее народов. Но этот генеральный принцип в различных условиях действовал по-разному. В одних случаях ближнюю периферию постепенно аннексировала расширяющаяся империя; в других – энергично развивавшийся и обладавший пассионарным зарядом народ, получив первоначальный импульс для движения вперед от других, начинал затем вести активную политику и, в частности, вторгался в зоны тысячелетней цивилизации, подчиняя себе многие древние страны (арабы, монголы и др.). Наконец, третьим вариантом была постепенная кумуляция полезных заимствований и некоторое ускорение за этот счет собственного развития без активной внешней политики, но с учетом взаимных контактов и перемещений, миграций народов. Вот этот третий путь был типичным для многих народов мира, будь то Восточная Европа, Юго-Восточная Азия или Дальний Восток.

Юго-Восточная Азия – интересный и во многих отношениях уникальный регион, место пересечения многих мировых путей, миграционных потоков, культурных влияний. Пожалуй, в этом смысле его можно сравнить только с ближневосточным регионом. Но если ближневосточные земли были в свое время колыбелью мировой цивилизации, если к ним так или иначе тянутся истоки едва ли не всех древнейших народов мира, важнейших изобретений и технологических открытий, то с юго-восточноазиатским регионом дело обстоит несколько иначе, хотя и в чем-то похоже.

Сходство в том, что, как и Ближний Восток, Юго-Восточная Азия еще на заре процесса антропогенеза была местом обитания человекообразных: именно здесь наука еще в прошлом веке обнаружила следы архантропов (питекантроп яванский), а в середине XX в. дала и множество других аналогичных открытий. Если и есть на Земле самостоятельные – иные, кроме ближневосточного, – центры неолитической революции, то в Евразии это именно юго-восточноазиатский: здесь археологи нашли следы раннеземледельческих культур едва ли не большей древности, чем ближневосточные. Однако существенная разница в том, что земледелие в этом регионе было представлено выращиванием клубне – и корнеплодных (особенно таро и ямса), но не зерновых.

Казалось бы, разница не столь уж велика, главное все-таки в

принципе: дошли же жившие здесь народы, причем вполне самостоятельно, до искусства выращивания растений и собирания плодов! Как, к слову, и до искусства керамики. И все-таки эта разница не только колоссальная, но и в некотором смысле роковая по результатам: возделывание зерновых привело в свое время ближневосточный регион к накоплению избыточного продукта, которое сделало возможным возникновение первичных очагов цивилизации и государственности, тогда как возделывание клубней с их менее полезными свойствами к этому не привело (клубни, в отличие от зерна, долго не сохранишь, особенно в жарком климате, да и еда эта по своему составу во многом уступает зерну). И хотя несколько десятилетий назад специалисты нашли в пещерах Таиланда следы весьма древней культуры бронзового века, что вносит немало нового в существующие представления о развитии и распространении бронзовых изделий, решающей роли в пересмотре взглядов на место юго-восточноазиатского региона в мировой истории это не сыграло. Ни местное земледелие, ни – позже – изделия из бронзы не привели здесь к возникновению древнейших очагов цивилизации и государственности, которые были бы сопоставимы с ближневосточными.

Достаточно рано, еще в IV тысячелетии до н. э., быть может, не без воздействия извне, юго-восточноазиатские народы перешли к возделыванию зерновых, в частности риса, но лишь сравнительно поздно, незадолго до нашей эры, в этом регионе стали возникать первые протогосударственные образования. Не вполне ясны причины такой задержки в развитии региона, который стартовал так давно и достиг столь многого еще в глубокой древности. Быть может, сыграли свою роль не очень благоприятные для образования крупных политических организмов природные условия, включая жаркий, тропический климат. Или свою роль сыграла географическая среда с преобладанием гористых районов с узкими и замкнутыми долинами, отделенных друг от друга островов. Но факт остается фактом: только незадолго до начала нашей эры в этом регионе складываются первые протогосударства, возникавшие под сильным влиянием, а порой и под прямым воздействием индийской культуры.

Индийское культурное влияние (брахманизм, касты, индуизм в форме шиваизма и вишнуизма, затем буддизм) определяло социальное и политическое развитие протогосударств и ранних государств всего юго-восточноазиатского региона, как его полуостровной части (Индокитай), так и островной, включая Цейлон (хотя этот остров в строго географическом смысле не входит в Юго-Восточную Азию, по историческим судьбам он достаточно тесно примыкает к ней, что мы и примем во внимание, не говоря уже об удобстве изложения). Воздействие индийской культуры было самым непосредственным: многие представители правящих домов в регионе возводили свой род к выходцам из Индии и весьма этим гордились. В религиозных верованиях и в социальной структуре, включая кастовое членение, это воздействие видно, что называется, невооруженным глазом. Но со временем влияние со стороны Индии ослабевало. Зато усиливались иные потоки культурного взаимодействия.

Прежде всего имеется в виду Китай. Западные районы Индокитая и особенно Вьетнам были зоной китайского влияния уже со времен династии Цинь, когда первые вьетнамские протогосударства были подчинены циньской армией и затем на долгие века, несмотря на порой

героическое сопротивление вьетнамцев, оставались под властью Китая. Да и после обретения Вьетнамом независимости китайское влияние в регионе не ослабло. Даже наоборот, усилилось. Еще позже появился в регионе и третий мощный поток культурного воздействия – мусульманский, который стал вытеснять индийское влияние.

Таким образом, страны и народы Юго-Восточной Азии оказались под воздействием трех великих восточных цивилизаций. Естественно, это не могло не наложить на регион своего отпечатка и не сказаться на сложности культурно-политической ситуации. Если же прибавить к сказанному, что в Индокитай постоянно шли с севера миграционные потоки и что этот полуостров с его горными цепями, узкими долинами, бурными реками и джунглями был, что называется, самой природой уготован для существования здесь многочисленных разрозненных и этнически замкнутых групп, то станет очевидным, что и этническая, языковая ситуация в этом регионе достаточно сложна. Обратимся теперь к истории основных стран и народов Индокитая, затронув при этом и Цейлон.

Шри-Ланка (Цейлон)

В географическом и историко-культурном плане Цейлон всегда тяготел к Индии. Но он всегда имел и достаточно тесные связи с Индокитаем. В частности, немалая доля того культурного влияния со стороны Индии, о котором уже говорилось, шла именно через Цейлон, который на рубеже нашей эры стал признанным центром пришедшего туда из Индии буддизма в его ранней хинаянистской модификации, буддизма Тхеравады.

Трудно с точностью говорить о первых шагах государственности на этом острове. Легенды повествуют о том, что в III в. до н. э. местный правитель послал посольство ко двору императора Ашоки и что в ответ на Цейлон прибыл сын Ашоки, буддийский монах Махинда, который обратил в буддизм правителя острова, его окружение, а затем и все местное население. Неясно, насколько эти предания соответствуют истине, но весьма вероятно, что они как-то отражают ее и что именно в III в. до н. э. под влиянием потока мигрантов-буддистов из Индии, ознакомивших местное население с буддизмом и другими элементами индийской цивилизации, включая и рисосеяние, на острове возникли первые устойчивые государственные образования. Во всяком случае вполне определенно, что государство со столицей в Анурадхапуре с самого своего возникновения стало буддийским, а буддийские монастыри и монахи играли в нем огромную роль. Цейлон быстро превратился в святилище буддизма. Здесь был торжественно высажен отросток от священного дерева, под которым некогда, по преданию, прозрел великий Будда. Сюда со всей тщательностью и пышностью были привезены некоторые мощи Будды. Здесь началось составление писаного канона буддизма Трипитаки. И наконец, именно на Цейлоне в первые века нашей эры был выстроен знаменитый храм в Канди, где как самое ценное достояние страны хранился зуб Будды, для поклонения которому стекались из соседних буддийских стран многочисленные пилигримы.

Вся политическая история первого полуторатысячелетия (III в. до н. э. – XII в. н. э.) была активно связана с борьбой за укрепление и

отстаивание позиций буддизма на острове. Ассимиляция мигрантов из Индии с туземным населением заложила на рубеже нашей эры основы сингальского этноса. Сингальские правители и были, как правило, ревностными защитниками буддизма. Вместе с тем остров время от времени захлестывали волны пришельцев из Южной Индии, завоевателей-тамилов, вместе с которыми на Цейлон прибывали многочисленные индуисты. Индуизм начинал теснить буддизм, что вызывало многочисленные конфликты. Новые волны мигрантов из Индии в начале нашей эры несли с собой и элементы буддизма махаянистского толка, так что религиозная ситуация на Цейлоне становилась все более сложной. В целом, однако, она свелась к тому, что окрашенная в религиозные тона рознь между местным сингальским буддистским населением и пришлым индуистским тамильским[33] сохранялась на протяжении всей истории страны и дожила, как известно, до наших дней.

Столицей страны вплоть до XI в. была Анурадхапура с ее обилием буддийских храмов и монастырей. Затем, в связи с завоеванием Цейлона южноиндийским государством Чолов и провозглашением в качестве официальной религии индуизма в форме шиваизма, столица была перенесена в город Полоннарува, центр индуизма. Впрочем, буддийские монастыри, как и индуистские храмы, на Цейлоне процветали всегда. В их распоряжении были богатые земли и иные сокровища, они обладали налоговым иммунитетом и имели огромный престиж среди местного населения.

Политическая история острова, как и других стран Востока, подчинялась общим законам цикловой динамики: периоды централизации и эффективной власти сильных правителей сменялись периодами децентрализации и междоусобной борьбы, после чего вновь возникали сильные централизованные государства, обычно покровительствовавшие буддизму (если только это не были государства, основанные мигрантами из Индии). Верховным собственником земли в стране считался глава государства, от имени которого, в частности, шли пожертвования и пожалования монастырям и храмам. Крестьяне платили ренту-налог в казну либо монастырям и храмам. Существовала довольно сильная, близкая по стандарту к индийской (хотя и без каст) община, делами которой ведал общинный совет. В административном плане страна делилась на провинции, области и уезды.

В XII–XV вв. заметно усилились феодально-сепаратистские тенденции на Цейлоне, вследствие чего лишь отдельным правителям и на короткий срок удавалось объединить страну, фактически распавшуюся на части. Наиболее сильной и богатой частью острова был юго-запад, где возникло самостоятельное государство Когте, основу дохода которого составляло выращивание кокосовых пальм и коричного дерева. Торговля корицей, ведшаяся транзитом через Индию, приносила огромные доходы и послужила одним из источников представлений европейцев об Индии (о Цейлоне они тогда еще и не подозревали) как о стране пряностей. Стремление овладеть путями к стране пряностей было, как упоминалось, важнейшим стимулом, способствовавшим Великим географическим открытиям XV–XVI вв. Активные инициаторы этих открытий, португальцы,

33 Оседание тамильцев на севере острова превратило некоторые его районы почти целиком в тамильские; там время от времени возникали самостоятельные тамильские государства

уже в самом начале XVI в. обосновались на юго-западе Цейлона, в Котте, где ими был выстроен форт Коломбо. Вскоре вслед за этим португальцы подчинили своему влиянию и государство Канди в центре острова.

Однако серия восстаний и войн привела к отступлению португальцев в конце XVI в., а в середине XVII в. они окончательно были изгнаны с Цейлона, но зато на смену им пришли голландцы, захватившие в свои руки монополию на торговлю корицей. В конце XVIII в. были изгнаны и голландцы, а их место заняли англичане. На фоне этих междоусобных войн колонизаторов местные политические деятели из числа сингальской и тамильской знати уже не были в силах защищать интересы страны и народа. С начала XIX в. Цейлон стал английской колонией, центром разведения шедших на экспорт кофе, а затем и чая.

Плантационное хозяйство заметно трансформировало привычную аграрную структуру страны. У многих крестьян были отняты их земли, а сами они были превращены в батраков, работавших на плантациях. В помощь им порой привозились из Индии завербованные там рабочие. Впрочем, сравнительно быстрое развитие страны в XIX в. вело к возрождению в ней национального сознания на новой основе. И хотя идейной базой национализма продолжал оставаться в основном буддизм, что является характерным для Шри-Ланки и сегодня, в стране возникла и с середины XIX в. стала играть немалую роль светская национальная культура (газеты на сингальском, а затем и тамильском языках, новая литература), что способствовало развитию антиколониальных настроений, а затем и политических движений, группировок и т. п.

Бирма

Хотя территория Северной Бирмы издревле служила пешеходным мостом между Индией и Китаем, государственность в самой Бирме возникла сравнительно поздно. Достоверные данные свидетельствуют лишь о том, что древнейшие аборигены здешних мест еще во II тысячелетии до н. э. были потеснены пришедшими с севера и северо-востока монкхмерами, после чего в I тысячелетии до н. э. с севера стали прибывать волнами тибето-бирманские племена. Протогосударство Аракан на юго-западе Бирмы было, видимо, древнейшим, причем не исключено, что в возникновении его сыграли определенную роль прибывшие сюда из Индии на рубеже нашей эры монахи, которые привезли с собой буддийские реликвии, – так, во всяком случае, гласят легенды. Позже, примерно в IV в., в центре современной Бирмы возникло протогосударство Шрикшетра бирманского племени пью, где тоже вполне очевидно господствовал буддизм южного хинаянистского толка. Впрочем, пью уже были знакомы и с вишнуизмом, о чем свидетельствуют сохранившиеся от того времени каменные скульптуры Вишну. На юге Бирмы возникло монское государство Раманадеса.

Все эти ранние государственные образования, особенно Шрикшетра, сыграли определенную роль в возникновении более развитого государства, королевства Паган, которое с XI в. объединило под своей властью как населенные бирманцами северные земли, так и южнобирманскую страну монов. Вассально зависимым от Пагана стал и Аракан. Влияние Цейлона сыграло свою роль в том, что южный буддизм Тхеравада занял в Пагане более прочные позиции (специальная пагода

Швезигон была выстроена для того, чтобы в нее торжественно поместили копию цейлонского зуба Будды из Канди), нежели проникавший с севера махаянистский буддизм, в немалой степени отягощенный элементами тантризма с его сексомагией.

Легендарный основатель королевства Паган Аноратха (1044–1077) много сделал для укрепления государства. При нем, как свидетельствуют предания, были заложены основы бирманского письма на основе графики пали и монского алфавита, получили развитие литература, различные искусства, прежде всего в их индианизированной мифологической форме. Видимо, определенное влияние на культуру Пагана оказал и Китай. Мало известно о внутренней социально-экономической структуре паганского общества. Но то, что известно, вполне списывается в привычные параметры: в стране господствовала власть-собственность (верховная собственность) правителя на землю, существовали вассальные владения крупной знати, аппарат чиновников, а также общинные крестьяне, которые платили в казну либо поставленному над ними казной владельцу земли, аристократу и чиновнику, ренту-налог.

Укрепление экономических позиций знати и буддийской церкви привело в конце XII в. к ослаблению не устоявшейся еще централизованной структуры паганского королевства. Слабевшая держава начала распадаться на части, а нашествие монголов во второй половине XIII в. ускорило ее развал. В XIV–XVI вв. в Бирме сосуществовало несколько небольших государств. В середине XVI в. шанское княжество Пегу ненадолго объединило Бирму под своей властью и даже на 15 лет поставило в вассальную зависимость от себя крупное тайское государство Аютию. Но на рубеже XVI–XVII вв. ситуация резко изменилась в связи с появлением в Бирме португальцев, развивших очень активную деятельность, включая чуть ли не насильственную христианизацию местного населения. Возмущение нажимом со стороны португальских колонизаторов, пользовавшихся определенной поддержкой властей, привело к гибели государства Пегу. На смену ему пришло новое государство под властью правителя княжества Авы, который сумел объединить вокруг себя большую часть Бирмы. Авское государство просуществовало свыше ста лет, до середины XVIII в., причем временами оно находилось под сильным давлением со стороны цинского Китая, хотя при этом в нем по-прежнему хозяйничали португальские, индийские, а чуть позже также голландские и английские купцы, державшие в своих руках всю внешнюю и транзитную торговлю.

Социально-политическая структура в позднем средневековье в принципе оставалась той же, что была ранее. Правитель, высший субъект власти-собственности, опирался на достаточно развитый аппарат власти, состоявший из нескольких центральных учреждений и различных административных подразделений. Управители-мьотуджи считались чиновниками и за свою службу имели право на часть ренты-налога с управляемых ими областей. Остальное шло в казну государства и использовалось на содержание центрального аппарата, войска и иные нужды. Существовало монастырское землевладение, освобожденное от налогообложения. Значительной автономией пользовались правители окраинных княжеств, населенных в основном небирманскими племенами.

Буддийская церковь в Бирме была официально господствующей. Расположенные по всей стране монастыри были здесь не только религиозными, но также образовательными и культурными центрами,

блюстителями знаний, нормы и порядка. Считалось обычным, что каждый юноша учился – если вообще учился – именно в соседнем монастыре и, естественно, прежде всего мудрости буддизма. По достижении совершеннолетия каждый бирманец проводил в монастыре несколько месяцев, а то и лет, проникаясь на всю жизнь духом буддизма.

Едва ли не весь XVIII век в Бирме прошел бурно. На западе древнее государство Аракан, вновь обретшее самостоятельность, испытывало сильное влияние со стороны мусульманской колонизованной англичанами Бенгалии. Сложные взаимоотношения Аракана с бенгальскими исламскими правителями – а через них и с администрацией империи Великих Моголов, пока она еще существовала, – и с явно стремившимися расширить зону своего влияния за счет Бирмы англичанами усугублялись необходимостью постоянной борьбы с португальскими пиратами и с собственными соседями-бирманцами в Бирме. Авское государство, просуществовавшее до середины XVIII в., пало под ударами одного из монских правителей, после чего отношения сложившегося в результате этого завоевания нового государства с цинским Китаем привели к вооруженному конфликту с китайскими войсками. Безрезультатными, хотя и весьма обременительными, были и почти непрекращавшиеся войны бирманских государств с Сиамом.

И все же, несмотря на все сложности, в Бирме в XVIII в. шел заметный процесс политической интеграции, одним из проявлений которого были военно-политические успехи: в начале XIX в. к Бирме, правда ненадолго, были присоединены индийские княжества Ассам и Манипур. В ходе первой англо-бирманской войны 1824–1826 гг. не только эти княжества, но также и Аракан были аннексированы англичанами, равно как и южные земли Тенассерима. Аннексия бирманских земель была продолжена в ходе второй (1852), а затем и третьей (1885) англо-бирманских войн, после чего независимая Бирма перестала существовать. Колонизация Бирмы англичанами привела к существенным изменениям в ней. Там стало быстрыми темпами развиваться рыночное хозяйство, ведшее к специализации сельскохозяйственного производства, затем также к созданию национальной экономической общности и, как следствие этого, к росту национального самосознания, к осознанию собственной бирманской государственной самобытности. При всем том, что колониализм принес бирманскому народу разорение земледельцев и превращение страны в аграрный придаток Великобритании, он косвенно способствовал развитию Бирмы, как экономическому, так и политическому. Едва ли стоит преувеличивать степень этого развития в XIX, да и в XX в., особенно если иметь в виду сохранение на окраинах страны племенных групп, находившихся на низком уровне развития. Однако нельзя забывать о том, что приобщение колониальной Бирмы к мировому рынку, равно как и воздействие со стороны европейской культуры, не прошли для этой страны бесследно и сыграли свою позитивную роль в событиях XX в.

Таиланд (Сиам)

Если не считать упоминавшихся уже сенсационных находок изделий из бронзы в пещерах Таиланда, датируемых весьма ранней древностью, но пока еще никак не увязанных с какими-либо этническими группами и тем

более компактными и четко фиксируемыми археологическими стоянками и культурами, – то придется признать, что наиболее ранние следы городской жизни, цивилизации и государственности в Таиланде относятся лишь к началу нашей эры, когда здесь обитали мигрировавшие сюда незадолго до того племена монкхмеров. Есть веские основания полагать, что, как и в случае с древней Бирмой, толчком для создания первых очагов государственности послужило интенсивное проникновение индийского влияния и, в частности, буддизма хинаянистского толка.

Мало что известно о древнейших монских протогосударствах в бассейне Менама. Китайские летописи, например, упоминают о независимом государстве Дваравати применительно к VII в., а более ранние надписи на монском и санскрите позволяют предположить, что это протогосударство существовало уже в IV–VI вв. и первоначально было вассалом кхмерского государства Фунань. С VIII–IX вв. столицей государства стал город Лопбури (Лавапура), соответственно изменилось и название государства. Лопбури находилось в вассальной зависимости от кхмеров, с XI в. – от Камбоджи. Другое монское государство на территории Таиланда, Харипуджайя, возникло в VIII–IX вв. чуть севернее Лопбури и вело с ним непрекращающиеся войны. После фактического подчинения Лопбури Камбодже Харипуджайя стала вести войны с Камбоджей.

Пока моны и кхмеры выясняли таким образом отношения друг с другом, с севера волна за волной стали мигрировать на юг племена таи. Еще в VII в. эти племена, возможно, смешавшиеся с тибето-бирманскими племенами, создали на территории современного Южного Китая (провинция Юньнэнь) государство Наньчжао, просуществовавшее в качестве независимого политического образования вплоть до нашествия монголов в XIII в. и оказавшее немалое воздействие как на успешную миграцию тайских племен на юг, так и на проникновение туда многих элементов китайской культуры и политической администрации. Волнами мигрируя на юг и смешиваясь с местным мон-кхмерским населением, а затем вновь наслаиваясь на эту ранее метисованную основу, тайские племена в XI–XII вв. стали явно преобладать на территории Таиланда как количественно, так и в этноязыковом плане. Создание нескольких тайских государственных образований было той солидной основой, на которой в XIII в. тайские вожди, воспользовавшись ослаблением ведшей непрерывные войны с бирманским Паганом кхмерской Камбоджи, объединились в рамках вновь возникшего крепкого государства Сукотаи. Оно достигло наивысшего расцвета при Рамкамхенге (1275–1317). Захват монголами Юньнани и падение государства Наньчжао вызвали новую волну тайско-наньчжаоской миграции, что усилило политические позиции Сукотаи, которое расширило свою территорию, заставив потесниться древние монские государства Лопбури и Харипуджайю, а также и кхмеров, т. е. Камбоджу, к тому времени уже сильно ослабевшую.

Усиление влияния Сукотаи было, однако, недолговечным. Внутренняя слабость этого государства (правитель обычно раздавал сыновьям в качестве наследственных уделов немалую часть территории страны, что не могло не привести к ее феодальной раздробленности; не исключено, что этот институт уделов был заимствован из китайской традиции) привела к распаду его после Рамхамхенга. В результате последовавшей затем междоусобной борьбы тайских правителей возвысился один из них, основавший новую столицу Аютию и

короновавшийся под именем Раматибоди I (1350–1369). Раматибоди и созданное им государство Аютия активно действовали в направлении объединения как всех тайских земель, так и населенных монами соседних территорий. С XV в. Аютия (Сиам) превратилась в одно из крупнейших государств Индокитая; даже Камбоджа была его вассалом.

Структурная слабость времен Сукотаи была учтена правителями Аютии. Новые государи Сиама вычленили из китайского опыта его наиболее сильные стороны и использовали их с немалым успехом. Высшим и единственным распорядителем земли, субъектом власти-собственности в государстве был король, по отношению к которому все землевладельцы выступали в качестве налогоплательщиков, вносивших в казну ренту-налог. Управлял страной разветвленный государственный аппарат, причем чиновники в качестве жалованья получали право сбора определенной доли ренты-налога с управляемых территорий, строго соответственно их рангу и должности. Крестьяне жили общинами и платили ренту-налог в казну. Часть крестьян была приписана к военному ведомству и военизирована; существовали свои формы военно-административной структуры, а также учения и военные тренировки. Видимо, сила и военные успехи тайцев в немалой степени зависели от активности этой части населения, т. е. военнопоселенцев.

Централизованная администрация распространялась в основном на те районы Сиама, где жили сами тайцы. Но существовали еще и так называемые внешние провинции, управлявшиеся специальными наместниками, чаще всего принцами крови. Эти провинции, населенные преимущественно ногайским населением, обладали некоторой долей автономии. Но этнические различия между правящими тайскими верхами и угнетенными инородцами приводили к заметному утяжелению феодального гнета: наместники порой превращались в самовластных феодальных князьков, нещадно эксплуатировавших местное население, зависимость которого от них превращалась в кабальную (шесть месяцев в году – труд на господина или в пользу казны).

В середине XVI в. Аютия на короткое время попала в зависимость от бирманского государства Пегу, бывшего тогда на вершине своего могущества. Это обстоятельство было использовано кхмерами, которые решили выступить против ослабленного Сиама. Однако сиамцы нашли в себе силы для отпора. В 1584 г. началось мощное движение за независимость, а в период правления Наресуана (1590–1605) бирманцы и кхмеры были изгнаны из Аютии. Более того, было завершено объединение всех тайских земель, что превратило Сиам в одну из крупнейших держав Индокитая.

Как и другие страны региона, Сиам с XVI в. стал объектом колониальной экспансии со стороны португальских, голландских, английских и особенно французских купцов. Но колониальный нажим вызвал резкое сопротивление со стороны как раз в это время усилившейся центральной власти, которая сумела на рубеже XVII–XVIII вв. изгнать иностранных торговцев и закрыть страну от них. Надо сказать, что изоляция страны от европейского торгово-промышленного капитала способствовала некоторому упадку хозяйства и вызвала усиление эксплуатации крестьян старыми методами, отработанными ранее. Теперь уже практически все крестьяне Сиама были обязаны шесть месяцев в году работать на казну. Иными словами, норма ренты-налога повысилась до 50%. При этом кабально-зависимые, особенно из числа

этнически чуждых тайцам народов, превратились в еще более жестоко эксплуатируемых, почти в рабов, что время от времени вызывало в стране восстания, имевшие часто религиозно-мистическую окраску и возглавлявшиеся обычно буддистами. Буддизм в Таиланде, как и в Бирме, был официальной государственной религией, а монастыри пользовались немалым престижем, как и буддийские монахи.

XVIII век прошел для Сиама под знаком войн с Вьетнамом и Бирмой, а также в стремлении подчинить ослабевшие Лаос и Камбоджу. Успехи в этих войнах привели к преодолению внутреннего кризиса и способствовали некоторому расцвету Сиама, включая литературу и искусство. Сильная центральная власть сумела наладить и развитие хозяйственных связей страны с внешним миром, что в начале XIX в. привело к возрастанию роли товарно-денежных отношений и развитию частнособственнических связей в Сиаме. Это стало своего рода эквивалентом отсутствию регулярных взаимоотношений с колониальным капиталом. Развитие за счет внутренних возможностей укрепило Сиам и поставило эту страну в особое положение на полуострове Индокитай. В XIX в. Сиам был единственным независимым от колониализма государством в Индокитае. Конечно, Сиам также постепенно втягивался в мировой рынок, в него тоже начинали проникать иностранные торговцы и колониальный капитал, но колонией какой-либо из держав эта страна так и не стала, что заметно отличает ее от других стран Юго-Восточной Азии.

Камбоджа

Древнейшим государственным образованием на территории Камбоджи была Фунань – индианизированное государство, история которого известна в основном по данным китайских хроник. Все, что известно о Фунани, указывает на индийские и индуистско-буддийские политические и культурные истоки этого государства, тогда как об этнической характеристике населения трудно сказать что-либо определенное. Не исключено, что одним из основных местных субстратов уже и тогда были кхмеры, хотя возможно, что роль их в то время была еще невелика. Завоевание Фунани ее северным соседом Ченла, в прошлом ее вассалом, привело в середине VI в. к господству кхмеров, культура и письменность которых сложились на индо-буддийской санскритской основе. Как полагают, индоиранским по происхождению было и название (Камбоджа), которым стало именоваться новое государство. Немногочисленные надписи на санскрите и кхмерском языках, а также материалы китайских источников содержат немало сведений о ранних периодах истории Камбоджи, которую нередко посещали китайские посольства (стоит вспомнить, что в эти века Китай был сюзереном Вьетнама и китайцы часто бывали рядом с кхмерским государством).

Сведения, о которых идет речь, позволяют предположить, что структура ранней кхмерской Камбоджи была типичной для восточных обществ. Землевладельцы в основном являлись крестьянами, жившими общинами. Существовало служебное землевладение. В казну шел поток ренты-налога. Государственный аппарат существовал на привычной иерархическо-чиновничьей основе. Господствующей религией был буддизм, хотя огромную роль играл и индуизм. Даже в мифологии есть следы претензий правящего дома Камбоджи на родство с легендарными

индуистскими «лунной» и «солнечной» династиями.

На рубеже VII–VIII вв. Камбоджа распалась на несколько соперничавших государств, в ходе междоусобной борьбы которых с IX в. стала усиливаться Камбуджадеша (Ангкорская Камбоджа) с ее обожествленными правителями (дева-раджа, т. е. царь-бог), культ которых немало содействовал развитию строительства пышных дворцово-храмовых комплексов, непревзойденной вершиной которых стали храмы Ангкора, где доминировали башни в форме линги, шиваистского символа правителя. Соответственно огромную роль в стране играли индуистские жрецы-брахманы, то и дело прибывавшие в Камбоджу. Правитель страны был высшим собственником всего, включая земли, т. е. субъектом власти-собственности. Часть земли непосредственно принадлежала двору, немало – жрецам и храмам. Доход с остальных шел в казну. Обрабатывали землю общинные крестьяне, но на королевских и храмовых землях этим обычно занимались неполноправные кхнюм. Административный аппарат состоял из чиновников, получавших за службу временные служебные наделы, которые, как правило, тоже обрабатывали кхнюм. Поскольку должности, особенно в высших разрядах чиновничества, бывали наследственными, чиновник по статусу был близок к знатному аристократу с его наследственными, нередко перераставшими в феодальные, правами.

Расцвет Ангкорской Камбоджи пришелся на XI век; с XIII в. она стала заметно ослабевать, чему в немалой степени способствовало проникновение из соседних стран буддизма в его южной хинаянистской форме. Религиозная борьба между индуистами-шиваитами и буддистами привела в Камбодже к победе буддизма, что совпало по времени с ослаблением и распадом Камбуджадеши. С XIV в. уходит в прошлое почти теократическая власть обожествленного монарха. Хинаянистский буддизм становится государственной религией. С XV в., когда сиамцы разграбили Ангкор, Камбуджадеша окончательно перестала существовать. Правда, вскоре Камбоджа была воссоздана заново со столицей в Пномпене, но величие страны, как и ее национальная гордость – храмы Ангкора, ушли в прошлое, в историю.

В XVI–XVII вв. Сиам и Дайвьет (Вьетнам) сильно теснили Камбоджу. И хотя временами кхмерам удавалось постоять за себя, сила была уже не на их стороне. Борьба кончилась тем, что в XIX в. правители Камбоджи вынуждены были признать двойной сюзеренитет Сиама и Вьетнама и искать помощи против своих сюзеренов на стороне, у французов, которые не преминули воспользоваться этим, что и привело, как известно, к превращению Камбоджи в колонию Франции.

Лаос

История Лаоса развивалась во многом параллельно таиландской: на местную аборигенную аустроазиатскую этноязычную основу наложился вначале мон-кхмерский, а затем таи-лаосский слой. Но, в отличие от Таиланда, города и протогосударства здесь оформились довольно поздно, в основном уже под влиянием кхмерской и даже тайской культур и через них – индо-буддизма. Этому процессу способствовали все те же волны тайской миграции, вызывавшиеся политическими событиями в Наньчжао в IX–XIII вв. В XIII в. Северный Лаос вошел в состав тайского государства

Сукотаи, где господствующей религией был буддизм Тхеравада. Южные районы Лаоса в это время находились под влиянием кхмерских государств. В XIV в. несколько лаосских княжеств объединились в государство Лансанг, первый правитель которого Фа Нгун (1353–1373) расширил свои владения также за счет северно-восточных районов Таиланда.

Административная структура Лансанга, как и тайская, вобравшая, видимо, немало из китайской традиции через посредство Наньчжао, представляла собой иерархическую сеть центральных и окружных администраторов, каждый из которых управлял определенным ведомством либо округом, заботясь при этом о взимании с крестьян ренты-налога, об осуществлении необходимых общественных работ. Видимо, окружные начальники ведали и соответствующими военными формированиями. Тайское население считалось привилегированным; в основном именно из него набирали воинов. Большим влиянием в стране пользовались буддийские монахи. Строились многочисленные монастыри и храмы, бывшие одновременно – как и в Бирме, Сиаме, на Цейлоне, в Камбодже и других буддийских странах – центрами образования, грамотности, культуры.

В XIV–XV вв. Лансанг вел длительные войны с Аютией (Сиамом) за контроль над некоторыми тайскими княжествами. Затем начались войны с Дайвьетом, а с XVI в. – с Бирмой. Эти века были временем расцвета единого лаосского государства, его литературы и культуры. Наивысшего могущества Лансанг добился в годы правления Сулигна Вонгса (1637–1694), но после его смерти государство распалось на ряд княжеств, из которых сильнейшим вскоре стал Вьентьян, правители которого, опираясь на поддержку бирманского Авского государства, соперничали с тайской Аютией. Усиление Сиама в конце XVIII в. и ориентация на него враждебных Вьентьяну князей привели к походу тайцев в Лаос, завершившемуся превращением Лаоса на некоторое время в вассала Сиама. В начале XIX в. в результате новых войн с сильным сиамским государством Лаос потерпел поражение и был расчленен. Большая часть его территории попала под власть Сиама и Вьетнама. После вьетнамо-французских войн в 60-х и 80-х годах XIX в. Лаос оказался под сильным влиянием Франции, а затем стал ее протекторатом.

Вьетнам

Наиболее многочисленным из современных народов Индокитая являются вьетнамцы, история которых, если иметь в виду государственность восходит тоже примерно к III в. до н. э. Протогосударства Намвьет (частично на территории КНР) и Аулак существовали в то время, причем именно тогда они и оказались завоеванными войсками Цинь Ши-хуанди. Правда, вскоре после крушения империи Цинь циньский военачальник провозгласил себя правителем северо-вьетнамской территории. Позже, при У-ди, в III г. до н. э. северо-вьетнамские земли вновь были подчинены Китаю и, несмотря на порой героическое сопротивление захватчикам (восстание сестер Чынг в 40–43 гг.), они оставались под властью китайской администрации вплоть до X в.

Неудивительно, что Северный Вьетнам, население которого было

этнически близко древнекитайскому царству Юэ, в культурном плане вынужден был ориентироваться на китайскую империю, что не могло не сыграть своей роли в его исторической судьбе. Это наложило заметный отпечаток и на характер социально-экономических отношений, и на формы политической администрации, и на весь образ жизни людей. Управляемый китайскими наместниками Северный Вьетнам имел типично китайскую внутреннюю социальную структуру. Общинные крестьяне платили ренту-налог в казну; за счет централизованной редистрибуции ее существовали чиновники и немногочисленная вьетская знать. Чиновники имели служебные наделы, аристократы – наследственные, но с урезанными правами. Эти права существенно ограничивались введением в стране административного членения по китайскому образцу, на области и уезды, не считаясь с веками складывавшимися племенными или вотчинными территориями.

С VI в. большую роль на севере Вьетнама стал играть буддизм махаянистского толка, пришедший туда из Китая, но еще большее распространение получило китайское конфуцианство с его системой образования и китайским письмом (иероглификой). Были знакомы вьетнамцы – опять-таки через Китай – и с даосизмом. Словом, Северный Вьетнам на протяжении первых двенадцати веков своего существования был теснейшим образом связан с Китаем и целиком зависел от него в политическом и культурном плане. Это была в некотором смысле отдаленная периферия китайской империи, почти не имевшая автономии, хотя и отличавшаяся этническим составом местного населения и, естественно, некоторыми местными особенностями, своими традициями в образе жизни и т. п.

Южновьетнамское протогосударство Тьямпа, возникшее примерно во II в., являло собой совершенно иное образование. Прежде всего оно, как и весь остальной Индокитай в то время, было под заметным влиянием индийской культуры. Находившейся в зоне индо-буддийского влияния тьямы (лаквьеты) вели соответственно и иной образ жизни, что наиболее заметно проявлялось в сфере культуры и религии. Здесь процветал и фактически господствовал буддизм хинаянистского толка, хотя немалую роль играл и индуизм в его шиваистской форме, близкой к той, что была у кхмеров времен Ангкора. Только в IX в. здесь начали появляться первые махаянистские монастыри, знаменовавшие собой усиление северных влияний. В целом буддийские и индуистские монастыри и храмы в Тьямпе процветали. В V в. здесь (естественно, в монастырях) появилась и местная письменность на южно-индийской графической основе.

Отношения с севером, т. е. с китайскими правителями Северного Вьетнама, складывались у Тьямпы сложно и далеко не в пользу тьямов. Есть даже указания на то, что в V в. Тьямпа формально признала суверенитет Китая, что еще усилило нажим на нее с севера. В X–XI вв. северные земли Тьямпы были захвачены вьетнамскими правителями, освободившимися от власти Китая и ведшими ожесточенную междоусобную войну друг с другом, а в XII в. тьямов заметно потеснила Ангкорская Камбоджа. Вторжение монгольских войск Хубилая на время приостановило междоусобные войны в Индокитае, но с XIV в. они вспыхнули с новой силой и привели к тому, что Тьямпа стала вассалом вьетнамского Аннама.

X век был для Северного Вьетнама периодом ожесточенных междоусобиц, продлившихся, как только что упоминалось, довольно

долго. Падение династии Тан привело к высвобождению Северного Вьетнама от китайской власти. Сначала освободившийся Вьетнам возглавили короли династии Кхук (906–923), затем Нго (939–965), после чего военачальник Динь Бо Линь основал династию Динь (968–981) и дал стране наименование Дайковьет. Он же провел ряд реформ, направленных на усиление власти центра (создание регулярной армии, новое административное членение) и против междоусобных войн феодально-сепаратистски настроенной аристократии. Однако реформы не помешали тому, что после смерти Диня власть перешла к Ле Хоану, основавшему династию ранних Ле (981–1009). Именно Ле и потеснил наиболее серьезно тьямов, присоединив к Дайковьету часть их земель.

На фоне междоусобных войн в стране усилились фактически независимые крупные феодальные кланы (сы-куаны), чьи вотчины порой соперничали по силе с властью центра. Именно из их числа то и дело выходили новые правители, основывавшие новые династии. Естественно, все это не нравилось каждому очередному правителю, так что, придя к власти, он стремился ограничить возможности крупной знати. Однако сложность положения заключалась в том, что слабые государи вынуждены были опираться на поддержку сильных вассалов для укрепления собственной власти, вследствие чего правители мало что могли сделать против влиятельной знати. И все-таки попытки такого рода следовали одна за другой. Сначала это были реформы Диня. Затем в том же направлении действовал Ле, который сумел ослабить сы-куанов настолько, что источники почти перестали упоминать о них. Только в результате этого в стране сложилась более или менее благоприятная обстановка для создания сильного централизованного государства. Такое государство и было создано в XI в. правителями новой династии Ли (1010–1225).

Династия Ли, в 1069 г. изменившая название страны на Дайвьет, разделила ее на 24 провинции во главе со сменяемыми губернаторами. Вся политическая администрация была преобразована по китайской модели: чиновники разных рангов с четкой иерархией; центральные ведомства и провинциальные администраторы; система экзаменов для замещения административных должностей; конфуцианство как основа администрации и всего образа жизни населения; регулярная армия, основанная на рекрутской повинности, и т. п. Китайская модель была базой и в сфере экономики и социальных отношений: земля считалась собственностью государства, олицетворенного королем; общинники платили в казну ренту-налог; чиновники жили за счет части этой ренты; существовала незначительная прослойка наследственной знати (в основном родня королей), имевшая земельные наследственные владения с ограниченными правами; немалым влиянием и имуществом пользовалась буддийская церковь. Буддизм, конфуцианство и близкие к даосизму местные крестьянские верования и суеверия имели явственную тенденцию к сближению в единую синкретическую народную религию – тоже по китайскому образцу.

Словом, как это ни покажется странным, но политическая независимость Дайвьета от Китая не только не привела к освобождению страны от влияния со стороны китайской культуры, укоренившейся за века своего господства во Вьетнаме, но, напротив, еще очевиднее реализовала это влияние, особенно в сфере политической культуры. По сути, вьетнамцы продолжали жить по тем стандартам, которые сложились

прежде. Это видно даже на примере внутренней организации вьетнамских крестьянских общин, где существовали полноправные (местные) и неполноправные (пришлые), чаще всего не имевшие своей земли и оказывавшиеся в положении арендаторов. Это заметно проявилось и в организации городской жизни (цехо-гильдии; система государственных монополий и ремесленных мастерских и т. п.).

Внешняя политика династии Ли в XII в. принесла определенные успехи, особенно в борьбе с тьямами. Были успешно отражены также и предпринимавшиеся могущественной Ангкорской Камбоджей попытки потеснить Дайвьет. Но на рубеже XII–XIII вв. династия стала слабеть, чем не преминул воспользоваться один из аристократов, родственник короля Чан. Опираясь на недовольство крестьян притеснениям со стороны чиновников (похоже, что и династийный цикл вьетнамцы вместе со всей структурой заимствовали у Китая), Чан в 1225 г. совершил дворцовый переворот и объявил себя правителем новой династии, просуществовавшей до 1400 г. В принципе правители династии Чан продолжали ту же политику укрепления центральной власти, что и их предшественники. Но политическая обстановка в годы их правления сильно осложнилась вследствие нашествия монголов, затронувшего практически большую часть Индокитая. Хотя Чаны создали сильную армию и боеспособный военно-морской флот, противостоять монголам было не просто. Не только армия, но буквально весь народ поднялся против захватчиков. Война шла на износ, до победного конца. И монголы, особенно после гибели их военачальника Сагату, были вынуждены в конечном счете отступить. По условиям мирного договора 1289 г. китайская (монгольская) династия Юань признавалась формально сюзереном Вьетнама, но фактически Дайвьет остался независимым. Добившийся этого успеха главнокомандующий Чан Хынг Дао вплоть до сегодняшнего дня почитается как национальный герой.

Сопротивление монголам сильно ослабило страну, подорвало ее экономику. Голод и неурядицы повлекли за собой в XIV в. серию крестьянских восстаний, а ослабление административного контроля и армии дало возможность тьямам попытаться отвоевать свои северные территории. Но слабость династии была пресечена решительной рукой Хо Кюи Ли, который в 1371 г. возглавил правительство и фактически сосредоточил в своих руках всю власть в стране.

Хо провел ряд важных реформ, сводившихся к резкому ограничению наследственных владений знати, к реорганизации армии и административного аппарата, а также к упорядочению налогообложения в интересах общинного крестьянства. Реформы дали определенный эффект, но вызвали сильную оппозицию. Недовольные апеллировали к правителям минского Китая, который формально был сюзереном Дайвьета. Минские войска вторглись в Дайвьет, и в 1407 г. правлению Хо был положен конец. Однако против китайских войск выступили патриотически настроенные вьеты во главе с Ле Лон, который добился вывода этих войск и основал династию Поздних Ле (1428–1789).

Ле Лои продолжил реформы Хо. В стране был произведен учет земель, восстановлен статус общины, неимущие крестьяне получили наделы. На юге были созданы военные поселения, где воины-крестьяне существовали на льготных условиях, но находились в постоянной боевой готовности для борьбы с тьямами. В стране была проведена административная реформа, создано новое членение на провинции и

уезды. Чиновники аппарата администрации получили право строгого контроля над общинами. Была укреплена система экзаменов, равно как и практика условного служебного землевладения чиновников. Все эти меры заметно усилили власть центра и стабилизировали структуру в целом, что способствовало расцвету экономики и культуры. И наконец, в 1471 г. были окончательно присоединены к стране южные земли Тьямпы.

С XVI в. власть правителей дома Ле стала ослабевать, а крупные сановники Нгуен, Мак и Чинь стали соперничать за влияние в стране. Междоусобная борьба их привела к фактическому разделению Дайвьета на три части. Вскоре наиболее влиятельный дом Маков был потеснен объединенными усилиями двух других, после чего разгорелась ожесточенная борьба между Нгуенами и Чинями, под знаком которой прошел весь XVII век. Северная часть страны, находившаяся под властью Чиней, развивалась в XVII в. вполне успешно: росли частновладельческие хозяйства, официально признанные среди общинников и соответственно обложенные налогами, расширялось ремесленное производство, развивались торговля, добывающие промыслы. У Чиней была хорошая армия, включавшая флот и даже боевых слонов. Южная часть страны, где закрепились Нгуены, тоже быстро развивалась. Здесь на захваченных у тьямов и кхмеров землях селились мигрировавшие с севера вьеты, которым при этом предоставлялись налоговые льготы. Общинные связи соответственно ослабевали, а товарно-денежные отношения и частновладельческое землевладение развивались. Большая колония китайских поселенцев, укрепившаяся в дельте Меконга после падения династии Мин, в немалой степени способствовала ускорению темпов развития Южного Вьетнама, росту там крупных городов.

Как на севере, так и на юге страны в XVII в. появилось немалое количество католических миссионеров. Если в Китае, Японии, даже в Сиаме их деятельность была пресечена, то во Вьетнаме, напротив, они получили довольно широкий простор. По-видимому, вьетнамские правители рассматривали католичество как своего рода весомый религиозно-культурный противовес китайскому конфуцианству, чьи позиции в стране по-прежнему были преобладающими. Одним из результатов успешной деятельности католических миссионеров во Вьетнаме было то, что наряду с китайской иероглифической письменностью, которой до того почти исключительно пользовались грамотные слои населения, тем более официальная администрация, все чиновничество, появилось еще и вьетнамское литературное письмо на латинской графической алфавитной основе. Эта письменность получила полную поддержку со стороны патриотически настроенных вьетов. Неудивительно, что в таких условиях позиции католической церкви укреплялись. Обращенных в христианство (католичество) во Вьетнаме уже в XVII в. насчитывалось несколько сотен тысяч. Такой рост вызвал даже опасения со стороны властей, что привело к закрытию в ряде городов страны европейских факторий и к некоторому ограничению деятельности католической церкви во Вьетнаме.

Со второй половины XVIII в. в обеих частях страны начались массовые крестьянские движения, вскоре вылившиеся в могучее восстание тэйшонов, которое протекало под лозунгом восстановления власти законных правителей всего Вьетнама из династии Ле. Восстание, таким образом, было направлено против расчленения страны на север и юг, против Нгуенов и Чиней. Однако попытка одного из Ле реально

восстановить власть династии не была удачной. Напротив, она привела династию к окончательной гибели (1789). В 1802 г. Нгуены при поддержке французов сумели нанести тэйшонам поражение, после чего весь Вьетнам был объединен под их властью. Правители объявили себя императорами новой династии Нгуен (1802–1945), последней в истории страны.

С 1804 г. страна стала официально именоваться Вьетнамом. Были проведены реформы, направленные на укрепление имперской власти. Аппарат администрации стал получать жалованье из казны, а служебные условные владения были отменены. Остатки общинной структуры использовались для облегчения системы налогового управления. Землевладельцы платили налог в казну. Развивались города, особенно на юге, а также городское ремесло и торговля. Все более активную роль в хозяйстве страны начинали играть иностранцы – как мощная, весьма развитая и экономически процветающая китайская колония в южных городах, так и европейцы, особенно французы. С середины XIX в. Вьетнам шаг за шагом превращался во французскую колонию. Этот процесс, растянувшийся на десятилетия (1858–1884), завершился в конце XIX в.

Глава 12
Юго-Восточная Азия: островной мир

Островной мир Юго-Восточной Азии (Индонезия, Филиппины), равно как и близкий к нему географически и в историко-культурном плане полуостров Малакка (Малайя), – это особая часть юго-восточноазиатского региона, во многом отличная от континентальной. Здесь преобладает иной язык (индонезийская ветвь малайско-полинезийской семьи), обитают по преимуществу другие этнические группы, не говоря уже о много более заметном, нежели на континенте, негро-австралоидном расовом компоненте.

Вначале близкий к континентальному субрегиону в историко-культурном плане (господство индуизма и буддизма в религиозных представлениях, преобладание индийского влияния в социально-политической системе раннегосударственных образований), островной мир с начала II тысячелетия стал сильно отличаться от него, ибо именно здесь быстрые темпы исламизации привели к почти полной победе ислама, что сказалось на культуре и образе жизни населения. Наконец, и это важно принять во внимание, именно островной субрегион с его субтропическими и тропическими продуктами, прежде всего пряностями, столь желанными для европейцев, оказался одним из первых объектов колонизаторских устремлений раннего европейского капитализма. Этот островной мир и был, если угодно, той самой Индией, удобный путь в которую так стремились найти и в поисках которой предприимчивые европейцы совершили свои самые известные географические открытия, включая открытие Америки. И далеко не случайно долгие века эти земли именовали Голландской Индией, как не случайно в этом плане и современное название Индонезии.

Малайя

Данные антропологии, археологии и палеолингвистики свидетельствуют о том, что на древнейший негроидный и аустро-меланезоидный расово-этнический субстрат в III–I тысячелетиях до н. э. наложился этнокультурный слой мигрировавших в Малайю из Юго-Западного Китая малайских племен, принесших с собой культуры неолита и бронзы. Выгодное географическое положение (через Малаккский пролив пролегают наиболее удобные торговые пути) способствовало превращению южной части полуострова в торговый перекресток, где на протяжении веков скрещивались пути индийских, арабских, затем китайских купцов и где поэтому уже с рубежа нашей эры возникали портовые города, служившие и перевалочной базой, и рынком, и носителем быстро распространявшихся культурных влияний.

Особо заметную роль играли здесь индийские купцы и вообще выходцы из Индии, включая представителей брахманских каст и буддийских монахов. Именно они создали в городских и портовых поселениях Малайи первоначальную социально-политическую и религиозно-культурную основу. Как говорилось, нечто похожее в это же время было и в континентальной части региона, где индийское влияние на ранних этапах становления цивилизации и государственности было весьма ощутимым. Это же коснулось, как о том будет идти речь далее, и островов Индонезии. Индийская первооснова была ощутима долгие века и вплоть до исламизации даже явственно преобладала, так что далеко не случайно регион в целом воспринимался иностранцами (европейцами) как нечто связанное с Индией, что и нашло свое отражение в упоминавшихся уже его наименованиях.

Первые протогосударства на территории Малайи, возникшие на рубеже нашей эры, были, таким образом, скорее иноземными анклавами, нежели результатом спонтанного развития местных этнических общностей. Однако со временем индо-буддийское религиозно-политическое ядро городских поселенцев обрастало тяготевшей к нему местной сельской периферией. Возникали протогосударственные образования типа городов-государств, значительная часть которых вначале находилась в вассальной зависимости от кхмерской Фунани либо, чуть позже, с VIII в., от суматранской Шривиджайи. Когда в XI в. южноиндийское государство Чолов овладело на некоторое время Шривиджайей, это отразилось и на малайских государствах, попавших под власть Чолов. В XII в. часть малайских княжеств оказалась под властью кхмерского Ангкора. Но одновременно от своих претензий на сюзеренитет не отказывались и суматранская Шривиджайя, и усилившееся государство Джамби, бывшее прежде вассалом Шривиджайи. В XIII в. среди малайских княжеств выделилось государство Трамбралинга, решившее освободиться от вассальной зависимости. Однако апелляция за помощью к тайскому Сукотаи привела лишь к тому, что Трамбралинга оказалась под властью Сукотаи. Долгие годы малайцы боролись за вытеснение тайцев из своей страны. А когда эта цель была достигнута, на гегемонию стал претендовать яванский Маджапахит.

Картина, в общем, достаточно ясна: малайские княжества, располагавшиеся в стратегически важном районе Юго-Восточной Азии и контролировавшие судоходство по Малаккскому проливу, были слишком лакомым куском, чтобы долго сохранять полную независимость. Слабость же этих небольших государственных образований способствовала тому,

что они то и дело попадали в вассальную зависимость от сильного соседа. Ситуация довольно резко изменилась лишь на рубеже XIV–XV вв., когда бежавший из Маджапахита в Малайю яванский принц Парамешвара сделал ее своей социально-политической опорой в борьбе за создание сильной власти мусульман.

Дело в том, что после начала процесса исламизации Индии основной поток индийских торговцев в Юго-Восточную Азию стал формироваться за счет торгового флота Гуджарата. Гуджаратские индийские купцы были преимущественно мусульманами, что не замедлило сказаться на превращении ислама в ведущую силу в малайско-индонезийской торговле. В 1414 г. Парамешвара официально принял ислам и под именем Искандер-шаха стал во главе созданного им Малаккского султаната, быстро сумевшего захватить не только почти всю Малайю, но также и часть Суматры, ряд прилежащих островов. Хотя сам Искандер-шах и не сумел добиться сразу полного успеха, ибо ориентировавшаяся на индуизм часть малайской торгово-политической верхушки была в то время еще достаточно сильна, с середины XV в. ислам в султанате уже прочно закрепился. Малаккский султанат именно с помощью исламских политических и социальных институтов превратился в крепкое централизованное государство с верховной властью правителя, осуществлявшего – как то бывало свойственно всем исламским политическим структурам – строгий верховный контроль и над земельными отношениями, и в сфере политической администрации, и в торговле. Существенно заметить, что, хотя мусульмане проникали и закреплялись на островах Индонезии задолго до возникновения Малаккского султаната, только после победы ислама в Малайе и появления сильной централизованной державы в районе Малаккского пролива мусульмане стали одерживать победу за победой и в Индонезии. В частности, этому способствовала миграция малайцев-мусульман в Калимантан, в области Саравак и Сабах – те самые, которые уже в наше время вошли, далеко не случайно, в состав Малайзии. На протяжении XV в. ислам активно вытеснял остатки индуизма и буддизма в сфере малайской культуры, что привело, в частности, к замене индийской письменности здесь арабо-персидской, к упадку храмовых сооружений индо-буддийского происхождения. В то же время исламизация способствовала выходу на передний план собственно малайского языка, к превращению его в литературный.

Малаккский султанат прекратил свое существование в 1511 г. под натиском португальцев, разбивших армию султана и превративших его столицу Малакку в свою торговую факторию, где португальские купцы господствовали вплоть до середины XVII в. Крушение централизованного государства не привело, однако, к гибели исламской государственности. На месте единого возникло несколько меньших по размеру султанатов, каждый из которых проводил собственную политику, противостоял натиску португальских, а затем и голландских колонизаторов либо в чем-то сотрудничал с ними. Конечно, децентрализация привела к ослаблению власти султанов, что и было целью колонизаторов. Да и в рамках небольших султанатов колонизаторы активно содействовали росту центробежных тенденций, т. е. усилению независимости правителей областей, нередко превращавшихся в самовластных наследственных князьков. Но, несмотря на весь этот процесс, со временем некоторым из султанатов, и прежде всего южномалайскому Джохору, удалось

внутренне укрепиться и заметно усилиться. Использовав благоприятную внешнеполитическую ситуацию и вступив в союз с голландцами, султаны Джохора сумели в середине XVII в. изгнать португальцев из Малайи.

Изгнание португальцев было немалой победой. Правда, вместо них в Малакке прочно закрепились голландцы. Но зато резко вырос престиж Джохора, что способствовало превращению его в крупнейшее государство полуострова. Почти весь XVIII век прошел в ожесточенном соперничестве джохорских султанов с голландцами. В конце концов верх взяли голландцы, а Джохор, как некогда Малаккский султанат, распался на ряд мелких султанатов. Однако эта победа не принесла голландцам удачи. Английская Ост-Индская компания, попытавшаяся было уже в конце XVIII в. укрепиться в Сингапуре, стала вести курс на подкуп некоторых султанов, в чем и преуспела. Развал Джохора оказался выгодным именно ей. В 1795 г. англичане заняли Малакку, вытеснив оттуда голландцев. А в начале XIX в. они один за другим прибрали к рукам важнейшие малайские султанаты. Захват в 1819 г. Сингапура окончательно закрепил ведущие позиции Англии в Малайе, фактически превратившейся в английскую колонию. Лондонским договором 1824 г. Малайя была признана английской сферой влияния, тогда как Голландия от нее отказалась. Контроль над морским путем через Малаккский пролив оказался в руках англичан.

Индонезия

Малайя была всегда тесно связана со всем островным миром Юго-Восточной Азии – достаточно напомнить, что его подчас называют Малайским архипелагом. Похоже на то, что в глубокой древности именно через Малайю на архипелаг проникли многие компоненты, составившие затем основу населения Индонезии, и прежде всего основной малайский компонент. Ранние протогосударства в Индонезии появились, как и практически во всей Юго-Восточной Азии, примерно на рубеже нашей эры, может быть, чуть позже, чем на континенте, в IV–V вв. Это были индуистское Тарума и буддистское Калинга на Яве, буддистское Гэин на Суматре, индуистское Варунадвипа на Калимантане. И названия, и религиозно-культурная ориентация ранних индонезийских государств, даже локализация их преимущественно в западных районах архипелага – убедительное свидетельство той огромной роли внешних влияний в процессе их генезиса, о которой уже не раз говорилось применительно ко всей Юго-Восточной Азии. В отдельных случаях древние надписи фиксируют даже существование в ранних индонезийских государствах каст по индийскому стандарту. А правитель Тарумы сопоставлялся в текстах с индийским Вишну.

Структурно государства были примерно однотипны. Существовали верховный правитель-вождь, его наместники и помощники, а также производители-общинники, платившие ренту-налог в казну. Возможно, что некоторые из государственных образований были типологически близки к малайским городам-государствам, возникавшим вокруг торговых портов. В идеологии и культуре господствовали индуизм, преимущественно в шиваистской форме, хотя встречались и вишнуисты, а также буддизм. Преобладала санскритская письменность. Индо-буддийским было монументальное храмовое искусство с

срответствующей архитектурой и скульптурой.

Исторически наиболее развитыми и ранее других достигшими уровня цивилизации и государственности были тесно связанные между собой Суматра и Ява, географически представлявшие как бы единую узкую полосу островов, тянущихся с северо-запада на юго-восток. Первым крупным государством на Суматре была Шривиджайя, просуществовавшая с VII по XIII в. В пору своего расцвета власть правителей Шривиджайи простиралась не только на всю Суматру, но также и на часть соседних мелких островов, временами и на часть Малакки. Шривиджайя была признанным центром мировой торговли, и именно через нее в островной мир Индонезии активно проникал буддизм. Впрочем, стоит заметить, что в самой Шривиджайе правители были достаточно равнодушны к буддизму: во всяком случае, там не обнаружено остатков таких величественных буддийских храмов и иных строений, как на Яве.

Яванское государство Матарам, основатель которого Санджайя был индуистом-шиваитом, возникло в VIII в., но уже при внуке Санджайи, основавшем династию Шайлевдров, религиозная ориентация государства изменилась. Яванские Шайлендры стали активно поддерживать буддизм махаянистского толка, свидетельством чего является величественный храмовый комплекс Боробудур. Возможно, буддийская ориентация Шайлендров сыграла определенную роль в том, что в начале IX в. один из представителей этой династии с помощью династического брака стал правителем Шривиджайи и основателем там той же династии Шайлендров – факт, внесший немалую путаницу в загадку истории индонезийских государств. Что же касается Матарама, то это яванское государство было типично восточным по его внутренней организации. Землей в ней распоряжался сам правитель, административный аппарат состоял из служивших ему чиновников. Общинные крестьяне вносили в казну ренту-налог, за счет редистрибуции которой содержались знать, воины, чиновники, духовенство. Немалую роль в стране играли торговые города-порты и вообще торговля и торговые операции.

Матарамские Шайлендры сошли с исторической арены в XI в., уступив место государству, созданному одним из приближенных последнего правителя, его зятем Эрлангти (Эрланга). Эрлангти восстановил на Яве приоритет шиваизма, но не преследовал буддистов. Напротив, стремился создать некий синтез обеих религий. Его государство подчинило себе почти всю Яву и являло собой строго централизованную организацию с хорошо налаженной чиновной администрацией, развитыми ремеслом и торговлей. Государство заботилось о поддержании в порядке ирригационной сети и упорядочило налогообложение. Размер ренты-налога составлял примерно десятую долю урожая.

После Эрлангти созданное им государство распалось, но вскоре один из его наследников сумел усилиться в княжестве Кедири, которое стало едва ли не сильнейшим на Яве в XII в. В начале XIII в. правитель Кедири пал жертвой заговора, а в последовавшей за тем династической борьбе победителем вышел Кертанагара, который в XIII в. достиг немалых успехом в деле объединения яванских земель и противостояния нашествию монголов. Впрочем, предотвратить это нашествие он не смог, а уже после появления монголов на Яве, когда Кертанагара пал жертвой очередного заговора, его наследник Виджайя сумел ловко использовать

монгольские отряды для победы над соперниками, после чего уничтожил часть их, вынудив остальных убраться восвояси.

Виджайя создал новое государство Маджапахит (1293–1520) и стал его первым правителем. С этого времени центром, политического могущества Индонезии становится Ява. Справедливости ради стоит заметить, что эта тенденция начала проявлять себя еще в XIII в., когда стала слабеть суматранская Шривиджайя. Удары со стороны южноиндийского государства Чолов подорвали ее могущество еще в XI в., а в конце XII в. ряд суматранских княжеств, бывших до того вассалами Шривиджайи, стали самостоятельными, как, например, Джамби. В XIII в. под ударами с севера, со стороны Сукотаи, и с востока, со стороны яванского правителя Кертанагары, Шривиджайя распалась. Вот в этих-то условиях значительная часть ее наследства на Суматре и попала под власть яванского Маджапахита.

Маджапахит был крупнейшим государством в истории Индонезии. Хотя некоторые специалисты сомневаются подчас в том, что его правитель реально контролировал все те земли, которые считались вассальными по отношению к нему, факт остается фактом: владения Маджапахита распространялись на всю Яву, Суматру, Калимантан, даже Сулавеси, а также на многочисленные мелкие острова архипелага. Наивысшего развития государство достигло в те годы, когда им управлял всесильный первый министр Гаджа Мада (20–60-е годы XIV в.). Этот выдающийся политический деятель не только много сделал для собирания земель, но и умело управлял обширной и весьма разнородной империей, как ее подчас именуют.

Созданный им свод законов закрепил социально-политическую организацию государства. Во главе Маджапахита стоял махараджа, личные потребности двора которого удовлетворялись за счет доходов с земель, считавшихся его доменом. Остальные территории находились под управлением наместников, чаще всего из числа родственников правителя и знатных аристократов, а реальную власть на местах осуществляли многочисленные чиновники, получавшие за это от казны служебные наделы. Основной производственной и хозяйственной единицей была община, напоминавшая индийскую, хотя и без кастового неравенства. Налоги с общинников шли в казну, и за счет редистрибуции этого дохода существовал весь аппарат власти. Немалое место в обществе занимали индуистские (прежде всего шиваиты) и буддийские жрецы и монахи. Большого развития достигла культура. Внимание уделялось архитектуре, литературе и особенно театру (театр марионеток ваянг – национальная гордость индонезийцев по сей день).

После смерти Гаджи Мады в 1364 г. Маджапахит стал понемногу клониться к упадку. Вассальные князья в разных частях обширного государства то и дело стремились освободиться от опеки центра и добиться укрепления своих владений за счет более слабых соседей. Слабеющие правители государства, нередко ведшие изнурительные войны с претендентами на их престол, заботились лишь о том, чтобы сохранить хотя бы видимость власти, для чего они нередко обращались за дипломатической поддержкой к третьим странам, в частности к минскому Китаю, чьи миссии (флот адмирала Чжэн Хэ) в начале XV в. посещали Индонезию. Вообще следует заметить, что с XV в. в городах Индонезии появляются китайские мигранты, преимущественно ремесленники и торговцы, число которых со временем все возрастало, пока они,

получившие ныне сводное наименование хуацяо, не стали играть весьма заметную роль в экономике Индонезии. Правда, это случилось не сразу. До этого Индонезия подверглась натиску иноземцев другого рода. Речь об ее исламизации.

Ислам впервые появился на островах Индонезии, видимо, в XIII в., а уже на рубеже XIV–XV вв., как упоминалось, бежавший из Маджапахита яванский принц Парамешвара, воспользовавшись ослаблением власти на Яве, сумел создать в Малайе сильный султанат – первое крупное исламское государство в островном мире Юго-Восточной Азии. Исламизированные малайцы, равно как и мусульманские торговцы из числа индийцев-гуджаратцев, арабов и персов, в XV в. стали активно заселять Суматру, укрепляться на Калимантане и Яве и, главное, нести с собой ислам как новую и дававшую в руки правителей мощные рычаги власти религиозную систему. Надо сказать, что многочисленные вассалы Маджапахита сразу же ухватились за эту возможность усилить их власть – возможность, столь убедительно продемонстрированную в начале XV в. Искандер-шахом малайским. Все большее количество правителей княжеств превращались в султанов мусульманских государств, пока в 1520 г. коалиция султанатов не уничтожила Маджапахит. В стране возникло множество самостоятельных мелких государств, в основном султанатов. Их междоусобные войны в XVI в. создали своего рода политический вакуум в Индонезии, что в немалой степени облегчило португальцам задачу укрепления на островах архипелага.

В конце XVI в. на развалинах Маджапахита укрепилось ненадолго государство Бантам в западной части Явы. Этому, в частности, способствовал рост значения Зондского пролива в торговых операциях после того, как Малаккский пролив полностью попал под контроль португальцев. Бантам был крупнейшим торговым портом, в котором проживало множество иностранных купцов, в том числе большая колония китайских мигрантов, игравших ведущую роль в торгово-ростовщических операциях. Следует заметить, что резко возраставший спрос на пряности – гвоздику, корицу, мускатный орех, перец и т. п. – на рубеже XVI–XVII вв. заметно сказался и на привычной форме сельскохозяйственных занятий населения. Крестьяне все чаще, причем нередко под нажимом, переходили к выращиванию новых культур, что сильно меняло весь их образ жизни, ставило их в зависимость от рынка, где господствовали колонизаторы. Работа на рынок вела к ломке традиционно устоявшихся связей, а порой и к превращению крестьян-общинников в батраков на плантациях. Усилилась роль рабства. Португальцы, а затем и голландцы порой захватывали сильных здоровых мужчин на одних островах, как правило, наиболее отсталых по уровню развития, и привозили их в качестве рабов на другие, где эти рабы использовались для работы на плантациях. Разумеется, это вызывало протесты и даже восстания. Но восстания топились в крови, а колониальная эксплуатация местного населения лишь усиливалась. Богатели торговцы, ростовщики, скупщики, а еще больше связанные со всеми ими и стоявшие за их спиной колонизаторы.

Что касается колониальных держав, то господство португальцев в Индонезии, как и в Малайе, длилось недолго. В начале XVII в. на Яве уже достаточно прочно обосновались голландцы и англичане. Их соперничество завершилось в пользу голландской Ост-Индской компании, которая вела жесткую политику усиления эксплуатации индонезийцев

через систему принудительных работ, контрибуций от зависимых вассалов и откупов (откупщиками чаще всего были китайские торговцы и ростовщики). Голландцы в середине XVII в. укрепились на Яве, заставив считаться с собой пришедшее на смену Бантаму государство Матарам (Матарам поздний). Лавируя между Бантамом и Матарамом, голландцы в конечном счете подчинили себе оба султаната и в XVIII в. продолжали активное освоение островов Индонезии, внедряя выгодную для себя систему монокультур.

На рубеже XVIII–XIX вв. голландская Ост-Индская компания была ликвидирована, но все ее владения перешли к Голландии как колониальному государству. Начался новый этап колониального господства, в ходе которого Нидерландам пришлось выдержать энергичный натиск со стороны Англии, все еще претендовавшей на Индонезию. Лондонское соглашение 1824 г. закрепило Индонезию за Нидерландами, которые к этому времени были уже полным хозяином архипелага. Привлекая на свою сторону правящую верхушку местных султанатов и жестоко подавляя то и дело вспыхивавшие восстания, голландцы энергично вводили на разных островах архипелага систему принудительного разведения нужных им культур (кофе, табак, индиго и др.). Приблизительно пятая часть земель, занятая этими культурами, которые выращивались и сдавались крестьянами по низким закупочным ценам, давала земледельцам право пользоваться остальной землей для собственных нужд и для выплаты ренты-налога в казну их султанов. В целом жестокие методы эксплуатации привели население Индонезии в состояние нищеты, голода и отсталости. Стоит в этой связи заметить, что Голландская Индия была практически лишена и тех пусть небольших, но все же существенных для развития страны промышленных нововведений, которые реализовывались в других колониальных странах, в частности в Британской Индии.

Филиппины

Географически Филиппины – это часть все того же островного мира Юго-Восточной Азии. Но, будучи восточной и исторически периферийной его частью, Филиппинский архипелаг развивался более замедленными темпами, что не преминуло сказаться на результатах: к моменту вторжения испанцев на Филиппины в XVI в. только небольшая часть населения островов начала переходить от первобытности к ранним государственным образованиям.

Население Филиппин в принципе комплектовалось из тех же компонентов, что и остальной островной мир: на древний негро-австралоидный субстрат во II–I тысячелетиях до н. э. волнами наслаивались аустронезийцы южномонголоидного типа. Но набегали эти волны не сушей через Малайю, как то было на западе, а морем, порой через Тайвань, причем все из того же Южного Китая. С рубежа нашей эры, когда Малайя и Индонезия в ее западной части были уже индианизированы, индо-буддийская культура стала понемногу проникать и на восток, в том числе и на Филиппины. Культурные контакты, однако, шли крайне медленными темпами. Связи с буддийской Шривиджайей, а позже с индуистской культурой Маджапахита сыграли определенную роль в развитии местного населения, но больших результатов на дали.

Быть может, большее значение в этом смысле имела исторически новая китайская миграция: в конце I тысячелетия на Филиппин стали прибывать китайцы, но уже не те южнокитайские племена юэ, которые тысячелетием-двумя ранее сыграли роль одного из компонентов местного населения, а жители высокоразвитой империи, несшие с собой многогранную и яркую культуру. Археологические данные, в частности, свидетельствуют о том, что в начале нашего тысячелетия материальная и духовная культура местного населения находилась под сильным влиянием как Индии, так и Китая. С XIV в. через южные острова на Филиппины стал проникать и ислам, причем именно проникновение ислама способствовало возникновению здесь первых очагов государственности.

Зафиксированные испанцами в XVI в. данные позволяют, хотя и фрагментарно, проследить этот процесс. На островах существовали общины-барангаи, власть в которых принадлежала старейшинам. Средний размер общины 30–100 семей, но были и более крупные, до 1–2 тыс. Наиболее развитые из них вели войны с соседями, причем в случае удачи вчерашний общинный старейшина становился правителем надобщинного протогосударства. Вожди такого рода вначале именовались преимущественно индийскими терминами, чаще всего раджа, иногда – дато. Терминология в данном случае является индикатором влияний.

В XV и начале XVI в., когда португальцы изгнали из Малакки султана и его родню, часть их мигрировала на восток и достигла Филиппин. На юге архипелага население стало быстро исламизироваться, а первые государственные образования принимали форму султанатов, что в это время было уже обычным для всего островного мира, включая Малайю и Индонезию. По характеру ранние султанаты были еще очень примитивными: вокруг вождя (султана), выборного либо уже наследственного, группировались социальные верхи, благородные, которые жили за счет редистрибуции дохода (ренты-налога) с общин и труда разных зависимых категорий, из числа как пленных и чужаков, так и разорившихся общинников. Вся эта форма социально-политической организации уже в 1433 г. была зафиксирована в судебнике, определявшем наказания за различные проступки в зависимости от социального статуса человека. Земля находилась в верховном владении правителя (султана, раджи, дато), выступавшего в функции субъекта власти-собственности и наделявшего землями тех, кому он считал нужным их дать. У некоторых народов под западным влиянием возникали и свои формы письменности на южноиндийской графической основе.

Экспедиция Магеллана, бросившего якорь на острове Себу в 1521 г. на пути к Молуккским островам, привела к открытию и освоению архипелага испанцами. Хотя первая попытка подчинить местных правителей и прочно обосноваться здесь была неудачной для испанцев (сам Магеллан погиб на Себу, а его победитель Лапу-Лапу до наших дней почитается как первый герой в борьбе за независимость), она не пропала даром: уже в середине XVI в. испанцы достаточно твердо чувствовали себя на архипелаге, который в 1542 г. был назван ими в честь принца Филиппа, будущего короля Филиппа II. Успешные завоевания и освоение новых выгодных районов, в частности создание порта Манила в 1570 г., привели к тому, что в конце XVI в. испанцы не только были полными хозяевами на севере и в центре архипелага, но и успешно христианизировали население захваченных ими районов. Только мусульманский юг, «страна Моро» (мавров), как называли его испанцы, оставался мятежной

периферией вплоть до XIX в., да и после этого, даже в наши дни, он заметно отличается от других частей Филиппин.

Христианизированные и испанизированные части архипелага в принципе мало чем отличались от латинизированной теми же испанцами приблизительно в то же время Америки. Те же наместники короля и губернаторы провинций, опиравшиеся на аппарат чиновников и богатые слои испанских колонизаторов. Та же всесильная католическая церковь с ее неистовыми монахами-миссионерами различных орденов и в целом весьма послушная им паства. Правда, методы завоевания и поддержания порядка здесь были менее жестокими: на Филиппинах не было золота, столь разжигавшего страсти конкистадоров. А для освоения страны нужны были люди, которых следовало беречь (в XVII в. население архипелага составляло около 500 тыс. человек, из них около 1% испанцев).

Система управления на первых порах тоже формировалась по общему для латиноамериканских колоний образцу: на Филиппинах было создано около 270 участков, переданных в энкомиенду (своего рода опека) испанским колонистам, как частным лицам из числа влиятельных землевладельцев, так и монашеским орденам либо короне. Попечитель-энкомендеро обычно собирал с вверенного его опеке населения при посредстве старост общин фиксированный налог, трибуто, и требовал от крестьян выполнения различных повинностей. Возглавляемое старейшинами-касиками население подчас бунтовало против новых порядков, но безуспешно. В начале XVII в. по настоянию католической церкви система энкомиенд была отменена и заменена сбором трибуто и иных налогов непосредственно в пользу королевской казны.

Торговля между Филиппинами и Испанией была ограниченной, зато в азиатской торговле архипелаг занимал все более заметное место, прежде всего благодаря китайским мигрантам-хуацяо, число которых все возрастало (в конце XVI в. их колония в Маниле насчитывала 10 тыс., в начале XVII в. уже 25 тыс. человек). Китайцы со временем фактически почти монополизировали всю азиатскую торговлю, что и неудивительно: богатые испанцы были к этому делу высокомерно равнодушны, а местное население недостаточно для этого подготовлено. Следует, однако, заметить, что китайских торговцев не любили ни те, ни другие, хотя обойтись без их посредничества уже не могли. Налоги и пошлины китайцы обычно платили вдвое большие, чем другие торговцы.

В XVII в. сложные международные обстоятельства, в том числе войны в Европе, оказали свое воздействие на судьбы Филиппин, подвергавшихся вторжению со стороны то голландцев, то англичан. Заметное ослабление Испании по сравнению с другими колониальными державами вело и к замедленным темпам развития архипелага. Колониальный режим не нес стране даже того, что было в некоторых других колониях, как например в Индии, – пусть мучительного, но все же достаточно быстрого экономического развития. Напротив, усиливалась примитивная докапиталистическая эксплуатация населения: на государственной барщине каждый обязан был отработать 40 дней в году.

Пытаясь как-то реализовать свои колониальные потенции в условиях энергично развивавшегося мирового колониального хозяйства, испанцы стали вводить на Филиппинах плантационную монокультуру табака, выращивание и торговля которым были государственной монополией (на

этих-то плантациях в порядке отбывания повинностей и трудились местные жители). Правда, одновременно несколько усилились и частные торговые связи архипелага с метрополией. Однако вплоть до конца XVIII в. это не вело к сколько-нибудь заметному экономическому развитию Филиппин. Практически только с начала XIX в., когда в Испании появилась своя энергичная буржуазия и правительство более уже не могло противостоять экономическому вторжению на архипелаг капитала из других стран, королевская монополия на табак и торговлю были отменены и стало развиваться частнокапиталистическое колониальное хозяйство. На Филиппинах начали выращивать сахарный тростник, пеньку, индиго. Стала постепенно формироваться собственная национальная буржуазия, в основном из китайцев и метисов китайского происхождения. Начало формироваться и национальное самосознание филиппинцев, проявлявшееся в их стремлении добиться формального равенства в правах с испанцами.

Глава 13
Дальний Восток: Корея и Япония

Влияние китайской цивилизации и государственности на соседние страны и народы всегда было весьма ощутимым. Оно, в частности, стимулировало ускорение социального, экономического и особенно политического развития близких соседей Китая на протяжении всей его истории, будь то древние кочевники сюнну (гунны) или сяньби, средневековые кидани, чжурчжэни, монголы или маньчжуры. Но оно затрагивало отнюдь не только кочевников, тем более оказывавшихся в орбите его непосредственного воздействия. Это влияние было много значительней. Через Наньчжао оно достигало тайцев, и тибео-бирманских племен, а во Вьетнаме оно просто задавало тон, определяло внутреннюю организацию государства и общества.

Корея и Япония во многом близки в этом смысле к Вьетнаму. Речь отнюдь не только о заимствовании чужой, пусть даже более высокой культуры, хотя играло свою роль и это. Имеется в виду нечто иное: близость высокоразвитой цивилизации неизбежно оказывала свое воздействие и прямо, и косвенно, причем особенно большую роль такое воздействие играло в те ранние периоды истории той или иной страны, когда определялись основные параметры существования данного общества и государства. Нечто похожее только что было продемонстрировано на примере индо-буддийского влияния в странах Юго-Восточной Азии. Для находившихся в зоне воздействия китайской цивилизации Кореи и Японии влияние такого рода было совершенно очевидным, само собой разумеющимся. Вопрос лишь в том, какую роль оно сыграло в процессе становления обеих стран.

Формирование государственности в Корее

На Корейском полуострове южнее реки Амноккан (Ялуцзян) в начале нашей эры существовало несколько племен, наиболее сильными среди которых были северные, протокорейские (когурё). В III–IV вв. на полуострове возникло три племенных протогосударства – Когурё, Пэкче и

Силла – с типичной для подобных образований внутренней организацией (верховная власть-собственность вождя-вана; родовая знать, воины и чиновники; платившие ренту-налог в казну общинники). Органы управления и иерархия чинов, равно как и формы редистрибуции (должностные владения), развивались под воздействием соответствующих китайских институтов, причем проводником этого влияния было конфуцианство, ставшее основной идейной доктриной всех трех государственных образований, быстро эволюционировавших с его помощью в своем внутреннем развитии. С конца IV в. в Корею из Китая проник буддизм в его китаизированной махаянистской модификации, причем влияние его здесь оказалось более сильным по сравнению с той ролью, которую он играл в Китае не только в период Нань-бэй чао, но и вообще когда-либо.

Процесс заимствования идей и институтов из Китая шел на фоне активных междоусобиц периода Нань-бэй чао, и это в немалой степени помогло Корее не только сохранить независимость, но и успеть в этом качестве укрепиться – в отличие от того, что имело место во Вьетнаме, где этот процесс начался раньше, в эпоху централизованных империй Цинь и Хань, и потому протекал в иных условиях более зависимого развития. Правда, внутренние войны ослабляли все три государства. Однако после того, как в результате этих войн были сильно ослаблены сначала Пэкче, а затем и Когурё, а походы суйского Ян-ди против Когурё закончились неудачей и привели к гибели династию Суй, государство Силла оказалось в выигрыше. С помощью танских войск Силла одолела своих соперников и во второй половине VII в. практически объединила всю Корею под своей властью, признав себя формально вассалом танского Китая.

По танскому образцу в объединенном корейском государстве были реорганизованы система администрации и налогообложения. Вся страна была разделена на девять провинций (по три в каждом из бывших государств), подразделявшихся на округа и уезды. В округах и уездах управляли назначенные из центра чиновники, получавшие свои должности после успешной сдачи экзаменов. В земледелии господствовала надельная система, т. е. каждый двор получал землю от государства на период трудоспособности его хозяина, за что этот последний был обязан платить налог и исполнять необходимые повинности. Чиновники получали должностные земли, аристократы – наследственные с учетом ранга и снижения его уровня в каждом последующем поколении. Городское население, ремесленники и купцы, находились в полной зависимости от представителей власти и требований казны.

Неудивительно, что в созданной по китайскому образцу системе внутренней организации государства и общества происходили аналогичные процессы, ведшие практически к таким же результатам. В частности, речь идет о циклическом характере развития с экономическими кризисами, ослаблением центра и восстаниями крестьян. Одно из таких восстаний на рубеже IX – X вв. привело к падению династии Силла и к захвату власти представителями дома Когурё. Основатель новой династии Ван Гон силой подчинил себе всю Корею и немало сделал для еще большего укрепления ее централизованной структуры. Придя к власти опять-таки в удачный для страны период ослабления китайской танской империи, Ван Гон многое

сделал для того, чтобы сохранить независимость от натиска тех, кто нападал на сунский Китай, – киданей, чжурчжэней. Он провел несколько важных реформ. В частности, идеологически переместил акценты, сделав официальной государственной религией буддизм – при всем том, что влияние конфуцианства, его идей и институтов не только сохранялось, но и высоко ценилось как основа администрации, образа жизни, основа культуры с ее китайской иероглифической письменностью.

Структура Корё, как стало именоваться теперь государство (именно от этого названия возникли его эквиваленты в европейских языках, включая и русский), в принципе не изменилась. Правда, вместо девяти провинций их стало шесть, потом десять, но все с тем же делением на округа и уезды. Продолжала сохраняться и надельная система с налогами и повинностями общинников, со спорадическими перераспределениями наделов. Центральная администрация имела шесть основных ведомств по китайскому танскому образцу. Чиновники получали служебные должностные наделы и делились на гражданских и военных. Армию набирали на рекрутской основе (4 – 5 дворов выставляли одного солдата, экипировавшегося за счет тех дворов, которые солдата не давали). Существовала система централизованного регулирования экономики, включая государственное кредитование крестьян и амбары для помощи в случае неурожаев. Большое место в системе аграрных отношений занимало буддийское монастырское землевладение. Существовало и типично китайское сословное деление на полноправных крестьян-налогоплательщиков – янин (сюда включались и платившие налоги городские слои) и неполноправных, чхонин, которые имущества не имели, налогов не платили, занимались грязными и презираемыми профессиями, хотя подчас использовались и в качестве наемников либо зависимых арендаторов. Обрабатывая земли чиновников, аристократов и иных землевладельцев, чхонин обычно безжалостно эксплуатировались.

Следует сказать, что правители Корё прилагали немало усилий для того, чтобы сохранять общую стабильность структуры. В 976 г. с этой целью был составлен общегосударственный земельный кадастр и введен строгий контроль за использованием земли – мера, весьма необходимая при существовании надельной системы. Однако, несмотря на это, в Корее, как и в Китае, шел процесс укрупнения землевладения, постепенного присвоения служебных и иных казенных земель. Временами возникали крупные полуавтономные уделы влиятельной наследственной знати. Во всех этих случаях центральная власть соответственно ослабевала, возникали кризисные явления, социально-политическая нестабильность. С особой силой это проявилось в XII в., когда крестьянские восстания наслаивались на мятежи знати, власть правителя-вана была ограничена или даже сведена на нет очередной военно-феодальной кликой из того или иного знатного дома. В начале XIII в. над страной нависла угроза монгольского нашествия.

Здесь следует заметить, что веками складывавшаяся внутренняя устойчивость и практика независимого существования страны, пусть даже подчас при формальном сюзеренитете Китая, вели к энергичному сопротивлению любой попытке попрать независимость. Это проявилось в VII в., когда Ян-ди потерпел поражение. Это же повторилось в XI в., когда не увенчалась успехом попытка киданьской империи Ляо завоевать Корею. Конечно, теперь ситуация была сложнее. Монголы были очень грозным противником, а Корея, как только что упоминалось, была

ослаблена внутренними распрями. Несмотря на это борьба с монголами растянулась на долгие десятилетия (1231–1258), причем только междоусобные распри и апелляция части знати к монголам с просьбами устранить соперников привели в конечном счете к капитуляции, хотя и после этого в Корее одно за другим продолжали вспыхивать антимонгольские движения.

Монгольское иго длилось несколько десятилетий, на протяжении которых Корея была превращена в плацдарм для монгольского вторжения в Японию. С ослаблением власти монголов в Китае и особенно после начала там мощного антимонгольского движения под эгидой будущих правителей династии Мин в Корее произошел раскол на сторонников как монгольской (юаньский), так и минской династии, между которыми разгорелась ожесточенная борьба. Сторонники новой минской династии, во главе которых стал сам ван Конмин (1352–1374), уже в 1356 г. сумели изгнать остатки монгольских войск с территории страны. И хотя их промонгольские противники не сложили оружия, а в 1374 г. сумели даже убить Конмина, это им не помогло. Патриотически настроенные группировки в начале 80-х годов, когда победившая династия Мин в Китае могла оказать им помощь, выступили против промонгольской клики. Генерал Ли Сон Ге во главе армии в 1388 г. вошел в столицу и заставил правительство капитулировать. В 1392 г. он же совершил государственный переворот и провозгласил себя основателем новой династии Ли, правившей до 1910 г.

Корея в позднем средневековье (династия Ли)

Новая династия быстрыми энергичными мерами покончила с существованием в стране мятежных феодальных клик, подорвав их экономическую основу: все земельные владения знати, равно как и ее привилегии, указом 1391 г. были отменены. Вся земля страны поступала в распоряжение центрального правительства и передавалась в пользование крестьянам. Чиновники получали право на ренту-налог со служебного надела в соответствии с рангом и должностью. Был создан по китайскому образцу институт цензоров-инспекторов, следивших за порядком в администрации. Системе экзаменов было придано большое значение, а военные чиновники поставлены, как и в Китае, ниже гражданских. Страна получила новое название – Чосон, а столицей ее стал Сеул. Внешнеполитический статус Чосона был урегулирован в ходе специальных переговоров с минским Китаем: Корея получала автономию в обмен на признание сюзеренитета Китая. И наконец, официальной государственной идеологией вновь стало конфуцианство – на сей раз в его неоконфуцианской чжусианской модификации, тогда как буддизм этот официальный статус утратил.

Конечно, все эти нововведения, утвержденные в XV в. несколькими новыми административными указами, значительно укрепили власть центра и легли в основу той стабильности, которая позволила династии сохранять свою власть на протяжении пяти с лишним веков. Можно сказать, что XV век был временем удачи для Кореи как государства. Реформы династии Ли оказались эффективными, страна получила желанную стабильность. Это оказалось особенно существенным: когда в XVI в. наступила година тяжелых испытаний, корейцы сумели с честью их

выдержать.

Как и в минском Китае, в Корее XVI век прошел под знаком ожесточенной борьбы влиятельных группировок – конфуцианских ученых и придворных временщиков, в основном из числа родни вана и высшей знати. Соперничество сопровождалось казнями, дворцовыми переворотами. К концу века в стране возникли даже устойчивые политические группировки типа партий, обозначавшие себя по странам света (Западная, Восточная и др.). Вся эта внутренняя борьба во многом свела на нет успехи XV в. И вот в это-то тяжелое для страны время она оказалась объектом чужеземного вторжения.

Южное побережье Кореи вот уже на протяжении ряда веков страдало от набегов японских пиратов. На попытки протестовать влиятельный сёгун Т. Хидэёси ответил требованием смириться и платить ему дань. Когда это требование было отклонено, Хидэёси в 1592 г. отправил в Пусан 200-тысячную армию, которая через несколько недель сумела занять Сеул и Пхеньян, сопровождая свой победный марш по Корее неслыханными зверствами. В ответ на это в стране вновь развернулась народная война, во главе которой стал командующий корейским флотом Ли Сун Син. Разгромив японский флот, Ли Сун Син стал господствовать на море, что сильно подорвало устойчивость японского экспедиционного корпуса. Сыграла свою роль и помощь со стороны минского Китая. Вскоре Сеул и Пхеньян были освобождены и начались переговоры, в ходе которых придворная группировка корейской знати сделала все для того, чтобы оклеветать ставшего для нее слишком опасным популярного Ли Сун Сина. Ли был разжалован. Но это сразу же привело корейский флот к поражению, вследствие чего в 1597 г. Ли вновь назначили главнокомандующим. Война в конечном счете завершилась изгнанием японцев, хотя корейскому народу она обошлась очень дорого.

Победа не привела к заметному укреплению власти центра. С еще большей силой разгорелась междоусобная борьба, в ходе которой наибольшим влиянием пользовались Северная, а затем Западная партии-клики. А тем временем на севере Кореи консолидировалось молодое энергичное государство маньчжуров. Попытки корейцев поддержать минский Китай в его противоборстве с маньчжурами в 1618 г. привели к первому столкновению с маньчжурской конницей. А после вторжения маньчжуров в 1627 г. и 1636 г. Корея была вынуждена уступить: по договору 1637 г. она признала себя вассалом империи Цин, еще тогда не завоевавшей Китай. Позже этот вассалитет был подтвержден, причем внешние сношения Корея могла иметь только через Китай (следствием этого было закрытие корейских портов для иностранцев и запрет населению страны покидать ее пределы). Исключение делалось только для строго ограниченной торговли с Японией.

В XVII–XVIII вв. в Корее протекали сложные и противоречивые процессы. Совершенствовалась аграрная система и система налогов. В 1608 г. был введен единый рисовый налог тэдонми, что, впрочем, не исключало существования некоторых дополнительных поборов. Росло частное землевладение, для противодействия которому (и для предотвращения разорения крестьян) правительство усилило значение государственного кредитования (система «возвратного зерна», хвангок). Ухудшение положения крестьян вело к восстаниям. Назревала необходимость более серьезных реформ.

Реформы короля Ёнчжо в середине XVIII в. привели к облегчению налога с крестьян некоторых категорий и к повышению статуса неполноправных. Эти реформы проводились уже на фоне новых политических движений, которые были ориентированы на отказ от традиционных конфуцианских норм и заимствование новых европейских идей. Больших результатов реформы, впрочем, не дали. На рубеже XVIII–XIX вв. кризисные явления в экономике вновь проявились, причем на сей раз затронули и города. В первой половине XIX в. произошли новые восстания крестьян и горожан, а в середине этого века количество таких восстаний уже исчислялось десятками. Новая серия реформ регента Тэвонгуна в 60-х годах XIX в. являла собой попытку снять напряжение в стране путем отдельных уступок, но их результатом было обострение политической борьбы в верхах, причем в центре ее стоял вопрос будущего страны: продолжать политику изоляции или открыть Корею для внешнего мира. Давление держав на Корею с требованием открыть ее порты для торговли и использование при этом в качестве посредника Японии в конечном счете привели к желаемому для колониального капитала результату: на рубеже 80-х годов XIX в. Корея оказалась связанной серией неравноправных договоров, которые открыли страну для иностранцев и предоставили им немалые привилегии. Начался процесс превращения страны в полуколонию.

Япония до сёгунов (до XII в.)

Заселение островов Японии уходит далеко в глубь тысячелетий, причем здесь, как и во всем островном мире Южной Азии, одни расово-этнические группы на протяжении тысячелетий наслаивались на другие, смешиваясь с ними либо оттесняя их. На основе смешения монголоидных маньчжуро-тунгусских племен с палеоазиатским малайскими сложилось на рубеже нашей эры ядро собственно японцев, одна из групп которых, Ямато, в III–V вв. сумела подчинить себе остальные, заложив фундамент первого на островах государства. Возможно, при этом сыграло свою роль влияние со стороны Китая с его к тому времени уже весьма развитой государственностью. Во всяком случае известно, что уже в III в. в Японии было немало мигрантов из Китая и Кореи, причем часть их со временем включена в сословие неполноправных (бэ, бэмин). Известно также, что в китайских источниках можно найти упоминания о связях с Японией, о присылке подарков от племенных вождей с островов.

Внутренняя структура раннеяпонского государства была типичной: во главе стоял вождь-правитель, его окружала родовая знать, занимавшая ключевые административные посты, включая управление областями и округами, на которые уже тогда была поделена страна. Основную массу населения составляли платившие ренту-налог в казну крестьяне. Кроме них были неполноправные бэ и рабы, в основном из числа иноплеменников. Эта категория людей находилась в собственности государства либо была под началом знати.

С VI в. китайское влияние на островах стало ощущаться сильнее. Сначала это влияние шло вместе с буддизмом, распространившимся в Японии из Китая через Корею и впитавшим в себя многое из традиционной китайской культуры. Чуть позже, особенно после сложения

централизованной империи Суй и затем Тан, сильным стал поток конфуцианского влияния. Когда в конце VI в. к власти в Японии пришел принц Сётоку-тайси, им были созданы знаменитые 17 статей («Закон из 17 статей», 604 г.), в которых были сформулированы основанные на конфуцианстве и буддизме принципы существования и управления, в том числе главный из них – принцип высшего суверенитета правителя и строгого подчинения младших старшему. Сетоку щедро приглашал в Японию китайских и корейских монахов и ремесленников, а также посылал молодых японцев учиться в Корею и Китай.

Однако, несмотря на активное заимствование китайской модели организации общества и государства, правители Японии не были еще готовы создать стабильную и сильную централизованную систему администрации. Восходившее к недавнему родоплеменному прошлому японское общество раздиралось междоусобицами, причем все большим влиянием в нем начинали пользоваться знатные аристократические дома, среди которых выделялся дом Сога. В середине VII в. противники Сога во главе с принцами правящего рода выступили против этого влиятельного дома и сумели уничтожить его. В результате происшедшего в связи с этим переворота («переворот Тайка», 645 г.) реальным правителем страны оказался принц Кару, который и принял титул тэнно («сын Неба»). Правой рукой правителя стали представители дома Фудзивара, помогавшие ему свергнуть Сога.

Реформы, последовавшие за переворотом, были призваны решительно реорганизовать по китайской модели всю страну, начиная от роли в администрации централизованного начала и кончая аграрными отношениями. Был создан аппарат власти с соответствующими департаментами (восемь ведомств), а на местах – провинции и уезды во главе с губернаторами и уездными начальниками. Население стало подразделяться на плативших налоги полноправных (рёмин) и неполноправных (сэммин). Полноправные крестьяне получали подлежавшие переделу раз в шесть лет государственные наделы, за что они были обязаны платить ренту-налог зерном и тканями, а также отбывать повинности. Чиновники имели служебные должностные наделы, размер которых колебался в зависимости от должности и ранга. Часть влиятельных людей получила наделы в пожизненное пользование, иногда с правом передачи их по наследству на протяжении одного – трех поколений, редко больше. На рабов тоже предоставлялись наделы (треть надела крестьянина), тогда как неполноправные бэ были повышены в статусе и оказались практически полноправными, причем часть их, потомки выходцев из Китая и Кореи, имевшие образование, превратилась в чиновников. Само собой, вся деловая и прочая документация велась китайскими иероглифами.

Реформы Тайка, дополненные в 701 г. специальным кодексом Тайхорё, заложили основы японской социальной и политической структуры. Они же создали фундамент для расцвета японской культуры периода Нара (VIII в.), когда по образцу танской столицы Чанани была богато отстроена столица Японии Нара с ее многочисленными дворцами, проспектами, храмами, монастырями и т. п. Древняя религия японцев синто («путь духов»), в значительной мере обогащенная за счет китайского даосизма, сумела найти модус вивенди с буддизмом в рамках так называемого рёбу-синто. Все это, вместе взятое, дало сильный толчок развитию древнеяпонской литературы, мифологии, а также нелегкому

делу составления хроник, географических описаний и т. п.

Словом, японцы быстрыми темпами преодолевали свое отставание от великого соседа, заимствуя все, что только можно. Однако при этом сохранялось и то, что заметно отличало Японию как от Китая и Кореи, так и от подавляющего большинства прочих неевропейских обществ. Особенности, о которых идет речь, были связаны с огромной ролью родоплеменной феодализирующейся знати и более явственной, нежели где либо еще, тенденцией к приватизации, т. е. к возрастанию роли и значения частного владения при слабости власти центра. Эти особенности проявились не сразу. В период Нара их еще почти не было заметно – на переднем плане господствовала всеми признанная и почитаемая китайская модель. Но с IX в. ситуация стала понемногу меняться.

Прежде всего система государственной власти оказалась не столь прочной, как то было в Китае (даже в Корее). Божественный тэнно, как это выяснилось уже в конце VIII в., более царствовал, нежели реально управлял страной. Конфуцианской элиты чиновников-администраторов по китайскому образцу вокруг него не сложилось, как не возникла и система регулярного их воспроизводства с конкурсными экзаменами в качестве ее базы. Это было первое очень важное, даже принципиальное отличие японской модели от китайской, корейской и вьетнамской. Вакуум власти оказался заполненным влиятельным домом Фудзивара, представители которого из поколения в поколение не только наследственно становились регентами-правителями при императорах, но и женили императоров на женщинах своего клана.

Отстроив новый город Хэйян (Киото), опять-таки по китайскому образцу, дом Фудзивара перенес туда центр администрации страны, сделав, таким образом, Хэйян даже не второй, а фактически первой столицей Японии (794 г.). В IX–XI вв. влияние Фудзивара настолько усилилось, что императоры превратились почти в марионеток в их руках. И хотя они, опираясь на часть недовольной этим аристократической знати, пытались время от времени сопротивляться, к успеху это не привело. Напротив, сложился даже некий стереотип двойственной, со временем даже тройственной власти. Как правило, каждый император не слишком долго оставался на троне: взойдя на него в малолетнем возрасте (дом Фудзивара обычно был заинтересован именно в этом), он в годы зрелости отрекался от власти в пользу своего малолетнего наследника и уходил в тот или иной буддийский монастырь, сохраняя при этом за собой определенное влияние на положение дел в стране. Постепенно эта практика стала использоваться некоторыми экс-императорами для того, чтобы создать в своем монастыре альтернативный политический центр, в чем были заинтересованы как соперничавшие с Фудзивара знатные роды, так и влиятельные монастыри. Но, хотя упомянутые альтернативные центры власти иногда становились достаточно могущественными, сам по себе факт распыления власти между двумя-тремя центрами был в конечном счете на руку именно Фудзивара, чей центр в Хэйяне продолжал в этой ситуации быть главным.

На что опирался этот влиятельный клан в борьбе за власть? Дело в том, что при отсутствии налаженной системы воспроизводства чиновников-конфуцианцев система бюрократии по китайскому эталону неизбежно должна была оказаться неэффективной. Неудивительно, что в территориальной администрации Японии посты губернаторов и уездных

начальников захватили и почти наследственно удерживали за собой местные знатные дома, вследствие чего централизованная структура приобрела явственные признаки феодальной, в рамках которой каждый сильный владетельный аристократ чувствовал себя хозяином в своей местности. И он не только чувствовал себя хозяином, но и реально был им, ибо в сфере аграрных отношений по все той же причине искусственно созданная по китайскому эталону надельная система с круговой порукой пятков и десятков дворов тоже оказалась несостоятельной: с IX – X вв. государственные наделы стали превращаться фактически в наследственные владения крестьянских семей, а совокупность нескольких деревень (не обязательно соседних) обычно оказывалась владением (сёэн) знатного дома, господствующего в данном уезде. Конечно, часть своих доходов владельцы наследственных сёэн были обязаны посылать в центр – все-таки они формально оставались представителями власти в уезде, но это не мешало такого рода знатным домам чувствовать себя хозяевами уезда. Приблизительно с X в. в Японии вся власть на местах оказалась в руках частновладельческих домов знати, владельцев сёэн разных размеров. Собственно, эту структуру, сложившуюся в качестве альтернативы классической китайской конфуцианской бюрократической администрации, следует считать вторым принципиальным отличием японской модели организации государства и общества. Но и это еще не все.

Процесс приватизации и сложения системы сёэн достаточно болезненно сказывался на крестьянах, которые были обязаны хорошо кормить своих хозяев и к тому же посылать от их имени налоги в центр. Быть может, количественно, с точки зрения нормы эксплуатации, разница была не слишком большой (в конце концов не все ли равно, кормить представителя местной власти, т. е. чиновника, или владельца сёэн). Но зато с точки зрения организации администрации и вообще всей структуры власти она оказалась огромной.

Дело в том, что местные власти иначе относились к крестьянам, да и крестьяне – к властям. Разорение крестьянских хозяйств приводило к восстаниям, ставшим особенно заметными в IX–XI вв., а также к уходу крестьян с насиженных мест. Если в китайской империи такое считалось нежелательным, но, как правило, все же допускалось (не все ли равно в конечном счете, где осядет крестьянин, – лишь бы он платил налоги государству), то для владельцев сёэн все обстояло иначе. Крестьянские хозяйства кормили именно их, т. е. этих владельцев, так что допускать уход крестьян было нельзя. Неудивительно, что в Японии появились меры, направленные на прикрепление крестьян, что опять-таки можно считать косвенным свидетельством феодальных тенденций в обществе. Но и этого мало. В целях борьбы с восставшими и предупреждения от ухода с земли владельцы сёэн стали создавать отряды воинов-дружинников, профессиональных военных, намного более жестко организованных по сравнению, скажем, с тем, что представляли собой отряды ополченцев и стражников во владениях сильных домов в Китае периода Троецарствия, Нань-бэй чао или даже конца Хань.

С течением времени боевые дружины воинов-профессионалов, в число которых вливались также искавшие покровительства у наиболее знатных и сильных владельцев сёэн мелкие землевладельцы, стали превращаться в замкнутое сословие воинов-самураев (буси). Возник и свято соблюдался кодекс воинской этики, свод норм поведения самурая,

включавший в себя прежде всего классическую конфуцианскую идею верности господину, вплоть до безусловной готовности отдать за него жизнь, а в случае неудачи или бесчестья покончить с собой (сделать харакири), следуя при этом определенному ритуалу (бусидо). Самураи вскоре превратились в грозное оружие крупных землевладельцев в их ожесточенной междоусобной борьбе за власть. Это привело к тому, что уже с XI–XII вв. Япония начала весьма явственно отличаться от Китая и еще в одном принципиально важном плане: власть имущие и вся система администрации в этой стране опирались не на обычную практически для всех неевропейских обществ чиновную бюрократию либо воинскую прослойку, находившуюся на службе у государства и получавшую за это именно от него плату в форме чаще всего служебных должностных условных наделов, а на находившихся в зависимости от знатных домов рыцарей-самураев, преданных своим господам.

Только что упомянутые и тесно связанные друг с другом, взаимно обусловленные основные отличия японской модели общества и государства от классической конфуцианской китайской многое объясняют в судьбах Японии. Но стоит заметить, что явственный уклон в сторону частнособственнического интереса и феодальной структуры не привел Японию в деструктивное состояние раздробленности и децентрализации, что было бы естественным для иного общества в аналогичной ситуации. Дело в том, что децентрализаторские тенденции в средневековой Японии уравновешивались сильными центростремительными, вследствие чего создавался некий устойчивый и весьма специфический баланс власти. Особенно заметным это стало к концу XII в., когда в ходе ожесточенной борьбы двух виднейших усилившихся домов, Тайра и Минамото, была нарушена прежняя гегемония Фудзивара.

Япония при сёгунах (XII–XIX вв.)

В XII в. власть дома Фудзивара постепенно ослабевала, чему в известной мере способствовало усилившееся противостояние регентов и экс-императоров в монастырях. На фоне этого ослабления все более заметным становилось противостояние двух соперничавших аристократических домов, Тайра и Минамото. Минамото, владевшие на северо-востоке страны наиболее крупным и хорошо организованным войском самураев, каждый из которых имел пожалованный ему господином надел с хорошим доходом и потому был готов сражаться за господина до смерти, в конечном счете одержали победу. В 1192 г. Минамото Ёритомо был объявлен верховным военным правителем страны с титулом сёгун. Ставкой сёгуна и правительства (бакуфу) стал город Камакура.

Подавив сопротивление недовольных, сторонники Минамото конфисковали земли соперников и отдали их в качестве ленных владений своим самураям. Это заметно сказалось на изменении аграрной структуры страны: подавляющей формой земельного владения стало мелкое, самурайское, хотя продолжали существовать и крупные владения знатных домов, прежде всего Минамото, императора и его родни, а также некоторых всесильных вассалов Минамото. Влиятельнейшим из таких вассалов был Ходзё, потомки которого сосредоточили в своих руках всю

фактическую власть на протяжении почти столетия, до первой трети XIV в. В частности, именно Ходзё организовали сопротивление монгольским армиям Хубилая, когда они высадились в Японии и когда героическое сопротивление японцев, равно как и разметавший монгольский флот страшный ураган (божественный ветер, камикадзе), заставили монголов уйти восвояси.

С XIII и особенно в XIV в. начинается эпоха расцвета японских городов, а также ремесла и торговли. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, увеличение количества ставок крупных аристократов, при дворах которых жило большое количество самураев и челяди, обслуживавших их лиц, включая ремесленников. Во-вторых, увеличение количества буддийских сект и соответственно различных монастырей, неподалеку от которых часто селился обслуживавший нужды монастыря и паломников персонал, опять-таки включая многочисленных ремесленников и торговцев. В-третьих, появилось и некоторое количество автономно существовавших больших городов, прежде всего портовых, тоже становившихся центрами ремесла, торговли и городской культуры.

На первых порах расцвету портовых городов содействовали японские пираты, возникшие как заметная самостоятельная сила именно в XI–XII вв. Позже, однако, главную роль в их процветании стала играть регулярная торговля с Китаем, Кореей и странами Юго-Восточной Азии. В городах возникли профессиональные корпорации ремесленников и торговцев (дза), а некоторые из них, правда, очень немногие, как, например, Сакаи, Хаката, имели даже определенную автономию и самоуправление. Но самым главным результатом появления городов (в XIV в. их было 40, в XV – 85, а в XVI – уже 269) был заметный рост товарно-денежных отношений, что сыграло немаловажную роль в последующей эволюции структуры японского общества.

Речь идет в первую очередь о самураях. Сословие это с его высокими запросами и весьма в целом невысоким уровнем дохода (его можно сравнить с русским дворянством, скажем, XVII–XVIII вв.) уже в XIII–XIV вв. оказалось в состоянии кризиса. Чтобы поддержать воинскую честь и достойный уровень существования, самурай нередко залезал в долги, а то и вынужден был продавать свой лен. Это вело к разорению его и его потомков, что было весьма невыгодно для его патрона, а также и для государства (не следует забывать, что большинство самураев было на службе сёгуна, т. е. государства). Следовали один за другим указы, предписывавшие выкупать, а то и просто возвращать самураям их земли. Но процесс шел своим чередом, так что указы мало помогали. Нужны были иные меры, и самураев начали переводить на положение воинов-рыцарей, дружинников, живущих при дворе хозяина и получающих за это жилье, снаряжение и натуральный паек от господина или государства. Соответственно в очередной раз стали меняться и аграрные отношения: все большее количество земли начало концентрироваться в руках крупных феодальных домов, князей-даймё, которые также стали контролировать значительную часть японских городов с их ремеслом и торговлей. Возвышение князей сыграло свою роль в падении сёгунов из дома Минамото и их фактических правителей из дома Ходзё: в результате длительных усобиц верх взял бывший вассал Ходзё Асикага, который в 1335 г. провозгласил себя сёгуном и потомки которого управляли Японией до 1573 г.

Сёгунат Асикага не был периодом мира и процветания. Напротив,

усилились феодальные междоусобицы, особенно с начала XV в. Против Асикага восставали то один, то другой из влиятельных домов, а в 1467–1477 гг. разгорелась в стране настоящая война (война годов Онин), в ходе которой укрепили свое положение некоторые даймё, занявшие ключевые позиции в Японии (всего таких домов до начала войны годов Онин насчитывалось 260; многие из них в ходе усобиц погибли). Власть сёгунов практически стала номинальной, а Япония на рубеже XV–XVI вв. практически распалась на несколько частей. В этих условиях почти постоянных войн и сопровождавшей их разрухи усилился экономический кризис. Резко возросло количество крестьянских восстаний, причем к крестьянам теперь нередко примыкали разорившиеся самураи (их низшая прослойка – кокудзин) или странствующие рыцари, самураи-ронины (не имевшие господина), а порой и городская беднота. Все это привело к тому, что в середине XVI в. в Японии, практически не было центрального правительства, ни сёгунского, ни императорского. В этих-то сложных условиях вновь встал нелегкий вопрос об объединении страны.

Реализация этой задачи связана с именами едва ли не наиболее известных исторических деятелей Японии – Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. В обстановке всеобщих усобиц честолюбивый Ода сумел одного за другим одолеть нескольких даймё и в 1573 г. свергнуть последнего сёгуна из дома Асикага. Одним из наиболее ожесточенных противников Ода в этой борьбе оказались буддийские монастыри, что сыграло немалую роль в определении политического курса Ода по отношению к христианству.

Первые христиане появились в Японии в 40-х годах XVI в. вместе с португальскими купцами. Затем в Японию прибыли миссионеры-иезуиты, в том числе знаменитый Франциск Ксавье. Их усилиями христианская религия в крайне выгодных для укоренения на островах Японии условиях ожесточенных междоусобиц стала распространяться довольно быстрыми темпами: уже в 1580 г. в стране было около 150 тыс. христиан, а также 200 церквей и 5 семинарий; к началу XVII в. христиан было около 700 тыс. Этому способствовала, в частности, и политика южных даймё, заинтересованных в португальской торговле и, главное, в обладании огнестрельным оружием, доставка, а затем и производство которого в Японии были налажены именно католиками-португальцами.

В 80-х годах XVI в. Ода овладел уже половиной провинций страны, включая столицу Киото, и провел ряд реформ, направленных на ликвидацию политической и экономической раздробленности, на развитие городов и торговли, но под верховным контролем власти (в частности, в 1568 г. был лишен своей автономии торговый город Сакаи). После убийства Ода в 1582 г. власть попала в руки его помощника Тоётоми Хидэёси, выходца из крестьян. Хидэёси сумел завершить дело объединения страны и даже лелеял мечту расширить свою власть за счет завоеваний на континенте. Неудачи экспедиции в Корею похоронили эти мечты. Однако внутренние реформы дали немалый эффект. Была усилена централизованная власть, укреплен контроль за городами и торговлей, уделено внимание земельной реформе, целью которой было закрепить земли за крестьянами, способными исправно платить налоги в казну государства. В отличие от Ода новый правитель выступил против чрезмерно усилившихся, по его мнению, иезуитов и вообще христиан. В 1587 г. он даже издал было указ об изгнании иностранных миссионеров, португальцев и испанцев, и организовал преследование

японцев-христиан, включая уничтожение церквей и издававших церковную литературу типографий. Но успеха это не дало, ибо преследуемые укрывались под надежной защитой принявших христианство мятежных южных даймё. После смерти Тоетоми Хидэёси в 1598 г. власть оказалась в руках одного из его сподвижников Токугава Изясу, который сумел одолеть соперников и в 1603 г. провозгласил себя сёгуном. Началась длительная эпоха нового, третьего по счету после Минамото и Асикага, сёгуната, токугавского, продолжавшегося вплоть до реставрации 1867 г., «Мэйдзи исин».

В классической формуле «начал, продолжил, завершил», обычно относимой к оценке деятельности всех трех выдающихся объединителей страны в XVI в., на долю Токугава Иэясу приходится заключительная фаза. Суровой рукой окончательно покорив всех мятежных даймё и объединив страну под своей властью, дом Токугава и прежде всего сам Иэясу приступили к серии реформ, направленных на закрепление успеха. Даймё, которых к тому времени насчитывалось около 200, сохранили некоторые традиционные права, включая суд и административную власть в пределах своего владения, при них остались и их самураи, находившиеся в основном на натуральном довольствии. Однако за это они не только должны были признать авторитет сёгуна, но и в знак этого признания каждый второй год вместе с семьей, челядью и даже частью дружины проводить в специально построенной для этого дворцовой усадьбе в Киото. Это своего рода заложничество сыграло важную роль в укреплении власти центра. Кроме того, дом Токугава позаботился о том, чтобы враждебные ему даймё (посторонние – в отличие от тех, кто был родней или вассалом сёгуна), именовавшиеся тодзама, не проживали компактно, но были бы территориально оторваны друг от друга. Ремесло и торговля в тех городах, где прежде осуществляли свою юрисдикцию даймё, были переданы в подчинение центру вместе с самими городами. Все это значительно подорвало могущество князей и укрепило власть сёгунов, т. е. государства.

Иэясу провел и аграрную реформу, еще раз закрепив крестьян за их землями. Он же строго разграничил сословия (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы) и наладил систему полицейского надзора в стране. Выступив против католической церкви, закрыв порты и вообще изолировав Японию от внешнего мира, Токугава вместе с тем не стоял за строгую и полную изоляцию. Сёгуны, видимо, понимали, что при контролируемых контактах связи с европейцами могут дать стране немало пользы. В частности, среди других европейцев были выделены голландцы: вся шедшая в Японию через посредство голландских купцов европейская наука и культура (ее именовали голландской наукой, рангакуся), особенно книги, оказывали немалое воздействие на японцев, привыкших перенимать все полезное у других. Известно, что ученые, последователи рангакуся из числа хорошо образованных японцев, уже в XVIII в. активно и вполне осознанно использовали данные европейской науки для совершенствования экономики страны.

Однако изоляция страны не вела к ее быстрому прогрессу. Если в XVII в. реформы и укрепление внутренней стабильности привели к относительному процветанию экономики Японии, то XVIII век принес с собой упадок и начало экономического кризиса. Разлагался лишавшийся необходимого материального содержания корпус самураев, из которых в наихудшем положении были ронины. В критическом положении

оказались крестьяне, часть которых вынуждена была идти в города либо включаться в городское хозяйство с помощью системы рассеянной мануфактуры (важный институт, играющий значительную роль и в современной Японии). В упадок пришли и большинство даймё, чьи власть и богатство заметно сокращались. Что касается сёгунов, то их могущество продолжало быть неколебимым, причем немалую роль в этом играло возрожденное и усиленное в его чжусианской форме неоконфуцианство, которое не только было воспринято в качестве официальной идеологии, но и реально оказывало свое воздействие на образ жизни японцев (патернализм, преданность старшим, крепость семьи, культ этической нормы и многое другое).

Кризис токугавского сёгуната стал заметным на рубеже XVIII–XIX вв., но особенно явственным – с 30-х годов XIX в. Ослаблением могущества сёгунов воспользовались прежде всего наиболее крепкие и развитые княжества из числа тодзама южных районов страны, особенно Тёсю и Сацума. Они богатели за счет контрабандной торговли, активно развивали собственную промышленность, включая и военную, причем сёгуны уже ничего с этим поделать не могли. Сильный удар по токугавскому авторитету нанесло насильственное «открытие Японии» США и европейскими державами в середине XIX в. Антииностранное и антисёгунское движение в стране после этого слились воедино, причем центром притяжения всех мятежных сил в стране стал императорский дворец в Киото.

Давно забытый, хотя и всегда всеми заботливо почитавшийся император вдруг превратился в национально-патриотический символ Японии. Императора активно поддерживали князья и самураи из Тёсю и Сацума, из, некоторых других княжеств. За него выступали стекавшиеся к его двору странствующие ронины. Наконец, антисёгунскую коалицию поддержала и заинтересованная в резком изменении политики Японии Англия. Словом, дни сёгуната были сочтены, так что неудивительно, что после короткого сопротивления осенью на рубеже 1868 г. с сёгунатом в истории Японии было покончено. Власть в стране была передана императору, 16-летнему Муцухито (Мэйцзи). Япония вступила в полосу радикальных преобразований, равных которым не знала ни одна из неевропейских стран (за исключением тех, что были заселены колонистами из Европы, как США, Австралия, Канада и т. п.).

Глава 14
Средневековая Африка: Судан

Хотя именно в Африке возник человек как биологический вид и здесь же, в долине Нила, сложилась одна из наиболее блистательных в древности цивилизаций, этот континент в целом значительно отстал в своем развитии от других, причем сам факт такого отставания очевиден и общепризнан. Вопрос лишь в том, почему это случилось.

На протяжении длительного времени специалисты пытаются выяснить, в чем суть проблемы. Выдвигались самые разные гипотезы, от откровенно расистских (негры по своей биологической природе не способны к развитию) до столь же откровенно апологетических (африканцы все могли и умели, все создали самостоятельно, от

земледелия и железоделания до государственности; причина же их отсталости – в жестокостях колониализма). Если оставить в стороне крайности и обратить внимание на те основные причины и обстоятельства, которые, по мнению различных африканистов, сыграли свою роль в отставании Африки и африканцев (важно оговориться, что здесь и далее речь идет только об африканцах, живущих южнее Сахары, о народах Тропической Африки), то среди прочего мы найдем упоминания о жарком климате и неблагоприятных в целом условиях обитания человека на большей части континента, о тропических лесах и поражающих людей и скот многочисленных тяжелых болезнях (лихорадка; сонная болезнь, вызываемая укусом мухи цеце, и др.), о недостаточно благоприятных для интенсивного земледелия почвах, примитивных приемах агротехники и соответственно низкой культуре труда. Говорится также о гигантских пространствах и слабой плотности населения, об относительной изоляции континента в целом, о необычайной множественности разделяющих людей языковых и родоплеменных барьеров, о цепкости примитивных традиций и силе раннерелигиозных культов. Наконец, принимаются во внимание обилие непроизводящих групп населения, собирателей и охотников, слабость и натуральность хозяйства производителей, земледельцев и скотоводов, редкая возможность создания продовольственных излишков и запасов, неразвитость внутренней торговли и отсутствие товарно-денежных отношений при господстве меновой торговли.

Все эти и многие другие соображения в принципе справедливы и немало объясняют. В частности, они позволяют заключить, что в отсталости Африки нельзя винить кого-то одного или что-то одно; здесь сыграл свою роль сложный комплекс причин, состоящий из ряда существенных факторов. Едва ли не первым из них по значению следует считать фактор природно-климатический: и климат, и тропические леса, и скудные почвы, казалось бы, насыщенной растительностью саванны, и малопригодные условия для интенсивного земледелия, и условия обитания, включая тяжелые болезни, высокую смертность. Конечно, все это можно было как-то преодолеть, и в конечном счете это преодолевалось. Люди адаптировались. Но чего им это стоило! Вторым существенным фактором отсталости следует считать самих людей, но не с точки зрения их расы, а в плане этнокультурных потенций. Будучи вынужденными тратить неимоверные усилия ради адаптации, африканцы в целом оказывались в невыгодных условиях обитания, что не могло не действовать отрицательно на темпы развития общества и его культуры, на уровень привычного реального бытия. Ничтожные средние потребности (скудное питание, минимальная одежда, простейшее жилище) не стимулировали поиска и не вели к выработке навыков высокопроизводительного труда, к накоплению и закреплению в поколениях нового трудового опыта – во всяком случае в таких размерах, чтобы преодолеть консерватизм традиции.

Наконец, третий существенный фактор отсталости – относительная изоляция многих этнических общностей и незначительная роль контактов с внешним миром вплоть до конца I тысячелетия н. э. Вот почему, хотя колониальное вторжение европейцев и принесло Африке неисчислимые бедствия и страдания (чего стоит одна только работорговля, унесшая десятки миллионов жизней и искорежившая социально-политическое бытие и сознание многих народов континента!), его не следует оценивать

однозначно. Как и на всем Востоке, оно внесло в традиционный способ существования и немало нового, в том числе и полезного. В Африку, в частности, были привезены прижившиеся там новые сельскохозяйственные культуры (кукуруза, маниока, земляной орех и др.), ставшие основой питания для многих народов.

Здесь стоит оговориться, что изоляция, о которой идет речь, всегда была относительной. Что же касается внутриафриканских контактов, то они, напротив, с глубокой древности и до последнего времени были весьма оживленными. Миграции значительных групп населения, причем не только скотоводов, обычно весьма легких на подъем, но и земледельцев, как о том свидетельствует расселение бантуязычных народов к югу от центра континента, где они, по всей вероятности, первоначально обитали (об этом свидетельствуют данные лингвистического анализа), были в Африке обычным делом. Видимо, именно это сыграло немалую роль в распространении по континенту, особенно на юге, земледелия и скотоводства.

Если говорить об основных зонах обитания на континенте, то следует заметить, что они весьма разнообразны. Закономерностью можно считать то, что экваториальный пояс Африки, покрытый тропическими лесами и наименее пригодный для обитания человека и производящего хозяйства, населен преимущественно охотниками и собирателями. Однако и здесь немало земледельцев, выращивающих преимущественно клубнеплоды, прежде всего ямс. Широкие зоны саванны, окружающие леса Африки с севера и юга, более благоприятны для существования земледельцев и особенно скотоводов. Но и здесь, в саванне, как и в лесу, земледельцы вели экстенсивное землепользование (подсечно-огневая система с довольно частым переходом на новые пашни), не были знакомы с тягловым скотом и плугом, обходясь примитивными мотыгами, что, впрочем, соответствовало скудным почвам с очень небольшим поверхностным плодородным слоем гумуса. Только в немногих районах саванны (вдоль долины Нигера, в частности) условия земледелия были более благоприятными и способствовали не просто выращиванию злаков, включая, видимо, привезенный в Африку арабами рис, но и созданию запасов зерна, т. е. избыточного продукта, что всегда было материальной основой для появления и существования надобщинных политических структур, прото – и раннегосударственных образований.

История Тропической Африки как политическая история, т. е. фиксированное преданиями и документами описание как раз такого рода надобщинных структур, начинается именно в зоне северной саванны, в пределах обширного пояса полупустынь, степей и лесостепей, расположенных к югу от Сахары и именуемых Суданом (северная часть этого пояса, где обитали преимущественно кочевники, именуется Сахелем). На востоке этого трансафриканского пояса еще в древности и явно под влиянием египетской цивилизации и транзитной торговли между Средиземноморьем, Аравией и Индией возникли упоминавшиеся уже африканские государства Нубия и Эфиопия (Аксум). Но они развивались как бы обособленно от остальной части Тропической Африки, хотя связи между ними и континентом явно существовали. Существует даже гипотеза, согласно которой железоделание в Африке[34] восходит к

34 Железоделание обычно было делом обособленной от остального населения касты наследственных специалистов-кузнецов; перемещавшихся с места на место, осваивавших новые месторождения и снабжавших окружавшее их население изделиями из металла, в

древнему восточно-суданскому государству Мероэ, откуда оно в свое время начало распространяться по всему континенту. Впрочем, появление железоделания в то далекое время (I тысячелетие до н. э.) не сыграло существенной роли в формировании государственности на большей части территории Тропической Африки. Государственность здесь появилась много позже, причем в противоположной части суданского пояса, на его западе. Однако едва ли не важнейшую роль исходного толчка для ее появления здесь сыграли аналогичные обстоятельства. Речь идет о влияниях и контактах с развитыми цивилизациями в конце I тысячелетия н. э.

Как упоминалось, внутриафриканская система контактов существовала с древности и включала в себя не только Сахару, через которую шло немало караванных дорог, но и Северную Африку, в том числе и жителей Карфагена, наслышанных о золотых россыпях Западного Судана. Так как западно-суданское золото, добычей которого из века в век занимались местные народности, высоко ценилось в Средиземноморье, где из него чеканили монету, то неудивительно, что уже издревле существовала транзитная торговля, соединявшая север Африки через Сахару с Суданом. Эта торговля надолго заглохла в начале I тысячелетия н. э., но после арабизации североафриканского побережья в качестве купцов-посредников, заинтересованных в суданском золоте, стали активно выступать мусульманские торговцы Магриба (позже центром этой торговли стал фатимидский Египет).

Начиная с VII в. и на протяжении ряда последующих столетий арабские и берберские купцы везли высоко ценившуюся в Африке соль и некоторые другие средиземноморские товары в западно-суданские земли. На торговых путях и их пересечениях один за другим стали вырастать торговые центры (Аудагост, Гана, Томбукту, Гао и др.), населенные исламскими торговцами и выходцами из числа разбогатевшей на этой торговле местной знати, постепенно захватывавшей в свои руки и административно-политическую власть.

Западный Судан

Западный Судан с VII–VIII вв. был местом наиболее интенсивной транзитной торговли, точкой пересечения многих миграционных потоков. Здесь жили земледельцы саванны. Сюда же спорадически перемещались со своими стадами скотоводы, как негроидного, так и берберо-ливийского происхождения. Есть основания полагать, что последние сами принимали участие в караванной торговле, предоставляя купцам для этого своих верблюдов-дромадеров[35]. На увлажненных разливами Нигера западно-суданских землях выращивали злаки, в том числе рис. В торговых городах было, кроме торговцев, немало ремесленников, обслуживавших нужды городского населения. Словом, многие факторы способствовали тому, чтобы в западно-суданском районе Африки сложились благоприятные условия для появления городов и городской жизни, а

первую очередь мотыгами, топорами, ножами, наконечниками и т. п.

35 Колеса и колесные повозки в Африке практически не применялись; все тяжести переносились преимущественно на плечах носильщиков; лошадей использовали лишь для военных нужд, а дромадеры далеко на юг не заходили

вместе с этим – очагов цивилизации и государственности. Но главным фактором из всех было все-таки золото, без которого все остальное могло бы и не появиться. Именно контроль над приисками и тем самым ключевое положение в системе выгодного торгового обмена создали первоначальные условия для появления первых крепких западно-африканских государств. Наиболее ранним из них была Гана (не путать с современной Ганой!).

Гана. Истоки ганской государственности неясны. Существуют предания, согласно которым первыми правителями этого государства были выходцы с севера («белые правители»). Возможно, это были кочевники-берберы из числа тех, кто мигрировал в западно-суданские земли с той же целью обогащения, что и средиземноморские купцы. Но это лишь предположение. В VIII в., однако, это было уже далеким прошлым. К этому времени правители Ганы в расовом и этническом плане были такими же, что и их подданные, выходцами из этнической общности сонинке, составлявшей основу жителей Ганы. Сложившееся вокруг торгового центра протогосударственное образование Гана существовало в основном за счет таможенных сборов и пошлин с купцов, частично за счет дани с подчинившихся ему соседних племен. Но главным сокровищем правителей Ганы было золото, точнее, контроль над приисками: все самородки с них полагалось отдавать правителю; только золотой песок считался законным доходом старателей.

Оттеснив берберов, Гана в конце X в. присоединила к себе важный торговый центр Аудагост, расположенный к северу от нее. Стоит при этом заметить, что сами правители страны и их подданные в транзитной торговле практически не принимали участия: торговали приезжие купцы – арабы, берберы, евреи. Словом, Гана во многих отношениях была необычным протогосударством, жившим за счет выгодного расположения и распоряжения богатыми ресурсами, но не за счет производства (если не считать производством добычу золота). В 1076 г. альморавидский султан Абу-Бекр во главе мусульманского войска завоевал Гану и разрушил город. И хотя спустя 11 лет, после успешного восстания, завоеватели были вынуждены уйти, дни процветающей Ганы были уже сочтены. Часть зависимых территорий отпала от нее, а бывшее данником родственное племя сосо в 1203 г. захватило столицу, после чего многие из живших там иноземных купцов покинули город. Политическим же преемником Ганы стало новое протогосударство – Мали.

Мали. Мали сформировалось как протогосударственное образование в VIII–IX вв. Расположенное вначале к югу от Ганы, в зоне, куда доступ северным кочевникам был затруднен, Мали тем не менее, в отличие от Ганы, в XI в. приняло ислам. Исламизация правящей верхушки Мали содействовала развитию протогосударства, населенного родственными сонинке малинке (оба народа из языковой группы манде, мандинго), и притоку в страну мусульманских купцов. В 1235 г. правитель Мали Мундиата Кейта одолел соседнее протогосударство Сосо и присоединил к стране древние земли Ганы. Вскоре Мали стало богатым и известным в арабском мире западно-суданским государственным образованием: его правитель Муса I совершил в 1324 г. хадж в Мекку. По преданию, Муса привез с собой столько золота, щедро раздававшегося во время путешествия (10–12 т, его несли около 500 рабов-носильщиков), что долгие годы после этого цена на золото в арабском мире была заниженной.

Города Мали были застроены богатыми зданиями и мечетями. Процветали торговля и ремесла. Золота было настолько много, что высоко ценившаяся соль подчас обменивалась на него по весу в соотношении 2:1 (торговля в Судане была меновая; денег в ходу не было). Административная структура была значительно более развитой, чем в Гане. Высшую власть осуществлял правитель, но большую роль играла родовая знать, прежде всего из правящего рода Кейта, представители которого назначались наместниками присоединенных к стране областей (часть завоеванных или добровольно присоединившихся земель оставалась под властью местных вождей, плативших правителю дань).

Дабы обезопасить себя от притязаний близких родственников на власть, правители возвышали воинов и чиновников из числа чужеземцев, в первую очередь иноплеменников-рабов, количество которых в аппарате власти и в войске, особенно в гвардии правителя, было велико. Исламская структура власти, видимо, сказалась в том, что служащие и воины получали должностные земли, точнее, право на налоги (ренту-налог) с населения пожалованных земель. Что же касается основной части населения, малинке, то они жили большими общинами, состоявшими из патриархальных семей, главы которых распоряжались имуществом всего коллектива и вносили необходимую часть его в виде налога старейшине. Рабы из числа чужеземцев чаще всего включались в хозяйство на правах младших членов семьи, причем статус раба во втором поколении практически переставал быть рабским.

С конца XIV в. Мали под действием династических распрей стало ослабевать. И хотя династия Кейта просуществовала до XVII в., она практически уже не управляла большой и процветающей страной: под ударами удачливых соседей, прежде всего сонгайцев, правители Мали потеряли в XV в. почти все свои владения. Зато на смену Мали пришло государство Сонгай, наиболее могущественное из трех суданских государственных образований и наиболее развитое из них.

Сонгай. Общность сонгаев обитала к северо-востоку от Ганы и Мали, близ торгового центра Гао, который со временем и стал столицей нового государства. Предания свидетельствуют о существовании сонгаев и о сложении у них государственности еще в конце I тысячелетия до н. э., причем специальные исследования говорят о том, что государственные институты и должности возникали на местной основе (об этом свидетельствуют их наименования). Это, впрочем, никак не исключает возможности влияния на весь процесс извне, особенно если учесть уже описанную ситуацию. В начале II тысячелетия сонгайское протогосударственное образование (или серия образований?) было под властью Мали. Только с ослаблением Мали в конце XIV в. сонгай, к тому времени уже принявшие ислам, во главе со своим правителем Али победили малийцев и создали большое государство, охватившее значительную часть Западного Судана, включая все его известные торговые центры. В государстве Сонгай было создано профессиональное войско из наемников. Страна была разделена на провинции во главе с приближенными правителя.

На рубеже XV–XVI вв. при Мухаммеде держава сонгаев достигла вершины своего могущества. Сам Мухаммед, ревностный мусульманин, не только совершил хадж в Мекку, но и широко покровительствовал мусульманским ученым, которых он приглашал из арабских стран. В Томбукту при нем действовало высшее учебное заведение типа

университета, где готовились кадры специалистов в области исламской теологии, права, математики, гуманитарных наук. Сонгайские города, как и вся транзитная торговля и прежде всего добыча золота, приносили казне немалый доход. Но, как и в Мали, в сонгайском государстве существовало уже и регулярное обложение населения налогом. Зависимые иноплеменники, рабы, использовались на обработке земель, которые щедро раздавались высшим должностным лицам. Вассальные вожди платили правителю дань. Государство активно впитывало нововведения, способствуя передаче опыта (приглашение иностранных ученых; предоставление условий для европейских огородников; строительство ирригационных сооружений на Нигере).

Могущество Сонгая было подорвано нашествием марокканского войска в конце XVI в. Вооруженное огнестрельным оружием и состоявшее в значительной степени из Испанских наемников, частично исламизированных, это войско сумело нанести решительный удар по сонгайскому государству, правители которого, оттесненные на восток, постепенно деградировали. Марокканцы прибыли в Судан с севера в поисках все того же золота. Но прииски к этому времени уже истощились, а экспедиция стоила дорого. Марокканский султан вскоре потерял интерес к Судану, а посланные им воины, женившись на местных женщинах, так и остались там, основав пашалык, которым управляли избиравшиеся воинами паши. Пашалык просуществовал в северной части Западного Судана, включая Томбукту и Гао, вплоть до середины XVIII в., когда он был разгромлен сахарскими кочевниками-туарегами. К югу и юго-западу от марокканского пашалыка в XVII–XVIII вв. возникло несколько государств, основанных местными народами фульбе и бамбара.

Племенные протогосударства фульбе и бамбара. Скотоводы западного Сахеля из племени фульбе уже в IX в. в районе современного Сенегала (побережье, отделенное от западносуданской саванны горным плато), возглавили племенное протогосударственное образование Текрур, став первой из четырех тукулерских династий. Есть сведения, что скотоводы фульбе появились здесь с севера, в расовом отношении отличались от местного негроидного населения и были знакомы с исламом. Часть фульбе осела, остальные оставались кочевниками и в поисках пастбищ постепенно мигрировали на восток, распространившись чуть ли не по всей территории Западного и Центрального Судана. В районе излучины Нигера в Масине часть фульбе (фульбе-бороро), подвергшись процессу трибализации, осела, создав протогосударство, вначале зависимое от Мали, затем от Сонгая. Выдержав натиск марокканцев, масинские фульбе на рубеже XVI–XVII вв. добились независимости. Бывшие кочевники-фульбе неплохо вписались в городскую культуру Западного Судана, заняли многие должности чиновников и пополнили собой ряды мусульманского духовенства. Видимо, малочисленность оседлой части фульбе была одной из причин того, что они подверглись мандингизации, т. е. постепенно утратили свой язык, переняв язык мандингского народа бамбара (но сохранив этническое лицо).

Этническая общность бамбара, родственная сонинке и малинке Ганы и Мали, в XVI–XVII вв. стала едва ли не преобладающей в западно-суданском районе среднего течения Нигера, т. е. в зоне обитания трех вышеупомянутых государственных структур (Ганы, Мали, Сонгая). Окончательно оттеснив последних правителей Мали и воспользовавшись

крушением Сонгая под ударами марокканцев, трибализовавшиеся бамбара создали к юго-западу от марокканского пашалыка серию племенных протогосударств, добившихся расцвета в XVIII в. Сильнейшим из них было Сегу, правитель которого Битон Кулибали создал сильную армию и совершил ряд успешных завоеваний, присоединив к Сегу, в частности, и фульбскую Масину.

В конце XVIII в. вновь вышли на передний план фульбе, которые попытались было под знаком религиозного обновления объединить ряд мелких государственных образований Западного и Центрального Судана вплоть до озера Чад. Фульбский мусульманский проповедник Осман дан Фодио на рубеже XVIII–XIX вв. сумел создать в этом районе Африки большой халифат Сокото, просуществовавший почти весь XIX век и построенный преимущественно на исламской административно-политической и социально-экономической основе с сильной централизованной властью и хорошо налаженной системой налогов. Специфическим отличием халифата была этническая суперстратификация: фульбе считались привилегированным меньшинством, тогда как большинство населения, принадлежавшее к хауса, подчинялось им.

Племенные протогосударства моси. Юго-восточная часть Западного Судана, бассейн Вольты[36], был населен этнической общностью моси, сложившейся на рубеже I–II тысячелетий на местной основе. Под воздействием мигрантов с востока эта общность трансформировалась и подвергалась процессу трибализации. В XII–XIV вв. здесь существовали уже несколько соседних государственных образований, крупнейшим среди которых было Уагадугу. Уагадугу, Ятенга и некоторые другие протогосударства моси были хорошо организованы. Ислам и транзитная торговля затронули их территории в меньшей степени, нежели то было к северу. Но влияние того и другого сказывалось. Просуществовавшие до XIX в. (чему явно способствовало их географическое местонахождение – в стороне от основных торговых и миграционных путей) племенные протогосударства моси представляли собой достаточно своеобразные политические структуры. Территориально-административное членение было тесно связано с общинно-родовым. Однако вожди предпочитали назначать руководителями округов не представителей знатных родов, а преданных им людей из числа иноплеменников-рабов, что сыграло свою роль в стабилизации их власти. Впрочем, степень централизации этой власти не следует преувеличивать, как и роль государственных институтов: речь идет в целом о крайне примитивных политических образованиях, в основе которых веками существовала и сохранялась древняя африканская община со всеми ее первобытными традициями.

Центральный Судан

Географически Центральный Судан – обширная центральная часть суданского пояса, серединой которой является ориентировочно озеро Чад. Однако речь пойдет о политических структурах, расположенных в западной стороне этой части суданского пояса, между Западным Суданом

36 Географически эти территории не всегда относятся именно к суданскому поясу, но в политическом плане они явно тяготеют к нему, что важно учесть для полноты изложения

и районом озера Чад. Здесь следует выделить две крупные зоны государственности, частично налегающие одна на другую.

Племенные протогосударства хауса. Первая из них – группа хаусанских протогосударственных образований, наиболее ранние из которых возникли в VIII – X вв. Речь идет о весьма примитивных надобщинных политических структурах типа городов-государств, причем формирование этих образований тоже происходило вокруг торговых центров, расположенных на трансафриканских караванных путях, шедших как с востока на запад, так и с севера на юг. Особенно важным был путь с севера на юг, связывавший север Африки через Сахару с гвинейским ее побережьем, с районом плотного расселения йоруба.

Хаусанские протогосударства, из которых наиболее значительными были сначала Кано, затем Кацина и еще позже Гобир, группировались вокруг городов и в XIV–XVI вв. были уже по-своему развитыми, хорошо знакомыми с исламом, проникшим сюда через Мали. Падение Мали и Сонгая и упадок золотых россыпей Западного Судана привели к ослаблению интенсивной торговли там и соответственно к усилению торговых связей через хаусанские города к гвинейскому побережью, где также было золото («Золотой берег» португальцев). Именно это и способствовало расцвету хаусанских политических образований, хотя главную роль в их торговле играло не золото – скорее орехи кола, вывозившиеся из лесных районов побережья на север Африки.

В городах хауса развивалось ремесло, особенно ткацкое. Воздвигались большие здания и мечети. Существовали кварталы, населенные арабскими и иными чужеземными купцами. Расширялась и деревенская периферия городов, которые ожесточенно соперничали друг с другом, порой вели войны, в результате чего выходили на передний план то один, то другой, то третий из их числа (всего их насчитывалось 14: семь главных, чисто хаусанских, и семь других, со смешанным населением). Согласно некоторым данным, в протогосударствах существовала налаженная административная система управления с устойчивыми органами власти и взиманием налогов (восьмая доля урожая). Немалую роль в жизни хаусанских, как и всех суданских протогосударств играло рабство. Однако рабы-иноплеменники обычно имели землю и жили на правах податного населения, хотя и юридически неполноправного; нередко из них образовывали новые поселения.

В XVII в. в хаусанские протогосударства проникло, как упоминалось, довольно большое количество фульбе-бороро, как кочевников, так и особенно оседлого населения, в том числе из числа образованных интеллектуалов ислама. Именно их усилиями была поднята волна движения за религиозное обновление, которая на рубеже XVIII–XIX вв. привела к созданию халифата Сокото, в котором господствовали фульбе, тогда как хаусанцы были основной частью податного населения.

Канем и Борну. Район озера Чад – едва ли не важнейший центр древних культур Африки. Именно отсюда в I тысячелетии н. э. расселялись бантуязычные народы современной Африки. Здесь обнаружены следы археологических культур века металла еще более раннего времени. И здесь же, к востоку от озера, в VIII–IX вв. сложилось одно из ранних африканских протогосударств – Канем. Правитель Канема Хуме в конце XI в. принял ислам, причем на этот раз ислам пришел не с запада, а с востока либо с севера, из Магриба. Канем в XII в. энергично расширял свои границы и в XIII в. при Дунаме II (1221–1259) достиг

наивысшего могущества, став едва ли не крупнейшим в Африке наряду с Мали.

В XIV в., однако, под давлением соседних племен булала правитель Канема вынужден был перенести свою резиденцию к западу от озера Чад, в район Борну, где в результате этнического смешения выходцев с востока с местным населением сложилась этническая общность канури. Возглавившие эту общность правители Борну (Канем-Борну) постепенно укрепили свое положение и достигли наивысшего могущества при Идрисе Алуме (1571–1603), который сумел приобрести в Тунисе огнестрельное оружие и вооружить им свою армию, вследствие чего Борну поставило в зависимость от себя соседей, включая и хаусанские протогосударства. С XVII в. влияние Канем-Борну вновь стало ослабевать.

Политическая организация Канем-Борну была довольно обычной для суданских стран с исламской ориентацией. Страна делилась на региональные подразделения, во главе которых стояли представители правящего дома, весьма склонные при случае к сепаратистским устремлениям и мятежам. Власть правителя была ограничена советом знати и высших сановников. Сам правитель обожествлялся и был закрыт от взоров подданных. Считалось, что он имеет право назначать своего преемника, но практически большим влиянием в политических делах пользовалась обычно мать правителя. Как и везде в Судане, в Канем-Борну было немало рабов из числа чужаков, которыми могли торговать, обменивая их, например, на высоко ценившихся и импортировавшихся с севера, из Магриба, лошадей.

Восточный Судан. Эфиопия

Восточный Судан, на севере граничивший с Египтом, испытывал заметное влияние египетской культуры на протяжении тысячелетий. Это сыграло свою роль в формировании таких известных и уже упоминавшихся государственных образований, как Мероэ или Аксум. В первые века новой эры Египет был христианизирован, так что египетское влияние шло с сильным потоком христианской культуры. Неудивительно поэтому, что лежавшие к югу от Египта восточно-суданские его соседи, включая Эфиопию и Нубию, были в основном христианскими странами. После арабизации и исламизации Египта мусульманское влияние стало сильно ощущаться и в Восточном Судане, хотя христианская Нубия подчас вела войны с исламизированными соседями. Соседи, о которых идет речь, – это султанаты Вадаи, Дарфур (сначала – Кордофан) и Сеннар, появившиеся на свет именно благодаря воздействию на восточно-суданских африканцев исламской государственности уже сравнительно поздно, примерно в середине II тысячелетия.

Дело в том, что исламизация некогда христианской Нубии, завершившаяся в условиях упорного сопротивления христиан к середине нашего тысячелетия, открыла дорогу арабизации и энергичной исламизации более западных районов Восточного Судана. Разумеется, ислам и многие кочевые мусульманские арабские племена проникали в эти районы и к западу от них и прежде – не случайна версия об исламизации Канема в конце XI в. именно с востока. Но энергичный натиск ислама приходится на середину II тысячелетия. В начале XVI в. возник султанат Сеннар. В том же XVI в. исламским султанатом стало и

возникшее столетием раньше протогосударственное образование Дарфур, до того находившееся в зоне политического влияния правителей Канема-Борну. Как фунги Сеннара, так и форы Дарфура являли собой негритянские общности, испытавшие немалое влияние арабского языка и арабо-мусульманской культуры. Еще далее к западу существовало испытавшее исламское воздействие со стороны Канема государственное образование Тунджур, на основе которого в XVII в. сложился султанат Вадаи, в котором тоже со временем укрепилось арабское влияние и где даже поселилось, как и в Дарфуре, немалое количество мигрировавших с востока арабов. Политическая структура всех этих султанатов была близкой к типично мусульманской. Правда, были и отличия. В частности, здесь, как и во всех африканских государствах, существовало большое количество рабов, из которых, в частности, формировалась армия. В XIX в. Сеннар и Дарфур были завоеваны и присоединены к Египту усилиями Мухаммеда-Али и его преемников.

На крайнем Востоке суданского пояса и в южной его части расположена Эфиопия – государство особое в ряду вышеописанных. Во-первых, это одно из древнейших африканских государств с непрерывной историей и традицией. Во-вторых, оно единственное не связанное с исламом, но, напротив, постоянно противостоявшее ему. Больше того, христианская монофизитская церковь всегда тяготевшая к греческому православию, была на протяжении веков, даже тысячелетий своего рода политическим стержнем, служившим опорой для сравнительно слабой и постоянно раздиравшейся междоусобица светской власти.

Принятое еще знаменитым аксумским правителем Эзаной в 30-х годах IV в. эфиопское христианство одно время было даже союзником и опорой первых мусульман времен пророка. Но после успешной исламизации Ближнего Востока для христианского Аксума наступило трудное время. Пытаясь сопротивляться натиску арабов-мусульман с востока и севера, Аксум терпел поражение за поражением. Нередко пустовало место назначавшегося александрийским патриархом митрополита, что обычно воспринималось аксумитами как одна из важных причин обрушивавшихся на них несчастий. В X в. Аксум был разрушен, а власть перешла к династии, не исповедовавшей христианство (возможно, это были выходцы из числа эфиопских иудеев-фалаша). Период X – XII вв. почти не отражен в эфиопских хрониках, это было время упадка Эфиопии. В XII в. христианское государство эфиопов возродилось, а с XIII в. престол заняла новая династия, претендовавшая на родство с древними правителями Аксума и именовавшая себя Соломоновой[37]. Негусы этой династии управляли Эфиопией вплоть до недавнего времени.

Правители новой династии в XIII в. начали энергичную борьбу за отвоеванные у христиан исламскими соседями территории. Эта борьба в XVI в. привела к резкому столкновению с восточноэфиопским султанатом Адаль, правитель которой Ахмад Грань (Левша) объявил христианской Эфиопии священную войну (джихад). Только благодаря помощи

37 Предания возводят первого правителя династии Менелика ко временам иудейского царя Соломона, считая его сыном Соломона и царицы Савской, т. е. правительницы той самой аравийской Сабы, с которой аксумиты в древности действительно были тесно связаны, о чем шла речь в главе о доисламской Аравии.

португальцев негус сумел одолеть Граня, но ослабленная войной Эфиопия подверглась в это же время натиску со стороны скотоводов-галла, заселивших многие районы страны (правда, со временем они были ассимилированы и христианизированы).

Хотя Эфиопия благодаря ходу событий сумела сохранить свое независимое существование и даже освободиться в конце XVI в. от навязывавших ей свою опеку католиков-португальцев, страна политически стала ослабевать, превращаясь в арену междоусобиц влиятельных феодалов. Феодальные клики возводили на престол недееспособных представителей Соломоновой династии и пытались управлять страной от их имени. Каждое из феодальных владений представляло собой полуавтономное княжество, правители которого жили за счет ренты-налога с крестьян, исполнявших к тому же многочисленные повинности. Одним из крупнейших феодалов-князей была церковь. Как и повсюду в Африке, в Эфиопии было много рабов. С середины XIX в. Эфиопия оказалась объектом усиленного внимания со стороны европейских держав, что вызвало рост сил внутреннего сопротивления и дало толчок усилению центральной власти и к необходимым реформам, связанным прежде всего с именем негуса Теодроса II. Хотя реформы из-за ожесточенного сопротивления феодалов потерпели неудачу, они все же заложили основу усиления Эфиопии, что сыграло определенную роль в последующих ее судьбах.

Восточная Африка. Побережье

Хотя географически этот район Африки, примыкающий к суданскому поясу, к территории Судана все же не относится, политически и в религиозно-культурном плане он с ним составляет некое единое целое: здесь тоже появление государственности тесно связано с исламизацией. Речь идет о довольно обширной зоне континента – от Африканского Рога (к юго-востоку от Эфиопии) до Мозамбика, включая сюда и прилегающие острова, в том числе крупнейший из них, Мадагаскар.

Первые арабские торговые колонии на восточном побережье Африки появились, видимо, еще в VIII–IX вв., быть может, и раньше. Арабы-мусульмане активно вторгались в заселенные бантуязычными народами районы, что сопровождалось, с одной стороны, метисацией новых поселенцев, бравших в жены местных женщин, с другой – массовым порабощением значительной части негроидного населения, тех самых аборигенов побережья, которых под именем зинджей арабы вывозили в различные страны, прежде всего на территорию халифата. XII–XIV века были временем расцвета арабо-мусульманской торговли и заселения арабами восточно-африканского побережья. Здесь сложилась языковая арабо-африканская общность суахили, в расовом плане много более негритянская, чем арабская. Ведущей религией стал ислам. Были построены многие прибрежные торговые города с дворцами, крепостями и мечетями. Возникали многочисленные государственные образования типа преимущественно городов-государств во главе с шейхами – Могадишо, Малинди, Момбаса, Килва и др. Важным центром арабо-африканской торговли, особенно работорговли, стал султанат на острове Занзибар.

Вторжение в Африку португальцев, которые стремились в Индию и

потому старались прежде всего закрепиться на восточно-африканском побережье, привело на рубеже XV–XVI вв. к разрушению многих процветавших суахилийских городов и к упадку арабо-африканской торговли. Но господство португальцев на побережье продолжалось сравнительно недолго: уже в середине XVII в. они отступили к югу, к Мозамбику, очистив большую часть восточно-африканского побережья. Впрочем, эти территории сразу же были оккупированы маскатскими арабами из Омана, к которым обратились за помощью против португальцев сами суахилийцы.

Султаны Маската-Омана с XVIII в. оказались фактическими хозяевами восточно-африканского побережья, а торгово-политическим центром их господства стал Занзибар, одно время даже политически объединенный с маскатским Оманом в единый султанат. Занзибар с начала XIX в. был центром выращивания завезенной туда гвоздики, на 200 плантациях которой работали сотни тысяч африканских рабов. Вплоть до запрещения в 1873 г. работорговли Занзибар оставался ее центром в Восточной Африке, особенно при оманско-занзибарском султане Сеиде Сайде (1804–1856), многое сделавшем для укрепления омано-маскатского влияния на восточно-африканском побережье.

Что касается северной части побережья, то на территорию Сомали ислам проник где-то между IX и XIII вв. Эти пустынно-степные районы (возможно, именно здесь была загадочная страна Пунт, куда древние египтяне совершали экспедиции за ладаном, ибо именно на сомалийском побережье он произрастает) длительное время были мало заселены. Перемещения племен в Сомали были обычным делом, так что закрепление тут сомалийского населения началось сравнительно поздно, в XVI–XVIII вв. Смешанное бантуязычное и кушитоязычное население проживало в Сомали в XIX в. – на севере кочевое, на юге земледельческое. Между XII и XVI вв. здесь существовали различные мусульманские султанаты, центры которых подчас были вне Сомали, к западу от Африканского Рога. Торговые города типа Могадишо в те времена, да и позже, практически не имели политического отношения к основной части территории Сомали. Могадишо, как и другие города сомалийского побережья, политически с XVIII в. зависели от Омана, позже от Занзибара. Только в XIX в. во внутрисомалийских землях возникли два султаната, Оббия и Миджуртини.

Несколько слов о Мадагаскаре. Он рано стал объектом арабо-суахилийской мусульманской экспансии (XI–XIII вв.), хотя более древней популяцией здесь была тоже пришлая – из Индонезии (мальгашская). Арабские фактории были разрушены в XVI в. появившимися на острове португальцами, а с XVII в. на Мадагаскар стали часто наведываться голландцы, англичане, французы. Первые государственные образования на острове возникли на местной этнической основе (она была в основном метисной по происхождению), видимо, не ранее XIV–XVI вв. Трудно сказать, какую роль при этом сыграл ислам, но не следует забывать, что влияние мусульманской цивилизации и тесно связанных с ней государственных институтов и всей политической культуры мадагаскарцы испытывали с начала нашего тысячелетия. Развитие острова под сильным внешним воздействием привело к созданию на рубеже XVIII–XIX вв. в центре Мадагаскара большого государственного образования Имерина, по отношению к которому остальные княжества частично признали вассальную

зависимость. Правитель государства был обожествленным высшим собственником земли, которую от его имени получали земледельцы, платившие налоги и несшие повинности. Существовало немалое количество зависимых и рабов, частично являвших собой замкнутые общности типа каст (особенно это относилось к привезенным на остров неграм). Губернаторы областей подчинялись центральному правительству; знатные аристократы имели наследственные владения.

Тропическая Африка и ислам

Как хорошо видно из изложенного материала, ислам в целом сыграл огромную роль в формировании африканской государственности в зоне ее суданского пояса (о северной мусульманской Африке здесь не идет речь) и на восточном побережье. Как следует оценить эту роль, особенно с точки зрения тех генеральных принципов анализа традиционных восточных обществ, которые используются в рамках данной работы?

Первое, о чем надлежит сказать, – это важная, в некотором смысле решающая роль внешнего толчка. Во вводной части работы уже говорилось о комплексе условий и обстоятельств, обеспечивающих реализацию возможного генезиса первичного протогосударства в подготовленных к этому обществах. Там же упоминалось, что процессу генезиса государственности может способствовать факт существования рядом с трансформирующимся обществом уже сформировавшегося иного государства, что приводит, в частности, к эффекту трибализации и к более быстрому, нежели при сложении первичного протогосударства без внешнего воздействия, возникновению государственности. Ислам с его мощной и тесно связанной с религией, неотделимой от нее и в целом весьма простой политической культурой сыграл роль такого рода катализатора в северной части Тропической Африки. Можно много спорить на тему о том, что было раньше, яйцо или курица, т. е. ранние чисто африканские протогосударственные образования или воздействие со стороны мусульманского мира, но факт остается фактом: ислам способствовал резкому ускорению процесса и придал ему мусульманский характер.

Второе, что важно заметить в связи с проблемой ислама в Африке, – это своеобразие африканского ислама и откровенная слабость созданных при его содействии и во многом на его основе африканских государственных образований, особенно при сравнении их с теми, что были созданы мусульманами вне Африки, причем не только на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии или Малайе, но даже и в Индонезии, тропики которой вполне сопоставимы с африканскими, равно как и расовый тип населения (правда, важную роль для Индонезии сыграло предшествовавшее исламу индо-буддийское культурное воздействие, подобного которому африканцы, в отличие от малайцев и индонезийцев, не имели). Своеобразие заключается и в том, что африканцы воспринимали ислам, во-первых, в какой-то мере выборочно и частично, т. е. африканский ислам не был равноценен первоначальному, особенно арабскому, представленному хотя бы тем же Магрибом, откуда в Западную и Центральную Африку шли потоки исламской культуры. А во-вторых, воспринимали ислам отнюдь не все африканцы в тех государственных образованиях, которые формировались с помощью

мусульманских влияний и тем более были официально исламскими. Мусульманами, да и то далеко не всегда полными, т. е. соблюдавшими все нормы ислама, были лишь социально-политические верхи и связанные с транзитной торговлей слои населения, иногда кочевые племена. Что же касается массы земледельцев, то она нередко почти не была затронута мусульманским влиянием и жила по законам предков, согласно древним африканским нормам и традициям, в немалой мере сохранившимся и ныне, в том числе в тех странах и районах Африки, которые уже тысячу лет испытывают воздействие ислама.

Соответственно слабой оказалась и социально-политическая база исламских государств и тем более протогосударств в Африке. Процветали те из них, что были тесно связаны с арабо-африканской торговлей, причем именно тогда, когда эта торговля преуспевала. В периоды ослабления, распада, поражений от прежнего исламского воздействия с его культурой, включая и политическую, оставалось порой не столь уж много. Нередко при этом влияние ислама приходилось восстанавливать заново и почти на пустом месте, – что, к слову, и делалось в позднем средневековье представителями различных течений ислама, в том числе активными мусульманами-марабутами, принадлежавшими к тем или иным воинственным суфийским орденам, ответвления которых щедро укреплялись в разных районах Северной Африки (наиболее многочисленными на первых порах были филиалы ордена-тариката Кадирийя; позже, в XVIII–XIX вв., стали активно действовать и представители многих других орденов).

Ослабление ислама как религии и культуры было тесно связано с общей отсталостью той среды, с которой ему пришлось иметь дело в Африке. Несомненно, ислам во многом усилил возникавшие здесь слабые ранние политические образования за счет свойственных этой доктрине институтов. Но этого было мало. Конечно, и в Азии ислам не везде процветал, как то бывало в древних и развитых зонах тысячелетней цивилизации. Случалось ему попадать и в иные районы, оказываться религией сравнительно отсталых горных племен, например в Афганистане. Однако при этом ислам оставался в мусульманском окружении, которое значило для него и для воспитывавшихся в духе ислама народов весьма многое. Иное дело Африка, где постоянное и сильное воздействие ислама, которое могло бы сыграть роль мусульманского окружения, оставалось на севере континента и было отделено от остальной его части не только Сахарой, но и расовым барьером. А отсталость делала свое дело: нередко мусульманская религия лишь внешне затрагивала многочисленные общины африканцев, как бы скользя по их поверхности, играя роль некоего необязательного антуража.

И все же, несмотря на все сказанное, ислам сыграл огромную роль в истории Африки. С точки зрения политического и экономического развития – роль огромную. Немалую роль и в плане социальных сдвигов, хотя здесь она много меньше. Исламу не удалось разрушить этнические и социальные барьеры, отделявшие африканцев друг от друга, не удалось превратить жителей исламизированных районов Африки в население уммы, т. е. в единую общину нерасчлененных на этносы правоверных. Не удалось исламу принести в Африку и высокую цивилизацию. Ислам в принципе, следуя заповедям пророка, не склонен поощрять рабовладение (если раб правоверный, он не раб), хотя неверных мусульмане издревле

обращали в рабов. Но нигде и никогда рабство не достигало таких размеров, как именно в Африке, откуда мусульманские торговцы за много веков до португальцев вывозили на продажу сотни тысяч, если не миллионы африканцев. Словом, для многих мусульманских торговцев Африка была рынком рабов. И хотя расового предубеждения к неграм у них не было, а обилие негритянок в гаремах вело даже к изменению расового типа арабо-мусульманского населения Африки, африканская работорговля в широких масштабах начата была все-таки мусульманами.

Глава 15
Средневековая Африка: юг континента

Африканцы зоны тропических лесов, южной саванны и южной оконечности континента почти не были затронуты влиянием ислама. На их развитие оказывали свое немалое воздействие иные важные факторы, как внутренние, так и внешние. К числу внутренних следует отнести миграцию с севера бантуязычных племен, которые принесли с собой многие из достижений неолита, включая земледелие, а также знакомство с выделкой металла. Важную роль играли и спорадические миграционные потоки и перемещения скотоводов, только здесь они происходили в основном на востоке, где зона тропических лесов была уже. Скотоводческие племена, мигрируя на юг, нередко приносили с собой некоторые элементы более высокой культуры, уже хорошо известной на севере, что способствовало сложению государственных образований. К числу внешних факторов следует отнести вторжение в Африку европейцев, прежде всего португальцев.

Как отмечают специалисты, в XIII–XIV вв. произошли решающие изменения в мореплавании и кораблестроении: появились руль, мореходный усовершенствованный компас, ряд других навигационных инструментов и приборов; достигла немалых успехов и картография. Все это было материальной основой (хотя и не главной причиной) Великих географических открытий XIV–XV вв. Застрельщиками этих открытий были португальцы, для которых XIV–XVI века были звездным часом их истории.

Не следует полагать, что двигали португальцами жесткие законы нарождавшегося капитализма. Капитализма в XIV–XV вв. в католической Португалии еще не было даже в зародыше. Но португальцы были европейцами, а в Европе в целом, во всяком случае в Западной Европе, позднефеодальный ренессансный период был временем, когда законы частной собственности стали полностью ведущими, абсолютно преобладающими. Поэтому частная предпринимательская деятельность и связанные с ней индивидуальная энергия, предприимчивость, стремление к наживе и бесцеремонное пренебрежение ко всему, что препятствовало этому, были нормой для португальцев, включая и королевский дом, и феодальных вельмож, и торговое купечество, и простых крестьян или городской люд, из среды которых вербовались будущие моряки и колонисты Португалии в Африке, Азии или Америке (Бразилии).

Стремясь найти путь в Индию, португальцы начали с попыток найти морскую дорогу вокруг Африки, с чего и началась ее колонизация. Рельеф берега не позволил им закрепиться на западном побережье. Только вдоль

рек Гамбии и Сенегала они сумели в XVI в. достичь Мали и побывать в Томбукту, но это было лишь незначительным эпизодом в их пребывании в Африке; к тому же Западный Судан в это время был уже хорошо освоен в торговом плане и без португальцев. Зато они закрепились на островах (Фернандо-По, Сан-Томе и др.) и на Гвинейском побережье, разделенном ими на четыре зоны по тем товарам, которые они преимущественно здесь приобретали: Перечный берег, Берег Слоновой Кости, Золотой берег и Невольничий берег. Бухты последнего и особенно дельта реки Вольты оказались наиболее подходящими для создания здесь торговых фортов, наиболее значительным из которых стала Эльмина. Это было еще в XV в. Вслед за тем португальцы освоили устье Конго и, как говорилось, восточно-африканское побережье.

Как известно, из района Гвинейского залива и восточно-африканского побережья португальцы вскоре были вытеснены: на западе – голландцами, англичанами и французами, на востоке – арабами. Зоной длительного колониального преобладания Португалии остались районы Конго, Анголы и Мозамбика (позже, в XIX в. земли Конго стали французской и бельгийской колонией), а также острова, где было налажено плантационное хозяйство и выращивались на продажу пряности. Но «заслугой» Португалии, если так можно выразиться, было то, что именно она начала колониальное освоение Африки. С ее легкой руки колонизаторы стали ввозить на континент ткани, зеркала, стеклянные бусы, изделия из металла, а также спирт и, главное, огнестрельное оружие, в стремлении овладеть которым местные вожди не останавливались ни перед чем. Наряду с провиантом, золотым песком (количество которого быстро иссякало) и слоновой костью европейцы приобретали миллионы чернокожих рабов.

Вначале рабов брали не слишком много, ибо еще не было крупных рынков сбыта. Но с открытием Америки ситуация резко изменилась. Бразилия стала для португальцев неиссякаемым источником дохода, связанного с работорговлей (другие колонизаторы везли рабов в иные районы огромной Америки). И надо сказать, что колониальная торговля чернокожими рабами стала не просто центром и смыслом всей африканской торговли, но и во многом трансформировала внутреннюю структуру континента, вызвав к жизни весьма специфические государственные образования, главы которых в прямом смысле слова специализировались на охоте за людьми.

Дело в том, что сами португальцы, как и иные европейцы, далеко в глубь континента не заходили (это относится и к арабам восточно-африканского побережья). Дорог не было, условия и климат тяжелые, да и не было особой нужды. Конечно, время от времени совершались в те или иные районы глубинной Африки экспедиции, миссии. Но преимущественно все дела вершились через посредников – тех самых, что добывали рабов, золото и иные нужные колонизаторам товары и приносили их к факториям, где и производился по привычной для всей Африки традиции прямой меновой торг. Поэтому, за исключением побережья и некоторых островов, где португальцы наладили плантационное хозяйство, колонизация впрямую не затрагивала континент. Однако косвенное ее воздействие было огромным. И речь не только о рабах, вывоз которых был болезненным для Африки, но в конечном счете стал делом обычным. Гораздо важнее то, что колонизация с ее спиртом и огнестрельным оружием во многом

способствовала деформации традиционного африканского общества, сказалось и на истории политических образований Африки к югу от суданского пояса.

Государственные образования Гвинеи

Восточная часть Гвинейского побережья издревле была населена этнической общностью йоруба, к западу от которой обитали акан. Это в основном зона тропических лесов, частично лесостепей; выращивание корнеплодов (ямса) здесь сочеталось с возделыванием зерновых. Близость океана всегда несколько сглаживала неблагоприятные условия обитания, и это доказывается тем, что именно на Гвинейском побережье археологи нашли следы древних поселений двухтысячелетней давности, знакомых с металлургией (едва ли не древнейшие находки такого рода в Тропической Африке). Хотя древние торговые и миграционные пути всегда связывали гвинейский район Африки с севером, в частности с районом озера Чад, где обнаружены следы столь же древних культур, вопрос о генезисе нигерийской древней культуры Нок остается открытым. Одно ясно: перспектив для развития эта высокоразвитая для своего времени культура в Гвинее не имела, что едва ли не лучше всего видно на примере преобладавшей здесь в средние века и существующей поныне общности йоруба: свойственные ей формы социально-политической организации (большие поселения общинного типа в виде городов-государств, возглавляющихся выборными вождями и изредка перерастающих в протогосударственные образования) находятся на протяжении столетий как бы в застывшем состоянии. И это при всем том, что материальная культура йоруба достаточно высока для африканского континента. Именно здесь искусные ремесленники издревле изготовляют те самые скульптуры из дерева, металла, камня и терракоты, которые столь высоко ценятся специалистами и занимают почетное место в современных музеях и коллекциях.

Йоруба не являются аборигенами гвинейской части Нигерии. Предания свидетельствуют, что их общность возникла как итог миграции, может быть, нескольких потоков мигрантов, осевших в районе Гвинейского побережья. Прибывшие, видимо, из района озера Чад, через территории хауса, йоруба основали на Гвинейском побережье нечто вроде конфедерации, центром которой считается Ифе, религиозное святилище для всех йоруба. Город Ифе был основан, по некоторым данным, в VIII в. и достиг расцвета в XI–XIII вв. Он всегда являлся сакральным городом йоруба, но никогда не был их политическим центром. Таким центром с XI в. стремилась стать резиденция алафина, вождя одной из ветвей йоруба. Но до XIX в. алафины, пребывавшие в Ойо, так и не преуспели в стремлении упрочить свою власть.

В XIII–XVI вв. к юго-востоку от Ойо сложилось еще одно заметное государственное образование – Бенин, населенный родственными йоруба эдо. Здесь тоже структура древней родовой общины веками сохранялась почти без изменений, в силу чего политическое образование было основано на весьма слабой социальной основе и практически не эволюционировало в сторону создания более или менее развитого государства, как это, впрочем, характерно для подавляющего большинства государственных образований Африки. Народ платил в казну

правителя небольшие налоги, исполнял необходимые повинности. Немалый доход стекался в казну от торговли. Всегда было достаточно много рабов, причем есть основания полагать, что расцвет работорговли после создания португальских факторий типа Эльмины стимулировал торговлю рабами в гвинейских протогосударствах.

В XVII–XVIII вв. в лесной зоне Гвинеи неподалеку от побережья возникло еще несколько новых государственных образований, что было частично стимулировано развивавшейся здесь (Невольничий берег) работорговлей. Таким было, в частности, политическое образование Сави, завоеванное в 1727 г. Дагомеей. Дагомея как государственное образование сложилось на рубеже XVII–XVIII вв. тоже в качестве организации, ставившей целью захват и продажу невольников. В отличие от других, оно представляло собой достаточно хорошо организованную структуру: страна делилась на провинции, которыми управляли преданные правителю и назначавшиеся им служащие из числа незнатных чиновников. Армия Дагомеи славилась своей силой, а ядро ее составлял женский корпус из ахоси, формально считавшихся женами правителя.

Менее централизованной политической структурой была конфедерация Ашанти, возникшая в лесной зоне в XVIII в. на этнической базе акан. Собрание вождей и старейшин санкционировало назначение правителей из правящего рода, причем существенную роль при этом играла мать правителя. Эта конфедерация контролировала значительную часть гвинейской торговли, в основе которой лежала торговля золотом, рабами и орехами кола. Именно она оказало в начале XIX в. наиболее ожесточенное сопротивление Англии, стремившейся укрепиться в низовьях Вольты и Нигера.

Государства южной саванны

Зона тропических лесов, массивная на западе, уменьшается на востоке и практически исчезает в районе Межозерья. Существует гипотеза, согласно которой именно миграционные перемещения бантуязычных народов и, возможно, некоторых иных этнических общностей, в том числе скотоводческих, принесли на юг Африки, прежде всего в зону южной саванны, как земледелие (включая и другие элементы комплекса неолита), так и железоделание (каста кузнецов на юге пользуется особенно высоким престижем), не говоря уже о скотоводстве. Во всяком случае бантуязычный в своей основе юг по многим параметрам явственно тяготеет к северу и прежде всего к суданской саванне как к первоистоку. Не исключено, что частично эти связи шли и через тропические леса. Так, некоторые группы аборигенов леса, пигмеев, в лингвистическом отношении оказались близки к банту.

Есть и еще одна гипотеза, о которой нельзя не упомянуть. Речь идет о так называемом индонезийском сельскохозяйственном комплексе: те самые малаеязычные мигранты, которые принесли с собой первый пласт культуры на Мадагаскар, частично оказались и на восточно-африканском побережье, о чем свидетельствует существование там некоторых предметов материальной культуры, в частности лодок индонезийского типа. Существует предположение, что именно эти переселенцы, мигрировав в глубь африканского континента, сыграли определенную роль в распространении в зоне лесов клубнеплодного земледелия (ямс,

банан и т. п.). Но, даже если все было именно так, доказать это сегодня практически невозможно. Кроме того, это имеет непосредственное отношение к африканцам зоны лесов (в том числе и к народам, проживающим на окраине этой зоны, как, например, к йоруба), но не к бантуязычному в своей основе населению южной саванны, о котором сейчас идет речь. Упоминание же о существующих гипотезах необходимо для того, чтобы подчеркнуть ту важную роль, которую, по многим данным, сыграли в эволюции южной части континента миграционные передвижения народов и связанных с ними культур.

Постоянные перемещения, о которых идет речь применительно к зоне южной саванны, сыграли определенную роль в некотором ускорении темпов развития местного земледельческого населения. В ряде случаев это развитие достигло уровня прото – и ранней государственности. Одним из наиболее ярких примеров этого можно считать государственные образования в низовьях Конго. В конце XV в., когда здесь появились португальцы, существовало три таких образования – Лоанго и Макоко к северу от устья реки и Конго в зоне этого устья, в основном к югу от него. О первых двух мало что известно. Но Конго оказалось в центре португальского внимания. Оно было создано незадолго до появления португальцев, и многие его черты и признаки находились в состоянии становления. Власть правителя ограничивалась советом знати, обладавшим правом выбора преемника правителя. Армия состояла в основном из наемников и рабов. Управители провинций и округов назначались и смещались правителем, причем они избирались обычно из числа его родни. Население платило налоги (иногда в форме отработок) и несло повинности. Вассальные вожди присылали дань.

Появление португальцев резко активизировало торговые связи Конго, а правивший в начале XVI в. Аффонсу I (это его португальское имя) принял католичество (сын его Энрике, воспитывавшийся в Лиссабоне, стал первым африканским епископом из числа самих африканцев). Источники описывают Аффонсу как великого правителя, искренне стремившегося к образованию и просвещению народа, к прогрессу страны. Но надежды его на помощь португальцев в этом деле не оправдались, ибо те стремились к совсем иному – к колониальной торговле и наживе, привилегиям и захвату власти в стране. Возникли конфликты между правителями и колонизаторами, которые осложнились во второй половине XVI в. вторжением в Конго племен яга, разграбивших столицу Сан-Сальвадор. Дело довершили мощные восстания в конце XVI и начале XVIII вв., направленные как против господства христианства, так и в пользу укрепления власти правителя. И хотя восстание начала XVIII в. потерпело поражение (возглавлявшая его Кимба Вита, представительница знатного рода, была сожжена в 1706 г. как еретичка), оно частично способствовало высвобождению Конго от гнета португальцев и установлению прямых связей страны и церкви с Ватиканом. Но политически Конго к этому времени ослабело, как, впрочем, стал ослабевать и колониальный натиск португальцев, вынужденных потесниться под нажимом голландцев, англичан и французов.

Конго принимало участие в португальской работорговле. Но при этом оно не слишком выгадывало на этом: соперником его выступала португальская фактория на Сан-Томе, державшая основной поток черного товара в своих руках. Несколько позже португальцы перенесли центр тяжести работорговли на континент, но не в Конго, а к югу он него, в

Анголу, которая после строительства порта Луанда стала быстро превращаться в колонию – практически первую колонию европейцев (если не считать острова и порты на побережье) в Африке. На протяжении XVII–XVIII вв. Ангола, разделенная на президентства и управлявшаяся военными комендантами, была не просто центром африканской работорговли, но и едва ли не основным поставщиком негров в Бразилию. Губернаторы и коменданты округов действовали через местных вождей и за недорогую плату, преимущественно оружием, приобретали «черных» рабов. Дело это со временем оказалось столь выгодным, что неподалеку от побережья в качестве стабильных организаций-посредников в работорговле возникло, как то было и в Гвинее, несколько местных политических образований (Овимбунду, Матамба и др.), целиком существовавших за счет прибыльных операций, связанных с работорговлей.

В конце XVI, XVII и XVIII вв. в глубинных районах саванны (бассейн Конго вплоть до Межозерья) возникло несколько государственных образований (Лунда, Луба, Куба), во многом также обязанных своим существованием транзитной торговле, прежде всего работорговле. Это были типичные для Африки протогосударственные структуры, в рамках которых поднявшиеся над общинами слои держали в своих руках достояние коллектива и распоряжались им. Это достояние в Луба, например, выражалось в контроле над медными рудниками и соляными копями Шабы (Катанги).

Еще далее к востоку, в районе Межозерья, в тех же XVII–XVIII вв. сложилось несколько государственных образований весьма специфического характера, вызванных массовыми миграциями нилотских скотоводческих групп с верховьев Нила. Накладываясь на местное бантуязычное земледельческое население, в ряде случаев уже знакомое с протогосударственными образованиями, скотоводы нилотской языковой группы луо либо других групп создавали этностратифицированные структуры, где в качестве правящего и привилегированного слоя выступали именно они, тогда как местное земледельческое население оказывалось в положении подданных, зависимых и эксплуатируемых. Так, в районе Анколе близ озера Виктория господствующим слоем в начале XVI в. стали скотоводы-бахима во главе с правителем-мугабе, тогда как крестьяне-баиру платили налоги и выполняли различные повинности. В районе Уганды привилегированной кастой были бито, а в Руанде – батутси, которые не только господствовали над бухуту, но и заставляли их на правах арендаторов пасти свои стада, освободив тем самым себя от производительного труда и оказавшись в положении правящей и господствующей касты.

Наконец, еще далее на восток, в зоне южной саванны, в районе Восточной Кении и Танзании, постепенно складывались политические образования бантуязычных народов, особенно тех, что так или иначе были вовлечены в торговлю с восточноафриканским побережьем, значительно оживившуюся с XVIII в. после появления там многочисленных арабских мигрантов маскато-оманского происхождения.

Южная Африка

Южная Африка к югу от бассейна Замбези являет собой пеструю

картину. Западная ее часть, состоящая из пустыни Калахари и болотистых приатлантических низменностей, была мало пригодна для обитания – там жили собиратели-бушмены и знакомые со скотоводством готтентоты, аборигены этих мест. Восточная часть, примыкающая к восточно-африканскому побережью, представляла собой равнину, где господствовала муха цеце, что тоже препятствовало здесь спокойной жизни и делало эту часть страны лишь путем, соединяющим глубинные районы с побережьем, – путем, который следовало одолевать побыстрее. Наилучшими для обитания землями, причем плодородными, а также районами, буквально насыщенными ценными ресурсами, прежде всего запасами руды, были плато в восточной части континента и южные примыкающие к океану равнины. Здесь издревле селились земледельцы, даже разрабатывались рудники и возводились загадочные монументальные каменные сооружения типа террас.

Африка все еще полна загадок. Строители каменных террас, датируемых XIII–XV вв., неизвестны. На этот счет существуют лишь предположения, вплоть до фантастических. Что касается рудников, то они в принципе достаточно примитивны и, видимо, эксплуатировались разными племенными группами на протяжении многих веков, причем с X в. добывавшееся там золото через арабов и суахилийцев восточно-африканского побережья включалось в мировой кругооборот, достигая, в частности, Индии. К началу XV в. в Южной Африке сложилось достаточно обширное государственное образование Мономотапа во главе с обожествленным правителем, назначавшим губернаторами провинций своих родственников и получавшим дань от вассальных вождей. Как и едва ли не везде в Африке, Мономотапа существовала преимущественно за счет торговли, точнее, таможенных сборов и продажи добытых в рудниках металлов, включая золото. Из внутренних районов через нее на побережье шли также слоновая кость, шкуры редких зверей, рабы. С XVI–XVII вв. эту торговлю контролировали португальцы, в зависимость от которых вскоре попала Мономотапа, постепенно слабевшая и раздиравшаяся внутренними распрями.

В середине XVII в. на крайнем юге континента у мыса Доброй Надежды была создана стоянка-фактория нидерландской Ост-Индской компании. Компания, занятая торговыми операциями в Индии и Индонезии, мало интересовалась в то время Африкой и рассматривала эту стоянку (Капстад, Капштадт, Кейптаун) лишь как пересадочный пункт для небольшого отдыха на долгом пути. Вскоре, однако, здесь – а это в климатическом смысле едва ли не самый благоприятный район Африки – стали оседать служащие компании, а затем и переселенцы из Голландии. Многие из них начали осваивать земли побережья и основывать скотоводческие фермы. Переселенцы-буры быстро распространялись по южноафриканскому побережью и постепенно уходили в глубь континента, оттесняя и истребляя немногочисленное местное население, особенно готтентотов. К концу XVIII в. белое население колонии достигло 20 тыс. и численно превосходило вымиравших готтентотов, не говоря уже о бушменах.

С начала XIX в. Капская колония попала в руки Великобритании. Английские колонисты продолжили успехи буров. И хотя между англичанами и бурами началось соперничество, доходившее до военных столкновений и настоящих войн, в целом англо-бурская колонизация вела к единой цели, т. е. к сельскохозяйственному, а затем и промышленному

освоению юга Африки, в первую очередь в сфере добычи ресурсов, ценных металлов, а затем и алмазных россыпей и рудников, а также к вытеснению отсюда местного населения, кроме той его части, которая оставлялась в качестве рабов или зависимого от колонистов населения для выполнения на фермах и рудниках тяжелых работ. Наибольшее обострение в англо-бурских отношениях пришлось на вторую четверть XIX в., в ходе которых бурская колонизация ушла к северу. Эта миграция («трек»), имевшая своим результатом провозглашение республик Трансвааль и Оранжевая, значительно расширила земли европейских колонистов и как бы условно разделила их на две части – северную, бурскую, и южную прибрежную, английскую.

В английской (прежде бурской) зоне колонизации шли тем временем свои небезынтересные политические процессы в среде местного бантуязычного населения. Речь идет прежде всего о государстве зулу, зулусов, сложившемся в начале XIX в. в районе юго-восточного побережья, в провинции Наталь. Племенная общность зулу под воздействием извне, т. е. со стороны европейцев, быстрыми темпами в начале XIX в. консолидировалась. Ее вожди, особенно знаменитый Чака (1818–1828), сумели создать мощную боеспособную армию и завоевать земли соседей-банту, заставив многих из них мигрировать на север. Столкновение зулусов с бурами в 1838 г. привело, однако, к крушению могущества зулусов и к освоению бурами значительной части Наталя, откуда они, впрочем, в начале 40-х годов под давлением англичан мигрировали, как упоминалось, на север.

Социальные и политические структуры Африки

Африку южнее Сахары обычно рассматривают во многих отношениях как единое целое. И для этого есть немало причин. Прежде всего, население этой части континента, при всей его расово-этнической пестроте, в основном однородно – это негритянское население, связанное многими общими чертами и признаками, в значительной степени и общей судьбой (речь не идет о европейских поселенцах Южной Африки). Кроме того, опять-таки при всем многообразии конкретных форм и модификаций социальной организации, семейно-клановых традиций, религиозных обрядов и культов, традиционных норм поведения африканские этнические общности тоже во многом едины. Едины даже в важнейших этапах поступательного развития, в движении от примитивных общинных социальных структур к надобщинным протогосударственным, т. е. к ранним формам государственности (далее этих ранних форм африканцы, как правило, не шли).

Хорошо известно, что Африка, как и некоторые другие аналогичные по уровню развития районы мира, является заповедным полем для работы антропологов. Специалисты по социальной, культурной, экономической и политической антропологии ищут и находят именно здесь многочисленные ступени и характерные формы раннего развития общества во всем их многообразии, но в то же время и при строгом однообразии в самом основном – в том, что может считаться присущим всем на той или иной ступени развития человечества. Это касается, в частности, тех закономерностей социально-политической эволюции в процессе формирования государственности, которые положены в основу

концепции данной работы.

Первичными хозяйственными ячейками африканцев были либо локальные группы охотников и собирателей, либо большесемейные коллективы земледельцев и скотоводов. В том и другом случае не было и речи о частной собственности, даже вообще о собственности. Имущество, за исключением индивидуального, принадлежало коллективу, от имени которого действовал, распоряжаясь совместным достоянием коллектива, его глава, лидер группы или патриарх большесемейного коллектива. Совокупность большесемейных групп являла собой общину, каждая из которых, независимо от их общего количества и даже от плотности их размещения (у йоруба они жили в рамках больших поселений рядом друг с другом многими десятками), была автономной ячейкой. И хотя внешняя угроза вызывала феномен механической солидарности родственных общин, что сплачивало их в единое целое во главе с избранным ими вождем, это далеко не всегда вело к формированию надобщинных политических структур, хотя и могло приводить к этому.

Здесь важно отметить очень характерное для африканцев явление: деление на возрастные классы в гораздо большей степени, нежели имущественное неравенство, определяло социальную стратификацию тех структур, в рамках которых они обычно жили. Играли свою роль также и замкнутые религиозные объединения типа мужских союзов, но еще большую – традиционные родовые связи. Эти последние отчетливо доминировали и тогда, когда возникали протогосударственные образования, а представители того или иного из семейных кланов данной общности оказывались во главе ее. Родственные связи при этом оказывались неизмеримо важнее личной воли правителя, власть которого, как правило, ограничивалась советом знатных (те же родственники по преимуществу) или влиянием старших, в том числе матери правителя.

Случалось, ситуация изменялась в пользу правителя, который стремился при этом опираться не на родню, а на преданных лично ему слуг и чиновников из числа, как правило, чужеземцев, включая рабов, т. е. людей неродственного происхождения. Аналогичным образом порой создавались и армии – из наемников и рабов. Но, во-первых, позволить себе такое мог далеко не каждый правитель, ибо для этого, помимо его воли, должны были существовать и благоприятные условия, в частности гарантированный источник доходов, не связанный с налогообложением своего народа (доходы от монополизированной правителем торговли, торговые пошлины от транзитной торговли, ресурсы рудников, наконец, работорговля). Во-вторых, это тоже было не слишком стабильным и надежным.

Дело в том, что каждый из возвышавшихся в том или ином прото – либо раннем государстве правителей не имел достаточной социальной опоры для укрепления своей власти. В глазах управлявшихся им соплеменников, продолжавших жить по традиционным нормам родовой общины, правитель был лишь верховным распорядителем общего достояния, причем действовавшим под строгим контролем и в соответствии с традиционной нормой. Правитель имел право на небольшой налог с общин, на трудовые повинности общинников (тоже не чрезмерные и, главное, санкционированные традицией), на дань с вассальных вождей. Но это давало ему не слишком много, хотя бы потому, что само экстенсивное хозяйство велось таким образом, что о больших

запасах и тем более о кумуляции избытков в больших размерах по многим причинам говорить не приходилось. Экстенсивное сельское хозяйство могло дать весьма немного излишков, а внутренняя торговля практически почти не существовала: большинство африканцев жило в условиях натурального хозяйства. Выручали, как упоминалось, транзитная торговля, монополизированные правителями промыслы. Но это и было источником нестабильности власти, вынужденной опираться не столько на соответствующую организацию собственного общества, сколько на факторы внешние, весьма изменчивые и неопределенно действующие.

В сложившихся условиях практически не было материальной основы для процесса внутренней, внутригосударственной приватизации – того самого, который сыграл везде в мире решающую роль внутреннего толчка, определившего переход от ранней государственности к развитой. Да и как было сложиться слою частных собственников, если в государствах, о которых идет речь, не было ни товарно-денежных отношений, ни рынка, ни соответствующей инфраструктуры, а примитивная меновая торговля, вполне устраивавшая людей и отвечавшая потребностям местного населения, не могла лечь в основу сколько-нибудь значительного процесса приватизации и привести к появлению слоя не связанных с властью собственников. Более того, все те факторы, которые потенциально могли бы способствовать созданию упомянутого слоя и дать толчок процессу внутренней приватизации, в африканских условиях лежали и действовали как бы вне социума, на уровне транзитной торговли. Существовали ведь и торговые центры, и города, и большие отряды купцов-собственников, и огромная по объему торговля, но все это было чем-то внешним по отношению к традиционному африканскому социуму, который был лишь объектом, а не субъектом транзитной торговли. В эту торговлю включалась стоявшая над социумом власть, о чем уже упоминалось. Но это было прямо противоположным тому, о чем идет речь: правители, монополизировавшие торговлю, не были и не могли быть субъектами процесса внутренней приватизации. Они тоже оказывались вне социума, которым управляли.

В результате ранние политические образования, возникавшие в разных районах Африки южнее Сахары в достаточно большом количестве, как под непосредственным воздействием внешних сил, так и под опосредованным их влиянием (а это касается львиной доли африканских государственных образований средневековья), не имели развитой административной инфраструктуры и надежной социальной опоры. Они либо возникали и быстро исчезали, сменяя друг друга в рамках того же либо появившегося здесь нового этнического субстрата, либо длительное время существовали в едва заметной и не эволюционировавшей примитивной форме. Правда, изредка делались попытки укрепить слабую административную структуру, создать систему провинций и округов с назначаемыми обычно не из числа близкой родни вождя управителями. Делались попытки и внедрить по исламской схеме систему условного землевладения должностных лиц, а в позднем средневековье порой усиливалось хозяйство казны за счет организации плантаций с массовым использованием труда рабов. Но все это не приносило необходимого эффекта, ибо со временем увязало все в той же традиционной общинно-родовой социальной структуре, которая практически не изменялась от верхушечных экспериментов и перемен.

Почему же не изменялась традиционная общинно-родовая основа? Прежде всего потому, что не рос заметно уровень развития населения. Не менялись характер его деятельности, традиционные формы экстенсивного сельского хозяйства. Не развивались внутренняя торговля и товарно-денежные отношения. Не было того самого процесса приватизации, о котором уже шла речь. Но почему же всего этого не было?

Частично это следует объяснить общей отсталостью образа и уровня жизни африканцев и отсутствием эффективных стимулов для ускорения их развития даже после того, как то здесь, то там возникали прото – и раннегосударственные политические структуры во главе с правителями, порой всесильными, капризными и жестокими деспотами, а иногда и пленниками сложившихся жестких религиозно-политических традиций (известно, что часть правителей жила изолированно, была объектом религиозного поклонения и уничтожалась при появлении признаков старости и потери силы: правитель-бог, олицетворявший мощь коллектива, должен быть сильным). Правители мало заботились о реформах, направленных на внутреннее укрепление государств, на эффективную централизацию власти. Да и едва ли они вообще могли что-то сделать в этом направлении какими-либо иными средствами, кроме примитивного насилия. Конечно, насилие подчас приносило плоды. Создавались крепкие армии, особенно сильные после приобретения огнестрельного оружия. Но сила тем внутренне слаба, и это касается далеко не только Африки, что ее недостаточно для обеспечения эффективного функционирования социально-политического организма на длительное время. Насилием можно добиться быстрого и впечатляющего эффекта, но за счет одних лишь силы и принуждения невозможно создать того, что возникает лишь в результате сложных внутренних социально-экономических процессов. А эти процессы тоже не возникают и тем более не ускоряются на пустом месте, без хотя и медленного, но поступательного развития производства и культуры общества.

Эти аксиоматично звучащие формулы стоит напомнить именно потому, что ими подчас оперируют автоматически, не вникая в суть реального процесса в той же Африке. Отсталое земледелие воспроизводит отсталые формы потребления и существования населения, примитивные формы его социальной общинно-родовой структуры. Экстенсивное скотородство в принципе (не только в Африке) не способно породить развитые формы хозяйства, общества, культуры и политической организации. Наложение одного на другое может вызвать к жизни эффект государственности, с существованием этнической суперстратификации, доходящей порой до кастового неравенства жителей раннего государства. Но это, пожалуй, предел. Для достижения более высокого уровня развития нужны кардинальная внутренняя трансформация общества, новые элементы производства, трудовые навыки, новая и более развитая культура труда и всей деятельности социума.

В Африке, даже в суданском поясе с его огромной ролью ислама, не возникло развитой религиозной системы. Колдуны и знахари находились на том же уровне, что и основная масса населения. Больше того, их религиозные верования и культы не просто соответствовали этому примитивному уровню, но и как бы закрепляли его. А в рамках политических образований суданского пояса были, особенно в городах,

ученые улемы. Там развивалась мусульманская наука, было даже нечто вроде университета в Томбукту. Но все это существовало лишь на высшем уровне потребностей городов и торговых центров исламизированных районов и почти не соприкасалось с основной массой населения – ситуация, напоминающая греческие поселения на Ближнем Востоке времен эллинизма. Результатом была довольно быстрая потеря религиозного исламского потенциала с ослаблением интенсивности транзитной торговли. Вакуум стали в позднем средневековье занимать воинствующие суфийские ордена, члены которых уже практически не несли с собой ни элементов науки, ни стремления к образованию, но зато весьма соответствовали основанной на силе внутренней структуре большинства политических образований Африки.

Словом, развитой религии в Африке – такой религии, которая сверху донизу, пусть в уменьшающемся и упрощающемся объеме и виде, но все-таки сверху донизу затронула бы всех, – не возникло. Соответственно в ранних африканских государствах, за редкими исключениями вроде Эфиопии, не возникало и письменности, носителями которой обычно бывали везде и всегда священнослужители как социальный слой. Отсутствие же развитой религии и письменной культуры тоже играло свою роль в общей отсталости африканских социумов и раннегосударственных образований: без кумуляции и отбора полезных инноваций любая культура обречена на застой и деградацию. А давление со стороны мощной первобытной периферии в таких условиях всегда не только сильно, но и эффективно: если в Азии великие цивилизации поглощали периферию за счет своих именно цивилизационных потенций (цивилизация и тесно связанная с ней религиозная традиция в письменной форме хранит и закрепляет достижения стимулируемой ею же материальной и всякой иной культуры), то в Африке нередко бывало наоборот: сравнительно развитые структуры после их ослабления практически бесследно исчезали, поглощенные отсталой периферией, которая легко и без остатка их переваривала.

Видимо, немалую роль в консервации отсталости Африки сыграло и рабство. Не столько как институт (рабство как институт было известно всему миру а в цивилизованных обществах Азии сохранялось веками и кое-где дожило почти до наших дней), сколько как важный элемент нормы отношения к человеку. Иноплеменник в Африке – как, впрочем, и повсюду – всегда не считался за человека. Его можно было убить, даже съесть (сердце или печень поверженного врага считались придающими съевшему мужество). Можно было помиловать и включить в свою общность и в семью на правах ее младшего члена, зависимого неполноправного человека. Можно было продать на вывоз, чем и занимались арабские и иные купцы в Африке еще задолго до появления там первых европейцев.

Этническая рассредоточенность и обилие языковых, этнических и иных граней содействовали тому, что чужеземцев в Африке всегда было много. Рабом мог стать любой – стоило лишь ему уйти за пределы небольшой зоны обитания его родного коллектива. Отношение же к чужеземцу как к рабу во многом формировало общее отношение к человеку и к человеческой жизни как таковой. Она мало чего стоила и к ней относились легко. Тем более это было характерно для больших политических объединений, вожди которых убивали противников тысячами и не останавливались перед тем, чтобы с той же

бесцеремонностью и жестокостью обеспечивать абсолютное повиновение подданных. О гуманности и милосердии, о человечности в том смысле, как об этом говорится в формирующих сознание цивилизованных обществ древних религиозных или философских текстах (достаточно напомнить об учении Конфуция, о поисках упанишад), в таких условиях говорить не приходится. Отнюдь не стремясь как-то реабилитировать португальскую и всю европейскую работорговлю с ее бесчеловечным отношением к африканцам (а ведь христианство как раз учило человечному отношению к людям, что и делает эту работорговлю со всеми ее жестокостями не просто бесчеловечной, но цинично-мерзкой), стоит все же еще раз заметить, что не она сама по себе повлияла на отставание Африки. Она просто использовала то, что уже там было.

На примере африканской работорговли видно, что в тех нередких случаях, когда ставка была высокой, а дело сулило неслыханные барыши, частнособственническая страсть к наживе сметала со своего пути все остальное, включая и набожные поучения католических патеров, которые в той же Конго, видимо, проповедовали христианское человеколюбие. В условиях работорговли эта проповедь не могла иметь успеха, о чем и свидетельствуют сектантские выступления в Конго. И все же жители Конго и других районов Африки, в частности Южной, не могли не воспринять кое-чего от христианства как развитой религиозной доктрины, которая пропагандировалась к тому же веками. Но, во-первых, они неизбежно воспринимали эту доктрину, иначе, чем европейцы, сочетали ее со своими привычными верованиями и представлениями в сложном синкретическом синтезе, под знаменем которого и формировались еретические движения. А во-вторых, христианство мало что сумело привнести в привычный образ жизни и культуру местного африканского населения, как то, впрочем, касается и ислама на суданском севере. В конечном счете христианизированное меньшинство африканцев (как и его исламизированное меньшинство в Судане) так и не становилось более передовым или развивавшимся более быстрыми темпами. Привнесенные религии в Африке (в отличие от того, что бывало в других регионах) так и не сумели заполнить цивилизационный вакуум. Развитие континента и после этого шло чрезвычайно замедленными темпами.

Глава 16
Государства и общества средневекового Востока

Хотя эпоха восточного средневековья выделена в работе условно, ибо структурно государства и общества в средние века оставались теми же, что были и в древности, средневековый Восток тем не менее являет собой сущностно нечто новое, достаточно своеобразное по сравнению с восточной древностью. Разница не только в степени и уровне развития, что следует признать естественным и само собой разумеющимся (как-никак, а восточное средневековье – это полторы-две тысячи лет эволюции, пусть прежде всего цикличной, но также и поступательной); разница в качестве, в совершенстве самой структуры как таковой и, что особенно важно, в цивилизациоином ее обрамлении. Конечно, цивилизационное качество восточных структур выявило себя еще в

древности, о чем уже упоминалось, когда шла речь о специфике Западной Азии, Китая или Индии, не говоря уже о Египте. Но в средние века эта специфика не просто углубилась, она видоизменилась. Во-первых, потому, что лишь оформлявшиеся древние индо-буддийская и китайско-конфуцианская цивилизации обрели за полторы-две тысячи лет свой завершенный облик, устойчивые нормы жизни и системы ценностей: что-то отсеялось и ушло в прошлое, что-то вышло на передний план и стало определяющим и т. п. Во-вторых, потому, что вся ближневосточная зона оказалась под влиянием новой, возникшей именно в средние века исламской цивилизации, корни которой уходят как в древний Ближний Восток, так и в иудео-христианскую традицию, не говоря уже об иранском влиянии с его зороастризмом и административно-политической культурой.

Иными словами, средневековый Восток в цивилизационном плане стал много более определенным, чем то был Восток древний. Развитые религиозные системы (ислам и индо-буддизм) и приравненная к ним мощная этико-идеологическая система конфуцианства в сущности поделили между собой сферы не только культурного и политического, но также и идейного, религиозного, мировоззренческого воздействия, которое в свою очередь формировало как образ жизни и менталитет людей, так и формы их привычной социально-семейной жизни, административные связи и государственность. Даже в тех регионах, где, как в Юго-Восточной Азии, заметно воздействие разных, а то и всех трех великих восточных религиозно-цивилизационных систем, каждая из них представлена своими специфическими элементами, достаточно легко вычленяющимися. Впрочем, о специфике цивилизационных систем и об их влиянии речь специально пойдет в следующей части книги. Пока же важно подытожить именно то, что характерно только для средневековья или появилось и стало особенно заметным и значимым в это время.

Исламская государственность

В первую очередь, это ислам – ислам как религия, как цивилизация, как новая модель государственности. Будучи наиболее поздней из великих религий Востока, ислам вобрал в себя, как только что упоминалось, достаточно многое из религиозно-культурного наследия прошлого. Он преодолел религиозную рыхлость ближневосточной религиозно-культурной традиции древности и противопоставил ей стройность, даже жесткость догматической доктрины с ее пятью символами веры (исповедание, молитва, пост, милостыня и хадж), полной безоговорочной покорностью воле Аллаха, а также олицетворяющего его на земле пророка либо его заместителя (халифа) и всех помощников последнего. Религиозная жесткость придала исламу нетерпимость к инакомыслящим (неверным), вплоть до религиозной войны с ними (джихад, газават), а также создала почву для укрепления невидимыми, но неразрывными узами общины своих, мусульман (умма). Эта религиозная специфика сформировала и основные параметры исламской цивилизации с ее очевидной ориентацией на покорность обезличенной личности высшей силе и представляющей ее земной власти. Практически это нашло свое отражение в свойственной именно исламу, исламской цивилизации неразрывной слитности религии и политики, религии и

власти, религии и власть имущих.

Нечто похожее было и в Китае, где конфуцианская империя оказалась сильна и нерушима именно потому, что фундаментом ее было почитаемое в стране и игравшее роль главной официальной религии конфуцианство. Но в Китае конфуцианство не было никогда ни единственной, ни исключительной идеологической религиозной доктриной. Ислам же был именно исключительной религией, нетерпимой к любой другой. Поэтому исламская государственность, фундаментом которой были ислам как религия и ислам как цивилизация, оказалась наиболее сильной и воинственной, хотя и уступала во внутренней крепости и устойчивости той же китайской.

Именно она, исламская государственность, сыграла решающую роль в объединении всего столь различавшегося в древности в этническом, культурном, историческом и цивилизационном плане между собой конгломерата стран и народов в нечто монолитное, цельное, внутренне спаянное и цивилизационно (религиозно) единое. Даже несмотря на то, что халифат оказался не слишком жизнеспособным, исламская государственность устояла и восторжествовала, а на территории халифата и после его крушения, за редкими исключениями вроде Испании, сохранилась именно исламская государственность, дожившая в этом своем качестве до наших дней и не собирающаяся сдавать позиции и сейчас. К тому же исламская государственность в силу своей внутренней установки на непримиримость к инаковерию и воинственность на протяжении всей второй половины средневековья, т. е. после своего становления и достижения первых впечатляющих результатов (создание халифата), продолжала расширять сферы своего влияния. Именно воины ислама принесли в политически рыхлую и аморфную Индию все ту же исламскую государственность. Именно ислам, пусть на сей раз не в ходе войн, а в результате транзитных торговых контактов оказал воздействие на формирование государственности (исламской!) в Тропической Африке и Юго-Восточной Азии. Наконец, ислам в конце средневековья сумел вновь создать сильную империю (Османскую), которая вернула под свой контроль почти все земли халифата и в глазах просвещенных европейцев XVIII–XIX вв. стала своего рода эталоном классической восточной деспотии.

Исламская государственность внутренне сильна не только неразрывной слитностью религиозного и политического начал, но и чрезвычайной простотой ее административной организации. Это обстоятельство тоже сыграло свою роль, способствуя вовлечению в цивилизационный процесс и формированию государственных образований у отставших в своем развитии этнических общностей. Племенные государства, приняв форму султанатов, эмиратов или ханств, оказывались тем самым внутренне значительно более крепкими именно за счет подкрепления власти религией. Это видно на примере и Африки (с той непременной оговоркой, что даже ислам здесь не всегда помогал сделать внутреннюю структуру молодого государственного образования достаточно прочной – впрочем, это обычно было связано и с тем, что ислам воспринимался не целиком, не всеми, к тому же достаточно поверхностно), и Юго-Восточной Азии, и Центральной Азии (особенно у кочевников). Именно за счет распространения исламской государственности были в средние века значительно расширены границы ойкумены, а в зону цивилизационного развития оказались вовлечены

многие новые этнические общности, которые до того находились в своем развитии на уровне первобытности. Этому способствовала упомянутая уже простота административной организации: любой, даже самой примитивной иерархической структуры было достаточно для того, чтобы в условиях политического вакуума быстро создать государственное образование, как это выявилось на примере исламских братств-орденов, тех самых тарикатов, о которых уже упоминалось выше применительно к позднесредневековой Африке, но которые аналогичным образом могли функционировать – и функционировали – не только в Африке, но и в Азии (например, в Афганистане).

Наконец, сила исламской государственности была и в том, что, несмотря на огромную роль религии как таковой, на истовую религиозность мусульман, собственно религиозные обязательства подавляющего большинства населения (кроме ученых улемов) были не только до предела просты (молитва, пост, милостыня, хадж), доведены до элементарного обрядового автоматизма, но и всегда ориентированы на социально-политический стандарт. Иными словами, правоверные прежде всего обязаны быть лояльными членами общества, послушными подданными и в качестве таковых верными воинами ислама. Воинами в прямом и переносном смысле: если ты мусульманин, ты должен быть всегда готов к битве с неверными. Религиозная идеология на службе политике – это норма для стран ислама.

Транзитная торговля и кочевники

Обратим теперь внимание на другой существенный феномен восточного средневековья. Роль транзитной торговли, включая мореплавание, была необычайно большой уже в древности: именно благодаря ей возвысились и расцвели финикийские города, она же способствовала расцвету и многих других торговых центров, начиная с Вавилона. Торговые связи по Великому шелковому пути или по трансаравийской дороге вдоль моря соединяли европейские страны с Индией и Китаем и способствовали не только торговым, т. е. товарным, контактам, не только обмену вещами и раритетами, что само по себе очень важно, но и обмену достижениями культуры, идеями, нововведениями, открытиями. Далеко не всегда, вопреки принятым формулам, этот обмен был равновеликим, эквивалентным. Как раз наоборот, чаще всего влияли одни, а воспринимали чуждое влияние другие; но это не мешало тому, что в конечном счете свою выгоду от обмена имели все стороны. Именно это и поддерживало всегда транзитную торговлю, побуждало тех, кто в нее вовлечен, включая многочисленных посредников, активизировать свою деятельность и решительно преодолевать все препятствия, коль скоро они возникали. Торговля и дороги, пересекавшие страны и континенты, были той же животворной кровеносной системой в масштабах всей ойкумены, что и рыночно-частнособственнические связи, даже в их оскопленной восточной модификации, для каждого из социальных организмов, для любого отдельного государства.

Однако этим роль транзитной торговли не ограничивается. Уже упоминалось, что благодаря торговле в отдаленные регионы, будь то Тропическая Африка или Юго-Восточная Азия, проникали не только сами

по себе идеи, в том числе религиозно-культурные, в частности исламские, но и живые носители этих идей, ревностно пропагандировавшие их и энергично способствовавшие их распространению и практическому воплощению. Ведь именно следствием транзитной торговли как таковой было создание и в Тропической Африке, и в Юго-Восточной Азии городов и портов, становившихся анклавами ислама. А так как ислам воинствен и прозелитичен, то естественно и логично стремление выйти за пределы анклавов и добиться большего, что и было реализовано в упомянутых регионах. Этому, впрочем, способствовала и объективная ситуация. Для Африки это практически полный вакуум политической власти, а для юго-восточноазиатских стран – слабость политической власти, созданной там по индо-буддийской институционально ослабленной модели и при отсутствии той варно-кастово-общинной альтернативы, которая в самой Индии сохраняла удовлетворительный баланс сил.

Еще одна важная функция транзитной торговли – влияние ее на отсталые этнические общности, на племена и народы, еще только-только вступившие на путь формирования государственности, только начавшие воспринимать цивилизованный образ жизни. Уже шла речь о том, что средневековый период истории был отмечен именно приобщением новых территорий и целых регионов с населяющими их многочисленными племенами к цивилизации и государственности. Включение их в сферу торговых путей или зон, в обслуживание торговых операций как раз и являлось толчком для ускорения упомянутого процесса. Это хорошо видно на примере арабов. Трансарабская торговля создала благоприятные условия как для приобщения к ней бедуинов, которые со своими верблюдами служили посредниками при перемещении товаров, так и для обогащения шейхов бедуинских племен, уже вставших на путь формирования у них протогосударственных образований. Трансарабская торговля одновременно с этим способствовала возникновению и расцвету ряда арабских городов, таких, как Мекка, которые стали в середине I тысячелетия крупными торговыми центрами и быстрыми темпами шли по пути формирования протогосударственных структур.

Если продолжать далее, то легко сформулировать и более важный вывод: созданный арабами (пророком Мухаммедом) на рубеже VI–VII вв. ислам также в конечном счете является следствием и итогом транзитной торговли и всего, с нею связанного, включая распространение вдоль торговых путей различного рода идей и иных культурных ценностей и достижений. Транзитная торговля дала весомый толчок развитию арабов и подготовила условия для возникновения ислама, а ислам в форме воинственного религиозно-цивилизационного импульса преобразил весь Ближний Восток, в некотором смысле всю ойкумену.

Здесь важно оговориться. Транзитная торговля способствовала всему процессу не только и не столько непосредственно, т. е. как само по себе важное в жизни народов явление, но также и опосредованно, через определенный народ, через арабов, прежде всего через арабских кочевников, бывших наиболее динамичной и энергичной частью арабской этнической общности. И это вплотную сталкивает нас с непростой проблемой кочевников.

Кочевники, как и транзитная торговля, существовали задолго до средневековья. Уже на рубеже II–I тысячелетий до н. э. они были хорошо известны соседним земледельческим странам как люди, которые жили особым, отличным от земледельческого образом жизни и вели свое

специфическое животноводческое хозяйство. Специальное изучение кочевых племен показало, что в условиях изолированного от земледелия хозяйства, даже при сохранении спорадических контактов с земледельцами, в первую очередь торговых, кочевники в своем развитии не продвигаются далее протогосударственных структур, племенных протогосударств, – да и эти последние следует считать результатом не раз упоминавшегося уже процесса трибализации под воздействием опять-таки контактов с соседними государствами. Это в целом касается всех кочевников и может быть продемонстрировано на примере и бедуинов Аравии, и кочевников Великой евразийской степи, и тем более кочевых племен африканской саванны. Другое дело, когда какое-то племя кочевников оказывается поблизости от мощного и постоянного источника цивилизующего воздействия и по какой-то причине начинает активно контактировать с этим источником.

Здесь может быть несколько близких друг к другу вариантов. Первый (киданьский) – когда сильное кочевое племя складывается на окраинах могущественной империи, многое у нее заимствует, но при этом стремится сохранить свою самобытность. Второй (тюркский) – когда воинственные кочевники решительно меняют места своего обитания, а затем привычный образ жизни, вторгаясь в зону существования земледельцев и подчиняя себе их. Третий (монгольский), своего рода компромиссный, – когда под внешним воздействием создается сильное воинственное государство, которое вторгается в зону существования земледельцев, подчиняя себе одно их государство за другим, но пытаясь при этом хоть сколько-нибудь сохранить свою самобытность. В конечном счете все три варианта приводят к одному и тому же результату, смысл которого до предела прост и очевиден: покидая привычные места своего обитания и вступая в тесный контакт с земледельцами, тем более становясь правителями завоеванных земледельческих стран, кочевники слезают с коней и перестают быть кочевниками, во всяком случае в лице своих потомков.

Сказанное означает, что кочевники остаются кочевниками, пока и поскольку они обитают в привычных своих кочевьях. Уйдя оттуда и вторгаясь в зону обитания земледельцев, они исчезают с лица земли как кочевники. Поэтому, говоря о кочевниках, мы вправе оперировать теми, кто остается в кочевьях. Что характерно для них? Динамичность и то, что выше уже было названо пассионарностью. Я бы сказал даже определеннее: именно кочевники прежде всего отличаются тем, что именуется пассионарностью, как то было продемонстрировано арабами, тюрками и монголами, даже африканскими кочевыми племенами, не вспоминая уже о Великом переселении народов на рубеже древности и средневековья.

Пассионарность – это определенный заряд жизненной энергии, способность к изменению, к восприятию нового. Нового отнюдь не в смысле генеральной структуры отношений, а прежде всего в смысле обновления образа жизни, особенно в кризисной, критической для него ситуации. Внеся свой заряд, арабы под зеленым знаменем ислама вдохнули новые жизненные силы в древние ближневосточные цивилизации – этот феномен в каком-то смысле можно было бы назвать Возрождением. Тюрки проделали почти то же самое с одряхлевшей арабо-исламской цивилизацией спустя полтысячелетия. Менее всего сказанное относится к монголам: вся жизненная энергия монгольского

этноса была отдана жестокому разрушению созданного другими, так что здесь можно было бы говорить лишь о возвращении к прошлому, к доцивилизационному прошлому… Но даже монголы, кардинально изменив облик и судьбы многих народов, сыграли немалую роль в обновлении мира. Словом, факт остается фактом: кочевники пассионарны, т. е. активны и полны жизненной энергии, которая способна проявляться от случая к случаю и чье проявление везде, включая и Африку, находило свое выражение в подчинении земледельцев кочевникам. Неудивительно, что по меньшей мере часть этой энергии была успешно использована той самой транзитной торговлей, услуги которой были необходимы и земледельцам, и кочевникам. Словом, выход на передний план феноменов транзитной торговли и кочевников – это один из значимых моментов средневековой истории Востока.

Власть и собственник

Еще одна из проблем, уходящих корнями в глубокую древность, но заслуживающих внимания в свете всего того, что характерно для средневекового Востока, – вопрос о собственности. Процесс приватизации, знаменовавший собой определенный этап политогенеза, формирования государственности, расставлял акценты достаточно резко: государство как институт противостояло частному собственнику, видя в чрезмерном его усилении угрозу для своего существования (доходы казны) и для стабильности структуры в целом. Повсюду предпринимались соответствующие меры (от законов Хаммурапи до реформ типа шаньяновских), результатом которых стало достаточно четко отрегулированное взаимоотношение между властью и частником – даже в тех нередких случаях, когда высшие носители власти сами как индивиды были одновременно и собственниками, подчас достаточно крупными. Суть этого взаимоотношения всюду была однозначна, а смысл ее сводился к тому, что все государственное первично, а частное вторично, к тому же опосредовано тем же государством. Этот стандарт стал своего рода нормативом и воспроизводился везде, где процесс политогенеза достигал – скажем, в раннем средневековье – соответствующей ступени эволюции. Короче, для тех политических структур и протогосударств, которые формировались в средние века, проблем с приватизацией и вообще с частным собственником практически не было: все текло по уже хорошо освоенному руслу.

Но это не означает, что ничего не менялось. Конечно, частный собственник, освоившийся с вторичностью своего статуса, постепенно не только свыкся с ним, но и обрел ту социальную нишу, которая соответствовала и его статусу, и его запросам, возможностям и потребностям. Соответственно сложился и рынок – пусть оскопленный, лишенный потенций для саморазвития, но зато достаточно процветающий и богатый, не в последнюю очередь за счет той самой транзитной торговли, о которой только что шла речь. Этот рынок тоже вписался в предназначенное ему властями место, обрел свои формы и успешно реализовал свои возможности. Сформировавшиеся и созревшие таким образом рынок и собственник на средневековом Востоке стали играть заметную роль, и, что особенно важно подчеркнуть, эта роль никоим образом теперь уже не вела к ослаблению государства – во всяком случае

до тех пор, пока все оставалось в норме. Если ситуация выходила из нормы, как то наиболее рельефно видно на примере китайской империи с ее династийными циклами, то в ход пускался механизм реформ, экспроприировавших зарвавшихся собственников. Если же не помогало и это, то наступавший кризис делал свое дело: в огне социальных катаклизмов собственники гибли в числе первых, так что после преодоления кризиса норма восстанавливалась.

Итак, в пределах нормы рынок и собственник занимали ту нишу, которая соответствовала их месту и роли в жизни общества и не представляла угрозы государству. Соответственно складывался и менталитет собственника. Вообще-то говоря, этот менталитет исконно был сродни обычному менталитету подданного восточного государства. Никто из восточных собственников никогда и не мыслил себя иначе, как покорным власти подданным, даже если он ворочал миллионами и был, выражаясь словами китайских источников, «богаче князей». Известно, что любой выходец из простолюдинов, став богатым (разумеется, это не относится к тем, кто шел наверх по административной лестнице, обретая с каждой ее ступенью законную новую порцию престижа и прилагавшегося к нему в строгом соответствии с рангом богатства), больше всего заботился о престиже. Далеко не случайно с легкой руки Шан Яна Китайское государство, например, всегда в случае нужды запускало привычный механизм продажи рангов, должностей (чаще всего синекур) и даже ученых степеней (тоже с явственным знаком «проданная», «купленная»). Богатство возвращалось в казну, а богатый приобретал столь желанный и так высоко ценимый в обществе рангов и привилегий престиж.

И этот механизм, сводивший богатство собственника к престижу власть имущего или причастного к власти, так или иначе работал на Востоке везде и всегда, что сыграло свою роль: стремление к постоянному росту дохода, увеличению богатства во что бы то ни стало и любой ценой гасилось в зародыше, не говоря уже о том, что сами по себе стоявшие за этим стремлением инициатива, предприимчивость, энергия новатора не имели почвы для своего расцвета и потому не расцветали. Понятие «время – деньги», столь имманентное, характерное для любого связанного со свободным рынком предпринимателя, на Востоке не существовало и не могло там появиться. Зато желание уподобиться тому, кто имеет престиж, было постоянно действующим импульсом. Собственники всегда стремились вложить свое богатство в землю, даже если земля не приносила заметного дохода, по той простой причине, что владение землей дает землевладельцу престиж. Собственники вкладывали деньги в дом, в богатый выезд, в слуг и рабов – все это не приносило дохода, чаще было связано с солидными расходами, но зато гарантировало престиж, т. е. ставило владельца в ряд с теми, кто достиг административных высот и был причастен к власти. Я уж не говорю о желании собственников породниться с власть имущими со все той же целью обрести престиж.

Есть и еще один важный фактор, способствовавший изменениям во взаимоотношениях собственника и государства. Имеются в виду изменения в аграрных отношениях, вызванные либо медленной трансформацией самих этих отношений, как то было в индийской общине, либо реформами, как то было в Китае. Результатом в любом случае было сосредоточение в руках собственников контроля над большим клином земель, как юридически считавшихся частными (мульк в исламском мире

и аналогичные категории земли в других регионах), так и фактически оказавшихся под контролем собственников. В условиях отсутствия свободного рынка сделки с землей всегда были как-то завуалированы, открытых торгов земельных участков на Востоке в принципе никогда не бывало. Поэтому формально-юридически, т. е. для государства, вопрос земельной собственности обычно сводился к вопросу фактического владения землей[38]. А раз так, то и ренту-налог государство брало с того, кто землей владел, вне зависимости от того, крестьянин-общинник владеет своим наделом или собственник владеет землей, которую он небольшими наделами сдает тому же крестьянину, выступающему в данном случае по отношению к владельцу земли в функции арендатора.

Сказанное означает, что землевладелец, собственник мог в ряде случаев становиться чуть ли не основным налогоплательщиком или что его взнос в казну был достаточно весом, даже учитывая все ухищрения, о которых говорилось в связи со стремлениями богатых землевладельцев правдами и неправдами платить уменьшенный налог, например в Китае. А коль скоро так, то и государство начинало смотреть на стремление собственника обрести побольше земли как бы сквозь пальцы: не все ли равно, кто платит налог?! И только явный выход за пределы нормы, который влек за собой социальную нестабильность, заставлял то же государство, прежде всего китайское, вмешиваться и восстанавливать статус-кво, возвращая землю крестьянам. А в Индии, где все аграрные отношения регулировались внутри общины и не вызывали угрозы социальных катаклизмов, не было и этого: государству было абсолютно безразлично, кто владел землей, богатый или бедный, общинник или собственник; важно было лишь, чтобы положенную норму налогов община вносила в казну.

Обращает на себя внимание хорошо известное, но недостаточно осмысленное обстоятельство. Со времен III династии Ура или Древнего Египта Восток не знал ни системы плантаций, ни больших имений, ни барской запашки в поместьях, ни вообще чего-либо похожего, во всяком случае в сколько-нибудь экономически и социально значимых масштабах (небольшие хозяйства типа дворцовых, предназначенные для внутреннего обслуживания, можно в этой связи не учитывать). Все крупные земельные владения их владельцы обычно дробили и раздавали в аренду небольшими клочками. Почему? Да потому, что условий для существования крупного товарного хозяйства не было – опять-таки потому, что не было развитого свободного рынка. С потребностями мелкого местного рынка отлично справлялись мелкие земледельцы и те же арендаторы. За снабжение городов и вообще всех слоев населения, не связанных с производством пищи, отвечало государство, имевшее для этого развитую систему централизованной редистрибуции. Крупнотоварного же рынка не было, как не было и крупных товарных хозяйств, – дело это в конце концов хлопотное, способное принести не только доход, но и убытки. И коль скоро это никому не нужно, а сам факт владения землей дает богатому владельцу желанный престиж, который ценится выше, чем доход, то

38 Можно оставить в стороне те случаи, когда земля безусловно считалась государственной и выделялась в виде должносных наделов-кормлений на правах, скажем, икта, джагира или тимара. Речь идет так же и не о землях наследственной знати или гуань-тянь в Китае. Имеются в виду лишь те земли, которые принадлежали их владельцам, будь то общины в Индии или крестьянские поля минь-тянь в Китае и т. п.

зачем, во имя чего стремиться к погоне за сомнительной прибылью?

Так было институционализировано то, что вызывало беспокойство государства вначале. Частная собственность превратилась в слугу государства, перестав быть его опасным соперником. Тем самым был внесен едва ли не решающий вклад в основную проблему традиционного Востока – в проблему взаимоотношений государства и общества

Государство и общество

Хотя взаимоотношения с собственниками были едва ли не решающими для судеб восточного централизованного государства, важно сказать, что и отношения государства, аппарата власти, с обществом в целом, с социумом – таким, каким он был и в древности, тоже не остались без изменений. Суть перемен сводилась к институционализации и легитимизации тех форм взаимосвязей, которые сложились в древности. Лучше всего это видно на примере Индии и Китая, чья история как бы отчетливо распадается на древность, период формирования структуры, и зрелость, период ее устойчивого существования в средние века. Но в определенной мере это касается и Ближнего Востока: эллинизм, прервав связь традиций (до известной степени, разумеется), был заменен исламом, возродившим, институционализировавшим и легитимизировавшим генеральную структуру, созданную древними.

О чем идет речь? Неевропейское государство, в отличие от европейского антично-капиталистического, никогда не было тем, что марксизм именует надстройкой над базисом. Оно не ставило и не могло ставить своей целью выражение интересов господствующего класса собственников, ибо такого класса не было, да и государство было иным. Неевропейское государство с незапамятных времен всегда и везде было не только неотъемлемой частью неотчленимого от него социума, но и вершиной его. Включая в себя социум, венчая его, оно всегда возвышалось над ним и подчиняло его себе. Иными были и его функции. Конечно, кое-какие – защита страны, охрана порядка, организация внешних сношений, административно-территориальное правление, суд, взимание налогов и т. п. – вполне сопоставимы с функциями европейского государства, порой даже идентичны им. Но коренное отличие в том, что в неевропейском обществе государство являет собой высшую и ничем не ограниченную власть, перед которой трепещет и обязано трепетать все общество, снизу доверху, – в этом весь смысл разницы! И если в Европе власть зависит от баланса противоречивых тенденций в социуме (откуда и марксистская идея о классовых антагонизмах), то на Востоке авторитет власти ни от чего подобного не зависит. Он зависит только от силы самой власти, от эффективности централизованной администрации и в конечном счете от регулярного притока в казну гарантированной нормы дохода.

Именно такого рода стандарт веками складывался в древности. Он держался на силе традиций, опирался на сакральный авторитет богов и был нужен в конечном счете привыкшему к нему социуму. Нужен ради сохранения привычной и в целом благодатной для социума консервативной стабильности. Выше уже упоминалось, что ослабление власти центра вело к эффекту феодализации и что феодальная децентрализация к изменению привычного статуса восточного государства не вела – изменялся лишь масштаб структуры. Но в том-то и

суть, что это изменение масштаба и появление вместо большого государства группы враждующих друг с другом мелких не безвредно и не безобидно для социума. Как это хорошо видно на примере позднечжоуского Китая или раннесредневековой Индии, группа враждующих государств создает эффект политической неустойчивости, нестабильности, что в конечном счете болезненно отражается на социуме. Неудивительно поэтому, что социум объективно, да и субъективно всегда был за сильное государство. Сильное же государство, гарантируя желанную стабильность, надевало на шею социуму крепкое ярмо. В итоге получается, что социум сам стремится к ярму, ибо с ним привычно и есть гарантия от нежелательных случайностей, от крупномасштабных бедствий.

Выработке такого рода поведения и психологии способствовала сама жизнь. Но существенно добавить к этому, что в том же направлении действовали и институциональные факторы. Система социальных корпораций, которая сложилась в древности (семья, клан, община, каста, секта, цех, землячество и т. п.), постепенно институционализировалась и приспосабливалась к нуждам государства, пока не достигла в этом смысле своего рода совершенства, что произошло именно в средние века. Речь идет об идеально отлаженном конфуцианском административном аппарате, низовой ячейкой которого были старшие в деревнях и ответственные в рамках пятков или десятков, на которые нередко делилось сельское население. То же самое можно увидеть в идеально отработанной системе джаджмани, свойственной средневековой индийской общине. Да и мусульманская махалля (квартал) и некоторые другие формы организации сельского и городского населения в странах ислама отражают все ту же тенденцию. Суть ее в том, что институционализация и легитимизация ряда привычных форм социальной организации и низовой администрации энергично способствовали устойчивости внутренней структуры, формированию эталона и идеала консервативной стабильности в рамках социума.

На страже этой нормы, этой стабильности теперь, в средние века, стояли уже не ранние формы религии, но развитые религиозные системы. И это тоже новый фактор, сыгравший свою роль и внесший свой вклад во все тот же процесс стабилизации и консервации взаимоотношений государства и социума. Официальное китайское конфуцианство, средневековый индуизм, ислам и буддизм в различных их модификациях – это и есть те развитые религиозные системы, о которых идет речь. Общее для всех них то, что они концентрируют свое идеологическое и институциональное воздействие именно на укреплении консервативной стабильности, в каждом случае делая это по-своему, в зависимости как от собственной доктрины, так и от обстоятельств.

Санкционированные религией этические нормы были законом для средневекового восточного общества. Религиозным (или санкционированным равной религии системой, какой было конфуцианство) был и сам закон в таком обществе. Лучше всего это видно на примере мусульманского шариата, которым руководствовались в своих действиях и решениях все кади мусульманского мира. Но приблизительно то же самое можно видеть и там где, как в танском Китае, существовали многотомные своды законов. Казалось бы, законы эти – административные и уголовные. Однако стоит познакомиться с ними поближе, чтобы убедиться в том, что они – конфуцианские. Иными

словами, они своим авторитетом служат все тому же неколебимому авторитету конфуцианства с его вошедшими в жизнь и ставшими традицией моральными и вытекающими из, них иными, в том числе пенитенциарными, нормами.

Нормы, о которых говорится, не всегда были общими и одинаковыми для всех. Они могли быть различными у разных групп населения даже в рамках одного и того же государства. Там, где люди, живущие в соответствии с нормами разных религий, тесно соприкасались, у каждой религиозной общины нормы были свои, хотя, вступая в общение с представителями иной общины, все обязаны были считаться с существованием иных норм, что, впрочем, никак не колебало их преданности по отношению к нормам своим. Но в любом случае сумма господствующих традиций, привычек, стереотипов – это непреложный закон, обязательный для всех. Без этого закона, без привычных норм люди просто не могли нормально существовать.

Особенно это заметно, если уделить внимание феномену крестьянских восстаний. В отечественной марксистской историографии принято было считать, что эти восстания «антифеодальные», что они призваны были выразить недовольство народа существующим строем и тем послужить «локомотивом истории», т. е. способствовать переходу к новому строю, новой формации. Нет ничего более бездоказательного, чем подобный постулат. Прежде всего, крестьянское восстание не в состоянии создать почву для нового строя (иной формации – по истмату). Тем более они не «антифеодальны», причем не только потому, что на Востоке не было феодализма как формации, но также вследствие того, что восставшие крестьяне никогда не выступали против землевладельцев как враждебного им класса. Направленность всех крестьянских движений на традиционном Востоке, независимо от того, какой облик эти движения принимали, какую роль играла в них религиозная оболочка, всегда была в принципе одинаковой и сводилась к решительным требованиям восстановить статус-кво, разрушенную норму.

Дело в том, что крестьяне обычно наиболее консервативны по образу и основам их жизни. Существующую норму они привычно считают приемлемой, даже справедливой, а государство в лице его представителей воспринимают в качестве гаранта этой нормы. Гарантированная стабильность в жизни крестьянина – едва ли не высшая абсолютная ценность. Конечно, это не исключало того, что в подсознании крестьянина сохранялись восходящие к первобытной древности идеалы эгалитаризма. Но идеализованные утопии такого рода были при сохранении нормы в латентном состоянии, да и то далеко не у всех, чаще всего лишь у сравнительно бедных и обездоленных. И хотя в периоды кризисов эти эгалитарные представления порой выходили на передний план и задавали тон всему движению восставших, реальной целью движения недовольных крестьян всегда оставалось стремление к восстановлению утраченной нормы и гарантированной стабильности их существования. Поэтому крестьянские восстания не только не были «антифеодальными», но и вообще не ставили своей целью выступление против существующего строя как такового. Напротив, их целью было восстановление, укрепление, стабилизация ранее существовавшего и нарушенного в результате кризисов и злоупотреблений порядка. Корень же зла крестьяне видели обычно не в государстве, а в его нерадивых представителях на местах, которых следовало поставить на место. Важно

заметить и еще одно: в огне крестьянских движений прежде и ярче всего горели богатые хозяйства и дома. Страдали более других именно собственники, имущие – т. е. как раз тот самый слой, который потенциально представлял собой новый строй, к которому только и могли, по принятым в истмате представлениям, стремиться «антифеодально» настроенные крестьяне. Эгалитарное равенство и восстановление попранной справедливости восставшие видели только и именно в ликвидации богатых собственников и в восстановлении той привычной нормы, когда существуют заботящиеся о низах верхи (государство и его придерживающиеся справедливой нормы представители на местах) и обслуживающие потребности – разумные потребности! – верхов низы, т. е. прежде всего производители-крестьяне.

Если считать, что крестьяне, о которых только что шла речь, это и есть общество, во всяком случае базовая основа восточного традиционного социума, то есть основание повторить уже высказанный тезис: само общество нуждалось в безусловном подчинении его государству при непременном условии осуществления этим государством его эффективной власти, гарантирующей устойчивую консервативную стабильность. А коль скоро так, то нельзя не признать, что система политической администрации в традиционных восточных обществах базировалась на весьма прочных, фундаментальных социальных основах. Общество в лице прежде всего крестьянства не претендовало на права и правовые гарантии, не ставило перед властями требований об уважении и достоинстве. Это общество довольствовалось минимумом нормативных стандартов и выше всего ценило их незыблемость, а в конечном счете – тот самый отеческий порядок, ту самую крепкую руку с палкой, которая одна только и могла, по существующим и восходящим в глубокую древность представлениям, обеспечить столь желанную для крестьянина стабильность его существования. И метафора о «поголовном рабстве» на Востоке во многом восходит именно к этой психологии, столь разительно контрастирующей с теми стандартами, что были выработаны в рамках гражданского общества в античности, – при всем том, что там рядом с гражданами существовали и противопоставленные им в правовом и социальном плане рабы, рабы настоящие, в полном смысле этого слова, а не по своей психологии.

Традиционное восточное общество и его потенции

Если традиционное восточное общество и его базовая основа – крестьянство – в принципе вполне соответствовали классическому восточному государству, если между обоими этими институтами было достаточно гармоничное взаимодействие, если государство уверенно доминировало и господствовало над обществом, а общество было заинтересовано именно в этом, то резонно ставить вопрос о том, каковы потенции эволюции восточных структур (именно в плане потенций эволюции общества). Государство, опирающееся на власть-собственность, имеющее немыслимо высокий статус, абсолютное могущество, высший авторитет, полную власть, – такое государство само по себе ни в какой эволюции не заинтересовано. От добра добра не ищут! Традиционное восточное государство в наивысшей степени консервативно и заинтересовано в устойчивой стабильности и в регенерации в случае

кризиса. Тенденция его эволюции – от неполной устойчивости к полной, от недостаточной централизации к наивысшей из возможных, от критически ослабленного состояния (если таковое наступило) к полной силе. Собственно, в этой тенденции проявляется и та динамика исторического процесса с ее спирально-цикловым движением, о которой уже достаточно подробно шла речь. Но это государство. И хотя именно государство в традиционных восточных обществах определяет структуру в целом, теоретически можно поставить вопрос о потенциях социума.

Только что на примере вопроса о крестьянских восстаниях уже было сказано о том, что традиционный восточный социум не только соответствовал восточному государству, но и был заинтересован в сохранении статус-кво. Если бы дело обстояло иначе, общество в лице определенных влиятельных его слоев вполне могло бы – скажем, в те же моменты массовых народных движений, крестьянских восстаний – избавиться от ненавистной ему опеки всесильного государства и создать нечто новое. Впрочем, иногда нечто подобное действительно проявляло себя – вспомним о сектантских движениях карматов или даосов, создававших свои государства. Но не следует путать видимость с реальностью, выдавать желаемое за действительное. Да, карматы или даосы подчас создавали новые государственные образования, в рамках которых государство принимало религиозно-сектантскую форму и несколько внешне видоизменялось. Но менялась ли при этом его суть? Становилось ли оно более демократичным? Не претендующим на абсолютное повиновение подданных и власть над ними? Открывающим принципиально новые просторы для эволюции?

Нет и еще раз нет. Все эти государства, да и вообще все теократические структуры (а речь идет в данном случае именно о них), наиболее заметной из которых в позднем средневековье можно считать тибетское государство далай-ламы, сохранившее свой традиционный облик и после включения его в цинскую империю, принципиально отличались от остальных разве что тем, что чиновниками в них были священники, а функции политической администрации выполняла религиозная организация. Во всем же остальном это не только были типичные восточные государства с их претензией на абсолютную власть, но и в некотором смысле государства в квадрате, ибо верхи в рамках этих государств претендовали не только на светскую, но еще и на духовную абсолютную власть над низами. И даже если роль палки, функции аппарата насилия, выполняло при этом духовное давление, суть ситуации от этого не менялась. Общество в рамках такого рода теократического государства могло быть только еще более приниженным, невежественным и отставшим в своем развитии, чем в обычном восточном государстве.

Вернемся к исходному тезису: традиционный восточный социум полностью соответствовал своему государству и, более того, был заинтересован в сохранении этого соответствия, в дальнейшем пребывании под давлением со стороны государства. Любое ослабление давления, связанное с ослаблением государства, вело к критическим явлениям и вызывало нарушения, которые болезненно сказывались на социуме. Неудивительно поэтому, что социум в форме народных массовых движений обычно выступал за ликвидацию нарушений и возвращение к желанной норме, что он был в не меньшей мере, нежели государство, заинтересован в сохранении устойчивой консервативной стабильности. Но если так, то как обстоит дело с потенциями средневекового восточного

социума? Вопрос можно поставить и еще конкретнее: как выглядели и в чем проявлялись эти потенции – если они все же были – на средневековом Востоке, особенно накануне или в условиях уже начавшейся колонизации?

И хотя более детально об этой проблеме пойдет речь в следующем томе, уместно сделать сейчас несколько замечаний общего характера. О крестьянстве как важнейшем базовом элементе традиционного восточного общества уже шла речь. И хотя крестьянство социально не безлико, а в его среде всегда была пусть небольшая, но влиятельная прослойка людей богатых и связанных с рынком, с частной собственностью, в целом интересы крестьян вполне очевидны: существующий статус-кво при условии сохранения нормы в принципе удовлетворителен для всех; нарушение же его чревато непредсказуемыми последствиями и в силу этого для всех нежелательно – и для массы, и для верхнего богатого слоя. Менее всего теряют от катаклизмов, кризисов и нарушений нормы низшие слои крестьянства, бедные и обездоленные. В немалой степени именно поэтому они активнее других слоев примыкают к массовым движениям протеста и интуитивно стремятся к каким-то переменам. Но на уровне осознанных желаний эти латентные стремления, как говорилось, не идут далее эгалитарных лозунгов, не имеющих практических шансов на реализацию. Как о том наиболее убедительно свидетельствуют не раз побеждавшие крестьянские движения в периоды кризисов в китайской империи, эгалитаризм после победы восстания проявляется лишь в равном праве каждого пахаря на свое поле. Такого рода эгалитаризм вполне вписывается в существующую и даже желанную для государства норму. Поэтому мы вправе говорить, что крестьянство в целом, в лице всех его слоев (масса, богатое меньшинство собственников и радикально настроенные бедняки), не демонстрирует, да и не имеет необходимых потенций для изменения структуры. Да оно и не желает перемен, опасается их.

Но сводится ли общество и его потенции только к крестьянству? Вполне очевидно, что нет. И это особенно характерно для средневекового восточного общества, знакомого с большими городами, развитым ремеслом и торговлей. Как же обстоит дело с городами и городским населением? Социально это пестрый слой лиц различных занятий и очень разного статуса, от правящих верхов (значительная часть, большинство их живет в городах) до деклассированных изгоев (понятие «деклассированные» в контексте данной работы не очень-то уместно, но смысл его соответствует тому, о чем идет речь). Помимо ремесленников и торговцев в городах живут чиновники и жрецы, военные, множество обслуги, включая рабов, немалое количество учащихся и грамотеев, лица так называемых свободных профессий – гадатели, актеры, врачеватели и т. д., вплоть до нищих и проституток. Чем все они довольны или недовольны, к чему стремятся, каковы их потенции, социальная сила?

Следует сразу же заметить, что традиционный восточный город в целом точно так же строго ориентирован на стабильное существование и сохранение статус-кво, как и все общество, как и государство в целом. Каждый из перечисленных слоев как-то приспособлен к существованию в рамках занятой им социальной ниши. Это не значит, что никто не стремится к лучшему и не поменял бы свое место при случае на более престижное и выгодное. Но, если не считать кастовых ограничений в Индии, обычно никому это и не возбраняется. Дерзай, если можешь и

хочешь. Социальная мобильность на традиционном Востоке, кроме кастовой Индии, весьма заметна, ее не сравнишь с сословной замкнутостью в феодальной Европе. Вчерашний раб нередко становится всесильным эмиром, бедняк – высокопоставленным чиновником-интеллектуалом в системе правящей китайской бюрократии и т. д. Но это касается только взаимозаменяемости в пределах, если можно так выразиться, личного состава того или иного социального слоя. Сам же слой от такого рода перемен в индивидуальных судьбах своего статуса не изменяет и остается в пределах той ниши, которую традиционно занимает. Поэтому индивидуальные потенции человека реализуются сравнительно беспрепятственно (это в меньшей степени касается кастовой Индии, но и там не совсем все двери закрыты для способных и настойчивых). А вот что касается социальных и социально-экономических, то с ними сложнее.

Потенции городского населения – если иметь в виду такие, которые способны вывести структуру в целом из привычных для неё условий существования и тем способствовать ее радикальной трансформации, – значительно большие, чем в деревне. Ремесло и тем более торговля, да и весь городской быт тесно связаны с рынком. Именно здесь широкий простор для инициативы, предприимчивости, деловой энергии. И это не пустые слова. Вспомним, что китайцы в Юго-Восточной Азии, оказавшись вне пределов всесильного китайского государства, в условиях сравнительно слабых государственных образований, довольно быстро забирали в свои руки чуть ли не весь местный рынок. Это значит, что о возможностях по крайней мере какой-то части городского населения можно говорить с немалой долей уверенности. Но, во-первых, государство прочно закрывает выход за пределы дозволенной и строго контролируемой нормы (просто пределы этой нормы, скажем, в Китае и в Юго-Восточной Азии были разными). Во-вторых, столкнувшись с реальностью и смирившись с нею (плетью обуха не перешибешь!), городские слои привычно гасят свои стремления – если они есть – и традиционно вписываются в статус-кво, будучи в конечном счете заинтересованы в его сохранении так же, как и весь социум в целом.

Здесь важно обратить особое внимание еще на один момент. Потенции социума на всем Востоке примерно одинаковы, если вести речь о возможности самостоятельно, без кардинальной ломки структуры со стороны внешних сил (колониализма), создать новую структуру. Но, коль скоро такого рода ломка уже произошла, а сломавший структуру колониализм требует от социума как-то приспособиться к изменившимся условиям, многое зависит от того, о каком именно обществе идет речь. Играют свою роль самые различные обстоятельства: и древность традиции, и объем накопленного опыта, и культура, организация, дисциплина труда, и религиозно-культурные стимулы жизни и деятельности человека, и многое другое. Но обо всех этих глубинных потенциях восточных традиционных обществ специально пойдет речь далее.

Пока же, как бы подводя итоги восточному средневековью, следует заметить, что колониализм на протяжении ряда веков (XVI–XVIII) немало сделал для решительной ломки традиционного Востока. Вторгаясь на восточные рынки, навязывая собственные взгляды и принципы социального и этического поведения, властно диктуя закон прибыли, он кое-чего добился. Но в общем немногого. Часть восточных государств

почти наглухо закрыла свои границы от его хищных лап. Другие оказались его жертвами. Но и они отнюдь не спешили подстроиться под его стандарты, принять его требования и изменить привычной норме. Конечно, в условиях колонизации норма не могла не подвергнуться определенной трансформации. Но для страны и народа она по-прежнему оставалась привычной нормой, к сохранению которой общество стремилось всеми силами. Словом, вплоть до XIX в., практически до середины этого века, Восток, несмотря на колонизацию, оставался тем же, что и был прежде. Это не значит, что ничего в нем не изменялось, – особенно там, где колонизаторы были хозяевами, как в Индии или Индонезии. Но изменения оставались во многом внешними и несущественными. Показательно, что, даже лишившись традиционного восточного государства, своего гаранта консервативной стабильности (его место в той же Индии заняли англичане с их в принципе построенной на совершенно иных основах администрацией), восточный социум упорно стремился сохранить привычные формы существования – настолько, насколько это возможно. Именно на это самосохранение и были мобилизованы все его немалые потенции. О том, насколько это удалось и какими были результаты, пойдет речь в следующем томе.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК